

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

ИЗВѢСТІЯ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО
ИНСТИТУТА
КНЯЗЯ БЕЗБОРОДКО

ВЪ НѢЖИНѢ.

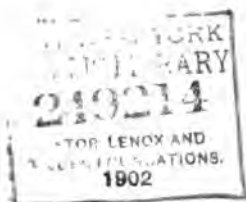
Томъ XV.

НѢЖИНѢ.

Типо-литографія Венгера, д. Глезерѣ.

1895.

Напечатано по опредѣленію Конференціи Историко-
Филологическаго Института Князя Безбородко.

Директоръ Института Ф. Гельке.

Содержаніе.

- ✓ I. Гимназія высшихъ наукъ Кн. Безбородко. 1820—1832. (къ 75-лѣтію со дня основанія). Историческій очеркъ. *Е. В. Пытухова.*
 - ✓ II. Очерки изъ исторіи Лицея Князя Безбородко (1832—1875). *И. А. Сребничаго.*
 - ✓ III. Памятная книжка Историко-Филологическаго Института Князя Безбородко, изданная по случаю двадцатилѣтія существованія Института (1875—1895).
 - IV. Замятка объ основной библіотекѣ Историко-филологическаго Института Князя Безбородко. *А. В. Добиаша.*
 - ✓ V. Замятки о нѣкоторыхъ рукописяхъ, хранящихся въ библіотекѣ Историко-филологическаго Института кн. Безбородко. *Е. В. Пытухова.*
 - ✓ VI. Письма Н. В. Гоголя къ Н. Я. Прокоповичу (1832—1850). Второе изданіе, свѣренное по подлинникамъ, исправленное и пополненное, съ присоединеніемъ четырехъ писемъ Прокоповича къ Гоголю и двухъ фототипическихъ снимковъ. *Е. В. Пытухова.*
 - ✓ VII. Замятка о картинной галлерей Института Князя Безбородко. *И. Г. Турцевича.*
 - ✓ VIII. Г. Нѣжинъ въ началѣ XIX вѣка, по описанію московскихъ путешественниковъ. (Замятки къ исторіи города). *М. Н. Бережкова.*
 - ✓ IX. Еще нѣсколько образцовъ народныхъ историческихъ гѣсенъ, записанныхъ во Владимірской губерніи. *М. Н. Бережкова.*
 - ✓ X. Культъ Весты въ древнемъ Римѣ. (Продолженіе). *И. Г. Турцевича.*
 - ✓ XI. Русскія нарѣчія: домой, долой. *Е. Ѡ. Карскаго.*
 - ✓ XII. Семень Сергѣевичъ Бобровъ. (Историко-литературный очеркъ). *С. Н. Браиловскаго.*
 - ✓ XIII. Миеологія Слова о полку Игоревѣ. *И. В. Сребрянскаго.*
-

ГИМНАЗІЯ
ВЫСШИХЪ НАУКЪ

КН. БЕЗБОРОДКО

ВЪ НѢЖИНѢ.

1820 — 1832

(къ 75-лѣтію со дня основанія).

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Е. В. ПѢТУХОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева и К^о., Фонтанка, 95.
1895.

Извлечено из Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, сентябрь 1895 г

ОТЪ АВТОРА.

19 апрѣля 1895 года исполняется 75 лѣтъ со дня основанія въ Пѣжинѣ высшаго учебнаго заведенія имени князя Безбородко, существовавшаго сначала подъ именемъ Гимназiи Высшихъ Наукъ (1820—1832), потомъ Физико-математическаго Лицея (1834—1840), Юридическаго Лицея (1840—1875), наконецъ нынѣ существующаго (съ 1875 года) Историко-филологическаго Института.

Благодарная память къ просвѣщеннымъ жертвователямъ обязываетъ Историко-филологическiй Институтъ кн. Безбородко вспомнить о томъ учрежденiи, изъ котораго самъ Институтъ вышелъ путемъ послѣдовательныхъ измѣненiй, и которое имѣло тѣ же цѣли служенiя высшему образованiю въ предѣлахъ Малороссiи.

I.

Обстоятельства, предшествовавшія открытію гимназій.—Первый почетный попечитель и его дѣятельность относительно гимназій до ея открытія.—
Уставъ гимназій высшихъ наукъ князя Безбородко.

Первая половина царствованія императора Александра I была ознаменована усиленнымъ стремленіемъ правительства къ распространенію просвѣщенія. Министерство народнаго просвѣщенія, учрежденное въ 1802 году, одновременно съ семью другими министерствами, съ самаго же начала своего существованія привлекло къ себѣ особенное личное вниманіе молодого и благороднонастроеннаго Государя. Однимъ изъ главныхъ органовъ этого министерства было „главное управленіе училищъ“, замѣнившее собою существовавшую еще съ 1782 года „комиссію“ по народному образованію, которая въ первые годы новаго царствованія выработала общій планъ устройства учебнаго дѣла въ имперіи, Высочайше утвержденный 24-го января 1803 года. Глава министерства получилъ названіе „министра народнаго просвѣщенія, воспитанія юношества и распространенія наукъ“, въ чемъ можно видѣть желаніе правительственной власти поставить дѣло „просвѣщенія“ на широкія основанія и дать ему характеръ и смыслъ такой общегосударственной потребности, которая вытекаетъ не изъ тѣсныхъ интересовъ того или инаго сословія, но изъ условій жизни и благоденствія всего русскаго народа. Вмѣстѣ съ дѣятелями прежняго царствованія, графомъ П. В. Завадовскимъ и М. Н. Муравьевымъ, изъ которыхъ первый былъ назначенъ на постъ министра, а второй—его товарища, Государемъ привлечены были къ

дѣлу народнаго просвѣщенія и ближайшіе друзья его—князь А. А. Чарторыйскій, графъ П. А. Строгановъ, Н. Н. Новосильцевъ. Эти лица составляли интимный кружокъ Государя, который при его содѣйствіи приводилъ въ исполненіе свои смѣлые и энергическіе планы и начинанія касательно укрѣпленія и распространенія въ Россіи просвѣщенія ¹⁾). Ближайшимъ результатомъ дѣятельности „главнаго управленія училищъ“ было утвержденіе въ 1803 году, 18-го мая и 12-го сентября, уставовъ Виленскаго и Дерптскаго университетовъ, а 5-го ноября 1804 года былъ утвержденъ новый типъ университетскаго устава, по которому былъ преобразованъ Московскій университетъ, получившій новую внутреннюю организацію и увеличеніе матеріальныхъ средствъ, изъ которыхъ и то и другое самымъ выгоднымъ образомъ отразилось на жизни и характерѣ дѣятельности этого учрежденія. Въ 1805 году съ тѣмъ же уставомъ основано было два новыхъ университета, Харьковскій и Казанскій.

Чрезвычайныя усилія правительства, не жалѣвшаго средствъ для поднятія просвѣщенія въ государствѣ, послужили примѣромъ для подражанія частнымъ лицамъ и общественнымъ группамъ, которыя спѣшили приносить огромныя денежныя и имущественныя жертвы для учрежденія учебныхъ заведеній. Въ виду того, что дѣятельность „главнаго управленія училищъ“ была направлена главнымъ образомъ на высшія учебныя заведенія, и наиболѣе крупныя пожертвованія также обращались всего скорѣе на этотъ предметъ: нельзя умолчать тутъ въ особенности о громадныхъ пожертвованіяхъ дворянства Харьковской и Екатеринославской губерній на Харьковскій университетъ и щедрыхъ дарахъ П. Д. Демидова въ пользу Московскаго университета и на основаніе „высшаго училища“ въ Ярославлѣ ²⁾).

Къ этой же порѣ благородныхъ просвѣтительныхъ стремленій относится и весьма значительное пожертвованіе, давшее начало существованію въ Нѣжинѣ высшаго учебнаго заведенія.

Знаменитый вельможа Екатерининской эпохи, ближайшее довѣренное лицо императрицы Екатерины, любимецъ императора Павла,

¹⁾ *М. И. Сухомлиновъ*. Исслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію. Т. I, С. II. 1889, стр. 4—5, 7—13.

²⁾ *Богдановичъ*. Исторія царствованія императора Александра I и Россіи въ его время. Т. I, стр. 155—157; *Аристовъ*. Состояніе образованія въ Россіи въ царствованіе Александра I. Извѣстія историко-филологическаго института князя Бесбородко. Т. III, 1879, стр. 91—94.

государственный канцлеръ, свѣтлѣйшій князь Александръ Андреевичъ Безбородко, одинъ изъ богатѣйшихъ русскихъ людей своего времени, въ „Запискѣ для моего духовнаго завѣщанія“, относящейся къ послѣднему (1799) году его жизни, въ пунктѣ 7-мъ, писалъ: „Изъ доходовъ моихъ отлагать въ первыя пять лѣтъ по десяти тысячъ, для того что тутъ надобно разные долги платить, а потомъ по двадцати тысячъ въ теченіе осьми лѣтъ, внося ихъ въ ломбардъ, а изъ суммы сей и составить доходы на содержаніе богадѣленъ для престарѣлыхъ и убогихъ, гдѣ угодно будетъ правительству приказать“¹⁾. По смерти князя А. А. Безбородка всѣ имуществва его унаслѣдоваль его братъ графъ Илья Андреевичъ Безбородко, такъ какъ князь Александръ Андреевичъ умеръ, не оставивъ послѣ себя потомства. Формальнаго духовнаго завѣщанія покойный не оставилъ, и потому желаніе касательно устройства богадѣленъ, выраженное въ приведенномъ пунктѣ „Записки“, по разнымъ личнымъ обстоятельствамъ графа Илья Андреевича, не получило немедленнаго исполненія.

Добросердечный, щедрый и высокочтившій память знаменитаго брата, но много уступавшій ему въ энергіи и подвижности, графъ Илья Андреевичъ только черезъ шесть лѣтъ получилъ возможность ближайшимъ образомъ выкнуть въ дѣла и желанія покойнаго князя и сталъ обдумывать средства для приведенія въ исполненіе благотворительныхъ намѣреній брата. Въ этомъ онъ нашель себѣ дѣятельнаго помощника въ лицѣ графа В. П. Кочубея, своего и князя Александра Андреевича племянника, воспитаннаго въ домѣ покойнаго канцлера и имъ облагодѣтельствованнаго, бывшаго впослѣдствіи предсѣдателемъ государственнаго совѣта и комитета министровъ при императорѣ Николаѣ I и умершаго въ 1834 году въ званіи государственнаго канцлера по внутреннимъ дѣламъ. Въ совѣщаніяхъ принимали участіе еще князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ и О. Ст. Судіенко, повѣренный въ завѣдываніи имѣніями графа Безбородко, другъ его дома и совѣтникъ. Графъ Илья Андреевичъ не только готовъ былъ исполнить желаніе брата относительно опредѣленной имъ на благотворительную цѣль суммы, но пожелалъ и со своей стороны эту сумму увеличить; вопросъ былъ только въ томъ, въ какой именно формѣ эту цѣль осуществить. Такъ какъ воля покойнаго князя объ устройствѣ богадѣленъ была выражена не формально, а

¹⁾ *Н. Григоровичъ*. Канцлеръ князь А. А. Безбородко въ связи съ событіями его времени. Т. II. С.-Пб. 1881, стр. 647.

лишь только въ частной „Запискѣ“, а между тѣмъ въ это время и умы правительственныхъ лицъ, во главѣ съ Государемъ, и частныхъ лицъ были обращены на вопросы народнаго просвѣщенія, и съ разныхъ сторонъ сыпались крупныя пожертванія на высшія просвѣтительныя цѣли, то весьма естественно, что исполнителямъ воли князя Александра Андреевича, не выходя изъ рамки широко-благотворительныхъ предначертаній покойнаго, пришло на мысль послѣдовать въ данномъ случаѣ общему примѣру, и вотъ въ апрѣлѣ 1805 года графъ В. П. Кочубей такъ писалъ графу Ильѣ Андреевичу Безбородко: „Усердствуя съ ними (то-есть съ княземъ А. Б. Куракинѣмъ и Судіенкомъ) вмѣстѣ, чтобъ предположеніе Ваше наилучшимъ образомъ устроено быть могло, мы много разсуждали, какое именно общепользное заведеніе имени покойнаго князя посвящено быть могло. Призрѣнія бѣдныхъ, богадѣльни, больницы, малыя училища вездѣ или есть, или къ основанію назначены; итакъ, что было избрать для употребленія капитала вашего? Мы обратились на примѣръ г. Демидова, который въ Ярославлѣ учредилъ гимназію высшихъ наукъ, то-есть, училище нѣкоторымъ образомъ университету соответственное, и разсуждали, что какъ Малороссія университета не имѣетъ ¹⁾, да и дворянскія училища, на кои въ обѣихъ губерніяхъ до милліона дать хотѣли, состояться не могутъ, бывъ несообразны общей системѣ для училищъ принятой, то существенная польза для края сего быть можетъ, если вы соорудите подобное заведеніе“. Въ этомъ же письмѣ, нѣсколько далѣе, графъ Кочубей касается и мѣста въ Малороссіи, предназначеннаго для устройства тамъ гимназіи высшихъ наукъ, причемъ присоединяетъ горячее свое желаніе, чтобы не только по содержанию, но и по размѣрамъ своимъ пожертваніе было исполнѣе достойно имени покойнаго князя: „Смѣю просить Васъ, чтобъ, если Вы на что-либо рѣшитесь, то чтобы уже по возможности не умалять назначеній вашихъ, и лучше уже ничего не предпринимать, нежели сдѣлать что-нибудь неполное. Городъ весь говоритъ уже о пожертвованіи вашемъ... Я осмѣливаюсь также припомнить, чтобы присланъ былъ при письмѣ Вашемъ и планъ дому вашего и саду въ Нѣжинѣ. Мѣсто сіе такъ хорошо, что въ здѣшнемъ холодномъ климатѣ покажется оно раемъ небеснымъ. Я признаюсь, что и самъ я былъ прельщенъ однимъ въ про-

¹⁾ Харьковскій университетъ былъ тогда только еще назаунѣ своего существованія.

ѣздъ въ чужіе края и теперь удивляюсь, какъ въ Малой Россіи такой садъ аглицкій есть“¹⁾). Результатомъ добрыхъ намѣреній графа Илья Андреевича Безбородка, а также этихъ стараній и совѣтовъ близкихъ къ нему людей, была всеподданнѣйшая записка графа 19-го іюля 1805 года. Упомянувъ въ ней вначалѣ объ оставшейся „Запискѣ для составленія духовнаго завѣщанія“ князя Безбородка, въ которой покойный выразилъ желаніе употребить извѣстную часть своихъ средствъ на дѣла благотворенія, графъ Безбородко пишетъ: „Получивъ въ наслѣдство имѣніе покойнаго брата моего, не могъ я до сихъ поръ. по разнымъ обстоятельствамъ домашнимъ, привести сего предположенія его въ дѣйствіе. Теперь, желая исполнить оное въ точности и обратить сіе пожертвованіе наиполезнѣйшимъ образомъ для общества, я купно разсуждалъ, что нигдѣ удобнѣе оно употреблено быть не можетъ, какъ въ Малороссіи, отчизнѣ покойнаго моего брата. Въ семъ предположеніи я изыскивалъ, на какое бы именно полезное заведеніе сумма сія, которую я взнести располагаюсь, обращена быть могла; и находя, что попеченіемъ правительства въ семъ краю уже основано и еще предназначается довольно пристанищъ для призрѣнія бѣдныхъ, я сужу, что всего удобнѣе и съ видами Вашего Императорскаго Величества къ распространенію просвѣщенія сообразнѣе быть можетъ устроить въ Малороссіи на счетъ сего пожертвованія училище высшихъ наукъ, которое здѣсь еще не существуетъ, и отъ котораго можно ожидать великой пользы какъ для всѣхъ, такъ особливо для тѣхъ неимущихъ дворянъ и другаго состоянія молодыхъ людей, кои по скудости своей не могутъ имѣть достаточныхъ способовъ къ образованію себя, и кои, съ учрежденіемъ сего заведенія, открытыя можетъ новое средство къ приготовленію себя на службу Вашего Императорскаго Величества“. Далѣе исчисляются жертвуемые на это дѣло денежные средства: согласно „Запискѣ“ покойнаго канцлера, графъ Безбородко вноситъ за истекшія шесть лѣтъ сумму въ 70.000 р., а съ причитающимися на нее по 1805 годъ процентами—81.920 р.; въ послѣдующія семь лѣтъ даетъ обязательство вносить ежегодно по 20.000 р. Къ этому пожертвованію брата графъ Илья Андреевичъ присоединилъ отъ себя: мѣсто съ садомъ въ г. Нѣжинѣ для постройки зданія и заготовленный для строенія матеріаль, а затѣмъ ежегодный взносъ „на вѣчныя времена“ по 15.000 р.; въ обезпеченіе чего представилъ свое недви-

¹⁾ „Русская Старина“, 1870, сентябрь, стр. 301—302.

жимое близъ Нѣжина имѣніе въ 3.000 душъ (Носовка и Беркіевка), на доходы съ котораго въ означенномъ размѣрѣ право навсегда отдавалось Нѣжинскому высшему училищу. Въ концѣ записки графъ Безбородко испрашивалъ, чтобы предполагаемое училище было устроено въ Нѣжинѣ и чтобы оно наименовано было „гимназія высшихъ наукъ“ ¹⁾. Записка шла къ государю черезъ графа Кочубея, который по этому поводу писалъ графу Ильѣ Андреевичу: „Преисполненный полнаго удовольствія я, не мѣшая нисколько, поднесъ письмо ваше Его Величеству и имѣлъ также полную пріятность видѣть, что подвигъ вашъ былъ принятъ съ отиѣннымъ благоволеніемъ“ ²⁾. Выраженіемъ этого благоволенія былъ императорскій указъ Сенату отъ 29-го іюля 1805 года, которымъ пожертвованіе графа Безбородко утверждалось по всѣмъ пунктамъ, выраженнымъ въ запискѣ жертвователя, графу Ильѣ Андреевичу пожалованъ орденъ Владимира первой степени, и повелѣно было въ залѣ собраній будущей гимназіи поставить бюсты обоихъ братьевъ—жертвователей ³⁾. Учреждаемому учебному заведенію дано названіе „Гимназія высшихъ наукъ князя Безбородко“ ⁴⁾, въ чемъ выражена скромная признательность и уваженіе къ памяти покойнаго канцлера какъ самого графа Ильи Андреевича, такъ и его ближайшихъ совѣтниковъ и помощниковъ въ этомъ дѣлѣ, графа Кочубея и князя Куракина ⁵⁾.

Немедленно послѣ этого приступлено было къ постройкѣ зданія для гимназіи, стоимость котораго, при заготовленномъ ранѣе матеріалѣ, крѣпостномъ трудѣ и другихъ видахъ содѣйствія со стороны имѣній графа Безбородка „натурою“, достигла весьма солидной цифры 604.034 р. Постройка эта потребовала цѣлый рядъ лѣтъ, и графу Ильѣ Андреевичу, скончавшемуся 8-го іюня 1815 года, не пришлось увидать начала ученія. Послѣ него не осталось мужскаго потомства, а лишь — двѣ дочери, одна въ замужествѣ за княземъ А. Я. Лобановымъ-Ростовскимъ, а другая, Любовь Ильинична, за графомъ Г. Г. Куселевымъ; отъ этого послѣдняго брака родился сынъ Александръ Григорьевичъ, которому позднѣе, но еще при жизни его отца, повелѣно было именнымъ Высочайшимъ указомъ называться

¹⁾ П. С. З. т. XXVIII, № 21, 852.

²⁾ „Русская Старина“, 1870, сентябрь, стр. 303.

³⁾ П. С. З. т. XXVIII, стр. 1142.

⁴⁾ П. С. З. т. XXVIII, стр. 1144.

⁵⁾ „Русская Старина“, 1870, сентябрь, стр. 304.

впредь графомъ Кушелевымъ-Безбородко „во уваженіе къ отличному служенію покойнаго князя Безбородко, на пользу и славу отечества всю жизнь посвятившаго, дабы знаменитая заслугами фамилія сія съ кончиною послѣдняго въ родѣ не угасла, но, паки обновясь, пребыла навсегда въ незабвенной памяти російскаго дворянства“. Это и былъ первый почетный попечитель гимназіи высшихъ наукъ князя Безбородко, при которомъ начала она свое дѣйствительное существованіе.

Личность графа А. Гр. Кушелева-Безбородка, кончившаго свое служебное поприще въ должности государственнаго контролера, высоко замѣчательна. Старый графъ Г. Г. Кушелевъ употребилъ все средства, чтобы дать своему сыну блестящее образованіе. По окончаніи въ 1816 году ученія въ благородномъ пансіонѣ при Царско-сельскомъ лицей, молодой графъ Кушелевъ-Безбородко немедленно подвергся экзамену въ С.-Петербургскомъ педагогическомъ институтѣ, а затѣмъ вскорѣ былъ удостоенъ отъ Московскаго университета степени доктора этико-политическихъ наукъ; образованіе свое закончилъ онъ продолжительнымъ путешествіемъ за границу, въ которое отправился 8-го августа 1818 года съ исходатайствованнымъ ему отцомъ дипломатическимъ порученіемъ. Во время этого путешествія между отцомъ и сыномъ велась оживленная переписка, изъ которой видно, съ какой пользой для своего образованія проводилъ молодой графъ, слѣдуя наставленіямъ отца, свое заграничное время, знакомясь въ выдающимися писателями и учеными, усердно занимаясь въ бібліотекахъ и музеяхъ, покупая книги. Переписка эта продолжалась и по возвращеніи молодаго путешественника, 22-го августа 1819 года, въ Петербургъ, такъ какъ отецъ его продолжалъ до самой смерти своей жить въ своемъ имѣніи Краснопольцахъ, Холмскаго уѣзда, Псковской губерніи. Въ этой перепискѣ весьма часто идетъ рѣчь о Нѣжинской гимназіи высшихъ наукъ. Отецъ всячески побуждалъ графа Александра Григорьевича добиться позволенія фактически открыть это учебное заведеніе, да и сынъ не жалѣлъ усилій, идя къ той же цѣли. Участникомъ и вліятельнымъ посредникомъ въ сношеніяхъ съ высшей властью опять былъ тутъ гр. В. П. Кочубей. Но окончанію дѣла мѣшали многія обстоятельства, изъ которыхъ главнымъ, кажется, было то, что вниманіе вышшаго учебнаго начальства въ это время было отвлечено другими важными дѣлами: 19-го октября 1811 года былъ основанъ Царско-сельскій лицей, существованіе котораго вызвало въ послѣдующіе за-

тѣмъ годы много дополнительныхъ распоряженій касательно этого учебнаго заведенія, находившагося подъ особымъ покровительствомъ Государя; 2-го мая 1817 года утверждено было существованіе Рихельевскаго лицея въ Одессѣ; 18-го января 1819 года объявлено было о переименованіи Волинской гимназіи въ лицей; 8-го февраля 1819 г. учрежденъ С.-Петербургскій университетъ; мы не говоримъ уже объ естественныхъ и многообразныхъ заботахъ касательно недавно открытыхъ университетовъ въ Харьковѣ и Казани и получившихъ свое начало въ томъ же 1805 году училищѣ правовѣдѣнія и Демидовскомъ Ярославскомъ „училищѣ высшихъ наукъ“. Открытіе Нѣжинской гимназіи замедлялось отчасти и тѣмъ, что графъ Кушелевъ-Безбородко, сильно заинтересованный въ наилучшемъ устройствѣ этого учебнаго заведенія, принималъ самое дѣятельное личное участіе въ выработкѣ проекта устава и, недовольный проектомъ, который представилъ гр. Кочубей въ комитетъ министровъ, писалъ на него свои замѣчанія, мотивировка которыхъ требовала частыхъ свиданій и переговоровъ съ разными лицами, что сдѣлалось особенно затруднительнымъ съ тѣхъ поръ, какъ въ 1819 г. гр. Кочубей призванъ былъ къ управленію министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, такъ что въ декабрѣ этого года гр. А. Гр. Кушелевъ-Безбородко писалъ къ отцу: „Дѣло о гимназіи совсѣмъ нейдетъ впередъ. Съ тѣхъ поръ, какъ графъ Кочубей принялъ министерство, онъ отговаривается дѣлами, а отстать отъ него теперь нельзя. Я все его понуждаю; не знаю, скоро ли окончится?“¹⁾ Наконецъ, благодаря связямъ и усиленнымъ стараніямъ, графъ А. Гр. Кушелевъ-Безбородко добился того, что до утвержденія устава гимназіи, по докладу министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія кн. А. Н. Голицына, Высочайшимъ рескриптомъ 19-го апрѣля 1820 года повелѣно было Нѣжинской гимназіи высшихъ наукъ начать свое дѣйствительное существованіе „на одинаковыхъ съ Ярославскимъ Демидовскимъ высшихъ наукъ училищемъ правахъ въ отношеніи къ чиновникамъ и воспитанникамъ онаго; въ разсужденіи же ученія—на основаніи, предположенномъ главнымъ правленіемъ училищъ“. Этимъ же рескриптомъ гр. А. Г. Кушелевъ-Безбородко былъ назначенъ почетнымъ попечителемъ новаго учебнаго заведенія, которому въ учебно-административномъ отношеніи назначено было состоять „подъ непосредственнымъ вѣдом-

¹⁾ Гимназія высшихъ наукъ и лицей кн. Безбородко. Изд. 2-е. С.-Пб. 1881, стр. 178.

ствомъ“ попечителя Харьковскаго учебнаго округа¹⁾). Изъ доклада же министра видно, что гр. Кушелевъ-Безбородко первоначально хлопоталъ о наименованіи Нѣжинскаго учебнаго заведенія „лицеемъ“, но ходатайство это не было уважено какъ въ силу Высочайшаго указа 29-го іюля 1805 года, такъ и по той мотивировкѣ министерства, свидѣтельствующей о недавнемъ поворотѣ въ его взглядахъ, что „учрежденіе вновь лицеевъ гдѣ бы ~~то~~ ни было, не согласуется съ общепринятою главнымъ правленіемъ училищъ системою народнаго просвѣщенія въ государствѣ“²⁾); касательно же учебнаго устройства гимназіи въ министерскомъ докладѣ, удостоенномъ Высочайшаго утвержденія, находится слѣдующій единственный пунктъ: „учебные предметы, приличные сего рода заведеніямъ, распредѣлить на три трехлѣтія такимъ образомъ, чтобы они продолжались постепенно въ трехъ разрядахъ по удобности, относя преподаваніе высшихъ наукъ къ послѣднему разряду или трехлѣтію“³⁾).

Такъ предоставлено было Нѣжинской гимназіи высшихъ наукъ начать свою учебно-воспитательную дѣятельность безъ окончательнаго утвержденнаго устава—единственно по довѣрію власти къ личности высоко-просвѣщеннаго и заинтересованнаго въ этомъ дѣлѣ почетнаго попечителя, который въ свою очередь опирается на другую личность, къ тому времени пріобрѣтшую уже почетную извѣстность среди высшей учебной администраціи и предназначенную для занятія мѣста перваго директора гимназіи высшихъ наукъ кн. Безбородко: это былъ В. Г. Кукольникъ, принимавшій дѣятельное участіе въ обсужденіи проекта устава гимназіи, вмѣстѣ съ гр. Кушелевымъ-Безбородко и гр. Кочубеемъ⁴⁾). Хотя уставъ гимназіи былъ утвержденъ лишь значительно позднѣе, 19-го февраля 1825 года, но въ виду того, что и первый директоръ ея и почетный попечитель уже гораздо раньше были знакомы съ его проектомъ, согласно которому было начато и ведено дѣло какъ В. Г. Кукольникомъ, такъ и его преемникомъ по директорству⁵⁾), намъ кажется умѣстнымъ здѣсь же указать на главнѣйшія статьи этого устава, прежде чѣмъ обратиться къ изложенію

¹⁾ Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія. Т. I. С.-Пб. 1864, ст. 1244.

²⁾ Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія, I, 1242.

³⁾ Тамъ же, I, 1243.

⁴⁾ Гимназія высшихъ наукъ, стр. 172.

⁵⁾ Въ журналахъ конференціи и другихъ официальныхъ документахъ гимназіи прямо дѣлались ссылки на параграфы „проекта“.

самой жизни вновь учрежденнаго учебнаго заведенія, для котораго этотъ уставъ долженъ былъ имѣть руководящее значеніе.

Положеніе гимназіи высшихъ наукъ кн. Безбородко и цѣль ея основанія по уставу ¹⁾ опредѣляется такъ:

„Гимназія сія есть публичное учебное заведеніе. Она состоитъ между учебными заведеніями въ числѣ занимающихъ первую степень послѣ университетовъ, въ имперіи существующихъ, и отличается предъ губернскими гимназіями какъ высшею степенью преподаваемыхъ въ ней наукъ, такъ и особенными Нами ей дарованными правами и преимуществами“ (§ 3).

„Цѣль учрежденія сего заведенія, согласно съ благотворнымъ намѣреніемъ первыхъ основателей онаго, состоитъ въ томъ, чтобы въ Малороссійскомъ краю, мѣстѣ ихъ рожденія, доставить всѣмъ и особенно неимущимъ дворянамъ и другаго состоянія жителямъ удобность при воспитаніи ихъ дѣтей въ благочестивыхъ правилахъ, приобрѣсть свѣдѣнія въ языкахъ и общихъ наукахъ, полезныхъ для каждаго человѣка, и на послѣдокъ въ высшихъ наукахъ, служащихъ приуготовленіемъ юношества на службу государству“ (§ 4).

Составъ учащихся опредѣлялся: а) изъ 24 воспитанниковъ на счетъ доходовъ гимназіи, предоставленныхъ ей жертвователями, б) трехъ— изъ дѣтей военныхъ чиновниковъ на счетъ особо назначенной для того суммы, в) вольныхъ пансіонеровъ не свыше 150, г) приходящихъ лишь на уроки въ гимназію, но живущихъ въ городѣ: число послѣднихъ не опредѣлено (§ 7).

Продолженіе учебнаго курса въ гимназіи опредѣлено было въ девять лѣтъ, причемъ относительно предметовъ онъ раздѣлялся на три разряда или трехлѣтія (§ 6), но самое распределеніе предметовъ на годы и классы не установлено, а предоставлено на усмотрѣніе начальства и преподавателей, которые будутъ сообразоваться въ такомъ случаѣ „съ обстоятельствами и точною потребностію обучающихся“ (§ 16). Предметами обученія въ гимназіи должны быть: законъ Божій; языки и словесность россійская, латинская, греческая, нѣмецкая и французская; географія и исторія; науки физико-математическія, политическія, военныя; танцованіе, рисованіе и черченіе (§ 10). „Нравственное“ управленіе гимназіей возложено на дирек-

¹⁾ Напечатанъ въ „Сборникѣ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія“, 1-е изд. въ Дополненіи (С.-Пб. 1867), стр. 208—226, 2-е изд., т. I (С.-Пб. 1875), ст. 1817—1835.

тора, съ помощію инспектора и надзирателей (§ 30), „учебное“—на директора вмѣстѣ съ конференціею, состоящею изъ законоучителя и профессоровъ (§ 47), „хозяйственное“—на правленіе гимназіи, состоящее изъ директора, инспектора и одного изъ профессоровъ (§ 52), наконецъ, „полицейское“—на директора (§ 62). Права окончившихъ курсъ гимназіи опредѣлены такъ: „Воспитанники гимназіи и обучавшіеся въ оной, получивъ аттестаты о совершенномъ окончаніи полнаго курса, предписаннаго симъ уставомъ, и съ показаніемъ въ ономъ отличныхъ успѣховъ въ благонравіи и наукахъ, поступаютъ въ гражданскую службу: удостоенные званія кандидатовъ—двѣнадцатымъ, званія же студента—четырнадцатымъ классомъ. Кандидаты и студенты, поступающіе изъ сей гимназіи въ службу военную, пользуются правомъ студентовъ университетскихъ. Аттестаты, полученные отъ сей гимназіи, имѣютъ равную силу съ аттестатами, выдаваемыми отъ російскихъ университетовъ, и освобождаютъ получившихъ оныя отъ испытанія для производства въ высшіе чины“ (§ 72).

II.

Начало ученія въ гимназіи.—Директорство В. Г. Кукольника.

Василій Григорьевичъ Кукольникъ (род. въ 1765 г.), первый директоръ гимназіи высшихъ наукъ кн. Безбородко, родомъ карпаторусъ, профессоръ Замосецкаго лица, приобрѣтшій въ своемъ отечествѣ репутацію разносторонне-образованнаго и ученаго человѣка, вызванъ былъ на русскую службу попечителемъ С.-Петербургскаго учебнаго округа Н. Н. Новосильцевымъ, по совѣту другаго карпаторуса И. С. Орлая, переселившагося въ Россію нѣсколько раньше и бывшаго впоследствии преемникомъ Кукольника по директорству въ Нѣжинской гимназіи. По прибытіи въ Россію, В. Г. Кукольникъ вскорѣ, 6-го августа 1803 года, былъ назначенъ профессоромъ физики въ С.-Петербургскомъ педагогическомъ институтѣ; съ основаніемъ училища правовѣдѣнія, въ 1805 году, онъ приглашенъ былъ читать тамъ римское право; былъ затѣмъ членомъ особаго комитета, учрежденнаго въ 1809 году при Педагогическомъ институтѣ для производства экзаменовъ на чины; въ 1813 — 1817 гг. преподавалъ римское и гражданское русское право великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ; въ 1819 году назначенъ онъ былъ пред-

сѣдателемъ временной конференціи только что основаннаго Петербургскаго университета, и общій голосъ называлъ его будущимъ первымъ ректоромъ этого учрежденія. Но болѣзненное состояніе его самого и любимой дочери побудили его пренебречь видами на почетное служебное положеніе въ столицѣ и склониться на приглашеніе гр. А. Г. Кушелева-Безбородко, желавшаго видѣть Кукольника первымъ директоромъ вновь основываемой гимназіи въ Нѣжинѣ. Мы уже знаемъ, что Василій Григорьевичъ принималъ дѣятельное участіе въ выработкѣ гимназическаго устава, и, по назначеніи своемъ въ Нѣжинѣ, пользуясь полнымъ довѣріемъ почетнаго попечителя и высшаго начальства, еще до выѣзда изъ Петербурга приступилъ къ выполненію своихъ новыхъ обязанностей: выбиралъ по своему усмотрѣнію преподавателей и закупалъ все необходимое для первоначальнаго обзаведенія гимназіи. Уволенный отъ обязанностей при Петербургскомъ университетѣ 21-го іюля 1820 года, онъ уже 5-го августа съ семействомъ выѣхалъ изъ столицы, а въ концѣ того-же мѣсяца былъ въ Нѣжинѣ.

Съ самаго же начала В. Г. Кукольнику пришлось взять на себя чрезвычайно много работы. Прежде всего, внѣшняя сторона устройства новаго учебнаго заведенія всецѣло легла на директора; эконома вначалѣ не было, и только благодаря внимательности графа на эту должность вскорѣ было опредѣлено особое лицо; не было бухгалтера, и его обязанности, при весьма значительной официальной и полуофициальной перепискѣ, директоръ долженъ былъ исполнять самъ; самому нужно было заботиться о наймѣ прислуги, заказывать мебель и проч. Главное же—внутреннее устройство гимназіи, составъ преподавателей и учениковъ. Ранѣ приглашенные преподаватели медлили своимъ пріѣздомъ, а между тѣмъ еще въ сентябрѣ 1820 года въ гимназію явилось значительное количество молодыхъ людей, привезенныхъ родителями или родственниками изъ ближнихъ, а иногда и изъ дальнихъ мѣстъ. Нужно было спѣшить съ открытіемъ ученья, чтобы не оставлять эту молодежь въ бесполезной праздности, причемъ далеко не одинаковыя познанія явившихся представляли трудноодолимыя препятствія для сколько-нибудь правильнаго распредѣленія учениковъ по классамъ: иные явились изъ дому почти безъ всякихъ познаній, а иные, прежде учась въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, обладали уже значительнымъ запасомъ знаній; кромѣ того, познанія въ языкахъ у однихъ и тѣхъ же учениковъ далеко не соответствовали ихъ познаніямъ въ предметахъ. Директоръ почелъ нужнымъ, при

помощи своихъ немногихъ помощниковъ, произвести сначала предварительное испытаніе всѣмъ явившимся, а потомъ—имѣя въ виду ихъ собственную пользу—распорядился до официального открытія гимназическихъ классовъ, чтобы наставники предварительно занялись съ нѣкоторыми, наиболѣе ревностными, учениками для уравнинія ихъ знаній съ знаніями другихъ и такимъ образомъ для болѣе правильнаго распредѣленія учащихся по классамъ; при этомъ негласномъ и такъ-сказать полудомашнемъ обученіи, предпринятомъ не по формальной обязанности, а лишь по чистѣйшему и вполне безкорыстному убѣжденію въ пользѣ дѣла, только законъ Божій, французскій и нѣмецкій языки и рисованіе поручилъ онъ находившимся на лицо преподавателямъ; главнѣйшіе же предметы—латинскій языкъ, русскую грамматику, ариметику, исторію и географію—директоръ взялъ на себя ¹⁾. Наконецъ, чрезвычайнаго вниманія и энергическаго труда требовало устройство гимназическаго пансіона и надзоръ за нимъ. Отношеніе В. Г. Кукольника къ своимъ обязанностямъ было, можно сказать, идеальное, вполне соответствовавшее тому высокому мнѣнію, которое имѣлъ о немъ не только почетный попечитель, но и попечитель Харьковскаго учебнаго округа З. Я. Карнѣвъ, который въ отвѣтъ на извѣстіе Кукольника о своемъ пріѣздѣ въ Нѣжинъ, писалъ ему: „будучи удостовѣренъ въ отличныхъ вашихъ достоинствахъ, я сердечно радъ, что Богъ благословилъ имѣть мнѣ васъ помощникомъ въ устройствѣ такого учебнаго заведенія, которое обѣщаетъ великую для малороссійскаго края пользу“ ²⁾.

Совершенно непосильные труды, принятыя на себя Кукольниковъ въ должности директора гимназіи; многія крупныя и мелкія непріятности, неизбѣжныя при организаціи такого сложнаго и нелегкаго дѣла, какъ устройство новаго учебнаго заведенія; наконецъ, полная отчужденность отъ привычнаго круга ученыхъ и образованныхъ друзей, оставленныхъ въ Петербургѣ,—были достаточны для того, чтобы, при слабости здоровья Кукольника, онъ впалъ въ тяжелое состояніе душевной тоски и отчаянія, которыя, по словамъ его сына Н. В. Кукольника, увлекли его, путемъ насильственной смерти въ при-

¹⁾ *Н. Лавровскій*, Гимназія высшихъ наукъ князя Безбородко въ Нѣжинѣ. Извѣстія историко-филологическаго института кн. Безбородко, т. III, 1879, стр. 110—112.

²⁾ *Н. Лавровскій*, стр. 108.

падкѣ ипохондрія, въ преждевременную могилу, 6-го февраля 1821 года ¹⁾).

Нѣтъ сомнѣнія, что въ короткій періодъ своего директорства въ Нѣжинѣ (всего пять мѣсяцевъ съ небольшимъ) В. Г. Кукольникъ явился достойнѣйшимъ носителемъ своего труднаго и отвѣтственнаго званія, относясь къ нему съ самымъ живымъ интересомъ, сердечной теплотой и глубокимъ пониманіемъ опытнаго педагога. Своимъ задушевнымъ, истинно-педагогическимъ отношеніемъ къ воспитанникамъ онъ пріобрѣлъ ихъ искреннюю привязанность и уваженіе и справедливо основалъ на этомъ свой авторитетъ. Вотъ отзывъ о немъ и его директорствѣ одного изъ самыхъ выдающихся воспитанниковъ Нѣжинской гимназіи, перваго кандидата 1-го выпуска 1826 года, впоследствии знаменитаго ученаго и общественнаго дѣятеля, нынѣ покойнаго, П. Г. Рѣдкина, бывшаго свидѣтелемъ-очевидцемъ первыхъ мѣсяцевъ существованія гимназіи при Кукольникѣ: „Нѣсколько мѣсяцевъ, проведенныхъ до смерти Кукольника первыми воспитанниками благороднаго пансіона, учрежденнаго при гимназіи, не могутъ представляться ихъ воспоминанію иначе, какъ въ самомъ розовомъ свѣтѣ. В. Г. Кукольникъ пріобщилъ ихъ къ собственному своему семейству, проводя съ ними почти неотлучно всѣ часы дня, далъ имъ въ первые наставники двухъ старшихъ своихъ сыновей, Павла и Платона Васильевичей, а въ товарищи — младшаго, Нестора Васильевича; а между тѣмъ старался съ разборомъ, безъ пристрастія и опрометчивости, выискивать въ профессора такихъ людей, которые... соединяли въ себѣ отчетливое и стоящее въ уровнѣ съ современностью знаніе своего предмета съ любовью къ нему, возбуждающею всегда любовь и въ ученикахъ. Онъ положилъ въ основу всего ученія классическое образованіе, поставивъ латинскій языкъ главнымъ предметомъ преподаванія въ такой степени, что сдѣланные воспитанниками неизмовѣрно быстрые въ немъ успѣхи и теперь еще приводятъ въ изумленіе всѣхъ, въ комъ не изгладилась драгоценная память объ этой цвѣтущей эпохѣ зарождавшагося высшаго учебнаго заведенія. Частыми бесѣдами своими, исполненными отеческой внимательности, нѣжности, дружеской простоты, педагогической опытности, живой занимательности, обширной учености, плодотворной образованности, онъ очищалъ чувствованія, развивалъ умъ, смягчалъ сердце и укрѣплялъ волю питомцевъ своихъ, направляя ихъ ко всему прекрасному,

¹⁾ Гимназія высихъ наукъ, стр. 188.

истинному, высокому и доброму. Словомъ, В. Г. Кукольникъ сдѣлалъ, въ самомъ началѣ новаго своего педагогическаго поприща, столь много полезнаго для ввѣренныхъ его попеченію дѣтей, что можно было питать несомнѣнную надежду на блестящую будущность этого новаго рассадника русскаго просвѣщенія¹⁾.

III.

Временное коллегіальное управление гимназіей послѣ смерти В. Г. Кукольника.—Директорство И. С. Орлая.

Съ внезапной смертію В. Г. Кукольника гимназія осталась безъ директора, и временное завѣдываніе ею, впредь до пріѣзда въ Нѣжинъ новаго директора 1-го ноября 1821 года, перешло въ руки коллегіи преподавателей, которые, „сбравшись для принятія мѣръ къ сохраненію порядка гимназіи, къ содержанію воспитанниковъ и къ продолженію преподаванія наукъ, съ общаго согласія, впредь до разрѣшенія высшаго начальства, составили общее управление на такихъ правилахъ, какія, по необходимости внезапныхъ обстоятельствъ, сочли лучшими“²⁾. Временное управление, по самому характеру своему, не могло задаваться никакими широкими планами; ему оставалось держаться того направленія, которое было дано первымъ директоромъ учебному заведенію, въ ожиданіи втораго: „хотя г. директоръ—писало временное управление 18-го февраля 1821 г. отцу Гоголя, просившему объ опредѣленіи въ гимназію своего сына — истинный учредитель гимназіи, неожиданно своею смертію, оставилъ насъ, однако оставилъ насъ не въ какой-либо запутанности дѣлъ, но въ полномъ и ясномъ порядкѣ, каковой имъ предучрежденъ уже былъ касательно управленія гимназіей, содержанія воспитанниковъ и преподаванія имъ учебныхъ предметовъ. И сей порядокъ до времени опредѣленія новаго директора предприняли мы охранять въ совершенной своей цѣлости, продолжая вмѣстѣ ничѣмъ не прерываемое преподаваніе наукъ“³⁾. Однако, этотъ девятимѣсячный періодъ въ жизни гимназіи отмѣченъ нѣкоторыми печальными обстоятельствами, имѣвшими отчасти корень въ тѣхъ неожиданныхъ условіяхъ, въ которыхъ оказалось только что начавшее свое существованіе и еще

¹⁾ Гимназія высшихъ наукъ, стр. 315—316.

²⁾ *И. Лавровскій*, стр. 113.

³⁾ Тамъ же, стр. 152.

не окрѣпшее учебное заведеніе. Вдова покойнаго Кукольника, братъ которой И. Н. Пилянкевичъ былъ младшимъ профессоромъ латинской словесности въ гимназіи (1820—1822), а сынъ Платонъ Васильевичъ Кукольникъ учителемъ того же предмета въ низшихъ классахъ (1820—1821), немедленно послѣ смерти мужа просила, черезъ правленіе гимназіи, почетнаго попечителя о предоставленіи ей казеннаго содержанія впредь до полученія вида на свободное жительство. Это ходатайство было уважено, но вслѣдъ затѣмъ между г-жею Кукольникъ и администраціей гимназіи начались неудовольствія, нашедшія себѣ выраженіе въ шумномъ засѣданіи правленія 25-го мая 1821 г. Именно, явившіеся въ это засѣданіе надзиратели Аманъ (преподававшій французскій языкъ) и Зельднеръ заявили, что „не желаютъ и не могутъ долѣе исправлять надзирательской должности, такъ какъ статская совѣтница г-жа Кукольникъ, по часту приглашая къ столу своему или на чай нѣкоторыхъ воспитанниковъ, неизвѣстно изъ какихъ видовъ или своекорыстныхъ интересовъ, внушаетъ имъ неприличнѣйшій для юношества образъ мыслей противъ надлежащаго уваженія ихъ наставниковъ и надзирателей, вперяетъ имъ, что Аманъ не есть настоящій учитель, что онъ по состоянію своему происходитъ изъ мѣщанъ и несвѣдуещъ въ порученной ему должности, что будто покойный мужъ ея составилъ ему, Аману, счастье, извлекиши его изъ состоянія мѣщанства; что Зельднеръ, какъ иностранецъ, будучи неизвѣстнаго состоянія, едва-ли можетъ принадлежать къ благородному сословію; что Пилянкевичъ, проводя все время у своей сестры и во всемъ отъ нея интересуясь, а потому во всемъ потворствуя и угождая ей, не только не отклоняетъ дѣтей или сестру свою отъ выше изъясненныхъ внушеній, но въ угодность ей и какъ бы изъ собственныхъ личныхъ какихъ выгодъ, подтверждаетъ рѣчи ея и тѣмъ болѣе въ юношескихъ сердцахъ возжигаетъ искру неповиновенія и непослушанія, изъ чего слѣдствіемъ можетъ произойти одна не малая утрата и даже порча ихъ нравственности, особенно неминуемое уклоненіе отъ общихъ правилъ благоповеденія“. Пилянкевичъ, присутствовавшій въ это время въ засѣданіи, „всталъ съ своего мѣста и, вмѣсто надлежащаго изъясненія дѣла, причинъ и обстоятельствъ его, сталъ поносить Амана и Зельднера, произносилъ на нихъ весьма неприличныя и самыя оскорбительныя рѣчи, называя ихъ разными именами, одному ремесленному состоянію мѣщанства принадлежащими, причѣмъ не удержался въ дерзости своей изречь оскорбительную хулу даже на все собраніе, именуя оное ка-

кимъ-то скопищемъ и преунизительнымъ словомъ—шайкою, и такую сколь неприличную, столь же и явно нарушающую общій порядокъ дерзость свою заключилъ самымъ грубымъ выходомъ изъ собранія и крѣпкимъ при затвореніи дверей ударомъ съ неблагонамѣренными вѣщаніями и, что всего неприличнѣе, съ угрозами, ссылаясь особенно на сестру свою, что она дотолѣ здѣсь проживать и за всѣми профессорами, учителями и гувернерами соглядатайствовать будетъ, доколѣ не получитъ чего-то желаемого и доколѣ на своемъ не поставитъ того¹⁾. Собраніе взглянуло на эти выходки грубости и неумѣренной страстности очень сдержанно, оставаясь въ ожиданіи болѣе спокойнаго оборота дѣла и не желая подать поводъ къ скандалу въ стѣнахъ учебнаго заведенія, доброй репутаціей котораго оно не могло не дорожить. Однако, ожиданія эти не оправдались: вдова Кукольникъ, по полученіи вида на свободное жительство, обратилась съ просьбой къ окружному попечителю дозволить ей пользоваться казеннымъ содержаніемъ и далѣе—до назначенія пенсін и до оставленія за нею аренды, пожалованной ея мужу, а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ можно заключать изъ донесеній правленія обоимъ попечителямъ (10-го и 12-го сентября 1821 г.), продолжала прежнюю вредную для учебнаго заведенія тактику, что правленіемъ объяснялось главнѣйшимъ образомъ тѣмъ, что оно „не согласилось на ея предложеніе представить почетному попечителю, будто бы все здѣшнее и окружныхъ мѣстъ дворянство на мѣсто покойнаго мужа ея желаетъ опредѣленія въ директоры старшаго сына ея Павла Кукольника“. Представляя о новыхъ случаяхъ соблазнительнаго въ педагогическомъ отношеніи поведенія семьи покойнаго директора, правленіе просило начальство объ удаленіи изъ гимназическаго дома этой семьи, мотивируя это тѣмъ, что „при дальнѣйшемъ ея здѣсь пребываніи и при ожесточенномъ ея озлобленіи на всѣхъ служащихъ, неминуемо произойти можетъ глубокое разстройство“. Въ отвѣтъ на это окружной попечитель предписалъ (отъ 19-го сентября) предложить г-жѣ Кукольникъ немедленно оставить гимназическое зданіе и избрать для себя частную квартиру, сына ея уволить отъ должности, а Пилянкевичу сдѣлать выговоръ по службѣ. Все это было исполнено, и вскорѣ семейство Кукольника навсегда оставило Нѣжинъ, переселившись въ принадлежавшее вдовѣ небольшое имѣніе въ Виленской губерніи¹⁾. Эти грустныя событія, извѣстіе о которыхъ быстро переходило за

¹⁾ Н. Лагровскій, стр. 114—118.

стѣны учебнаго заведенія, особенно въ среду родителей и родственниковъ гимназистовъ, отнимали не мало энергій и времени у преподавательскаго персонала гимназій и несомнѣнно задерживали и даже вредили ходу учебнаго дѣла, отвлекая въ сторону силы, которыя нужны и предназначены были на другое. Да и въ самой преподавательской средѣ, помимо дѣла съ семействомъ Кукольника, были крупныя недочеты, на что указываетъ, между прочимъ, дѣло съ младшимъ профессоромъ нѣмецкой словесности Миллеромъ (состоявшимъ на службѣ въ гимназій съ 15-го сентября 1820 года): злоупотребленіе спартными напитками увлекло его къ крайне предосудительнымъ поступкамъ, слѣдствіемъ которыхъ было удаленіе его отъ службы еще до окончанія весенняго полугодія 1821 года¹⁾. Слухи о подобныхъ событіяхъ, нерѣдко преувеличиваемые досужими и враждебными языками сторонниковъ той или другой партіи²⁾, распространялись и могли бы повлечь за собой опасныя послѣдствія, лишивъ гимназію значительной доли довѣрія къ ней въ обществѣ, если бы этому тяжелому времени не былъ положенъ конецъ назначеніемъ въ директоры гимназій достойнѣйшаго преемника В. Г. Кукольника—его земляка и друга И. С. Орлая.

Карпато-руссъ по происхожденію, магистръ словесныхъ наукъ и философіи, докторъ медицины и хирургіи, Иванъ Семеновичъ Орлай (род. въ 1771 году), еще до выѣзда въ Россію получившій должность профессора въ Велико-Карловской высшихъ наукъ гимназій въ 1790 г., для преподаванія ариметики, географіи, исторіи, греческаго и латинскаго языковъ, въ слѣдующемъ 1791 отправился въ Вѣну, а отсюда въ Петербургъ, гдѣ и поступилъ въ медико-хирургическое училище студентомъ; окончивъ въ 1793 году курсъ и проходя разныя медицинскія должности, онъ въ 1817 году занялъ мѣсто при лейбъ-медикѣ Вилье, а въ концѣ 1820 г. получилъ приглашеніе на одну изъ медицинскихъ кафедръ Московскаго университета. Около этого времени Орлай познакомился съ гр. А. Г. Кущелевымъ-Безбородко, и, когда сдѣлалась извѣстной внезапная смерть Кукольника, склонился на предложеніе графа относительно занятія мѣста директора въ Нѣжинѣ. Какъ и Кукольника, привлекалъ его сюда благодатный климатъ, въ которомъ нуждалось слабое здоровье Орлая. Съ В. Г. Кукольниковомъ знакомство у него было очень давнее, начавшееся еще

¹⁾ *Н. Лауровскій*, стр. 113—114.

²⁾ *Н. Лауровскій*, стр. 119.

на ихъ общей родинѣ: мы уже знаемъ, что Орлай былъ виновникомъ вызова Кукольника въ Россію ¹⁾). Нѣжинъ навѣстилъ онъ еще до своего назначенія туда, вмѣстѣ съ семействомъ генерала Дорохова, въ качествѣ гостя г-жи Кукольникъ, лѣтомъ 1821 года ²⁾). Назначеніе Орлая въ Нѣжинскую гимназію состоялось 3-го сентября, а вступленіе въ должность 1-го ноября 1821 года.

Этотъ выборъ втораго директора гимназіи былъ не менѣе удаченъ, чѣмъ выборъ перваго. „Если первому директору — говорить Н. А. Лавровскій — по кратковременности его управленія, гимназія обязана только первоначальными основаніями, то второму она обязана полнымъ устройствомъ, внѣшнимъ и внутреннимъ... Изъ внимательнаго пересмотра его распоряженій по дѣламъ архива выносясь убѣжденіе, что всѣ они отличались основательностью, строгою обдуманностію и живымъ стремленіемъ къ благоустройству ввѣреннаго ему заведенія“ ³⁾). Это былъ человекъ основательно и широко образованный, съ истиннымъ и сильнымъ педагогическимъ призваніемъ, явившійся къ своей новой должности съ настойчивымъ желаніемъ лишь пользы ввѣреннаго ему учебнаго заведенія и готовый принести въ жертву этой пользѣ свое личное самолюбіе и нѣкоторыя изъ преимуществъ своей власти. Конференція гимназіи была при немъ дѣйствительнымъ органомъ управленія, гдѣ съ полной свободой членами ея обсуждались разные учебно-воспитательные вопросы, и гдѣ признаваемый всѣми авторитетъ директора, не насилуя ничьихъ мнѣній, давалъ лишь руководящее направленіе, безирестанно вырабатываемое неослабнымъ наблюденіемъ и глубокимъ пониманіемъ дѣла и соგრѣваемое самымъ живымъ и сердечнымъ къ нему участіемъ. Въ одно изъ первыхъ засѣданій, состоявшихся подъ его предсѣдательствомъ. И. С. Орлай заявилъ всѣмъ членамъ конференціи, „чтобы каждый изъ присутствующихъ въ засѣданіяхъ на счетъ управленія гимназіи объявлялъ свои мысли свободно и вольно, хотя бы случилось то противъ какой-либо мѣры, предлагаемой самимъ директоромъ, и чьи окажутся основательнѣйшими сужденія, записывать въ параграфахъ журналовъ“ ⁴⁾). Совершенно естественно, что такой взглядъ на вещи при-

¹⁾ Гимназія высшихъ наукъ, стр. 193.

²⁾ Тамъ же, стр. 189.

³⁾ Стр. 120.

⁴⁾ Журналъ засѣданія конференціи 17-го декабря 1821 года, § 14. Ср. Н. Лавровскій, стр. 125.

влекъ къ И. С. Орлаю любовь и уваженіе лучшихъ членовъ преподавательской корпораціи, вызывая въ худшихъ недоумѣнія и напрасныя опасенія. Что же касается воспитанниковъ, то, по словамъ одного изъ нихъ, Н. В. Кукольника, „этотъ, повидимому, слабый, раздражительный, страшный начальникъ умѣлъ снискивать любовь къ себѣ дѣтей почти неограниченную. Никто въ присутствіи его никогда не забывался, но никто и не стѣснялся его присутствіемъ. Шалили напропалую, учились еще пуще и наблюдали только за тѣмъ, чтобы въ шалости глѣ подлости не заглѣзла. Такое направленіе получило характеръ рыцарскій, въ особенности съ открытіемъ 7-го класса. Тогда Иванъ Семеновичъ останавливалъ молодежь, если больно шалила, словами: „неловко, господа! вѣдь вы уже офицеры“. И юношество ровнялось, укладывалось въ благородныя формы, лѣзло, рвалось быть образованнымъ, даже ученымъ“. Такое гуманное и истинное педагогическое отношеніе къ воспитанникамъ и создало при Орлаѣ въ Нѣжинской гимназій, согласно тѣмъ же воспоминаніямъ, то „высокое, поэтическое и веселое направленіе, которое въ воспитанниковъ умѣлъ вдохнуть достойный начальникъ“¹⁾.

Первымъ и главнѣйшимъ дѣломъ И. С. Орлая въ его директорство въ Нѣжинѣ, продолжавшемся около пяти лѣтъ, была организація состава учениковъ по отдѣленіямъ и классамъ, въ чемъ до утвержденія устава второй директоръ, подобно первому, руководился его проектомъ. Утвержденный гораздо позже, уставъ гимназій полученъ былъ въ Нѣжинѣ лишь за годъ до оставленія Орлаемъ должности директора, да и то немедленно былъ вытребованъ министерствомъ обратно вслѣдствіе какихъ то неисправностей въ его текстѣ²⁾. Ежегодно умножаясь новымъ классомъ, гимназія къ концу директорства Орлая имѣла всѣ 9 классовъ, и передъ самымъ своимъ отъѣздомъ изъ Нѣжина онъ могъ видѣть первый выпускъ, состоявшійся въ іюнѣ 1826 года, въ количествѣ 11 человекъ. Число учениковъ въ гимназій при Орлаѣ съ каждымъ годомъ быстро возросло и, доходя въ 1821 году лишь до 41 по всемъ тремъ отдѣленіямъ³⁾, въ 1826 году выражалось уже почтенной цифрой до 250. Разумѣется, въ этомъ

¹⁾ Гимназія высшихъ наукъ, стр. 198.

²⁾ Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія. Дополненіе. С.-Пб. 1867, стр. 208—209, прим. Ср. *Н. Лазаровскій*, стр. 126—127.

³⁾ Архивъ гимназій высшихъ наукъ. Дѣла 1821 года, рапортъ инспектора Ф. Чевіева отъ 29-го октября 1821 года.

играла сильную роль и возраставшая потребность въ образованіи; но что увеличеніе количества учениковъ гимназіи при Орлаѣ основывалось также и на довѣріи родителей къ личности директора заведенія, это видно изъ многихъ писемъ и прошеній, сохранившихся въ гимназическомъ архивѣ¹⁾. И. С. Орлаемъ былъ проведенъ въ конференціи и выполненъ на дѣлѣ цѣлый рядъ мѣръ учебно-воспитательнаго и административнаго характера²⁾; если нѣкоторыя изъ нихъ (преимущественно касавшіяся пансіонеровъ и ихъ быта) и носятъ на себѣ нѣсколько сантиментальный характеръ школы Ж. Ж. Руссо и сильно напоминаютъ педагогическія тенденціи императрицы Екатерины II, то нужно принять въ расчетъ, что эти идеи въ ту пору еще далеко не были отсталыми; другія же мѣры (напримѣръ, вытекавшія изъ взгляда директора на отношеніе новыхъ языковъ и предметовъ въ системѣ школьнаго обученія) даже и съ точки зрѣнія современныхъ педагогическихъ понятій могутъ вызывать лишь полное убѣжденіе въ опытности, дальновидности и гуманности И. С. Орлая,

Вторымъ, также чрезвычайно важнымъ дѣломъ Орлая было образованіе состава преподавателей гимназіи. Въ ту пору даже и университеты не могли похвалиться блестящимъ преподавательскимъ персоналомъ: тѣмъ труднѣе было подыскать соотвѣтствующія силы для не особенно привлекательной службы въ такомъ небольшомъ городѣ, какъ Нѣжинѣ. Какія требованія предъявлялъ Орлай къ кандидатамъ на занятіе преподавательскихъ мѣстъ въ ввѣренной ему гимназіи, это видно изъ слѣдующаго его мнѣнія, записаннаго въ журналѣ конференціи 30-го іюня 1822 года: „желательно, чтобы всѣ, имѣющіе вступить на поприще наставниковъ гимназіи высшихъ наукъ, имѣли: 1) достовѣрныя, за подписаніемъ мѣстныхъ учебныхъ начальствъ, подъ которыми они учились, свидѣтельства о пройденныхъ ими съ похвалою не только предуготовительныхъ гимназическихъ наукахъ, но и академическихъ; 2) чтобы они возведены были на университетское достоинство или кандидата или магистра или доктора, которыя степени еще со временъ Карла Великаго учреждены для того, чтобы приобрѣсть хорошихъ наставниковъ, для чего и въ дипломахъ, возведеннымъ въ таковыя достоинства выдаваемыхъ, помѣщается право преподавать науки въ публичныхъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ то: въ университетахъ, академіяхъ и лицейхъ;

¹⁾ *Н. Лавровскій*, стр. 133.

²⁾ *Н. Лавровскій*, стр. 138—146.

3) чтобы тѣ, кои хотять быть профессорами, извѣстны были высшему начальству по долговременной ихъ въ учебныхъ заведеніяхъ службѣ, способностію своею и усердіемъ въ наставленіи юношества, и при томъ имѣли бы столько другихъ ученыхъ познаній, чтобы въ случаѣ отлучки или болѣзни кого-либо изъ профессоровъ, могли на время занимать его мѣсто“¹⁾). Нисколько не удивительно, что эти требованія не могли быть осуществлены Орлаемъ примѣнительно къ каждому изъ приглашенныхъ имъ на службу въ гимназію лицъ; между ними не всѣ оказались одинаковаго достоинства какъ по своимъ научнымъ познаніямъ и умѣнію преподавать, такъ и по своему характеру, направленію мыслей и нравственнымъ убѣжденіямъ. „По закону взаимнаго притяженія—говорить объ этомъ времени П. Г. Рѣдкинъ— профессора раздѣлились, не скажу на двѣ партіи, потому что ихъ не было и быть не могло, а на два кружка. Къ одному принадлежали люди благородные, умные и свѣдущіе, а къ другому — ихъ большая или меньшая противоположность. Сперва эти кружки уживались кое-какъ между собою; но съ того времени, когда Бѣлоусовъ, на окончательномъ экзаменѣ воспитанниковъ перваго выпуска, не получивъ на свои вопросы по юридическимъ предметамъ удовлетворительныхъ отвѣтовъ ни отъ студентовъ, ни отъ профессора юридическихъ наукъ Билевича, объявилъ во всеуслышаніе съ запальчивостію и съ свойственною ему заносчивостію, въ присутствіи директора Орлая, что онъ находитъ недостаточными юридическія познанія окончившихъ курсъ юношей, долго таившаяся вражда между двумя кружками вспыхнула, и между ними началась открытая война. Къ сожалѣнію, нѣкоторые изъ враждующихъ употребили не совсѣмъ рыцарское оружіе для пораженія своихъ противниковъ: доносы и клевету“²⁾). Но эта исторія во всемъ своемъ развитіи имѣла мѣсто уже послѣ Орлая.

Изъ профессоровъ первой, лучшей категоріи должно назвать: Бѣлоусова, Зингера, Ландражина, Соловьева, Андрущенко. Къ нимъ нужно присоединить и проф. Шапалинскаго, поступившаго на службу въ гимназію еще до Орлая.

Н. Г. Бѣлоусовъ читалъ (1825—1830) въ гимназіи право естественное, государственное, народное и римское съ его исторіей. Н. В. Кукольникъ такъ вспоминаетъ о его преподаваніи: „Съ необычай-

¹⁾ *Н. Лавровскій*, стр. 164.

²⁾ Гимназія высшихъ наукъ, стр. 316.

нымъ искусствомъ Николай Григорьевичъ изложилъ намъ всю исторію философіи, а съ тѣмъ вмѣстѣ и естественнаго права, въ нѣсколько лекцій, такъ что въ головѣ каждаго изъ насъ установился прочно стройный систематическій скелетъ науки наукъ, который каждый изъ насъ могъ уже облекать въ тѣло по желанію, способностямъ и ученымъ средствамъ. Не меньшую пользу доставило намъ въ нравственномъ отношеніи и то, что Орляй назначилъ Бѣлоусова нашимъ инспекторомъ... Справедливость, честность, доступность, добрый совѣтъ, въ приличныхъ случаяхъ необходимое одобреніе — все это благотѣльно дѣйствовало на кружокъ студентовъ¹⁾.

Не менѣе сочувственный отзывъ другого студента, П. Г. Рѣдкина, вмѣстѣ мы о профессорѣ математики и естественныхъ наукъ К. В. Шапалинскомъ (1820—1830): „Безукоризненная честность, неизмѣнная справедливость, правдолюбивое прямодушіе, скромная молчаливость, тихая серьезность, строгая умѣренность и воздержаніе въ жизни, отсутствіе всякаго эгоизма, всегдашняя готовность ко всякаго рода самопожертвованіямъ для пользы ближняго—вотъ основныя черты нравственнаго характера этого чистаго человѣка, достойнаго во всѣхъ отношеніяхъ гораздо лучшей участи. Какъ профессоръ, онъ горячо любилъ и очень хорошо зналъ преподаваемые имъ предметы и излагалъ ихъ съ краткою, но ясною сжатостію, безъ всякаго фразерства, но съ увлеченіемъ, умѣя заохочивать къ ихъ изученію тѣхъ изъ учениковъ, въ которыхъ таилась искра безкорыстной преданности истинѣ, наукѣ“²⁾.

Вторымъ достойнымъ представителемъ по кафедрѣ естествознанія въ гимназіи былъ Н. Ѳ. Соловьевъ (1825—1837). Объ искусствѣ его преподаванія такъ говоритъ Н. В. Кукольникъ: „Наука въ томъ видѣ, какъ онъ преподавалъ ее, казалась полною, удовлетворительною; всѣ могли успѣвать приготовленіемъ уроковъ и успѣвали, и я ручаюсь, что большая часть воспитанниковъ, въ томъ числѣ и я, по выходѣ изъ заведенія были убѣждены, что они знаютъ ботанику, минералогію, зоологію и физику какъ слѣдуетъ. Впрочемъ я точно также убѣжденъ и въ томъ, что впослѣдствіи каждый изъ воспитанниковъ, не оставившихъ ученыхъ занятій, сознавался, что Соловьевъ преподавалъ превосходно; въ слушателей своихъ умѣлъ вложить о

¹⁾ Гимназія высшихъ наукъ, стр. 242.

²⁾ Гимназія высшихъ наукъ, стр. 317.

каждой наукѣ ясныя понятія и вѣрныя начала, и такимъ образомъ облегчалъ пути дальнѣйшаго изученія“¹⁾.

Весьма образованными и знающими преподавателями двухъ новыхъ западно-европейскихъ языковъ и литературъ были *Ө. О. Зингеръ* (1824—1830), профессоръ нѣмецкой словесности, и *И. Я. Ландражинъ* (1822—1838), профессоръ французской словесности²⁾.

О профессорѣ латинской словесности *С. М. Андрущенко* (1822—1832) имѣемъ мы такой отзывъ одного изъ его слушателей, *В. К. Каминскаго*: „Семень Матвѣевичъ преподавалъ въ четырехъ высшихъ отдѣленіяхъ или курсахъ латинскую словесность, начиная съ синтаксиса и оканчивая переводомъ и разборомъ древнихъ классиковъ. Преподаваніе его отличалось замѣчательною точностію и ясностію изложенія, переводы — легкостію и пріятностію, а разборы классиковъ, особенно *Виргилія* — вкусомъ и вѣрностію взгляда, невольно увлекавшими слушателей и обличавшими въ немъ глубокаго знатока римскихъ древностей. Его воспитанники, прослушавъ два курса, свободно переводили съ русскаго на латинскій и обратно и даже составляли цѣлыя сочиненія на латинскомъ языкѣ“³⁾.

Къ другой категоріи принадлежали профессора *Билевичъ*, *Геропесь*, *Никольскій* и *Моисеевъ*, изъ которыхъ два послѣдніе поступили на службу въ гимназію до *Орлая*.

Наиболѣе типичнымъ изъ нихъ былъ *П. И. Никольскій*, профессоръ русской словесности (1820—1833). Объ этой своеобразной личности сохранились весьма живыя и интересныя воспоминанія *Н. В. Кукольника*: „Несмотря на то, что въ литературѣ и философій онъ былъ рѣшительный старовѣръ, намъ собственно оказалъ онъ много пользы своею доступностію, добросердечіемъ, наконецъ самою оппозиціей современнымъ эстетическимъ направленіямъ. Онъ спорилъ съ нами, что называется, до слезъ; заставлялъ насъ насильно восхищаться *Ломоносовымъ*, *Херасковымъ*, даже *Сумароковымъ*; проповѣдывалъ ех cathedra важность и значеніе эпопей древнихъ формъ, а *байроновскія* поэмы тѣхъ временъ называлъ ведегласно побасенками. Это заставило одного изъ учениковъ написать довольно пространную диссертацию о невозможности стараго эпоса въ наше время. Диссер-

¹⁾ Гимназія высшихъ наукъ, стр. 304.

²⁾ *Н. Лагровскій*, стр. 171—172. Отзывы о томъ и о другомъ *Н. В. Кукольника* см. въ „Гимназіи высшихъ наукъ кн. Безбородко“, стр. 262 и 277.

³⁾ Гимназія высшихъ наукъ, стр. 230.

тація съ умысломъ замедлилась, такъ что поспѣла утромъ того дня, когда назначенъ былъ годичный экзаменъ. Въ присутствіи почетнаго попечителя, директора и всѣхъ профессоровъ началось испытаніе. Всѣ удивлялись успѣхамъ воспитанниковъ, даже самъ профессоръ. Наконецъ, дошла очередь до онаго коварнаго сочинителя диссертаци. Добрѣйшій Парфеній Ивановичъ не подозрѣвалъ никогда никого ни въ чемъ и добродушно распространился въ похвалахъ этому воспитаннику, и вмѣсто того, чтобы экзаменовать его, просилъ позволенія прочесть написанную имъ диссертацию. Графъ А. Г. Кушелевъ-Безбородко охотно согласился. Можно себѣ представить изумленіе Парфенія Ивановича, когда началось чтеніе. Онъ то блѣднѣлъ, то краснѣлъ, но принужденъ былъ дослушать до конца. Всѣ его литературныя вѣрованія были подвергнуты безошадному анализу; приведенныя доказательства и примѣры были слишкомъ убѣдительно и блистательно. Диссертациа удостоилась единодушнаго одобренія, при чемъ графъ похвалялъ и поблагодарилъ автора, а кстати поздравилъ и профессора. Парфеній Ивановичъ, сначала совершенно смущенный, но похвалами графа нѣсколько успокоенный, хотѣлъ дать дѣлу приличную благовидность и отозвался: „хотя сочиненіе противорѣчитъ правиламъ Батѣ (такъ произносилъ онъ фамилію французскаго эстетика), но я, для диспута, дозволяю имъ иногда защищать парадоксы“. — „Я тутъ не вижу никакого парадокса“, отвѣчалъ графъ сухо, догадываясь въ чемъ дѣло. Это уязвило Парфенія Ивановича, и на слѣдующій годъ мы стали учиться съ нимъ по методѣ взаимнаго обученія: онъ знакомилъ насъ съ такъ называвшимися русскими классиками, а мы на каждой лекціи подкладывали ему для исправленія, вмѣсто своихъ, стихи Пушкина, Козлова, Языкова и другихъ. Онъ маралъ ихъ нещадно, при чемъ мы не могли довольно надивиться изворотливости его отъ природы остраго ума¹⁾. Объ одной изъ такихъ шалостей, хорошо характеризующихъ и то время и личность наставника, разказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ сослуживецъ Никольскаго преподаватель латинскаго языка въ гимназіи И. Г. Кулжинскій (1825—1829), со словъ Е. В. Гребенки, воспитанника гимназіи выпуска 1831 года, впослѣдствіи извѣстнаго писателя: „Однажды этотъ профессоръ приказалъ ученикамъ написать стихи на произвольную тему. Когда такіе стихи были потомъ разсмотрѣны и поправлены профессоромъ, вотъ Гребенка послѣ обѣда перелѣзъ черезъ плетень

¹⁾ Гимназіа высшихъ наукъ, стр. 294.

ко мнѣ и послѣ разныхъ разговоровъ, сопровождаемыхъ дѣтскимъ смѣхомъ, сказали: „А показать вамъ штуку? — „Покажи, другъ мой“. — „А никому не скажете? — „Что-жь это такое? Разумѣется. если можно, никому не скажу“. — „Пожалуйста, не говорите, никому“. Съ этими словами Гребенка вынулъ изъ кармана и подаль мнѣ. смѣясь, стихи, которые онъ представлялъ профессору для исправленія, какъ свое собственное сочиненіе: это были извѣстные стихи Козлова

„Вечерній звонъ! вечерній звонъ!

Ахъ! сколько думъ наводитъ онъ! и проч.

Профессоръ, не читавши ничего новаго, ужасно переправилъ эти стихи, почитая ихъ произведеніемъ ученика 5-го класса Гребенкина; не оставалось ни одной строчки не поправленной, и въ заключеніе всего профессоръ написалъ похвалу: „изряднѣхонько“¹⁾). Впрочемъ. тотъ же Н. В. Кукольникъ, отдавая дань справедливости своему учителю, писалъ: „какъ бы то ни было, мы многимъ обязаны Парфенію Ивановичу. Онъ положительно заставилъ насъ изучить русскую литературу до Пушкина и отрицательно втянулъ насъ въ изученіе литературы новѣйшей. Во всякомъ случаѣ, онъ съ своими вѣрованіями, энергіей, одушевленіемъ и другими качествами, приохотилъ насъ всѣхъ къ литературнымъ занятіямъ“²⁾).

Достойнымъ вниманія событіемъ въ жизни Нѣжинской гимназіи высшихъ наукъ при И. С. Орлаѣ былъ приемъ въ 1822 году въ гимназическій пансіонъ, на средства почетнаго попечителя, нѣсколькихъ дѣтей изъ греческихъ семействъ, бѣжавшихъ съ родины въ Россію. главнымъ образомъ въ Одессу, во время національнаго возстанія противъ турокъ. Дѣти явились изъ Одессы безъ всякаго знанія русскаго языка, и это обстоятельство повело за собою введеніе необязательнаго обученія греческому языку въ гимназіи, для чего и приглашенъ былъ преподаватель Нѣжинскаго греческаго училища Хр. Геропесь (1822—1833)³⁾. Эта прибавка къ гимназическому преподаванію, выдѣлявшая Нѣжинскую гимназію изъ другихъ подобныхъ ей учрежденій, должна быть отнесена къ положительнымъ приобрѣтеніямъ заведенія въ учебномъ отношеніи, такъ какъ уроки греческаго языка и литературы, посѣщавшіеся и нѣкоторыми изъ русскихъ воспитанниковъ, не могли быть лишены извѣстнаго общеобразовательнаго вліянія.

¹⁾ Воспоминанія учителя. *Москвитянинъ*, 1854, № 21, сѣбрь, стр. 8.

²⁾ Гимназія высшихъ наукъ, стр. 296.

³⁾ *Н. Лауровскій*, стр. 136—138, 181—183.

Ко времени директорства Орлая относится и учреждение домово́й гимназической церкви, освященной 22-го июня 1824 года въ память священномученика Александра-пресвитера, празднуемую 14-го марта. Наконецъ, при Орлаѣ, въ 1822 году, по инициативѣ почетнаго попечителя была попытка учредить при гимназіи „ученое общество“; но директоръ и конференція, когда запрошено было ихъ мнѣніе, высказались противъ этого, указывая на то, что гимназія еще не окрѣпла въ своемъ составѣ, не имѣетъ надлежащихъ средствъ (напр. библиотеки) для успѣшныхъ дѣйствій „общества“, и немногочисленныя ея преподавательскія силы (а именно онѣ и имѣлись въ виду въ проектѣ почетнаго попечителя) желательнѣе было бы прежде всего употребить на прямыя учебныя цѣли только что начавшей свое существованіе гимназіи ¹⁾.

1-го августа 1826 года И. С. Орлай получилъ назначеніе директора Рихельевского лицея въ Одессѣ и вскорѣ оставилъ Нѣжинъ. Мы не знаемъ настоящихъ причинъ этого рѣшенія; на нихъ вскользь указываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ И. Г. Кулжинскій: „директоръ съ утра до ночи бился какъ рыба объ ледъ, и рѣдко въ комъ находилъ сочувствіе или пособіе... И. С. Орлай чрезвычайно тяготился своимъ положеніемъ въ Нѣжинѣ“ ²⁾; но, сколько извѣстно, Орлай въ свое директорство не былъ совершенно лишенъ сочувствія и поддержки со стороны наиболѣе достойныхъ членовъ конференціи, о которыхъ шла рѣчь выше, и, быть можетъ, въ причинахъ оставленія имъ Нѣжина лежали главнымъ образомъ личныя обстоятельства: Одесскій лицей, удовлетворяя внутреннимъ запросамъ педагогической дѣятельности Орлая, имѣлъ преимущество передъ Нѣжинскою гимназіей и болѣе широкой постановкой учебнаго дѣла и нахожденіемъ въ болѣе обширномъ городѣ, представлявшемъ болѣе разнообразія для жизни.

IV.

Временное исправленіе должности директора К. В. Шапалинскимъ.—Директорство Д. Е. Ясновскаго.—Преобразование гимназіи въ лицей князя Безбородко.

По отъѣздѣ Орлая, оставшаяся вакантною должность директора гимназіи высшихъ наукъ была замѣщена не сразу: 28-го октября 1826 года временное управленіе гимназіей было поручено начальствомъ

¹⁾ См. у *Н. Лавровскаго*, стр. 191—193, 244—246.

²⁾ Гимназія высшихъ наукъ, стр. 271.

профессору К. В. Шапалинскому и хотя 22-го января 1827 года состоялось назначеніе директоромъ гимназіи Д. Е. Ясновскаго, но послѣдній, проживая въ Черниговѣ, фактически вступилъ въ должность лишь 6-го октября 1827 года, и такимъ образомъ временное управленіе гимназіею Шапалинскимъ продолжалось въ дѣйствительности около года.

Уходъ Орлая, сдерживавшаго своимъ личнымъ авторитетомъ и опытностью неумѣренное проявленіе тѣхъ послѣдствій, какія могло повести за собою его весьма либеральное отношеніе какъ къ профессорской корпораціи, такъ и къ воспитанникамъ, не замедлилъ сдѣлаться причиною нѣкоторыхъ событій въ гимназіи, нарушившихъ спокойное теченіе ея жизни. Дѣло идетъ, главнымъ образомъ, о безпорядкахъ въ гимназическомъ пансіонѣ. Уже 25-го октября 1826 года профессоръ Бѣлоусовъ, назначенный на должность инспектора пансіона въ іюлѣ 1826 года, доноситъ конференціи, что „нѣкоторые воспитанники пансіона, скрываясь отъ начальства, пишутъ стихи, не показывающіе чистой нравственности, и читаютъ ихъ между собою, читаютъ книги, не приличныя для ихъ возраста, держатъ у себя сочиненія Александра Пушкина и другихъ подобныхъ“. По предписанію почетнаго попечителя, это дѣло подвергнуто было строгому разслѣдованію, причемъ, какъ видно изъ рапорта инспектора отъ 14-го ноября того же года, у пансіонера Гребенкина былъ найденъ отрывокъ оды Пушкина „На свободу“¹⁾. Исправлявшій до Бѣлоусова должность инспектора (съ 30-го марта 1822 года) профессоръ К. А. Моисеевъ, поддерживаемый нѣкоторыми изъ своихъ товарищей, доноситъ въ конференцію 16-го апрѣля 1827 года, что „пансіонеры начинаютъ читать непозволенные книги; въ классахъ, при задаваемыхъ имъ вопросахъ, оказываются занятыми не столько ученіемъ, сколько выучиваніемъ театральныхъ ролей; что ученики въ городѣ проигрываютъ свое платье въ карты, изъ оконъ пансіона обидно кричатъ и свищутъ на проходящихъ мимо гимназіи благородныхъ дамъ въ сопровожденіи офицеровъ, прохаживаются въ саду въ неблагопристойномъ и безобразномъ видѣ“ и т. д. Новый инспекторъ, Бѣлоусовъ, усматривая въ этомъ донесеніи упрекъ своей собственной инспекторской нерадивости, въ отвѣтномъ рапортѣ отъ 7-го мая 1827 года, разказавъ вначалѣ, съ какой неохотой соглашался онъ на приглаше-

¹⁾ *Н. Лаговскій*, стр. 149. Вѣроятно, тутъ слѣдуетъ разумѣть известное стихотвореніе „Андрей Шенье“, съ которымъ Пушкинъ имѣлъ столь печальное дѣло: см. Сочиненія А. С. Пушкина, изд. Лит. Фонда т. 1, стр. 348.

не Орлая принять инспекторство, далѣе говорить: „Богъ помогъ мнѣ въ семь моемъ подвигѣ... И въ то время, когда подавлено ужаснѣйшее буйство пансіонеровъ; когда они не только потеряли навыкъ, но и не думаютъ, какъ прежде было, бродить толпами по трактирамъ для пьянства, по подозрительнымъ мѣстамъ для произведенія постыдныхъ безчинствъ; когда не видны болѣе въ музеяхъ ¹⁾ толпы юнкеровъ, извнѣ приносившихъ съ собою неопытнымъ дѣтямъ всякаго рода развратъ; когда вмѣсто прежняго занятія пущаніемъ ракетъ въ саду и музеяхъ и стрѣльбою, бродя по Мачеркамъ ²⁾, они занимаются науками или забавляются приличными и дозволенными имъ играми; когда скромность и послушаніе отличаютъ пансіонеровъ передъ прочими—вздумали утверждать, что за пансіонерами нѣтъ надлежащаго смотрѣнія со стороны инспектора“ ³⁾. Въ томъ и другомъ донесеніи, несомнѣнно, слышится косвенно голосъ личности, позволяющей однако же заключать, что немедленно по оставленіи Орлаемъ гимназій, среди гимназическихъ пансіонеровъ стали обнаруживаться признаки броженія съ нехорошимъ отбѣнкомъ; напрасно оба инспектора сваливаютъ вину одинъ на другого: тутъ корни дѣла лежали глубже—и прежде всего въ самой системѣ Орлая, умѣвшаго руководить дѣломъ лично и не передававшего этого умѣнія гимназической корпораціи. Главнымъ источникомъ всякаго рода соблазновъ для пансіонеровъ, число которыхъ было сравнительно не велико ⁴⁾, являлся многочисленный контингентъ вольно-приходящихъ учениковъ ⁵⁾, жившихъ на квартирахъ безъ достаточнаго присмотра какъ со стороны родителей и родственниковъ, такъ и гимназическаго начальства ⁶⁾.

Ко времени исправленія должности директора К. В. Шапалинскимъ относится и начало занятій воспитанниковъ гимназій, особенно пансіонеровъ, театральными представленіями въ зданіи гимназій ⁷⁾. Конечно, при этомъ имѣлись въ виду у начальства добрыя воспитательныя цѣли, но, при ненормальныхъ отношеніяхъ, сложившихся

¹⁾ Музеи—помѣщенія пансіонеровъ, соответствовавшія первоначально числу отдѣленій, а потомъ числу классовъ (*Н. Лауровскій*, стр. 139).

²⁾ Мачерки—предмѣстье Нѣжина, смежное съ гимназіей.

³⁾ *Н. Лауровскій*, стр. 147—148.

⁴⁾ Къ 1-му января 1827 года ихъ было 50 (*Н. Лауровскій*, стр. 135).

⁵⁾ Къ тому же времени число ихъ 159.

⁶⁾ *Н. Лауровскій*, стр. 151.

⁷⁾ Разрѣшеніе получено было отъ 28 декабря 1826 года (*Н. Лауровскій*, стр. 159).

въ это время между пансіонерами и ихъ руководителями, занятія театромъ повлекли за собой и нѣкоторыя весьма нежелательныя послѣдствія. Проф. Никольскій, въ рапортѣ своемъ конференціи отъ 16 апрѣля 1827 года, и проф. Билевичъ, въ рапортѣ отъ 2 октября того же года, представили дѣло занятія театромъ воспитанниковъ лишь со стороны уаадка нравственности и развращенія вкуса ¹⁾). Назначено было разбирательство, къ которому привлечены были въ качествѣ обвиняемыхъ, нѣкоторые пансіонеры—и между ними Гоголь, принимавшій въ созданіи гимназическаго театра живѣйшее участіе ²⁾). Хотя дѣло это ни для кого не имѣло прямыхъ серьезныхъ послѣдствій, но по связи съ общимъ настроеніемъ и по тому смыслу, который пытались дать ему нѣкоторые изъ членовъ конференціи, оно должно было произвести на воспитанниковъ нехорошее въ педагогическомъ отношеніи впечатлѣніе и далеко не могло имѣть тѣхъ благотворно-воспитательныхъ результатовъ, которые можно было ожидать отъ него при иномъ къ нему отношеніи со стороны ближайшихъ руководителей.

Несмотря на свои почтенныя умственные и нравственные качества, которыми характеризуетъ его выше приведенный отзывъ П. Г. Рѣдкина, К. В. Шапалинскій, въ силу своего временнаго положенія во главѣ гимназіи, конечно, не могъ предпринять ничего существеннаго въ пользу этого учебнаго заведенія, ограничиваясь лишь сохраненіемъ по возможности того порядка вещей, который сложился при Орлаѣ.

Новый директоръ прибылъ въ Нѣжинъ и вступилъ въ исполненіе своихъ обязанностей 6 октября 1827 года. Данило Емельяновичъ Ясновскій (род. между 1767—1769 г.), проведеншій до директорства въ Нѣжинѣ свою службу то въ канцеляріи у графа Румянцова-Задунайскаго, то въ управленіи имѣніями его сына графа Сергѣя Петровича, то въ должности генеральнаго судьи и предсѣдателя Уголовной палаты въ Черниговѣ, нисколько не былъ подготовленъ къ своей трудной обязанности руководителя—педагога, и явился въ этомъ отношеніи далеко не вровень двумъ своимъ заслуженнымъ предшественникамъ, В. Г. Кукольнику и И. С. Орлаю. Тогда какъ для этихъ послѣднихъ директорство вполнѣ естественно вытекало изъ ихъ характера и подготовки, для Ясновскаго оно явилось случайной ступенью

¹⁾ *Н. Лавровскій*, стр. 159, 161.

²⁾ *Н. Лавровскій*, стр. 162.

на служебной лѣстницѣ. Хотя И. Г. Кулжинскій очень горячо отзывается о научныхъ познаніяхъ и образованности Ясновскаго ¹⁾, но мы не находимъ оправданія этого мнѣнія въ дѣйствіяхъ его какъ директора: быть можетъ качества эти выказывалъ онъ только въ однихъ частныхъ отношеніяхъ. Сколько можно судить по журналамъ конференціи гимназіи, въ засѣданіяхъ ея при Ясновскомъ не было поднято для обсужденія ни одного капитальнаго въ учебно-педагогическомъ отношеніи вопроса; напротивъ, члены конференціи много занимались препирательствами совершенно формальнаго характера о ревизіи бібліотеки ²⁾, о „фальшахъ“, будто бы допущенныхъ проф. Никольскимъ въ счетныхъ книгахъ гимназіи времени директора Кукольника ³⁾; пространно разсуждали о внѣшнихъ служебныхъ преимуществахъ и проч. Важнѣйшимъ же, по своимъ печальнымъ послѣдствіямъ, дѣломъ конференціи въ первые три года при Ясновскомъ было разбирательство извѣстной исторіи о вольнодумствахъ, внесшей въ среду профессоровъ полнѣйшій разладъ и отразившейся самымъ невыгоднымъ образомъ на внутреннемъ состояніи гимназіи и пансіона. Исторія эта очень подробно разказана по документамъ Н. А. Лавровскимъ ⁴⁾. Будучи совершенно однородной съ подобными же исторіями въ С.-Петербургскомъ ⁵⁾, Казанскомъ ⁶⁾ и Харьковскомъ ⁷⁾ университетахъ, нѣжинская исторія вышла первоначально изъ обвиненія профессоровъ Бѣлоусова, Шаналинскаго, Ландражина и Зингера въ вольнодумствѣ и вредномъ вліяніи на юношество; обвиненіе шло изъ самой же среды товарищей и сослуживцевъ обвиняемыхъ, особенно проф. Билевича, который еще въ рапортѣ отъ 7-го мая 1827 года, указывая на признаки дурнаго поведенія пансіонеровъ и вольноприходящихъ, говоритъ, что „примѣтилъ въ нѣкоторыхъ ученикахъ нѣкоторыя основанія вольнодумства, происходившія отъ заблужденія въ основаніяхъ права естественнаго“ (читавшагося проф. Бѣлоусовымъ), и объясняетъ это тѣмъ, что естественное право читается въ гимназіи

¹⁾ Гимназія высшихъ наукъ, стр. 208.

²⁾ Журналы конференціи за 1829 годъ, мартъ и апрѣль.

³⁾ Журналы конференціи за 1828 годъ, іюнь—декабрь, и 1829 годъ, январь мартъ, іюнь.

⁴⁾ Стр. 195—230.

⁵⁾ *Сухомяиновъ*. Статьи и изслѣдованія I, 254—397.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 229—231.

⁷⁾ *Лавровскій*, Эпизодъ изъ исторіи Харьковскаго университета. *Ученія въ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ*, 1873, кн. 2.

не по системѣ де-Мартини, вопреки предписанію попечителя отъ 19-го мая 1824 года, а по основаніямъ философіи Канта и Шада ¹⁾. Директоръ Ясновскій, сколько можно судить изъ документовъ, ничего не сдѣлалъ для того, чтобы дать этой исторіи менѣе острый характеръ; изъ засѣданій гимназической конференціи разслѣдованіе дѣла (съ участіемъ въ немъ пансіонеровъ, напримѣръ Кукольника, Гоголя, Родзянки и другихъ) перенесено было къ высшему начальству. Въ февралѣ 1830 года прибылъ въ Нѣжинъ изъ Петербурга командированный для этого дѣла и для ревизіи гимназій во всѣхъ частяхъ членъ главнаго правленія училищъ Э. Б. Адеркасъ, а отъ 27 октября 1830 года министромъ было сообщено въ гимназію слѣдующее рѣшеніе: „Государь Императоръ, въ 26 день сего октября, высочайше повелѣть соизволилъ: профессоровъ гимназій высшихъ наукъ князя Безбородко, Шапалинскаго и Бѣлоусова, за вредное на юношество вліяніе, а Ландражина и Зингера, сверхъ того, и за дурное поведеніе, отрѣшить отъ должности, со внесеніемъ сихъ обстоятельствъ въ ихъ паспорта, дабы таковымъ образомъ они и впредь не могли быть нигдѣ терпимы въ службѣ по учебному вѣдомству, и тѣхъ изъ нихъ, кои не русскіе, выслать за границу, а русскихъ на мѣста ихъ родины, отдавъ подъ присмотръ полиціи“ ²⁾. Мы приведемъ здѣсь справедливыя заключительныя слова объ этой исторіи Н. А. Лавровскаго: „Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что исторія о вольнодумствѣ, поглотившая совершенно непроизводителью столько труда и времени, принесшая столько вреда существу дѣла, надѣлавшая столько шума, тревогъ и волненій, въ дѣйствительности вовсе не имѣла тѣхъ размѣровъ и того вида, какіе она получила впоследствии въ процессѣ постепеннаго своего развитія. Возникши первоначально изъ личныхъ и мелкихъ неудовольствій, она поддерживалась, возбуждалась и возростала подъ вліяніемъ съ одной стороны все болѣе и болѣе оскорбляемаго самолюбія, искавшаго себѣ во что бы то ни стало удовлетворенія, и все болѣе и болѣе усиливавшихся самонадѣянности и заносчивости съ другой. Извѣстно, что первый рапортъ Билевича, направленный главнымъ образомъ противъ театральныя представленій и безпорядковъ пансіона, слегка и мимоходомъ касается преподаванія естественнаго права, указывая только на то, что преподаватель не руководствуется предписаннымъ сочиненіемъ

¹⁾ Н. Лавровскій, стр. 196.

²⁾ Н. Лавровскій, стр. 228.

де-Мартини. Нельзя сомнѣваться и въ томъ, что отобранныя отъ учениковъ записки потерпѣли сильныя искаженія отъ учениковъ, особенно при участіи Кукольника, и, по всей вѣроятности, нѣкоторыя измѣненія въ интересахъ обвинявшей стороны; что и устныя показанія учениковъ также не были свободны отъ вліяній и внушеній съ той и другой стороны, какъ то и обнаружилось впоследствии. Страсти при продолжительномъ и непрерывномъ возбужденіи воспламенились наконецъ до той степени, на которой теряется равновѣсіе, исчезаетъ чувство мѣры и правды и не разбираются средства для достиженія цѣли. Нельзя не пожалѣть, что Шапалинскій, во время исправленія должности директора, излишнею снисходительностью къ одной сторонѣ, соединенною съ невниманіемъ къ установленнымъ закономъ порядкамъ и формамъ, и небрежнымъ отношеніемъ къ другой усиливалъ вражду и тѣмъ осложнялъ исторію. Больше всего пострадало заведеніе. Три года было парализовано обученіе: и учившіе, и учившіеся, находясь въ ненормальномъ состояніи, конечно относились и къ обученію ненормально. Самое преобразование гимназій, послѣдовавшее спустя два года послѣ слѣдствія, совершилось, должно полагать, подъ вліяніемъ той же исторіи⁴ 1).

Такъ, естественно подходило къ концу существованіе гимназій высшихъ наукъ князя Безбородко. Теряя довѣріе высшей власти, гимназія, однако же, не смотря на свои внутреннія неурядицы, не теряла довѣрія общества: къ 1-му января 1832 года въ ней было 358 человѣкъ, изъ которыхъ—26 пансіонеровъ и 332 вольноприходящихъ; такъ велика была потребность въ образованіи. Просуществовавъ, послѣ печальнаго окончанія исторіи о вольнодумствѣ, безъ особыхъ событій, еще два года, гимназія была преобразована, 7-го октября 1832 года, въ физико-математическій лицей князя Безбородко. Классы гимназій закрывались постепенно, съ постепеннымъ открытіемъ курсовъ лицея, и просуществовали такимъ образомъ до 1837 года.

Вотъ какъ позднѣе объясняла преобразование гимназій высшихъ наукъ въ лицей официальная историческая записка, читанная на торжественномъ актѣ лицея 18-го іюня 1855 года: „Воспитанники гимназій высшихъ наукъ могли получить въ ней образованіе довольно многостороннее, но за то энциклопедическое только. Въ послѣднемъ изъ разрядовъ гимназическаго курса, который долженъ былъ дать обучавшимся въ гимназій высшее образованіе, въ теченіе трехъ лѣтъ

⁴) Стр. 230—231.

излагались: Законъ Божій, російская словесность, философія, науки историческія, науки математическія и физическія, науки политическія, науки военныя и сверхъ того языки: греческій, латинскій, нѣмецкій и французскій и ихъ словесность. Въ три года такое множество предметовъ, преподаваніе коихъ при томъ было раздѣлено сравнительно между немногими, именно восемью профессорами, имѣвшими обязанность, сверхъ высшаго разряда, преподавать также въ разрядѣ среднемъ, могло натурально быть проходимо только въ общихъ чертахъ, а не въ такой глубинѣ, въ какой науки должны быть излагаемы въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, имѣющихъ цѣлью поставить своихъ слушателей вполне въ уровень съ современнымъ состояніемъ тѣхъ наукъ, которыя въ нихъ читаются. Къ этому недостатку устройства гимназіи высшихъ наукъ присоединялся еще другой. Въ высшемъ трехлѣтніи ея курса проходились предметы самые разнородные. Между тѣмъ, по общему правилу, каждый изъ людей, занимающихся науками, имѣетъ способности и чувствуетъ, сообразно съ этимъ, склонность къ одному какому-нибудь разряду наукъ. Только этотъ разрядъ онъ въ состояніи изучать основательно, только въ этомъ разрядѣ онъ можетъ сдѣлаться со временемъ производительнымъ дѣятелемъ. Исключенія изъ сего правила очень рѣдки. Въ гимназіи высшихъ наукъ воспитанникъ не могъ слѣдовать влеченію своихъ дарованій—своему призванію. Онъ долженъ былъ заниматься многими предметами, которые ему были не по нутру, и такимъ образомъ съ одной стороны дѣлать себѣ духовное насиліе, а съ другой стороны — видѣть себя въ любимыхъ наукахъ успѣвающимъ меньше, чѣмъ сколько онъ могъ бы въ нихъ успѣть, если бы занимался ими исключительно и не раздѣлялъ своего времени и своихъ трудовъ между ими и другими предметами¹⁾.

Говоря о лицахъ, руководившихъ гимназіей или вообще трудившихся надъ выполненіемъ ея учебно-воспитательныхъ цѣлей за весь періодъ недолгаго ея существованія, нельзя умолчать и о ея почетномъ попечителѣ. Графъ А. Г. Кушелевъ-Безбородко не только, какъ мы видѣли, положилъ много труда и хлопотъ на гимназію до ея открытія, но и послѣ съ неослабнымъ вниманіемъ слѣдилъ за ходомъ ея жизни; на свои обязанности попечителя смотрѣлъ онъ очень широко и серьезно. Между администраціей гимназіи и нимъ существовала

¹⁾ Историческая записка о состояніи и дѣйствіяхъ лица князя Безбородко и Нѣжинской гимназіи въ 1854—1855 учебномъ году. Кіевъ, 1856, стр. 21—22.

постоянная и дѣятельная переписка по многимъ, часто очень мелкимъ вопросамъ, какъ учебно-воспитательнаго, такъ и хозяйственнаго характера. Даже уѣзжая за границу, онъ требовалъ доставлять себѣ свѣдѣнія о гимназіи въ извѣстные сроки. Ни одно важное дѣло въ гимназіи не получало движенія или осуществленія безъ вѣдома почетнаго попечителя, при чемъ онъ никогда не упускалъ возможности подать въ такихъ случаяхъ добрый совѣтъ или оказать содѣйствіе своимъ влияніемъ, всегда обнаруживая величайшую внимательность къ жизни гимназіи. На нѣкоторыя торжества и публичныя испытанія учениковъ онъ пріѣзжалъ въ Нѣжинъ самъ, иногда производилъ общую ревизію, всячески стараясь вникать въ дѣло и изыскивать средства для его улучшенія. Словомъ, гимназія чрезвычайно многимъ была обязана графу А. Г. Кушелеву-Безбородко, и его авторитетное имя, какъ покровителя гимназіи, безъ сомнѣнія, играло немалую роль въ томъ довѣріи, которое гимназія высшихъ наукъ князя Безбородко быстро приобрѣла и все время удерживала среди мѣстнаго малороссійскаго общества.

V.

Выдающіеся воспитанники гимназіи; ихъ научная, литературная и общественная дѣятельность.

Несмотря на кратковременность своего существованія, гимназія высшихъ наукъ князя Безбородко успѣла выпустить свыше ста „кандидатовъ“ и „дѣйствительныхъ студентовъ“, изъ которыхъ многіе сдѣлались потомъ извѣстными на поприщѣ науки, литературы и государственной службы. Намъ кажется вполне уместнымъ здѣсь вкратцѣ упомянуть о нихъ, такъ какъ это до нѣкоторой степени можетъ служить къ оцѣнкѣ и самого учебнаго заведенія.

Изъ воспитанниковъ гимназіи, посвятившихъ себя служенію наукъ и бывшихъ преподавателями въ русскихъ университетахъ, должно назвать здѣсь профессоровъ Рѣдкина, Рославскаго-Петровскаго и Домбровскаго.

Петръ Григорьевичъ Рѣдкинъ (1808 — 1891), первый кандидатъ перваго выпуска гимназіи 1826 года, удостоенный прѣ окончаніи курса золотой медали, еще на ученической скамьѣ обнаружилъ, по словамъ одного изъ его біографовъ, замѣчательную любовь къ ученымъ и литературнымъ занятіямъ: „проходя курсъ гимназическихъ наукъ—говоритъ В. Толбинъ—Рѣдкинъ независимо отъ общаго пре-

подаванія, много почерпалъ свѣдѣній въ гимназической библиотекѣ, состоявшей почти исключительно изъ французскихъ книгъ, въ особенности историческихъ. Доступъ въ эту библиотеку былъ тѣмъ болѣе свободенъ, что библиотечарь, профессоръ Ландражинъ, взялъ его къ себѣ въ помощники. Въ особенности благотворно дѣйствовало на него литературное направленіе, господствовавшее между воспитанниками. Въ свободное отъ классныхъ занятій время, онъ вмѣстѣ съ другими тремя товарищами (Базили, Кукольниковъ и Тарновскимъ) предпринялъ огромный трудъ: возможно полное сокращеніе всеобщей исторіи, изданной обществомъ англійскихъ ученыхъ и состоящей изъ нѣсколькихъ десятковъ кварталовъ. Трудъ этотъ, хотя и не былъ оконченъ, много способствовалъ не только основательному изученію русскаго и французскаго языковъ; но и развитію историческаго смысла, а главное — приучалъ къ ученымъ занятіямъ. Независимо отъ этого, въ тѣсной комнаткѣ Рѣдкина, въ квартирѣ гувернера Мышковскаго, надзору котораго былъ онъ порученъ, постоянно собирався кружокъ товарищей-журналистовъ, издателей рукописныхъ журналовъ и альманаховъ для чтенія, и критической оцѣнки заключавшихся въ нихъ статей. Въ этихъ ученическихъ изданіяхъ впервые началось литературное поприще въ послѣдствіи извѣстныхъ нашихъ писателей: Гоголя, Кукольника, Базили, Прокоповича и другихъ, составившихъ себѣ имя въ литературѣ¹⁾. Мысль посвятить себя ученой дѣятельности и сдѣлаться профессоромъ зародилась и окрѣпла у Рѣдкина еще въ гимназіи, и вотъ, немедленно по окончаніи въ ней курса, онъ, преодолевая значительныя семейныя препятствія, отправляется въ Московскій университетъ и, поступивъ въ число слушателей этико-политическаго отдѣленія, продолжаетъ здѣсь свои научныя занятія — главнымъ образомъ въ области историческихъ и юридическихъ предметовъ. Черезъ два года онъ является уже слушателемъ тѣхъ же наукъ въ Дерптскомъ университетѣ, пользовавшемся тогда большою славой, а еще черезъ два года отправляется съ тою же цѣлью за границу, гдѣ до половины 1834 года усердно занимается у знаменитѣйшихъ профессоровъ Берлинскаго университета (Савиньи, Рудорфа, Эйхгорна, Гегеля и другихъ), а по лѣтамъ путешествуетъ по Италіи, Швейцаріи и Германіи. Возвратясь въ 1834 году въ Россію и приобрѣтши степень доктора правъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ,

¹⁾ Лицей князя Безбородко. Издать графъ Г. А. Бушелевъ-Безбородко. С.-Пб. 1859 года, стр. 120. Ср. Гимназія высшихъ наукъ, стр. 329.

Рѣдкинъ въ слѣдующемъ году назначенъ былъ преподавателемъ, а вскорѣ и профессоромъ по кафедрѣ энциклопедіи законовѣдѣнія и государственныхъ законовъ въ Московскій университетъ. Выйдя въ 1848 году, по личнымъ убѣжденіямъ, вмѣстѣ съ оставленіемъ должности попечителя графомъ Строгановымъ, изъ Московскаго университета, Рѣдкинъ переселяется въ Петербургъ и занимаетъ въ 1849 году мѣсто секретаря и правителя канцеляріи товарища министра удѣловъ графа Перовскаго; въ 1851 году дѣлается членомъ общаго присутствія департамента удѣловъ, а въ 1876 году — его председателемъ, кончая свою административную службу въ званіи члена государственнаго совѣта. Одновременно съ этимъ, Рѣдкинъ въ 1863 году, при введеніи новаго университетскаго устава, вступивъ въ составъ профессоровъ С.-Петербургскаго университета по кафедрѣ энциклопедіи права, продолжаетъ работать на этомъ любимомъ для него поприщѣ до 1879 года, исполняя въ то же время должность декана, а потомъ ректора. Въ 1888 году, уже въ глубокой старости, 80-ти лѣтъ отъ роду, вѣрный своему юношескому девизу „ежедневно снова жить“, Рѣдкинъ принимается за опубликованіе своихъ университетскихъ курсовъ „по исторіи философіи права въ связи съ исторіей философіи вообще“ и при жизни своей, менѣе чѣмъ въ три года, выпускаетъ 6 томовъ, а послѣ его смерти (7-го марта 1891 года) вышелъ и 7-й томъ этого капитальнѣйшаго изданія („Изъ лекцій заслуженнаго профессора, доктора правъ П. Г. Рѣдкина по исторіи философіи права въ связи съ исторіей философіи вообще“. Томы I—VII. С.-Пб. 1889—1891 г.), которымъ авторъ далъ рѣдкій примѣръ необыкновенной преданности своему дѣлу, свѣжести мысли въ столь преклонные годы и высокаго идеальнаго настроенія. Въ этомъ отношеніи глубоко назидательны слѣдующія слова изъ предисловія къ этому изданію старика-труженика, переступившаго въ девятый десятокъ своей жизни: „Я продолжаю чувствовать въ себѣ и непреодолимую потребность, и достаточную силу продолжать трудиться на разъ — какъ бы инстинктивно — избранномъ мною поприщѣ университетскаго профессора, какъ преподавателя той науки, которая названа была у насъ энциклопедіей права, и отъ которой я не отвлекался даже въ промежутокъ между занятіемъ мною кафедръ по этому предмету сперва въ Московскомъ, а потомъ и въ Петербургскомъ университетахъ. Я такъ свыкся съ моими профессорскими занятіями, что безъ нихъ чувствую въ своей жизни такую пустоту, которая лишаетъ меня и бодрости и свѣжести духа, погружая въ тоску и апатію. Да-

лѣе, я давно усвоилъ себѣ привычку начинать каждый день такъ, какъ будто я собираюсь жить снова¹⁾).

Говоря о Рѣдкинѣ даже самымъ бѣглымъ образомъ, нельзя умолчать о его педагогической дѣятельности, которую онъ началъ еще во время своего московскаго профессорства въ качествѣ инспектора надъ частными учебными заведеніями и инспектора классовъ Александринскаго сиротскаго института; къ этому же времени московской жизни Рѣдкина относится и дѣятельное сотрудничество его по вопросамъ воспитанія въ журналѣ *Библиотека для воспитанія*, издававшемся въ Москвѣ въ 1843—1846 годахъ Августомъ Семеновъ, и собственное изданіе журнала *Новая библиотека для воспитанія*, десять частей, Москва, 1847 года. Незадолго до того, въ 1842—1843 годахъ, командированный отъ правительства въ Германію, Францію и Англію для ближайшаго ознакомленія съ учебнымъ дѣломъ, Рѣдкинъ явился проповѣдникомъ педагогическихъ идей Песталоцци, Фребеля и Дистервега; съ переѣздомъ въ Петербургъ, онъ, вмѣстѣ со своимъ другомъ Н. И. Пироговымъ, работаетъ надъ проведеніемъ въ практику русскаго воспитанія новыхъ жизненныхъ педагогическихъ идеаловъ и въ 1859 году основываетъ С.-Петербургское Педагогическое Общество, привлекая къ содѣйствію такихъ почтенныхъ впоследствии дѣятелей, какъ А. А. Чумиковъ, І. И. Паульсонъ, А. С. Вороновъ, К. И. Май, К. Я. Люгебиль, Н. Х. Вессель, В. И. Водозовъ, Д. Д. Семеновъ и другіе. При его ближайшемъ участіи возникли и издавались педагогическіе журналы: „*Воспитаніе, руководство для родителей и воспитателей*“ Чумикова и *Учитель* Паульсона и Весселя; онъ же былъ и убѣжденнѣйшимъ ратоборцемъ образованія женщинъ, анонимно выпустивъ замѣчательный сборникъ статей подъ заглавіемъ: „*Къ рѣшенію вопроса о женскомъ образованіи*“. С.-Пб. 1888 года“. Словомъ, Рѣдкинъ былъ истиннымъ „педагогомъ по призванію, пролившимъ въ наше воспитаніе гуманныя христіанскія идеи, въ наше обученіе здравыя педагогическія начала“²⁾, и его выдающіяся заслуги въ этой области уже давно получили общепризнанную высокую оцѣнку.

Александръ Петровичъ Рославскій-Петровскій (1816—1871 г.), другой замѣчательный воспитанникъ гимназіи высшихъ наукъ, по

¹⁾ Томъ I, стр. VII.

²⁾ Д. Семеновъ. Петръ Григорьевичъ Рѣдкинъ. Очеркъ его педагогической дѣятельности. *Русская Старина*, 1891 года, августъ, стр. 326.

окончаніи курса въ 1833 году, продолжалъ свои занятія въ Харьковскомъ университетѣ, получивши тамъ въ 1837 году степень кандидата, въ 1839—магистра, а въ 1845—доктора историческихъ наукъ, политической экономіи и статистики. Ученикъ Кронеберга и Артемовскаго-Гулака, Рославскій-Петровскій и служебное поприще свое проходилъ въ томъ же университетѣ, который помогъ ему завершить свое научное образованіе, читая тамъ сначала статистику, а потомъ всеобщую исторію и политическую экономію. О его преподавательской дѣятельности Г. П. Данилевскій дѣлаетъ такой отзывъ: „Имѣя въ виду, что всеобщая исторія обладаетъ весьма богатою литературой, которой посвящали свою дѣятельность многіе отличные умы нашего и прежнихъ временъ, Рославскій не считалъ нужнымъ предлагать своимъ слушателямъ собственныя изслѣдованія и выработывать новые взгляды, но постоянно заботился о томъ, чтобы передать имъ въ строгой систематической формѣ и съ юридическою точностью, избѣгая многословія, результаты, добытые другими и получившіе уже право гражданства въ наукѣ, а также обращалъ вниманіе на полноту содержанія излагаемаго имъ предмета, для чего, независимо отъ изложенія политической исторіи, посвящалъ значительную часть своихъ лекцій внутренней исторіи, изученію духовной жизни народовъ, какъ она отразилась въ ихъ религіи, государственномъ устройствѣ, въ наукѣ и искусствѣ, въ промышленной и частной жизни“¹⁾. Будучи профессоромъ, Рославскій-Петровскій одно время былъ деканомъ историко-филологическаго факультета и ректоромъ университета²⁾.

Третьимъ изъ воспитанниковъ гимназій высшихъ наукъ, посвятившихъ себя профессорской дѣятельности, былъ Василій Ѳеодоровичъ Домбровскій (1810—1845), окончившій курсъ въ 1831 году. Будучи въ гимназій, онъ не остался въ сторонѣ отъ того литературнаго увлеченія, которое захватило собою всѣхъ наиболѣе даровитыхъ воспитанниковъ его времени: на школьной скамьѣ онъ издавалъ рукописный журналъ „Аматузія“, главнымъ вкладчикомъ котораго по литературной части былъ извѣстный впоследствии писатель Гребенка, а критикомъ — самъ редакторъ. Поступивши въ 1831 году, изъ

¹⁾ Гимназія высшихъ наукъ, стр. 431.

²⁾ См. о Рославскомъ-Петровскомъ также воспоминанія проф. Н. Ѳ. Сумиова въ „Матеріалахъ для исторіи Харьковскаго университета“. *Записки Императорскою Харьковскаго университета*, 1894, № 4, лѣтопись, стр. 1—4.

нужды, надзирателемъ при гимназическомъ пансіонѣ, онъ вскорѣ, однако же, благодаря своимъ выдающимся способностямъ, былъ замѣченъ начальствомъ и переведенъ учителемъ сначала въ Кіевское уѣздное училище, а затѣмъ въ Кіевскую 1-ю гимназію; въ 1838 году, замѣченный С. С. Уваровымъ и вызванный въ Петербургъ для ознакомленія съ новыми методами преподаванія исторіи, Домбровский назначенъ былъ въ Кіевскій университетъ на кафедру русской исторіи, сначала адъюнктомъ, а потомъ (въ 1840 году) экстраординарнымъ профессоромъ. Кромѣ русской исторіи, читалъ онъ и политическую экономію, будучи въ то же время учителемъ географіи и исторіи въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ и состоя членомъ временной комиссіи для разбора древнихъ актовъ. Обладая даромъ краснорѣчиваго изложенія, Домбровский въ 1841 и 1842 годахъ выступалъ передъ кіевскою публикой съ публичными лекціями по русской исторіи и имѣлъ значительный успѣхъ ¹⁾.

Первые годы существованія гимназіи высшихъ наукъ князя Безбородко рѣзко отмѣчены были чрезвычайнымъ развитіемъ среди воспитанниковъ литературныхъ занятій и интересовъ, явившихся отраженіемъ общаго въ то время увлеченія изящной литературой среди русской интеллигенціи. Литература въ ту пору играла видную роль въ жизни; всѣ считали долгомъ ею интересоваться, заниматься или ей покровительствовать, и общественное ея значеніе далеко выходило за предѣлы простаго домашняго развлеченія. Школьная молодежь какъ въ столицахъ, такъ и въ провинціи жадно слѣдила за этимъ литературнымъ движеніемъ, усиленно читала статьи и книги литературнаго содержанія и старалась подражать; самостоятельные литературные опыты составлялись какъ въ классахъ, подъ руководствомъ наставниковъ, такъ еще болѣе внѣ класса, въ товарищеской средѣ, въ кружкахъ, объединявшихъ страстью къ чтенію и попытками собственнаго творчества. Наилучшимъ образомъ страсть эта находила свое выраженіе въ рукописныхъ школьныхъ журналахъ. Юные издатели и сотрудники которыхъ не щадили ни времени, ни труда, чтобы сдѣлать ихъ, по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны, похожими на журналы настоящіе. Нѣжинская гимназія находилась

¹⁾ Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго университета св. Владимира. Подъ редакціей профессора В. С. Иконникова. Кіевъ 1884, стр. 182—184. Ср. Воспоминанія И. Г. Кулжинскаго въ *Москвитяинѣ*, 1854, № 21, Сибѣрь, стр. 10.

въ этомъ отношеніи въ особенно благоприятныхъ условіяхъ, соединивъ подъ своею кровлей значительную группу молодыхъ людей, обладавшихъ большою и горячей любовью къ литературнымъ занятіямъ. Мы уже упомянули выше Рѣдкина и Домбровскаго; сюда же должно отнести Гоголя, Кукольника, Гребенку, Тарновскаго, Базили, Любича-Романовича, Прокоповича и др., которые въ продолженіе почти всего существованія гимназіи поддерживали въ ея стѣнахъ духъ увлеченія литературой; не малымъ подспорьемъ этому служилъ и гимназическій театръ, пробуждая въ наиболѣе даровитыхъ ученикахъ артистическій вкусъ, завлекая интересомъ къ искусству и поэтическому творчеству въ драматической формѣ ¹⁾. Если большая часть членовъ этой замѣчательной ученической среды, сохраняя и послѣ школы любовь къ литературѣ и занимаясь ею, посвятила себя однако же служебной дѣятельности, то по крайней мѣрѣ трое изъ нихъ оказалось такихъ, которые сдѣлали литературу своимъ единственнымъ занятіемъ и, хотя далеко неодинаковые по своимъ дарованіямъ, завоевали себѣ болѣе или менѣе почетныя и извѣстныя имена въ русской литературѣ. Это были—Гоголь, Кукольникъ и Гребенка

Здѣсь, конечно, нѣтъ нужды распространяться ни о жизни Гоголя (1809—1852), всѣмъ извѣстной, ни о его литературныхъ трудахъ, высокое историческое значеніе которыхъ никѣмъ не оспаривается. Считаемъ умѣстнымъ сказать лишь нѣсколько словъ объ отношеніяхъ его къ школѣ и школьнымъ товарищамъ. П. А. Кулишъ, со словъ товарищей Гоголя Г. И. Высоцкаго и Н. Я. Прокоповича, передаетъ, что еще на школьной скамьѣ ²⁾ Гоголь проявилъ стремленіе къ поэтическому творчеству какъ въ стихахъ (эпиграмма на воспитанника Бороздина, баллада „Двѣ рыбки“), такъ и въ прозѣ (сатира „Нѣчто о Нѣжинѣ, или Дуракамъ законъ не писанъ“); сохранилось преданіе о стихотворной трагедіи „Разбойники“, также писанной Гоголемъ въ гимназіи ³⁾; быть можетъ, что идиллія

¹⁾ В. Шенрокъ, „Н. В. Гоголь и А. С. Данилевскій“, *Вѣстникъ Европы*, 1890, № 1, стр. 79—82; А. Колловичъ, „Дѣтство и юность Гоголя“, Московскій Сборникъ, подъ редакціей С. Шарапова. Москва 1887, стр. 213—214. Ср. Гимназія высшихъ наукъ, стр. 804, 337—338, 403, 429; В. Шенрокъ „Матеріалы для біографіи Гоголя“ т. I, стр. 91, 250—251.

²⁾ Въ гимназію Гоголь поступилъ въ маѣ 1821 года, а окончилъ курсъ въ іюнѣ 1828 года.

³⁾ Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя. Т. I. Спб. 1856, стр. 24—25.

„Гансъ Кюхельгартенъ“ также написана Гоголемъ въ школѣ ¹⁾. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Гоголь принималъ дѣятельное участіе въ гимназическихъ рукописныхъ журналахъ, изъ которыхъ сохранилась тетрадка, помѣченная январемъ 1826 года, подъ заглавіемъ „Метеоръ литературы“ и писанная, по свидѣтельству г. Пономарева ²⁾, сплошь рукою Гоголя. Что можетъ принадлежать въ этой тетрадкѣ Гоголю, опредѣлить трудно, но онъ былъ, вѣроятно, редакторомъ и велъ это свое дѣло съ большой любовью, прилежно работая надъ тѣмъ, чтобы придать тетрадкѣ видъ настоящаго „журнала“; помѣщенные въ немъ статьи довольно слабы по содержанію и проникнуты моднымъ въ то время сантиментальнымъ и псевдоисторическимъ характеромъ. Г. Кулишъ, пользуясь устными преданіями, указываетъ и на другія предпріятія Гоголя въ этомъ родѣ въ гимназіи ³⁾. Еще болѣе видную роль въ школѣ игралъ Гоголь въ дѣлѣ устройства ученическаго театра: здѣсь онъ являлся и страстнымъ инициаторомъ, и опытнымъ режиссеромъ, и превосходнымъ актеромъ— въ комическихъ роляхъ, привлекая къ занятію театромъ многихъ изъ своихъ товарищей—Прокоповича ⁴⁾, Кукольника, Базили, Бородина ⁵⁾, Данилевскаго ⁶⁾. На сколько театръ занималъ Гоголя въ школѣ, это видно изъ его писемъ; такъ, въ письмѣ къ родителямъ, отъ 22-го января 1824 года, онъ настоятельно проситъ прислать ему изъ дому денегъ, полотна и другихъ матеріаловъ для устройства кулисъ и костюмовъ ⁷⁾, а 26-го февраля 1827 года пишетъ матери: „Масленицу, всю недѣлю, мы провели такъ, что желаю всякому ее провести, какъ мы всю недѣлю веселились безъ усталости. Четыре дня сряду былъ у насъ театръ и, къ чести нашей, признали единогласно, что изъ провинціальныхъ театровъ ни одинъ не годится противъ нашего. Правда, играли всѣ прекрасно. Двѣ французскія піесы, соч. Мольера и Флоріана, одну нѣмецкую, соч. Коцебу

¹⁾ В. Шенрокъ, Матеріалы для біографіи Гоголя, т. I, стр. 158—161.

²⁾ „Нѣжинскій журналъ Н. В. Гоголя“. *Кіевская Старина*, 1894 г., № 5, стр. 143.

³⁾ Записки о жизни Н. В. Гоголя, т. I, стр. 26—27.

⁴⁾ Воспоминанія Т. Г. Пащенко „Гоголь въ Нѣжинѣ“, *Берегъ*, 1880, № 268 декабря 18; см. *Коллосичъ*, стр. 294.

⁵⁾ Гимназія высшихъ наукъ, стр. 341—342; *Коллосичъ*, стр. 283—285 В. Шенрокъ, Матеріалы I, стр. 76—77.

⁶⁾ В. Шенрокъ, въ *Вѣстникъ Европы*, 1890, I, стр. 81—82.

⁷⁾ Сочиненія и письма Н. В. Гоголя, т. II, стр. 11—12.

русскія: „Недоросль“, соч. Фонвизина, „Неудачный примиритель“ Княжнина, „Лукавинъ“ Писарева и „Береговое право“, соч. Коцебу. Декораціи были отличныя, освѣщеніе великолѣпное, посѣтителей много и все прїѣзжіе, и всѣ съ отличнымъ вкусомъ. Музыка то же состояла изъ нашихъ: восемнадцать увертюръ Россини, Вебера и другихъ были разыграны превосходно. Короче сказать, я не помню для себя никогда такого праздника, какой провелъ теперь“ ¹⁾. Въ гимназіи же занимался Гоголь довольно усердно музыкой и живописью, очевидно, удовлетворяя тѣмъ же художественнымъ наклонностямъ своей артистической природы, которыя искали удовлетворенія въ занятіяхъ литературой и театромъ. Въ этомъ отношеніи школа представляла Гоголю довольно благопріятную обстановку, и, хотя позднѣе, Гоголь и въ письмѣ къ Высоцкому ²⁾ и въ письмѣ къ матери ³⁾ высказываетъ большое недовольство школой и желаніе приписать все пріобрѣтенное имъ въ школьные годы исключительно самому себѣ, но, какъ справедливо думаютъ биографы ⁴⁾, такіа сужденія являются сильно преувеличенными и страдаютъ субъективизмомъ, объясняемымъ какъ личными обстоятельствами Гоголя въ это время, такъ и его чрезмѣрной впечатлительностью и нервною, отличавшими его и въ болѣе зрѣлые годы: „даже независимо отъ учебныхъ занятій въ тѣсномъ смыслѣ—справедливо говорить Н. А. Лавровскій ⁵⁾—нельзя утверждать, что семь лѣтъ, проведенныхъ въ гимназіи Гоголемъ, были потеряннымъ временемъ: сообщество товарищей, непрерывный обмѣнъ мыслей и чувствъ, удовлетвореніе возникавшимъ литературнымъ наклонностямъ, товарищеская оцѣнка его первоначальныхъ литературныхъ опытовъ—все это питало, возбуждало и укрѣпляло дарованія Гоголя и приготавливало ихъ къ послѣдующему блестящему выраженію безъ вѣдома самого обладателя дарованій“. Дружбу, завязанную съ нѣкоторыми изъ своихъ товарищей по школѣ, Гоголь продолжалъ и позднѣе, часто и охотно вспоминая въ письмахъ къ нимъ о годахъ ученія въ Нѣ-

¹⁾ Сочиненія и письма, т. V, стр. 48. О томъ же и въ такомъ же восторженномъ тонѣ писалъ Гоголь 19-го марта того же года къ Высоцкому: см. *И. В. Владыкірова*, Изъ ученическихъ лѣтъ Гоголя. Кіевъ. 1890, стр. 25—26.

²⁾ Записки о жизни Н. В. Гоголя т. I, стр. 45—46 (отъ 26-го іюня 1827 года).

³⁾ Тамъ же I, стр. 52—53 (отъ 1-го марта 1828 года).

⁴⁾ См., напримѣръ, *Коллосича* стр. 255—259.

⁵⁾ Стр. 156.

жинѣ и разспрашивая о бывших „однокашниках“¹⁾; воспомина- ниямъ о счастливыхъ школьныхъ годахъ давалъ мѣсто Гоголь и въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ, напримѣръ въ „Мертвыхъ душахъ“²⁾.

Евгеній Павловичъ Гребенка (1812—1848), окончившій курсъ гимназіи въ 1831 году и еще въ томъ же году выступившій въ печати³⁾, нѣкоторое время находился на военной службѣ въ казакахъ, но вскорѣ, въ 1834 году переселился въ Петербургъ, гдѣ и оставался до конца своей жизни, служа то въ комиссіи духовныхъ училищъ, то занимая мѣсто преподавателя русской словесности въ разныхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ столицы—Дворянскомъ Полку, Второмъ Кадетскомъ корпусѣ, Институтѣ горныхъ инженеровъ и офицерскихъ классахъ Морского кадетскаго корпуса. Но главнымъ занятіемъ его была не служба, а литература: Гребенка писалъ очень много (отча- сти въ стихахъ, но главнымъ образомъ въ прозѣ) и принималъ уча- стіе почти во всѣхъ наиболѣе извѣстныхъ журналахъ и альманахахъ того времени. Привлекательными чертами рисуетъ образъ Гребенки- гимназиста его учитель И. Г. Кулжинскій: „Вѣчно веселый, вѣчно смѣющийся, вѣчно любимый всѣми, и товарищами—и учителями, съ открытою умною и доброю фізіономіей, Евгеній Павловичъ (какъ его честили даже наставники—разумѣется, шутя) учился хорошо, даже притворялся, будто любить латинскій языкъ; старался всякому уго- дить, отъ всякаго заслужить благосклонность. Страсть къ русской литературѣ проявилась въ немъ очень рано, когда ему еще не было 14 лѣтъ. Нѣжинскій лицей⁴⁾ построенъ въ предмѣстьи города. Эта патриархальная часть Нѣжина, именующаяся Мачерки, состоитъ изъ низенькихъ домиковъ большею частью подъ соломенной крышей, отдѣляющихся одинъ отъ другаго плетневыми заборами. Въ одномъ изъ такихъ домиковъ жилъ я, а черезъ плетень въ другомъ домѣ квартировалъ Гребенка. Не помню, какъ онъ сблизился со мною, но

¹⁾ См. напримѣръ *Русское Слово*, 1859, I, стр. 97—98, 109—110 (письмо къ Прокоповичу); *Кіевская Старина*, 1888 № 3, стр. 625 (письмо къ Тарновскому) и др.

²⁾ Записка о жизни Н. В. Гоголя т. I, стр. 19—20; *В. Шенрокъ*, Матері- алы I, стр. 79—80; III, стр. 427—428, 432, 439.

³⁾ Стихотвореніемъ „Росдаевъ пиръ“, напечатаннымъ въ „Українскомъ Аль- манахѣ“ 1831 года, и переводомъ на малороссійскій языкъ поэмы Пушкина, „Полтава“ въ „Московскомъ Телеграфѣ“ того же года.

⁴⁾ То-есть въ ту пору еще „гимназія высшихъ наукъ“.

это милое, веселое дитя сдѣлалось моимъ любимцемъ, и не проходило того дня, чтобъ Гребенка чрезъ плетень не перелѣзаль ко мнѣ. У меня онъ бралъ читать журналы и альманахи; рассказывалъ мнѣ о своихъ занятіяхъ, и наконецъ началъ показывать мнѣ свои стихи. Я любовался этимъ кудрявымъ веселымъ мальчикомъ, и называлъ „воплощенною юностью“¹⁾. Въ гимназіи Гребенка былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ рукописнаго журнала „Аматузія“, издававшегося Домбровскимъ, какъ о томъ упомянуто было выше. Воспоминанію о гимназическихъ своихъ годахъ онъ далъ позднѣе мѣсто въ повѣсти 1841 года „Записки студента“²⁾; къ мѣсту его школьной жизни относятся стихотвореніе: „Нѣжинъ—озеро“³⁾, повѣсти „Водевиль въ частной жизни“ и „Нѣжинскій полковникъ Золотаренко“⁴⁾. Въ стихотвореніи 1840 года „Юность“ Гребенка такъ обращается къ этому „золотому времени“ своей жизни:

...Спасибо, дорогая,
Юность милая моя!
О тебѣ вспоминая,
Самъ собой доволенъ я,
Что изъ жаркой этой битвы
Грѣшныхъ мыслей и страстей
Внесъ я въ душѣ моей
Жажду истинной молитвы
И любовь къ толпѣ людей.
Хоть меня въ пути суровомъ
Не балуетъ строгій рокъ—
Ты въ вѣнкѣ моемъ терновомъ
Раззолоченный цвѣтокъ! *)

Въ первыхъ своихъ прозаическихъ произведеніяхъ, начиная съ „Разказовъ Пирятинца“ (С.-Пб. 1837), положившихъ основаніе литературной извѣстности автора, Гребенка видимо подражалъ и въ содержаніи и въ манерѣ разказа Гоголю, чѣмъ вызвалъ даже неудовольствіе со стороны послѣдняго⁵⁾; хотя позднѣе онъ мало-по-малу освободился отъ этого подражанія, но, обладая литературнымъ талантомъ лишь сред-

¹⁾ Воспоминанія учителя. *Москвитинъ*, 1854 г. № 21, смѣсь, стр. 7—8.

²⁾ Сочиненія Е. П. Гребенки, т. I. С.-Пб. 1862, стр. 301 и сл.

³⁾ Тамъ же, т. II, стр. 90—92.

⁴⁾ Тамъ же, т. II, стр. 31—62, 63—89.

⁵⁾ Тамъ же, т. V, стр. 127.

⁶⁾ Біографія Е. П. Гребенки, составленная *Мих. Михайловымъ*, при I т. „Сочиненій“, стр. XXI; *И. В. Анненковъ*, Воспоминанія и критическіе очерки, I С.-Пб. 1877, стр. 175—176.

ней величины, никогда не проявил особой оригинальности творчества, и потому не могъ занять выдающагося положенія въ исторіи нашей литературы. Въ произведеніяхъ, посвященныхъ изображенію современной жизни, больше всего удѣлилъ вниманія Гребенка быту петербургскихъ чиновниковъ и вообще интеллигентныхъ людей средней руки; въ романахъ и повѣстяхъ историческаго содержанія всего охотнѣе обращался онъ къ прошлому своей родной Малороссіи, на языкѣ которой иногда писалъ какъ въ стихахъ, такъ и въ прозѣ. Въ 1847 и 1848 годахъ Гребенка выпустилъ въ свѣтъ восемь частей перваго своего собранія „Романовъ, повѣстей и разказовъ“; это изданіе вызвало въ *Современникѣ* небольшую критическую статью, напечатанную лишь за мѣсяць до его смерти; мы приведемъ изъ нея нѣсколько мѣстъ, отразившихъ въ себѣ мнѣніе тогдашней литературной критики о произведеніяхъ нашего автора. „Имя г. Гребенки—говорить анонимный критикъ—давно извѣстно въ нашей литературѣ; сначала онъ писалъ стихи, потомъ сталъ писать повѣсти. Повѣсти его, никогда не отличавшіяся ничѣмъ особенно оригинальнымъ, бывали прочитываемы съ удовольствіемъ... Что у г. Гребенки есть талантъ—съ этимъ всѣ согласны; иначе его произведенія, незапечатлѣнные ни особенной глубиной мысли, ни особеннымъ знаніемъ жизни, ничѣмъ не могли бы заинтересовать читателя, между тѣмъ онѣ читаются, и читаются легко и скоро... Чего же недостаетъ г-ну Гребенкѣ, чтобы поставить его разомъ въ число лучшихъ писателей? Замѣчательному таланту этого писателя недостаетъ самостоятельности: творчество его всегда находилось подъ вліяніемъ того вкуса, который господствовалъ въ извѣстное время. Успѣхъ нѣкоторыхъ писателей, изъ которыхъ многіе теперь уже давно сошли съ литературнаго поприща, мода, пожалуй, на нѣкоторые приемы, по извѣстному манеру, всегда находили отраженіе въ произведеніяхъ г. Гребенки; и смотря по тому, чѣмъ лучше было это направленіе, чѣмъ оно само собою уже открывало болѣе обширный горизонтъ, тѣмъ болѣе выигрывали его сочиненія... Г. Гребенка то острилъ и прикидывался скептикомъ съ голосу барона Брамбеуса, то описывалъ легкіе случаи и забавлялся происшествіями мѣщанской жизни, съ тою же легкостью и поверхностью взгляда, какъ великосвѣтскіе умолкнувшіе писатели, то поддѣлывался подъ юморъ Гоголя, то, по его указанію, обращался къ малороссійской старинѣ и воспроизводилъ впечатлѣнія своей юности, впечатлѣнія картинъ своей родины, то обращался къ дѣйствительности и подарилъ русскій публикѣ прекрасную повѣсть

подъ названіемъ „Куликъ“, то наконецъ прикидывался человѣкомъ бывалымъ и писалъ разказы и физиологіи. Т. о., г. Гребенка искушался во всѣхъ родахъ литературы, господствовавшей въ послѣдніе годы, подвизался съ успѣхомъ неравнымъ, слѣдовательно, иногда попадалъ на истинную дорогу, гдѣ могъ развернуться и блеснуть его талантъ, и такъ же иногда хватаясь не за свое дѣло и насилуя свои настоящія способности¹⁾.

Третьимъ литераторомъ, по рѣшительному призванію, изъ воспитанниковъ гимназіи высшихъ наукъ былъ Несторъ Васильевичъ Кукольникъ (1809—1868), сынъ перваго ея директора. Съ этимъ именемъ мы уже встрѣчались на предшествующихъ страницахъ, приводя воспоминанія Нестора Кукольника о первыхъ годахъ воспитавшаго его учебнаго заведенія и о его наставникахъ, Кукольникъ вспоминалъ о гимназіи всегда съ чувствомъ признательности и горделиваго удовлетворенія; онъ пользовался особеннымъ расположеніемъ И. С. Орлая, какъ сынъ земляка и какъ одинъ изъ способнѣйшихъ учениковъ²⁾. „Передъ Кукольникомъ—разказывалъ одинъ изъ его сотоварищей, Н. Ю. Артыновъ—всѣ мы благоговѣли. Онъ, когда еще пріѣхалъ изъ Петербурга съ отцемъ своимъ, который былъ назначенъ директоромъ въ нашу гимназію, то уже зналъ отлично языки французскій, нѣмецкій, итальянскій... Кукольникъ былъ, можно сказать, ученый студентъ. Онъ бралъ изъ основной бібліотеки книги для чтенія на языкахъ французскомъ, нѣмецкомъ, итальянскомъ, что было для насъ въ настоящую диковинку. Словомъ, онъ стоялъ выше всѣхъ насъ цѣлою головою“³⁾. Кукольникъ принималъ дѣятельнѣйшее участіе и въ гимназическихъ журналахъ, и въ театральныхъ представленіяхъ; учился онъ превосходно, и при выпускѣ въ 1829 году ему присуждена была золотая медаль и чинъ XII класса, но участіе его въ злополучной исторіи о вольнодумствѣ имѣло для него то послѣдствіе, что, по распоряженію министра, ни медали, ни чина онъ не получилъ; ему дано было „простое свидѣтельство о томъ, какииъ предметамъ и съ какииъ успѣхомъ онъ обучался, безъ назначенія класса“⁴⁾. По окончаніи курса, Кукольникъ около двухъ лѣтъ былъ преподавателемъ русскаго языка и словесности въ Виленской гимна-

¹⁾ *Современникъ*, 1848 г. № XI, стр. 78—80.

²⁾ Гимназія высшихъ наукъ, стр. 189—190.

³⁾ *Левъ Мацневичъ*, Гоголь и Кукольникъ въ Нѣжинской гимназіи. *Русскій Архивъ*, 1877, № 10, стр. 192.

⁴⁾ *Н. Лаеровскій*, стр. 216.

зи, въ августѣ 1832 года вышелъ въ отставку, а въ апрѣлѣ 1833 года снова поступилъ на службу въ министерство финансовъ и оставался тамъ до самой смерти, выполнивши, по порученію начальства, нѣсколько служебныхъ командировокъ въ разныя мѣста Россіи. Но центръ духовной жизни Кукольника лежалъ въ литературѣ. Еще въ Нѣжинской гимназіи набросалъ онъ свою стихотворную драму „Торквато Тассо“, которую, переселившись въ Петербургъ, окончательно передѣлалъ и издалъ отдѣльною книгой въ 1833 году. Это произведеніе имѣло блестящій успѣхъ и положило начало выдающейся литературной карьерѣ автора ¹⁾. За „Торквато Тассо“ послѣдовалъ цѣлый рядъ драмъ: „Джакобо Саназаръ“, „Рука Всевышняго отечество спасла“, „Князь Мих. Вас. Скопинъ-Шуйскій“, „Роксолана“, „Джулио Мости“ и др.; еще болѣе плодovitости обнаружилъ Кукольникъ въ области повѣсти и романа: „Эвелина де-Вальероль“, „Альфъ и Альдона“, „Два Ивана, два Степановича, два Костылькова“ и многое множество другихъ произведеній непрерывно слѣдовали одно за другимъ, не мѣшая автору одновременно съ этимъ редактировать *Русскій Вѣстникъ* и *Датерротинъ*, издавать отдѣльные сборники „Новогодникъ“ и „Сказка за сказкой“, участвовать въ „Энциклопедическомъ Лексиконѣ“ и наполнять современные альманахи своими стихотвореніями и статьями. Не довольствуясь собственно литературой, Кукольникъ, еще въ гимназіи серьезно интересовавшійся живописью, въ августѣ 1836 года основалъ въ Петербургѣ *Художественную Газету*, просуществовавшую до 1842 года и доставившую издателю званіе почетнаго вольнаго общника Императорской академіи художествъ и дѣйствительнаго члена Общества поощренія художествъ; въ 1845 — 1847 гг. онъ издавалъ другой художественный журналъ *Иллюстрація* съ весьма разнообразнымъ литературнымъ содержаніемъ; сюда же относится и роскошное изданіе Кукольника „Картины русской живописи“, выпущенное въ 1846 году. Словомъ литературная производительность Кукольника была необыкновенна и поражала своими размѣрами ²⁾; что же касается внутренней цѣнности этихъ трудовъ и ихъ значенія въ русской литературѣ, то мы позволимъ себѣ привести нѣсколько мѣстъ изъ статьи Бѣлинскаго, посвященной Кукольнику и напечатанной въ *Современникѣ* 1847 года. Указавъ вначалѣ на необыкновенную

¹⁾ *И. И. Панаевъ*, „Литературныя воспоминанія и воспоминанія о Бѣлинскомъ“ С.-Пб. 1876, стр. 51 и сл.

²⁾ См. Гимназія высшихъ наукъ, стр. XLVI—LV.

литературную плодovitость Кукольника и отмѣтивъ тотъ фактъ что его охотно читають, но не столь охотно перечитываютъ, критикъ говорятъ: „Перебирая въ нашей памяти всѣхъ дѣятелей русской литературы, мы находимъ, что ни съ кѣмъ не имѣеть г. Кукольникъ такъ много сходства какъ съ Сумароковымъ. Г. Кукольникъ рѣшительно Сумароковъ нашего времени. Знаемъ, что многие въ нашемъ благонамѣренномъ сравненіи увидятъ желаніе унижить г. Кукольника, и потому спѣшимъ объяснить, чтобы отстранить отъ себя такое несправедливое обвиненіе. Сумароковъ былъ не въ мѣру превознесенъ своими современниками и не въ мѣру унижаемъ нашимъ временемъ. Мы находимъ, что какъ ни сильно ошибались современники Сумарокова въ его геніальности и несомнѣнности его правъ на безсмертіе, но они были къ нему справедливыѣ, нежели потомство. Сумароковъ имѣлъ у своихъ современниковъ огромный успѣхъ, а безъ дарованія, воля ваша, нельзя имѣть никакого успѣха ни въ какое время.. Сумароковъ больше другихъ былъ любимцемъ публики своего времени; поэтическія произведенія Ломоносова больше уважали, а Сумарокова— больше любили. Это понятно: онъ больше Ломоносова былъ беллетристъ, его сочиненія были легче, доступнѣе для понятія большаинства, больше имѣли отношенія къ жизни. Онъ писалъ не одиѣ трагедіи, но и комедіи, плохія конечно, но лучше которыхъ тогда не было... Сумароковъ имѣлъ огромное вліяніе на распространеніе на Руси любви къ чтенію, къ театру, слѣдовательно образованности. Какъ поэтъ, художникъ, онъ не имѣлъ ни искры таланта, но какъ беллетристъ, онъ для своего времени имѣлъ довольно таланта... Мы сдѣлали бы большую несправедливость, если бы стали утверждать, что по таланту г. Кукольникъ не выше Сумарокова. Нѣтъ, въ наше время и для второстепеннаго успѣха нужно уже гораздо больше таланта, нежели сколько нужно было Сумарокову, чтобы попасть въ геніи первой величины. Кромѣ несомнѣннаго и блестящаго беллетристическаго таланта, у г. Кукольника есть и поэтическое чувство и даръ изобрѣтенія въ извѣстной степени... У г. Кукольника есть талантъ для поэтическаго выраженія мыслей, но нѣтъ творческой силы для созданія чего-нибудь цѣлаго, гдѣ всѣ части соразмѣрны и все подчинено общей идеѣ. Нельзя также сказать, чтобъ онъ особенно былъ богатъ идеями. Талантъ его неполный, ему недостаетъ чего-то... отъ того, въ его произведеніяхъ, даже не лишенныхъ частныхъ красотъ, всегда чувствуется какое-то усиліе, которое въ этомъ случаѣ есть то же безсиліе, что-то утомляющее, скоро наво-

дѣющее скуку; чувствуется, что авторъ почти вездѣ становится выше своихъ средствъ. Онъ беллетристъ — и только, а ему хочется быть поэтомъ, творцомъ, и онъ всегда берется за произведенія, требующія не такого таланта, и нерѣдко обнаруживаетъ въ нихъ притязанія на такого рода нововведенія и замашки, которыя свойственны только гению¹⁾.

Подлѣ Кукольника, проявившаго большой интересъ къ искусству вообще и къ живописи въ особенности, умѣстно здѣсь назвать имя воспитанника гимназій высшихъ наукъ, выпуска 1830 года, Аполлона Николаевича Мокрицкаго (род. въ 1811 году), академика Императорской академіи художествъ и профессора Московскаго училища живописи и ваянія. Съ большимъ трудомъ досталась Мокрицкому карьера художника, къ которой шелъ онъ по неодолимому никакими препятствіями призванію. Онъ былъ ученикомъ сначала академика Венеціанова, а затѣмъ Брюлова, передъ которымъ восторженно преклонялся. Его кисти принадлежитъ немало историческихъ картинъ и портретовъ, между которыми былъ и портретъ его товарища по гимназій Е. П. Гребенки. Не обладая особенно выдающимся дарованіемъ, но необыкновенно преданный своему дѣлу и трудолюбивый, Мокрицкій былъ весьма полезнымъ дѣятелемъ въ своей области. Не ограничиваясь живописью, онъ оставилъ свой слѣдъ и въ литературѣ нѣсколькими работами, между которыми слѣдуетъ назвать его воспоминанія о Венеціановѣ и Брюловѣ (въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1855 и 1857 гг.) и книжку о картинѣ Иванова „Явленіе Христа міру“ (М. 1858).

Немало воспитанниковъ гимназій высшихъ наукъ, сдѣлавшихся впоследствии болѣе или менѣе извѣстными, пошли на административную службу. Назовемъ изъ нихъ нѣкоторыхъ.

Константинъ Михайловичъ Базили (1809—1884) происходилъ изъ греческой семьи, эмигрировавшей въ 1821 году, во время греческаго возстанія, въ Одессу. Благодаря щедрости графа А. Г. Куселева-Безбородко, онъ, въ числѣ другихъ шести дѣтей-эмигрантовъ, былъ помѣщенъ въ Нѣжинскую гимназію; скоро освоившись съ русскимъ языкомъ, Базили учился здѣсь превосходно²⁾, но до окончанія курса,

¹⁾ Сочиненія В. Бѣлинскаго. Ч. XI, 2-е изд. М. 1875, стр. 153—158.

²⁾ Принимая самое живое участіе въ литературныхъ затѣяхъ своихъ товарищей, Базили былъ однимъ изъ усерднѣйшихъ вкладчиковъ въ тотъ опытъ „полной всемірной исторіи“, предпринятый П. Г. Радвиньимъ, о которомъ мы упоминали выше: на долю Базили достались тутъ египтяне, ассирияне, персы и греки (Гимназія высшихъ наукъ, стр. 329).

при содѣйствіи переѣхавшаго въ Одессу И. С. Орлая, перешелъ въ Одесскій лицей, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1830 году. Поступивъ вскорѣ на дипломатическую службу при начальникѣ русской эскадры въ греческихъ водахъ адмиралѣ Рикордѣ, К. М. Базили постепенно и быстро пошелъ по служебной лѣстницѣ, какъ чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Петербургѣ, какъ секретарь коммисіи для составленія положенія объ управленіи Закавказскимъ краемъ, какъ генеральный консулъ въ Сиріи и Палестинѣ, какъ русскій посланникъ на Вѣнской конференціи 1855 года и Парижскомъ конгрессѣ 1856 года, наконецъ какъ русскій комиссаръ на Константинопольской международной коммисіи для составленія новыхъ положеній политическаго и гражданскаго устройства Молдавіи и Валахіи. Съ 1860 года и до смерти Базили, поселившись въ Одессѣ, посвящалъ себя общественнымъ дѣламъ въ качествѣ члена херсонскаго земскаго банка, гласнаго одесской думы и предсѣдателя одесскаго уѣзднаго съѣзда мировыхъ судей. К. М. Базили съ обязанностями дипломатической службы соединялъ и довольно обширную литературную дѣятельность. Изъ сочиненій его, получившихъ особую извѣстность, слѣдуетъ назвать: „Архипелагъ и Греція въ 1830—1831 годахъ. 2 части. С.-Пб. 1834“, „Очерки Константинополя. 2 части. С.-Пб. 1835“, „Босфоръ и новые очерки Константинополя. 2 части. С.-Пб. 1836“, „Сирія и Палестина подъ турецкимъ правительствомъ, въ историческомъ и политическомъ отношеніяхъ. 2 части. Одесса 1862“ (второе изд. С.-Пб. 1875), анонимно—„Questions du jour. Odessa 1878“. Ему же принадлежитъ и рядъ статей въ „Энциклопедическомъ Лексиконѣ“ по историческимъ, географическимъ и дипломатическимъ вопросамъ ¹⁾. По словамъ В. А. Яковлева ²⁾, „наиболѣе цѣнныя изъ сочиненій Базили — его описанія Востока, о которыхъ съ похвалою отзывался такой знатокъ этого края и вообще не охотникъ расточать похвалы какъ Сенковскій. Новизна для русскихъ читателей того времени предмета, нѣсколько поверхностный взглядъ на всѣ предметы, что также вполне согласовалось съ уровнемъ читающей публики, и живость изложенія дѣлаютъ то, что „взявшись за книгу — лишаетъ рецензентъ одной изъ нихъ — вы не выпустите ее изъ рукъ,

¹⁾ Списокъ сочиненій К. М. Базили см. въ „Гимназіи высшихъ наукъ“, стр. VII—IX.

²⁾ Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ, С. А. Венерова. Т. II. С.-Пб. 1891, стр. 54.

что въ нынѣшнемъ вѣкѣ очень рѣдко случается“, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ Сенковскій замѣчаетъ въ сочиненіяхъ Базили „примѣтный отбѣнокъ франко-греческихъ повѣрій о турецкомъ обществѣ и образованіи оттомановъ и нѣкоторыхъ статьяхъ ихъ религіи“. Одно изъ главнѣйшихъ достоинствъ описаній Востока нашего автора — ихъ правдивость и отсутствіе всякихъ прикрасъ, засвидѣтельствованныя позднѣйшими нашими путешественниками“.

Имя Василя Васильевича Тарновскаго (1810—1866 г.) есть одно изъ тѣхъ скромныхъ, но многозначительныхъ именъ, записанныхъ въ лѣтописяхъ внутренней исторіи такъ называемой „эпохи великихъ реформъ“ императора Александра II, которыхъ извѣстность и заслуги не бросаются ярко въ глаза, но всегда будутъ заявлять о себѣ всеѣмъ истиннымъ друзьямъ упомянутаго великаго освободительнаго движенія. Кандидатъ перваго выпуска гимназій (1826 года), товарищъ П. Г. Рѣдкина, другъ Гоголя, Тарновскій, по окончаніи курса, продолжалъ свое образованіе на юридическомъ факультетѣ Московскаго университета, гдѣ также окончилъ курсъ и затѣмъ отправился на службу въ Петербургъ, по контрольному вѣдомству; но призваніе влекло его къ ученому поприщу, и, желая приготовиться къ университетской профессурѣ, онъ опредѣляется учителемъ русской исторіи въ Житомирскую гимназію. Однако неблагопріятно сложившіяся семейныя обстоятельства заставили Тарновскаго оставить учительскую службу и приняться за личное управленіе доставшимся на его долю имѣніемъ. Это новое дѣло привело Василя Васильевича въ тѣсное соприкосновеніе съ народомъ, дало ему возможность близко изучить его нужды—и вотъ любимой мечтой Тарновскаго является освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Онъ начинаетъ изучать крестьянскій вопросъ въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ, изъ жизни и по книгамъ, и первымъ дѣйствительнымъ приложеніемъ этихъ его знаній было участіе въ выработкѣ „инвентарнаго положенія“ для юго-западнаго края, которымъ управлялъ въ то время Д. Г. Бибииковъ. Между тѣмъ чѣмъ далѣе, тѣмъ настойчивѣе носились слухи о предстоящемъ освобожденіи и получали уже свое оправданіе въ нѣкоторыхъ Высочайшихъ рескриптахъ; образовались въ провинціи комитеты для предварительныхъ обсужденій, и Тарновскій, какъ убѣжденнѣйшій сторонникъ идеи освобожденія, былъ назначенъ членомъ отъ правительства въ Черниговскій комитетъ. Вскорѣ его знанія, опытность и энергическое стремленіе къ дѣлу обратили на него особое вниманіе высшаго начальства, и онъ вы-

ванъ былъ въ Петербургъ для участія въ знаменитыхъ „редакціонныхъ комиссіяхъ“ по освобожденію крестьянъ. „Обративъ на себя вниманіе въ высшихъ правительственныхъ сферахъ—говорить объ этой счастливой порѣ жизни Тарновскаго его биографъ М. Юзефовичъ — онъ однако же не искалъ и даже не желалъ никакихъ наградъ и отличій. Чувствуя себя достаточно награжденнымъ тѣмъ, что былъ призванъ содѣйствовать осуществленію завѣтной мечты своей жизни, онъ даже, такъ сказать, прятался отъ знаковъ вниманія и уваженія, которымъ окружали тогда высокія особы этихъ передовыхъ нашихъ дѣятелей. Но за то какъ онъ цѣнилъ въ душѣ нашего Передоваго передовыхъ, Царя-Освободителя! Онъ питалъ къ нему не то что преданность къ монарху-благодѣтелю своего народа, а страстную любовь къ человѣку, которымъ лично гордился и о которомъ, въ искренней бесѣдѣ, не могъ говорить безъ того, чтобы слезы не навернулись у него на глазахъ. При своихъ всегда либеральныхъ воззрѣніяхъ на государство, онъ въ дѣлахъ Александра II нашелъ смыслъ и оправданіе основнаго начала нашей государственной жизни, уразумѣлъ, что не на условныхъ контрактахъ власти съ народомъ и не на взаимныхъ ихъ ограниченіяхъ, а на органической связи между ними и на полнотѣ обоюдныхъ ихъ отправленій зиждутся самые вѣрные залого общаго и частнаго права, общей и частной свободы—я преклонился передъ нашимъ государственнымъ идеаломъ“¹⁾). По обнародованіи положенія 19-го февраля, В. В. Тарновскій продолжалъ служить своему дѣлу сначала какъ членъ отъ правительства въ Полтавскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи, а затѣмъ какъ членъ Черниговской земской управы. Тотъ же биографъ, говоря о личныхъ нравственныхъ качествахъ В. В. Тарновскаго, свидѣтельствуетъ, что это былъ „одинъ изъ самыхъ лучшихъ людей по душѣ и сердцу. Вся жизнь его была безукоризненна. Ежели онъ имѣлъ враговъ, то они были вызваны не его неправдою, а неуступчивымъ противодѣйствіемъ ихъ неправдѣ. Его честности и безкорыстія не могли поколебать никакіе личные интересы, даже тамъ, гдѣ внѣшняя справедливость была на ихъ сторонѣ... Что касается до его общихъ отношеній къ людямъ, то, служа имъ всегда и во всемъ, по мѣрѣ средствъ своихъ, онъ былъ скроменъ до скрытности въ добрыхъ дѣлахъ своихъ, какъ и во всемъ, что могло свѣдѣтельствовать въ его пользу. Вотъ отвѣтъ погребавшаго его духов-

¹⁾ Гимназія высшихъ наукъ, стр. 463.

наго лица на сдѣланное замѣчаніе, почему не несутъ передъ гробомъ орденовъ его: указавъ на шедшихъ за гробомъ вдовъ, сиротъ и бѣдныхъ чиновниковъ, онъ сказалъ: вотъ его ордена; другикъ ему не нужно“ ¹⁾). Съ этимъ согласна и другая характеристика Тарновскаго, кратко набросанная дружеской рукою Гоголя ²⁾).

Василій Игнатьевичъ Любичъ-Романовичъ (род. въ 1805 году), кандидатъ гимназіи высшихъ наукъ выпуска 1826 года, служилъ сначала въ департаментѣ юстиціи, въ департаментѣ внѣшней торговли, въ капитулѣ россійскихъ орденовъ, затѣмъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, въ инспекторскомъ департаментѣ военнаго министерства и наконецъ—въ департаментѣ внутреннихъ сношеній. Получивъ первоначальное образованіе въ Полоцкомъ іезуитскомъ коллегіумѣ, гдѣ латинскій языкъ былъ въ живомъ разговорномъ употребленіи, и надѣленный отъ природы способностью къ изученію иностранныхъ языковъ, Любичъ-Романовичъ съ очень юныхъ лѣтъ имѣлъ возможность знакомиться изъ прямыхъ источниковъ съ литературой нѣмецкой, французской, итальянской, англійской и польской. Литературный духъ нѣжинскихъ гимназистовъ поддерживалъ и поощрялъ въ немъ рано пробудившуюся страсть къ стихотворству. Въ печати выступилъ онъ въ *Сынъ Отечества* 1829 года (стихотвореніе „Сказаніе о Хмѣльницкомъ“) и затѣмъ цѣлый рядъ лѣтъ безъ перерыва работалъ въ томъ же *Сынъ Отечества*, *Русскомъ Инвалидѣ*, *Маякѣ*, *Библіотекѣ для Чтенія* и другихъ изданіяхъ какъ стихами, такъ и прозой, особенно усердно переводя изъ Байрона и Мицкевича, а также съ французскаго и итальянскаго ³⁾). Между прочимъ въ 1832 году выпустилъ онъ сборникъ своихъ стихотвореній, посвященный гимназіи высшихъ наукъ князя Безбородко:

Тебѣ, святилище наукъ,
Питомецъ вдохновенья юный,
Въ златыя ударяя струны,
Свой первый посвящаетъ звукъ!
Такъ солнца первыми лучами
Колоссъ Мемноновъ озаренъ
Звучалъ—и звукъ его вѣкамъ
Переходя изъ устъ племень,

¹⁾ Тамъ же, стр. 464.

²⁾ *С. Пономаревъ*, Подлинники писемъ Гоголя къ Максимовичу и не напечатанные отрывки изъ нихъ. С.-Пб. 1877, стр. 44—45.

³⁾ См. Гимназія высшихъ наукъ, стр. LVII—LX.

Давно погасшихъ, въ покогѣннѣ—
Казалось шлетъ благодаренья
Свѣтлу, коимъ освѣщенъ
Былъ этотъ царь степенъ—Мемнонь,

такъ говорилъ авторъ въ посвященіи.

Андрей Николаевичъ Бородинъ (1813—1865), выпущенный изъ гимназіи первымъ кандидатомъ въ 1831 году, проходилъ свое служебное поприще главнымъ образомъ въ министерствѣ путей сообщенія и въ канцеляріи комитета государственнаго коннозаводства, сдѣлавши свое имя весьма извѣстнымъ въ литературѣ по коннозаводскому дѣлу и по другимъ специальнымъ вопросамъ, касавшимся его службы. Онъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ „Военно-энциклопедическаго лексикона“ и въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ, съ 1843 г. по 1855 г., редактировалъ *Журналъ Коннозаводства и Охоты*, въ который самъ былъ весьма дѣятельнымъ вкладчикомъ ¹⁾. Независимо отъ того, и онъ, подобно многимъ изъ своихъ нѣжинскихъ товарищей, не чуждъ былъ общелитературныхъ интересовъ, сотрудничая въ журналахъ *Пантеонъ* 1840 — 1841 гг. и *Сынъ Отечества* 1848 — 1849 гг. переводами изъ Шекспира („Цимбелинъ“), Байрона („Манфредъ“), Томаса Мура, Шелли, а также и въ другихъ журналахъ стихами и прозой.

Наконецъ, нѣсколько воспитанниковъ гимназіи высшихъ наукъ князя Безбородко посвятили себя скромному педагогическому поприщу. Изъ нихъ назовемъ мы трехъ, получившихъ нѣкоторую извѣстность и въ литературѣ.

Николай Яковлевичъ Прокоповичъ (1810—1857), одинъ изъ ближайшихъ и преданнѣйшихъ друзей Гоголя ²⁾, окончилъ курсъ въ гимназіи, съ званіемъ дѣйствительнаго студента, въ 1829 году, и переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ сначала принялся за литературныя занятія, потомъ пытался поступить на сцену, наконецъ, послѣ побѣдки въ Нѣжинѣ и женитьбы, по возвращеніи въ Петербургъ, лѣтомъ 1836 года назначенъ былъ учителемъ русскаго языка и словесности въ I-ый кадетскій корпусъ, гдѣ и оставался до своей смерти. Среди однообразныхъ педагогическихъ обязанностей, Н. Я. Прокоповичъ находилъ время заниматься и литературой: его перу принадлежить нѣсколько балладъ, сказокъ и мелкихъ стихотвореній, на-

¹⁾ См. Гимназія высшихъ наукъ, стр. X—XVII.

²⁾ См. письма Гоголя къ Прокоповичу въ *Русскомъ Словѣ*, 1859, I.

печатанныхъ первоначально въ разныхъ журналахъ и альманахахъ ¹⁾ и собранныхъ потомъ Н. В. Гербелемъ въ особой книжкѣ „Стихотворенія Н. Я. Прокоповича. С.-Пб. 1858“. Эти немногіе опыты пера Прокоповича не лишены по мѣстамъ поэтической граціозности и отличаются хорошимъ стихомъ. О личныхъ же свойствахъ Прокоповича такъ отзывается Гербель: „Прокоповичъ былъ однимъ изъ тѣхъ скромныхъ дѣятелей, которые въ отведенномъ имъ судьбою тѣсномъ кругѣ дѣйствуютъ честно и благородно, часто сами не замѣчая благодѣтельнаго вліянія, оказываемаго ими на развитіе мысли въ людяхъ, встрѣчающихся имъ на ихъ одинокой дорогѣ. Знавшіе его коротко сохранять о немъ воспоминаніе, какъ о человѣкѣ, способномъ къ самой преданной и безкорыстной дружбѣ; а многія сотни его учениковъ долго не забудутъ своего любимаго учителя, его увлекательную рѣчь и простое, чуждое всякаго педантизма, преподаваніе“ ²⁾.

Въ другой столицѣ проходилъ свою педагогическую службу Николай Ивановичъ Билевичъ (род. въ 1812 году), окончившій курсъ гимназіи въ 1830 году и продолжавшій свое образованіе на философскомъ и юридическомъ факультетахъ Московскаго университета. Здѣсь, въ Москвѣ, занявши мѣсто учителя исторіи и географіи въ Московской практической академіи, Билевичъ въ то же время сошелся съ Полевымъ, Надеждинымъ, Кирѣевскимъ и другими литераторами, что давало ему возможность пополнять свое литературное образованіе. Затѣмъ онъ былъ послѣдовательно учителемъ исторіи и статистики—въ старшемъ классѣ института оберъ-офицерскихъ дѣтей при Воспитательномъ домѣ, въ женскомъ Александровскомъ училищѣ, учителемъ словесности—въ разныхъ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ 3-й Московской гимназіи, въ Дворянскомъ институтѣ, въ Дворцовомъ архитектурномъ училищѣ, занимаясь вмѣстѣ съ тѣмъ, по порученію начальства Воспитательнаго дома, составленіемъ учебника всеобщей исторіи: онъ уже успѣлъ составить курсъ древней исторіи, пользуясь совѣтами П. Г. Рѣдкина и профессора Московскаго университета Крюкова, какъ это дѣло начальствомъ было прекращено, и трудъ Билевича остался безъ употребленія. Въ московскій же періодъ своей жизни Билевичъ выступилъ и въ литературѣ сатирическимъ сочиненіемъ „Картинная галлерія свѣтской жизни или нравы XIX

¹⁾ Гимназія высшихъ наукъ, стр. LXII—LXIII.

²⁾ Стихотворенія Н. Я. Прокоповича, стр. 56—57.

столѣтія“ (Москва, 1833 года, двѣ части), не имѣвшимъ, впрочемъ, большаго успѣха; гораздо лучше было принято другое сочиненіе Билевича „Святочные вечера или разказы моей тетушки“ (два изданія; Москва, 1836 года, и С.-Пб. 1839 года) ¹⁾. Въ 1848 году Билевичъ временно покинулъ Москву, назначенный инспекторомъ въ Калужскую гимназію, но въ 1850 году онъ переведенъ былъ на ту же должность въ 1-ю Московскую гимназію. Получивъ въ 1853 году отставку отъ службы, Билевичъ переселился на свою родину въ Курскъ, гдѣ и продолжалъ свои любимыя занятія литературой, преимущественно какъ членъ-корреспондентъ и какъ завѣдывающій Курскимъ статистическимъ комитетомъ. Изъ другихъ сочиненій Билевича, кромѣ названныхъ, особенно слѣдуетъ упомянуть „Николай Ивановичъ Новиковъ“, „Русскія писательницы XVIII вѣка“ и „Русскіе писательницы XIX вѣка“, напечатанныя въ *Московскомъ Городскомъ Листкѣ* 1847 года; изъ нихъ послѣднія два не утратили своего значенія и донныѣ ²⁾.

Педагогическому поприщу посвятилъ себя и Викторъ Кирилловичъ Каминскій (1808—1865), окончившій гимназію въ 1831 году со степенью кандидата и въ 1834—1845 годахъ бывшій преподавателемъ математики и наставникомъ-наблюдателемъ въ Новгородскомъ кадетскомъ графа Аракчеева корпусѣ, а въ 1845—1850 годахъ служившій въ той же должности въ Полтавскомъ Петровскомъ корпусѣ. Поправивъ, по выходѣ въ отставку въ 1850 году, разстроенное здоровье на родинѣ (въ Черниговской губерніи), Каминскій, издавно исполненный высокаго религіознаго чувства, отправился путешествовать во Святую Землю, и литературнымъ результатомъ этого путешествія явилась книга „Воспоминанія поклонника Святой Земли“, выдержавшая три изданія (С.-Пб. 1855, 1856 и 1859 года). По свидѣтельству протоіерея А. Ѡ. Хайнацкаго ³⁾, эта книга „въ свое время имѣла не малое вліяніе на умы и сердца своихъ читателей“. Затѣмъ Каминскій предпринялъ второе путешествіе: побывалъ въ Аравіи, на Синаѣ и снова въ Палестинѣ, въ Сиріи и на Афонѣ — и также думалъ издать описаніе всего имъ видѣннаго, но, сколько мы знаемъ,

¹⁾ См. статью *Билинскаго* въ *Молоть* 1836 года: Сочиненія, часть II, изданіе 5-е, Москва, 1833 года, стр. 250—251.

²⁾ *Венгеровъ*, Критико-біографическій словарь, III, С.-Пб. 1892 года, стр. 272—273.

³⁾ Къ исторіи философской науки въ Россіи въ началѣ XIX вѣка. *Древняя и Новая Россія*, 1879 г., № 6, стр. 176.

не успѣлъ этого исполнить. Умеръ Каминскій въ Иерусалимѣ и похороненъ на Сионѣ.

Если прибавить къ названнымъ именамъ почтенныхъ военныхъ дѣятелей Александра Людвиговича Гинтовта и Леонида Платоновича Рудановскаго, изъ которыхъ первый окончилъ курсъ гимназій въ 1830 году, а второй — въ 1832 году, то можно видѣть, на какіе разнообразныя пути общественнаго служенія выходили ея питомцы. Причина этого лежала въ томъ энциклопедизмѣ гимназическаго обученія, который, давая общее образованіе, не подготавливалъ специально ни къ чему; онъ представлялъ и положительную сторону, отвѣчая требованіямъ большинства на запросы образованія, и отрицательную, указанную ему временемъ и послужившую однимъ изъ главнѣйшихъ основаній для преобразованія гимназій высшихъ наукъ въ физико-математическій лицей.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Два письма графа Н. П. Румянцева къ И. С. Орлаю¹⁾.

I.

Получ. 1825 II/27

20 февраля 1825. Гомель.

Милостивый Государь мой Иванъ Семеновичъ.

Г. Оландеръ, который управляетъ у меня Хаминскою волостію, хотя родомъ Шведъ, но имѣеть свидѣтельство отъ предводителя Дворянства, что онъ считается Смоленскимъ Дворяниномъ. Онъ чрезвычайно желаетъ теперь помѣстить сына своего для обученія наукамъ предпочтительно всякому иному заведенію въ тотъ Институтъ, который учрежденъ въ Нѣжинѣ графомъ Безбородкой и коимъ вы, Милостивый Государь мой, управляете съ такимъ успѣхомъ. Г. Оландеръ посему проситъ у меня о томъ ходатайства предъ Вами и я съ удовольствіемъ исполняю сіе, тѣмъ болѣе, что сынъ его 11-ти лѣтній мальчикъ умный и благовоспитанный. Пожалуйста дайте мнѣ знать, когда начнется новый пріемъ въ Нѣжинскомъ Институтѣ и можетъ ли въ число, опредѣленное воспитанникамъ по штату поступить сынъ г. Оландера. Ежели же встрѣчается тому препятствіе, то можетъ ли онъ даже и нынѣ войти въ Институтъ, платя за себя пансіонъ. Въ такомъ случаѣ прошу меня точно увѣдомить, на какомъ основаніи пенсіонеромъ быть ему слѣдуетъ, какую годовую плату родитель его вносить будетъ обязанъ и сколько лѣтъ продолжится его ученіе. Вы меня, Милостивый Государя мой, много одолжите, давъ на сіе письмо желаемый отвѣтъ.

¹⁾ Извлечено изъ Архива Гимназіи Высшихъ Наукъ кн. Безбородко.

Еще домогаюсь о другомъ одолженіи. Мнѣ дано знать, какъ усмотрѣть изволите изъ приложенной здѣсь записки, что въ Нѣжинѣ г. Кондура продаетъ золотую греческую медаль. Нельзя ли его уговорить ее ко мнѣ прислать сюда для предварительнаго осмотра и съ объявленіемъ оной настоящей цѣны, предоставляя мнѣ право возвратить ее назадъ не купя, ежели сочту ее маловажною или цѣна ея мнѣ покажется непомѣрною. Пожалуйте развѣдайте, нѣтъ ли въ Нѣжинѣ и у другихъ гг. купцовъ грековъ медалей золотыхъ, серебряныхъ или мѣдныхъ греческихъ, а особливо изъ тѣхъ, кои часто открываются въ Ольвіополѣ и Керчи, или же татарскихъ древнихъ монетъ, а лучше сказать—арабскихъ. И ежели тѣ, кои имѣютъ таковыя медали и монеты, согласятся на вышеописанныхъ условіяхъ ко мнѣ ихъ сюда чрезъ васъ доставить, я очень вамъ благодаренъ буду за таковую ихъ ко присылку. Нѣтъ ли также у кого-либо въ Нѣжинѣ продажныхъ древнихъ русскихъ рукописей на славянскомъ языкѣ, писанныхъ на пергаментѣ.

Прошу свидѣтельствовать мое почтеніе дражайшему семейству вашему и примите сами увѣреніе въ томъ совершенномъ уваженіи, съ коимъ имѣю честь быть Вашего Высочородія покорнѣйшимъ слугою.

Графъ Николай Румянцевъ ¹⁾.

II.

Получ. 1825 III/27

Гонель 6 марта 1825.

Милостивый Государь мой, Иванъ Семеновичъ!

Благодарю Васъ за письма, каковыми мя удостоить изволили 3-го марта, разрѣшая многіе мои вопросы, и возвращаю Вамъ два письма, на имя ваше писанныя. Хотя г. Кондура меня пугаетъ, предвѣщая, что будетъ просить за древнюю греческую медаль золотую очень дорого; но это меня не отбиваетъ отъ торгу. Однако мнѣ прежде всего

¹⁾ Въ отвѣтномъ письмѣ И. С. Орлая графу Румянцеву не дается никакого отвѣта на просьбу канцлера о медаляхъ, монетахъ и рукописяхъ: послѣ объясненія относительно невозможности въ данную минуту принять сына Оландера на казенный счетъ, Орлай проситъ графа выслать въ бібліотеку Гимназіи 1 экз. описанія кругосвѣтнаго путешествія капитана-лейтенанта флота Коцебу, издаваномъ на средства гр. Н. П. Румянцева. Изданіе было дѣйствительно выслано, что видно изъ нижеприведеннаго письма.

надобно удостовѣриться, что она не поддѣльная и изображенія и надписи на ней чисты ли, а не истерты такъ, какъ часто это случается, что нельзя и опредѣлить съ точностію ея достоинство. Для сего покорно васъ прошу освидѣтельствовать ее сами, въ цѣлости ли она, а притомъ и спросить у Г. Титулярнаго совѣтника Кондура снять съ нее рисунокъ очень точный, сохраняя всю надпись, а и того бы лучше ежели бы я получилъ съ нее сургучный или алебастровый слѣпокъ. Ежели же надобно будетъ издержать на это рублей 10 или 15, то покорно Васъ прошу понести сію издержку за меня: я тотчасъ съ благодарностію сіи деньги возвращу. Но настою въ томъ твердо, чтобы при присылкѣ рисунка или слѣпка мнѣ объявлено было, за какую денежную плату Г. Кондура готовъ мнѣ уступить сію медаль.

Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть Вашего Высоко-родія покорнѣйшимъ слугою.

Графъ Николай Румянцевъ.

P. S. Я точно съ большимъ удовольствіемъ исполняю волю вашу и по тяжелой почтѣ отправляю къ Вамъ для библіотеки Нѣжинской знаменитой гимназіи полный экземпляръ Рюрикова Путешествія, при коемъ и атласъ найдете. Честь имѣю быть *ut in litteris*.

Графъ Н. Румянцевъ¹⁾.

¹⁾ За этотъ подарокъ Орлай благодарилъ графа Румянцева письмомъ отъ 13 апрѣля 1825 года.

Содержаніе.

Отъ автора.

	Стр.
I. Обстоятельства, предшествовавшія открытію Гимназіи. — Первый почетный попечитель и его дѣятельность относительно Гимназіи до ея открытія.—Уставъ Гимназіи Высшихъ Наукъ кн. Безбородко.	1
II. Начало ученья въ Гимназіи.—Директорство В. Г. Кукольника . . .	11
III. Временное коллегіальное управленіе Гимназіей послѣ смерти В. Г. Кукольника.—Директорство И. С. Орляя	15
V. Временное исправленіе должности директора К. В. Шапалинскимъ.—Директорство Д. Е. Ясновскаго. — Преобразование Гимназіи въ Лицей кн. Безбородко.	27
IV. Выдающіеся воспитанники Гимназіи; ихъ научная, литературная и общественная дѣятельность.	35
Приложенія	59

И. А. Сребницкій.

О Ч Е Р К И

ИЗЪ

ИСТОРИИ ЛИЦЕЯ

КНЯЗЯ БЕЗБОРОДКО.

(1832 — 1875)

Н Ъ Ж И Ц Ъ .

Типо-Литографія Е. Ф. Венгера, д. Глезера.

1895.

Очерки изъ исторіи Лицея Князя Безбородко.

І.

Второй періодъ исторіи учебнаго заведенія въ Нѣжинѣ, возникшаго въ 1820 г., подъ именемъ Гимназіи Высшихъ Наукъ, благодаря щедрому пожертвованію Князя Александра Андреевича и графа Ильи Андреевича Безбородко, составляетъ исторія Лицея Князя Безбородко, которая, въ свою очередь, распадается на два отдѣла: физико-математическій Лицей (1832—1840) и юридическій Лицей (1840—1875).¹⁾—Исторія 1827—30 годовъ о вольнодумствѣ и вредномъ направленіи преподаванія нѣкоторыхъ профессоровъ Гимназіи Высшихъ Наукъ, особенно профессора естественнаго права Бѣлоусова, отразилась въ высшей степени пагубно на этомъ заведеніи. Она обнаружила глубокой внутренней разладъ и разложеніе въ учебномъ заведеніи, личные дрязги и интриги, среди которыхъ всѣмъ было не до настоящаго дѣла, и вызвала ревизію заведенія командированнымъ для сего членомъ главнаго Правленія училищъ, Адеркасомъ; ближайшимъ же результатомъ этой ревизіи было удаленіе лучшихъ профессоровъ: Бѣлоусова, Шапалинскаго и нѣк. другихъ, а въ концѣ концовъ—преобразование Гимназіи въ Лицей. Такимъ образомъ первый періодъ жизни учебнаго заведенія имени Кн. Безбородко, который обыкновенно считается самымъ блестящимъ, благодаря тому, что его осіялъ лучами

¹⁾ Настоящіе очерки изъ исторіи Лицея Князя Безбородко представляютъ собою вновь передѣланный очеркъ того же автора, помѣщенный въ сборникѣ Н. В. Гербея: «Гимназія Высшихъ Наукъ и Лицей Кн. Безбородко». Изд. 2. Спб. 1881.

своей славы Гоголь, продолжался очень недолго, и съ 1830 года заведеніе, можно сказать, вступаетъ въ какое то переходное состояніе, въ которомъ и пребываетъ десятки лѣтъ, какъ выразился въ 1875 г. министръ, гр. Д. А. Толстой. Тѣ, въ чьихъ рукахъ находилась судьба заведенія, не разъ затруднялись разрѣшеніемъ вопроса, что съ нимъ сдѣлать и какимъ способомъ наилучше утилизировать то щедрое пожертвованіе, которое сдѣлано было основателемъ Гимназіи Высшихъ Наукъ. Уже самое возникновеніе заведенія сопровождалось нѣкоторыми предзнаменованіями, какъ бы указывавшими на превратность будущей его судьбы. Днемъ своего рожденія Гимназія Высшихъ Наукъ считала 19 апрѣля 1820 года, когда послѣдовалъ на имя Министра Нар. Просвѣщенія, кн. А. Н. Голицына, Высочайшій рескриптъ Императора Александра Павловича объ устроеніи въ г. Нѣжинѣ высшаго учебнаго заведенія. Въ этомъ рескриптѣ, въ 4-хъ пунктахъ, были изложены основныя положенія устава будущаго учебнаго заведенія. На основаніи этого рескрипта, Гимназія Высшихъ Наукъ была открыта въ томъ же 1820 г. и жила и дѣйствовала около пяти лѣтъ. Законодательный же актъ, которымъ должны были регламентироваться жизнь и строй заведенія, уставъ Гимназіи Высшихъ Наукъ, удостоился Высочайшаго утвержденія только 19 февраля 1825 года. Но уставъ этотъ постигло совершенно неожиданное крушеніе. Почетный попечитель Гимназіи, увѣдомляя конференцію послѣдней о предстоящей присылкѣ устава или грамоты, писалъ: «Грамоту, по полученіи ея, прочитатъ съ должнымъ приличіемъ въ храмѣ Божіемъ въ присутствіи конференціи, правленія, чиновниковъ, воспитанниковъ и посѣтителей». Въ половинѣ апрѣля грамота была получена въ Нѣжинѣ. Въ засѣданіи конференціи 25 апрѣля было опредѣлено грамоту хранить въ библіотекѣ, подъ отвѣтственностью библіотекаря, въ особенномъ ящикѣ краснаго дерева или корельской березы со стекломъ. Но хранить не долго пришлось. 5-го мая начальникъ отдѣленія департамента народнаго просвѣщенія Языковъ пишетъ директору: «Препровождая при семъ списокъ съ первыхъ трехъ страницъ устава гимназіи, покорнѣйше прошу приказатъ свѣрить оныя съ подлиннымъ уставомъ, доставленнымъ уже въ Гимназію, и увѣдомить меня, точно ли въ томъ видѣ и порядкѣ страницы сіи написаны въ подлин-

ниѣ, и при томъ сняты особо копии съ сихъ же самыхъ трехъ страницъ съ подлинника въ томъ же именно видѣ и порядкѣ, какъ онѣ въ немъ написаны, и доставить ихъ ко мнѣ вмѣстѣ съ моимъ спискомъ». 7-го іюля 1825 года исправлявшій должность попечителя Харьковскаго Округа, Перовскій предписалъ, по требованію министра, «немедленно препроводить въ подлинникѣ Высочайше утвержденный уставъ Гимназіи и штатъ оной.»¹⁾ Причиной катастрофы была, вѣроятно, ошибка или описка какаго-нибудь департаментскаго дѣлопроизводителя. Дѣло въ томъ, что, по полученіи подлинника устава изъ Государственнаго Совѣта, въ немъ усмотрѣны слѣдующія погрѣшности: 1) между Высочайшимъ титуломъ и изъясненіемъ Монаршей воли о дарованіи устава неумѣстно вставлены слова: «уставъ Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко»; 2) въ штатѣ Гимназіи на содержаніе 27 воспитанниковъ, по 325 рублей на каждаго, вмѣсто 8775 р., было назначено 9775 р., и на непредвидѣнныя надобности, вмѣсто 1600 р., положено было только 600 р., и, наконецъ, 3) въ заключеніе устава «лѣто государствованія» Его Императорскаго Величества, вмѣсто 24-го, назначено 25-го. Объ этихъ погрѣшностяхъ 16-го августа 1825 года министръ доводилъ до Высочайшаго свѣдѣнія. Императоръ Александръ Павловичъ оставилъ уставъ у себя для исправленія. Затѣмъ, въ январѣ 1826 года, по повелѣнію Императора Николая Павловича, уставъ былъ отысканъ въ кабинетѣ покойнаго Государя, исправленъ и вновь представленъ на Высочайшее благоусмотрѣніе. Но Императоръ, вмѣсто подписанія исправленнаго устава, въ октябрѣ 1826 г. начерталъ слѣдующую резолюцію: «Надо будетъ подождать, доколѣ не окончится пересмотръ всѣхъ уставовъ училищъ въ учрежденномъ на то комитетѣ»²⁾.

Происшедшіе среди профессоровъ Гимназіи безпорядки, конечно, ускорили ходъ дѣла о преобразованіи этого учебнаго заведенія. Указанный выше комитетъ обратился къ почет-

¹⁾ Гимназія Высшихъ Наукъ Кн. Безбородко, изд. Н. В. Гербея, стр. 41 (статья Н. А. Лавровскаго).

²⁾ Сборникъ постановленій по Мин. Нар. Просв. т. VI, стр. 636—637.

ному попечителю Гимназіи, гр. А. Г. Купелеву-Безбородко, прося доставить мнѣніе объ устройствѣ, которое онъ желалъ бы дать Гимназіи. Почетный попечитель выразилъ желаніе сохранить за гимназіей характеръ высшаго учебнаго заведенія, переименовавъ ее при этомъ въ Лицей; онъ предлагалъ образовать изъ него высшій факультетъ физико-математическихъ наукъ для воспитанниковъ, окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ. Комитетъ, напротивъ, былъ убѣжденъ, что учрежденіе такого рода не въ состояніи принести существенной пользы. Прежде всего представлялся вопросъ о матеріальныхъ средствахъ новаго заведенія: средства эти были далеко недостаточны даже для прежней Гимназіи, а между тѣмъ высшее училище должно было потребовать несравненно большихъ расходовъ, напр. на устройство кабинетовъ, лабораторій и т. п. Но и кромѣ того существовали другія затрудненія: такъ сомнѣвались, чтобы ученики съ гимназическимъ образованіемъ стали обращаться для слушанія высшихъ наукъ къ Нѣжинскому Лицею предпочтительно предъ университетами. Это соображеніе казалось столь важнымъ, что гр. Купелевъ-Безбородко настаивалъ на необходимости перевести въ Нѣжинъ одну изъ ближайшихъ къ этому городу гимназій, именно Новгородъ-Сѣверскую, рассчитывая, что воспитанники ея будутъ стремиться получить высшее образованіе въ мѣстѣ своего постояннаго жительства. Но и подобная искусственная мѣра представлялась неудобноисполнимою. Поэтому Комитетъ полагалъ удобнѣе всего сохранить за заведеніемъ имени князя Безбородко характеръ обыкновенной гимназіи съ присоединеніемъ къ ней, если дозволить средства, нѣсколькихъ высшихъ классовъ. Но почетный попечитель указывалъ, что эта мѣра будетъ находиться въ прямомъ противорѣчій съ волею первыхъ учредителей, и настаивалъ на желаніи своемъ превратить Гимназію въ Лицей съ курсомъ высшихъ наукъ ¹⁾).

Въ виду начавшейся разработки вопроса о преобразованіи Гимназіи Высшихъ Наукъ, еще въ 1830 г., по распоряженію министра нар. просвѣщенія, былъ прекращенъ пріемъ учениковъ въ низшіе классы Гимназіи. Наконецъ старанія почетнаго попечителя увѣнчались успѣхомъ, и 7 октября 1832 г.

¹⁾ *ibid.* стр. 639—640.

утвержденъ былъ уставъ Лицея Кн. Безбородко. Гимназическіе классы были уничтожены и оставлены только три высшіе класса, составляшіе 6 полугодичныхъ курсовъ. Для преподаванія наукъ назначены были законоучитель и шесть профессоровъ для 6-ти слѣдующихъ кафедръ: 1) чистой математики, 2) прикладной математики, 3) физики, 4) химіи и технологіи, 5) естественной исторіи и 6) одной кафедры: русской словесности и русской исторіи и статистики и, наконецъ, два лектора для французской и нѣмецкой литературы. Взамѣнъ всѣхъ прежнихъ преимуществъ студентамъ, окончившимъ съ успѣхомъ полный курсъ ученія и удостоеннымъ похвальныхъ аттестатовъ, предоставленъ, при поступленіи въ гражданскую службу, XIV классъ, а на полученіе офицерскаго чина одинаковое право съ студентами университетовъ, съ оговоркою: «ежели познаніемъ службы достойны будутъ производства». § 17 новаго устава давалъ право студентамъ, отличившимся своимъ поведеніемъ и особенными способностями, быть отправленными на счетъ хозяйственныхъ суммъ заведенія для усовершенствованія въ наукахъ въ одномъ изъ россійскихъ университетовъ. Наконецъ, по § 30, окончившіе курсъ въ Лицеѣ Кн. Безбородко освобождались отъ испытанія, установленнаго указомъ 6 авг. 1809 г. для производства въ чины VIII и V классовъ.

Но съ преобразованіемъ Гимназіи Высшихъ Наукъ въ физико-математическій Лицей порядокъ не водворился въ заведеніи, а, можно сказать, оно стало приходить еще въ большее разстройство, и десяти—лѣтній періодъ (1830—40) представляется самымъ темнымъ періодомъ во внутренней жизни этого заведенія. Еще при представленіи устава физико-математическаго Лицея на Высочайшее утвержденіе тогдашній министръ нар. просвѣщенія, князь Ливень изъяснялъ: «не могу скрыть затрудненій, встрѣтившихся при подробнѣйшемъ раскрытіи допущеннаго комитетомъ плана, и опасеній моихъ, что Лицей Князя Безбородко далеко не достигнетъ предполагаемой цѣли и отнюдь не будетъ соответствовать великодушнымъ пожертвованіямъ перваго основателя онаго». Причиной такого состоянія Лицея было прежде всего существованіе рядомъ съ новымъ заведеніемъ и прежнихъ гимназическихъ классовъ, которые закрывались постепенно, по одному ежегодно, и продолжали существовать до

1837 года. Они то и составляли истинный тормазъ для Лицея, такъ какъ служащіе въ нихъ очевидно относились къ нимъ, какъ къ учрежденію умирающему, которое нужно было только какъ-нибудь дотянуть до послѣдняго издыханія. Съ другой стороны, въ Лицеѣ, какъ заведеніи еще только зарождавшемся, тоже еще порядковъ плохо устанавливался. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1833 г. Нѣжинскій Лицей въ первый разъ посѣтилъ первый попечитель Кіевскаго учебнаго округа, фонъ Брадее. Послѣ трехъ дневнаго осмотра заведенія попечитель въ особой бумагѣ, на имя директора, Д. Е. Ясновскаго данной здѣсь же въ Нѣжинѣ, изложилъ выводы, сдѣланныя имъ изъ этого осмотра. Попечитель нашелъ неудовлетворительными успѣхи учениковъ въ большей части предметовъ; неудовлетворительность эта происходила отъ неумѣлости преподавателей и ихъ небрежнаго отношенія къ своему дѣлу и обязанностямъ, такъ что попечитель вознамѣрился было немедленно нѣкоторыхъ преподавателей отрѣшить отъ должности и оставилъ ихъ только по ходатайству добраго директора. Нашелъ тоже попечитель недостатки и упущенія и въ дисциплинарно-воспитательной части заведенія. Но и послѣ этого дѣла въ Нѣжинѣ не пошли лучше. Въ ноябрѣ того же 1833 г. посѣтилъ свое заведеніе почетный его попечитель, гр. А. Г. Кушелевъ-Безбородко. Изъ осмотра гимназій и Лицея онъ вынесъ еще болѣе неблагоприятное впечатлѣніе, чѣмъ окружной попечитель. Послѣ отъѣзда графа попечитель округа въ предложеніи своемъ рѣзче и рѣшительнѣе выразился о состояніи Гимназій и Лицея вн. Безбородко. Онъ говоритъ, что почетный попечитель нашелъ заведеніе и съ внѣшней и съ внутренней стороны въ состояніи неудовлетворительномъ, и вообще заведеніе показалось графу «замѣтно склоняющимся къ упадку.» Поэтому попечитель округа убѣждаетъ директора употребить всѣ усилія къ приведенію заведенія въ лучшее состояніе, позаботиться возстановить и поддержать его прежнее достоинство, «отклонить отъ упадка, къ которому оно съ давняго времени быстро приближается».

Особенно въ жалкомъ состояніи находились гимназическіе классы, гдѣ ученіе велось какъ-нибудь, чтобы только дать возможность ученикамъ дотянуть до окончанія курса. Что касается собственно до Лицея, то здѣсь порядки были нѣсколько больше, и успѣхи студентовъ были лучше. Составъ

профессоровъ Лицея былъ довольно хорошъ, хотя, къ сожалѣнiю, они часто мѣнялись, и выбывали именно лучшiе профессора. Хорошiй профессоръ математики и въ полномъ смыслѣ человекъ науки, Купферъ, не пробылъ и двухъ лѣтъ въ Лицеѣ и похищенъ былъ смертiю отъ болѣзни, полученной имъ при исполненiи служебныхъ обязанностей. Въ 1834 г. на кафедрѣ прикладной математики назначенъ былъ молодой магистръ Конст. Андр. Будзынскiй, бывшiй, по отзывамъ его слушателей, наиболѣе любимымъ ими и уважаемымъ профессоромъ. «Хорошiй выборъ руководствъ и особенно ясность изложенiя дѣлали его лекцiи драгоценными для слушателей,» такъ отзывается о немъ бывшiй его слушатель въ Лицеѣ, извѣстный впослѣдствiи инженеръ, Д. И. Журавскiй. Другой не менѣе извѣстный инженеръ и профессоръ института путей сообщенiя П. И. Собко говорилъ, что прочнымъ началомъ своихъ познанiй въ институтѣ онъ обязанъ былъ Будзынскому, и съ особеннымъ удовольствiемъ вспоминалъ всегда его лекцiи дифференціальнаго исчисленiя. Но въ 1838 г. Будзынскiй внезапно, по распоряженiю министра, былъ уволенъ отъ службы «за безпокойное поведенiе и неуваженiе къ начальству.» Это увольненiе Будзынскаго произвело на Лицей впечатлѣнiе громоваго удара; впрочемъ оно не помѣшало Будзынскому уже въ слѣдующемъ году поступить преподавателемъ математики въ лѣсной и межевой институтъ. Кафедрѣ естественныхъ наукъ занималъ бывшiй профессоромъ этого предмета и въ Г. В. Наукъ Никита Фед. Соловьевъ (до 1837). По отзыву Н. Кукольника, Соловьевъ преподавалъ превосходно: въ слушателей своихъ умѣлъ вложить о каждой наукѣ ясныя понятiя и вѣрныя начала и такимъ образомъ облегчалъ пути дальнѣйшаго изученiя. Послѣ смерти Соловьева въ преподаванiи естественныхъ наукъ произошелъ перерывъ: предметы этой кафедры кое-какъ были распределѣны между другими преподавателями: зоологiю, напримѣръ, преподавалъ директоръ Экебладъ, а минералогiю нѣкоторое время читалъ Будзынскiй. Въ 1839 г. на кафедрѣ естественныхъ наукъ былъ назначенъ Ант. Лувьяновичъ Андржiевскiй, небезызвѣстный ученый юго-западнаго края своими работами по систематикѣ растений, своими ботаническими экскурсiями, составившiй большой гербарiй, потомъ доставшiйся Киевскому университету

Къ сожалѣнiю, не сохранилось никакихъ остатковъ лек-

цій этихъ профессоръ, по которымъ можно было бы судить о характерѣ преподаванія въ физико-математическомъ Лицеѣ. Впрочемъ сохранились ежегодныя программы преподаванія всѣхъ профессоръ. Эти программы показываютъ, что преподаваніе естественно-математ. наукъ въ Лицеѣ вполне соответствовало тогдашнему состоянію этихъ наукъ, по крайней мѣрѣ въ Россіи, и что профессора владѣли съ полною авторитетностью своими предметами. Преподаваніе отличалось достаточною полнотою и происходило по лучшимъ руководствамъ—русскимъ и иностраннымъ. Но программы эти поражаютъ отсутствіемъ какихъ бы то ни было переменъ, какого бы то ни было движенія: изъ года въ годъ у одного и того же профессора онѣ переписывались съ стереотипною точностью безъ всякихъ измѣненій. И вообще научная производительность профессоръ Лицея равнялась нулю. Къ голичнымъ отчетамъ по Лицею всѣ профессора должны были предлагать собственноручно писанные ими отвѣты на вопросы, присылавшіеся изъ управленія учебнымъ округомъ: съ кѣмъ вступалъ въ сношенія по дѣламъ, до науки относящимся, какія получалъ отношенія и что на нихъ отвѣчалъ? Какія дѣлалъ научныя наблюденія? Что написалъ, что перевелъ и что издалъ въ свѣтъ? На эти вопросы ежегодно всѣ профессора Лицея единодушно отвѣчали, что занимались только усовершенствованіемъ себя въ своей наукѣ и, кромѣ сего, ни съ кѣмъ въ научныхъ сношеніяхъ не находились, никакихъ научныхъ наблюденій не дѣлали, ничего не сочиняли, ничего не переводили и ничего въ свѣтъ не издавали. Только Андржіевскій въ 1839 г. отвѣчалъ, что находился въ сношеніяхъ по поводу одного научнаго вопроса съ извѣстнымъ тогдашнимъ французскимъ естествоиспытателемъ *Bory de S.-t. Vincent*, а также сносился съ нѣкоторыми учеными обществами въ Россіи, занимался собираніемъ растений, собравши оныхъ до 470 видовъ, въ числѣ коихъ было, кажется, нѣсколько новыхъ, но ничего не напечаталъ и въ свѣтъ не издалъ.

Когда въ 1833 г. основанъ былъ журналъ Министерства Нар. Просвѣщенія, то профессора Лицея, въ числѣ другихъ, получили приглашеніе принять участіе въ этомъ изданіи присылкою статей и научныхъ сочиненій; но изъ Нѣжинскихъ никто на это приглашеніе не отозвался. Въ 1839 г.

Министръ, гр. С. С. Уваровъ преобразоваль программу журнала по новому плану, и профессора Лицея получили опять такое же приглашеніе, какъ и въ 1833 г. На этотъ разъ директоръ затребоваль отъ всѣхъ профессоровъ письменные отвѣты, и оказалось, что только самъ директоръ, Экебладъ, предложилъ для журнала съ дюжину своихъ статей, профессоръ русской исторіи и статистики Шульговскій предложилъ три имѣвшихся у него въ рукописяхъ небольшія статьи, да инспекторъ Македонскій, преподававшій словесность, заявилъ, что когда у него окажется досугъ, онъ не отказывается написать что нибудь для журнала. Всѣ же остальные профессора, ссылаясь—кто на слабое здоровье, кто на многосложныя и многотрудныя служебныя обязанности—отъ всякаго участія въ журналѣ министерства отказались.

Директоромъ въ переходный періодъ преобразованія Гимназіи Высшихъ Наукъ въ Лицей и въ первые годы Лицея оставался Д. Е. Ясновскій. Въ тяжеломъ положеніи онъ очутился. При своей добротѣ и мягкости онъ не могъ разобратъся въ той кашѣ, въ которую попалъ при самомъ вступленіи въ должность, не могъ и послѣ твердо, рѣшительно и правильно вести дѣла въ конференціи и хозяйственномъ правленіи. Въ той и другой коллегіи происходили постоянныя несогласія, отдѣльныя мнѣнія, отказы членовъ ихъ подписывать протоколы и всяческія пререканія; въ дѣлахъ происходили упущенія и беспорядокъ, а на бѣднаго Д. Е.-ча сыпались изъ округа строгіе и строжайшіе выговоры и замѣчанія. Наконецъ въ 1835 г., при посѣщеніи Лицея попечителемъ ф. Брадвѣ, Ясновскій подалъ ему—волей или неволей—лично прошеніе объ отставкѣ по причинѣ преклонныхъ лѣтъ и разстроеннаго здоровья.

Въ томъ же году прибылъ въ Лицей новый директоръ, Х. А. Экебладъ. Человѣкъ еще молодой, прекрасно образованный, съ солидными познаніями въ предметѣ своей специальности—естественныхъ наукахъ и медицинѣ—знающій службу и строгій ревнитель служебныхъ порядковъ, натура въ высшей степени дѣятельная и энергичная.—онъ въ лицѣ своемъ представлялъ всѣ данныя для кореннаго исправленія и возрожденія пришедшаго въ упадокъ заведенія. Экебладъ прежде всего улучшилъ внѣшнюю сторону заведенія, начиная

съ самого зданія и кончая учащимися. Аккуратность вездѣ завелась чисто нѣмецкая, на поведеніе учениковъ и студентовъ обращено было самое строгое вниманіе; выработаны были точныя правила надзора за поведеніемъ,—однимъ словомъ, воспитательно-дисциплинарная часть приведена была въ лучший порядокъ. Дѣла въ совѣтѣ и хозяйственномъ правленіи стала вести твердая рука, нерѣдко исполнявшая секретарскія обязанности и сама писавшая протоколы по важнѣйшимъ дѣламъ. Отчетность передъ высшимъ начальствомъ влася правильно и своевременно—и на Лицей перестали сыпаться выговоры и замѣчанія.

Что касается до учащихся въ Лицеѣ, то въ этомъ отношеніи заведеніе продолжало вполне удовлетворять идеѣ учредителя его, гр. И. А. Безбородко. Лицей былъ высшимъ общеобразовательнымъ заведеніемъ въ которомъ получали образованіе мѣстные дворяне средняго круга. Огромное большинство учившихся въ Лицеѣ и принадлежали дѣйствительно къ числу такихъ дворянъ преимущественно Черниговской и Полтавской губерній. По окончаніи ученія въ Лицеѣ они и посвящали себя тѣмъ занятіямъ, которыя въ то время были обычны для дворянъ средней руки. Изъ 150 человекъ окончившихъ курсъ въ физико-математическомъ Лицеѣ, около 60 чел. служили въ военной службѣ, для которой математическая специальность заведенія давала хорошую подготовку, почему студенты Лицея и поступали по большей части въ артиллерию; другіе 60 чел. служили въ гражданской службѣ, въ самыхъ разнообразныхъ вѣдомствахъ; прочіе или нигдѣ не служили, оставаясь жить въ своихъ имѣніяхъ, или служили по выборамъ дворянства: предводителями, почетными попечителями учебныхъ заведеній, уѣздными судьями и проч. Два упомянутые уже воспитанники Лицея Д. И. Журавскій и П. И. Собко, приобрѣли извѣстность, какъ выдающіеся инженеры; Александръ Степ. Афанасьевъ-Чужбинскій и Ник. Макс. Сементовскій были извѣстные въ свое время литераторы и изслѣдователи въ области русской этнографіи и археологіи; а изъ служившихъ въ военной службѣ имена командира Прагскаго пѣхотнаго полка Конст. Сер. Фрейнда и начальника 3-й, гвардейской пѣхотной дивизіи, ген. лейт. Вас. Вас. Каталя, павшихъ геройской смертью—первый на Ма-

лаховомъ курганѣ, а второй на Балканахъ, нашли себѣ мѣсто и на страницахъ нашей военной исторіи.

Изъ событій этого періода жизни нашего заведенія слѣдуетъ упомянуть еще о пожарѣ въ ночь съ 3-го по 4 февраля 1836 г. въ 3-мъ этажѣ южнаго крыла главнаго зданія. Причина пожара слѣдствіемъ не была обнаружена, но, по словамъ мѣстныхъ старожиловъ она заключалась въ неосторожности прислуги кого то изъ служащихъ, которые въ огромномъ количествѣ населяли 3-й этажъ Лицейскаго зданія.

II.

Но, какъ и ожидали, физико-математическій Лицей оказался недолговѣчнымъ. Случайность мотивовъ преобразования Гимназіи В. Наувъ, беспорядки и неустройство во внутренней жизни заведенія, наконецъ, быть можетъ, несоотвѣтствіе послѣдняго культурнымъ запросамъ общества,—все это привело къ кризису, который выразился въ томъ, что въ 1839 г. не оказалось поступающихъ на первый курсъ Лицея, что и повлекло за собою закрытіе этого курса. Этотъ кризисъ заставилъ снова обратить вниманіе на Лицей Кн. Безбородко и вызвалъ новое его преобразование. Въ виду бѣдственнаго состоянія физико-математическаго Лицея попечитель Кіевскаго округа фонъ Брадке уже въ 1836 г. возбудилъ ходатайство, во первыхъ, объ учрежденіи въ Нѣжинѣ Гимназіи и, во вторыхъ, о преобразованіи Лицейскаго курса въ юридическій. 24 апрѣля 1840 г. послѣдовалъ именной Высочайшій указъ о преобразованіи физико-мат. Лицея Кн. Безб., на основаніи новаго устава «въ видахъ улучшенія настоящаго состоянія Лицея и доставленія оному большихъ средствъ къ успѣшному образованію юношества, приготавлиющагося въ гражданскую службу». Того же числа получилъ Высочайшее утвержденіе и новый уставъ, при чемъ § 3 этого устава гласилъ, что со времени новаго преобразования Лицея, главная цѣль послѣдняго будетъ распространіе основательныхъ свѣдѣній по части отечественнаго законодательства. Такимъ образомъ заведенію поставлена была цѣль практическая: Лицей сдѣланъ былъ спеціальной юридической школой для подго-

товленія опытныхъ чиновниковъ, при чемъ чисто научный элементъ игнорировался уставомъ, хотя въ выработкѣ послѣдняго принималъ дѣятельное участіе и лучший нашъ ученый юристъ того времени, тогдашній ректоръ Кіевскаго ун-та К. А. Неволинъ, Самый составъ и распредѣленіе кафедръ, назначенныхъ въ Лицеѣ по уставу 1840 г., указываетъ на то, что имѣлось въ виду сообщить этому заведенію исключительно практически-спеціальнѣйшій характеръ. Такъ, за исключеніемъ энциклопедіи законовѣднія, въ Лицеѣ не изложено было ни одного научно-теоретическаго предмета изъ области права, ни римскаго права, ни политической экономіи, ни международнаго права. Все дѣло сводилось къ основательному усвоенію учащимися свода законовъ, почему и преподаваніе въ Лицеѣ и самыя кафедры въ уставѣ распредѣлены были по своду законовъ, именно: 1) энциклопедія законовѣднія и государственное право, законы основные, учрежденія государственныхъ и губернскаго, вмѣстѣ съ уставами о службѣ гражданской и законами о состояніяхъ (Св. з. томы I, II, III и IX); 2) законы казеннаго управленія (т. е. законы о финансахъ), уставы о повинностяхъ и уставы казеннаго управленія (томы—IV—VIII); 3) законы гражданскіе, общіе, мѣстные и межевые и законы государственнаго благоустройства (т. X, XI, и XII) и 4, законы полицейскіе и уголовныя съ судопроизводствомъ (т. XIII, XIV и XV). Такимъ обр. предметы не совсѣмъ однородные, какъ гражданское право и госуд. благоустройство, соединены были въ одной кафедрѣ, чтобы охватить по возможности одинаковое число томовъ свода зак., идущихъ при томъ послѣдовательно, въ порядкѣ ихъ нумераціи. Для предметовъ общеобразовательныхъ въ Лицеѣ учреждены были двѣ кафедры: 1) русской исторіи и русской и всеобщей статистикѣ и 2) теоріи поэзіи и русской словесности. Извѣстно, что эти два предмета въ то время входили въ составъ курса и юридическихъ факультетовъ (да и не однихъ только юридическихъ) университетовъ. Въ составъ предметовъ кафедры богословія входили церковная исторія и каноническое право. Сверхъ того, при Лицеѣ состояли два лектора: для французской и нѣмецкой словесности. Полный курсъ ученія въ Лицеѣ былъ 3-хъ лѣтній, раздѣлявшійся на 6 семестровъ. Воспитанники, окончившіе курсъ съ хорошими успѣхами, получали право на

чинъ XII класса при вступленіи въ гражданскую службу, а окончившіе съ успѣхомъ вообще удовлетворительнымъ—право на чинъ XIV класса. По правамъ на производство въ офицерскій чинъ въ военной службѣ студенты Лицея приравнявались къ студентамъ университетовъ. Существенно важной особенностью преобразования Лицея по уставу 24 апрѣля 1840 г. было учрежденіе при немъ гимназій, «какъ пригото- вительнаго къ поступленію въ Лицей заведенія». Эта гимназія, помѣщаясь въ лицейскомъ зданіи, должна была содержать на сумму, отпускаемую изъ государственнаго казначейства въ размѣрѣ 5828 руб. въ годъ.

Во внутреннемъ своемъ устройствѣ Нѣжинская гимназія не представляла никакихъ отступленій отъ общаго устава гимназій 8 декабря 1828 г. Начальство—директоръ и инспекторъ, а также нѣкоторые другія должностныя лица были у нея общіе съ Лицеємъ. Въ Лицеѣ остались прежніе 24 студента, помѣщавшіеся въ Лицейскомъ пансіонѣ, въ который принимались и своекоштные пансіонеры. Право пользоваться казеннымъ содержаніемъ было новымъ уставомъ распространено и на учениковъ гимназій, которые, по выбору мѣстнаго начальства и съ утвержденія почетнаго попечителя, могли быть принимаемы на казенное содержаніе и продолжали пользоваться имъ и послѣ поступленія, по окончаніи гимназическаго курса, въ Лицей.

Директоромъ преобразованнаго Лицея остался тотъ же Х. А. Экебладъ, который, нося званіе директора Лицея Кн. Безбородко и Нѣжинской гимназій, и управлялъ этими заведеніями еще цѣлыя 15 лѣтъ, до 1855 г. Послѣ его отставки около двухъ лѣтъ директоромъ былъ Матв. Матв. Могиланскій, бывший потомъ помощникомъ попечителя Кіевскаго Уч. О., попечителемъ Одесскаго Уч. Округа и членомъ совѣта Министра Н. П. Затѣмъ 10 лѣтъ съ 1856—1866 г. должность директора занималъ Е. П. Стеблинъ-Каминскій, умершій въ началѣ 80-хъ годовъ въ должности Виленскаго губернатора; преемникомъ Стеблина былъ Е. В. Гудима (1866—69) и, наконецъ, послѣднимъ директоромъ Лицея, съ 1864 по 1875 г. былъ М. К. Чалый. Съ учрежденіемъ при Лицеѣ гимназій, эта послѣдняя сдѣлалась главнымъ предметомъ заботливости директоровъ; здѣсь они главнымъ образомъ примѣняли свою административную и еще болѣе педагогическую опытность

способности, и въ этомъ отношеніи дѣятельность первыхъ трехъ директоровъ: Экеблада, Могилянскаго и Стеблина-Каминскаго оставила наиболѣе яркіе слѣды въ воспоминаніяхъ современниковъ: эти люди выдающихся способностей, высокообразованные, горячо преданные своему дѣлу—и послужили ему съ большою пользою. Что касается до Лицея, то здѣсь роль директоровъ ограничивалась предсѣдательствомъ въ совѣтѣ, отчасти хозяйственной дѣятельностью и общимъ, такъ сказать, направленіемъ теченія дѣлъ, а больше—внѣшней представительностью. Болѣе всѣхъ другихъ выдается личность Стеблина-Каминскаго. Вліяніемъ своей высокообразованной, благородной и гуманной личности онъ тѣсно сплотилъ вокругъ себя кружокъ своихъ подчиненныхъ, умѣлъ поддерживать въ нихъ интеллектуальные интересы, направлять и возбуждать ихъ дѣятельность. Отношенія его къ мѣстному обществу отличались общительностью, полною достоинства. По всѣмъ этимъ причинамъ Лицей при Стеблинѣ былъ въ полномъ смыслѣ центромъ общественной и умственной жизни Нѣжина и даже его уѣзда. Эпоха Стеблина и до сихъ поръ вспоминается Нѣжинскими старожилами, какъ наиболѣе блестящая пора общественнаго значенія Лицея.

Не смотря на категорическое положеніе устава, что никто не можетъ быть профессоромъ въ Лицеѣ, не имѣя по крайней мѣрѣ степени магистра по одному изъ предметовъ того факультета, въ которому относится преподаваемый имъ предметъ, невозможность удовлетворить этому требованію обнаружилась съ перваго же раза. На кафедрѣ въ Лицеѣ не нашлось людей съ требуемыми учеными степенями. И не удивительно! Въ то время и въ университетахъ нашихъ далеко не всѣ преподавательскія мѣста были заняты людьми, имѣвшими надлежащія ученые степени; должности же адъюнговъ, которыя во всѣхъ отношеніяхъ соотвѣтствовали профессурѣ въ Нѣжинѣ, сплошь и рядомъ были занимаемы не магистрами, а кандидатами. Стоитъ заглянуть въ исторію любого провинціального университета, хотя бы ближайшаго въ Нѣжину—Кіевскаго, чтобы найти массу случаевъ подобнаго рода. Сколькихъ профессоровъ введеніе университетскаго устава 1863 г. заставило поторопиться съ пріобрѣтеніемъ въ узаконенный двухгодичный срокъ высшей ученой степени, требуемой для занятія кафедръ! Припомнимъ, наконецъ, что не задолго до основа-

нiя Нѣж. Лицея въ столичномъ, Петербургскомъ, университетѣ занималъ кафедру исторiи и даже былъ ректоромъ французъ сомнительной учености, безъ всякихъ ученыхъ степеней, не знавшiй, въ добавокъ, почти ни слова по русски и объяснявшiйся то по французски, то по латыни.

На первый разъ при назначенiи въ Лицей профессоръ или, правильнѣе сказать, исправляющихъ ихъ должность, ограничились самымъ необходимымъ составомъ, съ тѣмъ чтобы со временемъ подыскать для другихъ кафедръ профессоръ съ правами, требуемыми уставомъ. Отъ физико-математическаго Лицея юридическiй Лицей унаслѣдовалъ: законоучителя, прот. I. Мерцалова, и лекторовъ французскаго языка—Лельевра и нѣмецкаго—Лембаха.

Въ 1841 г. назначены были и. д. профессоръ: по кафедрѣ энциклопедiи законовѣдѣнiя и государственнаго права—кандидатъ законовѣдѣнiя, въ томъ же году окончившiй курсъ въ университетѣ Св. Владимира, А. К. Циммерманъ; по кафедрѣ гражданскаго права—кандидатъ законовъ, окончившiй курсъ въ университетѣ въ 1839 г.,—Н. И. Пилянкевичъ, а въ 1840 г. и. д. проф. русской словесности назначенъ былъ также вышедшiй изъ университета въ 1839 г. кандидатъ философи М. А. Туловъ.

Всѣ эти люди, не смотря на свою молодость и недавнiй только выходъ ихъ самихъ изъ университета, смѣло можно сказать, вполне стояли на высотѣ своего дѣла. Всѣ они или остались превосходными профессорами въ Лицеѣ, или впоследствии приобрѣли почетную извѣстность своими учеными заслугами внѣ Лицея. Циммерманъ преподавалъ въ Лицеѣ до 1859 г., и всѣ бывшiе его слушатели съ удовольствiемъ вспоминаютъ о его лекцiяхъ и съ почтенiемъ отзываются о ихъ содержательности, удобопонятности и увлекательности изложенiя. Въ преподаванiи энциклопедiи Циммерманъ придерживался извѣстнаго руководства Неволлина, которое впрочемъ служило для него только программой, которую онъ значительно развивалъ и пополнялъ, соединяя съ энциклопедiей изложенiе исторiи философи права, а въ изложенiе государственнаго права вносилъ много фактовъ изъ исторiи положительныхъ законодательствъ важнѣйшихъ иностранныхъ государствъ. Въ 1846 г. Циммерманъ получилъ степень магистра и былъ утвержденъ въ должности профессора. Окончилъ онъ

свою службу въ 1880 г. въ должности директора Одесской 2-й гимназіи. Въ теченіе 35 лѣтняго существованія юридич. Лицея каеэдра энциклопедіи и государств. права была занята только двумя лицами: послѣ Циммермана съ 1859 по 1875 годъ ее занималъ М. Д. Затыркевичъ.

Назначенный на каеэдру гражданскаго права Пилянкевичъ, послѣ 2-хъ лѣтняго пребыванія въ Лицеѣ, обратилъ на себя вниманіе высшаго начальства и, по его ходатайству, съ Высочайшаго соизволенія, былъ отправленъ для усовершенствованія въ Германію, Англію и Францію. Возвратившись изъ заграницы, послѣ 3-хъ лѣтняго тамъ пребыванія, онъ былъ назначенъ адъюнктомъ въ Унив. св. Владимира, сперва по каеэдрѣ законовъ уголовныхъ и благочинія, а потомъ энциклопедіи права. Но усиленныя занятія какъ за границею, такъ и при преподаваніи въ университетѣ, разстроили его здоровье и были причиною его преждевременной смерти. Изданный послѣ его смерти его очеркъ исторіи философіи права представлялъ въ свое время довольно замѣтное явленіе въ нашей ученой литературѣ. Послѣ Пилянкевича каеэдру гражданскихъ законовъ съ 1843—53 г. занималъ магистръ правъ П. Н. Даневскій, впоследствии сенаторъ и тайный совѣтникъ, авторъ сочиненія: «Объ источникахъ мѣстныхъ законовъ нѣкоторыхъ губерній и областей Россіи». Преемникомъ Даневскаго по каеэдрѣ гражд. права былъ К. А. Царевскій, въ 1866 г. перешедшій бібліотекаремъ въ Кіевскій университетъ, а съ 1867 по 1875 г. гражданское право преподавалъ И. П. Забугинъ, безвременно и трагически погибшій 4 марта 1875 г.

Третій изъ назначенныхъ при открытіи юридическаго Лицея профессоровъ, профессоръ русской словесности М. А. Туловъ, также поступилъ на каеэдру почти тотчасъ по окончаніи курса въ университетѣ, пробывши только около года учителемъ въ Винницкой гимназіи, и также оказался вполне достойнымъ занятаго имъ мѣста. Въ 1844 г. онъ получилъ степень магистра философіи и оставался въ Лицеѣ до 1853 г., когда былъ назначенъ директоромъ Немировской Гимназіи. Службу свою онъ окончилъ въ должности помощника попечителя Кіевского У. Округа. Въ качествѣ профессора Лицея Туловъ читалъ для студентовъ 1-го курса теорію поэзіи и для 2-го—исторію русской словесности. Болѣе важ-

нымъ и самостоятельнымъ былъ его курсъ теоріи поэзіи, въ которомъ, кромѣ теоріи излагалась и исторія развитія всѣхъ родовъ и видовъ литературныхъ произведеній. Курсъ теоріи словесности у Тулова составлялся изъ 2-хъ частей: піитики и риторики. На сколько серьезень былъ этотъ курсъ, конечно, для своего времени, можно судить по составленному Туловымъ изъ своихъ чтеній сочиненію, изданному въ Кіевѣ въ 1853 г. подъ заглавіемъ: «Руководство къ познанію родовъ, видовъ и формъ поэзіи». Что касается исторіи русской словесности, то Туловъ излагалъ ее по университетскимъ запискамъ М. А. Максимовича, котораго онъ былъ слушателемъ. Послѣ Тулова въ теченіе 2-хъ лѣтъ, до 1855 г., профессоромъ словесности состоялъ такъ хорошо извѣстный всѣмъ кіевлянамъ А. И. Линниченко, бывший долго преподавателемъ исторіи иностранныхъ литературъ въ университетѣ Св. Владиміра и еще дольше начальникомъ Фундуклеевскихъ женскихъ Гимназій. Въ 1842 г. явилась необходимость замѣстить въ Лицеѣ и двѣ другія юридическія каѳедры. Министръ Народнаго Просв. увѣдомилъ попечителя К. Уч. Округа, что по невозможности найти лицъ, удовлетворяющихъ требованіямъ устава для занятія каѳедры въ Лицеѣ, т. е. имѣющихъ магистерскую степень, онъ временно назначилъ и. д. профессоровъ кандидатовъ университета Св. Владиміра Ант. Андр. Глушановскаго и И. А. Максимовича—перваго на каѳедру законовъ казеннаго управленія, а другого—на каѳедру уголовныхъ законовъ. Первый изъ нихъ черезъ 2 года оставилъ Лицей и вообще ученую дѣятельность для болѣе выгодной службы; второй же съ честью занималъ каѳедру уголовного права почти въ теченіе всего времени существованія Лицея, съ 1842—69 г. И. А. Максимовичъ также былъ воспитанникомъ университета Св. Владиміра, въ которомъ окончилъ курсъ въ 1839 г. со степенью кандидата; степень магистра государственнаго права онъ получилъ въ 1845 г. Въ преподаваніи уголовного права Максимовичъ строго держался историческаго метода, явившись въ этомъ отношеніи послѣдователемъ своихъ наставниковъ Неволіна, Богородскаго и Орнатскаго, которые были одними изъ первыхъ проводниковъ у насъ историческаго направленія въ наукѣ права, основателемъ котораго на западѣ былъ Савиньи. Въ теоретической части уголовного права Максимовичъ излагалъ воззрѣнія

извѣстнѣйшихъ философовъ и криминалистовъ: Беккарія, Бентама, Монтескье, Фейербаха, Канта, Шеллинга, Фихте, Гегеля; а въ изложеніи положительнаго законодательства, держась системы свода законовъ, каждой части своего изложени предпосылалъ довольно подробное раскрытіе историческаго развитія нашего уголовного законодательства, какъ въ цѣломъ, такъ и въ отдѣльныхъ его институтахъ. Такой же способъ изложениіа принять былъ имъ и для полицейскихъ законовъ. Плодами такого направленія ученыхъ занятій Максимовича остались два его печатныхъ труда: «Рѣчь о развитіи идеи преступленія, по смыслу памятниковъ русскаго законодательства». К. 1845: и «Объ уголовныхъ наказаніяхъ въ Россіи». К. 1853 ¹⁾). Въ 1845 г. послѣ ухода Глушановскаго каведру законовъ казеннаго управленія занялъ Н. Х. Бунге, остававшійся въ Нѣжинѣ до 1850 года. Поступивши въ Лицей немедленно по окончаніи курса въ университетѣ, онъ скоро получилъ степень магистра, въ 1847 г., а черезъ годъ съ небольшимъ послѣ перехода на службу въ университетъ Св. Владиміра, въ 1852 г., получилъ уже и степень доктора политич. экономіи за свое сочиненіе «Теорія кредита», въ основу котораго легла рѣчь «О кредитѣ», написанная для торжественнаго акта въ Лицеѣ въ 1849 г. Очевидно, онъ работалъ надъ докторской диссертациею въ Нѣжинѣ, и изъ Нѣжина, такъ сказать, вывезъ свое докторство. Отсюда естественный выводъ о высокихъ научныхъ достоинствахъ лекцій Н. Х-ча въ Нѣжинскомъ Лицеѣ. Ученныя заслуги и государственная дѣятельность такъ неожиданно скончавшагося 3 іюня 1895 г. Н. Х. Бунге слишкомъ общеизвѣстны, чтобы здѣсь нужно было о нихъ распространяться; для характеристики же Нѣжинскаго періода жизни и дѣятельности Н. Х. Бунге позволимъ себѣ воспользоваться прекраснымъ мѣстомъ изъ одного изъ некрологовъ, написанныхъ послѣ кончины Николая Христіановича. «Назначенный на каведру законовъ казеннаго управленія на мѣсто Глушановскаго, Н. Х. Бунге весьма расширилъ теоретическую часть своего предмета любимой имъ политической экономіей и сзумѣлъ ско-

¹⁾ Послѣ И. А. Максимовича каведру уголовныхъ законовъ съ 1869—1875 занималъ П. К. Скордели.

ро сдѣлать сухой прежде предметъ однимъ изъ самыхъ любимыхъ студентами. Высокообразованный и развитой, въ Нѣжинѣ онъ примкнулъ къ небольшому кружку передовыхъ людей, между которыми выдѣлялись: М. Т. Симоновъ, учитель словесности въ Нѣжинской Гимназіи,—непреклонныхъ пуританскихъ убѣжденій; М. А. Туловъ—болѣе скептическаго міровоззрѣнія, болѣе эпикуреецъ и эклектикъ, но человѣкъ таланта и рѣдкаго дара слова; В. С. Коперницкій, даровитый энтузіастъ, но узкихъ національно-польскихъ стремленій. Н. Х. Бунге въ этомъ кружкѣ занялъ руководящее мѣсто. Дружныя, энергическія усилія кружка, вторившаго направленію Бѣлинскаго и Грановскаго, имѣли благотворное цивилизующее вліяніе не только на учащуюся въ Нѣжинѣ молодежь, но и на окружающую педагогическую и общественную среду. Молодой, страстно любящій науку и просвѣщеніе, Н. Х. Бунге принесъ въ Нѣжинъ начала европеизма и интереса къ явленіямъ западно-европейской жизни и науки. Современники его начальной общественной карьеры въ Нѣжинѣ съ благодарностью припоминаютъ, какъ настойчиво онъ заботился о томъ, чтобы поднять уровень развитія своихъ слушателей. Самъ обремененный научными работами, Н. Х. Бунге, чтобы сдѣлать доступными для избранныхъ имъ студентовъ сокровища европейской науки, давалъ въ своей квартирѣ уроки по иностраннымъ языкамъ. И что это были за уроки! Съ необычайнымъ терпѣніемъ Н. Х. Бунге просиживалъ съ своими учениками по нѣсколько часовъ въ день и достигалъ того, что его адепты, едва умѣвшіе прочесть прежде иностранную грамоту, по истеченіи 3—4 мѣсяцевъ могли читать и понимать французскія и нѣмецкія книги. При этомъ, если у Н. Х. Бунге не бывало на другой день лекцій въ Лицеѣ, онъ приглашалъ своихъ учениковъ отдохнуть за чайнымъ столомъ, гдѣ обыкновенно поднимались оживленные разговоры, въ которыхъ учитель превращался въ самаго близкаго старшаго товарища, умѣваго поднимать своихъ младшихъ слушателей до уровня собственныхъ понятій и стремленій, безъ малѣйшаго давленія авторитетностью своихъ познаній и положенія. Всѣ, кому досталось счастье пользоваться такими уроками и бесѣдами, безъ сомнѣнія, сохранили о нихъ неизгладимыя, благодарныя воспоминанія и знаютъ, сколько они обязаны имъ своимъ развитіемъ и познаніями. Эту рѣд-

кую и симпатичную черту любить все молодое и чувствовать в молодом все даровитое, Н. Х. Бунге сохранилъ и впоследствии, когда сдѣлался профессоромъ въ университетѣ Св. Владиміра. Не въ этой-ли чертѣ разгадка завиднаго для всякаго профессора явленія: ни однимъ предметомъ молодежь не интересовалась въ такой степени, какъ предметомъ Н. Х. Бунге; ни одинъ профессоръ не имѣлъ столько учениковъ и послѣдователей, какъ онъ». ¹⁾ Изъ всѣхъ кафедръ лицейскихъ на долю кафедры законовъ казеннаго управления выпала особенно частая смѣна преподавателей. Такъ послѣ Бунге кафедрѣ эту въ теченіе около трехъ лѣтъ занималъ В. А. Незабитовскій. Какъ показала его дальнѣйшая дѣятельность въ качествѣ профессора университета Св. Владиміра, уходъ и Незабитовскаго былъ тяжелой утратой для Лицея. При своей чуть не болѣзненной скромности, которая вѣроятно и помѣшала ему создать что нибудь крупное, человекъ этотъ, когда являлась ему необходимость высказываться, поражалъ разносторонностью и глубиной своихъ познаній во всѣхъ отрасляхъ юридической науки, особенно же въ исторіи русскаго права. А между тѣмъ, къ сожалѣнію, ему пришлось въ университетѣ занимать наименѣе симпатичную ему кафедру—международнаго права. Юридическій факультетъ впрочемъ поручалъ ему разборъ большей части диссертаций, представлявшихся для полученія высшихъ ученыхъ степеней, и эти разборы Вас. А-ча нерѣдко, въ свою очередь, представляли цѣлыя солидныя диссертации.

Наконецъ, послѣднюю кафедру въ Лицеѣ—русской исторіи и русской и всеобщей статистики—въ первые 13 лѣтъ, 1840—1853 г., занималъ Осипъ Ѳаддеевичъ Паевскій. Его личность и дѣятельность не оставили сколько нибудь замѣтныхъ слѣдовъ ни въ учено-учебной жизни Лицея, ни въ воспоминаніяхъ его современниковъ. Зато съ 1853 г. въ теченіе 15 лѣтъ, до 1868 г., кафедрѣ русской исторіи занималъ профессоръ, считавшійся украшеніемъ Лицея. Это былъ И. В. Лашнюковъ. Онъ самъ былъ воспитанникомъ того заведенія, въ которомъ потомъ ему пришлось стать профессоромъ. Окончивши курсъ въ Черниговской духовной Семинаріи,

¹⁾ «Кіевлянинъ», 1895 г. № 153.

Лашнюковъ въ 1844 г. поступилъ въ Лицей, изъ котораго и вышелъ въ 1847 г. съ правомъ на чинъ XIV класса. Въ Лицеѣ Лашнюковъ выдѣлялся изъ среды товарищей и имѣлъ на нихъ вліяніе, благодаря своему уму, способностямъ и выпесенному изъ семинаріи навыку къ формальному мышленію и діалектикѣ. Онъ помогаль своимъ товарищамъ усвоить себѣ трудныя мѣста изъ слушаемыхъ ими наукъ и возбуждалъ въ нихъ научно-литературныя стремленія. По окончаніи курса въ Лицеѣ Лашнюковъ, по совѣту профессора Тулова, поступилъ въ Кіевскій университетъ на историко-филологическій факультетъ, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1851 г. Еще въ университетѣ Лашнюковъ специализировался на занятіяхъ русской исторіей и былъ лучшимъ ученикомъ проф. П. В. Павлова, стоявшаго тогда на высшей точкѣ своей профессорской славы. Въ университетѣ Лашнюковъ получилъ золотую медаль за сочиненіе: «О причинахъ усобицъ между русскими князьями и о вліяніи ихъ на современное общество въ періодъ времени отъ Рюрика до Ивана Калиты и Гедимина». О сочиненіи этомъ былъ помѣщенъ одобрителный отзывъ въ «Москвитянинѣ» за 1851 г. Черезъ 2 года по окончаніи курса въ университетѣ, въ 1853 г., Лашнюковъ назначенъ былъ и. д. профессора русской исторіи и статистики въ Лицеѣ Кн. Безбородко, а въ 1854 г. получилъ степень магистра. Личность и значеніе Лашнюкова его біографъ характеризуетъ слѣд. образомъ: «Какъ преподаватель, Лашнюковъ долженъ занять мѣсто въ ряду лучшихъ дѣятелей своего времени по огромному воспитательному вліянію, которое онъ имѣлъ на молодежь. Въ Лицеѣ Лашнюковъ занималъ перво-степенную роль. Вліяніе его не было результатомъ практическаго искусства устраивать свои дѣла, но вытекало естественнo изъ его огромныхъ преподавательскихъ дарованій. Лашнюковъ не былъ краснобаемъ, но онъ одаренъ былъ силою пробуждать къ мысли даже опустившіеся и лѣнныя умы. Въ худшія времена Лицея Лашнюковъ своею ученою критикою и своимъ блестящимъ юморомъ поддерживалъ въ массѣ молодежи стремленія, которыя дѣлали его хоть сколько нибудь похожимъ на высшее учебное заведеніе, Страхъ сдѣлаться предметомъ юмористическихъ замѣчаній Лашнюкова заставлялъ дѣлать хотя видимыя уступки наукѣ даже такихъ лицъ, которыя ничего другаго не боялись, и, наоборотъ,

люди даровитые, но бѣдные и преслѣдуемые, всегда пользовались поддержкой Лашнюкова, которая выражалась не только нравственнымъ участіемъ, но и вполне существенными услугами»¹⁾.

Въ 1868 г. Лашн. былъ приглашенъ въ Кіевскій ун-тъ доцентомъ по русской исторіи. Но въ Кіевъ онъ пріѣхалъ уже больнымъ. 7-го октября состоялась его вступительная лекція (О составѣ лѣтописей); она, хотя произносилась слабымъ и прерывающимся голосомъ чловека, снѣдаемаго злою чахоткою, но произвела тѣмъ не менѣе положительный фуроръ среди многочисленныхъ слушателей, наполнившихъ обширную аудиторію. Предметами дальнѣйшихъ чтеній Лашнюкова былъ также вопросъ о происхожденіи и составѣ русскихъ лѣтописей; но въ теченіе 1868/9, уч. года онъ не прочелъ и десятка лекцій и 25 октября 1869 г. скончался.

Трудно сказать, почему при такихъ выдающихся способностяхъ Лашнюковъ ничего не сдѣлалъ для науки. Быть можетъ, отвѣтить на этотъ вопросъ можно общимъ мѣстомъ—ссылкою на условія жизни въ провинціальному захолустѣ—а можетъ быть и чѣмъ нибудь другимъ,—судить не беремся. Послѣ смерти Лашнюкова, по его бумагамъ, были изданы его лекціи подъ заглавіемъ: «Пособіе къ изученію русской исторіи методомъ критическимъ.» Сверхъ того, въ Кіевскихъ «Универс. Извѣстіяхъ» было напечатано нѣсколько его лекцій частью по исторіографіи, частью по исторіи Московскаго Государства въ XV и XVI в. Вездѣ Лашн. излагалъ критически ходъ и рѣшеніе различныхъ спорныхъ вопросовъ, которыхъ такъ много въ нашей исторіи, каковы: вопросъ о лѣтописяхъ, варяжскій вопросъ, о происхожденіи и значеніи удѣльной системы, о причинахъ смутной эпохи, характеристика Іоанна Грознаго и т. д., и т. д. У Лашнюкова относительно всѣхъ такихъ вопросовъ приводятся важнѣйшія существующія въ исторической литературѣ мнѣнія съ критическимъ ихъ разборомъ.

Послѣ перехода Лашнюкова въ Кіевъ его катедра оставалась вакантною цѣлыхъ 5 лѣтъ, до 1873 года. Преподава-

¹⁾ «Гимназія Высш. Наукъ», изд. Н. В. Гербея, стр. 411—412.

ніе русской исторіи взялъ на себя профессоръ государственнаго права Затыркевичъ, а статистику преподавалъ профессоръ финансовъ Л. И. Ждановичъ.

И такъ въ этотъ первый блестящій періодъ исторіи юрид. Лицея кн. Безбородко, который можно считать до конца пятидесятихъ годовъ, ученая и учебная машина дѣйствовала исправно, хорошо и вполне дѣлесообразно. Съ внѣшней стороны въ немъ вполне соблюдалась обстановка высшихъ учебныхъ заведеній, напр. торжественные акты съ чтеніемъ историческихъ записокъ и рѣчей, которыя потомъ печатались и иногда представляли солидные ученые разсужденія и изслѣдованія. Профессорами были молодые люди, съ горячимъ и искреннимъ одушевленіемъ относившіеся къ своему дѣлу, быстро совершенствовавшіеся въ этомъ дѣлѣ и благотѣльно вліявшіе на своихъ слушателей. Они не ограничивались однимъ чтеніемъ лекцій, какъ бы хорошо оно ни шло, но вели и научныя работы, дававшія имъ право на занятіе почетныхъ мѣстъ въ ученomъ мірѣ. Поэтому многіе изъ этихъ профессоровъ скоро переходили на университетскія кафедры, что, конечно, было не выгодно для самаго Лицея, но зато давало ему право на почетное титуло разсадника университетскихъ профессоровъ.

Ту же свѣжесть молодости, ту же жизненность въ этотъ первый періодъ замѣчаемъ мы и въ мірѣ учащихся въ Лицеѣ Кн. Безбородко. Уроженцы преимущественно мѣстныхъ, окружающихъ Нѣжинъ: губерній Черниговской, Полтавской и другихъ южныхъ, — окончившіе курсъ въ гимназіяхъ и, въ значительномъ меньшинствѣ, въ духовныхъ семинаріяхъ, — они стекались въ Нѣжинъ, какъ въ свою метрополию, шли въ его высшую школу съ довѣріемъ, вслѣдствіе преданій, установившихся въ ней еще со времени Гимназіи высшихъ наукъ. Здѣсь они находили удовлетвореніе своимъ стремленіямъ къ знанію и, руководимые и одушевляемые любимыми профессорами, серьезно и дѣльно учились. Доказательство этому можно видѣть хоть въ слѣдующемъ.

По уставу Лицея, ежегодно предлагались студентамъ темы для сочиненій на соисканіе наградъ медалями. И ежегодно представлялись студентами не одно сочиненіе, удостоиваемое совѣтомъ награды золотою или серебряною медалью. Это не была одна формальность, безразборчивая раз-

дача наградъ, положенныхъ по штату. Конкурсныя работы строго разбирались рецензентами-профессорами, и иногда сочиненія, представлявшія многія хорошія стороны, бывали лишаемы наградъ за небольшую неточность автора въ приѣмахъ или за нѣкоторое отступленіе отъ предложенной со-вѣтомъ темы. Каковы бывали иногда эти премированныя сочиненія—можно судить по сочиненію студента выпуска 1847 г., К. Е. Троцины, пользовавшемуся въ свое время извѣстностью: «Исторія судебныхъ учреждений въ Россіи». А съ другимъ студентомъ того же выпуска, извѣстнымъ впоследствии литераторомъ, переводчикомъ и издателемъ, Н. В. Гербелемъ, въ дѣлѣ съ медалью произошелъ довольно непріятный для него казусъ. На 184⁶/₇ уч. годъ для соисканія наградъ медалями совѣтомъ Лицея назначена была тема по русской словесности: «Написать подробный разборъ словесныхъ произведеній Сумарокова и Ломоносова и общее заключеніе о характерѣ и состояніи русской словесности отъ Петра В. до Екатерины II, не включая вѣка Екатерины II».—На эту тему представлено было сочиненіе подъ девизомъ: «узнать языкъ народа значитъ узнать весь ходъ его образованія». По выслушаніи отзывовъ профессоровъ, совѣтъ единогласно постановилъ—написавшаго сочиненіе наградить серебряною медалью.—По вскрытіи пакета съ девизомъ открылось, что сочиненіе написалъ студ. 3-го курса Ник. Гербель. «Но такъ какъ студ. Гербель, написавшій вышесказанное сочиненіе, не исполнилъ вмѣстѣ съ тѣмъ всѣхъ нужныхъ условій въ тому, чтобы за представленное сочиненіе могъ получить награду, а особенно учился не совсѣмъ для награжденія его медалью удовлетворительно, то совѣтъ Лицея опредѣлялъ: слѣдующей Гербелю награды серебряной медали не давать, о чемъ и опубликовать»¹⁾).

Воспоминанія лицействова о первомъ періодѣ жизни воспитавшаго ихъ заведенія отличаются иногда, можно сказать, восторженнымъ характеромъ. «Тамъ, говоритъ Гербель, вѣяло хорошимъ, здоровымъ духомъ, и молодежь училась, развивалась, читала и дурачилась, не задаваясь никакими мрачными

¹⁾ Протоколы совѣта Лицея Кн. Безб. за 1847 годъ. Архивъ Л. К. Б.

помыслами о настоящемъ, никакими смутными чаяніями будущаго. Хорошій, тѣсный кружокъ товарищей, отсутствіе педантизма и стѣсненій со стороны преподавателей, при полной возможности беззаботно и весело проводить время, дѣля его между дѣломъ и отдыхомъ,—все это чрезвычайно благотворно дѣйствовало на лицейскую молодежь и вносило въ среду ея ту цѣльность и гармонію, которая такъ рѣдко встрѣчается между новѣйшею учащеюся молодежью. При этихъ благоприятныхъ условіяхъ внутренней жизни Лицея, между Лицеистами сильно была развита страсть къ занятіямъ литературою, и эти занятія увлекли многихъ впоследствии на литературное и ученое поприще»¹⁾).

Другой воспитанникъ Лицея вспоминаетъ товарищескіе бесѣды и споры, мѣстомъ для которыхъ обыкновенно служилъ лицейскій садъ: «съ особеннымъ чувствомъ вспоминается, говоритъ онъ, это мѣсто, гдѣ высказываемо было столько мыслей, гдѣ свободно развивались самые отвлеченные вопросы изъ области высшей науки, гдѣ вмѣстѣ съ защитою ученія того или другого философа объ идеѣ добра и правды, сознание неизмѣнности этихъ началъ уже сроднялось съ внутренней природою спорящихъ. Садъ былъ нашей академіей, гдѣ мы свободно предавались нашимъ занятіямъ, куда каждый изъ насъ приходилъ поучиться или изъ книги, или изъ бесѣды, или же просто изъ созерцанія природы»²⁾—Конечно, въ такихъ отъѣздахъ заключается извѣстная доля лиризма и идеализаціи, но уже въ пользу заведенія говорятъ и тѣ чувства и воспоминанія, которыя навсегда сохраняли о немъ его бывшіе воспитанники.

Половина студентовъ этого времени жили въ зданіи Лицея пансіонерами, частью на иждивеніи основателей заведенія, частью на собственный счетъ. Это общежитіе имѣло весьма благотѣльное вліяніе на характеръ и складъ жизни нѣжинскаго студенчества. Пансіонъ служилъ объединяющимъ центромъ и для тѣхъ студентовъ, которые жили на частныхъ квартирахъ. Благодаря этому, среди молодежи былъ развитъ корпоративный духъ въ лучшемъ смыслѣ, забота о поддер-

¹⁾ «Гимн. Выш. Научъ». стр. 350.

²⁾ Ibid. стр. 409.

жаніи чести заведенія. И дѣйствительно, за все это время въ лицейскомъ архивѣ, въ которомъ прекрасно отражается вся жизнь заведенія, нельзя найти и слѣдовъ какого бы то ни было не только нечестнаго или неблагороднаго поступка со стороны кого либо изъ студентовъ, но даже чего нибудь несогласнаго съ добрыми приличіями. Конечно, не обходилось дѣло безъ маленькихъ шалостей и дебошей; обращались иногда нѣжинскіе греки и евреи къ лицейскому начальству съ просьбами о взысканіи со студентовъ должешекъ; но, повторяемъ, ни въ письменныхъ источникахъ, ни въ воспоминаніяхъ современниковъ не сохранилось указаній на что нибудь похожее на тѣ гомерическіе, иногда безобразные и грязные кутежи, дебоши и скандалы, какими, по воспоминаніямъ современниковъ, отличалось студенчество нѣкоторыхъ провинціальныхъ университетовъ въ 40-хъ и 50-хъ годахъ. Наконецъ, за все время существованія юридическаго Лицея мы не встрѣчаемъ ни малѣйшаго указанія на какія нибудь внутреннія «исторіи» въ родѣ столкновеній студентовъ съ профессорами или начальствомъ, неповиновенія, а тѣмъ болѣе что нибудь съ характеромъ политическимъ.

III.

Но съ конца пятидесятихъ и начала шестидесятихъ годовъ въ жизни Лицея началъ происходить какой то переломъ. И въ официальныхъ сферахъ, и въ періодической печати начинаются тольки объ упадкѣ Лицея и о необходимости его преобразования. Но едва ли кто изъ толковавшихъ объ этомъ предметѣ представлялъ себѣ ясно, отчего происходитъ упадокъ Лицея, и въ чемъ должно было состоять его преобразование. Никто изъ трактовавшихъ о преобразованіи Лицея ничего не возражалъ ни противъ цѣли этого заведенія, ни противъ его устава, ни даже противъ его дѣйствій, на сколько они зависѣли отъ него самого. Все дѣло въ концѣ концовъ сводилось къ недостатку матеріальныхъ средствъ Лицея. Въ самомъ дѣлѣ, это высшее спеціальное учебное заведеніе содержалось всего на 12¹/₂ т. рублей въ годъ, при чемъ еще 24 человѣка учащихся получали полное содержаніе на счетъ

Лицея. По штатамъ 1840 г. префессора Лицея получали жалованье 750 р. въ годъ, директоръ—571 р., да столько же отъ Гимпазіи. О нижнихъ чинахъ и говорить нечего: секретарь и кассиръ, напр., получали по 250 руб., а канцелярскій чиновникъ—100 рублей «съ пайкомъ и одеждою.» Въ первое время существованія Лицея, въ 40-хъ годахъ, когда адъюнктъ въ университетѣ получалъ 800 р., ординарный профессоръ 1200 р., старшій учитель гимназіи 391 р., а директоръ Гимназіи 800 р., при необыкновенной дешевизнѣ и простотѣ жизни въ Нѣжинѣ, въ то время жалованье въ 750 р. было, конечно, привлекательнымъ не только для молодыхъ людей, только что окончившихъ курсъ университета, но и для людей уже послужившихъ и семейныхъ, и помимо другихъ условій привлекало на лицейскія кафедры людей способныхъ и достойныхъ, которые и оставались на мѣстѣ на болѣе или менѣе продолжительное время и посвящали всѣ свои силы и способности Лицею. Но съ теченіемъ времени условія жизни измѣнились, а также измѣнились и служебныя условія. Съ изданіемъ новыхъ штатовъ для университетовъ и гимназій въ 1863 и 1864 годахъ, служба въ Лицеѣ потеряла привлекательность.

Дѣйствительно, не говоря уже о службѣ въ университетѣ, которая привлекала и матеріальными выгодами и почетомъ, даже матеріальное положеніе учителей гимназій могло назваться блестящимъ сравнительно съ положеніемъ профессоровъ Лицея. Молодой кандидатъ университета прямо со скамьи могъ поступить въ гимназію учителемъ съ жалованьемъ въ 1½ и даже 2 тыс. рублей. Эта перемѣна условій и отразилась прежде всего на количественномъ, а можетъ быть, и на качественномъ составѣ профессоровъ Лицея. Профессора стали чаще мѣняться, на кафедры стали являться лица на короткое время, желая воспользоваться сравнительнымъ несобремененіемъ служебными обязанностями и досугомъ для подготовленія себя къ высшимъ ученымъ степенямъ или для другихъ цѣлей. Достигнувъ своей цѣли, профессоръ уходилъ изъ Лицея и замѣнялся другимъ, который также оставался не долго. Такъ кафедру законовъ казеннаго управленія, послѣ перемѣщенія въ Кіевъ В. А. Незабитовскаго, занимали слѣдующія лица: А. Ф. Липшевскій (1853—1861), Л. И. Ждановичъ (1861—1862), И. Ю. Патлаевскій (1863—1866), опять Ждановичъ (1866—1873) и Н. П. Яснопольскій (1873—1876).

На каедрѣ словесности послѣ А. И. Линниченко мы видимъ: Е. М. Бѣлоброва (1855—1863), Ѳ. Я. Вороного (1864—1872) и П. С. Иващенко (1873—1874). Матеріальная необеспеченность заставляла иногда профессоровъ искать заработка на сторонѣ, быть можетъ, не безъ нѣкотораго ущерба для ихъ прямыхъ обязанностей. Впрочемъ при всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ Лицей продолжалъ держать себя съ достоинствомъ, и всѣ его функціи отправлялись исправно; профессора читали полные и вполнѣ удовлетворительные курсы и въ то же время ихъ научная дѣятельность не вполнѣ превратилась. Въ 1863 г., когда вопросъ о преобразованіи Лицея былъ уже въ ходу, тогдашнимъ министромъ, А. В. Головинымъ были затребованы отъ всѣхъ служащихъ по министерству свѣдѣнія объ изданныхъ ими и предназначаемыхъ къ изданію ученыхъ и литературныхъ трудахъ. Въ отвѣтъ на этотъ запросъ всѣми профессорами представлены были списки ихъ изслѣдованій и статей, показывающіе, что они не бездѣйствовали въ литературно-научномъ отношеніи. При этомъ нѣкоторые профессора заявляли, что ими приготовлены къ печати цѣлыя руководства и курсы преподаваемыхъ ими предметовъ, но напечатаны не могутъ быть по недостатку ни своихъ собственныхъ у профессоровъ, ни лицейскихъ денежныхъ средствъ.

На упадокъ Лицея не осталось безъ вліянія, по нашему мнѣнію, возрожденіе нашихъ университетовъ послѣ изданія устава 1863 г. Оживленіе университетовъ въ связи съ измѣнившимися, подъ вліяніемъ главнымъ образомъ крестьянской реформы, общественно-экономическими условіями русской жизни, отвлекало въ университеты все, что было болѣе способнаго и изъ профессоровъ, и изъ учащихся.

Еще въ 1859 г. самимъ Совѣтомъ Лицея составленъ былъ проектъ преобразованія этого заведенія. Преобразованіе это впрочемъ далеко не предполагалось кореннымъ. Имѣлось въ виду только нѣсколько расширить преподаваніе введеніемъ нѣкоторыхъ предметовъ юридич. факультета, не входившихъ въ составъ Лицейскаго курса, и измѣнить нѣкоторыя частности устава 1840 г. Однимъ словомъ, этотъ проектъ вполнѣ походилъ на то преобразование, какому подвергся десять лѣтъ позже Ярославскій Лицей, съ тѣхъ поръ и процвѣтающій. Этотъ проектъ, конечно, требовалъ усиленія де-

нежныхъ средствъ Лицея и быть можетъ, по этому самому и не получилъ дальнѣйшаго хода.

Въ 1863 г. Министерствомъ Нар. Просв. составлена была подробная записка о Лицеяхъ (Нѣжинскомъ и Ярославскомъ Демидовскомъ) и разслана на заключеніе всѣхъ попечителей Округовъ, университетскихъ совѣтовъ, а также передана на заключеніе Ученаго Комитета Министерства. Всѣ представленныя запрошенными учрежденіями и лицами мнѣнія признали единогласно, что Нѣжинскій Лицей не можетъ далѣе оставаться въ настоящемъ своемъ положеніи, и что преобразование его является настоятельною и неотложною необходимостью, иначе, не смотря на всѣ усилія, Лицею угрожаетъ въ близкомъ будущемъ неминуемая опасность остаться и безъ профессоровъ и безъ студентовъ, и такимъ образомъ закрыться самому собою, подъ вліяніемъ неблагоприятной обстановки, его окружающей. Касательно сущности преобразования Лицея мнѣнія были различны. Нѣкоторые предлагали обратить Нѣжинскій Лицей въ факультетъ Кіевскаго университета съ нѣкоторою степенью автономіи, вызываемой нахожденіемъ Лицея внѣ Кіева; другіе—въ высшую, совершенно самостоятельную юридическую школу, въ высшее реальное и агрономическое училище и, наконецъ, нѣкоторые полагали соединить Лицей съ Гимназіею, учредивъ при ней классы высшихъ реально-агрономическихъ наукъ или, упразднивъ Лицей, содержать на его суммы стипендіатовъ Князя Безбородко въ университетахъ или въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Всѣ эти мнѣнія, кромѣ послѣдняго, требовали для своего осуществленія значительныхъ ежегодныхъ средствъ и сверхъ того значительной единовременной суммы на улучшеніе и устройство кабинетовъ и учебныхъ пособій и на расширеніе самыхъ зданій. Между тѣмъ получить на это сумму оказывалось невозможнымъ ни отъ Государственнаго Казначейства, ни отъ земства, ни отъ наслѣдниковъ учредителей Лицея. При такихъ обстоятельствахъ, бывший Министръ Народнаго Просвѣщенія, Статсъ-Секретарь Головинъ согласился съ проектомъ преобразования Лицея, представленнымъ 7-го декабря 1865 г. Почетнымъ Попечителемъ этого заведенія Графомъ Г. А. Купелевымъ—Безбородко, который предлагалъ:

1) Курсы Лицея закрыть, а изъ получаемой на ихъ содержаніе суммы отдѣлять по 10,500 руб. въ годъ университету Св. Владиміра на учрежденіе 42-хъ стипендій Князя Безбородко, въ 250 руб. каждая, для уроженцевъ Черниговской и Полтавской губерній, преимущественно изъ окончившихъ курсъ въ Нѣжинской Гимназіи,

2) Остальную же сумму изъ доходовъ Лицея передать Нѣжинской Гимназіи на содержаніе лицейскаго зданія, церкви его и настоятеля съ причтомъ; Гимназіи же передать бібліотеку, учебные кабинеты и коллекціи Лицея съ тѣмъ, чтобы она была переименована въ Лицей Князя Безбородко, но содержалась сполна на суммы Государственнаго Казначейства.

3) званіе Почетнаго Попечителя сего Лицея сохранить, по прежнему, за старшимъ въ родѣ графовъ Куселевыхъ-Безбородко, со всѣми правами, этому званію присвоенными, и съ правомъ утверждать избранныхъ Университетомъ кандидатовъ въ стипендіаты Князя Безбородко,

и 4) такое преобразование не считать окончательнымъ, предоставивъ Почетному Попечителю право, при перемѣнѣ обстоятельствъ, возстановить въ Нѣжинѣ, согласно волѣ перваго жертвователя, высшее учебное заведеніе и возвратить ему, въ этомъ случаѣ, все настоящее его имущество. Этотъ проектъ былъ уже приготовленъ, въ 1866 г., для внесенія въ Государственный Совѣтъ, но вступившій въ это время въ управленіе Министерствомъ Нар. Просв. гр. Д. А. Толстой, справедливо усмотрѣлъ въ этомъ проектѣ нарушеніе воли основателя заведенія и потому призналъ необходимымъ дальнѣйшее движеніе дѣла о преобразованіи Лицея въ смыслѣ его закрытія приостановить. Тѣмъ не менѣе, начиная съ 1867 года, во всеподданѣйшихъ своихъ отчетахъ министръ гр. Толстой неизмѣнно распространялся о «крайне бѣдственномъ», «безотрадномъ», «безвыходномъ» положеніи Лицея по причинѣ крайняго недостатка въ денежныхъ средствахъ, отпускаемыхъ на его содержаніе, и представлялъ о неотложной необходимости преобразованія Лицея, безъ указанія однако характера этого преобразованія. Мысль гр. Толстого удостоивалась неоднократно одобренія и въ Божѣ почивающаго Государя Александра Николаевича, но осуществленіе ея встрѣчало всякій разъ препятствіе со стороны министерства фи-

нансовъ въ виду затруднительнаго положенія государственнаго казначейства и невозможности поэтому ассигнованія какихъ либо новыхъ значительныхъ расходовъ. 14 марта 1869 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе приступить къ преобразованію Нѣжинскаго Лицея по личномъ осмотрѣ этого заведенія министромъ ¹⁾).

Между тѣмъ въ то самое время, Когда Лицей былъ обреченъ на смерть, онъ вдругъ началъ обнаруживать признаки возрожденія. Возрожденіе выразилось прежде всего быстрымъ увеличеніемъ число студентовъ. Различныя причины вліяли на это увеличеніе. Во первыхъ, въ это время начала вводиться судебная реформа 1864 г., вызвавшая большую потребность въ образованныхъ юристахъ. Масса лицъ, искавшихъ образовательнаго ценза для юридической службы, устремилась въ Лицей, чтобы здѣсь съ меньшимъ трудомъ, чѣмъ въ университетѣ, благодаря большей спеціализаціи курса, и въ менѣе продолжительное время получить этотъ цензъ. Черезъ три года они выходили изъ Лицея съ тѣми же правами на службу какъ дѣйствительные студенты университетовъ ²⁾).

Далѣе, въ эту же пору уничтожены были пріемныя испытанія въ университетахъ, и въ студенты университетовъ стали приниматься только лица съ гимназическими аттестатами, а пріобрѣтеніе этихъ аттестатовъ все становилось дѣломъ болѣе и болѣе труднымъ. Между тѣмъ Лицей продолжалъ сохранять право, или, скорѣе, *искусъ*, какъ любили выражаться нѣжинскіе юристы, собственныхъ пріемныхъ испытаній. И вотъ опять масса искателей благъ земныхъ являлась въ Нѣжинъ и здѣсь, конечно, съ большимъ удобствомъ выдерживала экзаменъ, чѣмъ гдѣ-либо въ гимназіи. Этотъ эк-

¹⁾ Сборн. постановленій по Мин. Нар. Просв. т. VI, стр. 622—624,

²⁾ И дѣйствительно, изъ 800 слишкомъ окончившихъ курсъ въ юридическомъ Лицеѣ за время его существованія около 350 чел. посвятили свою дѣятельность новымъ судебнымъ учрежденіямъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ—отъ присяжныхъ повѣренныхъ до председателей окружныхъ судовъ и членовъ судебныхъ палатъ.

заменъ имѣлъ для нихъ и другое значеніе: будучи приняты въ Лицей, они, въ качествѣ его студентовъ, имѣли право перехода въ университетъ и пользовались этимъ правомъ въ широкихъ размѣрахъ. Начиная съ 1869—70 года, число лицъ, являвшихся на экзамены для поступленія въ Лицей, доходило иногда человѣкъ до 200, и, по крайней мѣрѣ, добрая половина ихъ оказывалась принятою. Нѣкоторые изъ желавшихъ поступить въ Лицей, сознавая сами малые размѣры своихъ познаній, или же не выдержавъ въ первый разъ экзамена, поселялись на годъ, а иногда и болѣе, въ Нѣжинѣ и подготавливались къ вступительному испытанію. Такіе получали названіе *futurus'овъ*. Они по большей части жили пансіонерами у кого-либо изъ профессоровъ или, еще чаще, учителей гимназій. Такимъ образомъ оказывался первый курсъ Лицея человѣкъ во сто. Но вслѣдъ затѣмъ начинался отливъ: записавшись въ студенты Лицея и уплативъ деньги за слушаніе лекцій, значительная часть этихъ первокурсниковъ подавала прошеніе о переводѣ въ какой-либо университетъ, чаще всего Кіевскій и особенно Новороссійскій, гдѣ легче всего принимали такихъ пришлецовъ. Такимъ путемъ произошло въ университеты множество гимназистовъ, которымъ безъ этого не видать бы аттестата, какъ своихъ ушей, множество семинаристовъ далеко не перваго сорта. Сначала студентовъ изъ Лицея принимали въ университеты безъ всякой задержки но наконецъ уловка эта обратила на себя вниманіе, и поступающихъ изъ Нѣжина стали подвергать, по крайней мѣрѣ въ Кіевскомъ университетѣ, повѣрочному испытанію. При этомъ и начали обнаруживаться вещи довольно странныя. Въ 1871 году въ университетѣ Св. Владиміра коммиссія изъ профессоровъ, производившая повѣрочныя испытанія поступающимъ въ университетъ, въ отчетѣ своемъ говорить, что поступающіе изъ Нѣжина обнаруживаютъ наименьшія познанія въ нѣкоторыхъ предметахъ; такъ студенты Лицея князя Безбородко Александръ Г., Абрамъ П. и Петръ К. на повѣрочномъ испытаніи по русскому языку обнаружили малограмотность ¹⁾.

¹⁾ Что, замѣтимъ въ скобкахъ, не помѣшало имъ быть принятыми въ Кіевскій университетъ. Одинъ изъ нихъ, впрочемъ, потомъ вернулся въ Лицей и окончилъ въ немъ курсъ.

Наконецъ, въ средѣ лицейскихъ студентовъ появляется еще одинъ, и довольно многочисленный, контингентъ. Это — студенты, переходившіе въ Лицей изъ университетовъ; они слагались изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ: малоспособные, убоявшіеся бездны университетской науки и отчаявшіеся въ возможности справиться съ нею; невыдержавшіе полукурсоваго или окончательнаго экзамена въ университетѣ; женатые студенты, иногда обремененные семействомъ и потому торопившіеся скорѣй окончить науку и поступить на службу или заняться частной дѣятельностью; наконецъ еще особый отдѣлъ — люди, иногда и съ большими способностями, но еще съ большими денежными средствами, перебивавшіе во многихъ университетахъ, иногда отъ Петербурга до Казани и Одессы, вездѣ прожигавшіе жизнь, прокучивавшіе родительскія денежки, мало учившіеся, но за то бойкіе, развитые, иногда блестящіе, съ нахватанными верхушками всего и съ значительнымъ запасомъ уже жизненнаго опыта. Въ Нѣжинѣ являлись они, какъ въ послѣднее прибѣжище, когда наступала пора покончить расчеты съ періодомъ кутежей и прожиганія жизни, и занять опредѣленное общественное положеніе. Въ Нѣжинѣ иногда оканчивали курсъ господа, начавшіе его въ Московскомъ университетѣ и продолжавшіе гдѣ-нибудь въ Гейдельбергѣ. Студенты всѣхъ перечисленныхъ категорій этого послѣдняго отдѣла поступали въ Лицей прямо на второй и даже чаще всего на третій курсъ, и потому третій курсъ и бывалъ самый многолюдный и выпуски лицейскіе достигали такой большой численности, какъ въ 1872 (69 чел.) и 73 (65 чел.) годахъ. При всемъ этомъ, ученіе въ Лицеѣ шло, вообще говоря, удовлетворительно: всѣ профессорскія каѳедры были заняты и студенты, за исключеніемъ развѣ полныхъ природныхъ бездарностей или невозможныхъ лѣнтяевъ, хорошо усвоивали себѣ суть юридической мудрости. Были даже случаи, что студентъ, окончивши курсъ въ Лицеѣ, непосредственно вслѣдъ затѣмъ отправлялся въ университетъ и выдерживалъ экзаменъ на степень кандидата.

Вмѣстѣ съ измѣненіемъ состава Нѣжинскаго студенчества измѣнился и его характеръ сравнительно съ характеромъ его въ сороковыхъ и пятидесятихъ годахъ. Это уже не были, какъ прежде, мѣстные дворяне, Черниговскіе и Полтавскіе, учившіеся подъ надзоромъ своихъ папенокъ, иногда

затѣмъ только, чтобы по окончаніи курса засѣсть въ своемъ имѣніи или служить по выборамъ. Теперь, какъ видно изъ всего сказаннаго выше, составъ студенчества сталъ самый разношерстный, отчего, конечно, уничтожилась прежняя солидарность и корпоративность студентовъ. Первый ударъ ей нанесенъ былъ закрытіемъ въ 1863 г. лицейскаго пансіона; затѣмъ послѣдовало уничтоженіе форменной одежды и подчиненіе студентовъ внѣ стѣнъ заведенія общей полиціи. Все это разобщало студентовъ между собою. Въ то время какъ студенты—бѣдняки ютились по предмѣстьямъ города на квартирахъ у мѣщанъ или же, какъ это дѣлалось и въ университетахъ, числясь студентами, уѣзжали на цѣлый годъ куда нибудь въ деревню «на кондицію»,—студенты состоятельные, особенно изъ пріѣзжихъ «иностранцевъ», наполняли центръ города и бросались здѣсь въ глаза на каждомъ шагу. Впрочемъ эта часть студенчества для нѣжинцевъ была наиболѣе пріятною и желательною. Эти студенты вносили оживленіе и интересъ въ нѣжинскую общественную жизнь: нерѣдко изящные и остроумные молодые люди, они блистали въ качествѣ кавалеровъ на всѣхъ балахъ, устраивали любительскіе спектакли и концерты; своими кутежами и разными затѣями они поощряли нѣжинскую промышленность и еще болѣе нѣжинскихъ ростовщиковъ. Зато и въ образѣ жизни и въ поведеніи студентовъ исчезаетъ прежняя простота и дисциплина. То студенты судятся у мирового судьи за буйство, произведенное ими въ кондитерской, съ разбитіемъ оконъ и посуды; то въ Лицѣѣ заводится объемистое дѣло объ оскорбленіи студентомъ А-скимъ жены полковника В. Ю. Р-чь или о буйствѣ, учиненномъ студентомъ Л-скимъ на нѣжинской почтовой станціи.

Въ 1872 году къ Лицею совершенно незамѣтно и безъ всякаго участія его Совѣта, вслѣдствіе одной административной переписки, подкралась реформа, бывшая для Лицея чуть ли не смертельнымъ ударомъ. Распоряженіемъ министра народнаго просвѣщенія, 11-го марта 1872 года, у Совѣта Лицея отнято было право производить пріемныя испытанія для поступленія въ Лицей, и въ студенты стали допускаться только лица, имѣющія гимназическій аттестатъ. Эта мѣра вызвана была представленіемъ тогдашняго директора Лицея, М. К. Чалаго, который при этомъ не имѣлъ совѣмъ въ виду

Лицея—почему вѣроятно и не провелъ своего представленія черезъ Лицейскій Совѣтъ—а заботился объ интересахъ гимназій и даже бралъ подъ свою защиту интересы университетовъ. Въ то время въ гимназіяхъ, вмѣсто восьмого класса, существовалъ двухъ-годичный седьмой классъ, изъ котораго только отличившіе ученики, съ разрѣшенія окружнаго начальства, допускались къ окончательному испытанію по истеченіи перваго года пребыванія имъ въ седьмомъ классѣ. «Затѣмъ», говоритъ въ своемъ представленіи г. Чалый, «для нежелающихъ остаться на второй годъ въ седьмомъ классѣ предвидится два выхода: или они явятся къ экзамену въ гимназіи, въ качествѣ такъ называемыхъ постороннихъ лицъ домашняго приготовленія, или придутъ въ Нѣжинъ держать вступительный экзаменъ въ Лицей князя Безбородко, чтобы потомъ перейти въ университетъ, какъ это показали предшествовавшіе годы». Совѣтъ узналъ объ этой мѣрѣ только тогда, когда она явилась уже въ видѣ министерскаго предписанія. Тогда профессора составили протестъ, который въ видѣ особаго мнѣнія одного изъ нихъ—и мнѣнія вполне основательнаго,—былъ представленъ по начальству, но остался безъ всякихъ результатовъ.

Эта мѣра дѣйствительно произвела переворотъ въ Лицеѣ: число студентовъ въ немъ сразу стало уменьшаться. Правда, второй и третій курсъ продолжали пополняться переходившими изъ университетовъ, и потому лицейскіе выпуски оставались довольно многочисленны. Но за то поступающихъ на первый курсъ явилось немного. Изъ окончившихъ гимназіи въ Лицей поступали почти исключительно только Нѣжинскіе гимназисты, привлекаемые стипендіями, большей дешевизной жизни, чѣмъ напримѣръ, въ Кіевѣ, и трехлѣтнимъ курсомъ. Это былъ народъ, за немногими исключеніями, не особенно бойкій. Кромѣ того, въ Лицей стали поступать семинаристы, не надѣявшіеся выдержать повѣрочнаго экзамена въ университетѣ. Такимъ образомъ юридическому Лицею стала грозить та же участь, которая нѣкогда постигла физико-математическій, то-есть опасность въ одно прекрасное утро очутиться безъ перваго курса.

Итакъ всѣ слабыя стороны Лицея, его упадокъ происходили прежде всего отъ скудости его матеріальныхъ средствъ, на что указывалъ, какъ мы видѣли, и министръ, гр. Д. А.

Толстой. Въ 1871 г. появились наконецъ и денежные средства, къ сожалѣнію, какъ оказалось, поздно. Княгиня Е. И. Суворова-Рымникская, бывшая въ первомъ бракѣ за гр. Ник. Ал. Кушелевымъ-Безбородко, братомъ почетнаго попечителя Лицея, пожертвовала въ пользу Лицея капиталъ въ 105 т. руб. Проценты съ этого капитала; болѣе 5 т. руб. въ годъ, могли бы помочь поставить Лицей на ноги; но министерство сейчасъ же распорядилось, чтобы проценты эти оставались неприкосновенными до предполагаемаго преобразованія Лицея. Преобразование это въ принципѣ было рѣшено уже давно, но характеръ и существо этого преобразованія, видно, никакъ еще не могли опредѣлить.

Въ 1873 г., за смертью послѣдняго изъ графовъ Кушелевыхъ-Безбородко, Григорія Ал-ча, званіе почетнаго попечителя Лицея перешло къ гр. Ал. Ив. Мусину-Пушкину. Принявъ на себя это званіе, графъ Ал. Ив-чъ принялъ участіе въ положеніи Лицея и сейчасъ же заявилъ себя щедрымъ даромъ: отъ имени своей супруги, графини Любови Александровны, сестры гр. Григорія Александровича Кушелева-Безбородко, онъ увеличилъ ежегодное содержаніе Лицея на 2000 рублей, которые обращены были главнымъ образомъ на увеличеніе содержанія профессоровъ въ видѣ ежегодной прибавки къ жалованью по 200 руб. каждому. Прибывши въ первый разъ въ Лицей въ годичному акту его, 4 сентября 1873 г., графъ имѣлъ частныя и продолжительныя совѣщанія съ директоромъ и профессорами о мѣрахъ къ улучшенію Лицея. Для этого и имѣлось въ виду воспользоваться процентами съ капитала, пожертвованнаго кн. Суворовою. Попечитель разсчитывалъ въ этомъ случаѣ и на личное свиданіе съ министромъ, гр. Толстымъ, который посѣтилъ Нѣжинъ и Лицей въ октябрѣ мѣсяцѣ того же 1873 г. Но при этомъ совѣщеніи и рѣшилась судьба Лицея. Въ ноябрѣ того же года состоялось распоряженіе о постепенномъ закрытіи курсовъ Лицея, а 21 апрѣля 1875 г. былъ Высочайше утвержденъ уставъ Историко-Филологическаго Института Кн. Безбородко, и въ 1875—76 уч. году рядомъ съ послѣднимъ курсомъ Лицея появился уже первый курсъ Института.

Такъ окончилъ свое существованіе Лицей, заведеніе, безспорно имѣвшее свою исторію и принесшее свою долю пользы Россіи, давъ ей не мало полезныхъ и образованныхъ дѣ-

ателей. 34 выпуска юридического Лицея дали 838 человекъ окончившихъ курсъ съ XII или XIV классомъ. Изъ нихъ, какъ мы видѣли, около половины посвятили себя дѣятельности по судебному вѣдомству, и участие нѣжинскихъ юристовъ въ проведеніи въ жизнь судебной реформы 1864 г. должно быть отмѣчено; другіе служили по прочимъ, самымъ разнообразнымъ вѣдомствамъ гражданской службы, до губернаторской должности включительно. Тѣ которые не находили себѣ мѣста въ гражданской службѣ или не подходили по своему характеру и понятіямъ къ административнымъ и судебнымъ порядкомъ дореформенной эпохи, шли въ военную службу и изъ нихъ студентъ 2-го выпуска 1844 г. Игнатій Мих. Клейнгаузъ, командуя Костромскимъ пѣхотнымъ полкомъ, палъ геройской смертью подъ Плевною; не мало послужили воспитанники Лицея и дѣлу народнаго просвѣщенія въ качествѣ учителей уѣздныхъ училищъ и даже гимназій; вышло изъ Лицея и нѣсколько извѣстныхъ въ свое время литераторовъ, между ними Н. В. Гербель; наконецъ, одинъ изъ студентовъ Лицея, поступившій въ него изъ дух. семинаріи, по окончаніи курса въ Лицеѣ принялъ санъ священника.

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА

КНЯЗЯ БЕЗБОРОДКО

ВЪ НѢЖИНѢ,

изданная

по случаю двадцатилѣтія существованія
Института.

(1875—1895).

НѢЖИНѢ.

Типо-литографія Венгера, д. Глезера.
1895.

Личный составъ Историко-филологическаго Института Князя Безбородко
въ Вѣжинѣ,

къ концу 189¹/₂, уч. г.

Почетный Попечитель, Камергеръ Двора Его Величества, Статскій Совѣтникъ Графъ Александръ Алексѣевичъ *Мусинъ-Пушкинъ*. Съ 14 Марта 1880 г.

Директоръ Института, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Фридрихъ Фердинандовичъ *Гельке*. Съ 21 Юля 1893 г.

Инспекторъ Института, Ординарный Профессоръ Греческой Словесности, Статскій Совѣтникъ Антонъ Вячеславовичъ *Добіанъ*. Съ 1-го Юля 1875 года наставникъ студентовъ и преподаватель Института; съ 1-го Юля 1878 г. экстраординарный профессоръ; съ 6-го Февраля 1884 г. ординарный профессоръ; въ должности Инспектора Института съ 19-го Октября 1882 г.

Законоучитель, Священникъ Павелъ Яковлевичъ *Святловъ*. Съ 16-го Марта 1889 года.

Ординарные Профессоры:

Всеобщей Исторіи, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Петръ Ивановичъ *Люперольскій*. Съ 1-го Юля 1875 г.

Греческой Словесности, Статскій Совѣтникъ Сергій Николаевичъ *Ждановъ*. Съ 7-го Февраля 1879 года экстраординарный профессоръ; съ 7-го Сентября 1881 года ординарный профессоръ.

Русской Исторіи, Статскій Совѣтникъ Михаилъ Николаевичъ *Бержковъ*. Съ 1-го Октября 1882 года экстраординарный профессоръ; съ 4-го Октября 1886 г. ординарный профессоръ.

Римской Словесности, Статскій Совѣтникъ Андрей Магнусовичъ *Фогель*. Съ 1-го Юля 1876 года наставникъ сту-

дентовъ и преподаватель; съ 17-го Февраля 1883 года экстраординарный профессоръ; съ 12-го Февраля 1893 года ординарный профессоръ.

Экстраординарные Профессоры:

Славянской Филологіи, Статскій Совѣтникъ Владиміръ Васильевичъ *Качановскій*. Съ 1-го Сентября 1888 г.

Русской Словесности, Коллежскій Совѣтникъ Евгений Вячеславовичъ *Интуховъ*. Съ 7 Ноября 1889 года.

Философіи (и. д.) Григорій Васильевичъ *Малеванскій*. Съ 14 Декабря 1883 года.

Римской Словесности (и. д.) Статскій Совѣтникъ Иванъ Григорьевичъ *Турцевичъ*. Съ 30 Октября 1892 года.

Всеобщей Исторіи (и. д.) Алексѣй Ивановичъ *Покровскій*. Съ 11-го Юня 1894 года. (Онъ же Ученый Секретарь)

Наставники студентовъ:

Коллежскій Совѣтникъ Николай Стратониковичъ *Кирилловъ*. (Онъ же преподаватель Греческой Словесности). Съ 1-го Юля 1875 года наставникъ студентовъ Института; съ 1-го Сентября 1880 года преподаватель; съ 20-го Іюля 1883 года вновь наставникъ студентовъ и преподаватель.

Коллежскій Совѣтникъ Михаилъ Ивановичъ *Лилеевъ*. (Онъ же преподаватель педагогики и всеобщей исторіи, библіотекаръ и членъ Правленія Института). Съ 18 Ноября 1878 года.

Арсеній Петровичъ *Кадлубовскій*. (Онъ же преподаватель теоріи словесности). Съ 26 Сентября 1890 г.

Преподаватели:

Латинскаго языка, Статскій Совѣтникъ Андрей Ѳедоровичъ *Абрамовъ*. (Онъ же Завѣдывающій Гимназіею при Институтѣ). Съ 189³/₄ учебнаго года.

Географіи, Статскій Совѣтникъ Иванъ Аонасьевичъ *Сребницкій*. (Онъ же наставникъ-руководитель Гимназіи при Институтѣ). Со 2 го Августа 1877 года.

Нѣмецкаго языка, Эмилій Юльевичъ *Рихманъ*. (Онъ же

преподаватель гимназіи при Институтѣ). Съ 17 Августа 1894 года.

Французскаго языка (по найму) Людовикъ Николаевичъ *Мишель*. (Онъ же преподаватель гимназіи при Институтѣ) Съ 10 Января 1889 года.

Наставники-руководители:

По латинскому языку, Статскій Совѣтникъ Андрей Федоровичъ *Абрамовъ* (см. выше). Онъ же Завѣдывающій Гимназіею при Институтѣ. Наставникъ-руководитель съ 1-го Юля 1878 г.; Завѣдывающій гимназіею съ 17-го Октября 1887 г.

По исторіи и географіи, Статскій Совѣтникъ Иванъ Афанасьевичъ *Сребницкій*. Съ 23-го Октября 1882 г.

По русскому языку, Статскій Совѣтникъ Иванъ Николаевичъ *Михайловскій*. Съ 7-го февраля 1885 г.

По греческому языку, Статскій Совѣтникъ Іосифъ Вячеславовичъ *Добіашъ*. Съ 17-го Октября 1887 г.

Врачъ. Коллежскій Ассесоръ Иванъ Никитичъ *Самойловичъ*. (Онъ же врачъ Гимназіи при Институтѣ). Съ 11-го Юля 1877 года.

Секретарь Правленія, Коллежскій Ассесоръ Иванъ Антоновичъ *Левицкій*. Съ 17 Октября 1877 года бухгалтеръ и казначей; съ 30-го Марта 1881 года секретарь Правленія.

Бухгалтеръ и Казначей, Коллежскій Ассесоръ Василій Прокофьевичъ *Добролицкій*. Съ 30-го Марта 1881 года.

Экономъ и экзекуторъ (и. д.) Дмитрій Васильевичъ *Максимовъ*. Съ 12-го Сентября 1890 года.

Списокъ лицъ, служившихъ въ Историко-Филологическомъ Институтѣ Князя
Везбородко въ Пѣжинѣ.

Почетный Попечитель Института:

Графъ Алексѣй Ивановичъ *Мусинъ-Пушкинъ*, Гофмейстеръ Двора Его Величества. Съ 20 Ноября 1874 года. Умеръ 7-го Ноября 1879 года.

Директоры Института:

Лавровскій, Николай Алексѣевичъ, Тайный Совѣтникъ. Съ 1-го Января 1875 по 20-е Сентября 1882 г. Нынѣ Почетитель Рижскаго Учебнаго Округа.

Скворцовъ, Николай Ефремовичъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ. Съ 3-го Ноября 1882 года по 12-е Юля 1893 года.

Инспекторъ Института:

Аристовъ, Николай Яковлевичъ, Ординарный Профессоръ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ. Съ 1-го Юля 1875 года. Умеръ 26 Августа 1882 года.

Законоучитель:

Хойницкій, Андрей Ѳедоровичъ, Протоіерей. Съ 1-го Юля 1875 года. Умеръ 27 Августа 1888 года.

Ординарные Профессоры:

Фогтъ, Ричардъ Августовичъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ. Съ 1-го Юля 1875 года по 7-е Юля 1892 года.

Будиловичъ, Антонъ Семеновичъ. Съ 1-го Юля 1875 по 1-е Юля 1881 года. Нынѣ Ректоръ Императорскаго Юрьевскаго Университета

Никитинъ, Петръ Васильевичъ. Съ 1-го Юля 1875 года экстраординарный профессоръ Института; съ 24-го Мая 1877 по 29 Октября 1879 года ординарный профессоръ. Нынѣ Ректоръ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета.

Гротъ, Николай Яковлевичъ. Съ 1-го Юля 1878 года экстраординарный профессоръ Института; съ 14 Мая 1880 года по 1-е Ноября 1883 года ординарный профессоръ. Нынѣ ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго Университета.

Брандтъ, Романъ Ѳедоровичъ. Съ 1-го Августа 1877 г. экстраординарный профессоръ Института; со 2-го Сентября 1882 года по 9-е Августа 1886 года ординарный профес-

сорь. Нынѣ ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго Университета.

Экстраординарные профессеры:

Землеръ, Григорій Эдуардовичъ. Съ 1-го Юля 1877 г. по 26-е Юля 1886 года. Нынѣ ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго Университета.

Соколовъ Матвѣй Ивановичъ. Съ 1-го Юля 1881 года по 8-е Сентября 1889 года. Нынѣ экстраординарный профессоръ Императорскаго Московскаго Университета.

Фокковъ Николай Ѳедоровичъ. Со 2-го Апрѣля 1889 г. по 31-е Юля 1891 г.—Нынѣ въ отставкѣ.

Наставникъ студентовъ и Преподаватель:

Адриановъ, Павелъ Александровичъ. Преподаватель Института съ 1-го Августа 1876 года; наставникъ студентовъ и преподаватель съ 1-го Сентября 1880 года по 21 Апрѣля 1890 года. Нынѣ Окружной Инспекторъ Оренбургскаго Учебнаго Округа.

Преподаватели:

Блоруссовъ, Иванъ Михайловичъ. Со 2-й половины 18⁷⁹/₈₀ учебнаго года по 18⁸²/₈₃ учебный годъ включительно.

Штейнъ, Юлій Ивановичъ. Съ 1-го Сентября 1875 г. по 1-е Юля 1876 года.

Мургуловичъ, Георгій Дмитриевичъ. Съ 1-го Юля 1876 года по 5 Сентября 1878 года. Умеръ.

Гришотъ Христіанъ Антоновичъ. Съ 1-го Сентября 1878 года по 6-е Сентября 1884 года. Нынѣ преподаватель въ Винницкомъ Реальномъ Училищѣ.

Меринъ Андрей Ивановичъ. Съ 21 Декабря 1884 года по 25-е Февраля 1894 года. Умеръ.

Сертье, Петръ Георгіевичъ. Съ 1-го Сентября 1875 г. по 30-е Сентября 1888 года. Умеръ.

Наставники-руководители:

Златоустовскій, Ѳедоръ Алексѣевичъ. Съ 1-го Юля

1875 г. по 29 Мая 1886 г. Умеръ, состоя Окружнымъ Инспекторомъ Варшавскаго Учебнаго Округа.

Бълоруссовъ, Иванъ Михайловичъ (см. выше). Съ 1-го Юля 1878 г. по 15-е Октября 1884 г. Нынѣ Директоръ Орловской Гимназіи.

Врачи Института:

Ковнеръ Савелій Григорьевичъ. Съ 1-го Юля 1875 года по 24-е Марта 1876 года.

Вербицкій, Евгеній Васильевичъ. Съ 5 Юня 1876 года по 19-е Мая 1877 года. Умеръ.

Секретари Правленія:

Писаревъ, Поликарпъ Евлампіевичъ. Съ 1-го Юля 1875 года по 3-е Августа 1877 года.

Молчановъ, Михайль Іосифовичъ. Съ 3 Августа 1877 г. по 21-е Юля 1880 года.

Столбищенскій, Александръ Аванасьевичъ. Съ 22 Сентября 1880 года по 22-е Марта 1881 года. Умеръ.

Бухгалтеръ и Казначей:

Волынский, Михайль Павловичъ. Съ 1-го Юля 1875 года по 17-е Августа 1877 года. Умеръ.

Экономы и Экзекуторы:

Конисскій, Иванъ Ѳедоровичъ. Съ 1-го Юля 1875 года по 3-е Августа 1876 года.

Камневъ, Дмитрій Николаевичъ. Съ 11 Сентября 1876 г. по 9-е Октября 1880 г.

Скородумовъ, Сергій Ивановичъ. Съ 9-го Октября 1880 года по 11 Юля 1884 года.

Жила Ѳедоръ Андреевичъ. Съ 11-го Юля 1884 года по 16 Марта 1885 года.

Ивченко Иванъ Степановичъ. Съ 16 Марта 1885 года по 14-е Юля 1890 года.

Списки лицъ,

окончившихъ курсъ наукъ въ Историко-филологическомъ Институтѣ Князя Безбородко въ
Нѣжинѣ.

(1879—95 г.г.).

I ВЫПУСКЪ

№ Общій.	№ Годовой.	Фамилія, имя и отчество.	Откуда поступили въ Ивстатутъ.
<i>Отдѣленіе древнихъ языковъ.</i>			
1	1	Антонокъ, Юліанъ Петровичъ.	Изъ Сѣдлецкой гим- назіи
2	2	Булгаковъ, Іосифъ Никифоровичъ.	Изъ Орловской Дух- Семинаріи.
3	3	Введенскій, Михаилъ Васильевичъ.	Изъ Тверской Духов- ной Семинаріи.
4	4	Синьковскій Кипріанъ Петровичъ.	Изъ Волынской Дух- Семинаріи.
5	5	Турцевичъ, Иванъ Григорьевичъ.	Изъ С.-Пб. Истор. Филолог. Инстит.
6	6	Уводскій, Николай Николаевичъ.	Изъ Волынской Ду- ховной Семинаріи
7	7	Юденичъ, Яковъ Семеновичъ.	Изъ Смоленской Ду- ховной Семинаріи
<i>Отдѣленіе Славяно-русское.</i>			
8	8	Барсовъ, Павелъ Ивановичъ.	Изъ Орловской Ду- ховной Семинаріи.
9	9	Дзюбинскій, Тимофей Семесовичъ	Изъ Подольской Ду- ховной Семинаріи.
10	10	Иваницкій, Николай Степановичъ.	Изъ Курской Духов- ной Семинаріи.
11	11	Ивановъ, Николай Ивановичъ.	Изъ Курской Духов- ной Семинаріи.
12	12	Ильинскій, Игнатій Ивановичъ.	Изъ Воронежской Дух. Семинаріи.
13	13	Казминскій, Митрофанъ Андреевичъ	Изъ Воронежской Духовн. Семинаріи
14	14	Хлѣбниковъ, Викторъ Павловичъ.	Изъ Курской Духов- ной Семинаріи.
15	15	Ящинскій, Петръ Александровичъ.	Изъ Волынской Ду- ховной Семинаріи.

(1879-го года).

Куда назначены были учителями и по какимъ предметамъ.	По свѣдѣнiямъ 1895-го г.
Въ Киевскую 2 гимназію по древнимъ языкамъ.	Директоръ Черниговской гимназіи.
Въ Острожскую прогимназію по древнимъ языкамъ.	†
Въ Житомирскую гимназію по древнимъ языкамъ.	Преподаватель Житомирской гимназіи.
Въ Прилукскую прогимназію по древнимъ языкамъ.	†
Въ Киевскую 1 гимназію по древнимъ языкамъ.	И. д. э.-о. проф. въ Нѣжинскомъ Истор.-Фил. Инст.
Въ Киевскую 3 гимназію по древнимъ языкамъ.	Преподаватель Киевской 2-ой гимназіи.
Въ Киевскую прогимназію по древнимъ языкамъ.	Преподаватель Киевской 2-ой гимназіи.
Въ Каменецъ-Подольскую гимназію по русск. и латин. языку.	†
Въ Глуховскую прогимназію по русскому языку.	Преподаватель Кутаисской гимназіи.
Въ Лубенскую гимназію по русскому языку.	Инспекторъ 2-й Тифлисской гимназіи.
Въ Житомирскую прогимназію по древнимъ языкамъ.	Преподаватель 4-ой Киевской гимназіи.
Въ Киевскую 3 гимназію по русскому языку.	Преподаватель 3-ей Киевской гимназіи.
Въ Глуховской Учительскій Институтъ по русскому языку.	Инспекторъ 1-ой Одесской гимназіи.
Въ Зарайское (Ряз. губ.) реальн. училище по русскому языку.	Преподаватель Зарайскаго реального училища
Въ Житомирскую прогимназію по русскому языку.	Преподаватель Житомирской прогимназіи

II ВЫПУСКЪ

<i>Отдѣленіе древнихъ языковъ.</i>			
16	1	Бенько, Павелъ Герасимовичъ.	Изъ Слуцкой Гимназіи.
17	2	Доброумовъ, Иванъ Павловичъ.	Изъ Тамбовской Духовной Семинаріи.
18	3	Ивануха, Яковъ Павловичъ.	Изъ Нѣжинской гимназіи.
19	4	Никольскій, Николай Ивановичъ	Изъ Калужской Духовной Семинаріи.
20	5	Скворцовъ, Гавріиль Ивановичъ	Изъ С.-Петербуржскаго Истор.-фил. Института.
21	6	Шпигель, Фердинандъ Геориховичъ.	Изъ Московск. Университета.
<i>Отдѣленіе славяно-русское.</i>			
22	7	Крестинскій, Николай Семеновичъ.	Изъ Нѣжинской гимназіи.
23	8	Никольскій, Алексѣй Яковлевичъ.	Изъ Калужской Духовной Семинаріи.
24	9	Святскій, Николай Александровичъ.	Изъ Черниговской Дух. Семинаріи.
25	10	Троицкій, Иванъ Николаевичъ.	Изъ Калужской Духовной Семинаріи.
26	11	Шамраевъ, Викентій Николаевичъ.	Изъ Еваторинославской Дух. Семинаріи.

III ВЫПУСКЪ

<i>Отдѣленіе древнихъ языковъ.</i>			
27	1	Бирюковичъ, Михайль Васильевичъ.	Изъ С.-Петербур. Университета.
28	2	Боровскій, Николай Антоновичъ.	Изъ Черниговской Духовной Семинаріи.
29	3	Жирновъ, Василій Ивановичъ.	Изъ Могилевской гимназіи.

(1880-го года).

Въ Ташкентскую прогимназію по древнимъ языкамъ	Преподаватель Вѣрненской гимназіи.
Въ Елатомскую гимназію по древнимъ языкамъ.	†
Въ Оренбургскую гимназію по древнимъ языкамъ.	Преподаватель Оренбургской гимназіи.
Въ Екатеринбургскую гимназію по древнимъ языкамъ.	Преподаватель Пермской гимназіи.
Въ Керчинскую прог. (нынѣ гимназію) по древнимъ языкамъ.	†
Въ Херсонскую гимназію по древнимъ языкамъ.	Преподаватель Симферопольской гимназіи.
Въ Брестскую прогимназію по русскому языку.	Преподаватель Виленской 2-й гимназіи.
Въ Таганрогскую гимназію по русск. и латин. языкамъ.	Преподаватель 1-й Одесской гимназіи.
Въ Симферопольскую гимназію по русск. и латинск. языкамъ.	Инспекторъ Камратскаго реальнаго училища.
Въ Аккерманскую прогимназію по латинскому языку.	Въ отставкѣ (душевно больной).
Въ Екатеринославскую гимназію по русск. и латин. языкамъ.	Преподаватель 2-й Пензенской гимназіи.

(1881-го года).

Въ Красноярскую гимназію по древнимъ языкамъ.	Преподаватель Бѣльской гимназіи.
Въ Бѣльскую гимназію по русскому языку.	†
Въ Симферопольскую гимназію по древнимъ языкамъ.	Преподаватель Бердянской гимназіи.

30	4	Миткевичъ, Константинъ Ивановичъ	Изъ Минской гимназіи.
31	5	Покровскій, Василій Степановичъ.	Изъ Курской Духовной Семинаріи.
32	6	Успенскій, Леонидъ Ивановичъ	Изъ Тверской гимназіи.
33	7	Яненць, Альфредъ Карловичъ.	Изъ С.-Пб. Историко-Филол. Института.
<i>Отдѣленіе Славяно-русское.</i>			
34	8	Адамовъ, Петръ Аркадіевичъ.	Изъ Воронежской Духовной Семинар.
35	9	Аристовъ, Константинъ Владиміров.	Изъ Оренбургской гимназіи.
36	10	Крыгинъ, Михайль Ивановичъ.	Изъ Донской Духовной Семинаріи.
37	11	Покровскій, Алексѣй Ефремовичъ.	Изъ Калужской Духовной Семинаріи.
38	12	Преображенскій Алексѣй Сергѣевичъ	Изъ Калужской Духовной Семинаріи.
39	13	Черногоръ, Степанъ Антоновичъ.	Изъ Полтавской Духовной Семинаріи.
40	14	Цвирко, Иванъ Ромуальдовичъ.	Изъ С.-Пб. Историко-Филол. Института.

IV ВЫПУСКЪ

<i>Отдѣленіе древнихъ языковъ.</i>			
41	1	Бруттанъ, Эрнстъ Андреевичъ.	Изъ Дерптской гимназіи.
42	2	Квятницкій, Стефанъ Григорьевичъ.	Изъ Нѣжинской гимназіи.
43	3	Кренбергъ, Артуръ Владиміровичъ.	Изъ Рижской гимназіи.
44	4	Чивилевскій, Дмитрій Вавиловичъ.	Изъ Черниговской Духов. Семинаріи.

Командированъ былъ съ ученою цѣлью за границу.

Въ Мозырскую прогимназію по древнимъ языкамъ.

Въ 3-ю Харьковскую гимназію по древнимъ языкамъ.

Въ Уральскую войсковую гимназію по древнимъ языкамъ.

Въ Глуховскую прогимназію по рускому языку.

Въ Ташкентскую гимназію по рускому языку.

Прикомандированъ былъ къ С.-Петербургскому Университету.

Въ Измаильскую прогимназію по рускому языку.

Въ Енисейскую гимназію по рускому языку.

Въ Кременчугскую женскую гимназію по рускому языку.

Въ Минскую гимназію по рускому языку.

Преподаватель Нѣжинской гимназіи.

Преподаватель Мозырской прогимназіи.

Инспекторъ 3-ей Харьковской гимназіи.

Преподаватель Оренбургской гимназіи.

Преподаватель Глуховской гимназіи.

Преподаватель Ташкентской гимназіи.

Инспекторъ Александровской гимназіи въ Ревелѣ.

Сверхштатный учитель при Мариупольской гимназіи.

Преподаватель Житомирской гимназіи.

Свѣдѣній не имѣется.

Преподаватель 1-й Виленской гимназіи.

(1882-го года).

Въ Стерлитамакскую прогимназію по древнимъ языкамъ.

Въ Мариупольскую гимназію по древнимъ языкамъ.

Въ 3-ю Одесскую гимназію по древнимъ языкамъ.

Въ Усть-Медвѣдицкую гимназію по древнимъ языкамъ.

Преподаватель Екатеринбургской гимназіи.

Преподаватель Мариупольской гимназіи.

Преподаватель 3-ей Одесской гимназіи.

Преподаватель Таганрогской гимназіи.

<i>Отдѣленіе Славяно-русское.</i>			
45	5	Жеребцовъ, Логинъ Александровичъ	Изъ Житомирской гимназіи.
46	6	Красивскій, Николай Петровичъ.	Изъ Тамбовской Духовн. Семинаріи.
47	7	Круковскій, Адрианъ Васильевичъ.	Изъ Шавельской гимназіи.
48	8	Метельскій, Михайлъ Каллистовичъ	Изъ Варшавскаго Университета.
49	9	Мыславскій, Константинъ Ивановичъ	Изъ Черниговской Духовн. Семинаріи.
50	10	Первовъ, Павелъ Дмитриевичъ.	Изъ Тверской гимназіи.
51	11	Чернявскій, Петръ Матвѣевичъ	Изъ Екатеринославской Дух. Семинаріи.

У В Ы П У С К Т Ъ

<i>Отдѣленіе Славяно-русское.</i>			
52	1	Боголюбовъ, Иванъ Петровичъ.	Изъ С.-Пб. Историко-филол. Инстит.
53	2	Волковскій, Антонъ Константиновичъ	Изъ Нѣжинской гимназіи.
54	3	Гладиловъ, Николай Яковлевичъ.	Изъ Нѣжинской гимназіи.
55	4	Глядииковскій, Иванъ Герасимовичъ.	Изъ Черниговской Духовн. Семинаріи.
56	5	Гуковичъ, Иванъ Прокофьевичъ.	Изъ Кіевской 3-й гимназіи.
57	6	Дмитріевскій, Василій Никифоровичъ	Изъ Астраханской Духовн. Семинаріи.
58	7	Добровольскій, Яковъ Ивановичъ.	Изъ Варшавской 1-й гимназіи.
59	8	Замахаевъ, Степанъ Никаноровичъ	Изъ Воронежской Духовной Семинаріи.
60	9	Ильенковъ, Дмитрій Семеновичъ.	Изъ С.-Пб. Историко-филол. Инстит.

Въ Суражскую прогимназію по русскому языку.
 Въ Лубенскую гимназію по древнимъ языкамъ.
 Въ Поневѣжское реальное училище по русскому языку.
 Въ Плоцкую гимназію по русскому языку.
 Въ Стародубскую прогимназію по русскому языку.
 Въ Елатомскую прогимназію по русскому и древнимъ языкамъ.
 Въ Калишскую гимназію по русскому языку.

†
 Преподаватель Златопольской гимназіи.
 Преподаватель Поневѣжскаго реального училища.
 Въ отставкѣ.
 Преподав. Болградской гимназіи (Бессарабск. губерн.).
 Преподаватель Флещкой гимназіи.
 Преподав. Бобровской гимназіи (Воронежск. губ.).

(1883-го года).

Въ Краснослободскую (Пенз. губ.) прогимназ. по древнимъ язык.
 Въ 6-ю Варшавскую гимназію по русскому языку.
 Въ Уральскую Войсковую гимназію по древнимъ языкамъ.
 Въ Иркутскую гимназію по латинскому языку.
 Въ Херсонскую прогимназію по древнимъ языкамъ.
 Въ Бахмутскую прогимназію по русскому языку.
 Въ Керченскую гимназію по древнимъ языкамъ.
 Въ Енисейскую прогимназію по древнимъ языкамъ.
 Въ Владимірскую гимназію по древнимъ языкамъ.

Инспекторъ народн. училищъ Харьк. губ.
 Преподаватель 6-ой Варшавской гимназіи.
 †
 Преподаватель Ялтинской прогимназіи.
 Преподаватель Херсонской прогимназіи.
 Преподав. Холмскаго Маринскаго женскаго училища.
 Преподаватель Ченстоховской гимназіи.
 †
 Преподаватель Владимірской гимназіи.

61	10	Лонткевичъ, Евгений Федоровичъ.	Изъ Нѣжинской гимназіи.
62	11	Назаревскій, Николай Викторовичъ.	Изъ Полтавской Духовной Семинаріи.
63	12	Петровъ, Сергѣй Онисифоровичъ.	Изъ Нѣжинской гимназіи.
64	13	Писаревскій, Антонъ Павловичъ.	Изъ Волынской Духовной Семинаріи.

VI ВЫПУСКЪ

<i>Отдѣленіе древнихъ языковъ.</i>			
65	1	Деревянкинъ, Петръ Даниловичъ.	Изъ Нѣжинской гимназіи.
66	2	Митаревскій, Григорій Васильевичъ.	Изъ Кіевского Университета.
<i>Отдѣленіе историческое. ¹⁾</i>			
67	3	Любарскій, Михаилъ Васильевичъ.	Изъ Нѣжинской гимназіи.
<i>Отдѣленіе Славяно-русское.</i>			
68	4	Брайловскій, Сергѣй Николаевичъ.	Изъ Екатеринославской Дух. Семинаріи.
69	5	Бутовскій, Николай Ивановичъ.	Изъ Кіевской Духовной Семинаріи.
70	6	Введенскій, Николай Васильевичъ.	Изъ Тверской Духовной Семинаріи.
71	7	Леоновъ, Николай Яковлевичъ.	Изъ Елецкой гимназіи.
72	8	Сенаторскій, Иванъ Петровичъ.	Изъ Кіевской Духовной Семинаріи.

Въ Лебедянскую прогимназію по древнимъ языкамъ.

Въ Феодосійскую гимназію по русскому и латинскому языкамъ.

Въ Шавельскую гимназію по русскому и латинскому языкамъ.

Въ Курскую гимназію воспитателемъ при пансіонѣ.

Преподаватель Таганрогской гимназіи.

Чиновникъ канцеляріи Попечителя Одесскаго Уч. Округа.

Преподаватель Брестской прогимназіи.

Преподаватель Каменецъ-Подольской гимназіи.

(1884-го года).

Въ Борисоглѣбскую прогимназію по древнимъ языкамъ.

Въ Красноярскую гимназію по древнимъ языкамъ.

Преподаватель 2-й Кіевской гимназіи.

Въ отставкѣ.

Въ Черниговскую гимназію по древнимъ языкамъ.

Преподаватель Черниговской гимназіи.

Въ Нѣжинскую женскую гимназію по русскому языку.

Въ Оренбургскую гимназію по русскому языку.

Въ Оренбургскую женскую гимназію по русскому языку.

Въ Пермскую гимназію по древнимъ языкамъ.

Въ Прилукскую гимназію по древнимъ языкамъ.

Преподаватель Новгородсѣвской женской гимназіи.

Преподаватель Оренбургской гимназіи.

Преподаватель Оренбургскаго Учительскаго Института.

Преподават. Уральск. войсков. реальнаго училища.

Преподаватель Прилукской гимназіи.

<i>Отдѣленіе древнихъ языковъ.</i>			
73	1	Калента, Филиппъ Ивановичъ.	Изъ Слудкой гимназіи.
74	2	Колтышинъ, Арсеній Арсеніевичъ.	Изъ Тверской Духовной Семинаріи.
75	3	Косоноговъ, Тимофей Осиповичъ.	Изъ Шавельской гимназіи.
76	4	Пономаревъ, Сергій Ивановичъ.	Изъ Тамбовской Духовн. Семинаріи.
77	5	Сахаровъ, Леонидъ Петровичъ	Изъ Вологодской Дух. Семинаріи.
78	6	Тимошеевъ, Викторъ Моисеевичъ.	Изъ С.-Пб. Историко-филол. Инстит.
79	7	Храпко, Василій Григорьевичъ.	Изъ Лубенской гимназіи.
<i>Отдѣленіе историческое.</i>			
80	8	Автономовъ, Павелъ Васильевичъ.	Изъ Воронежской Духовной Семинаріи.
81	9	Любскій, Александръ Павловичъ.	Изъ Тверской Дух. Семинаріи.
82	10	Недоходовскій, Николай Афанасьев.	Изъ Калужской Дух. Семинаріи.
<i>Отдѣленіе Славяно-русское.</i>			
83	11	Карскій, Евфимій Θεодоровичъ.	Изъ Минской Дух. Семинаріи.
84	12	Розовъ, Θεодоръ Ивановичъ.	Изъ Смоленской Духовн. Семинаріи.
85	13	Θеодоровскій, Иванъ Васильевичъ.	Изъ С.-Пб. Историко-филол. Инстит.

1885-го года).

Въ Прилукскую гимназію по древнимъ языкамъ.	Преподаватель Прилукской гимназіи.
Въ Бахмутскую прогимназію по древнимъ языкамъ.	Преподаватель Бахмутской прогимназіи.
Въ Кіевскую 2 гимназію по древнимъ языкамъ.	Преподаватель 1-й Кіевской гимназіи.
Въ Каменецъ-Подольскую гимназію по древнимъ языкамъ.	†
Въ Златопольскую прогимназію по древнимъ языкамъ.	Преподаватель 2-ой Кіевской гимназіи.
Въ Уральскую Войсковую гимназію по древнимъ языкамъ.	Преподаватель Троицкой гимназіи (Оренб. губ.).
Въ 2-ю Тифлисскую гимназію по древнимъ языкамъ	Преподаватель 2-й Тифлисской гимназіи.
Въ Екатеринштадтскую гимназію по русскому языку.	Преподаватель Енисейской прогимназіи.
Въ Могилевскую гимназію по русскому языку.	†
Въ Могилевское реальное училище по русскому языку.	Преподаватель Могилевского реальн. училища.
Въ 2-ю Виленскую гимназію по русскому языку.	Э.-орд. профессоръ Варшавскаго Университета.
Въ Юрьевскую гимназію по русскому языку.	Преподаватель Юрьевской гимназіи.
Въ Кубанское реальное училище по русскому языку.	Преподаватель Кубанскаго реального училища.

VIII ВЫПУСК

<i>Отдѣленіе древнихъ языковъ.</i>			
86	1	Богдановъ, Митрофанъ Николаевичъ	Изъ Курской гимназіи.
87	2	Волочковъ, Андрей Виссаріоновичъ.	Изъ Смоленской духовной Семинаріи.
88	3	Головня, Михаилъ Ѳедоровичъ.	Изъ Нѣжинской гимназіи.
89	4	Кореньковъ, Николай Васильевичъ.	Изъ Калужской духовной Семинаріи.
90	5	Недачинъ, Александръ Александров.	Изъ Смоленской духовной Семинаріи.
91	6	Тарановичъ, Митрофанъ.	Изъ Минской Духовной Семинаріи.
92	7	Фруктовъ, Семень Ивановичъ.	Изъ Московскаго Университета.
93	8	Чигринецъ, Петръ Николаевичъ.	Изъ Нѣжинской гимназіи.
94	9	Чудовскій, Александръ Игнатьевичъ	Изъ Смоленской духовной Семинаріи.
<i>Отдѣленіе историческое.</i>			
95	10	Громачевскій, Борисъ Семеновичъ.	Изъ Подольской Духовной Семинаріи.
96	11	Ивановъ, Аверкій Григорьевичъ.	Изъ Ковенской Духовной Семинаріи.
97	12	Чтецовъ, Иванъ Иваповичъ.	Изъ Рязанской Духовной Семинаріи.

IX ВЫПУСКЪ

<i>Отдѣленіе древнихъ языковъ.</i>			
98	1	Гладкевичъ, Иванъ Ѳомичъ.	Изъ Подольской Духовной Семинаріи.
99	2	Дирикъ, Арвидъ Ивановичъ.	Изъ Дерптской (нынѣ Юрьевской) гимназіи.

1886-го года).

Въ Нѣжинскую гимназію надзирателемъ.	Преподаватель Шавельской гимназіи.
Въ Читинскую гимназію по древнимъ языкамъ.	Помощн. акц. надз. 1 округа Акц. Упр. Восточ. Сибири.
Въ Красноярскую гимназію по древнимъ языкамъ.	Преподаватель Красноярской гимназіи.
Въ Ташкентскую гимназію по древнимъ языкамъ.	Преподаватель Ташкентской гимназіи.
Въ Златопольскую гимназію по древнимъ языкамъ.	Преподаватель Златопольской гимназіи.
Въ Уманскую прогимназію по древнимъ языкамъ.	Преподаватель Уманской прогимназіи.
Въ Новочеркасскую гимназію по древнимъ языкамъ.	Преподаватель Елатомской гимназіи.
Въ Красноярскую гимназію по древнимъ языкамъ.	Преподаватель Иркутской гимназіи.
Въ Омскую гимназію по древнимъ языкамъ.	Преподаватель Омской гимназіи.
Въ Шавельскую гимназію по исторіи и географіи.	Преподав. Виленск. Маріинск. высш. женскаго училища.
Въ Енисейскую прогимназію по исторіи и географіи.	Преподаватель Иркутской гимназіи.
Въ Читинскую гимназію по исторіи и географіи.	Преподаватель Читинской гимназіи.

(1887-го года).

Въ Полтавскую гимназію по древнимъ языкамъ.	Преподаватель Полтавской гимназіи.
Въ Уманскую прогимназію по древнимъ языкамъ.	Преподаватель Новгородсѣверской гимназіи.

100	1	Миловидовъ, Филиппъ Александров.	Изъ Нѣжинской гимназіи.
101	2	Муравскій, Андрей Ивановичъ.	Изъ Нѣжинской гимназіи.
102	3	Федоровъ, Павелъ Яковлевичъ.	Изъ Никольской гимназіи.
<i>Отдѣленіе историческое.</i>			
103	4	Жуковскій, Валерьянъ Антоновичъ.	Изъ Каменецъ-Подольской гимназіи.
<i>Отдѣленіе славяно-русское.</i>			
104	5	Жуниинъ, Александръ Андреевичъ.	Изъ Рижской Духовной Семинаріи.
105	6	Танинъ, Павелъ Владиміровичъ.	Изъ Тверской Духовной Семинаріи.

X В Ы П У С К И

<i>Отдѣленіе древнихъ языковъ.</i>			
106	1	Алферовъ, Николай Марковичъ.	Изъ Нѣжинской гимназіи.
107	2	Барциковскій, Дмитрій Васильевичъ.	Изъ Московской гимназіи.
108	3	Владиміровъ, Александръ Николаев.	Изъ Ташкентской гимназіи.
109	4	Гладкевичъ, Вячеславъ Адамовичъ.	Изъ Холмской гимназіи.
110	5	Голышевнъ, Александръ Дмитріевичъ	Изъ Ташкентской гимназіи.
111	6	Григорьевъ, Сергій Васильевичъ.	Изъ Московскаго университета.
112	7	Живаго, Михаилъ Андреевичъ.	Изъ Нѣжинской гимназіи.
113	8	Крыловъ, Петръ Александровичъ.	Изъ Московскаго Университета.

Въ Нѣжинскую гимназію по древнимъ языкамъ.	Преподаватель 2-й Кіевской гимназіи.
Въ Бѣлоцерковскую гимназію по древнимъ языкамъ.	†
Въ Острожскую прогимназію по древнимъ языкамъ.	Преподаватель Острожской прогимназіи.
Въ Одесское реальное училище по географіи.	Преподаватель Одесскаго реального училища.
Въ Рижскую городскую гимназію по русскому языку.	Преподаватель Рижской городской гимназіи.
Въ Корочанскую гимназію по русскому языку.	Инспекторъ Корочанской гимназіи.

(1888-го года).

Въ Бѣлгородскую гимназію по древнимъ языкамъ.	Преподаватель Бѣлгородской гимназіи.
Въ Каменецъ-Подольскую гимназію по древнимъ языкамъ.	Преподаватель Каменецъ-Подольской гимназіи.
Въ Бѣлоцерковскую гимназію по древнимъ языкамъ.	Преподаватель Бѣлоцерковской гимназіи.
Въ 5-ую Варшавскую гимназію по древнимъ языкамъ.	Преподаватель 5-й Варшавской гимназіи.
Въ Нѣжинскую гимназію по древнимъ языкамъ.	Преподаватель Нѣжинской гимназіи.
Въ Воронежскую прогимназію по древнимъ языкамъ.	Преподаватель Воронежской прогимназіи.
Въ Рижскую Императора Николая I гимназію по древн. язык.	Преподав. Рижской Императ. Николая I гимназіи.
Въ Кіевскую 1-ю гимназію сверхштатн. преподав. по древ. яз.	†

114	9	Свидерскій, Александръ Саввичъ.	Изъ Кѣлецкой гимназіи.
115	10	Синичкинъ, Василій Петровичъ.	Изъ Московской Духовной Семинаріи.
116	11	Срѣтенскій, Викторъ Павловичъ.	Изъ Вятской гимназіи.
117	12	Тузенко, Владиміръ Дмитріевичъ.	Изъ Одесской Духовной Семинаріи.
118	13	Флёровъ. Константинъ Ивановичъ.	Изъ Тверской Духовной Семинаріи.
<i>Отдѣленіе историческое.</i>			
119	14	Кашпровскій, Евменій Иваповичъ.	Изъ Волынской Духовной Семинаріи.
120	15	Савва, Владиміръ Ивановичъ.	Изъ Кишиневской гимназіи.
121	16	Свѣтославскій, Павелъ Семеновичъ.	Изъ Нѣжинской гимназіи.
122	17	Удовенко, Николай Васильевичъ.	Изъ Харьковского Университета.
<i>Отдѣленіе Славяно-русское.</i>			
123	18	Кадлубовскій, Арсеній Петровичъ.	Изъ Нѣжинской гимназіи.
124	19	Каликевичъ, Адріанъ Саввичъ.	Изъ Холмской гимназіи.
125	20	Раичъ, Михаилъ Егоровичъ.	Изъ Калужской Духовной Семинаріи.
126	21	Шимковичъ, Константинъ Данилов.	Изъ Могилевской Духов. Семинаріи.

XII ВЫПУСКЪ

<i>Отдѣленіе древнихъ языковъ.</i>			
127	1	Аксельродъ, Александръ Павловичъ.	Изъ Варшавской гимназіи.

Холмскую гимназію по древнимъ языкамъ.

Ефремовскую прогимназію по русскому и латинск. языкамъ.

Нѣжинскую гимназію надзирателемъ.

Еваторинославскую гимназію воспитателемъ.

Нарвскую гимназію по древнимъ языкамъ.

Нѣжинскую гимназію надзирателемъ.

женск. гимназію Оболенской въ Харьковѣ по исторіи.

Холмскую гимназію по французскому языку.

вoboжденъ былъ отъ обязательной службы

женск. гимн. г-жи Оболенской въ Харьковѣ по русск. яз.

2-ю Варшавск. гимн. сверхшт. препода. по русскому языку.

Рижское реальное училище по русскому языку.

вoboжденъ былъ отъ обязательной службы

1888-го года).

Прагскую гимназію (въ Варшавѣ) по древнимъ языкамъ.

Преподаватель Холмской гимназіи.

Преподаватель Подольскаго уѣздн. училища.

Преподаватель Юрьевской гимназіи.

Преподаватель Аккерманской прогимназіи.

Преподаватель Нарвской гимназіи.

Надзиратель Нѣжинской гимназіи.

Преп. Харьк. Маріин. ж. гимн. и прив.-доц. Харьк. Унив.

Преподаватель Холмской гимназіи.

Наставникъ студ. и преподав. Нѣж. Ист.-Фил. Института.

Преподаватель Ловичской женской прогимназіи.

Преподаватель Рижскаго реального училища.

Преподаватель Могилевской женской гимназіи.

Преподаватель Прагской гимназіи.

128	2	Гуринъ, Николай Семеновичъ.	Изъ Кутаисской назіи.
129	3	Дмитріевъ, Михайль Павловичъ.	Изъ Кутаисской назіи.
130	4	Мионовъ, Ѳедоръ Аонасьевичъ.	Изъ Елатомской назіи.
131	5	Оболенскій, Григорій Васильевичъ.	Изъ Кіевскаго Университета.
132	6	Скивскій, Константинъ Константинъ.	Изъ Нѣжинской назіи.
133	7	Тюльпановъ, Константинъ Игнатьевъ.	Изъ Харьковскаго Университета.
134	8	Ярема, Владиміръ Дмитріевичъ.	Изъ Холмскаго назіи.
<i>Отдѣленіе историческое.</i>			
135	9	Гасюкъ, Николай Ивановичъ.	Изъ Новгородскаго назіи.
136	10	Джваришейшвили, Аонасій Ѳедоръ.	Изъ Кутаисской назіи.
137	11	Денисчукъ, Иванъ Космичъ.	Изъ Московскаго Университета.
138	12	Клюевъ, Николай Александровичъ.	Изъ Казанской назіи.
139	13	Коровицкій, Владиміръ Филаретовичъ	Изъ Кіевскаго Университета.
140	14	Локоть, Ѳедоръ Васильевичъ.	Изъ Нѣжинской назіи.
141	15	Шѣтуховъ, Григорій Матвѣевичъ.	Изъ Самарской назіи.
142	16	Товаревъ, Александръ Ивановичъ.	Изъ Таврической Духовн. Семинар.
<i>Отдѣленіе Славяно-русское.</i>			
143	17	Архангельскій, Сергѣй Николаевичъ	Изъ Тверской Духовн. Семинар.
144	18	Егоровъ, Ѳедоръ Павловичъ.	Изъ Ташкентской назіи.

Нѣжинское Греческое училище по русскому языку.	Преподаватель Корочапской гимназіи.
Кутаисскую гимназію по древнимъ языкамъ.	Преподаватель Кутаисской гимназіи.
Полангенскую прогимназію по древнимъ языкамъ.	Преподаватель Полангенской прогимназіи
	†
Эриванскую гимназію по древнимъ языкамъ.	Преподаватель Елисаветпольской гимназіи.
Глуховскую гимназію по древнимъ языкамъ.	Преподаватель Глуховской гимназіи.
Холмскую гимназію по древнимъ языкамъ.	Преподаватель Холмской гимназіи.
Красноярскую гимназію по русскому языку.	Преподаватель Красноярской гимназіи.
Тифлиск. 6-классн. прогимназ. помощн. классн. наставника.	Преподаватель 3-й Тифлиской гимназіи.
Камратское (Бессарабск. губ.) реальн. учил. по истор. и геогр.	Преподаватель Камратскаго реального училища.
Маріупольскую гимназію по исторіи и географіи.	Преподаватель Маріупольской гимназіи.
2-ю Кіевскую гимназію помощн. классн. наставн.	Преподаватель 1-й Варшавской прогимназіи.
Екатеринославскую гимназію по исторіи и географіи.	Преподаватель Екатеринославской гимназіи.
	Свѣдѣній не имѣется.
Екатеринославскую гимназію надзирателемъ при пансіонѣ.	Преподаватель Байрамчской учит. семин. (Бессар. губ.)
реальное училище Гуревича въ С.-Пб., воспитателемъ.	Преподаватель 5-й С.-Пб. гимназіи.
Ташкентскую женскую гимназію по русскому языку.	Преподаватель Ташкентской женской гимназіи.

145	19	Елашевичъ, Антопъ Казимировичъ.	Изъ Витебской Духовн. Семинарїи.
146	20	Занкевичъ, Александръ Филипповичъ	Изъ Литовской Духовн. Семинарїи.
147	21	Кашпуревъ, Алексѣй Степановичъ.	Изъ Черниговской Духовн. Семинарїи.
148	22	Корнелюкъ, Антонъ Игнатьевичъ.	Изъ Люблинской гимназіи.
149	23	Сребрянскій, Иванъ Васильевичъ.	Изъ Московскаго Университета.
150	24	Черногоровъ, Гавріилъ Андреевичъ.	Изъ Кіевской 3-ей гимназіи.
151	25	Чивидовскій, Василій Сергѣевичъ.	Изъ Слуцкой гимназіи.
152	26	Швилевъ, Николай Петровичъ.	Изъ Нѣжинской гимназіи.

XII ВЪПУСКЪ

<i>Отдѣленіе древнихъ языковъ.</i>			
153	1	Даниловъ, Алексѣй Васильевичъ.	Изъ Симбирской гимназіи.
154	2	Живаго, Степанъ Андреевичъ.	Изъ Нѣжинской гимназіи.
155	3	Крашенинниковъ, Михаилъ Павлов.	Изъ Симбирской гимназіи.
156	4	Тараринъ, Евграфъ Федоровичъ.	Изъ Нѣжинской гимназіи.
157	5	Шоппо, Георгій Яковлевичъ.	Изъ Витебской Духовн. Семинарїи.
<i>Отдѣленіе историческое.</i>			
158	6	Бекаревичъ, Григорій Ефимовичъ.	Изъ Нѣжинской гимназіи.
159	7	Быстрицкій, Михаилъ Никитичъ.	Изъ Московскаго Университета.

Въ Мелитопольское реальн. учил. по русскому языку.	Преподаватель Мелитопольскаго реального училища.
Во 2-ую Виленскую гимназію по русскому и латинск. языкамъ.	Преподаватель 2-й Виленской гимназіи.
Въ Новгородсѣверскую гимназію по древнимъ языкамъ.	Преподаватель Новгородсѣверской гимназіи.
Въ Люблинскую гимназію по древнимъ языкамъ.	Преподаватель Юрьевской гимназіи.
Въ Воронежск. реальн. учил. помощникомъ класн. наставн.	Преподаватель Воронежской прогимназіи.
Въ Бердянскую гимназію по русскому языку.	Преподаватель Симферопольской гимназіи.
Въ Гомельскую прогимназію по русскому языку.	Преподаватель Гомельской прогимназіи.
Въ Нѣжинскую гимназію надзирателемъ.	Преподаватель Пермской гимназіи.

(1890-го года).

Въ Благовѣщенскую гимназію по древнимъ языкамъ.	Преподаватель Благовѣщенской гимназіи.
Въ Лубенскую гимназію воспитателемъ.	Преподаватель Глуховской гимназіи.
Въ Витебскую гимназію помощникомъ класн. наставника.	Преподаватель Бобруйской прогимназіи.
Поступилъ въ Новочеркасское юнкерское училище.	Свѣдѣній не имѣется.
Въ Шавельскую гимназію по древнимъ языкамъ.	Преподаватель Шавельской гимназіи.
Въ Перновское городское училище.	Преподаватель Ревельской гимназіи Импер. Николая I.
Въ Царицынскую гимназію помощникомъ класн. наставн.	Свѣдѣній не имѣется.

160	8	Васильевъ, Алексѣй Павловичъ.	Изъ Калужской гимназіи.
161	9	Голубевъ, Александръ Владиміровъ.	Изъ Новгородсѣверской гимназіи.
162	10	Гукъ, Андрей Павловичъ.	Изъ Нѣжинской гимназіи.
163	11	Катинъ, Николай Яковлевичъ.	Изъ Московскаго университета.
164	12	Невзоровъ, Павелъ Серафимовичъ.	Изъ Уральской Духовной Семинаріи.
165	13	Татариновъ, Михаилъ Гавриловичъ.	Изъ С.-Петербуржскаго Университета.
<i>Отдѣленіе Славяно-русское.</i>			
166	14	Козловскій, Михаилъ Григорьевичъ	Изъ Могилевской Духовн. Семинаріи.
167	15	Малинка, Александръ Никифоровичъ	Изъ С.-Пб. Историко-филол. Института.
168	16	Михалевичъ, Левъ Ивановичъ.	Изъ Кіевскаго Университета.
169	17	Рѣзановъ, Владиміръ Ивановичъ.	Изъ Курской гимназіи.

XIII ВЫПУСКЪ

<i>Отдѣленіе древнихъ языковъ.</i>			
170	1	Гусевъ, Иванъ Егоровичъ.	Изъ С.-Пб. Историко-филол. Института.
171	2	Самойловъ, Максимъ Ивановичъ.	Изъ Нѣжинской гимназіи.
<i>Отдѣленіе историческое.</i>			
172	3	Донченко, Михаилъ Ивановичъ.	Изъ Нѣжинской гимназіи.
173	4	Мельникоуъ, Михаилъ Семеновичъ.	Изъ Прилузской гимназіи.

Въ Томское Алексѣевское реальн. училище по русскому языку.	Преподав. Томск. Алексѣевск. реальн. училища.
Въ Троицкосавскую женскую гимназію по русскому языку.	Преподаватель Троицкосавской женской гимназіи.
Въ Глуховскую гимназію помощникомъ классн. наставн.	Преподаватель Корочанской гимназіи.
Во 2-й Оренбургскій Кадетскій Корпусъ по исторіи.	Преподав. 2-го Оренбургскаго Кадетскаго Корпуса.
Въ Оренбургскую гимназію помощникомъ классн. наставн.	Преподаватель Юрьевской гимназіи.
Въ Курскій дворянскій пансіонъ воспитателемъ.	Преподават. Курской частной женской гимназіи.
Въ Бѣлоцерковскую гимназію по русскому языку.	Преподаватель Шавельской гимназіи.
Во 2-ю Кіевскую гимназію надзирателемъ.	Преподаватель Острожской прогимназіи.
Въ Измаильскую женскую прогимназію по русскому языку.	Преподаватель Измаильской мужск. прогимназіи.
Въ Курскую частную жепск. гимназію по русскому языку.	Преподав. Курской частной женской гимназіи.

1891-го года).

Въ Симферопольскую гимназію по русскому языку.	Преподаватель Симферопольской гимназіи.
Въ 1-ю Кишиневскую гимназію по древнимъ языкамъ.	Преподаватель 1-й Кишиневской гимназіи.
Въ Либавское реальное училище по русскому языку.	Преподаватель Либавскаго реального училища.
Въ Митавское реальное училище по исторіи и географіи.	Преподаватель Митавскаго реального училища.

174	5	Неѣловъ, Антоній Васильевичъ.	Изъ С.-Пб. Историч. филол. Института.
175	6	Стефанѣвъ Михайлъ Михайловичъ	Изъ Нѣжинской гимназіи.
<i>Отдѣленіе Славяно-русское.</i>			
176	7	Долгій, Николай Петровичъ.	Изъ Нѣжинской гимназіи.
177	8	Паливода, Григорій Ивановичъ.	Изъ Нѣжинской гимназіи.
178	9	Терещенко, Никифоръ Трофимовичъ	Изъ Черниговской гимназіи.
179	10	Шуневичъ-Жицкій, Матвѣй Никол.	Изъ Житомирской гимназіи.
180	11	Хмѣлевскій, Владиміръ Михайловичъ	Изъ Черниговской гимназіи.

XIV ВЫПУСКЪ

<i>Отдѣленіе древнихъ языковъ.</i>			
181	1	Войцеховичъ, Андрей Варооломеев.	Изъ Нѣжинской гимназіи.
182	2	Падалка, Гавріиль Павловичъ.	Изъ Нѣжинской гимназіи.
183	3	Ястремскій, Василій Ефимовичъ.	Изъ Харьковской Духовной Семинаріи.
<i>Отдѣленіе историческое.</i>			
184	4	Булатовъ, Владиміръ Венедиктовичъ	Изъ Елецкой гимназіи.
185	5	Затворицкій, Георгій Митрофанов.	Изъ Нѣжинской гимназіи.
186	6	Луцьянчиковъ, Константинъ Никол.	Изъ Воронежской гимназіи.
187	7	Маневичъ, Константинъ Яковлевичъ	Изъ Прилукской гимназіи.

Въ Нѣжинскую женскую гимназію по исторіи и географіи.

Въ Читинскую гимназію по русскому и древн. языкамъ.

Въ Ялтинскую прогимназію по русскому языку.

Въ 1-ю Виленскую гимназію надзирателемъ

Въ Николаевское Александровское реальн. учил. по русск. яз.

Въ Житомирскую прогимназію воспитателемъ.

Освобожденъ былъ отъ обязательной службы по М. Н. Пр.

Преподаватель Нѣжинской женской гимназіи.

Преподаватель Читинской гимназіи.

Преподаватель Ялтинской прогимназіи.

Надзиратель при 1-й Виленской гимназіи.

Преподаватель Николаевского реальн. училища.

Воспитатель при Житомирск. прогимназіи.

Чиновникъ вѣдомства Государств. Контроля.

(1892-го года).

Въ 1-ю Виленскую гимназію смотрител. ученической квартиры.

Въ Борисоглѣбскую прогимназію по древнимъ языкамъ.

Въ Елецкое уѣздное училище.

Въ Благовѣщенскую женскую гимназію по исторіи и географіи.

Освобожденъ былъ отъ обязательной службы въ М. Н. Пр.

Поступилъ на службу при Здобуновскомъ желѣзнодорож. учил.

Смотритель учен. кварт. при 1-й Виленской гимназіи.

Преподаватель Черновской гимназіи.

Преподаватель Благовѣщенской женской гимназіи.

Податной инспекторъ въ Воронежской губ.

Преподав. Дедекральской учит. семинаріи.

188	8	Чебоненко (онъ же Шутиковъ), Николай Ивановичъ.	Изъ Слуцкой гимназіи.
189	9	Флеришъ, Павелъ Алексѣевичъ.	Изъ Московской Духовной Семинаріи.
<i>Отдѣленіе славяно-русское.</i>			
190	10	Гончаровъ, Владиміръ Борисовичъ.	Изъ Саратовской гимназіи.
191	11	Коноваловъ, Сергій Осдоровичъ.	Изъ Нѣжинской гимназіи.
192	12	Ходзицкій, Захарій Григорьевичъ.	Изъ Киевской Духовной Семинаріи.

ЖУ ВЫПУСКЪ

<i>Отдѣленіе историческое.</i>			
193	1	Бугославскій Владиміръ Михайлов.	Изъ Новгородскаго Духовнаго Семинаріи.
194	2	Волковъ, Григорій Яковлевичъ.	Изъ Нѣжинской гимназіи.
195	3	Корбелецкій, Яковъ Михайловичъ.	Изъ Черниговской Дух. Семинаріи.
196	4	Макке, Алексѣй Григорьевичъ.	Изъ Пермской гимназіи.
197	5	Назарьевъ, Сергій Александровичъ.	Изъ Вятской гимназіи.
198	6	Постернаковъ, Александръ Филипп.	Изъ Нѣжинской гимназіи.
199	7	Пршибысовъ, Николай Тимоѣевичъ.	Изъ Нѣжинской гимназіи.
200	8	Рукавишниковъ, Антонъ Львовичъ.	Изъ Ставропольской гимназіи.
<i>Отдѣленіе славяно-русское.</i>			
201	9	Безишъ, Карлъ Карловичъ.	Изъ Оренбургской гимназіи.

Въ Ревельскую Александровскую гимназ. помощн. классн. наст.

Въ 1-ю Виленскую гимназію надзирателемъ ученич. квартиры.

Въ Саратовскую гимназію воспитателемъ.

Въ Юрьевское реальное училище помощникомъ классн. наставн.

Преподаватель Митавскаго реального училища.

Надзиратель 1-й Виленской гимназіи.

Преподаватель Саратовской гимназіи.

†

Преподаватель Юрьевскаго реального училища.

(1893-го года).

Въ частное училище въ г. Вольмарѣ (Лифл. губ.).

Въ Роменскую женскую гимназію по исторіи и географіи.

Въ Черниговскую гимназію воспитателемъ пансіона.

Въ Евпаторійскую прогимназію учителемъ приготовит. класса.

Въ Вятское реальное училище учителемъ приготов. класса.

Въ Мариупольскую женскую гимназію по исторіи и географіи.

Освобожденъ отъ обязательной службы по М. Н. Пр.

Въ Ставропольскую гимназію.

Въ Троицкую гимназію по русск. и древнимъ языкамъ.

Преподаватель частн. училища въ г. Вольмарѣ.

Преподаватель Роменской женской гимназіи.

Воспитатель пансіона при Черниговской гимназіи.

Преподаватель Евпаторійской прогимназіи.

Преподаватель Вятскаго реального училища.

Преподаватель Мариупольской женской гимназіи.

Чиновникъ въ Эстляндскомъ Губернск. Акц. Управл.

Преподаватель Ставропольской гимназіи.

Преподаватель Троицкой гимназіи.

202	10	Кузнецовъ, Константинъ Констант.	Изъ Пермской гимназіи.
203	11	Кузнецовъ, Степанъ Васильевичъ.	Изъ Оренбургской гимназіи.
204	12	Бувлинъ, Иванъ Васильевичъ.	Изъ Курской гимназіи.

ЖУІ ВЫПУСКЪ

<i>Отдѣленіе историческое.</i>			
205	1	Грищенко, Андрей Васильевичъ.	Изъ Нѣжинской гимназіи.
206	2	Ковальскій, Валентинъ Ивановичъ.	Изъ Кіевской Духовнои Семинаріи.
207	3	Цыркунъ, Александръ Николаевичъ.	Изъ Черниговской гимназіи.

ЖУІІ ВЫПУСКЪ

<i>Отдѣленіе древнихъ языковъ.</i>			
208	1	Алексѣевъ, Сергѣй Николаевичъ.	Изъ Калужской гимназіи.
209	2	Баршевъ, Алексѣй Ивановичъ.	Изъ Нѣжинской гимназіи.
210	3	Колтановскій, Николай Лукичъ.	Изъ Житомирской гимназіи.
211	4	Малюга, Борисъ Николаевичъ.	Изъ Минской гимназіи.
212	5	Овинчицъ, Иванъ Константиновичъ.	Изъ Нѣжинской гимназіи.
<i>Отдѣленіе историческое.</i>			
213	6	Абуладзе Платонъ Христофоровичъ.	Изъ Кутаисской гимназіи.

Въ Рижскую Александровскую гимназію по русскому языку.
Въ Преславскую учительскую семинарію наставникомъ.

Преподаватель Рижской Александровской гимназіи.
Преподаватель Преславской учительской семинарии.

(1894-го года).

Въ Θεодосійскую женскую гимназію по исторіи.
Въ Керченскую гимназію по латинскому языку.
Въ Черниговскую гимназію воспитателемъ при пансіонѣ.

Преподаватель Θεодосійской женской гимназіи.
Преподаватель Керченской гимназіи.
Воспитатель Черниговской гимназіи.

(1895-го года).

Въ Оренбургскую гимназію по древнимъ языкамъ.
Въ Томскую мужскую гимназію по древнимъ языкамъ.

Въ Семипалатинскую мужскую гимназію по древнимъ языкамъ.

Въ Елизаветпольскую мужскую гимназію по древнимъ языкамъ.

214	7	Горбуновъ, Николай Тимоосевичъ.	Изъ Троицкой гимназіи.
215	8	Корейша, Яковъ Александровичъ.	Изъ Черниговской Дух. Семинаріи.
216	9	Ромасюковъ, Трофимъ Ивановичъ.	Изъ Нѣжинской гимназіи.
217	10	Феллеръ, Ѳеодоръ Юльевичъ.	Изъ Елецкой гимназіи.
218	11	Шабердинъ, Василій Васильевичъ	Изъ Екатеринбургской гимназіи.
219	12	Шостацкій, Евгеній Клеониковичъ.	Изъ Университета Св. Владиміра.
220	13	Черноусовъ, Евгеній Александровичъ	Изъ Нѣжинской гимназіи.
<i>Отдѣленіе славяно-русское.</i>			
220	41	Александровичъ, Александръ Иванов.	Изъ Мариупольской гимназіи.
221	15	Кунцевичъ, Георгій Захарьевичъ.	Изъ Курской гимназіи.
222	16	Смѣльницкій, Иванъ Николаевичъ.	Изъ Черниговской Дух. Семинаріи.
223	17	Тальвинскій, Александръ Ивановичъ	Изъ Черниговской Дух. Семинаріи.
224	18	Ѳеодоровъ, Александръ Порфирьев.	Изъ Глуховской гимназіи.

- Въ Кубанское реальное училище по исторіи и географіи.
- Въ Иркутскую женскую гимназію по исторіи и географіи.
- Въ Одесскую Ришельевскую гимназію воспитателемъ.
- Въ Глуховскую гимназію воспитателемъ.
- Въ Екатеринбургскую гимназію воспитателемъ.
- Въ Юрьевское реальное училище по исторіи и русскому языку.
- Въ Мариупольскую гимназію сверхштатн. учителемъ.
- Въ Двинское реальное училище по русскому языку.
- Въ Томскую женскую гимназію по русскому языку.
- Въ Луцкую прогимназію по латинскому и русскому языкамъ.
- Въ Владикавказское реальное училище воспитателемъ.

СПИСОКЪ

студентовъ, выбывшихъ изъ Института до окончанія курса.

(Студенты, отмѣченные *, выбыли изъ Института по выдержаніи переводнаго испытанія за тотъ курсъ, который противъ каждаго изъ нихъ проставленъ).

№№ по порядку.	Фамилія и имя студента и годъ выбытія.	Въ какомъ году и от- куда поступилъ.	Изъ какого курса вы- былъ
	1876.		
1	Свавицкій Николай.	1875 изъ Владимір- ской Дух. Семин.	I.
2	Шамаховъ Сергѣй.	1875 изъ С.-Пб. Ист.- Фил. Института.	I.
3	Яхновъ Теофанъ.	1875 изъ Харьковска го Университета.	I.
	1877.		
4	Лебедевъ Сергѣй.	1876 изъ Московской Духовной Семин.	I.
5	Назаревскій Иванъ.	1877 изъ Харьковской 1-й гимназіи.	I.
6	Яценко Митрофанъ.	1875 изъ Чернигов- ской Дух. Семин.	I.
	1878.		
7	Докучаевъ Ефремъ.	1877 изъ Демидовска- го Юрид. Лицея.	I.
8	Краузе Владиміръ.	1877 изъ Могилевской гимназіи.	I.
9	Переверзевъ Николай.	1875 изъ Орловской Духовн. Семинаріи.	III.
	1879.		
10	Діомидовъ Павель.	1875	III.
11	Діомидовъ Петръ.	изъ Орловской Дух. Семин.	
12	Мицевичъ Теофилъ.	1878 изъ Волынской Духовн. Семинаріи.	I.

1880.		
13	Ивановъ Василій.	1879 изъ Воронежской Духовн. Семинаріи. I.
14	Комягинскій Николай.	1879 изъ Орловской Духовн. Семинаріи. I.
15	Садовскій Андрей.	1878 изъ Курской Духовн. Семинаріи. *II.
16	Скальскій Петръ.	1878 изъ Могилевской Дух. Семинаріи. I.
1881.		
17	Гомеровъ Евлампій.	1879 изъ Кіевскаго Университета. *II.
18	Владиміровъ Федоръ.	1879 изъ Нѣжинской гимназіи. } *II.
19	Волковскій Федоръ.	
20	Шпигель Николай.	1879 изъ Перновской гимназіи. *II.
21	Хоружинскій Иванъ.	1879 изъ Харьковскаго Университета. II.
22	Федоровъ Василій.	1880 изъ Харьковскаго Университета. I.
1882.		
23	Добровольскій Николай.	1881 изъ Нѣжинской гимназіи. I.
24	Домонтовичъ Константинъ	1882 изъ Кіевскаго Университета. I.
25	Кочержинскій Федоръ.	1879 изъ Кіевской 2-й гимназіи. III.
26	Малининъ Борисъ.	1881 изъ Тверской Духовн. Семинаріи. *I.
27	Обозненко Николай.	1881 изъ Черниговской гимназіи. I.
28	Соколовъ Сергѣй.	1879 изъ Астраханской Дух. Семинаріи. II.

1883.			
29	Андреевъ Михайль.	1882 изъ Нѣжинской гимназіи.	I.
30	Введенскій Василій.	1882 изъ Тверской Духовн. Семинаріи.	I.
31	Баранъ Петръ.	1879 изъ Черниговской Дух. Семинаріи.	*III.
32	Богословскій Николай.	1882 изъ Черниговской Дух. Семинаріи.	I.
33	Бржезинскій Александръ	1880 изъ Нѣжинской гимназіи.	*III.
34	Бржезинскій Петръ.		
35	Булашевъ Василій.	1882 изъ Таврической Духовн. Семинаріи.	I.
36	Бѣлорусосвъ Никаноръ.	1879 изъ С.-Пб. Ист.-фил. Института.	*III.
37	Василенко Леонтій.	1882 изъ Кіевскаго Университета.	I.
38	Виноградскій Василій.	1882 изъ Черниговской Дух. Семинаріи.	I.
39	Голушкевичъ Александръ	1880 изъ Нѣжинской гимназіи.	III.
40	Георгіевскій Сергѣй.	1879 изъ Смоленской Духовн. Семинаріи.	II.
41	Головинъ Николай.	1883 изъ Нѣжинской гимназіи.	I.
42	Гурновъ Серафимъ.	1882 изъ Орловской Духовн. Семинаріи	I.
43	Добрянскій Андрей.	1882 изъ Черниговской Дух. Семинаріи.	I.
44	Дружининъ Леонтій.	1880 изъ Рязанской Духовн. Семинаріи.	II.
45	Заринскій Иванъ.	1881 изъ Тверской Духовн. Семинаріи.	I.
46	Знойко Николай.	1881 изъ Новгородсѣверской гимназіи.	II.
47	Игнатенко Иванъ.	1880 изъ Нѣжинской гимназіи.	*III.

48	Извъковъ Александръ.	1881 изъ Калужской Духовн. Семинаріи.	II.
49	Клитинъ Ивапъ.	1879 изъ Смоленской Духовн. Семинаріи.	*III
50	Котовичъ Василій.	1882 изъ Могилевской Духовн. Семинаріи.	I.
51	Косминскій Александръ.	1880 изъ Орловской Дух. Семинаріи.	*III.
52	Лебедевъ Ивапъ.	1882 изъ Смоленской Дух. Семинаріи.	I.
53	Лефевръ Александръ.	1883 изъ Калишской гимназіи.	I.
55	Лобатынскій Сергѣй.	1881 изъ Подольской Духовн. Семинаріи.	II.
55	Минченковъ Митрофанъ.	1881 изъ Нѣжинской гимназіи.	*II.
56	Пляшевевичъ Ивапъ.	1880 изъ Смоленской Дух. Семинаріи.	*II.
57	Преображенскій Алексѣй	1881 изъ Орловской Дух. Семинаріи.	II.
58	Рубинскій Константинъ.	1880 изъ Нѣжинской гимназіи.	*III.
59	Сарычевъ Николай.	1882 изъ Нѣжинской гимназіи.	*II.
66	Сиземскій Василій.	1882 изъ Вологодской Дух. Семинаріи.	I.
61	Скорзна Василій.	1881 изъ Могилевской Дух. Семинаріи.	II.
62	Соловьевъ Петръ.	1879 изъ Вологодской Дух. Семинаріи.	III.
63	Смольяниковъ Павель.	1881 изъ Воронежской Дух. Семинаріи.	*II.
64	Стасюковъ Григорій.	1880 изъ Чернигов- ской гимназіи.	II.
65	Терпсихоровъ Всеволодъ.	1880 изъ Симбирской гимназіи.	II.
66	Тимажевъ Константинъ.	1879 изъ Казанскаго Университета.	*III.
67	Черипевскій Дмитрій.	1881 изъ Тамбовской Дух. Семинаріи.	*II.

68	Швачка Илья.	1881 изъ Нѣжинской гимназіи.	*II.
69	Шляковъ Николай.	1881 изъ Ярославской гимназіи.	*II.
70	Федоровъ Василій.	1881 изъ Нѣжинской гимназіи.	*II.
1884.			
71	Абрамовъ Александръ.	1881 изъ Нѣжинской гимназіи.	*III.
72	Билинскій Гасонъ.	1881 изъ Полтавской Дух. Семинаріи.	*III.
73	Дьяконовъ Лука.	1881 изъ Нѣжинской гимназіи.	*III.
74	Лихотинскій Сергѣй.	1883 изъ Московскаго Университета.	II.
75	Литвиновскій Михаилъ.	1881 изъ Могилевской Дух. Семинаріи.	*II.
76	Рождественскій Иванъ.	1881 изъ Тверской Духовн. Семинаріи.	*III.
77	Тихановичъ Николай.	1883 изъ Харьковск. Унив. (на 2 курсъ).	II.
78	Цисаръ Тимофей.	1882 изъ Подольской Дух. Семинаріи.	*II.
79	Шимановскій Василій.	1881 изъ Полтавской Дух. Семинаріи.	*III.
1885.			
80	Бокадоровъ Василій.	1884 изъ Одесской Ришельевской гимп.	*I.
81	Слѣсаревскій Николай.	1885 изъ Кіевской 3-й гимназіи.	I.
82	Тимковъ Александръ.	1884 изъ Ковенской гимназіи.	*I.
1886.			
83	Дѣтскій Викторъ.	1881 изъ Кіевской 1 гимназіи.	I.

	1887.		
84	Бочкаровъ Вячеславъ.	1886 изъ Псковской гимназіи.	I.
85	Дворянскій Григорій.	1886 изъ Нѣжинской гимназіи.	I.
86	Куклинъ Михаилъ.	1886 изъ Иркутской гимназіи.	*I.
87	Лавровъ Александръ.	1886 изъ Калужской гимназіи.	*I.
88	Малевскій Владиміръ.	1885 изъ Казанской 2-й гимназіи.	II. (по бо- лѣзани)
	1888.		
89	Аршаница Иларіонъ.	1887 изъ Нѣжинской гимназіи.	I.
90	Васильевъ Николай.	» » » »	*I.
91	Друговъ Александръ.	» » » »	I.
92	Карлинскій Сергѣй.	1884 изъ Сумской гимназіи.	III. (по бо- лѣзани)
93	Лисянскій Михаилъ.	1887 изъ Кіевской 3-й гимназіи.	*I.
94	Михайловскій Дмитрій.	1887 изъ Нѣжинской гимназіи.	*I.
95	Тарасевичъ Иванъ.	1886 изъ Черниговской Дух. Семина.	II.
96	Фаворитовъ Григорій.	1887 изъ Черниговской гимназіи.	I.
	1889.		
97	Бочковскій Иванъ.	1886 изъ Нѣжинской гимназіи.	II. (по бо- лѣзани)
98	Гречинскій Степанъ.	1888 изъ Черниговской гимназіи.	I.
99	Нестеровъ Дмитрій.	1887 изъ Нѣжинской гимназіи.	*II.
100	Павловичъ Иванъ.	1887 » » »	I.

101	Семеновичъ Фавстъ.	1887 изъ Нѣжинской гимназіи.	II.
102	Сухановъ Осдоръ.	1887 » » »	II.
103	Тулиновъ Николай.	1888 изъ Бѣлгородской гимназіи.	*I.
104	Устиновъ Григорій.	1887 » » »	*II.
105	Харламовъ Михаилъ.	1887 » » »	*II.
1890.			
106	Икономовъ Владиміръ.	1887 изъ Нѣжинской гимназіи.	*II.
107	Спилюти Николай.	1888 изъ Нѣжинской гимназіи.	II.
1891.			
108	Красновъ Леонидъ.	1890 изъ Рязанской Духовн. Семинаріи.	I.
109	Рознатовскій Дмитрій.	1890 изъ Черниговской Дух. Семинар.	I.
1892.			
110	Дроздовскій Евгений.	1891 изъ Кіевского Университета.	I.
1893.			
111	Артюшковъ Алексѣй.	1892 изъ Орловской гимназіи.	*I.
112	Голубъ Константинъ.	1892 изъ Харьковск. Унив. (на 2 курсъ).	II.
113	Минченко Павелъ.	1892 изъ Нѣжинской гимназіи.	I.
1894.			
114	Бруй Анатолій.	1893 изъ 3-й Кіевской гимназіи.	I. (по бо- дѣзани)
115	Котляровъ Сергѣй.	1893 изъ Нѣжинской гимназіи.	I.

116	Малѣвъ Оедоръ.	1894 изъ Корочанской гимназіи.	I.
117	Таргоній Константинъ.	1893 изъ 4 Кіевской гимназіи.	I.

СПИСОКЪ

Студентовъ умершихъ во время прохожденія курса въ Институтѣ.

№ по порядку.	Фамилія и имя студента и годъ смерти.	Въ какомъ году и от- куда поступилъ.	На какомъ курсѣ умеръ.
	1876.		
1	Степиковскій Тихонъ.	1875 изъ Волынской Духовн. Семинаріи.	I.
	1878.		
2	Вознесенскій Александръ	1877 изъ С.-Пб. Ист.- фил. Института.	I.
3	Покровскій Юсефъ.	1875 изъ Курской Духовн. Семинаріи.	IV.
4	Стефановскій Андроникъ	1876 изъ Воронежской Дух. Семинаріи.	II.
	1879.		
5	Предтеченскій Констант.	1878 изъ С.-Пб. И.-ф. Инстит. (на 2 курсѣ)	II.
	1880.		
6	Надеждинъ Викторъ.	1879 изъ С.-Пб. Ист.- фил. Института.	I.
	1881.		
7	Звѣревъ Гавріиль	1880 изъ Смоленской Дух. Семинаріи.	II.
8	Кротковъ Александръ.	1880 изъ С.-Пб. И.-ф. Инст. (на 3 курсѣ).	IV.
	1882.		
9	Евфиміевъ Викторъ.	1881 изъ Тамбовской Дух. Семинаріи.	II.

	1883.		
10	Бонашевскій Сергѣй,	1879 изъ Нѣжинской гимназіи.	IV.
11	Нестеровскій Стефанъ.	1881 изъ Полтавской Дух. Семинаріи.	II.
	1887.		
12	Козловъ Петръ.	1887 изъ Нѣжинской гимназіи.	I.
	1888.		
13	Гриневъ Кронидъ.	1887 изъ Московскаго Университета.	I.
	1890.		
14	Быковъ Иванъ.	1887 изъ Московскаго Унив. (на 2 курсъ).	IV.
	1891.		
15	Гусевъ Михаилъ.	1887 изъ С.-Пб. Ист. фил. Института	IV.
	1892.		
16	Цырульниковъ Констант.	1891 изъ Ставрополь- ской гимназіи.	II.
	1893.		
17	Почовъ Василій.	1891 изъ Орловской Духовн. Семинаріи.	II.

ПЕРЕЧЕНЬ

печатнымъ трудамъ бывшихъ студентовъ Института.

(Этотъ расположенный въ алфавитномъ порядкѣ фамилій авторовъ перечень составленъ почти исключительно по свѣдѣнїямъ, доставленнымъ самими авторами, къ 1-му Декабря 1894 г. Римская цифра, въ скобкахъ прибавленная къ фамилии автора, обозначаетъ выпускъ).

Адамовъ, П. А. (III).

1. О воспитательномъ значенїи сочиненїй А. С. Пушкина. (Филолог. Записки 1892 г. № 1).
2. Къ вопросу о русскомъ правописанїи (тамъ-же 1892, № 3).
3. Взглядъ на личность и литературную дѣятельность И. С. Тургенева. (тамъ-же 1892, № 6, и 1893, № 1).
4. Къ вопросу о русскомъ правописанїи. Статья 2-я (тамъ-же 1893, № 3).
5. Нападки на учителей («Гимназія», 1893 г.).
6. О методѣ преподаванїя русской словесности (Филол. Записки 1894).

Антонюкъ, Ю. П. (I).

1. О воспитанїи и обученїи у Авинянъ. (Отчетъ 2-й Киевской гимназіи за 1879/₈₀ уч. г.).

Барсовъ, П. И. (I).

1. О языкѣ, какъ основѣ національности (Отчетъ Каменецъ-Подольской гимназіи за 188⁶/₇ уч. г.).

Брайловскій, С. Н. (VI).

I. Въ Журн. Мин. Нар. Просв.

1. Разборъ диссертациі Мочульскаго «Историко-литературный анализъ стиха о Голубиной книгѣ»; 1888. Октябрь.

2. Рецензія на книгу гр. Милорадовича «Письма Василя Ивановича Туманскаго и неизданныя его стихотворенія»; 1891. Августъ.
3. Рецензія на изданіе Ровинскаго «Букварь, изготовленный монахомъ Каріопомъ Истоминымъ для обученія царевича Алексѣя Петровича»; 1891. Августъ.
4. «Къ біографіи Каріона Истомина»; 1891. Августъ.
5. «Девятая сатира Кантемара по вновь найденному списку»; 1892. Іюль.
6. «Къ біографіи Теофана Прокоповича»; 1893. Іюнь.
7. «Ѳедоръ Поликарповичъ Поликарповъ, директоръ Московской типографіи». 1894.

II. Въ «Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ»:

8. «Похоронная причеть южно-русскаго края»; 1884; т. XII.
9. Отношенія инока Чудовскаго монастыря Евѳимія къ С. Полоцкому и С. Медвѣдеву; 1889. т. XXII.
10. Кого надо считать авторомъ «Созерцанія» (такъ называемыхъ записокъ С. Медвѣдева о стрѣльцкомъ бунтѣ въ правленіе царевны Софіи)? 1890. т. XXIII.
11. «Филологическіе труды Епифанія Славинецкаго»; 1890. т. XXIII и XXIV.
12. «Къ вопросу о методѣ изслѣдованія произведеній древней русской литертуры»; 1891. т. XXVI.
13. «О словарѣ Амвросія Калетена»; 1892 т. XXVII.
14. Кромѣ того, за 1884—1894 г., рядъ рецензій на книги по педагогикѣ, литературѣ и грамматикѣ.

III. Въ «Филологическихъ Запискахъ» Хованскаго.

15. «Къ вопросу о положеніи русской женщины по бытовымъ пѣснямъ русскаго народа»; 1886. вып. I.
16. «Памяти П. П. Котляревскаго»; 1889. вып. II.
17. «Нѣсколько словъ по поводу народныхъ пѣсенъ о женской долѣ»; 1890 г., вып. I.
18. «Замѣтка о преподаваніи исторіи русской литературы въ женскихъ гимназіяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія»; 1890. вып. II.
19. «Замѣтка по поводу вопроса о памятникѣ Н. В. Гоголю въ Москвѣ»; 1890. вып. VI.
20. «Изъ прошлаго отечественной литературы. Л. Е. Измайловъ, кн. Горчаковъ и гр. Ростопчина. Историко-литературные очерки»; 1891. вып. VI; 1892. вып. I, III, IV.

21. А. В. Кольцовъ. Разборъ произведеній для VII вл. гимназій; 1893. вып. I.
22. М. Ю. Лермонтовъ. Разборъ произведеній для VII вл. гимназій; 1893. вып. II.—III.—IV.
23. Краткій курсъ теоріи слога, прозы и поэзіи; 1894.
24. Н. В. Гоголь. Разборъ произведеній для VII вл. гимназій; 1894.
25. Кромѣ того, съ 1886 по 1894 г., рядъ рецензій на учебники по русской грамматикѣ и по литературѣ (подъ своею фамиліею и подъ псевдонимами «Ольгинъ» и «Королевъ»).

IV. Въ «Русской Школѣ»:

26. Организация занятій въ VIII (педагогическомъ) классѣ женскихъ гимназій; 1892. Февраль.
27. Оборона Лермонтовской «Пѣсни про царя Ив. Васильевича, молодого опричника и удалаго купца Калашникова»; 1893. Іюль—Августъ.
28. Годовщина Новгородсѣверской воскресной школы; 1894. Май—Іюнь.

V. Въ «Историческомъ Вѣстникѣ»:

29. Атаманъ Купчинскій (разсказъ); 1893 Іюнь.
30. Могилевская церковная смута (разсказъ); 1893. Ноябрь.

VI. Въ «Чтеніяхъ въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія»:

31. Каріонъ Истомино; 1889. Апрѣль—Іюнь.
32. Очерки изъ исторіи просвѣщенія въ Московской Руси въ XVII ст. Первый очеркъ—«Чудовскій инокъ Евѣимій»; 1890. Мартъ. Второй очеркъ—«Чудовскій инокъ Евѣимій, какъ справщикъ»; 1890. Сентябрь.

VII. «Въ Библиографѣ».

33. Новый вариантъ повѣсти о сраченіи Господа нашего Иисуса Христа; 1889 № 1.
34. О старинномъ острословіи: а) Кто былъ авторомъ «Службы на бывшаго въ Академіи наукъ директоромъ господина Домашнева» и «Челобитной отъ ера»? б) «Еще образчикъ стариннаго остроловія»; 1894. № 1.

VIII. Въ другихъ журналахъ и повременныхъ изданіяхъ:

35. Малорусская похоронная причетъ и ея мнѣологическое значеніе (Кіевск. Старина, 1885. Сентябрь).

36. 25-лѣтіе русскаго филологическаго журнала. (Русскія Вѣдомости, 1886, № 350; перепечатано потомъ г. Хованскимъ въ юбилейномъ сборникѣ «Двадцатипятилѣтній юбилей изданія Филологическихъ Записокъ».).
37. В. И. Туманскій (письма Пушкина, Бестужева, Кюхельбекера и др.) (Русск. Старин. 1890. Августъ).
38. Василій Ивановичъ Туманскій. (Пантеонъ Литературы, 1890. Сентябрь—Октябрь).
39. Этнографическая замѣтка о празднованіи семика и соборѣ лѣченія отъ сглаза въ г. Азовѣ. (Живая Старина. 1891. вып. III).
40. О времени и мѣстѣ кончины Паисія Лигарида. (Русскій Архивъ. 1893. № 4).
41. Слово Чудовскаго инокъ Евоемія о милостынѣ, съ предисловіемъ. (Памятн. древн. письменн. 1894. вып. XC.).

Бутовскій, Н. И. (VI).

1. Воспитательное значеніе школы.
2. Воспитательное значеніе семьи.
3. Эстетическія чувствованія и ихъ воспитательное значеніе.
4. Воспитательное значеніе пародныхъ торжествъ и празднествъ.
5. Поэзія А. Н. Плещеева.

Въ «Оренбургскомъ Краѣ» за 1893 и 1894 г.г.

Васильевъ, А. П. (XII).

1. Нѣсколько словъ объ учебникахъ русской грамматики Карпичникова и Гилярова, Смирновскаго, Поливанова. (Филол. Зап. 1892, в. III).
2. Три стихотворенія («Книжки Недѣли», 1893, № 8).

Введенскій, М. В. (I).

1. Воспитаніе у Аѳинянъ. (Отчетъ Житомирской гимн. за 1879/80 уч. г.).
2. Школьный надзоръ, какъ средство къ поднятію уровня нравственнаго воспитанія. (Отч. Житом. гимн. за 1884/85 уч. г.).

Ивановъ, Н. И. (I).

I. «Оцѣнка литературной дѣятельности Андрея Сладковича». (Извѣстія Института Князя Безбородко, т. VII, 1878).

II. Въ «Филологическихъ Запискахъ» Хованскаго.

1. Нѣсколько замѣчаній изъ области фізіологіи звуковъ языка. (Разборъ книги Тулова «Объ элементарныхъ звукахъ человѣческой рѣчи и русской азбуки»). 1883. в. I.
2. Взглядъ на преподаваніе отечественнаго языка въ нашихъ гимназіяхъ. 1883. вып. II.
3. Отзывъ о книгѣ В. II. Шереметевскаго: Начатки науки о родномъ языкѣ. 1883, вып. III.
4. Учебникъ церковно-славянской грамматики для среднихъ учебныхъ заведеній. Сост. А. Будиловичъ. (Рецензія). 1884. вып. III.
5. Замѣтка о правописаніи. (По поводу книги «Русское правописаніе» акад. Я. К. Грота). 1886. вып. I.
6. Первобытная исторія индоевропейскихъ народовъ на основаніи данныхъ сравнительно языковѣднія. (По книгѣ Шрадера «Сравнительное языковѣдніе и первобытная исторія»). 1890. вып. I.
7. Объ основаніяхъ русскаго народнаго и литературнаго стихосложенія. 1892, вып. IV; 1893, вып. I.

III. Въ «Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ»:

1. Русскій синтаксисъ, на основаніи изслѣдованій г.г. Поттебни, Миклошича и Гейзе для среднихъ учебныхъ заведеній составленный Н. Баталинымъ. (Рецензія). 1884.
2. Грамматика древняго церковно-славянскаго языка сравнительно къ русскимъ. Состав. Е. Ѳ. Карскій. (Рецензія). 1889.
3. Грамматическій задачникъ для письменныхъ и устныхъ упражненій въ русскомъ языкѣ. Состав. В. Зелинскій. Ч. I. (Рецензія). 1889.
4. Зрительный диктантъ. Новая система для самоизученія русскаго правописанія. Состав. Зелинскій. (Рецензія). 1889.
5. Таблица словъ съ буковою њ въ корняхъ. Состав. Холмогоровъ. (Рецензія). 1889.

6. Руководство къ изученію синтаксиса русскаго языка, составл. В. Зимницкимъ. (Рецензія) 1890.
 7. Курсовка русской грамматики по способу наведенія, сост. И. А. Ельсинъ (Рецензія). 1890.
 8. Опытъ сравнительнаго этимологическаго словаря литературнаго русскаго языка. Состав. Н. В. Горяевъ. (Рецензія). 1893.
- IV. Русское правописаніе. Систематическое руководство для среднихъ учебныхъ заведеній. Кіевъ, 1888.
- V. «Русскій народный Эпосъ».

Ивануха .Я. П. (II).

Переводъ XXII книги Тита Ливія (Печатается въ предпринятомъ подъ редакцію П. А. Адрианова изданіи перевода на русскій языкъ Тита Ливія).

Ильенковъ, Д. С. (V).

Учебная русская хрестоматія для третьяго и четвертаго классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Казминскій, М. А. (I).

Разборъ сочиненія Шушерина о жизни и дѣятельности патріарха Никона. (Извѣстія Института Князя Безбородко, т. VII, 1882 г.).

Карскій, Е. Θ. (VII).

I. Въ «Извѣстіяхъ Института Князя Безбородко»:

1. Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи; 1886, т. X (и отдѣльн. книгою).
2. Русскія нарѣчія *домой и долой*; 1895, т. XV.

II. Въ Ж. М. Н. Пр.:

3. Два новые источника для изученія бѣлорусскихъ говоровъ: Бѣлорусскій сборникъ Е. Романова, т. I, Кіевъ, 1886, и Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверозападнаго края М. В. Шейна, т. I, ч. I, С -Пб. 1887. Критическая статья. 1887, Октябрь.

4. Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверозападнаго края П. В. Шейна, т. I, ч. II, С.-Пб. 1890. Критическій разборъ. 1890, Ноябрь.
5. Два памятника стараго западнорусскаго нарѣчія: Лютеранскій катехизисъ 1562 г. и Католическій катехизисъ 1585 г.—1893. Августъ.
6. Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверозападнаго края П. В. Шейна, т. II. 1893.—Критическій разборъ. 1894, Апрель.
 Ш. Въ «Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ»:
7. Слово *человѣкъ* въ производствѣхъ—Н. Н. Бодрова (Филол. Зап. 1883. вып. I). Критическая статья. 1883, т. X.
8. Замѣтка на Отвѣтъ рецензенту—Н. Н. Бодрова (Фил. Зап. 1884, вып. I). 1884. Т. XI.
9. Бѣлорусскія пѣсни села Березовца, Новогрудскаго уѣзда, Минской губерніи. Т. т. XII, XIII.
10. Бѣлорусскія пѣсни деревни Новосѣловъ-Затрокстивъ Виленской губ. Трокскаго уѣзда. Т. XXI.
11. О преподаваніи церковно-славянскаго языка въ мужскихъ гимназіяхъ, т. XXII.
12. О суффиксахъ въ русскихъ словахъ типа *теленокъ*, *Васеньки*, *рученьки*, *блѣньки*, т. XXII.
13. Къ исторіи звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи. Варшава, 1893. (Отдѣльный оттискъ изъ Русск. Филол. Вѣстн. 1890—1893. Т. т. XXIII, XXIV, XLVI—XXX.).
14. Словарь русскаго языка, составленный Вторымъ отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ. Вып. II. 1892. Разборъ нѣкоторыхъ объясненій, касающихся фонетики и морфологіи. Т. XXIX.
15. Грамматика древняго церковно-славянскаго языка сравнительно съ русскимъ. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Состав. А. Флѣровъ, Одесса, 1894.—Разборъ. Т. XXXI.
- IV. Въ Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ:
16. Главнѣйшія теченія въ русскомъ литературномъ языкѣ. Вступительная лекція. 1893, № 4.
17. О языкѣ такъ называемыхъ Литовскихъ лѣтописей. 1894, № II, IV.
- V. Въ Отчетахъ о состояніи Виленской 2 гимназіи:

18. О такъ называемыхъ барбаризмахъ въ русскомъ языкѣ. Рѣчь, произнесенная въ 1886 г.
19. Памяти М. Ю. Лермонтова. Рѣчь, произнесенная въ 1891 г.
20. VI. Къ вопросу о разработкѣ стараго западнорусскаго нарѣчія. Библиографическій очеркъ. Вильна, 1893 (Въ Трудахъ предварительнаго комитета по устройству IX археологическаго съѣзда въ г Вильнѣ).
21. Православныя святыни города Вильны, Изданіе Комиссіи по устройству народн. чтеній. С.-Пб 1893
VII. Отдѣльными изданіями:
22. Грамматика древняго церковно-славянскаго языка сравнительно съ русскимъ. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній, Вильна, 1888. 4-е изданіе—1893.
23. Стихотворенія и прозаическія статьи для заучиванія назвустъ въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ. Сборникъ съ примѣчаніями и разными приложеніями. Вильна. 1892.

Кореньковъ, Н. В. (VIII).

1. Торжественное похвальное слово Исократы. Переводъ съ греческаго, Калуга, 1891.
2. Комментарій къ Демосоену. I. Рѣчи Демосоена Олинскія и первая противъ Филиппа. Съ двумя рисунками и картою Греціи. Москва. 1891.
3. Коментарій къ Демосоену. II. Рѣчи о мирѣ. вторая противъ Филиппа, о событіяхъ въ Херсонесѣ и третья противъ Филиппа. Съ 9-ю рисунками и картою Греціи.

Крыгинъ, М. Н. (III).

1. Критическій обзоръ литературы вопроса о видахъ и временахъ русскаго глагола. (Гимназія, 1889 г., №№ 3—10; 1890 г. №№ 2—7).
2. О необходимыхъ измѣненіяхъ въ характерѣ гимназическихъ испытаній по древнимъ языкамъ. (Русская Школа, 1890 г. № 10).
3. Отношеніе семьи и школы къ вопросу о репетиторствѣ. (Русская Школа. 1891, №№ 3—4).

4. Къ вопросу о преподаваніи русскаго языка въ школахъ со смѣшаннымъ по языку контингентомъ учащихся (Рижскій Вѣстникъ 1893 г.).
5. Мелкія статьи и замѣтки, помѣщенные въ разное время въ «Рижскомъ Вѣстникѣ».

Куклинъ, И. В. (XV).

1. Переводъ двухъ сонетовъ А. Мицкевича (Вѣстникъ Славянства, издав. проф. Качановскимъ, кн. VII, 1892).
2. 14-ая соната Бетховена. Стихотвореніе. (Курскій Листокъ).

Малинка, А. Н. (XII).

I. Въ «Этнографическомъ Обзорѣніи»:

1. Провопъ Дубъ, переходной типъ кобзаря. (кн. XII).
2. Преданіе о древѣ. (кн. XV).
3. Нѣсколько вариантовъ на тему о гостѣ Терентіѣ (кн. XVI).

II. Въ «Кіевской Старинѣ»:

4. Стихи на Рождество Христово. (1891, № 12).
5. Пасхальная вирша. (1892, № 4).
6. Кобзарь Петро Гарасьео и лирникъ Максимъ Прыщенко. (1893, № 9).
7. Хожденіе со звѣздою и вирши на Рождество Христово. (1894, № 2).
8. Легенда о Спасителѣ и ап. Петрѣ. (1894 № 2).
9. Разказы о вѣдьмахъ. (1894 № 3).

III. Въ «Вѣстникѣ Славянства»:

10. Особенности говора м. Мрина, Нѣжинскаго уѣзда. (1892, кн. 7).
11. Лермонтовскій типъ недовольныхъ жизнью (1895, кн. 10).

Открытая имъ въ одномъ рукописномъ сборникѣ комедія 1724 г. «Слава Россійская» издава проф. М. И. Соколовымъ въ «Чтеніяхъ въ Импер. Общ. Исторіи и Древн. Росс.» 1892 г., и отдѣльными оттисками.

Никольскій, А. Я. (II).

О бытѣ, преданіяхъ и понятіяхъ Болгаръ по памятникамъ народной словесности. (Извѣстія Института Князя Безбородко. 1882, т. VII).

Первовъ, П. Д. (IV).

А. Оригинальныя статьи.

1. Къ вопросу о преподаваніи латинской грамматики въ I классѣ. («Гимназія» 1888 г., кн. IV, V).
 2. Преподаваніе латинской грамматики во II классѣ. *Esse*. (тамъ-же 1890 г. кн. I).
 3. Преподаваніе латинской грамматики во II классѣ. Спряженіе глаголовъ. I. Залогъ. (тамъ-же 1890 г. кн. II—III).
 4. Преподаваніе латинской грамматики во II классѣ. 2. Время и видъ. (тамъ-же 1891 г., кн. VП—IX).
 5. Къ вопросу о преподаваніи греческаго языка въ III классѣ. (тамъ-же 1892 г. кн. VIII—IX).
 6. Что такое содержательная фраза и содержательная статья? (По поводу новыхъ латинскихъ хрестоматій, вызванныхъ учебными планами 1890 г.). (Филологическое Обзорѣніе 1892 г., т. II, кн. 1).
 7. Индуктивный методъ преподаванія латинской грамматики. (тамъ-же 1892 г., т. II, кн. 2).
 8. *Accusativus cum infinitivo*. Грамматико-логическая роль этого оборота въ ряду другихъ явленій языка (тамъ-же 1893 г., т. IV, кн. 1, 2).
 9. Замѣтки объ употребленіи падежей въ латинскомъ языкѣ сравнительно съ русскимъ. А. Родительный падежъ. 1, *Genitivus subiectivus* и *obiectivus*. (тамъ-же, 1894 г., т. VI, кн. 1, 2).
 10. Монтескье. Литературная характеристика. («Пантеонъ Литературы», 1892 г. кн. 1).
 11. О томъ, что сдѣлали Финикіяне для дѣла человѣческаго прогресса. (Помощь самообразованію. 1891 г., кн. III).
 12. Происхожденіе и судьба апокрифа, извѣстнаго подъ названіемъ «Письма Іисуса». (Шастырскій Собесѣдникъ, 1887 г. кн. 1).
 13. Замѣтка объ апокрифѣ «Письмо Іисуса» (Чтенія въ Общ. люб. духовн. просв. 1889 г., кн. 2).
- Б. Рецензіи.
14. Н. Санчурскій. Латинская грамматика. I, Этимологія. (Филолог. Обзор 1891 г., т. I, кн. 2).
 15. С. Любомудровъ Латинская хрестоматія, часть I, этимологическая. (тамъ-же 1892 г. т. II, кн. 1).

16. С. Радецкій и В. Соколовъ. Латинская хрестоматія для низшихъ классовъ (тамъ-же, 1892, т. II, кн. 2).
17. И. Виноградовъ. Практическій краткій учебникъ латинскаго синтаксиса. (1893, т. III, кн. 2).
18. Н. Санчурскій. Кратвая грамматива латинскаго языка. Часть II. Синтаксисъ (1893 г., т. IV. кн. 1).
19. Поспишияъ. Учебникъ латинскаго языка. Часть I, изд. 4-е; часть II, изд. 3. (тамъ-же 1893 г., т. V кн. 1).
20. М. Михайловскій. Начальное руководство въ изученію латинскаго языка. (1894 г., томъ VI, кн. 1).
21. П. Черняевъ. Краткій систематическій курсъ латинскаго синтаксиса, примѣнительно къ программамъ 1890-го г. (1894 г., т. VI, кн. 2).
22. Русская классная бібліотека, издав. подъ редакцію А. Чудинова. Пособіе при изученіи русской литературы. Вып. V: Баллады Жуковскаго. Вып. VII. Д. И. Фонъ-Визинъ. Избранныя сочиненія. («Гимназія» 1892 г., кн. VIII—IX).
В. Переводы.
23. Метафизика Аристотеля (перев. въ сотрудничествѣ съ В. Розановымъ), съ предисловіемъ переводчиковъ. (Журн. Мин. Нар. Пр. 1890 г. №№ 2—3; 1891 г. № 1; 1893 г. №№ 7—9).
24. Блезъ Паскаль. Мысли. (Blais Pascal, Pensées). Съ предисловіемъ Прево—Парадоля. (Пантеонъ литературы 1888 г., кн. 10—12; 1889 г., кн. 1—3; С.-Пб. 1889).
25. Жанъ де Лабрюйеръ. Характеры или нравы этого вѣка (Les Caractères), съ предисловіями Прево-Парадоля и Сентъ-Бѣва. (Пант. Лит., 1889, кн. 7—12; 1890, кн. 1—3 и 5—8; С.-Пб. 1890).
26. Ж. Марта. Руководство въ этрусской и римской археологіи. (Прилож. къ ж. «Гимназія» 1890 г., кн. 11—12)
27. Ж. Ж. Бартеlemi. Путешествіе молодого Анахарзиса по Греціи въ IV в. до Р. Хр. (перев. въ соудрн. съ Миллеромъ). («Гимназія» 1890, кн. 8—12; 1891, кн. 1—4).
28. Э. Ренанъ. Мѣсто семитскихъ народовъ въ исторіи цивилизаціи. Москва, 1888.
29. Рѣчь Цицерона за поэта Архіа. М. 1886.

30. Э. Реклю. Жизнь первобытныхъ народовъ. Эскимосы и алеуты (иноиты). Ихъ бытъ, вѣрованія, природа и проч. I. Эскимосы. М. 1888.
31. То же. II. Западные иноиты или алеуты. М. 1889.
32. Э. Лависсъ. Общій очеркъ политической исторіи Европы. М. 1891.
33. Дж. Гоу и Рейнахъ. Миперва. Введеніе къ изученію школьныхъ классиковъ (греческихъ и латинскихъ). Рига. 1891.
34. La Bruyère. Les caractères ou les mœurs de ce siècle. Избранные отрывки для школьнаго употребленія. Редактиров. П. Первовъ. Москва. 1891.

Розовъ, О. И. (VII).

1. Сборникъ статей для чтенія, пересказа и заучиванія наизусть, съ примѣчаніями, руководящими вопросами и постепеннымъ упражненіемъ въ русской орфографіи. Юрьевъ. 1893.
2. Справочный словарь по новѣйшему русскому правописанію, со сводомъ грамматическихъ особенностей, Юрьевъ. 1893.

Рѣзановъ, В. И. (XII).

1. Критико-библіографическая замѣтка о книжкѣ Н. Ф. Борисовскаго «Картинки Сибирской жизни». (Курскій Листокъ. 1891, № 2).
2. А. В. Кольцовъ. По случаю 50-и лѣтія со дня кончины Кольцова. (Курскія Губернскія Вѣдомости. 1892 г.).
3. Демоническіе типы въ Лермонтовской поэзіи. (Вѣстникъ Славянства, 1894 г. кн. 9).

Савва, В. И. (X).

1. О времени и мѣстѣ крещенія русской великой княгини Ольги. (Сборникъ Харьковскаго Историко-филологическаго Общества, т. III, 1891).
2. Къ исторіи духоборцевъ Харьковской губерніи. (Тамъ-же, т. V, 1893).

Святскій Н. А. (II).

1. Цыгане, опытъ историко-этнографическаго очерка. Симферополь, 1888.
2. Косово поле, географическій и историко-литерат. очеркъ, Симферополь 1889.
3. Нив. Томашича (Tomaseo) Искорки, переводъ съ сербскаго, съ предисловіемъ о жизни и сочиненіяхъ Томашича. Филолог. Зап. 1894 г.

Сребрянскій, И. В. (XI).

Мнооологія Слова о полку Игоревѣ. (Извѣстія Института Князя Безбородко, т. XV, 1895 г.).

Турцевичъ, И. Г. (I).

1. Водоснабженіе древняго Рима. (Въ Сборникѣ статей по классической древности, издаваемомъ Кіевскимъ Отдѣленіемъ Общества классической филологіи и педагогики, вып. I и II, и отд.).
2. Культъ Весты. Кіевъ, 1887.
3. О субструкціяхъ Капитолія и объ sedes (templum) Vestae. С.-Пб. 1887.
4. Новый русскій переводъ сочиненій Тацита. С.-Пб. 1889.
5. О важности изученія Римской государственности и главнѣйшихъ характеристическихъ чертахъ ея. (Извѣстія Института Князя Безбородко, т. XIII. 1894).

Шамраевъ, В. Н. (II).

Францискъ Ладиславъ Челяевскій. Обзоръ его жизни и дѣятельности. (Извѣстія Института Кн. Безбородко, 1882 г., т. VII).

Шкилевъ, Н. П. (XI).

1. Разборъ статьи М. Е. Цебриковой «Женственность». (Курскій Листовъ, 1888. № 56 и 57).

2. «Въ дорогѣ». Изъ дорожныхъ впечатлѣній. (Курскій Листокъ, 1888. № 73).
 3. «Наши ближніе». Журнальное обозрѣніе. (Тамъ-же 1888, № 84, 86, 87).
 4. Лермонтовъ и его произведенія. (Отчетъ о состояніи Пермской гимназіи за 189^о/₁ учебный годъ).
-

А. Добіашъ.

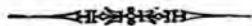
ЗАМѢТКА

ОБЪ ОСНОВНОЙ БИБЛИОТЕКѢ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА

Князя Безбородко,

составленная по случаю реорганизациі бібліотеки.

НѢЖИНЪ.

Типо литографія Венгера, д. Глезера
1895.

Основная библіотека Института Князя Безбородко въ самомъ началѣ существованія этого учебнаго заведенія росла чрезвычайно быстро. Отъ бывшаго Лицея Князя Безбородко Институтъ унаслѣдовалъ 3863 названія и 14580 томовъ книгъ, въ томъ числѣ прекрасно составленную, въ историческомъ отношеніи, коллекцію изданій законовъ Русскаго Государства и всего, относящагося къ ихъ изслѣдованію и разъясненію. Унаслѣдованный отъ Лицея Князя Безбородко библиотечный матеріалъ еще до открытія Института обогатился приобрѣтеніемъ, на средства Министерства, библиотеки покойнаго Директора С.-Петербургскаго Историко-филологическаго Института И. Б. Штейнмана, давшей Институту въ 457 названійхъ и 960 томахъ значительное собраніе классическихъ авторовъ и сочиненій по классическимъ языкамъ, литературамъ, древностямъ и мѣологіи. Кромѣ того, Варшавскій Университетъ пожертвовалъ Институту, въ годъ открытія послѣдняго (въ 1875 году), свои дублиеты изъ Polonica, всего 564 названія въ 639 томахъ. Вслѣдъ за тѣмъ, въ 1876 и 1877 годахъ, Институтъ приобрѣлъ на бывшіе еще тогда въ его распоряженіи % съ капитала, пожертвованнаго на учебныя цѣли, графини Суворовой—Рымникской, двѣ большихъ библиотеки: одну—покойнаго профессора Московскаго Университета С. П. Шевырева,—3815 названій въ 7359 томахъ (за 5000 руб.), а другую—покойнаго профессора Лейпцигскаго Университета Ф. Ричля,—3096 названій въ 4930 томахъ (за 7650 руб. 50 коп.),

Кромѣ того передана была въ Институтъ въ первый годъ его существованія библіотека Нѣжинскаго Александровскаго греческаго Училища, заключающая въ себѣ въ 254 названійхъ и 647 томахъ нѣсколько весьма цѣнныхъ книгъ по отдѣламъ богословскому, классическому, общесторическому и общелитературному въ старинныхъ изданіяхъ XVII и XVIII вѣковъ.

Такимъ образомъ, въ основаніе бібліотеки, которую Институтъ пополняетъ—теперь уже 20 лѣтъ къ-ряду—своимъ ежегоднымъ бібліотечнымъ бюджетомъ въ 2600 руб., а также и остатками отъ другихъ суммъ, легло весьма значительное бібліотечное имущество, состоявшее изъ 12049 названій въ 28818 томахъ.—По послѣднему отчету, отъ 1-го Января 1895 года, въ бібліотекѣ Института числится названій 20918, а томовъ 50956, на сумму 86556 рублей 32 копѣйки.

Помѣщалась сначала Институтская бібліотека временно, съ разрѣшенія тогдашняго почетнаго Попечителя графа А. И. Мусина-Пушкина, въ имѣющейся въ главномъ зданіи Института и составляющей неприкосновенную собственность почетныхъ попечителей заведенія «квартирѣ почетнаго попечителя».—Въ 1878 году, когда были упразднены параллельные классы помѣщающейся въ зданіи Института Нѣжинской гимназій, и когда въ саду Института было выстроено особое зданіе для студенческой больницы, бібліотека была переведена въ освободившіяся черезъ уничтоженіе параллельныхъ классовъ гимназій и черезъ переводъ Институтской канцелярій въ бывшую больницу (въ нижній этажъ главнаго зданія) пять комнатъ сѣвернаго крыла 2-го этажа главнаго зданія. Впослѣдствіи, именно въ 1887 году, одна изъ пяти комнатъ бібліотеки была отведена для той части подаренной графомъ Г. И. Куселевымъ-Безбородко въ 1845 году еще Лицею картинной галлерей, которая до того времени, почти съ самаго начала нахождения ея въ учебномъ заведеніи имени Князя Безбородко, помѣщалась въ физическомъ кабинетѣ гимназій. Несомнѣнно, картинная галлерей въ физическомъ кабинетѣ была не совсѣмъ на мѣстѣ, но перенесеніе ея въ бібліотеку должно было повлечь за собою стѣсненіе самой бібліотеки.—Въ 1892 году правленіемъ Института признано было необходимымъ, въ виду прежде всего тѣсноты гимназическихъ классовъ, 1) перевести пять гимназическихъ классовъ въ комнаты, занятыя бібліотекою и картинною галлереею; 2) въ тѣсныя гимназическіе классы, сдѣлавъ изъ нихъ проходныя комнаты, перевести физическій кабинетъ; 3) картинную галлерей перенести въ одну изъ аудиторій, помѣщающихся въ 3-мъ этажѣ главнаго зданія и, 4), освободившееся черезъ такую комбинацію все южное крыло 2-го этажа главнаго зданія вмѣстѣ съ его корридоромъ занять бібліотекою, приспособивъ

все помѣщеніе къ новому его назначенію.—Весь этотъ ремонтъ былъ высшимъ начальствомъ разрѣшенъ и лѣтомъ 1893 года исполненъ. Библіотека черезъ это была совершенно выдѣлена изъ гимназическаго помѣщенія и получила болѣе удобное сообщеніе съ Институтомъ. Она занимаетъ въ настоящее время шесть проходныхъ въ одну линію комнатъ, изъ нихъ 5 бѣльшихъ и одну мѣньшую, и кромѣ того въ ея распоряженіи обширный корридоръ, идущій во всю линію комнатъ и сообщенный дверьми съ тремя изъ этихъ комнатъ, въ томъ числѣ съ мѣньшею. Корридоръ раздѣленъ перегородкою на книгохранилище Е и на прихожую; въ послѣдней помѣщается, между прочимъ, и вновь устроенный «архивъ», т. е. шкапы съ экземплярами изданія Института, подлежащими продажѣ и разсылкѣ по почтѣ, а также съ исключенными дефектами и разнаго рода записями прежнихъ лѣтъ,—словомъ всѣмъ, что устранено изъ обращенія въ библіотекаѣ. Затѣмъ, четыре бѣльшихъ комнаты обращены въ книгохранилища Д, С, В и А (въ залѣ А находится и библіотекарскій столъ), а въ мѣньшей комнатѣ разложены въ особой мебели не выдающіяся на-домъ и доступныя только въ самой библіотекаѣ періодическія изданія текущаго года; они по заведенному въ настоящее время порядку должны находиться въ мѣньшей комнатѣ до тѣхъ поръ, пока не составитъ изъ нихъ полный экземпляръ за годъ; только тогда они переплетаются, каталогизируются и получаютъ помѣщеніе на полкахъ библіотеки.—Въ 6-й, наконецъ, комнатѣ имѣется въ виду открыть читальню, чтобы такимъ образомъ дать возможность пользоваться библіотекою, не вынося изъ нея книгъ; въ читальню, между прочимъ, можно будетъ отпускать и періодическія изданія, находящіяся въ мѣньшей комнатѣ.

Во внутреннемъ устройствѣ библіотеки постоянно приходилось считаться съ условіями, не совсѣмъ для него благопріятными. Штата служащихъ въ Институтской библіотекаѣ нѣтъ. Нѣтъ, въ сущности говоря, даже библіотекаря; обязанности библіотекаря возлагаются на одного изъ преподавателей Института съ добавочнымъ ему за это жалованьемъ въ 200 руб. въ годъ.—Ему на помощь и «для обсужденія и разрѣшенія различныхъ вопросовъ, касающихся библіотеки» дается существующими библіотечными правилами библіотечная коммиссія, состоящая, по мѣньшей мѣрѣ, изъ трехъ чле-

новъ. Понятное дѣло, что библіотекаръ можетъ заниматься только веденіемъ записей по выдачѣ и приему книгъ, а какую нибудь болѣе сложную работу по организаціи библіотеки на него возлагать не приходится; организацію библіотеки приходится уже заниматься **всею** библіотечною комиссію, въ коей библіотекаръ является одинаково со **всеми** остальными трудящимся ея членамъ. Такую, и при томъ дѣйствительно сложную, организаціонную работу пришлось принять на себя библіотечною комиссію въ самомъ началѣ существованія Института. Правда, до открытія Института былъ уже составленъ и инвентарь, и карточный каталогъ какъ Лицейской, такъ и Штейнмановской библіотекамъ. но все же кой-что изъ обѣихъ библіотекъ осталось и не каталогизованнымъ. (Самый инвентарь былъ составленъ обѣимъ библіотекамъ по **систематическому** началу). Первые два года существованія Института приходилось библіотечною комиссію,—въ нее вошли тогда почти всѣ преподаватели Института,—ознакомиться надлежаще съ составомъ какъ Штейнмановской, такъ и Лицейской библіотекъ, выработать списки книгъ для пополненія хоть самыхъ важныхъ пробѣловъ этихъ библіотекъ, продолжать составленіе инвентаря какъ этимъ пополненіямъ. такъ и Варшавскимъ дублетамъ и книгамъ Александровскаго Нѣжинскаго греческаго Училища (это можно было дѣлать уже не по систематическому началу, а какъ попадали книги подъ руки), представлять въ инвентаряхъ сигнатуры, распоряжаться вообще размѣщеніемъ книгъ по полкамъ и переводомъ новыхъ инвентарныхъ записей на карточки и т. д. Когда приобрѣталась Ричлевская библіотека, то инвентарь ея полученъ былъ изъ Лейпцига въ видѣ карточнаго каталога, составленнаго самимъ покойнымъ Ричлемъ, самымъ бѣглымъ почеркомъ, на маленькихъ листочкахъ (неодинаковыхъ даже размѣровъ) обыкновенной писчей бумаги. Эти карточки были переведены тогда на картонную бумагу (на листки одинаковыхъ размѣровъ) въ канікулярное время тогдашними студентами Института, впоследствии учителями гимназій, Г. И. Скворцовымъ и В. Н. Шамраевымъ.—На командировку по приему Ричлевской библіотеки въ самомъ Лейпцигѣ отъ душеприкащика покойнаго Ричля, профессора Лейпцигскаго Университета Юнгмана, разрѣшено было Министерствомъ 250 руб.—Пишущій эти строки принялъ на себя командировку, по переписанному

студентами карточному каталогу разобралъ въ Лейпцигѣ библиотеку, а по возвращеніи въ Нѣжинъ и по полученіи въ Нѣжинѣ самихъ книгъ составилъ инвентарь библиотеки (опять таки не по системѣ, а какъ пришлось). Карточный каталогъ къ этому инвентарю остался изготовленный раньше студентами Скворцовымъ и Шамраевымъ.—По приобрѣтенію Шевыревской библиотеки правленіе распорядилось иначе. Приглашено было особое лицо, извѣстный, теперь уже покойный, библиографъ С. И. Пономаревъ, который не только принялъ, библиотеку, но и составилъ до послѣднихъ мелочей систематизованный инвентарь и къ нему, то самъ, то черезъ помощниковъ, карточный каталогъ. вмѣстѣ съ расходомъ по переправкѣ въ Нѣжинъ самихъ книгъ правленіемъ истрчено было на все это дѣло 850 рублей.

Съ переводомъ библиотеки изъ квартиры почетнаго попечителя въ сѣверное крыло главнаго зданія, составъ библиотечной комиссіи былъ возобновленъ. Въ него вошли: въ качествѣ библиотекаря профессоръ Института, теперь профессоръ Варшавскаго Университета Г. Э. Зенгеръ, а изъ остальныхъ преподавателей по одному представителю на кафедре. Въ помощь библиотекарю правленіе исходатайствовало временнаго помощника библиотекаря, каковую обязанность принялъ на себя за пособіе, каждый разъ отдѣльно опредѣляемое и высшимъ начальствомъ утверждаемое, бывший тогда преподавателемъ Нѣжинской гимназій (нынѣ преподаватель Прилукской гимназій) О. А. Шарко (впослѣдствіи, послѣ отказа отъ должности библиотекаря Г. Э. Зенгера, онъ былъ библиотекаремъ). Библиотечная комиссія задалась тогда цѣлью: провѣрить начатую еще въ квартирѣ почетнаго попечителя и довести до конца группировку книгъ (а соотвѣтственно этому и размѣщеніе ихъ на полкахъ) по отдѣламъ и изготовить рукопись для напечатанія каталога, разумѣется, систематическаго.

Отдѣлы установлены были слѣдующіе:

А. Рукописи.

Б. Библиотека греческая (т. е. библиотека Нѣжинскаго Александровскаго Училища; она поставлена была особымъ отдѣломъ потому, что первоначально она была отдана Институту только «на храненіе.—

Только впоследствии она окончательно вошла въ составъ бібліотечнаго имущества Института).

- В. Греческая філологія.
- Г. Латинская філологія.
- Д. Всеобщая исторія.
- Е. Русская исторія.
- Ж. Философія.
- З. Педагогіка.
- И. Географія.
- К. Сравнительное языкознаніе.
- Л. Славянорусская філологія.
- Н. Журналы и сборники.
- О. Политическая экономія.
- П. Богословіе.
- Р. Смѣсь.

Когда новая бібліотечная коммиссія приступила къ дѣлу, то инвентарь и карточный алфавитный каталогъ были почти готовы. Карточки для алфавитнаго каталога изготовлены были то самими размѣстителями книгъ, то особо нанимаемыми для того помощниками (въ числѣ ихъ и Шамраевъ и Скворцовъ), и расходъ за эту вспомогательную работу въ итогѣ опредѣлился въ теченіе двухъ прежнихъ лѣтъ въ 239 руб. 91 коп. (въ этотъ расходъ входитъ и составленіе инвентаря Лицейско-Штеймановской бібліотеки).

Бібліотечная коммиссія провѣрила и, гдѣ нужно было, исправила группировку карточнаго каталога по алфавитамъ (алфавита приняты были два: русскій и иностранный), а затѣмъ въ своей главной работѣ приняла за точку отправленія инвентарь. Переходя въ инвентаряхъ отъ одной записи къ другой, она находила соотвѣтствующую записи инвентаря карточку и отыскивала по сигнатурамъ инвентаря и карточекъ самую книгу.—Иногда книги не удавалось найти,—при переносѣ бібліотеки изъ квартиры почетнаго попечителя кое-что и перепуталось,—а тогда оставлялось находженіе книги до окончанія всей работы. Нашедши книгу, бібліотечная коммиссія опредѣляла принадлежность ея къ такому или иному отдѣлу (въ сомнительныхъ случаяхъ, если сочиненіе имѣлось въ бібліотекѣ въ двухъ экземплярахъ, одинъ экземпляръ попадалъ въ одинъ, а другой—въ другой отдѣлъ) и назначала помѣщеніе на полки по слѣдующей сигнатурѣ:

буква отдѣла, № названія въ отдѣлѣ (нумерація книгъ по отдѣлу шла непрерывная), № шкапа въ отдѣлѣ (каждый шкапъ, принадлежавшій въ извѣстному отдѣлу, былъ отмѣченъ буквою своего отдѣла) и № инвентаря (т. е. постепенный № записыванія въ инвентарѣ книгъ). Инвентарные №№ были 3-хъ категорій. Шевырево-Ричлевскій инвентаръ имѣтъ свою нумерацію, инвентаръ книгъ Лицейскихъ, Штейнмановскихъ, Варшавскихъ и новыхъ приобрѣтеній тоже свою, а инвентаръ греческой библіотеки опять свою. При самомъ размѣщеніи книгъ нерѣдко приходилось стоять: рядомъ съ фолиантами изданіямъ in 4°, рядомъ съ послѣдними—изданіямъ in 8° и т. д. и рядомъ съ переплетенными толстыми книгами—тоненькимъ брошюркамъ, а главное, при дефектахъ и изданіяхъ, имѣвшихъ еще пополняться и продолжаться, не всегда было оставляемо мѣсто для пополненій и продолженій. Одновременно, съ размѣщеніемъ книгъ, записи на карточкахъ были то исправляемы, то и совершенно видоизмѣняемы такъ, какъ это признавалось библіотечною комиссіею нужнымъ для имѣвагося въ виду печатнаго каталога.

Печатный систематическій каталогъ, составлявшійся уже потомъ на основаніи карточного матеріала, начатъ былъ печатаніемъ въ 1880 году и оконченъ былъ въ 1884 году (изданъ in 4°, въ два столбца на страницѣ).

Онъ составленъ по слѣдующей системѣ:

I. Богословіе.

I. Священные книги Ветхаго и Новаго Заветъа (стр. 1).

II. Творенія св. Отцевъ и Учителей Церкви; Библейская Эзегетика и Библиологія; Богослуженіе и Обряды (стр. 1—4).

III. Догматическое и нравственное Богословіе; Апологетика; Слова, рѣчи и поученія; христіанскія размышленія (стр. 4—9).

IV. Священная и церковная исторія; Церковное законовѣдѣніе; Расколъ и путешествія (стр. 9—14).

V. Смѣсь. Сборники духовныхъ сочиненій, Энциклопедія, Журналы и пр. (ст. 14—15),

II. Ф и л о с о ф і я.

А. Сочиненія по исторіи філософії, общія и относящі-
яся къ отдѣльнымъ эпохамъ и направлєніямъ філософії, а
также къ развитію ея у отдѣльныхъ народовъ (стр. 1—2).

а) Русскія сочиненія.

б) Иностраннныя сочиненія.

Б. Філософскія системы, метафизика, релігійозная філо-
софія, историческія монографіи, относящіяся къ філософ-
скимъ системамъ и ученіямъ отдѣльныхъ лицъ и ихъ школъ,
біографіи філософовъ (стр. 3—7).

а) Русскія сочиненія.

б) Иностраннныя сочиненія.

В. Сочиненія по психологіи и антропологіи, и по исто-
ріи этихъ наукъ и относящихся къ нимъ вопросовъ (стр.
8—12).

а) Русскія сочиненія.

б) Иностраннныя сочиненія.

Г. Сочиненія по логикѣ и діалектикѣ и по исторіи этихъ
наукъ (стр. 12—14).

а) Русскія сочиненія.

б) Иностраннныя сочиненія.

Д. Філософскіе словари, журналы и другія пособія
(стр. 14).

Е. Этика, соціологія, філософія права; эстетика и те-
орія изящнаго, а равно и сочиненія по исторіи этихъ наукъ
(стр. 14—16).

а) Русскія сочиненія.

б) Иностраннныя сочиненія.

III. Педагогика и дидактика.

а) Исторія педагогики (стр. 1—2).

б) Педагогика (стр. 2—4).

в) Дидактика и училищевѣдѣніе (стр. 4—6).

г) Пособія; учебники, программы, журналы, отчеты,
дѣтскія книги и пр. (стр. 6).

IV. Общее языковѣдѣніе.

- а) Сравнительное языковѣдѣніе (стр. 1—4).
- б) Языки арійскіе (стр. 4—7).
- в) Языки неарійскіе (стр. 7 и 8).

V. Всеобщая литература.

- A. Теорія словесности (стр. 1—2).
- B. Сочиненія по всеобщей литературѣ (стр. 2—7).
- C. Произведенія Европейской литературы (стр. 8—15).
- D. Произведенія восточной литературы (стр. 15—16).
- E. Теорія и исторія искусствъ (стр. 16—19).

VI. Классическая филологія.

- а) Исторія и энциклопедія филологіи, періодическія изданія, сборныя сочиненія, смѣсь (стр. 1—4).
 - б) Лексикографія, грамматика, метрика, синонимика, палеографія, хрестоматія (стр. 4—10).
 - с) Исторія и библіографія классическихъ литературъ (стр. 11—13).
 - д) Греческіе авторы (стр. 13—38).
- Прибавленіе: Собранія греческихъ авторовъ (стр. 38—44).
- е) Латинскіе авторы (стр. 45—61).

VII. Русская словесность.

- A. Сочиненія по русскому языку, грамматика, словари (стр. 1—2).
- B. Теорія словесности (стр. 3).
- C. Исторія русской литературы (стр. 4—6).
- D. Произведенія русской литературы; памятники древней письменности; переводы (стр. 6—13).
- E. Сборники, хрестоматія, библіографія, журналы, смѣсь (стр. 13—15).

УІІІ. Славяновѣдѣніе.

- А. Исторія и древности славянскія (стр. 1—9).
- В. Географія и этнографія (стр. 9—10).
- С. Филологическія изслѣдованія, грамматики, словари (стр. 10—13).
- Д. Исторія письменности и словесности (стр. 13—16).
- Е. Произведенія славянской письменности и словесности (стр. 16—19).
- Ф. Журналы, сборники и библіографія (стр. 19—20).

ІХ. Всеобщая исторія.

- а) Всемирная исторія и ея вспомогательныя науки, исторія религій и цивилизацій, сочиненія по обще-историческимъ вопросамъ (стр. 1—3).
- б) Древняя исторія (стр. 3—5).
- в) Греція и Римъ.
Исторія и географія, мифологія и археологія искусства, древности и право, эпиграфика и нумизматика классическихъ народовъ (стр. 5—20).
- д) Средніе вѣка и Новое время (стр. 20—31).
- е) Сборники и журналы (стр. 31—32).

Х. Русская исторія.

- А. Лѣтописи, грамоты, акты, мемуары, и другіе историческіе памятники (стр. 1—6).
- Б. Общія и спеціальныя изслѣдованія и руководства по русской исторіи (стр. 6—19).
- С. Сборники, журналы, смѣсь (стр. 19—22).

ХІ. Географія.

- А. Географія и статистика (стр. 1—5).
- Б. Путешествія (стр. 5—6).
- В. Атласы, карты, планы, виды и т. п.

При существованіи печатнаго каталога, имѣвагося и въ кабинетахъ профессоровъ, и въ камерахъ студентовъ, всякій другой каталогъ становился для пользовавшихся библіотекою излишнимъ, такъ какъ въ печатномъ каталогѣ были проставлены и сигнатуры книгъ, и количество экземпляровъ, въ случаѣ если книга имѣлась въ библіотекѣ не въ одномъ экземплярѣ. Самому же библіотекарю, кромѣ печатнаго каталога, нужны были еще провѣрочныя тетради, основаніе которымъ и было положено еще въ то время, когда библіотека находилась въ квартирѣ почетнаго попечителя. Провѣрочныя тетради ведены были по инвентарной нумераціи, такъ что каждому инвентарному номеру, начиная съ 1, 2, 3 и т. д., была отведена въ провѣрочныхъ тетрадяхъ особая графа, въ которой при выдачѣ книги записывалась, а при сдачѣ—зачеркивалась фамилія бравшаго и возвращавшаго книгу, носящую этотъ инвентарный номеръ.

Послѣ напечатанія каталога библіотечная коммисія прекратила свои занятія, предоставивъ библіотекарю справляться одному съ непосильною для одного лица, имѣющаго свои прямыя обязанности, работою. Но печатный каталогъ не могъ удовлетворять надолго. (Авторъ замѣтки, участвовавшій въ изданіи каталога, въ настоящее время даже убѣжденъ, что печатный каталогъ для Институтской библіотеки не есть ничто необходимое, и во всякомъ случаѣ не главное, и что если бы и пришлось печатать каталогъ другой разъ, то его слѣдовало бы печатать совершенно иначе). Поступилъ новый библіотекарь, преподаватель Института М. И. Лилеевъ. Въ библіотекѣ онъ открылъ цѣлый рядъ книгъ, не вошедшихъ не только въ печатный каталогъ, но даже въ инвентарь. Кромѣ того, конечно, поступали въ библіотеку, какъ во время пятнадцатого печатанія каталога, такъ и впоследствии, все новыя и новыя приобрѣтенія, въ томъ числѣ много такихъ, которыя составляли или дополненіе, или продолженіе имѣвшихся уже въ библіотекѣ названій, и такъ какъ прежде для этихъ пополненій и продолженій не всегда оставляемо было мѣсто въ шкапахъ, то теперь приходилось эти пополненія и продолженія прямо таки втискивать въ шкапы. Приходилось класть находившіяся уже въ шкапахъ книги для того, чтобы выгадать мѣсто для другихъ, плашмя, или же устанавливать на полки книги въ два ряда, одинъ за другимъ; въ многихъ

случаяхъ приходилось комбинировать первый пріемъ со вторымъ; чаще всего, впрочемъ, отводились такимъ пополненіямъ совершенно новыя мѣста; въ послѣднемъ случаѣ пополненія попадали даже не въ шкапы того отдѣла, въ которомъ находилось пополняемое. Новымъ пріобрѣтеніямъ приходилось кромѣ того составлять и новыя карточки и рядомъ съ печатнымъ каталогомъ скоро появился въ библіотекѣ большой карточный алфавитный. На этотъ новый карточный каталогъ всѣ привыкли смотрѣть, какъ на продолженіе печатнаго каталога; применить къ старымъ карточкамъ новый карточный каталогъ не могъ; старыя карточки, на основаніи которыхъ были составляемы рукописи для печатнаго каталога, вообще оказались къ дѣлу негодными; большинство карточекъ было съ большими помарками, а нѣкоторыя изъ нихъ растерялись. Въ новомъ карточномъ каталогѣ приспособлялись къ способу описыванія книгъ въ печатномъ каталогѣ, но иногда это не только не выдерживалось, но и не могло выдерживаться, такъ какъ карточный каталогъ долженъ же располагать другими средствами для обозрѣнія по нему библіотечнаго матеріала, чѣмъ это достижимо въ печатномъ каталогѣ, гдѣ, при розыскиваніи одного какого-нибудь названія вся система постоянно на виду. Было не далеко и до такого порядка (иногда такъ и дѣлалось), что новая книга, была ли она продолженіемъ имѣвшихся уже въ библіотекѣ изданій или нѣтъ, могла получить новый номеръ въ инвентарѣ и новую карточку. Новыя карточки составлялись не по одной, строго опредѣленной системѣ; библіотечная комиссія, собственно говоря, для карточного алфавитнаго каталога никогда никакой системы не вырабатывала. Когда новыхъ карточекъ накопилось такъ много, что трудно ихъ уже было сличать какъ между собою, такъ и съ печатнымъ каталогомъ, то было приступлено къ составленію новаго карточного каталога для описанія всего библіотечнаго матеріала. Дѣло это начато было въ 1885 г. На этотъ разъ оно было ведено не подъ руководствомъ библіотечной комиссіи. Нанятъ былъ особый писецъ, который, собственно, только переписывалъ на карточки прежній печатный каталогъ (сколько разъ приходилось въ этомъ карточномъ каталогѣ встрѣчать даже слова «то же», или «его же», какъ они значились въ печатномъ каталогѣ), добавивъ къ этому снимки съ карточекъ о книгахъ, поступившихъ въ

библіотеку во время печатанія и послѣ напечатанія каталога. Писали новый карточный каталогъ на четвертушкахъ обыкновенной писчей бумаги и складывали ихъ одну на другую, такъ что каталогъ представлялъ собою столько же пачекъ четвертушекъ, разложенныхъ въ особой мебели по разгородкамъ, сколько буквъ въ латинскомъ, а затѣмъ русскомъ алфавитахъ. При этомъ въ начальныхъ строкахъ, опредѣлявшихъ собою, подъ какую букву должна попасть карточка, появлялись тавія слова какъ «описание», «обозрѣніе», «книга», «collectio» и т. д. (скоро этотъ каталогъ и растрепался).

Трудно было по этому каталогу что нибудь найти и библиотечкою заинтересоваться; пришлось подъ конецъ, конечно не поощрять, но во всякомъ случаѣ и не особенно преслѣдовать нигдѣ не существующее явленіе, что тотъ или другой студентъ подойдетъ прямо къ шкапу того или другого отдѣла и тамъ разсматриваетъ книги. Авторъ замѣтки, ревизовавшій лѣтомъ 1891 года, по обязанности Инспектора, библиотеку, потратилъ на эту ревизію цѣлыя каникулы, и, не смотря на самую усиленную работу, другого результата не могъ достигнуть кромѣ того, что убѣдился въ необходимости реорганизовать всю библиотеку.

Лѣтомъ 1893 года, послѣ ремонта, перенесена была библиотека въ южное крыло 2 этажа и возобновлена была дѣятельность библиотечной комиссіи. Въ библиотечную комиссію на этотъ разъ вошли: Профессора М. Н. Бережковъ, Е. В. Пѣтуховъ, И. Г. Турцевичъ, впослѣдствіи и А. И. Цюровскій, затѣмъ наставникъ студентовъ А. П. Кадлубовскій, библиотекаръ М. И. Лилеевъ и авторъ замѣтки. Комиссія принялась за основательную реорганизацію библиотеки и, входя то съ представленіями объ утвержденіи ея проектовъ въ конференцію, то съ ходатайствами о хозяйственныхъ мѣраxъ (о построеніи мебели, печатаніи бланковъ и т. п.) въ правленіе, достигла по истеченіи двухлѣтней уже теперь работы результатовъ, остановиться на которыхъ, быть можетъ, будетъ не лишнимъ въ виду слѣдующихъ обстоятельствъ. Работа по реорганизаціи библиотеки не окончена, и такъ какъ придется доканчивать ее уже по одной системѣ, то эта система должна быть выяснена. Да и впослѣдствіи, когда уже не будетъ лицъ, занимающихся теперь реорганизаціею библиотеки, новыя лица могутъ найти въ этой замѣткѣ все, чѣмъ

руководилась настоящая библиотечная комиссия, и легче имъ будетъ, съ этою замѣткою въ рукахъ, поддержать то, что найдутъ полезнымъ, правильнымъ и простымъ, равно какъ и замѣнить другое, что найдутъ, быть можетъ, сложнымъ и менѣе практичнымъ. Кромѣ того, въ такихъ библиотекахъ, какъ Институтская, гдѣ постороннимъ лицамъ книги почти что никогда не выдаются, и гдѣ у пользующихся библиотечкою предполагается полное знакомство съ внутренними ея распорядками (черезъ это знакомство, конечно, очень облегчается правильный ходъ работы при отысканіи, выдачѣ и возвращеніи книгъ), настоящая замѣтка имѣетъ служить средствомъ для лучшаго ознакомленія съ внутреннимъ устройствомъ библиотеки. Наконецъ, хотѣлось подѣлиться опытомъ съ тѣми, кто, быть можетъ, также имѣетъ дѣло съ большими библиотеками, при отсутствіи болѣе сложнаго штата служащихъ въ ней. Результаты, достигнутые въ настоящее время библиотечною комиссіею, слѣдующіе:

1) Прежніе библиотечные шкапы были довольно высоки, такъ что безъ лѣстницъ нельзя было обойтись, и стояли прежде не только по простѣнкамъ, но и среди комнатъ, что было, пожалуй, не безопасно для зданія. Въ настоящее время шкапы изъ середины комнатъ устранены. Они разставлены теперь лишь по простѣнкамъ залъ А, В, С, D и корридора Е, причемъ въ залахъ А, В и D пришлось ихъ вывести подъ самые карнизы потолка. Новая мебель для книгъ, строилась ли она *отдѣльно* отъ старыхъ шкаповъ (вся зала А наполнена новою мебелью), или придѣлывалась къ старымъ шкапамъ для поднятія послѣднихъ, сдѣлана не въ видѣ шкаповъ, а въ видѣ открытыхъ полокъ. (Старые шкапы довольно не удобны для установки на нихъ и для выниманія изъ нихъ книгъ; кое что пришлось и въ нихъ передѣлать для большаго ихъ удобства). Всѣ шкапы раздѣлены на два яруса; подъ нижнимъ ярусомъ, высота коего опредѣлена возможностью достать на самой его верхней полкѣ книгу безъ помощи лѣстницы, устроены по всѣмъ стѣнамъ галереи съ неподвижными къ нимъ лѣстницами, такъ что и на верхнемъ ярусѣ можно доставать книги безъ особенныхъ затрудненій.

2) Книги размѣщены на полкахъ не по отдѣламъ, а по росту. Только отдѣлъ рукописей имѣетъ свой особый

шкапъ (отдѣлъ этотъ описанъ въ замѣткѣ Е. В. Пѣтухова, изданной одновременно съ настоящей замѣткою). Разбитое раньше по разнымъ мѣстамъ одно названіе имѣетъ теперь одво помѣщеніе, а если названіе имѣетъ быть дополнено, или продолжено, то для пополненій и продолженій оставлено мѣсто (названія, имѣющіяся продолжаться, находятся по большей части въ корридорѣ Е).

3) Устанавливались книги на полкахъ вездѣ снизу доверху, а не наоборотъ, какъ было прежде (прежде, впрочемъ, встрѣчался и тотъ, и другой порядокъ); при этомъ верхнія полки во многихъ шкапахъ остались еще не занятыми и ждутъ новыхъ библиотечныхъ приобрѣтеній (въ залахъ С и Е надставки надъ прежніе шкапы еще не сдѣланы и для наличнаго библиотечнаго матеріала вовсе даже не нужны).

4) Брошюрки помѣщены въ особыхъ папкахъ-коробкахъ. Эти папки въ своихъ шкапахъ (шкапы эти особые, низкіе, подоконничные) пронумерованы такъ, какъ въ другихъ шкапахъ пронумерованы отдѣльныя изданія, самыя же брошюрки той или другой папки трактуются въ библиотечныхъ сигнатурахъ такъ, какъ трактуются въ другихъ шкапахъ отдѣльныя переплеты многотомныхъ названій.

5) Атласы, альбомы, художественно исполненные фоліанты и т. п. также хранятся на подоконничныхъ полкахъ и въ переплетномъ отношеніи приводятся, какъ многое другое, постепенно въ порядокъ.

6) Новое размѣщеніе книгъ немного не окончено. Размѣщеніемъ книгъ занимались: изъ членовъ библиотечной коммисіи—Е. В. Пѣтуховъ, М. И. Лилеевъ, А. П. Кадлубовскій и авторъ замѣтки. Кромѣ того библиотечная коммисія обратилась и къ другимъ лицамъ учебнаго персонала съ просьбою объ участіи въ размѣщеніи книгъ, на каковую просьбу отозвались: надзиратель Институтской Гимназіи Е. И. Кашпровскій, наставники—руководители той же гимназіи И. А. Сребницкій (онъ же преподаватель географіи въ Институтѣ) и О. В. Добіашъ, и преподаватель нѣмецкаго языка въ Гимназіи и Институтѣ А. П. Мерингъ (последняго, впрочемъ, при самомъ началѣ работы постигла смерть). Всѣ, участвовавшіе въ новомъ устанавливаніи книгъ, воспользовались прежнимъ ихъ размѣщеніемъ по отдѣламъ и взяли за

отдѣлы. ближе ихъ интересовавшіе по ихъ спеціальностямъ. Е. В. Пѣтуховъ взялъ отдѣлъ по русской литературѣ и славяновѣдѣнію, М. И. Лилеевъ—по всеобщей исторіи и педагогикѣ, А. П. Кадлубовскій—по всеобщей литературѣ, Е. И. Кашпровскій—по русской исторіи и богословію, И. А. Сребницкій—по географіи, а автору замѣтки остались: классическая филологія, философія, сравнительное языкознаніе и журналы.—Журналами, впрочемъ, предварительно занялся О. В. Добіашъ, собравъ названіе въ названію и томъ въ тому, и описавъ всю наличность отдѣла

Въ настоящее время размѣщено:

Е. В. Пѣтуховымъ	3377 названій	въ	5308 переплетахъ
М. И. Лилеевымъ	2520	»	5464 »
А. П. Кадлубовскимъ	1111	»	2910 »
Е. И. Кашпровскимъ	2509	»	4797 »
И. А. Сребницкимъ	320	»	732 »
авторомъ замѣтки	7206	»	16788 »

Послѣднему при устанавливаніи книгъ помогали: нынѣ окончившій курсъ ученія въ Институтѣ Е. А. Черноусовъ и окончившій въ прошломъ 1894 году, нынѣ учитель Черниговской Гимназіи А. Н. Цыркунъ.

Итого размѣщено до настоящаго времени 17043 названій въ 35999 переплетахъ.

Не размѣщенными остались какія нибудь 2000 названій, при томъ на половину такихъ, которыми пользующіеся бібліотекою менѣе интересуются. Во всякомъ случаѣ, если бібліотечная коммиссія, а главное бібліотекаръ, находили возможнымъ цѣлыя два года не прекращать выдачу книгъ, хотя бы и по двумъ системамъ въ одно и тоже время, то для оставшихся неразмѣщенными книгъ уже придется, быть можетъ, сдѣлать исключеніе (желательно скорѣе окончить работу, а выдача книгъ по двумъ системамъ очень ее задерживаетъ) и подождать съ выдачею до новаго ихъ размѣщенія. Если въ концѣ концовъ счетъ нынѣшнихъ названій и переплетовъ не сойдется съ отчетомъ отъ 1-го Января 1895 года, то это вполне понятно. То, что въ отчетахъ по инвентарнымъ записямъ и карточкамъ считалось прежде за нѣсколько названій, сведено теперь въ очень многихъ случаяхъ въ одно названіе, а нынѣшніе переплеты—не то же самое, что прежніе томы, такъ какъ во многихъ случаяхъ, особенно въ

журналахъ, переплетенныхъ теперь то по семестрамъ, то по триместрамъ и т. д., многое, что прежде считалось нѣсколькими томами, является **однимъ** лишь переплетомъ.

7) Сигнатуры установлены и проведены размѣстителями книгъ на всѣхъ получившихъ уже новое мѣсто книгахъ при посредствѣ наклеекъ—бланковъ, особо для этой цѣли заказанныхъ; наклейки эти имѣются и на корешкахъ, и внутри книгъ, и сигнатуры на нихъ—слѣдующія:

Буква залы, № шкапа въ залѣ, № полки въ шкапу, № названія на полкѣ, и мѣтка переплета въ названіи.

Залъ—5: А, В, С, D, Е.

Шкаповъ въ залахъ:

въ залѣ А; I—XIII большихъ, и а, в с. подоконничные.
 › В: I—IX › и а, в, с, ›
 › С: I—XV › и а, в, с. ›
 › Д: I—XV › и а, в, с, d, e, f. подоконн.
 › Е: I—XLIX › и а подоконничный.

Полокъ въ большихъ шкапахъ *minimum* 1—10, а *maximum* 1—16, смотря по высотѣ шкаповъ и по росту книгъ, въ нихъ поставленныхъ; въ подоконничныхъ же шкапахъ—*minimum* 1—2, а *maximum* 1—3.

Названія пронумерованы по полкамъ, такъ что каждая полка имѣетъ свою нумерацію, начиная всегда съ единицы.

Переплеты въ названіяхъ мѣчены по двумъ системамъ: или номерами (1, 2, 3 и т. д.) или же (это именно въ журналахъ) указаніемъ на годъ и мѣсяцъ (напр. $\frac{1893}{1-6}$ т. е.

1891 года 1-й семестръ, или $\frac{1893}{1-2}$, т. е. 1893 года Январь

и Февраль, или $\frac{1893}{1-яч.}$, если журналъ выходитъ не помѣсячно, а по другимъ срокамъ).

Такимъ образомъ сигнатура, по которой требуется книга, имѣетъ слѣдующій напр. видъ:

$$\frac{А. XIII}{5^1) \frac{№ 9^2)}{3-4^3)}, \text{ или } \frac{Е XV}{2^1) \frac{№ 3^2)}{1893(1-6)^3)}$$

¹⁾ = № полки; ²⁾ = № названія на полкѣ; ³⁾ = помѣтка переплетовъ. Соотвѣтственно этой сигнатурѣ сдѣланы и наклейки на книгахъ.

8) По мѣрѣ установки книгъ на полкахъ размѣстители библиотечнаго имущества составляли и провѣрочныя книги, которыя однако теперь ведутся не по инвентарной нумераціи, а по тому порядку, по которому книги размѣщены на полкахъ. — Листы провѣрочной книги, въ которой при выдачѣ записывается, а при сдачѣ зачеркивается фамилія пользующагося библиотеккою, разграфлены по двумъ формамъ (бланки для провѣрочныхъ книгъ были особо заказываемы)

По 1-й формѣ, предназначенной для журналовъ, получается листъ провѣрочной книги слѣдующій напр. видъ:

(Мѣсто для №№ инвентаря) Журналъ Мин. Нар. Просв. $\frac{EXV}{6\text{№}2}$ $\frac{EXVIII}{2\text{№}1}$

Такой то годъ.	Такой то томъ или за такой то мѣсяцъ.	Взять такимъ то

Вторая форма слѣдующая;

А. XII. 5 (=т. с. залъ, шкафъ и полка)			
4578 ¹⁾	3856 (Р.-Ш) ¹⁾	215 (Гр.) ¹⁾	2579 ¹⁾
7.	8.	9.	10.
(№№ названій на полкѣ.)			
Переплетовъ 4	Переплетовъ 3	Переплетовъ 1	Переплетовъ 12
Прописываются	фамилія берущихъ	книги и №№ взятыхъ	переплетовъ.

¹⁾ = №№ инвентарей; Р.-Ш. обозначаетъ нумерацію Ричлевско-Шевыревскаго инвентаря, а Гр. нумерацію греческой библиотеки (смотри выше стр. 9).

Провѣрочныхъ книгъ 11, а именно:

Для залы А:

отъ А. I. 1 до А. V. 8.

» А. V. 9 » А. IX.

» А. X. 1 » А. XIII и подоконничные шкапы а, в, с.

Для залы В:

отъ В. I. 1 до В. VI.

» В. VII. 1 » В. IX. и подоконничные шкапы а, в, с.

Для залы С:

отъ С. I. 1 до С. VII.

» С. VIII. 1 » С. XV. и » » а, в, с.

Для залы D:

отъ D. I. 1 до D. IX.

» D. X. 1 » D. XIII. а, в, с, d, e, f.

» D. XIV. 1 » D. XV. и

Для залы E—одна провѣрочная книга на всю залу.

Листы въ провѣрочныхъ книгахъ не переплетены, а въ мѣстѣ, гдѣ должны бы сшиваться, написаны на привинчивающіеся стержни. Въ случаѣ, если какой нибудь листъ окажется впослѣдствіи исписаннымъ, или если произойдетъ какая нибудь перемѣна въ составѣ книгъ на полкѣ, легко будетъ замѣнить негодный листъ новымъ, не трогая другихъ листовъ.

Провѣрочная книга, веденная не по инвентарной нумераціи, а по порядку размѣщенія книгъ на полкахъ, представляетъ собою самое удобное и чуть ли не единственное средство для произведенія надлежащей и притомъ быстрой ревизіи библіотеки. Стоитъ только пройти, съ провѣрочною книгою въ рукахъ, отъ полки къ полкѣ и въ случаѣ, если въ нумераціи на полкѣ замѣчается пробѣлъ, посмотрѣть записи въ провѣрочной книгѣ, чтобы убѣдиться, цѣла ли библіотека, или нѣтъ, а если не цѣла, то чего не достаетъ.

9) Всѣмъ получившимъ новое мѣсто книгамъ размѣстители книгъ составили черновой карточный каталогъ, при чемъ составители его обращали вниманіе на то, чтобы не только описаніе названія было правильное, но чтобы въ случаѣ многотомности названія отмѣчено было, по возможности и вкратцѣ, содержаніе томовъ, дабы пользующійся библіотекою по самому каталогу могъ опредѣлить, какіе томы ему взять изъ библіотеки. Черновой карточный каталогъ переплетенъ въ тетради и сгруппированъ по алфавиту. Каждый составитель каталога группировалъ только свой черновой каталогъ, а потому алфавитовъ въ черновомъ каталогѣ столько, сколько было составителей каталоговъ. Есть каталоги, составленные М. И. Лилеевымъ (размѣщаль книги въ залѣ В и каталогъ его переплетенъ въ 4 тетради), Е. В. Пѣту-

ховымъ (размѣщаль книги въ залѣ С и каталогъ его переплетенъ въ 6 тетрадей) и А. П. Кадлубовскимъ (размѣщаль книги въ шкапахъ I—VII залы D и каталогъ его переплетенъ въ 3 тетради). Черновые каталоги автора замѣтки (размѣщаль книги въ залѣ А и въ шкапахъ IV—XLI корридора Е), Е. И. Кашпровскаго (размѣщаль книги въ шкапахъ VIII—XV и подоконничныхъ шкапахъ а—f залы D) и И. А. Сребницкаго (размѣщаль книги въ шкапахъ I—III корридора Е) въ настоящее время уже перебѣлены.

10) Бланки карточекъ, на которыхъ перебѣливается черновой каталогъ, имѣютъ слѣдующую форму (они сдѣланы изъ картонной бумаги).

№.....	1)	пер. 2)	3) №
			
			
			
			
			
			
			
			
			

1) Отмѣчается инвентарный №. Такъ какъ прежде очень многія названія были разбиты по разнымъ мѣстамъ какъ библиотечныхъ шкаповъ, такъ и инвентаря, то на карточку приходится теперь часто помѣщать нѣсколько инвентарныхъ №№.

2) Отмѣчается количество переплетовъ (не томовъ) названія. Къ этой графѣ придется еще разъ вернуться; пока слѣдуетъ сообщить, что, такъ какъ очень много книгъ еще не переплетено, а въ сигнатуры взяты и непереплетенные томы, то впредь уже не придется, какъ было до сихъ поръ, переплетать нѣсколько такихъ, уже сигнированныхъ, томовъ вмѣстѣ, а какъ они сигнированы, такъ ихъ и придется переплетать, иначе дѣйствительность не соответствовала бы записямъ на карточкахъ и въ провѣрочныхъ книгахъ.

3) Отмѣчается сигнатура названія. Если названіе занимаетъ больше, чѣмъ одну полеу, то тогда отмѣчается напр.

А XIII

$\frac{2 \text{ № } 5}{4 \text{ № } 1}$, т. е. названіе начинается на 2-й полкѣ съ 5-го №,

держитъ на 3-й полкѣ № 1 и кончается первымъ же номеромъ на 4-й полкѣ. Если названіе занимаетъ больше чѣмъ одинъ шкапъ, то тогда пишется напр. $\frac{E \text{ XII} \quad E \text{ XIII}}{2 \text{ № } 3 \quad 3 \text{ № } 1}$

т. е. названіе начинается на 2-й полкѣ XII шкапа съ 3 №, держитъ на слѣдующихъ полкахъ № 1 и кончается первымъ же № на 3-й полкѣ XIII шкапа.

4) Въ первой заглавной строкѣ отмѣчается заглавіе названія, опредѣляющее собою мѣсто карточки въ алфавитѣ.

5) Вторая заглавная строка предназначена для болѣе частнаго, если бы встрѣтилась надобность, опредѣленія заглавія названія.

6) Идетъ дальнѣйшее описаніе названія, если первыхъ двухъ строкъ для этого было не достаточно. Тутъ же и обозначено, если названіе многотомное, соотвѣтствіе переплетовъ томамъ, а то—и содержанію названія, а также, если названіе идетъ черезъ полку, размѣщеніе переплетовъ по полкамъ.

7) Отмѣчается *locus et annus*.

Такимъ образомъ, карточка получаетъ напр. слѣдующій видъ:

$\frac{\text{№ } 3120}{3622}$ | пер. 9

$\frac{E \text{ XXVII}}{10 \text{ № } 1}$

О Б Щ Е С Т В А

исторіи и древностей російскихъ при Московскомъ Университетѣ

Записки и труды.

- имѣется за 1815 г.—1-я ч. въ 2-хъ экз. (№№ пер. 1—2).
 • 1824 г.—2-я ч. въ 2-хъ экз. (№№ • 3—4).
 • 1833 г.—6-я ч. въ 2-хъ экз. (№№ • 5—6).
 • 1837 г.—7-я ч. въ 2-хъ экз. (№№ • 7—8).
 • 1838 г.—8-я ч. въ 1-мъ экз. (№ • 9).

Москва.

Или:

№ 4327 | пер. 8
Р.—III.A. V.
11 № 31

Euripidis

Tragoediae et fragmenta

rec. Matthiae Lipsiae 1813—29.

Vol I: Hec. Orest. Phoen. Med. Hippol. Alcest.

Vol II: scholia in Hec. et Orest. Vol III: scholia in cet.
trag.

Vol IV: notæ in Hec. Phoen. Med. Orest.

Vol V: notæ in Hippol. Alcest. Androm. Suppl. Iphig.
Aul. et Taur.

Vol VI: notæ in cet. trag. Vol VII: fragmenta Euripidis.

Vol VIII: indices et scholia Vatic. in Troadas et Rhesum.

Или:

№ 11346 | пер. 360
3054E. XII — E. XIII
1 № 1 3 № 1

ЖУРНАЛЪ

Отечественныя Записки

XII. 1: 1820 (5—12); 1821 (1—6; 8; 10—12); 1822—23; 1824 (1—7; 10; 12); 1825—26; 1827 (1—6). **XII 2:** 1827 (7—12) 1839 (1, 3, 5, 7, 10—12); 1840 (1, 9); 1842 (6) 1847 (1—11); 1848 (1—9). **XII. 3:** 1848 (10—12); 1849 (1—3; 5; 7—12); 1850; 1851 (1; 3—7). **XII. 4:** 1851 (8—12); 1852; 1853 (1; 3—12); **XII. 5;** 1854—56 (до 10-го). **XII. 6:** 1856 (съ 11-го)—59 (до 4). **XII. 7:** 1859 (съ 5)—1861. **XII. 8:** 1862—64. **XII. 9:** 1865—66 (1—7; 9—12); 1867 (1—10). **XII. 10:** 1867 (съ 11)—1870 (до 6). **XIII—1:** 1870 (съ 7)—1873 (до 3). **XIII. 2:** 1873 (съ 4)—1875. **XIII. 3:** 1884 г. (1—3).

С.-Петербургъ

(туть мѣчены переплеты не номерами, а обозначеніемъ года и мѣсяца).

Есть карточки, писанныя красными чернилами. Это значить, что названіе имѣеть продолжаться. Тогда на мѣстѣ карточки, предназначенномъ для обозначенія количества переплетовъ, пишется: смотри листъ такой-то «вниги продолженій». Книга продолженій также заведена теперь. Въ ней на листѣ, указанномъ въ карточкѣ, записано и имѣеть дальше записываться все то, что въ другихъ случаяхъ помѣще-

но на самихъ карточкахъ, т. е. соотвѣтствіе переплетовъ томамъ, а то — и содержанію названія, а также, если названіе идетъ черезъ полку, размѣщеніе переплетовъ по полкамъ.

Такъ, напр., на карточкѣ прописано красными чернилами:

№ 10213 | листъ 3 вн. пр.

E IV
6 № 1
7 № 1

ЖУРНАЛЫ

Revue archéologique

Paris,

а въ книгѣ продолженій, на 3 листѣ, записано:

E IV
6 № 1
7 № 1

листъ 3

Revue archéologique

E IV 6 № 1	}	1878 г. — безъ Декабрскаго №	—	1 пер.
		1889 — безъ Январскаго №	—	1 »
		1880, 81, 82, 83, 84, — —	по	1 »
		1885 — — — —	—	2 »
		1886 — — — —	—	2 »
		1887 — — — —	—	2 »
E IV 7 № 1	}	1888 и 89 — — — —	по	2 »
		1890 (1—6) — — — —	—	1 »
		1890 (7—12) — — — —	—	1 пер.
		1892 и 93 — — — —	по	2 пер.
		1894 — — — —	—	2 пер.

(дальнѣйшіе выпуски журнала *Revue archéologique* находятся въ меньшей комнатѣ, будутъ переплетены, когда соберется полный экземпляръ за годъ, будутъ внесены въ книгу продолженій и помѣщены на полкѣ).

Или же:

на карточкѣ прописано красными чернилами:

№ 13562 | л. 106 вн. пр.

E. XL
3 № 5.

(ad) Livius.

Fügner Fr.

Lexicon Livianum, virorum aliquot doctorum
opera adjutus confecit Fr. Fügner.

Lipsiæ 1892,

а въ книгѣ продолженій, на означенномъ въ карточкѣ листѣ, значится:

Е. XL

листъ 106

3 № 5

Lexicon Livianum, Fügner.

fasciculi 1, 2, 3, 4, 5, 6

(такъ же будутъ заноситься и дальнѣйшіе fasciculi по мѣрѣ ихъ поступленія. Когда составится томъ, то онъ переплетется, и переплетъ отмѣтится въ «книгѣ продолженій»).

Шкапъ XL въ залѣ Е предназначенъ для продолженій **не—журналовъ**. Онъ очень длинный, разгороженъ такъ, какъ мебель для журналовъ въ меньшей комнатѣ, такъ что имѣется по отдѣленію для каждаго имѣющаго продолжаться названія — **не—журнала**, а само названіе будетъ находиться тамъ до тѣхъ поръ, пока оно не окончится изданіемъ. Когда окончится изданіемъ, то перейдетъ въ другой казойнибудь шкапъ, вычеркнется изъ книги продолженій, и красная карточка замѣнена будетъ черною, съ новою сигнатурою, соответствующею новому помѣщенію названія. Перемѣнена должна быть и запись въ провѣрочной книгѣ.

11) Алфавитъ въ библиотечномъ карточномъ каталогѣ не двойной, какъ прежде, а одинъ. Алфавитъ этотъ напечатанъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ и расклеенъ по ящичкамъ карточного каталога. Онъ имѣетъ слѣдующій видъ:

Лат. нач.	A	идеть въ перемежку съ русск. нач.	A
"	B	" " " " " "	B
"	Сh	" " " " " "	X
"	D	" " " " " "	Д
"	E	" " " " " "	Э
"	G	" " " " " "	Г
"	H		
"	Ia-Ua, Ib-Ub, . Ie-Ue, . In-Un, Io-Uo, . Iu-Uu, Iz-Uz.	идеть въ перемежку съ русскимъ начальнымъ	
	Я, Иб, . . Е-Ъ . Ин, . Io, . . Ю, Из		
"	Ка-Са . Ке-Се . Ки-Ку-Си . Ко-Со . X . Кв-Qu .	идеть въ перемежку съ русскимъ начальнымъ	
	Ка-Ца . Ке-Це . Ки-Ки-Ци . Ко-Цо . Кс . Кв-Цв		
"	L	идеть въ перемежку съ русск. нач.	Л
"	M	" " " " " "	М
"	N	" " " " " "	Н

Лат. нач.	О	идеть въ перемѣжку съ русск. нач.	О
" "	(P, но не Ph)	" " " " "	П
" "	R (. . . западно-слав. Rz—Ř)	идеть въ перемѣжку съ русскимъ начальнымъ	Р
" "	S (но безъ Sch)	идеть въ перем. съ русск. нач.	С
" "	Sch	" " " " " "	Ш (. . . Шц) съ западнослав. Š.
" "	T (вмѣстѣ съ Th)	" " " " " "	Т
" "	V - W - F - Ph	" " " " " "	В - Ф - Ѳ
" "	U	" " " " " "	У
" "	Z	" " " " " "	З
.	.	.	Русское начальное Ч и западнослав. Ć.
.	.	.	Русское начальное Ж и западнослав. Ž.

- Примѣч. а)** Алфавитъ въ срединѣ словъ такой же, какъ и начальный. Латинское *y* считается наравнѣ съ *i—j*; русское *ы* считается наравнѣ съ *и*. Мягкія *я—ь* —*ю* въ срединѣ словъ считаются наравнѣ съ твердыми *а—э—у*, но при *з—ь* (напр. въ «Зиновьевъ») и вообще, когда ясно выговаривается йота въ йотированныхъ буквахъ (напр. Бѣляевъ), считаются наравнѣ съ *i—j+a—e—и*.
- б)** Русскіе знаки *з* и *ь* въ концѣ словъ, а также *ъ* въ срединѣ такихъ словъ какъ «Извольскій», при размѣщеніи карточекъ по алфавиту въ соображеніе не входятъ.
- в)** Двойныя буквы посрединѣ словъ (напр. «Muelleg», «Parradorulo» и т. д.) при размѣщеніи карточекъ по алфавиту въ соображеніе входятъ.
- г)** Греческія имена въ карточномъ каталогѣ латинизованы (Gregorius, «Aeschylus» и т. д.).
- д)** Если русское изданіе представляетъ собою переводъ сочиненія какого-нибудь автора—иностранца, то въ заглавной строкѣ карточки обозначенъ не переводчикъ, а самъ авторъ, и притомъ ореографію не русскою. Такъ, въ карточномъ каталогѣ слѣдуетъ искать не Меньяна, а Meignan'a, не Льюиса, а Lewis'a, не Гегеля а Hegel'я и т. д.
- Если авторъ съ иностранною фамилію из-

даетъ свое сочиненіе на русскомъ языкѣ, то фамилія прописана въ заглавной строкѣ карточки русскою орѳографіею. Такъ, слѣдуетъ искать въ карточкахъ русскія изданія не Schloetzer'a или Schloetzer'a, а Шлецера, не Stritter'a, а Штриттера и т. д.

Если русскій издаетъ свое сочиненіе на иностранномъ языкѣ, то въ заглавной строкѣ карточки фамилія его все равно обозначена русскою орѳографіею. Такъ, слѣдуетъ вездѣ искать Уварова, а не Ouwaroff'a, вездѣ Чебышева а не Tchebischef'a и т. д.

При перебѣливаніи черноваго каталога, т. е. при составленіи, на основаніи изготовленныхъ размѣстителями книгъ черновыхъ тетрадей, карточного каталога, больше всего приходилось заботиться о системѣ формулированія заглавныхъ строкъ, по каковымъ заглавнымъ строкамъ и группируется карточка въ алфавитъ. На этотъ счетъ выработаны библиотечною комиссіею, а потомъ и практикою извѣстныя начала, разъясненіе которыхъ и слѣдуетъ теперь.

12) а) Самымъ простымъ при составленіи карточки представляется то положеніе, когда авторъ сочиненія, описываемаго въ карточкѣ, извѣстенъ и въ изданіи отмѣченъ. Тогда фамилія автора (но не переводчика, какъ то уже указано въ примѣчаніяхъ къ алфавиту) ставится въ заглавной строкѣ карточки, а затѣмъ слѣдуетъ описаніе названія. Если авторовъ двое, то составляются и двѣ карточки, одна съ одною, а другая съ другою группировкою, въ заглавной строкѣ, самихъ авторовъ (напр. «Утинъ—Лазаревскій» и «Лазаревскій—Утинъ»).

б) Я говорилъ сейчасъ объ авторѣ сочиненія, а не объ изданіи какого нибудь памятника. Въ послѣднемъ случаѣ, т. е. когда книга представляетъ собою изданіе какого нибудь памятника, въ заглавную строку попадаетъ названіе самого памятника. Такъ, въ заглавныхъ строкахъ Институтскаго карточного каталога встрѣчаются такіе tituli, какъ: «Русская правла,» «Etymologicum magnum», «Pervigilium Veneris» и т. д. Точно также въ заглавную строку попадаетъ названіе сборника, если оно представляетъ собою что нибудь типичное (сравни сборникъ «Утро», «Комета» и т. п.) Въ случаяхъ, гдѣ изданіе памятника считается выдающимся ученымъ трудомъ въ добавленіе

къ обязательной карточкѣ, въ коей въ заглавной строкѣ отмѣченъ памятникъ, составляется другая карточка, съ фамилією издателя въ заглавной строкѣ. Эта-то другая, необязательная карточка группируется, конечно, въ алфавитѣ каталога уже по начальнымъ буквамъ своей заглавной строки.

в) О сборникахъ, не имѣющихъ краткаго типичнаго названія, нужно сказать слѣдующее. Есть одновременно издающіеся сборники (я не говорю о журналахъ), которые представляютъ собою ни болѣе ни менѣ какъ переплетенный въ одну, такъ сказать, книгу рядъ сочиненій, то относящихся, а то даже и неотносящихся къ одной области знаній, Въ библиотекѣ есть сборники, буквально соответствующіе приведенной замѣткѣ. Такъ, въ бібліотеку приобрѣтено отъ вдовы покойнаго Н. Я. Аристова, бывшаго инспектора Института, прекрасное собраніе, состоящее изъ 21 толстыхъ переплетовъ, разныхъ статей по русской исторіи. Такихъ собраній статей, переплетенныхъ въ одну книгу, очень много встрѣчается и въ Ричлевской бібліотекѣ. Во всѣхъ этихъ и подобныхъ имъ случаяхъ въ карточный каталогъ попадаетъ столько же карточекъ, сколько сочиненій и авторовъ въ сборникѣ.

г) Какъ издатели памятниковъ не должны попадать непременно въ заглавную строку карточки, такъ могутъ въ нее не попасть и авторы сочиненій, представляющихъ собою изслѣдованіе памятника, или же разборъ какого нибудь общаго или частнаго вопроса по изученію того или другого ученаго или вообще литературнаго дѣятеля. Въ этихъ случаяхъ обязательно попадаетъ въ заглавную строку карточки какъ названіе изслѣдуемаго памятника, такъ и имя самаго изучаемаго авторомъ ученаго или вообще литературнаго дѣятеля съ предпосылкою предлога *ad*, самъ же изслѣдователь отмѣчается во второй строкѣ карточки. Такъ, извѣстное изданіе Шенрока «Матеріалы для біографіи Гоголя» отмѣчено въ карточкѣ такъ:

№ 13444	л. 103 кн. пр. (<i>ad</i>) Гоголь	С. II.
14090	Шенрокъ В. И.	9 № 16.
Матеріалы для біографіи Гоголя		
Москва 1893 г.		

Эта карточка (кстати она написана пока красными черцилами) опять таки не исключаетъ возможности составленія

и другой карточки, съ именемъ изслѣдователя въ заглавной строкѣ. Такимъ образомъ, карточки съ именемъ какого нибудь одного литературнаго дѣятеля въ заглавной строкѣ, могутъ оказаться въ карточномъ каталогѣ **трехъ** разрядовъ, каковыя разряды въ такомъ случаѣ и идутъ одинъ за другимъ въ слѣдующемъ порядкѣ: предшествуютъ карточки съ предлогомъ *ad* (у древнихъ авторовъ къ карточкамъ съ *ad* отнесены и схолии, и спеціальныя лексиконы), затѣмъ слѣдуютъ изданія **сочиненій** этого дѣятеля, сначала — **всѣхъ** (= собраній) сочиненій, а затѣмъ и **отдѣльныхъ** произведеній, сгруппированныхъ по алфавиту, а то и по хронологическому порядку (передъ отдѣльными сочиненіями опять таки могутъ появляться карточки съ *ad*), а за изданіями произведеній идутъ ихъ **переводы** (переводы **собраній** сочиненій за **заданіями** собраній, а переводы **отдѣльныхъ** сочиненій за этими послѣдними).

д) Карточекъ съ заглавною строкою «Anonymus» нѣтъ въ каталогѣ. Вышеприведенныя приемы даютъ нѣкоторыя средства избѣгнуть такихъ карточекъ. Въ самомъ дѣлѣ, если анонимъ въ своемъ сочиненіи изслѣдуетъ какой нибудь памятникъ или изучаетъ какого нибудь ученаго, то его сочиненіе получаетъ карточку съ именемъ ученаго и названіемъ памятника въ заглавной строкѣ (съ предлогомъ *ad*). Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда анонимъ пишетъ о какомъ нибудь историческомъ дѣятелѣ **не писателѣ**, карточка составляется безъ *titul'* а «Anonymus», и въ заглавную строку попадаетъ самъ историческій дѣятель **не писатель**, съ прибавкою, конечно, предлога *ad*. Сборники, издаваемые въ **память** или вообще въ честь какого-нибудь ученаго, въ заглавной строкѣ карточки отмѣчены также именемъ этого ученаго, съ прибавленіемъ предлога *ad*.

Всевозможнаго рода **учебники** и т. п. изданія, гдѣ авторъ не извѣстенъ или въ изданіи не помѣченъ, сгруппированы въ карточномъ каталогѣ по заглавнымъ строкамъ «*Chrestomathia*», «Атласъ», «Грамматика», «*Lexicon*», а затѣмъ есть цѣлый рядъ карточекъ, имѣющихъ *titulum* «по предмету» — въ заглавной строкѣ и — «Богословія», «естествознанія», «географіи и этнографіи», исторіи классическаго міра», «исторіи русской» и т. д. — во второй строкѣ карточки. Для того чтобы предоставить пользующимся библіотекою возможность обозрѣть

лучше бібліотечный матеріалъ по разнымъ атласамъ, лексико-
намъ, и грамматикамъ разныхъ языковъ, въ группѣ карточекъ
съ titul'омъ «Атласъ», «Грамматика» и «Lexicon» помѣщены
повторительныя карточки тѣхъ изданій атласовъ, грамма-
тикъ и лексиконовъ, коихъ авторы извѣстны и въ изданіяхъ
помѣчены.

е) Для изданій, появляющихся отъ имени цѣлыхъ **Об-
ществъ и Учрежденій**, въ карточномъ каталогѣ имѣются карточки
съ названіемъ этихъ обществъ и учрежденій. Этотъ приемъ,—
самъ по себѣ, казалось, не представляющій никакого затруд-
ненія въ отыскиваніи по немъ въ карточномъ каталогѣ си-
гнатуръ книгъ,—съ другой стороны далъ возможность избѣ-
гнуть карточекъ съ titul'омъ «Отчетъ». Все, относящееся къ
исторіи такого или иного общества или учрежденія (прави-
тельственныхъ учрежденій и учебныхъ заведеній въ томъ чи-
слѣ), попало въ карточки подъ titul'омъ этого общества или
учрежденія. съ прибавленіемъ предлога *ad*.

ж) Появляющіяся часто, особенно по литературамъ
древне-классическаго міра, собранія такого или иного лите-
ратурнаго вида произведеній также имѣютъ въ каталогѣ кар-
точки съ соотвѣтствующимъ этому виду titul'омъ: *oratores*,
oratores attici, *poetae*, *poetae elegiaci* и т. д. (этотъ приемъ
заимствованъ цѣликомъ изъ извѣстнаго изданія «*Bibliotheca
Classica*» Энгельмана и его продолжателей, точно также какъ
Энгельманъ своимъ изданіемъ навелъ и на приемъ въ titul'-
ахъ съ «*ad*»). Не исключается возможность вдобавокъ въ
карточкѣ съ titul'омъ, соотвѣтствующимъ **собранію**, вставить
въ каталогъ карточку съ именемъ **собрателя** въ заглавной
строгѣ).

з) Вообще въ карточномъ каталогѣ, кромѣ titul'овъ съ
именами авторовъ и названіями памятниковъ до сихъ поръ
пришлось дать мѣсто слѣдующимъ titul'амъ (списокъ ихъ рас-
клеенъ при карточномъ каталогѣ):

Acta diurna.

Акты (документы, договоры, «бумаги», «дѣла» и т. п.).

Актовыя книги.

Anecdota.

Анекдоты.

Anthologia.

Апокрифы.

- Апосто́лы.
- Археографическіе сборники
- Археографическихъ Коммиссій труды, изданія, исторія.
- Археологическіе труды и изданія (т. е. альбомы и описанія древностей и «достопамятностей», церковныхъ древностей и т. д.).
- Археологическіе съѣзды.
- Архивы.
- Атласы.
- Библія.
- Библіотеки.
- Богослуженіе.
- Братства (*confrèries*).
- Chrestomathia*.
- Департаменты кассационныя.
- Газеты.
- Государственный Контроль.
- Госуд. Совѣтъ.
- Грамматики.
- Грамоты (Высоч. Манифесты и Рескрипты, конвенціи и т. д., вообще—продолженіе «Актвъ»).
- Inscriptiones* (надписи).
- Институты (археологическіе разныхъ государствъ).
- Calendaria* (календари).
- Церемоніалы (Богослужебныя и Царскіе).
- Комитетовъ разныхъ труды, изданія и исторія.
- Коммиссій разныхъ труды, изданія и исторія (Археографическія коммиссіи выше).
- Concilia* (т. е. Вселенскіе Соборы, Дѣянія ихъ).
- Лѣтониси.
- Lexica.
- Manuscripta* (рукописи, палеографич. снимки).
- Матицы.
- Mémoires* (т. е. историческіе мемуары).
- Министерства (съ ихъ Департаментами и Учеными Комитетами), какъ русскія, такъ и заграничныя; ихъ изданія, списки служащихъ.
- Миссіи.
- Молитвенники.
- Монастыри, церкви и святыни (Афонъ, Лавры).

Монеты и медали.

Monumenta.

Музеи, ихъ изданія, исторія, списки служащихъ.

Общества разныя, ихъ труды и изданія (Друштво, Дружество, Gesellschaften).

Oratores.

Орденскіе статуты.

Памятники.

Пѣсни, церковныя и народныя (Гимны, Lieder).

Письма (Lettres)

Писцовыя книги.

Poetae.

«По предмету» — Богословія, дѣлопроизводства, естествознанія, географіи и этнографіи, исторій, юридическихъ наукъ, медицины, педагогій, публицистики, статистики, вѣроисповѣданій иноземцевъ, философіи, Закона Божія

«По разнымъ странамъ свѣта, государствамъ, краямъ, губерніямъ, городамъ и селамъ» (продолженіе карточекъ «по предмету географіи»).

Postilla (и вообще поученія на воскресные и праздничные дни).

Правила Апостольскія.

Правила.

Приказы (дворцовые, патріаршіе).

Присужденіе наградъ.

Проекты.

Проповѣди, слова, и бесѣды.

Разряды (дворцовые...).

Разрядныя книги.

Сборники.

Сенать Правительствующій.

Сѣзды; Versammlungen (Археологическіе сѣзды выше).

Синодъ Святѣйшій.

Сказанія.

Scriptores — accipitrariae rei, biographi, doxographi, ecclesiastici (творенія св. Отцовъ), epistolographi, geographi, grammatici, gramatici, historiae, jurisprudentiae, metrici, metrologi, de re militari, mythographi, panegyrici, paradoxographi, paroemiographi, rhetorici, rei rusticae, philosophi, rerum Rossicarum, Ruthenicis...

Суды.

Таблицы.

Testamentum novum (и его части) и vetus (и его части).

Торжества, юбилеи, торжественныя рѣчи.

Вѣдомство Православнаго Исповѣданія (епархіи, консисторіи, духовенство) въ Россіи и иностранныхъ государствахъ (Уніаты).

Учебныя заведенія (Дух. Академія, русскіе и заграничныя Университеты, Институты, Лицеи, Гимназіи...), ихъ изданія, исторія.

Ученныя Академіи (русскія и заграничныя.)

Ученныя школы (Écoles).

Законы (Указы. Уставы, Уложенія, Положенія и т. д. Нотаріальная часть, Verordnungen и т. д.

Записки (историческія. продолженіе Мемуаровъ).

Житія

Журналы, не попавшіе подъ прежніе tituli.

Выдерживая всѣ вышеуказанныя начала въ заглавныхъ строкахъ карточекъ, пришлось составить карточекъ гораздо больше, чѣмъ поставлено на полкахъ названій. Иное изданіе, — напр. всевозможныя «матеріалы», — приходилось, помимо обозначенія ихъ автора или собирателя въ заглавной строкѣ, подводить подъ нѣсколько tituloвъ приведеннаго списка. Для поставленныхъ нынѣ Е. И. Кашпровскимъ, И. А. Сребницкимъ и авторомъ замѣтки 10035 названій имѣется въ карточномъ каталогѣ карточекъ 14327. — Если названіе имѣется въ библиотекѣ въ нѣсколькихъ экземплярахъ, то для **каждаго** экземпляра составлена особая карточка, и самъ экземпляръ посчитанъ за особое названіе. Если же 2-й экземпляръ названія имѣется **неполный**, то тогда составленіе карточекъ велось разнo. Если въ новомъ экземплярѣ томовъ много, то опять таки составлена для него особая карточка, съ обозначеніемъ на ней дефекта, а самъ экземпляръ посчитанъ за особое названіе. Если же новый экземпляръ представляетъ собою дублетъ одного — двухъ томовъ многотомнаго какого нибудь названія, то этотъ дублетъ примкнулъ уже къ полному экземпляру многотомнаго названія, а на карточкѣ онъ отмѣченъ особымъ лишь переплетомъ (=особымъ номеромъ переплета) этого многотомнаго названія.

и) Карточный каталогъ помѣщается въ длинныхъ ящи-

кахъ, съ 6-ю отдѣленіями въ каждомъ, причемъ карточки стоятъ ребромъ и, такъ какъ нижняя поверхность отдѣленія уже, чѣмъ верхняя, разворачиваются и читаются вполне свободно. Ящики лежатъ на узкихъ, но высокихъ столахъ, такъ чтобы карточки можно было читать стоя; столы разставлены вдоль стѣнъ будущей читальни, а на полкахъ ихъ, подъ ящиками, помѣщенъ справочный отдѣлъ библіотеки (энциклопедическіе словари, большіе словари по языкамъ, разные «указатели»). Тамъ же, въ будущей читальнѣ, на такихъ же высокихъ столахъ, ждущихъ еще ящиковъ, лежатъ неперебѣленные еще каталоги отдѣльныхъ размѣстителей книгъ и «книга продолженій».

і) Такъ обставлена будущая читальня. Стоитъ тамъ, впрочемъ, еще небольшой столикъ съ бланками для расписокъ на полученіе книгъ. Прежде представлялись библіотекарю и составлялись расписки въ полученіи книгъ только тогда, когда книга была найдена и приготовлена къ выдачѣ, и притомъ на каждую книгу составлялась особая расписка. Этотъ порядокъ оказался неудобнымъ; книги, приготовлявшіяся къ выдачѣ, отыскивались долго, а затѣмъ раскладывались по столамъ, выжидали получателей, да и при самой выдачѣ, сопровождавшейся составленіемъ расписокъ, терялось очень много времени. Отнынѣ желающій получить книгу приготовить себѣ заранѣе записку въ своей читальнѣ на имѣющемся тамъ бланкѣ, отыскавъ ея сигнатуру въ каталогѣ (а не на полкѣ, какъ часто бывало прежде), причемъ имѣетъ возможность тутъ же справиться какъ по провѣрочнымъ книгамъ, не выдана ли она уже кому нибудь, такъ и по книгѣ о переплетахъ, не находится ли она въ переплетѣ (и провѣрочныя книги, и книга о переплетахъ положены на библіотекарскомъ столѣ и доступны одинаково какъ библіотекарю, находящемуся въ библіотекѣ, такъ и пользующемуся библіотекою, находящемуся въ читальнѣ), а затѣмъ въ опредѣленные дни и часы предъявляетъ библіотекарю готовую записку (на запискѣ можно помѣстить нѣсколько изданій), по которой библіотекарь и выдаетъ книги, записывая фамилію получателя въ провѣрочной книгѣ и отбирая отъ послѣдняго записку; записки укладываются по алфавиту именъ получателей въ ящикъ, находящійся на библиотекарскомъ же столѣ (прежняя мебель для храненія расписокъ оказалась немного неудобною).

При сдачѣ книгъ бібліотекаръ вычеркиваетъ въ провѣрочной книгѣ фамилію сдающаго, а въ запискахъ запись о сдаваемой книгѣ, но книга при сдачѣ не сейчасъ ставится на полку, а отълаживается въ имѣющуюся при бібліотекарскомъ столѣ тумбу, дабы была возможность на свободѣ разсмотрѣть, не подлежитъ ли она отдачѣ въ переплетъ, и вообще привести ее, на случай новой выдачи, во внѣшнемъ отношеніи въ порядокъ.

Дальнѣйшая судьба организаціи бібліотечнаго дѣла бібліотечною комиссіею уже получила свое опредѣленіе въ 3-хъ отношеніяхъ:

1) Новыя книги, поступающія въ бібліотеку, складываются въ залѣ В въ особый для этого назначенный шкапъ. Тутъ же находится столъ съ инвентарями. Бібліотекаръ записываетъ приобрѣтенія въ инвентарь, а затѣмъ бібліотечная комиссія сама занимается назначеніемъ мѣстъ на полкахъ для этихъ приобрѣтеній и составляетъ для нихъ черновой каталогъ, переписываемый безотлагательно завѣдывающимъ читальнею.

2) Къ началу новаго учебнаго года открывается читальня. Проектъ о читальнѣ внесенъ авторомъ замѣтки въ Конференцію въ видѣ слѣдующей докладной записки:

«Въ Маѣ 1894 г. я имѣлъ честь представить въ Конференцію довлддную записку о читальнѣ при бібліотекѣ, въ общемъ удостоившуюся одобренія Конференціи. Главнымъ мотивомъ для устройства при бібліотекѣ и въ ея помѣщеніи читальни признано было тогда болѣе правильное пользованіе самою бібліотекою,—болѣе правильное въ томъ смыслѣ, что только при существованіи читальни,—съ одной стороны пользующіеся бібліотекою могутъ знакомиться легко и безъ затрудненій для бібліотечныхъ порядковъ со всѣмъ богатствомъ бібліотеки, а съ другой стороны сами книги могутъ оставаться въ бібліотекѣ и не залеживаться на дому въ тѣхъ случаяхъ, когда еъ нимъ приходится прибѣгать для той или иной кабинетной работы въ видѣ лишь наведенія по нимъ справокъ».

«Что касается въ частности студентовъ, то извѣстно, что по одному бібліотечному правилу періодическія изданія, книги легкаго чтенія и книги, неизмѣющія отношенія къ ихъ научнымъ занятіямъ, на руки имъ не выдаются, развѣ если на то послѣдуетъ, въ видѣ исключенія, разрѣшеніе Директора

или Инспектора или заявленіе преподавателей. По другому правилу число книгъ, выдаваемыхъ студенту на руки, не должно превышать 5 названій и 10 томовъ, и исключеніе изъ этого правила допускается, когда, по заявленію преподавателя-спеціалиста студентъ нуждается въ большемъ числѣ сочиненій. Такимъ образомъ оба правила допускаютъ исключенія, обставленныя извѣстною формою. Форма, установленная при выдачѣ періодическихъ изданій и книгъ, неотносящихся къ научнымъ занятіямъ студентовъ, очень сложна и могла бы быть съ удобствомъ замѣнена предоставленіемъ студентамъ права получать періодич. изданія и книги, неотносящіяся къ ихъ научнымъ занятіямъ, въ читальнѣ; что же касается случаевъ выдачи студентамъ больше чѣмъ 5 названій, то они при существованіи читальни не только будутъ рѣже, но могутъ на практикѣ получить вполне опредѣленную организацію. Въ настоящее время въ библіотекѣ имѣются два рода бланковъ для расписокъ въ полученіи книгъ: одни бланки рассчитаны именно на 5, а другіе на большее число названій. Студентамъ, кромѣ допускаемыхъ по правиламъ 5-и названій, нужныхъ имъ для ихъ текущихъ занятій, приходится выдавать книги дѣйствительно по большему, но притомъ всегда опредѣленному, относительно состава, списку тогда, когда они заняты рефератами и научными сочиненіями. Тутъ то и могъ бы студентъ, составивъ подъ руководствомъ преподавателя-спеціалиста и проставивъ на большемъ бланкѣ списокъ самихъ книгъ, заpastись на бланкѣ же подписью руководившаго его преподавателя-спеціалиста, и въ такомъ видѣ предъявить библіотекарю бланковую росписку на предметъ выдачи книгъ на домъ сверхъ нормальныхъ 5-и названій».

«Въ настоящее время нѣтъ больше препятствій для открытія читальни, такъ какъ реорганизація большей части библіотеки окончена, и варточный алфавитный каталогъ, хотя и на половину только въ черновомъ видѣ, по реорганизованной части библіотеки готовъ. Для читальни приготовлена угловая комната помѣщенія библіотеки».

«Читальня могла бы быть открыта во всѣ тѣ дни, когда не будетъ выдачи книгъ на домъ. Самымъ удобнымъ было бы, если бы выдача книгъ происходила по Вторникамъ, Четвергамъ и Субботамъ, и тогда читальня могла бы быть открыта по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ, всегда съ 3¹/₂ до

9 часовъ вечера, приче́мъ завѣдывающій читальнею, о кото́ромъ я также имѣлъ честь докладывать въ прежней запискѣ, могъ бы въ тѣ дни, когда читальни не будетъ, заняться изготовленіемъ бумагъ, касающихся библіотеки; послѣднія (переписка о выпискѣ книгъ, о требованіи книгъ, не возвращенныхъ въ срокъ, объ обмѣнѣ изданій, а также переписываніе протоколовъ библіотечной комиссіи и т. д.) могли бы быть совершенно выдѣлены изъ канцеляріи Института».

«Самая выдача книгъ изъ библіотеки въ читальню могла бы происходить слѣдующимъ образомъ. У завѣдывающаго читальней имѣются подъ руками марки (изъ картонной бумаги) съ №№ 1, 2, 3, 4 и т. д. Берущій книгу въ читальню предъявляетъ завѣдывающему читальнею на листочекъ бумаги (не на бланкѣ), сигнатуру требуемой книги съ короткимъ ея заглавіемъ, а завѣдывающій читальнею, по отысканіи книги, читающему выдаетъ марку, — первому № 1, второму № 2 и т. д., — а самъ на оборотъ листочка краснымъ карандашомъ отмѣчаетъ этотъ № и складываетъ листочки въ пачку, по порядку номеровъ. При возвращеніи книги онъ, наоборотъ, отъ читающаго беретъ марку, а самъ выдаетъ ему изъ пачки соотвѣтствующій листочекъ».

«Возвращенныя изъ читальни книги не устанавливаются на полки въ тотъ же день, а только въ слѣдующій день, утромъ, приче́мъ установка ихъ на полки должна быть окончена до выдачи въ этотъ день книгъ на домъ».

«Кромѣ дней и часовъ, назначенныхъ для чтенія книгъ и для занятій по нимъ въ самой читальнѣ, читальня должна бы быть доступна ежедневно во всѣ часы учебнаго времени (отъ 8-и до 2-хъ), для разсматриванія справочнаго отдѣла и каталоговъ».

Настоящая докладная записка во всѣхъ ея частяхъ одобрена Конференціею.

3) Постановлено пересмотрѣть существующія нынѣ библіотечныя правила и примѣнить ихъ къ новому порядку въ библіотекѣ.

Предстоитъ затѣмъ, для того чтобы библіотека получила надлежащій видъ, 1) приводить ее въ порядокъ въ переплетномъ отношеніи (много книгъ или совсѣмъ еще не переплетено или требуетъ исправленія); 2) размѣстить и описать тѣ 2—3000 названій, которыя еще въ новый порядокъ не вошли (эти на-

званія для пользованія теперь пока закрыты); 3) перебѣлить на карточки черновой каталогъ нѣкоторыхъ размѣстителей книгъ и т. д...—много еще работы!

Расходы за истекшіе два года, по реорганизаціи бібліотеки, требовались слѣдующіе:

1) На увеличеніе мебели (шкаповъ и полокъ) для книгъ и на мебель для карточного каталога	749 р. 45 к.
2) За галерею вдоль шкаповъ и за бібліотечарскій столъ	590 р.
3) За бланковыя карточки для карточного каталога	213 р.
3) За печатаніе разныхъ бланковъ (для провѣрочныхъ книгъ, для наклеекъ на книги и т. д.)	152 р. 15 к.
3) За переплетъ книгъ -	751 р. 45 к.
6) За перебѣливаніе карточного каталога бывшему преподавателю Нѣжинской Гимназіи Ф. А. Миловидову	43 р. 75 к.
	<u>Итого. 2499 р. 80 к.</u>

Примѣчаніе къ 6-му пункту расходовъ: Перебѣливать карточный каталогъ согласился сначала бывший преподаватель Нѣжинской Гимназіи и бібліотекаръ гимназической бібліотеки Ф. А. Миловидовъ. Но г. Миловидовъ переписалъ только 1750 карточекъ. Продолжать это дѣло не пришлось ему за перемѣщеніемъ его на службу въ Кіевъ; его продолжали сами размѣстители книгъ. Нѣкоторыя болѣе легкія карточки переписывали студенты Института.

А. Добіангъ.

Г. Нѣжинъ.

25 Августа 1895 г.

ЗАМѢТКИ

НѢКОТОРЫХЪ РУКОПИСЯХЪ,

ХРАНЯЩИХСЯ

въ бібліотекѣ Историко-филологическаго Института кн. Безбородко.

Е. В. Пятухова.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Г. Норчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4-й

1895.

Печатано съ разрѣшенія Конференціи Иститута Кн. Безбородко.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Отъ автора.

II. Описаніе или переченьъ рукописей:

- № 1 и 2. Прологи.
- 3 и 4. Златоусты.
- 5. Паренесисъ Ефрема Сирина.
- 6. Поученія Аввы Дорошея.
- 7. Тролицкая война.
- 8. Свитокъ назидательныхъ изреченій и разсказовъ.
- 9. Житіе Александра Македонскаго.
- 10. Путникъ Варлаама Левитскаго.
- 11. Сборникъ XVIII вѣка.
- 12. Наука счастливымъ быть.
- 13. Разныя стиходѣйствія.
- 14. Должникъ, драма.
- 15. Корабль Черниговской Семинаріи.
- 16. Спенскій мечъ.
- 17—19. Сочиненія и письма Н. В. Гоголя.
- 20. Дядька въ затруднительномъ положеніи, комедія.
- 21. Древняя Малороссія въ ея пѣсняхъ.

III. Приложенія:

- Къ № 11: Стихи о нищетѣ самозвольной.
 - Ода на 1 мая 1761 года, Игнатія Максимовича.
 - Къ № 13: Просьба въ стихахъ объ опредѣленіи въ актеры.
 - Къ № 15: Разговоръ о необходимой связи наукъ.
 - Разговоръ о преимуществѣ европейскихъ языковъ.
 - Разговоръ о началѣ города Чернигова и учрежденіи Семинаріи.
-

ОТЪ АВТОРА.

Рукописный отдѣлъ библіотеки Историко-филологическаго Института кн. Безбородко заключаетъ въ себѣ свыше 100 №—ровъ различнаго содержанія, XVI—XIX вѣковъ, на языкахъ церковно-славянскомъ, русскомъ, греческомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ и восточныхъ. Собраніе это составилось изъ разнаго рода случайныхъ пожертвованій въ библіотеку бывшей Гимназіи Высшихъ Наукъ, Лицея и Историко-филологическаго Института кн. Безбородко, но главнымъ вкладомъ въ него явилось небольшое собраніе (52 №—ри) рукописей, приобретенныхъ Институтомъ въ 1876 году въ составъ всей библіотеки покойнаго академика и профессора Московскаго университета С. П. Шевырева.

Предлагаемая замѣтка заключаетъ въ себѣ частію перечень, частію описаніе рукописей, наиболее любопытныхъ въ историко-литературномъ отношеніи. Въ „Приложеніяхъ“ помѣщено изъ названныхъ или описанныхъ рукописей нѣсколько статей, досель, сколько мы знаемъ, не напечатанныхъ и не лишенныхъ извѣстнаго историческаго интереса.

1. Шев. № 256). Прологъ, въ листъ, въ два столбца, декабрь—февраль, на 445 лл., полууставомъ XVI вѣка.

2. (Шев. № 255). Прологъ, въ листъ, мартъ—августъ, на 538 лл., полууставомъ 1600 г.

На послѣднемъ листѣ слѣдующая запись: **Написана сѣмъ книга гл҃авный прологъ в лѣтѣ ѿзъ что зъ (7107—1599) мѣца июля въ б. днь на память положеніе ризы и пѣтыя бл҃ны наша кѣны и прено дѣы мр҃н. а свершина лѣтѣ ѿзъ что ѿ (7108—1600) мѣца ноября въ нѣ. днь на память ст҃хъ мѣникъ платона и романа. А писалъ многогубшннѣ ракъ ежѣи фѣодорци іаковлкъ попоу Маркѣлоу Константиновоу сѣоу. А гдѣ господни шписалса и бы бога ради исправляте а не клинте. бога молите. Глава кѣоу свершнтелю и оучителю. аминь (л. 538 об.).**

О Прологахъ см. въ нашей статьѣ: „Къ исторіи древне-рускаго Пролога“ въ „Извѣстіяхъ Историко-филологическаго Института кн. Безбородко въ Нѣжинѣ“ т. XII. 1893.

3. (Шев. № 269). Златоустъ, въ 4°, на 263 лл., полууставомъ 1601 г.

На лл. 2—7 внизу можно прочесть слѣдующія слова записи позднѣйшей рукой: **сѣмъ книга Златоустъ влжннскаго погоста пагагѣко... а пописѣа свою р...к домя. николаю чудотворцу.** Первый листъ писанъ позднѣйшей рукою уставнымъ почеркомъ, а послѣдніе два (лл. 262, 262 об. и 263), кромѣ записи писца (писанной тѣмъ же почеркомъ, какъ и вся рукопись), — новѣйшей скорописью.

Л. 1. Кни́га глѣмалъ златобѣтъ нѣчнетъ чистѣи зѣ двѣ
или до маіаго зѣговнѣа. ѿ нѣлю в нѣюже чѣтѣтъ ежѣтвеналъ
ѣульскаа прѣтча. Слово еѣта нѣуѣнна златобѣта ѿ мытарѣи и фа-
рисеѣ. Нач. Прѣидѣте оубо брѣтѣе, да послабшаѣте хѣа глѣса до-
рѣнши боудѣ на покаанѣе...

Л. 3. Слово еѣтго нѣуѣ златоуѣстаго о елѣднѣ снѣ. Нач.
Се приспѣваѣтъ возлюбленѣи днѣ еѣтго и чистаго поѣта...

Л. 5 об. ѿ сѣотѣу маіопѣднѣю (sic) ѿ финансиелна нѣсто-
ла ѿ оумершѣи слово еѣтго нѣуѣ златоуѣстаго. Нач. Лѣпо еѣтъ ѣ
разѣмѣо рѣсмаѣтрати ѣ дѣлати ни по оумершѣи много плакатнѣа...

Л. 7 об. ѿ нѣлю маіопѣднѣю слово еѣтго нѣуѣ златѣстаго.
Нач. Врема брѣтнѣе прѣкѣнѣаѣтъ снѣта нѣше. покаѣмѣа ѣбо брѣтнѣе...

Л. 10 об. ѿ сѣотѣу сыропѣднѣю словѣ еѣуѣлѣти. ѣлѣво нѣуѣ
златоуѣстѣо. Нач. Аще рѣ гѣ. ѣстаѣлѣмѣте чѣкѣо согрѣшенна нѣх...

Л. 12 об. ѿ нѣлю сыропѣднѣю ѣлѣво еѣтго ѣуѣа златоуѣстѣо. Нач.
Разѣмѣо ѣ сѣмыселно послабшаѣте прѣка глѣша...

Л. 15 об. ѿ сѣотѣу прѣкѣю поѣта. еѣтго мѣчѣнѣка феѣдѣора
чѣрона. Нач. Прѣидѣте ѣ слышѣте вѣрнѣи. како елѣгн хѣ еѣтѣ
нѣше не ѣстаѣи на во оубѣленѣи лѣкаѣаго...

Л. 19. ѿ нѣлю прѣкѣю поѣта ѣлѣво еѣтѣо нѣуѣ златоуѣстѣа.
Нач. ѣ самѣи вѣщѣи видѣте возлюбленѣи поѣтнѣю поѣтѣо...

Л. 22. ѿ нѣлю ѣю поѣта поѣчѣннѣ нѣуѣ златоуѣстѣа. Нач.
Прѣидѣте вѣрнѣи. любѣмѣо еѣтадо хѣтѣоѣ да ѣбѣчѣноѣ ѣамѣ оубѣннѣ
прѣложнѣа...

Л. 25. ѿ нѣлю гѣю поѣта слово еѣтго нѣуѣ златоуѣстаго ѿ
воздѣржанѣи. Нач. Брѣтнѣе мнѣогады еѣ глѣ нѣнѣже плѣ глѣ ѿ брѣ-
зѣ кѣтѣа хѣа...

Л. 27 об. ѿ нѣлю дѣ. ѣлѣво еѣтго нѣуѣ златоуѣстаго. Нач. Прѣ-
идѣте нѣнѣ цѣркѣнаа чѣада. да ѣбѣчѣноѣ сотѣорѣо ѣамѣ поѣчѣнѣе...

Л. 30 об. ѿ нѣлю гѣю по ѣлѣво еѣтго нѣуѣ златоуѣстѣа. Нач.
Лѣбѣнѣи поѣмалѣи по ѣи скончѣти хѣоѣе...

Л. 33. ѿ сѣотѣу цѣѣтнѣю похѣлаа ѿ чѣтѣверѣднѣнѣо лѣзари.
Нач. Хѣа ѣоскѣнѣаа ѣи прѣдѣтѣаа сѣѣтѣозарѣоѣ торѣжѣтѣво...

Л. 36 об. ѿ нѣлю цѣѣтнѣю ѣлѣво еѣтго нѣуѣ златоуѣстѣа. Нач.
Лѣкѣо поѣчѣнѣо морѣа поѣтнѣоѣ ѣи врема прѣидѣхѣо...

Л. 38 об. ѿ сѣотѣу ѣланкѣи чѣтѣвѣрѣ ѿ прѣчѣстѣи ѣлѣво еѣтго
ѣуѣа златоуѣстѣа. Нач. Цѣрѣа ѣоторѣи или кнѣа аще к ѣоѣмѣ поѣдѣт гѣадѣо...

Л. 41 об. В іо в келікѣю сѣко сѣго григоріа дѣтишхінскаго. Нач. Что се безмолвие на земли много и что мочаніе много...

Л. 45 об. Во сѣю келікѣю нлю пасхы ѡ воскресеніи гни сѣко сѣго нѡа златоустаго. Нач. Восста и в треть днѣ гь ннѣз нсѣ хъ жызнѣ мнрѣ дѣрѣл...

Л. 49 об. Нже во сѣи ѡца нашего нана архієписпа константина златоустѣа сѣко на сѣю пасхѣ. Нач. Радѣнтіе о гдѣе всегѣ козлюбленнаѣ мол братіѣ...

Л. 56 об. В нлю новѣю по па сѣко сѣа нѡа златоустѣа Нач. Гдѣ егѣ спѣа нннего нсѣ хѣ воскресеніе і радостно празднованіе братіе...

Л. 59. В тѣ нлю новѣю по па крнла мннха сѣко ѡ поновленіи воскресеніа і о артѣсен і о фомини испытаніи ребрѣ. Нач. Велика оучителѣа и мѣдра сказателѣа тревѣе цркви на оукрашеніе...

Л. 67 об. В нлю в. по па ѡ носифи і о мироносицѣ сѣко сѣаго іѡа златоустѣа. Нач. Возлюбленіи под облакомѣ снне краєвѣаа любили бывающе...

Л. 69 об. В нлю г. по па ѡ раслабленіо слово сѣго нѡа златоустѣаго. Нач. Чѣколюбецъ елгын гь ннѣз нсѣ хъ не токмо дшамѣ но и тѣломѣ врачь...

Л. 72. В сѣе д. нли по па на препасленіе сѣко сѣго нѡа златоустѣа. Нач. Трне келіцнн вѣнна праздннціе жидовскнѣ. пасха. пѣдесатннца препасленіе...

Л. 74. В нлю д. по па. ѡ самарянннѣе слово сѣго нѡа златоустѣаго. Нач. Не чудеса токмо гь. но оученіе прикѡдн всѣ к сѣеѣ...

Л. 76 об. В нлю і.ю по па ѡ слепцы слово сѣго нѡана златоустѣаго. Нач. Хѣе еѣ ннѣз ѡ елскѣе слоке. трапезѣ дхѡвнѣю оустрон...

Л. 79. В чѣбергѣ з. нли по па слово сѣго іѡа златоустѣа на вознесеніе гне. Нач. Трне спрслабнаіа чѡса. не перкѣе кремѣ. первоі на землю сннѣ кторое из мѣкѣе воскресе. тревѣе на нѣса кознесеніа...

Л. 82. В нлю з. ѡ соборѣ сѣи ѡцѣ спешннѣа вѣ ннѣю на арѣіа ерѣтїка. Нач. Дѣн памѣа сѣи ѡцѣ чѣтетѣа...

Л. 85. В нлю пѣтнкоіснѣю. Слово сѣго нванна златоустѣаго. Нач. Любѣщнѣ егѣ празднованіа гѣ не бываеѣ...

Л. 87 в поѣнаніи по ѿ нѣли слово сѣго іѡа̄ златауѣта̄.
Нач. Веліцыи и нѣа̄ любили ѿ еѣа даны дари...

Л. 88 об. в нѣю по патрикоинѣю память кѣе сѣи слово
сѣго іѡа̄ златауѣста̄. Нач. Сѣелиже патрѣкитниѣ прѣз-
новахо̄ и прихоженне сѣго дѣа...

Л. 91 об. Нѣа̄ а. по кѣе сѣи слово сѣго іѡа̄ златауѣта̄
како жыти хрѣіано̄. Нач. Азъ ѡубо дружи и братіи надѣа на
всакѣ нѣю лѣпо собрати во цркви людие...

Л. 95. в нѣю б. ю слово сѣго іѡа̄ златауѣста̄ ѿ хрѣіань-
ствѣе. Нач. Слышите ѡубо мнози сѣ хрѣіане а обличае и дѣла
іако нехрѣіаніи...

Л. 97 об. Нѣа̄ г. слово нзъ іуана ѿ лѣкы ѿ богатѣе и
лазорѣе і притчи. Нач. О богатіи і лазарѣа притча. вѣе нѣа
на поязю ете. богатіи и ѡубоги...

Л. 100. в нѣю д. ю слово сѣго маѣна еуанста. Нач. Рече
гѣ блжении ницы дѣа ако тѣе ете црѣво нѣноі...

Л. 102 об. Нѣа̄ е. ѿ поучиніи да пританіѣ ѿ грѣе нѣшн. Нач.
Многѣ печаль ко грѣи своимѣ вѣждѣ ва ради чада...

Л. 106. Нѣа̄ з. слово сѣго іѡа̄ златауѣста̄ о ерди і о пат-
ницы. Нач. Братие прише нѣе ермиа добраго исповѣданна и
попѣха...

Л. 109. Нѣа̄ з. а҃н҃гѣ повѣстѣ да сѣынѣ евангліи. Нач.
Слово ѿ га. а҃н҃гѣ повѣдаите вѣрныи нже страха ежеа не имоу...

Л. 110 об. в тѣи днѣ слово сѣго Григоріа Богослова. Нач.
Перваго закона ѡбымаи имѣитѣе прѣзднѣище новаго елгодатнаго...

Л. 112. Нѣа̄ и. слово тѣа прѣко і а҃н҃гѣо. Нач. Глано ете
и написанно іакоу хошѣ да възвнѣи...

Л. 114. в тѣи днѣ слово сѣго ѡца ефрѣма. Нач. Блжениѣ
члѣкѣ маѣа кнѣд пред очима своимѣ днѣ смрѣи...

Л. 116 об. Нѣа̄ д. поучиніи прѣнаго ѡца наше ефрѣма о
покаиніи. Нач. Придите ете братіи маліи і велицыи послѣшайте
моѣ хѣдаго ѡучнѣа...

Л. 119 об. Нѣа̄ г. сѣго нифѣта ѿ дѣаніи. Нач. Паки при-
ходѣа сѣын нифонтѣе и ѡзри члѣка ѡемданща з женою и з дѣтми.

Л. 122 об. Нѣа̄ а. слово сѣго іѡа̄ златауѣста̄ ѿ камканіи.
Нач. Влгени гѣ еге нзлѣе а҃ко посити и соткори изкавлени
люде евои.

Л. 126. Нѣл кї. повучение сѣго ефрема ѡ покаянни. Нач. Слышїи братїе елїна дѣда во ѡлатырі гл҃аца. Сїи дїѣ ѿ створи г҃ь возрадѡвѣа ѿ возкелїемѣа ес...

Л. 130 об. Нѣл гї. повученїе іѡа̄н̄а златоустѣа ѡ млчтвѣ. Нач. Да послѣшаю сїи всѣ вѣрїни приходѣщїи ко истинѣ...

Л. 134. Нѣл дї. слово іѡа̄н̄а златоустѣа еже не плакати по умершїи. Нач. Пѣно имѣти ѣ пѣмлати дѣѣ смртнїи...

Л. 141. Нѣл сї. слово іѡа̄н̄а златоустѣа повѣсть и жытїе дѣшполезнѣа и что ѣ жытїе настѡящее по чїнѣ прїтча ѡ дворї і ѡ змѣнї. Нач. Вѣа ѡубо возакелїнїа ѣ ко времѣа на архїерїи же и пастырїи и началнїкы...

Л. 147 об. Нѣл сї. слово сѣго ѡца нїшего ефрема ѡ спсєннїи дѣшнїи и ѡ покаянїи. Нач. Сѡречїе ѡубо ѣ при сѣтї крїстїнїи вѣторїи мало ѡубо шкелїемѣа гл҃амѡе...

Л. 155 об. Нѣл зї. слово сѣтѣа ефрема ѡ спсєннїи дѣшнїи и ѡ покаянїи. Нач. Сѣтїи аплїи і прїцы рѣкнѣа ѡ сѣмѣх дѣшнїи сѣтыа кнїгы рѣша...

Л. 162 об. Нѣл нї. слово сѣго іѡана златоустѣа ѡ іѡалїа сѣго ѡуказано. Нач. Послѣшан колїко тїи ѣ разлїчнїи ѡуказанїи дѣшкнїи...

Л. 166. Нѣл дї. слово сѣго кїрїла. Нач. Понѣѣ ѡубо тайна снїа не вѣѣѣ ѡкрѡкѣна кѣи и многїмы чл҃кы не свѣдсма...

Л. 172 об. Нѣл к. слово сѣго іѡа̄н̄а златоустѣа. Нач. Подкїнїемѣа братїе ннѣѣ ѣ малѡе се времѣа...

Л. 176. Нѣл кѣ. слово сѣго іѣа̄ златоустѣа ѡ алканїи. Нач. Днѣ возакелїнїи братїе дѣшвенѡмѣа поклснїемѣа позыкающемѣа на ісцлїанїе невидимїи ншїи іазвѣ...

Л. 179 об. Нѣл кѣ. слово сѣтїи оцѣ повчнїе хрїстїанїѡ. Нач. Горѣ томѣа чл҃кѣ нже всл҃коѣ златѡтворнїе приложїи к егѣ...

Л. 184 об. Нѣл кг. слово іѣа̄ златоустѣа ѡ млчтнїи. Нач. Братїе бнїмантѣ млчтїи вашиа ѿ докѡрѡтворнїа не забывантѣ...

Л. 188 об. Нѣл кд. прїчетѡе неаннѡ снѣа амѡсѡва ѡ послѣднїи днѣ. Нач. Тако гл҃тѣ г҃ь послѣшантѣ снѣе чл҃ечтїи бнїмантѣ гл҃ы ѡустѣа моїи...

Л. 194 об. Нѣл кѣ. слово ѡ ѡумилѣнїи дѣшнїи. Нач. Горѣ тѣбѣ дѣше мол. жадашнїи снїа а по всѣа днїи грѣхы стѡрѡжнїи...

Л. 197 об. В той днь елко стго івана златауцстаго. Нач. Почн гь е днь елмии ѿ всѣ дѣи свои. Хъ егъ е первын днь сотвори свѣт...

Л. 200 об. Нѣла кѣ. слово стго івана златауцста поучение. Нач. Всѣ повѣдающе грѣхы свои в немже і корѣ спнїю і млчть по-
лбчнті ѿ ба і оца нше іса хъ...

Л. 207 об. Нѣла кѣ. елко стго івана златауцста о воздѣр-
жанїи. Нач. Вже молнител хъ днь и нс. причастникъ і јак не
сотвори же докра зѣ...

Л. 211. Нѣла кн. елко о нены снаѣ чело ради созда вьстѣ
члвкы на земли. Нач. Понїи оуко тайна еѣ не всѣ ѿкровена бы
многими члкы не свѣдома...

Л. 216 об. Нѣла кѣ. поученїе нѣкогого ѿца дховна. Нач. Снѣ
мон чао приклони оухо послышаі отца советѣющїа ти спнїе...

Л. 221 об. Нѣла л. слово стгы апав і стгы ѿцы о постн ве-
лицѣ и о петровѣ и о филиповѣ. Нач. Послышайте братне чада и
сестры всѣ старїи і младїи и всѣ вѣрїиїи писанїе ..

Л. 229. Нѣла лѣ. елко стгы ѿцы о оумнлїнїи дшн. Нач. Оухъ
дше оубы лмѣ оужыка мол ѿ горе іспражнїце мол...

Л. 231 об. Нѣла лѣ. слово стго нвана златауцстаго. ѿ
ктогѣ прїшествїи гнїи. Нач. По вознїсїнїи га нше іса хъ ѿ на
нса оучнко взирающїи на нго...

Л. 240. Нѣла лг. поучнїе нзерано ѿ всѣ кнїи і нлвѣтн
хрином стга ежнїи в сїцы свои. Нач. Первоі имѣнїте стга ежнїи в
сїце свои. чѣмъ ко можете восплагнѣтн ѿ велико зла...

Л. 247. Нѣла лѣ. елко стго івана златауцста о тварн ежнїи. Нач.
Егъ прмѣдростїи свою всю тварь сотвори із неклїтнѣ е вьстїе...

Л. 255 об. Нѣла лѣ. слово стго ефрама о покаїанїи на
поучнїе. Нач. Ога братне лѣкавыи ти помыслъ на дѣе и мѣтн
оумъ оутѣшнїи стгы писанїемъ и почитан стгы кнннгы...

Л. 258. Нѣла лѣ. поучнїе нвана златауцста о казнїи ежнїи
и о страстїи гнїи. Нач. Братнїе тлготѣ грѣховннѣ ѿтравлѣннѣ ѿ
свѣе воспраїимъ іако ѿ сна тлѣка...

Л. 263 об. Записъ писца: А списалъ снн кнїгоу глмѣнн зла-
тауцствѣ многгрѣшннн члвкы іфрїи сурннѣкы ежнннмъ повелѣннмъ

а стѣи ѿцѣ поученіемъ и наказаніемъ многогубешною рѣкою.
Дѣтѣ Зрд. го мѣца ноакрѣа въ дваца първоѣ число на память
бѣдинѣи ко цѣко влѣцци нѣшии еци и цѣно дѣи мѣи.

4 (Шев. № 270). Златоустъ, въ 4^о, на 296 л., полууставомъ
нач. XVII вѣка.

На лл. 4—12 внизу позднѣйшей рукою слѣдующая запись:
Сиа книга глаганмаа (sic) Дахоцѣкова станаѢ Николы чюдотворца
сала Подозѣа.

Л. 1. (Отъ времени поблѣднѣлъ, т. ч. нельзя прочесть).

Л. 6 об. В нѣлю малѣтнѣю слово ѡ вторѣи пришествіи хѣѣ.
поучѣніи іѡа златѡустаго. Нач. Врѣмѣа братѣи приблѣжи сѣнѣа нашѣ.
се покаіанію врѣмѣа приблѣжѣтсѣ...

Л. 9. В средѣ сыростнѣа нѣан поученіи ѿца дѣхвнѣа к дѣтѣ
дѣхвнѣи гѣ блѣн ѿ. Нач. Желѣю людемѣнѣи сѣнѣа тѣого...

Л. 11 об. В пѣа сырѡпоучнѣа нѣан поученіи іѡа златѡустаго.
гѣ блѣн ѿ. Нач. Навѣкнѣмѣ оубѣо что естѣ нѣже не скѣрѣнѣи чѣлка.

Л. 13 об. В свѣотѣ сырѡпоучнѣю поученіи іѡана златѡустаго.
гѣ блѣн ѿ. Нач. Аще рѣ гѣ ѡставлѣнѣи чѣко съгрѣшнѣа и бѣ
ѡстави ѿцѣ нѣны...

Л. 15 об. В нѣлю сырѡбѣтнѣю поученіи іѡа златѡустаго.
гѣ блѣн ѿ. Нач. Разѡмно и смѣслѣно послѣшѣнѣи брѣѣ ѡ стѣемѣ
самѣ постѣ...

Л. 18. В понѣанѣ а. нѣан поста поученіи іѡа златѡустаго. гѣ
бл. Нач. Дѡбраго и полѣзнаго поста тѣеніи прихѡжнѣи не вѣстѣжнѣ
ни ѡблѣннѣсѣ...

Л. 21 об. Вѣтѣ а. нѣан поста поученіи да не прѣстѣѣ грѣѣ
нашнѣхѣ. гѣ блѣн ѿ. Нач. Многѣ печѣаль въ срѣци своѣѣ вѣнѣю бѣ
дѣла чѣда мол...

Л. 24 об. В срѣ а. нѣ. по. поученіи іѡа златѡустаго ѡ средѣ
и ѡ пѣцѣ. гѣ блѣн ѿ. Нач. Братѣи припѣи врѣмѣа дѡбраго испѣ-
вѣдѣа и поспѣха к бѣ...

Л. 26 об. В чѣ вѣпрѣ гоу глѣцѣ прѣркѣмѣ аггѣи. моѣ естѣ
златѣ. моѣ естѣ смѣро... Нач. Глѣно се естѣ и написѣно. смѣѣ
хощѣю и дамѣ...

Л. 28 об. Інѣ въпро. камо естъ поза пріносити іменне црквиамъ или ницимъ. ѡвѣтъ гн бл҃гн ѡче. Нач. Господь хвалѣи есѣ ѡдеснѣю гл҃а. пріидѣте бл҃гонѣи ѡца моѣ...

Л. 29 об. В пл҃. сло' сѣгаго іѡа зл҃аустаго ѡ іѡаскѣ стѣи сказаніи. гн бл҃гн ѡче. Нач. Послѣшан колнко естъ разанчнѣи оуказаніи дш҃иполезнѣи...

Л. 32 об. Сказаніе нектерѣа патрїарха что ра' празнѣѣ в свѣотѣ а. недан пѡ сѣго белнко мннка фѣѡра тїрона. сї. гн бл҃гн. Нач. Прідѣте слыши (sic) вѣрнѣи. како бл҃гн хъ егѣ нашѣ ..

Л. 35. В нелю а. неан пѡ побчненіе іѡа златавстаго. гн бл҃гн ѡ. Нач. Ѣ самѣе вшїи видѣете возакелнїи постнѣю позѣ...

Л. 38. В понелнїѣ. в. не пѡ. сло' сѣго іѡ зл҃аустѣа ѡ вѣгѣтѣи и немилѣтѣи. гн бл҃гн. Нач. Се гл҃а оубо на вѣгѣтѣи и доверѣе податнѣе жнвоу...

Л. 40 об. Слово сѣго ѡца кнрнла ѡ стравѣе божнн. дї. Нач. Вєга лѣнмаїа братїа и сестры нмѣнѣте прѣ шчнма евома стрѣа вжїи...

Л. 42. В вѣтѣ в. не. пѡ. сло' і ѡпнѣтольн пакла апла. Нач. Тако гл҃тъ гь прѣкомъ доколѣе бо свѣрѣшанѣе...

Л. 43 об. Слово іѡа златоуѣго ѡ лечашнїа ѡ болезннн вѣхѣованнїи. Нач. Жнтіа сего наководмаїа на скрѣзнаа или нмѣнїю аншнма...

Л. 45 об. В срѣ в. неан поста сло' стѣи ѡцѣ како жнчнн крестїанѣ. кѣ. Нач. Братїа и сестры слышнчте оученїа стѣи сїа бо вѣ хрѣтїанѣи ницин...

Л. 48 об. В чї в. не. пѡ побчненіе некоѣ хрѣтолюбца к дѣвнмаа братїама нстолкована мрѣть и прнчн апалькѣа іѡа зл҃аустѣа. гн бл҃гн ѡ. Нач. Белнкнн аплѣ петрѣ рѣ. іако еє... слово и прѣсѣчѣство не было волею...

Л. 53. В четвѣргѣ г. не. пѡ. проучннн сѣго ефрѣма в по-калнїи лѣ. Нач. Слѣшнїи братїе бл҃жнѣа вѣ пачнн гл҃ша ..

Л. 60. В понелннїѣ д. не. пѡ сло' ѡ шнѣтоднїца ѡ ненѣи снаѣ. лѣ. Нач. Бгѣ прѣ вѣѣ. нн начала нмѣн нн концѣ...

Л. 67 об. В срѣ д. неан поста побчненіе іѡа зл҃аустѣа на по-клонннн крѣта. лз. Нач. Оулынїѣ штѣрѣзѣѣ брѣѣ. прплывшн стѣа днн сїа...

Л. 70 об. В чѣкѣхъ д. нѣли пошта. Слѣо и заповѣтъ стѣи ѡцѣ
ѡрѣно в раздѣлѣ стѣго василья. Нач. Послашайте браѣи любилици
всѣмкѣ архирѣа глѣца...

Л. 73. А се слово чти по радѣ. Слѣо стѣго златачугѣа лѣ.
Нач. Бѣга оубо видиши кого въ злосѣнѣ живѣща бѣгачегѣѣ...

Л. 74. об. В пѣа д. нѣ. пѣо повѣнѣи изверанно ѡ стѣи пѣсан
како подокаѣ жити хрѣтъланѣ. м. Нач. Послашайте браѣи моѣ
преже всѣ имѣнѣи стѣра бѣжи. .

Л. 80. В гѣа д. нѣ. пѣо. повѣнѣи къ вѣрнѣи ангела. . (во разо-
бравно) сказана стѣи васинѣ гѣи влѣ. ма. Нач. Ангелъ написатѣ
слѣо ѡ га къ мнѣцимѣа хрѣтъланѣ...

Л. 82. Слѣо стѣго нѣфанта како побѣа с тѣхосѣтѣю и мѣлча-
ннѣ ѡсѣдати на трапѣ всѣкомѣ хрѣтъланнѣ. Нач. Никогѣ хода
правѣнѣи нѣсѣтъ видѣ чѣла сѣдѣца и ѡсѣдѣца съ женою своєю...

Л. 83. В. нѣлю д-ю пѣо повѣнѣи нѣа златочугѣаго. Нач.
Прѣидѣте нѣнѣ цркѣнаа чѣа да обѣноѣ вѣа сѣтворю повѣнѣи...

Л. 85. В понѣлнѣи. г. нѣ. пѣо. слѣо нѣа златѣа. Повѣсѣтъ
жѣа дѣшполезна. что естѣ жѣе се настолѣи и почнѣ прѣтѣа ѡ
дворѣ и ѡ змнѣи. гѣи влѣн ѡ. Нач. Бѣа бо възлюбелнѣи гѣа въ вре-
мена архирѣа пастыра...

Л. 88. Бѣтѣ г. нѣ. пѣо слѣо ѡ лѣкы стѣго влѣла ѡ бѣгѣѣ
лаза. гѣи. вл. Нач. ѡ бѣгѣа лазарѣа прѣтѣа всѣа нѣа на поѣзѣ бѣгѣѣи
и оубѣѣи...

Л. 89. об. Чти по радѣ. слѣо стѣго іѡа златачугѣа ѡ
хрѣтълансѣѣ. Нач. Слышѣте оубо мнози гѣа слычѣѣ хрѣтъланѣ а
ѡбѣчаѣи и дѣлы акн нѣвѣнѣи...

Л. 92. В сѣе г. нѣ. пѣо. слѣо ѡ мѣчѣанѣи некѣо чѣрнорица къ
дѣховномѣ братѣ. гѣи вл. Нач. Влѣа трѣбѣши братѣ моѣ прѣны
слѣбѣсы ѡ мнѣ...

Л. 96 об. В чѣе г. нѣ. пѣо. слѣо ѡ еписѣпѣи пакла апла. мѣ.
Нач. Снѣоѣ чѣвѣстѣи бѣгѣнѣи вѣспрѣстанѣи бѣа на всѣа чѣс днѣ и ноцѣ...

Л. 99 об. В пѣа г. нѣ. пѣо. слѣо стѣго іакова ѡ вѣрѣи и ѡ
любѣи гѣи к бѣгѣи истѣрѣати. в вѣрѣи нѣповѣнѣи. и намѣѣи аѣглы гѣа на
пѣмо и на сѣхранѣи. гѣи влѣн ѡ. Нач. Нескѣи сѣтворѣи бѣгѣ
нѣо и зѣмаю...

Л. 105 об. Неѣл. б. неѣ злѣдѣтаго ѡ крѣпкостѣ. гнѣ
блѣгнѣ ѡ. Нач. Слышитѣ оубо мнози соу слыгѣтѣ крѣпкани...

Л. 107 об. Неѣл. д. стго мѣтѣла вѣдѣста гнѣ блѣнѣ ѡ.
Нач. Рѣ гѣ блѣжнини ницини дѣомѣ яко тѣ естѣ цѣтѣво неѣно...

Л. 109 об. Неѣл. г. побчѣи иѣа злѣдѣта прѣтанѣ ѡ грѣ
нашѣ гнѣ блѣнѣ ѡ. Нач. Многѣ печаль вѣ срѣци своемѣ еиждѣ ба
рѣ чадѣ...

Л. 113. Неѣл. з. неѣ злѣдѣтаго ѡ паѣце гнѣ блѣнѣ ѡтѣ.
Нач. Браѣ приспѣ ниѣтѣ вѣрѣма добраго ниѣвѣданѣа поспѣха ежѣ кѣѣоу...

Л. 116. Неѣл. з. анѣлова повесть ѣ поведа стѣы вѣснани. гнѣ
блѣнѣ ѡ. Нач. Слово ѡ гѣ аггѣлѣ поведаетѣ вѣѣрѣнымѣ нѣжѣ стѣраха
ежѣа не ѣмоу...

Л. 117 об. В тѣ же днѣ слѣ стго григѣлѣ. вѣгослѣ гнѣ. Нач.
Перѣаго закона шѣбѣчѣнѣ наѣвѣнтѣ празноуѣще новаго и блѣгѣтнаго...

Л. 119. Неѣл. н. слѣ гѣноѣ прѣкѣ аггѣе гнѣ блѣнѣ. Нач. Гѣлоно
естѣ ѣ напѣсано ѣмоу хоуцѣ дамѣ...

Л. 121. В тѣи днѣ слѣ стго едрѣма ѡца ниѣтѣ гнѣ блѣ.
Нач. Блѣжнинѣ чѣлкѣ наѣбѣа вынѣ прѣ шѣма скоѣма днѣ смѣртѣнѣнѣ...

Л. 123. Неѣл. д. побчѣи стго ѡца ниѣтѣ едрѣма. ѡ вѣдѣтѣ
и ѡ покоѣнѣ. гнѣ блѣгѣ. Нач. Придѣтѣ вѣнѣ браѣ. малѣи вѣлѣнѣи и
послѣшѣнтѣ моѣго хѣдѣаго оуѣинѣа...

Л. 126. Неѣл. г. слѣ стго ниѣдѣта ѡ мѣдѣнѣ ѡ гнѣ блѣтѣ ѡ.
Нач. Паѣы прихѣдѣли стѣы ниѣдонѣтѣ. и оузрѣ чѣлка ѡвѣѣдаѣци
сѣ жѣноѣ и з дѣтѣми...

Л. 128. Неѣл. а. иѣа злѣдѣта ѡ коѣнанѣ. гнѣ блѣтѣ ѡ
Нач. Блѣгѣнѣ гѣ егѣ ѣнѣлѣ. яко поѣтѣи и сѣтѣвоѣи ѣзѣбѣвѣнѣи...

Л. 131 об. Неѣл. б. поуѣчѣ стго едрѣма ѡ по(ко)ѣнѣ
гнѣ блѣнѣ ѡ. Нач. Слышитѣ браѣ блѣжнаго двѣ вѣ ѣлѣтѣнѣ гѣща...

Л. 136 об. Неѣл. г. поуѣчѣ стго иѣа злѣдѣта ѡ мѣтѣ.
гнѣ блѣнѣ. Нач. Да слышѣтѣ тѣи прихѣдѣшии истѣинѣ да иѣа тѣ
рѣоуѣтѣ моѣи еѣа ѣ поѣкорѣнѣ ѣмѣ...

Л. 140. Неѣл. д. слѣ иѣа злѣдѣтаго ѣ не паѣкѣтѣи по
оуѣмѣнѣ гнѣ блѣтѣ ѡ. Нач. Прѣно ѣмѣнтѣ вѣ памѣтѣ днѣ смѣртѣнѣнѣ...

Л. 147 об. Неѣл. и. слѣ иѣа злѣдѣта повесть жѣна аѣцѣ
полезѣна что естѣ жѣнѣ сѣ настоѣщаѣа. ѣ поѣнѣ прѣтѣча ѡ двѣрѣ ѣ

змін гн̄ ел̄ген̄ ѿ. Нач. Вса́ оубо въ за́мѣланіӣ їа̄ въ крѣмина̄
архирѣӣ же пастырӣ ӣ началники... Ср. вѣшо л. 85.

Л. 164. Не́ла̄ зї. с̄ло̄ с̄тго̄ ѿца̄ н̄ше̄ їдрема̄ ѿ сп̄ӣӣ д̄шӣ
ӣ ѿ покояні. гн̄ е. Нач. Оубо̄ оубо̄ ї̄ при с̄тмѣ̄ крѣмині̄ творимъ...

Л. 172. Не́ла̄ зї. с̄ло̄ с̄тго̄ їдрема̄ ѿ сп̄ӣӣ д̄шӣ. ӣ ѿ
покояні̄ гн̄ ел̄ген̄ ѿчи. Нач. С̄тїӣ ап̄лӣ прѣцӣ рѣшиа̄ ѿ с̄мъ̄ с̄тъпа̄
кн̄гӣ рѣша...

Л. 179 об. Не́ла̄ нї. с̄ло̄ н̄ка̄ за́дѣста̄ ѿ ївалекї̄ с̄тї̄ ѿка-
зано̄ гн̄ ел̄. Нач. Послоушан̄ колнко̄ тӣ естѣ̄ разлнчнї̄ оубазанїӣ
дїивнї̄...

Л. 185 об. Не́ла̄ к̄г. с̄ло̄ с̄тї̄ ѿ гн̄ ел̄ен̄ ѿчи. Нач. Горє̄
чл̄екѣ̄ томѣ̄ иже̄ вса́коє̄ зло̄ твореннє̄ приложї̄ къ̄ с̄го̄у...

Л. 194. Не́ла̄ к̄г. ѿ м̄л̄тнн̄ гн̄ ел̄ен̄ ѿчи. Нач. Бра̄ї̄ вни-
ма̄нчє̄ м̄л̄тїӣ баша̄ ӣ дозр̄отворнїа̄ не̄ забыва̄нчє̄...

Л. 200 об. В̄ то̄ӣ д̄н̄ь̄ слово̄ їакова̄ брата̄ гн̄ла̄. ѿ с̄тї̄ не́ла̄ӣ
гн̄. Нач. Почн̄ къ̄ д̄н̄ь̄ седмы̄ӣ ѿ в̄с̄тї̄ дѣла̄в̄ своѣ̄ х̄ї̄ в̄ первы̄ д̄н̄ь̄
с̄ткорӣ с̄г̄ъ̄ с̄вѣтъ...

Л. 204. Не́ла̄ к̄з. с̄ло̄ н̄ка̄ за́дѣста̄ ѿ покояні̄ гн̄. Нач. Оубо̄
неповѣданїӣ грѣховъ̄ в̄ нем̄же̄ їстѣ̄ корн̄ь̄ сп̄ӣӣю...

Л. 211. Не́ла̄ к̄з. с̄ло̄ їка̄ за́дѣста̄ ѿ воздєржан̄ гн̄ ел̄ен̄
ѿ. Нач. Иже̄ молнчє̄л̄ х̄с̄ӯ д̄н̄ь̄ ӣ ноц̄ь̄ причастнн̄къ̄ естѣ̄ раю...

Л. 214 об. Не́ла̄ к̄н. с̄ло̄ ѿ не́н̄ї̄ їӣ. чї̄ р̄а̄ созан̄ъ̄ є̄ӣ
чл̄екъ̄ на̄ зє̄ман̄ гн̄ ел̄ен̄ ѿ. Нач. Понї̄ танна̄ є̄ӣ не̄ в̄с̄лѣт̄ ѿкрє̄вина̄
є̄ӣ многы̄мӣ чл̄екы̄ недовѣдома...

Л. 220 об. Не́ла̄ к̄д. повчннн̄ ко̄ї̄ ѿца̄ д̄х̄овнаго̄. гн̄ ел̄ен̄
ѿ. Нач. Сн̄ѣ̄ мой̄ чадо̄ приклонн̄ оубо̄ послѣшан̄ ѿца̄ своє̄го̄ с̄вѣ-
тѣюцаго̄ тӣ сп̄наа...

Л. 226. Не́ла̄ л̄. с̄ло̄ с̄тї̄ ап̄лѣ̄ ї̄ с̄тї̄ ѿ ѿ̄ постї̄ велнцї̄
с̄ткоро̄кї̄ ӣ ѿ̄ д̄н̄лнп̄о̄ гн̄ ел̄. Нач. Послѣшайчє̄ бра̄ї̄ ӣ чада̄ ӣ с̄естры̄
ӣ младӣн̄ ..

Л. 223 об. Не́ла̄ л̄л̄. с̄ло̄ с̄тї̄ ѿ ѿ̄ ѿ̄мнл̄ї̄ д̄шӣ гн̄ ел̄ен̄.
Нач. Оубо̄ д̄шї̄ оубы̄ мнѣ̄ оубжнко̄ моа̄ ѿ̄ горє̄ сп̄ражннцї̄ мол...

Л. 236. Не́ла̄ л̄б. слово̄ н̄ка̄ за́дѣста̄ ѿ̄ второ̄̄ пришествї̄ӣ
гн̄ ел̄. Нач. По̄ возннннн̄ї̄ г̄а̄ нашї̄ їса̄ х̄а̄ иже̄ на̄ не̄к̄а̄ оубчннн̄к̄о̄
взн̄ражнї̄...

Л. 245. Неѡмъ лѣ, поучѣи извѣрѣнно ѡ то вѣсѣ кнѣзѣ гѣ наметнѣ
всѣмъ крѣтѣаннѣмъ стѣрѣ вѣжнѣ. гѣ вѣвнѣ ѡ. Нач. Прѣвѣсѣ наметнѣте
вѣрѣ стѣрѣ вѣжнѣ вѣ срѣцн своѣмъ...

Л. 252. Неѡмъ лѣ, слѣ ѡ вѣа злѣвѣста ѡ тѣварнѣ вѣжнѣ гѣ вѣ.
Нач. Вѣгѣ прѣмѣстѣю своѣю вѣю тѣварѣ стѣворнѣ...

Л. 260 об. Неѡмъ лѣ, слѣ ѡ вѣа злѣвѣста ѡ помыслѣхъ гѣ
вѣвнѣ ѡчѣ. Нач. Ѣгѣ вѣратѣ лѣвѣвнѣ тн помыслѣ лѣвѣтнѣ сѣмъ.
сѣпѣвшнѣмъ стѣи писаниемъ...

Л. 263. Неѡмъ лѣ, поучѣи вѣа злѣвѣста ѡ казнѣ вѣжнѣ
н стѣрѣтѣ гѣ вѣвнѣ ѡ. Нач. Вѣрѣ тѣвѣгѣ гѣвѣхѣвнѣсѣю ѡтѣрѣвѣцѣ
ѡ вѣвѣ вѣспрѣнемъ...

Л. 267 об. Поучѣинѣ стѣи ѡцѣ ѡ прѣзницѣ гѣвѣкнѣ. гѣ вѣвнѣ.
Нач. Стѣинѣ ѡцн сѣвѣстѣвшнѣ постнѣмъ днѣ по насѣчѣннѣ гѣю...

Л. 270. Поучѣинѣ дѣтѣ дѣховнѣмъ. Нач. Стѣ молѣвѣю тн
снѣсѣ или дощнѣ вѣжнѣ зѣповѣднѣ стѣи ѡцѣ прѣвѣда...

Л. 271 об. Слово ѡ злѣи жнѣ, гѣ вѣвнѣ ѡчѣ. Нач. Ѣгѣ
вѣсѣдѣтѣ молѣвѣннѣ ѡ кѣмъ послѣвшнѣтѣ жнѣ зѣповѣднѣ вѣжнѣ ..

Л. 272 об. Слово вѣснѣ ѡ злѣи жнѣ, гѣ. вѣвнѣ ѡ. Нач.
вѣвѣкѣ чѣвѣкѣ вѣзрѣвѣ на жнѣ н рѣ. ѡко хѣтнѣшнѣ ѡнѣ... 1).

Л. 278 (Вѣзѣ вѣвѣлнѣ, дѣя которѣго оставлѣно мѣсто). Нач.
вѣдѣлѣ вѣ рѣю прѣ согрѣвшнѣмъ вѣсѣ ѡмѣлѣшнѣ вѣ вѣлнѣ своѣнѣ...

Л. 284 об. Ѣ дѣрѣзѣ дѣвѣ на нѣжѣ распѣлѣ разѣкѣннѣ
вѣвѣрнѣнѣ. Нач. Ѣ того дѣвѣа изнѣсѣ тнгрѣ рѣвѣа ѡз рѣа н стѣмѣшнѣ
на пѣсѣ...

Л. 285. Ѣ трѣ дѣвѣ на нѣжѣ распѣлѣ разѣкѣннѣ вѣвѣрнѣнѣ.
Нач. Ѣ того дѣвѣа изнѣсѣ вѣда потѣпнѣлѣ гѣа нѣсѣчѣ вѣда...

1) Обѣ послѣднѣя стѣтѣ, н особѣнно вторѣя, прѣдѣвѣлѣютѣ обѣчѣ-
ннѣ прѣточннѣ наставлѣнѣя на тѣму о злѣхъ жѣвахъ. Нѣсколькѣ сѣхѣ-
ннѣхъ мѣстѣ сѣ этнѣмъ стѣтѣямъ ѡмѣтѣсѣ вѣ поучѣнѣяхъ, напѣчатѣн-
ннѣхъ М. Ѣ. Сухѣмнѣновнѣмъ вѣ ст. «О пѣвѣдоннѣмахъ вѣ дрѣвнѣй рѣс-
сѣой словѣснѣстнѣ» (Изв. Аѣ. Наукъ по Отд. р. ѣз. н слов. т. IV.
1855, ст. 128, 130, 132, 135, 136) н вѣ «Прѣтѣчѣ о жѣнскѣй злѣбѣ»,
напѣчатѣннѣ вѣ Пѣм. старннѣнѣй рѣсск. л-рѣ, вѣп. 2. 1860, стр.
463, 466, 467.

Л. 287. Сказаніе въ главѣ а́дамскѣ. Нач. Глѣба же а́дамска
лежаше въ коринѣ и никто́ не свѣдаше ѿ...¹⁾

Л. 289. Слово въ два. на і. пѣниціѣ. Нач. А́. пѣтница мѣца
марта въ а. въ нѣ прѣстѣпи а́дѣ заповѣ бж҃ію.

Л. 290 об. Слово га нѣшаго іс хл. Нач. Прѣсчета нѣина на-
чала свѣта созѣтелѣ творѣца нѣоу и земан...

Л. 291. Слово въ созѣнии а́дама. Нач. Нѣкони свѣ въ началѣ
сѣбори оубо нѣо и земан...

Л. 295. Слово въ сѣтешеніи а́дамѣ. како имѣ бг҃ъ повелѣ
црѣтсвати земанѣю посолночню и всѣмѣ живѣщѣи ѿже движимыѣ
на зѣи въпроч рѣм сконго. а на рѣн имѣ зрѣщѣи скорѣщѣи кѣзе
сѣтешиниѣ. Нач. а́дамѣ свѣ црѣтѣ сконго рѣм гонѣзоуша (sic)
кндѣвѣкъ а́рхангѣла посланнаго ѿ бг҃а...

О Златоустахъ см. нашу статью: „Древнія поученія на вос-
кресные дни Великаго поста“ въ „Сборникѣ II Отдѣленія Императ.
Акад. Наукъ“ т. XL. 1886.

5. (Шев. № 268). Паренесисъ Ефрема Сирина, въ 4^о, въ два
столбца, на 241 л., полууставомъ XVII в.

Послѣдніе 235—241 л. дописаны въ новѣйшее время для
восполненія утраченныхъ болѣе древнихъ. Содержитъ въ себѣ 112
поученій. Внизу по листамъ слѣдующая подпись: Лѣта 4372^к.
(7162—1654) сію книгу преп. отца нашего Ефрема Сирина на
Устюгѣ на горадѣ къ церкви вдалѣ святому и славному пророку
и боговидцу Или и преподобнымъ отцемъ Зосимѣ и Саватѣю Соло-
вецкимъ чудотворцемъ Иванъ Прокопьевъ Карентинъ своего ради
спасенія и здравія и ради своихъ родителей поминанія во вѣки и
впродѣ по себѣ подписалъ тоя же церкви дячѣкъ Ивашѣ Михай-
ловъ Поковъ лѣта 4371^к. году (7185—1677) апрѣля въ і. день. —

¹⁾ Текстъ этихъ четырехъ апокрифическихъ статей (л. 278—289)
не представляетъ важныхъ варьянтовъ сравнительно съ напечатан-
нымъ у Порфирьева (Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ
лицахъ и событіяхъ по рукоп. Соловецкой 6-ки. Спб. 1877, стр.
90—100) и у Пыпина (Памятники старинной русской л-ры, вып.
3. 1862, стр. 1 и сл. и 81).

На об. 3-го л. наклеено печатное изображение Ефрема Сирина, взятое из печатнаго изданія Паренесиса.

Первое печатное изданіе этой книги на славянскомъ языкѣ было сдѣлано въ Москвѣ въ 1643 году (см. *Картаевъ*, Описаніе славянорусскихъ книгъ, № 553); послѣдующія изданія: 1647. 1652. 1661. 1667. 1701. 1768. 1827. Ср. Описаніе рукописей Соловецкаго монастыря т. I, стр. 294—295.

6. (Шев. № 267). Поучительныя слова Аввы Дороея, въ 4°, на 166 лл., полууставомъ XVII вѣка.

Славянскій переводъ этой книги въ первый разъ былъ напечатанъ въ Кіевѣ въ 1628 году (см. *Картаевъ*, Описаніе славянорусскихъ книгъ, № 326); послѣдующія изданія: 1647. 1701. 1827. 1856. Ср. *Горскій и Невоструевъ*, Опис. рук. Синод. библ. II, 2, стр. 219—227; Описаніе рук. Соловецкаго монастыря т. I, стр. 310. 322—325. 360.

7. (Шев. № 592). Троянская война, въ 4°, на 231 лл., скорописью XVII вѣка. Безъ начала и безъ конца.

См. *А. Пыпинъ*, Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ, стр. 50—62.

8. (Шев. № 278). Свитокъ длиною 5 арш. 1½ вершка, шириною 3⅝ вершка. Скорописью XVII вѣка и по мѣстамъ вязью. Заключаетъ въ себѣ краткіе рассказы, изреченія, загадки, молитвенныя обращенія, прописи. Сверху, по бокамъ а также въ срединѣ между отдѣльными частями содержанія, иногда окружая ихъ со всѣхъ сторонъ, имѣются украшенія, сдѣланныя чернилами въ контурахъ и усердно раскрашенныя красками.

Представляемъ здѣсь цѣликомъ все содержаніе этого любопытнаго свитка:

Бѣ нѣкнѣи црѣ кога зѣлау и славетѣ і скѣтилъ и великъ надо
всѣми і не бытъ їнъ такоуе црѣ никакоже нигдѣ же вси ѹбо
їныи црѣ со страхѣ и трепѣтѣ томѣ великомѣ црѣ работай и
покланяютца їмѣ.

Прѣчтомѣ твоему образу покланяемца блгнѣи просице прощеніи
пригрѣшинѣи ншѣи хрѣте бже колѣю бо блговолии вси плотнии възыти

на крѣтъ дѣ избавиши ны іаже созда от работы кражѣа тѣ же благодараше вопне три радости вѣлическая ісполне вси спасе намъ пришеды в миръ спастн.

Взяю: Гдн іисе хрѣте іне вѣжи помилѡи нас.

Взяю: Прѣвѣтага гспже еіце помози нам грѣшнымъ.

Книжнаа прелѡростъ подоиа солнничной свѣлѡсти но и солнничнѡю свѣтлѡсть мрачнѡй облакъ закрываѣ а книжны прелѡрѡсти иже вѣа тварь скрѣпн можетъ.

Предаде егъ члѣкѡ ко шеласть вѣа видимаа мира егѡ и погуби его влѣкѡ и обладателѡ і ничтоже емѡ шѣтави непокоренное.

Повелѣ прелѡрыи мѡролѡ своимѡ мыслѣнноѡ датн а от негѡ повелѣ невлаѣстимсе взятн а рожденномѡ повелѣ раздѣитн.

Иже всемогѡщнї гдѣ егъ неизреченноѡ своѡ прелѡрѡстнѡ сотворн солнце и мѡцѣ и звѣды ради возлюбленнаго своѡго созда ннѡа члѣка.

Ище хошиши спасен быти то ілѣнї егѣ дрѡги правѣдныи и бѡлюбезныи да спасенъ бѣдиши.

При властї члѣче многими землѡми владѣти бѣдиши а члѣрѣши повитъ бѣдиши двѣма рѣкициами.

Члѣче не бѣди пианъ многословѣ да соблюдиши дшѡ от гѣбѣха а тѣло своѡ ѡ брѣда.

Дрѣвѣтѣ үбо показа егъ знаменнѡ на нѣсн црѡ Константинѡ къ двѣнадѣсѡти звѣздамъ чѣтвероконечныи крѣтъ и гласѡ из шелака тлѡнъ к нему сице константинъ емѡ рече побѣждай враги твоѡ.

Бгоже крѣтноѡ силоѡ црѡи благовѣрныи црѣвѣютъ и всемѡ миру непобѣдимѡе шрѡжни.—*Надъ этимъ изображенъ чѣтырѣконечныйи крестъ, окруженный звездами.*

Конь небѣзданъ то і всадника своѡго разенитъ а снѡ не наказанъ посланї оца своѡго і мѡръ и многа зла сотворитъ.

Во днї шны бысть впервѡе содѣланномѡ црѣтѣѣ вавилѡскомѡ прї бывшемъ при црѣ прї дарїи трѡи юноши црѣбѣи написавше трї книги яко которѡе вѣгѡ естѣ снѡнѣ на землѡи и писанныи тѣ книги положиша въ вогѡлкѡи спѡщнѡго црѡи и гда прї возглавїи своѡмѡ кнѡги лежаща прочетъ удивляетѣсѡ написанномѡ в нѡи и повелѣ быти к себѣ кнѡземъ и воєводѡи и мѡрѡи црѣтѣа его вавилѡскѡгѡ и гда собрѡшасѡа в домѡ црѣвѣи и повелѣ црѡ юношамъ

онѣмъ отъ трехъ кнѣ гл҃ати и первый всѣхъ ѿ нихъ начатъ еице гл҃ати рече: іакѡ еианѣе естъ всего на земли цр҃ь понеже чл҃кѣе вси всю его со страхомъ поклѣнное намъ творять ꙗко ничтоже прелѣшна отъ него. и тако ѡмоча гл҃авы еице. Вторыи начатъ гл҃ати, іакѡ еианѣе естъ всего на земли еишо понеже ѡ всѣ чл҃кѣе паче же и у самого цр҃я умъ сѣитѣе сотворяетъ и тако и се гл҃ати преста. Третийъ сорокакѣа начатъ гл҃ати, іакѡ еианѣе всего на земли жены вси со чл҃вцы отъ жены родишася и самъ тѣо цр҃ь не отъ жены ли родиася.

Иже со чл҃кѣе всѣ по морю и по сѣху ездѣи кѣды велии и напастн нестерпимыи прѣмлетъ а богатство собралъ все къ жинѣ прѣноситъ и мною ако ничто же ино подокнѣе тому. цр҃ь же и кнѣзи ѹдѣкишася гл҃аву его и велику чл҃тѣ дарова цр҃ь глаголю о жинахъ и грады многи в прѣделѣеи кр҃чи емѹ быти имже со іеросалимъ гра прѣекое нача стронтиася.

Ако три печали скѣта сего содержатъ ма: переи ако імаемъ ѹмрети, второе нѣе всемъ когда, третье не вѣемъ гдѣе тамъо обращаеася.

На рати желѣзо дороже естъ золота а вѣрно дръг чл҃кѹ бываетъ при погнелѣи.

При власти чл҃ка многи дръгнѣ бываетъ а при напастн ꙗко прѣно дръгъ олѹчаетъ.

С мѹрымъ держати дръжѹ мѹръ ебдиши а везумнымъ дръжеа имѣти скорѣе себѣ ебдѣи и напастъ сла прѣимши. Не сѹди да не сѹдимъ ебдиши.

Быстрое лѣтаннѣе в полѣе у птицы сокола а у мѣтнѣаго чл҃ка злоба до ендѣнѣа бываетъ. Бгоже акентѣе ебѣе того и наказѹетъ.

Нѣкнѣ чл҃кѣе сотвори полатѹ краснѹю и посади в нѣе дѣвѣ чистѣю и прѣиде к нѣе горды чл҃кѣе полатѹ разори и дѣвѹ погнѣи.

Аще чл҃кѣе нѣса и облацы достигнѣиши и еблѣнскнѣе еорзостн прѣтечѣши и все битнѣе прѣспѣиши ꙗко и все земли концы прѣидѣши а трѣлакотнаго грѣа никакѣе можѣши ѹбѣжати. Аще и всего скѣта писаниѣ прѣе кого прѣнесѣа ебдѹтѣ емѹже не енимающѣи и не радѣщѣе что никѹю же емѣ ползѣе сотворити можѣши.

Не твори зла да не постигнѣеи и тѣебѣ зло. Бже со себѣе чѣго не хоциши того и дръгѣе не дѣлай.

Бѣ нѣкнѣ гра украсиѣ белою дѣкою лѣпотю и видѣниемъ
в немѣже црѣвѣа црѣ съ црѣцю їмѣа бо по своимъ содержанимъ
кнѣзи і велиможнѣ і прѣиде от нѣкнѣ страны гордый и высокоумны
велиможа и црѣа того от црѣвѣа лиши а кнѣзи и велиможнѣ вси
рабѣгошася точню сѣгася единая црѣа ажѣ пустынная голубица.

Оттои море на пати столпѣх и рече црѣ: море бо ене потѣха
и радость животу моему, црѣа рече: море ене погибель моя се-
черу потѣха и сполночи печѣ поутру болѣзнь.

Ни нѣо ни земля но видомъ свѣтла на нѣнѣже ражаются
птицы мрѣчнѣи а главы череленнѣи а тѣхъ птицѣ троѣ созидаютъ
два назираютъ а единъ повелѣваетъ.

Родилъ нѣкто водою нѣе шми пелѣнами не повитъ в день
его солце не снлетъ а ноцъ его не покриветъ и на лица земли
поверженъ а весь миръ возрадетъ о нѣмъ. Огонь в каменѣ.

Члѣче не буди пианъ многословенъ да соблюдиши дшѣ от
тѣхѣа а тѣло свое от вѣда.

Члѣче аще ти добру что не радѣелъ а буде лихѣ не печалелъ.

Члѣче при славѣ буди смиренъ а при напастѣ терпѣливъ з
добрыми члѣцы бесѣдѣ а слыхъ уклонилъ.

Днѣи бѣ правѣднаго члѣка.

Вязью: Достоинъ есть яко воеводу... и т. д. кончая:
Бога Слова.

Немилѣтнѣаа блатъ злѣе разбойника, разбѣникъ їе корѣти
орѣжнемъ побнелѣ а немилѣтнѣз кнѣзѣ и словомъ погубилѣтъ.

Разумѣ доброму училъ старому мужѣ поклонилъ ачнаго
макорни жаднаго напо нагаго шдѣи волнаго пощадѣи и сущимъ
ѣ печалѣе помози да прѣлиши матѣ от бѣа і в днѣ лютѣ из-
бавленъ будешѣ от бѣды.

Взыщитѣ примѣрѣсти и живи будитѣ.

Начатокъ примѣрѣсти страхъ бжнѣи.

Взыщитѣ прѣде црѣвѣа бжѣа и їа всѣа приложатѣа вамъ.

*Далѣе, до конца свитка, идутъ прописи буквѣ, кончая П.,
такъ что свитокъ, повидимому, сохранился не въ цѣломъ видѣ.*

9. (Шев. № 593). Жити известно самодержца Александрѣ
црѣа великнѣа Македонѣи наказани хрѣберимъ воинствомъ устрим-

лающимъ полезно и честно слышати добродѣтельнаго и келѣушнаго македонскаго црѣ и како ѿкъдѣ бысть и како доколатѣ прїидетѣ ихъ радї добродѣтели всей подсолнѣчной црѣ и самодержицѣ на збавл. подосаитѣ же чтѣшимъ раздѣлѣти и раздѣлѣющимъ его констклом и добродѣтелемъ подоскитиса и смысла елици раздѣлѣютѣ. Въ 8^о, на 160 л., XVIII вѣка.

См. А. *Лыпинъ*, Очеркъ литературной исторїи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ, стр. 25—50.

10. (Общ. инв. № 2437). Перегрѣнаціа или пѣтннкъ пречестнаго іеромонаха Варлаама Леницкаго послѣдшника стѣой Чудотворной Лаури Кїево-Печерской капелана на точѣ часѣ бѣшого сѣ ихъ Проксодителетѣ гдѣ пословѣ полномошнихъ сѣго Црѣского Прѣтлого Бланчестка Гїдна Петра Павловнча барона Шафѣрсека, такожде и Миханла Борнеовнча графа Шереметова присѣтствѣющихъ при Портѣ Сѣтаманской Тѣрицкой, з црѣтѣдѣющаго града Константннспола до вѣспсавемаго и стѣго града Іерлїма власною своєю рѣкою списанный рокѣ 1714 мал днл 25. Въ црѣтѣдѣющемъ градѣ Константннполѣ. Въ 8^о, на 68 л., XVIII вѣка.

Памятникъ этотъ напечатанъ арх. *Леонидомъ* въ Чтєніяхъ Общ. Исторїи и древностей росїйскихъ 1873, кн. 3: „Паломники-писатели петровскаго и послѣпетровскаго времени или Путники во святой градъ Іерусалїмъ, съ объяснительными къ тексту примѣчанїями“, стр. 55—77. Нашъ списокъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ полнѣе печатнаго и имѣетъ разности; впрочемъ, онъ безъ конца: недостаетъ, вѣроятно, одного или двухъ листовъ, соотвѣтствующихъ послѣднимъ 19-ти строкамъ печатнаго текста.

11. (Шев. № 2131). Сборникъ, въ 8^о, на 74 л., второй половины XVIII вѣка.

Въ началѣ книги—три листа съ записями именъ разныхъ владѣльцевъ ея, порусски и полатыни, и изреченїй на лат. языкѣ, а затѣмъ помѣщено три раскрашенныхъ рисунка всадниковъ, въ разныхъ положенїяхъ.

Л. 1 (Посреди затѣйливо нарисованной и раскрашенной виньетки съ человѣческими фигурами и фигурами животныхъ). Рѣчь къ благочестивѣйшей Государинѣ Императрицѣ и Самодержицѣ всеросїйской. Прїписанна отъ вѣязя Автїоха Канте-

мира в' царствующемъ градѣ Москвѣ 1741 (sic) года 2 іюня. Напечат. въ Собр. Соч. кн. А. Д. Кантемира, т. I Спб. 1867, стр. 304—307 (съ вѣрной помѣтой времени написанія: 1731 г., іюня 2 дня), но рукописный текстъ исправяѣ печатнаго, а примѣчанія къ „рѣчи“ полнѣе:

Печ. изд. 1867 г.

Стихъ 13: *разнаю* въ лицѣ
людей что сердца вѣщаютъ

Ст. 30: (*отвагу*) мою съ гнѣ-
вомъ обличилъ вырвалъ съ
рукъ бумагу

Ст. 35: не знаешь ли ты
смѣльчакъ, уже безпокойный

Ст. 39: вѣдь тутъ нечего пи-
сать, *что* было утѣшно

Ст. 41: и къ хвалѣ той него-
денъ стиль твой подлѣйшій ¹⁾

Ст. 54: дѣла *той* многимъ ца-
рямъ въ образъ можетъ дати

Ст. 63: тужилъ. Но однакоже
безъ.... молчати

Ркп.

познаю въ лицѣ людей, что
сердца вѣщаютъ
мою съ гнѣвомъ обличилъ;
вырвалъ з рукъ бумагу

не знаешь ли ти (ты) *смол-
чать*, *уме* безпокойный
вѣдь тутъ нѣчего писать *чтобы*
было (было) утѣшно

и къ хвалѣ той негоденъ *слабъ*
стиль твой подлѣйшій

дѣла *та* многимъ царямъ в
образъ можетъ дати

тужилъ, но однакожъ *без-
бодній* молчати

Въ примѣчаніяхъ къ „рѣчи“ въ рукописномъ текстѣ сверхъ печатнаго имѣется слѣдующее:

Къ ст. 7. *Лира*. Т. е. гусли, на которыхъ Аполлонъ стихотворцовъ богъ какъ сказываютъ искусно играетъ.

Къ ст. 29. *Аполлонъ*. Смотри объ немъ въ первой сатири въ примѣчаніи подъ стихомъ 9.

Къ ст. 43. *Виргилій*. Славный латинскій стихотворецъ, котораго у насъ осталось три книги: георгика, буколика и енеидовъ (sic), изъ которыхъ послѣдняя въ великой во всемъ свѣтѣ цѣнѣ и почтеніи. Смотри объ немъ пространнѣе въ первой сатири подъ стихомъ 39.

Къ ст. 44. *Для сей Августы придумать*. Древніе греки, когда ихъ монархія цвѣла, называли Императрицъ своихъ Августами; сіе же слово не собственно греческое, но латинское,

1) Къ этому стиху издатель сдѣлалъ примѣчаніе, что тутъ недостаетъ одного слога.

которое порусски сказать можно: расширительница или прибавительница августа, понеже отъ аугео, еже есть прибавляю.

Къ ст. 48. *Ювиша*. Ювишъ и Юпитеръ тотъ же первій или лучше сказать главнѣйшій язычниковъ богъ, сынъ сатурновъ, а братъ плутоновъ и Нептуна и Діаны. Отца своего съ неба сбивъ самъ имъ обладѣлъ (sic). Давъ адъ въ наслѣдіе Плутону, Нептуну воды. Смотри Гералдія исторію боговъ.

Къ ст. 56. Въ печ. „иноко онъ (т. е. стихотворный стиль безъ „фикцій“) слабъ и *скуденъ*“—въ ркп. „иноко онъ слабъ и *студенъ*“.

Къ ст. 59. *Въ парнасски палаты*. Парнасъ есть гора въ Фоцидѣ, на которой музы обитаютъ. Знать Аполлонъ... и т. д., какъ въ печатномъ.

Л. 4 об. Сатиры князя Антіоха Кантемира, сочиненныя въ царствующемъ градѣ Москвѣ 1730 и 1731 года. Предисловіе къ читателю. См. печ. изд. I, 188—189.

Л. 5. Теофанъ Архіепископъ Новгородскій къ автору сему. См. печ. изд. I, 22—23 и по дополн. счету стр. 21.

Л. 5 об. Теофилъ Кроликъ къ тому жъ автору. См. печ. изд. I, 189, въ прим. 6.

— Той же. См. печ. изд. I, 23. Ср. дополн. счетъ стр. 23.

Л. 6. Сатиръ къ читателю (т. е. въ читателю сатиръ). См. печ. изд. I, 24, дополн. счетъ стр. 22, 23.

— Эпиграмма 1. Авторъ о себѣ. См. печ. изд. I, 189. Въ послѣднемъ стихѣ есть разница: „что взялъ *по гальски*, заплатилъ по русски“ вм. печ: „что взялъ по польски, заплатилъ по русски.“

— Эпиграмма 2. См. печ. изд. I, 189.

— Авторъ о себѣ. Нѣтъ въ печ. изд., приводимъ цѣликомъ:

Аще и росски пишу, не росска есмь рода,
не ис подлихъ родится дала мнѣ природа;
трудова, бѣдъ, житье мое исполнено было,
ища лучшаго, добро бывше въ рукахъ сплило.
Отца, матеръ погребохъ въ отрочески лѣта
хоть могу быть не отецъ, житель бѣднѣй свѣта.

Л. 6. об. Сатира первая на хулящихъ ученіе, къ уму своему. См. печ. изд. I, 190 (первоначальная редакція).

Л. 16. Эпиграмма о Езопѣ. См. печ. изд. I, 337. Въ рукописномъ текстѣ слѣдующіе три стиха въ лучшей редакціи:

Ст. 2: что съ лица недостаетъ, то внутрѣ зъ залишкомъ (печ: внутрѣ залишкомъ).

Ст. 3: горбятъ, брюхатъ, щепетливъ, *ножонки* какъ крюки (печ: ножечки).

Ст. 8: но много *душъ* исправилъ, уча правду ложно (печ: думъ).

Л. 16 об. Eadem (т. е. та же эпиграмма) latine (нѣтъ въ печ. изд.):

Si mihi difficilis—formam natura negavit,
ingenio forma damna repondo meae

— Polonice (нѣтъ въ печ. изд.):

Jeżeli gładkości niedala natura
więc rozumem zagładzam, gdzie w gładkości dziura.

Л. 17: Предисловіе на вторую сатиру къ читателю. См. печ. изд. I, 203.

Л. 18. Ad autorem satirae secundae Theophilus caenobiartha. См. печ. изд. I, 205.

Л. 18. об. Сатира вторая на зависть и гордость дворянъ зловражныхъ. См. печ. изд. I, 206.

Л. 34. Къ преосвященнѣйшему Ѳеофану архіепископу новгородскому и великолуцкому авторъ. См. печ. изд. I, 227.

Л. 34. об. Сатирикъ къ читателямъ. См. печ. изд. I, 228.

Л. 35. Сатира третья (sic) о различіи страстей человѣческихкихъ. См. печ. изд. I, 228.

Л. 47 об. Къ читателямъ (не кончено). См. печ. изд. I, 247.

Л. 48. Кармина на день Воскресенія. Вотъ они:

Ежелибъ мнѣ натура дала орлови крила
я бъ поздравлять усѣхъ повсюду полетѣла
что нинѣ огонь блистающъ румянъ свой свѣтъ пролилъ
и весь нашъ вѣкъ испорченъ какъ златомъ позлатилъ
прогналъ печали злія и обѣщалъ покой
въ коемъ вамъ бить желаю, поживъ въ сей вѣкъ златой.

Л. 49. Interscriptio bibliothecae archiepiscopi S. Jaworski.

Нач. Ite meis manibus saepe gestati libelli... См. Проповѣди Ст. Яворскаго. М. 1804, т. III, 138.

Л. 49 об. Мелкія латинскія стихотворенія подъ заглавіями: Doctrina, De amore, De vino, De societatibus, Car. nativitatis XII.

Л. 50 об. Стихи о нищетѣ самоизвольной.

Нач. Стремись мой духъ всегда къ жилищамъ горныхъ мѣсть...

Л. 52—52 об. пустые; на первомъ нарисованы два летящихъ ангела.

Л. 53. Ода на первій день мая 1761 года. Скомпонованна отъ учителя пѣтики Игнатія Максимовича (25 строфъ).

Нач. Не гесперидовъ садъ прекраснѣй
Мой духъ и мысль къ себѣ влечеть...

Л. 57. Отрывокъ.

Нач. По какой причинѣ, меценатъ, никто тою частію доволенъ не бываетъ, которою онъ либо самъ себѣ по своему разсужденію избралъ, либо ему судьба опредѣлила...

Л. 58—64 об. пустые.

Л. 65. Лукіана о плачѣ надъ мертвыми древнихъ грековъ и другихъ языческихъ народовъ. Переводъ съ греческаго.

Нач. Примѣчанія достойно, что многіе дѣлаютъ и говорятъ, оплакивая мертвыхъ, какъ они между собою разговариваютъ, утѣшая другъ друга, и почитаютъ сей случай за несносный какъ плачущіе для себя, такъ и для тѣхъ, коихъ оплакиваютъ...

Л. 69. Quaedam excerpta. Разныя мелкія изреченія изъ Овидія, Цицерона, Виргилія, Горация, Аристотеля, изъ Евангелія и др.

Л. 72 об. Carmina ex libro 3 Catonis.

Нач. Instrue praecipis animum nec discedere cesses...

Л. 73. об. Carmina ad celsissimum abbatem.

Нач. Merito tibi gratulamur celsissime Antistes...

Л. 74. Разлученіе съ любезной (4 стиха):

Въ поля пойду гулять и въ тѣ лѣса густіе
Съ любезной гдѣ моею въ веселяхъ я бывалъ
Я тамъ вспомню всѣ мои печали злыя
И вображу себѣ, какъ я по ней стоналъ¹⁾.

12. (Общ. инв. № 14.013). Наука счастливымъ быть. Перевелъ съ нѣмецкаго Сергѣй Волчковъ. Спб. 1759, въ 8°, на 139 л., XVIII вѣка.

Списокъ съ печатнаго изданія: Сопиковъ № 6649. Последующія изданія этой книги см. тамъ же №№ 6650, 6651, 6652 (Спб. 1775. 1791. 1803).

Пожертвовано С. Н. Ждановымъ.

¹⁾ См. это стихотвореніе въ полномъ видѣ (6 строфъ, по 4 строки въ каждой) въ другой рукописи Нѣжинскаго Института, отмѣченной у насъ ниже подъ № 13 (статья 87-ая); тутъ оно подписано инициалами А. Н.

13. (Шев. № 2132). Разныя стиходѣйствія, въ 4°, на 66 л., новѣйшаго письма.

Копія съ подлинника, находящагося въ библіотекѣ Казанскаго университета: см. *А. Артемьевъ*, Описание рукописей хранящихся въ библіотекѣ Импер. Казанскаго университета. Лѣтоп. занятій Археограф. Коммиссіи, вып. VII. Сиб. 1884, стр. 177—194, подъ № ХСII-мъ. Ср. статью *А. Аванасьева*, Образцы литературной полемики прошлаго столѣтія. Библіографическія Записки 1859 № 15; а также сообщеніе *С. Шевырева* въ «Москвитинѣ» 1854 №№ 1 и 2.

14. (Общ. инв. № 3305). Должникъ, драма. въ двухъ дѣйствіяхъ, 1803 года. Сочиненіе Алексѣя Толмачева, посвящено графу Ильѣ Андреевичу Безбородку. Въ 4°, на 45 л.

Содержаніе слѣдующее: Отставной секретарь Честолюбовъ, оставившій должность вслѣдствіе нежеланія брать взятки и дѣлать несправедливости, находится въ крайнемъ бѣдственномъ положеніи, притѣсняемый своими займодавцами; съ нимъ жена и дочь. У него есть сынъ въ Москвѣ, докторъ, живущій въ домѣ графа, директора Московскаго почтамта. Вылечивши графа, онъ пріобрѣтаетъ его расположеніе и вмѣстѣ покровительство своимъ родителямъ, но послѣдніе покровительствомъ этимъ не могли воспользоваться—сначала вслѣдствіе случайнаго обстоятельства (посланныя отъ графа деньги не дошли по назначенію къ Честолюбову), а потомъ вслѣдствіе удаленія доктора изъ дома графа и гнѣва на него послѣдняго за любовь его къ дочери графа Лизѣ. Лиза также любитъ доктора, заболѣваетъ отъ тоски по немъ, но доктора находятъ, и дѣло кончается согласіемъ графа на бракъ молодыхъ людей.

15. (Общ. инв. № 3301). Корабль Черниговскія семинаріи, нагруженный духовными кушлями и при публичныхъ богословскихъ состязаніяхъ присутствіемъ премногихъ отличнѣйшихъ и высокопочтеннѣйшихъ особъ торжественно празднованный 1805 года іюня 7 дня. Въ больш. 4°, на 77 писанныхъ листахъ (153 стр.). Передъ заглавіемъ на особомъ листѣ помѣщенъ раскрашенный рисунокъ, представляющій аллегорическое изображеніе плывущаго на нарусахъ суда, въ которомъ сидятъ нѣсколько человѣкъ съ книгами въ рукахъ; подъ рисунокъ подпись: «Кормчая книга». Книга посвящена графу Ильѣ Андреевичу Безбородку и въ 1822 г. пожертвована имъ Александро-Ильинской Нѣжинской гимназій 1).

1) Рукопись эта описана была *М. И. Лилеевымъ* въ Черниговскихъ Епархіальныхъ Извѣстіяхъ 1888 г., № 3.

Стр. 7¹⁾. Кантъ, пѣтый предъ начатиємъ состязаній. Нач. (первая строфа):

Прійми Перунъ громовый въ руки
Святая истина, ты днесъ,
Брось молніи, гремящи звуки,
Да слышитъ міръ пространный весь.

— 10. Theses theologicae, in publicis disputationibus ad discutiendum propositae (всего 6 тезисовъ, съ русскимъ переводомъ каждаго).

— 13. Привѣтствіе графу, какъ почетному посѣтителю собранія.

— 15. Prolusio I, de vocatione. *Thesis.* Deus omnes et singulos homines vult ad ecclesiam vocari et salvari, etsi multi sua ipsorum culpa salutari vocatione destituantur. Въ концѣ разсужденія замѣчено: Post hanc prolusionem oppugnabat contra positionem I studiosus theologiae Theodorus Hrihorowicz.

— 21. Solvuntur objectiones Calvinianorum. Въ концѣ замѣчено: Praeter propositas objectiones hanc thesin impugnabat in actu disputationis Praefectus seminarii protoprosbiter Leontius Rklickj.

— 28. Рѣчь на еврейскомъ языкѣ студента богословія Николая Базилевича.

— 29. Разговоръ о призваніи языковъ, которыхъ призываетъ Богъ (между Полисторомъ и Керономъ). Въ концѣ замѣчено: „говорили сей разговоръ ученики перваго риторическаго класса Иванъ Симковскій и Яковъ Тимковъ“.

— 59. Пролозія II, о томъ, что истинно вѣрующіе во Христа составляютъ церковь Христову, которая есть собраніе, состоящее изъ однихъ точію святыхъ. Въ концѣ замѣчено: „по окончаніи сей пролозіи на II положеніе слѣдующія дѣлалъ возраженія студентъ богословія Андрей Бокевичъ“.

— 63. Возраженія (на предыдущее разсужденіе). Въ концѣ замѣчено: „возраженіе дѣлалъ противъ сей истины учитель поэзіи соборный іеромонахъ Мелхиседекъ“.

— 70. Рѣчь на греческомъ языкѣ, обращенная къ присутствующимъ и говоренная студентомъ богословія Антономъ Шкляревскимъ.

¹⁾ Книга перемѣчена не листами, а страницами.

— 73. Разговоръ о необходимой связи наукъ (между Здравомовымъ и Недомовымъ). Въ концѣ замѣчено: „разговоръ сей говорили ученики высшаго класса грамматики Иванъ Хорошевичъ и Титъ Зѣничъ“.

— 81. Пролюзія III, о томъ, что всякій грѣхъ, хотя бы онъ былъ простительный и не собственно вольный, есть по себѣ столь великъ, что можетъ человѣка на вѣки осудить. Въ концѣ: „въ сей пролюзіи доказываемое III положеніе опровергалъ студентъ богословія Симеонъ Яичевскій“.

— 85. Возраженія (на предыдущее разсужденіе), въ концѣ которыхъ замѣчено: „сверхъ сихъ возраженій, противъ сего продолжалъ споръ учитель низшаго класса грамматики Самуиль Бутинскій“.

— 97. Рѣчь на латинскомъ языкѣ, студента богословія Алексѣя Лѣвицкаго.

— 102. Разговоръ между Филотехномъ и Филоглоссомъ о преимуществѣ еврейскихъ языковъ, говоренная „учениками поэзіи“ Петромъ Шиповымъ и Александромъ Огіевскимъ.

— 110. Разговоръ о сохраненіи здравія по правиламъ медицины (между Андреемъ и Василиемъ), на нѣмецкомъ языкѣ съ параллельнымъ русскимъ переводомъ. Въ концѣ замѣчено: „говорили сей разговоръ студентъ философіи Василь Мензиковскій и второго класса риторики ученикъ Павелъ Ситниковъ“.

— 124. Разговоръ о признательности между Петромъ и Яковомъ, на французскомъ языкѣ, съ русскимъ переводомъ.

— 135. Разговоръ о началѣ сего города (т. е. Чернигова) и учрежденіи семинаріи (между Пріѣзжимъ и Семинаристомъ), на латинскомъ языкѣ, съ русскимъ переводомъ. Въ концѣ: „сей разговоръ говорили второго класса риторики ученики Лука Давыдовскій и Савва Яновскій“.

16. (Общ. вв. № 3304). Ола «Скняскій мечъ или храбрость россиявъ въ достопамятную отечественную войну 1812 года». Сочинилъ Θεодосій Красинъ (прибавлено другой рукой: дивизионный докторъ второй арміи). Посвящена Александру Яковлевичу Рудзевичу, генераль-лейтенанту, участнику Отечественной войны. Въ 4°, на 47 л.—На внутренней сторонѣ передней крышки переплета отмѣчено: «Въ книгохранилище Гимназіи Высшихъ наукъ князя Безбородко подарилъ Иванъ Орлай 1824 $\frac{XI}{15}$ 1».

1) Иванъ Сем. Орлай былъ директоромъ гимназіи высшихъ наукъ съ 1821 по 1827 годъ.

Сочиненіе представляет стихотворное описаніе войны 1812 года, съ обращеніемъ къ А. Я. Рудзевичу, которому сказано много похвалъ какъ воину.

17. (Общ. инв. № 3303). Рукописи Н. В. Гоголя:

I. Мертвыя души т. I. См. о ней замѣчанія Н. С. Тихонравова въ Соч. Н. В. Гоголя, изд. 10, т. III, стр 414—434, 523.

II. Тарасъ Бульба. См. тамъ же т. I, стр. 641—650.

III. Портретъ. См. тамъ же т. II, стр. 597—598.

IV. Тяжба. Лакейская. См. тамъ же т. II, стр. 746—747, 750—752.

V. Игроки. Театральный развѣздъ. См. тамъ же т. II, стр. 715—716, 729, 776—777.

Пожертвованы Лицею кн. Безбородко графомъ Г. А. Кушелевымъ—Безбородко въ 1858 году. См. о нихъ „Время“ 1861 № 4 (Н. Гербеля) и 11 (Н. Прокоповича).

18. (Общ. инв. № 3303). Тридцать два письма Н. В. Гоголя къ Н. Я. Прокоповичу за 1832—1850 гг. Бумага различныхъ размѣровъ и цвѣтовъ; письма—большею частію безъ помѣты года, который въ такихъ случаяхъ выставленъ карандашомъ рукою Прокоповича. На нѣкоторыхъ письмахъ, посланныхъ безъ конверта, на задней страницѣ сохранился адресъ Прокоповича и почтовые штемпеля и отмѣтки.

Письмами этими пользовался П. В. Анненковъ въ статьѣ „Воспоминанія о Гоголѣ“, напечатанной въ „Библиотекѣ для Чтенія“ 1857, №№ 2 и 11 (перепечатана въ его сборникѣ: „Воспоминанія и критическіе очерки“ т. I Спб. 1877 подъ загл. „Н. В. Гоголь въ Римѣ лѣтомъ 1841 года“); затѣмъ Н. В. Гербель въ статьѣ „Прокоповичъ и отношенія его къ Гоголю“ въ „Современникѣ“ 1858, № 2 (перепечатано при изданіи его: „Стихотворенія Н. Я. Прокоповича“ Спб. 1858), также въ статьѣ „Н. Я. Прокоповичъ“ въ сборникѣ: „Лицей князя Безбородко“ изд. графа Г. А. Кушелева-Безбородко. Спб. 1859 (2-е изд. „Гимназія высшихъ наукъ и Лицей князя Безбородко“. Спб. 1881). Гербелемъ же были изданы эти письма и цѣликомъ въ „Рус-

скомъ Словѣ“ 1859, I, отд. I, стр. 83—136, съ прибавленіемъ еще одного письма изъ Мюнхена отъ 28 мая 1843 года, помѣщеннаго тутъ подъ № XXIX. Кромѣ того, письмо подъ № IV изъ Парижа отъ 25 января 1837 г. было еще нѣсколько ранѣе напечатано Гербелемъ въ „Библіографическихъ Запискахъ“ 1858, № 4, стр. 115—123. Но письма эти изданы Гербелемъ съ пропусками нѣкоторыхъ словъ и фразъ, съ сокращеніями личныхъ именъ и ошибками, что и указано, исправлено и восстановлено нами въ „Русской Старинѣ“, 1892, № 11: „Николай Васильевичъ Гоголь. Замѣтка о его письмахъ къ Н. Я. Прокоповичу“.

Письма пожертвованы Лицею князя Безбородко графомъ Г. А. Кушелевымъ-Безбородко въ 1858 году.

19. (Общ. инв. № 3303). Двадцать четыре письма Н. В. Гоголя къ М. А. Максимовичу за 1832—1842 гг. и двѣ небольшія записки 1850 г.

Были напечатаны П. А. Кулишемъ въ „Опытѣ біографіи Гоголя“ („Современникъ“ 1854, № 3), въ „Запискахъ о жизни Гоголя“, Спб. 1856, т. I и въ Сочиненіяхъ и письмахъ Н. В. Гоголя“, т. V. Спб. 1857, но не точно. Въ полномъ видѣ письма эти напечатаны г. Пономаревымъ въ приложеніи къ статьѣ: „Подлинники писемъ Гоголя къ Максимовичу и ненапечатанные отрывки изъ нихъ“ въ „Сборникѣ II Отд. Ак. Наукъ“, т. XVIII, № 3. Спб. 1878.

Приобрѣтены Историко-филологическимъ Институтомъ кн. Безбородко отъ вдовы М. А. Максимовича въ 1875 году.

20. (Общ. инв. № 14.012). Дядька въ затруднительномъ положеніи. Комедіи сочиненія Джіовани Жиро; переводъ съ итальянскаго, приписываемый Н. В. Гоголю. Римъ, 1840 г. Въ 4^о писчей сѣрова той бумаги, на 40 лл.

Пожертвовано С. И. Пономаревымъ и напечатано въ „Извѣстіяхъ Историко-филологическаго Института кн. Безбородко въ Нѣжинѣ“, т. VII, 1882.

21. (Шев. № 2207). Древняя Малороссія въ ея пѣсняхъ. Опытъ характеристика народа по памятникамъ народной словесности. Со-

чиненіе студента историко-филологическаго факультета (Московскаго университета) 2-го курса Александра Котляревскаго. Въ 4° писчей сѣровой бумаги, на 35 лл.

Объ этой студенческой работѣ весьма извѣстнаго впоследствии слависта и профессора университета св. Владимира († 1881 г.) см. въ нашей замѣткѣ: „Къ біографіи А. А. Котляревскаго“ въ Кіевской Старинѣ 1894, № 4.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

(Къ № 11, л. 50 об.)

Стихи о нищетѣ самонзволной.

Стремись, мой духъ, всегда в жилищамъ горнихъ мѣсть,
Вперай всю мысль свою превишше свѣтлихъ звѣздъ;
Земная презирай, бѣги суетствъ зла мира,
В'спомни, что рекъ ти: явить себе здесь сира.
Окови ти мирски сложилъ съ себя навѣкъ,
Страстямъ тобой владѣть конечно ушь пресѣкъ.
Когда твои въ себѣ возносила мать руки
И всѣ являла, какъ тебя раждала, муки,
Когда терзала грудь, младенцемъ кою с'саль,
И нѣдро то драла, гдѣ сладко почиваль,
Когда и предъ тобой лила слезъ горки токи
И съ воплемъ зѣлнимъ стогнъ влекла изнутри жестокий,
Тотъ спомани ея печалнѣй вопль и гласъ,
Какъ ти сказалъ: прощай; вскричала: ахъ ужасъ,
Синь мой, ахъ синь драгой! моей всей жизни щасте,
Въ какіе бѣди мя ввергаешь и ненасте?
Скажи, мой синь, скажи, твоя ли я мать
Иль с' камяти (?) рожденъ, въ горахъ рожденъ ти знать?
Тебѣ я жизнь дала, ти жизнь мою уносишь;
Безъ жизни въ животъ меня ль безщастну бросишь?
Возможешъ ли прожить лишасъ на вѣкъ меня?
Велишь за что ридать, велишь въ слезахъ стена?
Въ лѣса бѣжишь, въ лѣса? о звѣрь, звѣрь ти прелютій,
Злой день, въ кой ти рожденъ, злой часъ и всѣ минути!
Ти хочешъ, мнѣ тебя чтобъ болше въ вѣкъ не зрѣть?
Подумай, какъ снести, какъ матерѣ стерпѣть!
Сіе рекла въ слезахъ. Отецъ пришолъ вотъ купно,

И съ нею запрещалъ и плакалъ неотъступно:
 Естли, сказалъ, ти синъ, если я твой отецъ,
 Если не хочешь мой печальной зрѣть конецъ,
 Смагчись, молю, въ грудѣ вѣть сердце, а не камень;
 Хоть умились на вошь: въ тебѣ вѣть кровь, не пламень;
 Тебе (sic) я воспиталъ, тебѣ я жизнь далъ,
 Единой отъ тебе за то отъради ждалъ;
 Сѣдини зришь мои, зришь дни мои немноги:
 Почто готовишь толь теперъ судьби мнѣ строги?
 Смотри, кому владѣть: вотъ злато, вотъ сребро,
 Вотъ села, домъ и все недвижимо добро;
 Вотъ цуги, вотъ сади, вотъ предрага одежда:
 Ти мой наслѣдникъ и вся моя надежда!
 И кто оплачетъ той предписанъ смерти день,
 Когда глаза мои заирнетъ вечна тень?
 И кто предастъ землѣ сіе всохше тѣло?
 Безъчувственъ и скажу уже въ печали смѣло:
 Престань, если тебѣ родитель твой любимъ!
 Что въ свѣтѣ лучше есть, будь тѣмъ хотъ умолимъ!
 Родители вотъ что вѣщали мнѣ печални;
 Что^а родственники, что^а сестри, друзья что^а дали?
 Но, всѣхъ презрѣвъ, сказалъ: я слѣдую словамъ,
 Котори Христосъ такъ проповѣдалъ намъ:
 Если кто въ васъ отца иль матеръ болше любить,
 Нежелъ меня, со мной тотъ части не получитьъ.
 Чтожъ убо въ прочемъ ушь могу сказать теперъ?
 Скажу, что я страстямъ внутрь сердца заперъ дверь;
 Но вижу инъ законъ внутрѣ, кой дѣйству, уду,
 Закону онъ ума противится отсюду;
 Но ти стремись, мой духъ, къ жилищамъ горнихъ мѣстъ,
 Вперай всю мысль свою превашше свѣтликъ звѣздъ;
 Земная презирай, бѣги суетствъ всѣхъ мира,
 В'своини, что реклъ ти: явить себе здѣсь сира.
 Ти волнй мыслей, злихъ, о боже, умири
 И духъ мой къ небеси любовію впери;
 Когда, позванъ трубой, явлюсь въ день тотъ послѣдній,
 И да воздастъ тамъ твой судъ мнѣ вѣнецъ нетлѣнный.

(Къ № 11, л. 53).

Ода.

на первій день мая 1761 года сконпонованна отъ учителя пѣтвика
Игнатія Максимовича.

1.

Не гесперидовъ садъ прекраснѣй
мой духъ и мысль къ себѣ влечетъ;
ручей здѣ влючъ журчитъ прозрачнѣй
и смертнѣй плодъ златѣй ростетъ;
но взоръ туда мой нынѣ стремится,
гдѣ май судилъ на свѣтъ открытися
зъ добромъ и счастиемъ своимъ;
тамъ рощи и поля красятся,
убранствомъ новимъ веселятся
и вся тварь днемъ доволна тѣмъ.

2.

В'спряни, о муза, зъ тми глубокой,
спробуй еверпиннѣхъ ти трубъ;
настроенни они высоко;
дерзай, хотя гудокъ твой грубъ;
не всѣ и зъ Икаромъ пропали,
что съ Пѣндаромъ когда сравнились,
Гомеру кто въ нихъ подражалъ;
принявъ въ союзъ трудомъ Орфея,
не слушался потомъ Музея
да съ Пѣндаромъ наравнѣ сталь.

3.

Тѣхъ не страшись, что више молнѣй
к' зенѣту силятся взлетѣть:
покой для нихъ тамъ есть доволнѣй,
если ихъ можетъ снести полѣтъ;
съ тобой дружить тѣ застидятся
топтать ногой, что звѣзди мнятся,
и тѣмъ тебѣ дадутъ покой,
доволствуйсь ти тѣми судбами,
что любишь жить вездѣ трудами:
по тѣмъ и госья свою настрой.

4.

Уже небесное свѣтило
 пріятнѣй намъ являетъ видъ;
 какъ в' домъ двоихъ братьевъ вступило,
 ведетъ зъ собой и флору въ слѣдъ;
 предъ нимъ жестокой мразь стидится
 и принужденъ подъ землю скрится,
 дню первому чтобъ мая входъ
 свободенъ былъ з' его богатствомъ
 и невредимъ бы былъ убранствомъ,
 подъ спудъ влечетъ в' весь (sic) зимной родъ.

5.

Вступивъ на горы май дывытся,
 прилѣжной свой вперая взоръ,
 и съ гнѣвомъ на зиму ярится,
 спустошенны верхи что горъ;
 поля и рощи воздыхаютъ
 и громкимъ гласомъ всѣ взиваютъ
 предъ нимъ, какъ роднымъ би отцемъ,
 чтобъ далъ имъ первую одежду
 и объявлъ плодамъ надежду,
 печальный снявъ из' ныхъ зремъ.

6.

Парнасъ тамъ слези проливаетъ,
 держалъ что в' узахъ долгій мразъ,
 и отъ него свободи чаеть,
 спустя къ нему смиреной глазъ:
 владѣй, май, мною ты во вѣки,
 утѣшь кастилскіе здѣсь рѣкы,
 престолъ на мнѣ свой водрузи,
 одѣй въ свою меня порфиру,
 изволь пѣвцамъ въ свою пѣть лиру
 и тѣмъ приходъ свой объяви.

7.

Вдругъ чувствуетъ вся тварь премѣну
 и щасте съ радостью беретъ;
 стремится флора з горъ въ долину,

зеленой вборъ всѣмъ роздаетъ;
уже прекрасныхъ птицъ собори
укрили всѣ поля и гори;
пресладку пѣснь они поютъ,
звучать шумящими крылами,
салятся вдругъ между садами,
на любихъ древахъ гнѣзда вють.

8.

Поля, упившись въ ночь рососою,
баграня въ день шипки здаютъ;
сада, укрившись сѣдиною,
на пиръ къ себѣ всѣхъ пчель зовутъ;
гуртомъ голи^е (sic) тѣ окружаютъ,
шумять, звинять и сотъ с'сисають,
приятнѣй духъ вездѣ протекль;
амбровія, не лстись собою:
твой питомци не съ тобою,
ихъ мая день къ себѣ привлекль.

9.

Нептунъ зъ безъденнаго покоя
на верхъ тишайшихъ рѣкъ идетъ;
молчащій токъ въ порядокъ строя,
реветъ, шумить, въ походи жретъ (sic);
съ охотой всѣ маршъ воспріймають,
своихъ о сна сестръ возбуждають;
зчепившись, всѣхъ струи водъ
приятнимъ въ ключъ тамъ бются стукомъ,
влекуть къ себѣ веселимъ звукомъ
звѣрей и птицъ и смертныхъ родъ.

10.

Пастухъ зъ своими въ степь стадами
спѣшить, и вѣрнѣй съ нимъ жучокъ;
садится онъ между буграми,
въ пастускѣй пѣть началъ рожокъ;
приятнѣй звукъ вдоль раздается,
кратчайшій день ему здается:
удержъ, говоритъ, Фебъ, свой бѣгъ,
не крой сего дня темнотою,

растатся въ сей мнѣ красотою
домашнихъ жалко для ночлѣгъ.

11.

Булканъ чрезъ день, чрезъ ночь томится,
покоя не давалъ рукамъ;
ратай къ нему съ плужкомъ спѣшится,
поспѣтъ чтобъ къ семъ веселимъ днямъ;
встаетъ съ постелѣ онъ зорою,
идеть спѣвая въ степь въ сохою,
весело въ день сей трудъ началъ;
плужокъ удобно въ глибъ садится,
отъ мягости земля валится;
съ отрадою и окончалъ.

12.

О май веселій, май прекраснѣй
спустошенныхъ зымой для нивъ,
тобой плодъ цересь дасть стократнѣй!
тобой весь горизонтъ щасливъ!
отъ камней намъ твой нѣмбъ дражайшій;
какъ нектаръ намъ роса сладчайшій;
замкнется дверь всѣхъ апотекъ
твоимъ врачевнымъ предъвоздухомъ;
осилѣетъ тяжелъ кто духомъ,
твоего лишь бы дня дотеклъ.

13.

Мой духъ отъ сихъ что съ отвращаетъ
въ себѣ и чувства всѣ влечеть,
и болшимъ чимъ съ мя ободряетъ,
берется мысль какъ за магнитъ;
я сталъ надъ чистою водою,
своей промилъ глаза рукою,
чтобъ болшъ той радости узрѣть,
что духъ чрезъ мглу мой проникаетъ
весь умъ во мнѣ туда пилаетъ,
приятностю чай съ звукъ манить.

14.

Стоить могила предъ глазами
Олимпу равная гора;

покрытая округъ цвѣтами,
 блещеть какъ утрення заря;
 пространни выжу внутрь раздоли,
 шумлять зефирѣ внутрь по волѣ,
 младій колеблючи листокъ
 деревъ, что входъ къ нимъ окружають,
 входящихъ тѣню прохлаждають,
 и предъ ними журчитъ потокъ.

15.

О, ти Тессалія мѣстами
 остань въ своей здѣсь красоти!
 Ельзѣумъ, и ти полями
 въ своей уступишь добротѣ!
 не басни мнѣ здѣсь древность пишеть,
 симъ красота вся ваша дишеть,
 прострѣтъ до сихъ мѣстъ сами взоръ
 и красоту здѣсь осмотрѣте,
 зъ своими тамъ хотя сравнѣте—
 симъ первенство дасте безъ споръ.

16.

Пространній пилю путь димится,
 лежитъ сихъ горъ что черезъ хребеть,
 воздухъ какъ въ туманѣ всѣмъ зрится,
 отъ ногъ земля тамъ вся реветъ;
 мѣнерва домъ свой оставляетъ,
 гулять къ мѣстамъ симъ поспѣшаетъ,
 парнасъ зъ собой увесь ведеть;
 какъ бистой токъ рѣки катится,
 черезъ камни в'шумомъ в'низъ валится;
 берега, пѣсокъ и камни рветъ.

17.

На верхъ гори какъ та вступила,
 дивится красотѣ сихъ мѣстъ,
 зоветъ к' себѣ и Аполлина,
 велить и музамъ всѣмъ раздохъ имѣтъ;
 тѣ с' радостью ихъ окружають
 и на травѣ услощъ (sic) сѣдають,

в долину свой спуская взоръ;
плѣвившись вдругъ всѣ красотою,
забывъ притомность долгою,
вѣдинъ снимаются соборъ.

18.

Аполло зтихостю вступаеть,
всѣ показуя имъ мѣста,
и мая днемъ ихъ поздравляеть,
сназономъ кроплять рѣчь уста;
какъ пчель царикъ рядить роями,
когда садить ихъ межъ цвѣтами
и сладкій сотъ велить снихъ брать,
такъ сей мѣнерви полкомъ строить,
податій трудъ чтобъ внихъ успокоить
и тѣмъ дню мая честь отъдать.

19.

О день, о радости година,
проминулъ во всѣхъ изъ устъ сей гласъ!
о вождельнная премѣна!
о мой златій, твой нинь намъ часъ!
ми долгу ночь какъ провождали,
лишь в'снѣ сей день мечтали,
теперь ушь наши зрятъ глаза;
не сонъ—не мечта намъ ласкаетъ,
унилой духъ въ насъ ободряеть,
живить приятность всѣхъ сердца.

20.

Въ пространствѣ чудномъ зрю собори,
во всѣхъ разставленни мѣста,
в'горѣ играютъ вдругъ, и долѣ
наполнились и всѣхъ уста;
тамъ дружка съ дружкой веселятся;
то идутъ, то на травѣ садятся,
една всѣмъ радость на лицѣ;
то сойдутся, то разбѣжятся,
отъ радости въ цвѣти валятся,
держа пучокъ румянъ в'руцѣ.

21.

Чимъ болшъ между собой гуляютъ
 в' приятности любимыхъ мѣсть,
 искусствъ тѣмъ болшъ себѣ змишляютъ,
 в' веселости чтобъ день провести:
 прекрасни рвутъ то вдругъ цвѣточки,
 то ставши з' нихъ плетуть вѣночки,
 то з' рукъ до рукъ передають,
 то в' кругъ с'чепившись садовятся (sic),
 то врядъ разбѣгшись становятся,
 отъ рукъ по полю плескъ здають.

22.

Напрасно вносится игрою
 Олимпъ, что древній славить вѣтъ:
 не всякъ доволенъ тамъ судьбою,
 но кто впередъ к' метѣ притекъ;
 мой духъ в' дивленіи томится,
 и глазъ не можетъ надивится,
 что всякъ доволенъ з' сихъ игротъ (sic);
 симъ равная игра судьбами:
 любуются, что всѣ вѣнцами
 преишли игри зтатъ (sic) в' весь урокъ.

23.

Мѣнервѣ фебъ ушь докладаеть,
 в'ступивъ в' послѣдній горизонтъ;
 кончину дня ей объявляетъ,
 в' вечерній хочетъ скрится понтъ;
 примѣтили тотъ часъ то музи,
 в' едни собрались всѣ союзи,
 до слонца ставлять комплементъ—
 з' веселостю чтобъ не растатся,
 приятностю чтобъ наслаждатся,
 придалъ бы дню хотя моментъ.

24.

О ты, прекрасное свѣтило:
 поставъ з' сихъ мѣсть себѣ восходъ
 и отгѣни свое мѣрило,

значишь симъ свой всѣмъ днямъ отходъ;
 обойдемъ пусть сихъ горъ вершины
 и далшой ихъ коснемъсь долины:
 симъ радость намъ усугубишь,
 лючи (т. е. лія) надъ сими свѣтъ горами,
 умноживъ мая день часами,
 и всѣ труда в' насъ облегчишь!

25.

На слонце Аполлинъ взираетъ,
 примѣтивъ скорій въ немъ отходъ;
 мѣнервини полки с'зываетъ
 и означаетъ имъ походъ!
 прекрасни вѣтвы з'древъ ламаетъ
 и пѣснь пресладку пѣть счинаютъ,
 с' преславнихъ бы какъ марсъ побѣдъ,
 благодарятъ небесъ отцевъ
 и первому желаютъ дней
 в'предъ для себя должайшихъ лѣтъ.

(Къ № 13, статья 115, л. 57 об.—58).

Милостивый государь мой, отецъ и благодѣтель
 В. И. ¹⁾, любящій правду и добродѣтель!
 Санктпетербургская газета публикѣ объявляетъ:
 Если кто въ Россійскому театру въ службу йтить желаетъ,
 Чтобъ къ Его Превосходительству явились
 И. П. ²⁾ и предъ нимъ изяснились,
 Какую кто роль можетъ играть—
 Любителя, отца, тирана иль слугу представлять.
 Я склонность и желаніе имѣю издавна

¹⁾ Василій Ильичъ Бибииковъ, назначенный «симѣть дирекцію надъ россійскимъ театромъ», т. е. для ближайшаго завѣдванія русской труппой, 12 дек. 1765 года. См. «Архивъ дирекціи Императорскихъ театровъ» Спб. 1892, т. III стр. 2, т. II стр. 84.

²⁾ Иванъ Перфильевичъ Елагинъ, кабинетъ-секретарь, извѣстный писатель, назначенный 20 дек. 1766 года главнымъ директоромъ придворнаго театра и музыки. См. «Архивъ дирекціи Императорскихъ театровъ» т. I стр. 1, т. II стр. 86—90, т. III стр. 5—6.

Представить слугу, отца или тирава,
 Ибо и прежь сего на портикулярныхъ театрахъ игралъ
 При конюшенномъ дворѣ и представлялъ
 Въ Труворѣ Гостомысла родителя Ильменина,
 Въ Гамлетѣ Половіа отца Офеліана,
 Въ горевовыхъ (sic) трагедіяхъ Стальверха ролю
 Да въ комедіяхъ почти такую жь имѣлъ долю;
 Въ Скопиновыхъ обманахъ Геронта и Якова,
 Такого жь старика Горпагона Скупого;
 Нынѣ жь, находяся празднымъ, дѣла не имѣю,
 А къ Его Превосходительству явиться не смѣю,
 Затѣмъ что, по общему натуре предѣлу,
 Нахожусь подь слѣдствіемъ по нѣкоторому дѣлу
 И милостивой конфирмаціи ожидаю,
 Которая можетъ воспослѣдовать, уповаю,
 Чего ради, милостивый отецъ и благодѣтель,
 Явите ко мнѣ великодушную добродѣтель
 И отверните милосердныхъ щедротъ утробу,
 Чтобы я до времени могъ показать хоть пробу;
 Ежели въ дѣйствиіи сперва явлюся не правовѣренъ,
 То благодѣтелямъ моимъ всегда буду покоренъ,
 Для того что, хотя на портикулярныхъ театрахъ игралъ
 Да и придворныхъ театральныхъ служителей видалъ,
 Которые гораздо нѣжнѣе противъ того играютъ
 И живо представляемыхъ лицъ изображаютъ,
 Однако не всѣ актерѣи и актрисы на театры родились
 Но, чакъ, нѣсколько также отъ другихъ учились,
 Въ чемъ истинная правда состоитъ не ложно,
 Что безъ показанія ничего въ дѣло произвести не можно;
 А между тѣмъ милосердый создатель всѣхъ Творецъ,
 Можетъ быть, сдѣлаетъ моему слѣдствію конецъ;
 Когда жь отъ команды моей атестатъ получу,
 То со всепокорностію Вашему Высокоблагородію вручу,
 Только чтобъ я нынѣ празднымъ не остался,
 Но въ честныхъ упражненіяхъ обрѣтался,
 За что Ваше Высокоблагородіе всегда буду благодарить
 И о здравіи Вашемъ Всевышняго Творца просить,
 Въ чемъ всегда благонадежнымъ пребуду
 И никогда Вашихъ благодѣній не забуду.

Вашего Высокоблагородія, Милостиваго государя и отца,
 Отъ усерднаго духа и чистаго сердца
 Филиппъ Ивановъ слуга всепокорный,
 Претихъ Молчальниковъ, человекъ не вздорный,
 Желаящій быть въ компаніи актеръ,
 Конюшеннаго двора Магазиныя вахтеръ.

17⁶/₁₅70.

(Къ № 15, стр. 73).

Разговоръ

о необходимой связи наукъ.

Здравомовъ и Недомовъ.

Недомовъ. Ежели бы и мы учились Богословію, то могли бы публикѣ нѣчто предложить о ней?

Здравомовъ. Страннымъ кажется мнѣ твой вопросъ.

Н. Ужели мнѣ не можно судить о Богословіи?

З. Такъ пристало, какъ ластовицѣ говорить объ орлахъ.

Н. Худое для меня сіе сравненіе: однакожь...

З. Однакожь начнемъ съ низшаго. Умѣешь ли ты читать, писать и разумѣть по правиламъ грамматики?

Н. Читать, писать и разумѣть по правиламъ грамматики едва-ли совмѣстно съ человѣческимъ умомъ! Не все ли равно, какъ бы я ни читалъ?

З. Конечно не равно: безъ грамматики неисправно будешь читать, неисправно писать и нехорошо разумѣть.

Н. Изъясни мнѣ, что значитъ читать, писать и разумѣть по правиламъ грамматики?

З. Читать по грамматикѣ значитъ наблюдать исправно выговоръ буквъ, связь одного слова съ другимъ, знаки; писать по грамматикѣ значитъ умѣть правописаніе, соединеніе или раздѣленіе буквъ, слоговъ и цѣлыхъ рѣченій, а разумѣть значитъ о каждомъ рѣченіи имѣть правильное понятіе, и гдѣ нужно произведеніе одного или множайшихъ рѣченій отъ другаго, и такимъ способомъ обогащать свою память и умъ.

Н. Это все я натурально разумѣю.

З. Не думаю.—Былъ ли ты въ низшемъ классѣ грамматики?

Н. Что то низшій классъ грамматики?

З. Гдѣ учать исправному письму и показываютъ самыя первыя и самыя нужныя къ свѣденію правила.

Н. Мнѣ и на мысль не приходила эта пустошь.

З. Разумѣешь ли ты тѣ принадлежности, которыхъ этимологія при каждой склоняемой части слова требуетъ?

Н. Пожалуй изъясни имена оныхъ, а между тѣмъ и я вспомню.

З. При частяхъ слова наблюдаютъ слѣдующія принадлежности: *качество, мие, родъ, уравненіе, движеніе* и пр.

Н. Я и безъ того разумѣю *качество*, каковъ то есть я; я хоть молодъ лѣтами, но старъ умомъ; *мие*—я здѣсь въ обществѣ особое, и ты уже моего лица на себя принять не можешь; *родъ*, изъ котораго я произошелъ, точно благородный, а потому *уравненія* съ низшими смертно не могу терпѣть, и *движеніе* мое со дня на день къ высшей и лучшей степени.

З. Я тебя понимаю, что ты такой грамотѣй, который не имѣешь (*sic*) голоса въ ученomъ обществѣ.

Н. Какое чудное замѣчаніе! или ты не слышишь, какъ я громко говорю?

З. О томъ ни слова, но безъ грамматики тебѣ такъ худо, что съ другими науками вступить въ связь отнюдь не можно.

Н. Мнѣ кажется, что я уже отъ тебя грамматику понялъ.

З. Хорошо; знаешь ли ты синтаксисъ?

Н. Признаться—не имѣю чести знать его. Конечно, это новопріѣхавшій чужестранецъ?

З. Совсѣмъ нѣтъ. Подъ словомъ Синтаксисъ разумѣется часть грамматики, которая учитъ правильному сочиненію словъ.

Н. Скажи пожалуй, Здравомовъ, что тебя заставило быть страннымъ за грамматику, о которой я слыхалъ съ худой стороны.

З. Какъ, Недоумовъ?

Н. Говорятъ, что грамматика, убожество и худая жена составляютъ три нещастія.

З. Впредь берегись такъ вольно говорить. За грамматику будешь подъ строгимъ истазаніемъ.

Н. Нѣтъ, господинъ Здравомовъ, я увѣряю тебя, что я всегда грамматикѣ преданнѣйшій слуга, только я въ тому сказать, что чему можно сдѣлаться чрезъ малое, того чрезъ многіе способы дѣлать не надлежитъ.

З. Какъ же ты поступилъ бы?

Н. Я, понятіе имѣя о грамматикѣ, сдѣлалъ бы хорошиі скачекъ въ риторику, и уже весь тамъ духомъ.

З. Безъ знанія грамматики въ риторику: то что съ плѣшивою головою въ духъ.

Н. Пожалуй, цѣлый вѣкъ учись грамматикѣ, да что ты скажешь о риторикѣ?

З. Риторика, всѣ признають, что она полезна и даже необходима въ жизни.

Н. Ежели она полезна, то я могу оной научиться безъ всякаго другого пособія, подобно какъ цѣлительная трава дѣлаетъ насъ здоровыми безъ нашихъ усилій.

З. Однакожь безъ грамматики риторикѣ не научишься.

Н. Риторика не та ли наука, о которой говорятъ, что она изъ неправаго правое и изъ праваго ложное дѣлаетъ?

З. Нѣтъ. Надобно сказать то, что она владычествуетъ сердцами.

Н. О! ежели съ тѣмъ, чтобъ я свое сердце отдалъ во власть риторикѣ, такъ извини меня господиъ Здравомысловъ!

З. Къ чему твое извиненіе?

Н. Извини, извини: ежели грамматика и риторика своими атрибутами да субъектами меня свяжетъ, такъ я самъ не свой—пропалъ.

З. Какъ же рѣшиться?

Н. Поспѣшу въ поэвію.

З. Для чего безъ знанія грамматики?

Н. Говорять, что тамъ какая-то вольность, которая не принимаетъ правилъ грамматики, а это спокойнѣе всего.

З. Нельзя сказать, что не принимаетъ правилъ грамматики, во вѣкторыя въ случаѣ необходимости отмѣняется.

Н. Гдѣ вольнѣе, тамъ и лучше.

З. Вольность сія иногда стоитъ дорого.

Н. Что еще говорятъ о поэзіи?

З. Да ее почитаютъ языкомъ боговъ.

Н. Авось либо меня причтутъ въ число полубоговъ?

З. Авось либо тебя почтутъ въ число Икаровъ!

Н. Кто это Икары?

З. Люди, которыхъ надобно образумить, какъ и тебя.

Н. Пожалуй, охотно слушаю.

З. Никогда не подобно презирать малаго, безъ чего не бываетъ великое.

Н. Почему?

З. Узнавъ хорошо грамматику, будешь знать и поэзію и риторію.

Н. И симъ кончится дѣло?

З. Нѣтъ, для лучшаго просвѣщенія надобно тебѣ учиться философіи.

Н. А философія что?

З. По имени, какъ сказываютъ, значитъ она любомудріе, а по вещи она доставляетъ здравое разсужденіе о всѣхъ вещахъ.

Н. Я и безъ философіи понимаю черное и бѣлое, доброе и худое, а обо всѣхъ вещахъ къ чему судить?

З. Весьма нужно.

Н. Очень не нужно. Вѣдь мнѣ два вѣка не жить, чтобъ рассказать въ другомъ о томъ, что дѣлалось въ прошедшемъ вѣкѣ.

З. По крайней мѣрѣ, надобно усовершенать свой умъ познаніемъ многочисленныхъ вещей.

Н. Какая изъ того польза?

З. Очень ощутительна.

Н. Столь велика, какову дозналъ одинъ изъ ученыхъ, который посвятилъ папѣ Льву X книгу, гдѣ хвалился своимъ искусствомъ дѣлать золото, имѣя въ виду получить отъ папы знатное награжденіе, вмѣсто чего папа прислалъ ему кошелекъ вовсе пустой, приказавъ объявить мнимому ученому, что поелику онъ можетъ дѣлать золото, то ему только и нуженъ кошелекъ, гдѣ бы оное прятать.

З. Ты это сказалъ не у мѣста.

Н. Какъ? Я бы никогда не ломалъ головы въ надеждѣ на свою ученость, какъ дѣлать золото; а ежели бы по счастью оно попалось мнѣ въ руки, то вовсе не хвалился бы предъ другими, чтобы они также не ломали головы, какъ оное у меня похитить.

З. Оставимъ это... но какъ пріятно и занимательно имѣть свѣденіе о многихъ вещахъ и рѣшать разные задачи!

Н. Да, у васъ задачъ столько, сколько невидимыхъ атомовъ. Этой тяжести голова не снесетъ.

З. Ужели желаешь остаться невѣжею?

Н. Нивакъ, я хотѣлъ бы быть и философомъ.

З. Но что жъ?

Н. То бѣда, что ученаго о многомъ спрашиваютъ.

З. Ты недавно говорилъ, что ты желалъ бы знать богословію.

Н. Со всею охотою.

З. Такъ, начиная отъ грамматики, придерживайся надлежащаго порядка. Учись прилежно поэзіи и риторикѣ, потомъ достигнешь въ философію и Богословію.

Н. Къ чему мнѣ послужать всѣ помянутыя науки?

З. Грамматика есть основаніемъ словеснымъ наукамъ; риторика, поэзія и философія усовершенствуютъ твои нравственныя способности.

Н. А богословія?

З. Богословія, сія царица наукъ, просвѣщая тебя познаніемъ единого истиннаго Бога, доставитъ тебѣ образованіе сердца.

Н. Развѣ просвѣщеніе ума и образованіе сердца намъ необходимы?

З. Конечно. Онѣ наилучшія средства, могущія содѣлать насъ вѣчно благополучными.

Н. Какъ?

З. Просвѣщеніе ума показываетъ намъ добро и обнаруживаетъ подъ разными видами кроющееся зло, а образованное правилами честности и благочестія сердце, самыя малыя предосудительныя помышленія изгоняя вонъ, клонитъ волю нашу къ избранію добра и къ отвращенію зла.

Н. Нужно ли во всякомъ состояніи имѣть просвѣщенный умъ и образованное сердце?

З. Послѣднее въ обществѣ паче необходимо. Будь земледѣль, ты не станешь похищать чужого; будь судія, ты не будешь для гнуснаго корыстолюбія ломать своей совѣсти; будь воинъ, ты не дерзнешь измѣнить законному государю и, ежели нужно, пожертвуешь жизнью за него; будь духовный, ты будешь зеркаломъ нравовъ и примѣромъ святой жизни; будь ученый, ты не будешь вредными толками или о религіи, или о законѣ, или о Богѣ заражать слабоумныхъ, ежели только будешь имѣть упоенное сердце спасительнымъ ученіемъ христіанскія богословіи.

Н. Понимаю я сію истину и, свято почитая оную, буду слѣдовать твоему совѣту сказаннымъ порядкомъ.

З. Учись охотно, дабы быть полезнымъ членомъ отечеству, но при томъ помни, кому за ученіе мы обязаны.

Н. Изъясни, пожалуй, кому?

3. Наипаче Богу, ревностѣйшимъ попечителямъ и *нашему Архипастырю*¹⁾, который насажденныя въ семь вертоградѣ сѣмена наукъ свѣтомъ благоразумія своего согрѣваетъ и оживляетъ.

(Къ № 15, стр. 102).

Разговоръ между

Филотехномъ и Филоглоссомъ

о преимуществѣ европейскихъ языковъ.

Филотехнъ. Здравствуй, Филоглоссъ! Что? обучаешься ли ты какому языку?

Филоглоссъ. Какъ! всему свѣту извѣстно, что я рѣшился учиться всѣмъ европейскимъ языкамъ.

Филот. Ужели то правда?

Филогл. Я шутовъ не охотникъ.

Филот. Вѣрно ты не знаешь пословицы сей: „кто за двумя зайцами, а тѣмъ паче за многими гоняется, тотъ иногда и одного не поймаетъ“. А чтобъ съ тобою тоже не случилось, то подумай получше.

Филогл. Какъ подумай, ничего лучше не придумаешь, особливо жъ, что отецъ мой для сего самаго отписалъ мнѣ хорошую сумму денегъ.

Филот. Я знаю точно, что ты ничего хорошенькаго не придумаешь въ твою пользу, но послушай хотя другихъ для тебя полезный дающихъ совѣтъ, то и деньги твои деньгами будутъ и ты человѣкомъ, какъ бы сказать: „кормъ въ коня будетъ потраченъ“.

Филогл. Инъ, добро! будь же ты на сей разъ мнѣ манторомъ (sic), а я буду твоимъ Телсмакомъ, только прошу при совѣтѣ имѣть безпристрастіе.

Филот. Я и безъ твоего напоминанія твердо сего правила держусь; „чего себѣ желаешь, того и другимъ; а чего себѣ не желаешь, то другимъ того не желай“. А потому и тебѣ совѣтую обучаться языкамъ, которые для тебя въ жизни будутъ и при-

¹⁾ Эти два слова зачеркнуты, вѣроятно, рукою самаго преосвящ. Михаила († 1821), и глаголы, отнесенные къ «ревностѣйшимъ попечителямъ», измѣнены на множ. число.

ягнѣе и полезнѣе, а паче который изъ нихъ преимущественнѣе въ Европѣ.

Филогл. Какой же, по твоему мнѣнію, мнѣ будетъ нужнѣе, полезнѣе и который преимущественнѣе изъ нихъ?

Филот. Нужнѣе, а потому и полезнѣе для тебя будетъ тотъ, которымъ тебѣ необходимо нужно будетъ каждой день разговаривать. Напр., ежели ты намѣренъ жить въ Италиі, то итальянскій для тебя нужнѣе; а ежели въ Германіи, нѣмецкій; который же изъ нихъ превосходнѣе, ты и самъ изъ опыта узнаешь.

Филогл. Желалъ бы я знать впередъ, сколько языковъ въ Европѣ?

Филот. Всеобщихъ языковъ въ Европѣ пять, а кромѣ татарскаго, по нынѣшнему турецкаго, перешедшаго въ Европу изъ Азіи и кромѣ Турціи нигдѣ почти не употребляемаго, только четыре коренные: нѣмецкій, латинскій, греческій и славянскій.

Филогл. А прочіе языки откуда взялись?

Филот. Прочіе отъ сихъ четырехъ, какъ вѣтви отъ корней произошли.

Филогл. Какой же отъ какого произошелъ и гдѣ ими говорятъ?

Филот. Отъ нѣмецкаго произошло четыре, именно: первый—нѣмецкій и говорятъ имъ въ Германіи, Саксоніи и Пруссіи, второй—англинскій, и говорятъ имъ въ Англии и Шотландіи; третій—датскій, употребляется въ Даніи, Швеціи и Норвегіи, и четвертый—голландскій, коимъ говорятъ только въ Голландіи.

Филогл. Не произошелъ ли какой и отъ латынскаго?

Филот. Отъ латынскаго, коимъ теперь, такъ какъ прежде въ Италиі, нигдѣ не говорятъ, произошли: итальянскій, французскій, испанскій, португальскій, волошскій, молдавскій и албанскій или арнаутской язьки, и каждымъ изъ нихъ въ своемъ отечествѣ говорятъ.

Филогл. А отъ греческаго?

Филот. А отъ греческаго еллинскаго простый греческій, коимъ говорятъ теперь въ Греціи и во всей Европѣ, гдѣ только живутъ греки.

Филогл. А еллинскимъ гдѣ говорятъ?

Филот. Во всѣхъ европейскихъ университетахъ, академіяхъ, гимназіяхъ, семинаріяхъ и другихъ училищахъ, да и нѣтъ

просвѣщеннаго общества въ литературѣ безъ знанія еллинскаго діалекта.

Филогл. Еще жъ хотится (sic) мнѣ знать и о славенскомъ.

Филот. Славянскимъ говорятъ: славяне, россіане, поляки, богемцы, сербы, болгары, коваки, черногорцы, иллирійскіе славяне и другіе того жъ нарѣчія народы.

Филогл. Кромѣ жъ вычисленныхъ тобою, думаю, больше нѣтъ въ Европѣ?

Филот. Никакъ! Еще и кромѣ сихъ есть, какъ-то: венгерскій, финскій, ирландскій, малой татарской и лапландской, но они не важны, и я тебѣ объ нихъ ничего не скажу болѣе, а ты скажи теперь, какому хотишь учиться языку?

Филогл. Я выбралъ для себя—нѣмецкой, англійской, французской, испанской, итальянской и славянской или россійской.

Филот. Для чего ты столь много языковъ выбралъ? Не думаешь ли всѣмъ имъ научиться?

Филогл. Не только думаю, но и хочу, только прошу тебя свои мысли объ нихъ сказать мнѣ по порядку.

Филот. О нѣмецкомъ въ разсужденіи колкихъ и жестокихъ буквъ, хотя онъ и между коренными въ Европѣ считается, говаривалъ однакожъ Карлъ V, германской король, что онъ долженъ быть употребляемъ только въ разговорахъ съ непріятелями, а посему воинамъ, полководцамъ нужно учиться нѣмецкому языку.

Филогл. Я воиномъ быть не хочу.

Филот. Однакожъ пользы его я не отвергаю. Онъ нуженъ и вояжирамъ, и купцамъ, имѣющимъ случай бывать въ Германіи.

Филогл. Я и вояжировать не намѣренъ и купцомъ быть не хочу.

Филот. Онъ нуженъ медикамъ.

Филогл. И медики въ Россіи по русски говорятъ.

Филот. Онъ полезенъ ученымъ, нуженъ посламъ, сенаторамъ и главнымъ начальникамъ.

Филогл. Много учебныхъ книгъ и на россійскомъ языкѣ, а посломъ куда меня пошлютъ? До сената добратся тоже далеко, а главнымъ начальникомъ мнѣ быть сомнительно, и потому я желаю учиться англійскому языку.

Филот. На англійскомъ желалъ тотъ же Карлъ разговаривать, въ разсужденіи его свисту, съ одними птицами.

Филогл. Я птицею быть не намѣренъ, будучи человѣкомъ, а желаю учиться лучше французскому.

Филот. Французскій похвалилъ и Карлъ тѣмъ, что онъ нѣженъ въ выговорѣ и сочиненія на немъ краснорѣчивы, но знать должно, что онъ богатъ словами, а убогъ вещами и истинною, по пословицѣ: „dives verborum, sed inops rerum“. При томъ же на немъ только учать, какъ хорошо ступать, ходить и танцовать.

Филогл. Какъ! это стыдно и смѣшно для меня ногами быть умнѣе, нежели головою. Я примусь лучше за испанской.

Филот. Этотъ языкъ важенъ и не имѣетъ никакихъ вѣтреностей; однако извѣстное дѣло, что лѣнность испанскаго народа чрезвычайна. Испанскій народъ большее время дней своихъ проводитъ прислонясь къ какой-нибудь стѣнѣ—*par tombar el sol*, то есть для солнечныхъ лучей.

Филогл. Прошу не жаловать меня такой чести, я и испанскимъ ученикомъ быть не хочу.

Филот. При томъ гидалгосы или дворяне испанскіе породю чуть ли не отъ жидовъ и армянъ.

Филогл. Вы этимъ заочиваете меня испанскому языку учиться? Благодарствую. Я перейду въ Италію и буду италіанскому учиться.

Филот. А я объ немъ и говорить за излишнее почитаю. Онъ такъ перепорченъ, что теперь ни латинскимъ, отъ котораго происходитъ, ни италіанскимъ почитаться по справедливости не можетъ. Испанцы объ италіанцахъ такъ говорятъ: *Napolitano largo di bocca, stretto di mano*, или что у италіанца ротъ широкъ, а руки узки.

Филогл. Я лучше останусь на своемъ природномъ языкѣ и жить буду въ Россіи.

Филот. Россійской языкъ, не по пристрастію говорю, славится древностію паче всѣхъ европейскихъ. Его начало исторія полагаетъ еще до Рождества Христова; касательно жъ превосходства его, то кромѣ утвержденія другихъ писателей—и нынѣ въ музеи г. Дубровскаго, славнаго древнихъ рукописей до Россіи касательныхъ собирателя, который будучи въ Франціи во время Революціи купилъ бібліотеку великой княжны Россійской Анны, дочери князя Ярослава, выданной въ замужье за Генриха I, короля французскаго, въ XI столѣтіи,—между прочимъ отискано, что Россія имѣетъ старшинство въ письменахъ предъ

всѣми народами въ Европѣ, потому что французы, нѣмцы и другіе націи имъ подобные не имѣють ни одной книги, писанной на своемъ языкѣ прежде XI вѣка.

Филогл. Теперь ты много для меня нужнаго насказалъ. Но что еще не докончилъ?

Филот. Мое дѣло было увѣдомить тебя, какой языкъ преимущественнѣе въ Европѣ, и о какомъ людю какъ говорятъ или думаютъ; а ты и самъ можешь, располагая жизнь свою въ какое состояніе, для онаго и нужнѣйшій языкъ выбрать.

Филогл. Благодарю жъ тебя, господинъ Филотехнъ, что ты своимъ разговоромъ открылъ мнѣ глаза, открылъ дорогу къ моему щастію. Я теперь, помня твои слова, могу положить начало наукамъ и успѣвать въ оныхъ за помощію Божіею, сколько возможно.

Филот. Не меня, Филоглосъ, благодари, но вмѣстѣ поблагодаримъ и нашего Государя Императора, что онъ прилагаетъ неуспынное о насъ стараніе, даже такъ, что наши предшественники прежде никогда не имѣли щастія открывать мысли свои въ собраніи Священнаго общества, какъ нынѣ въ присутствіи сей высокопочтеннѣйшей публики и благодѣтелей нашихъ.

(Къ № 15, стр. 135).

Разговоръ

о началѣ сего города и учрежденіи семинаріи.

Пріѣзжій и Семинаристъ.

Пріѣзжій. Кажется мнѣ, что къ числу пріятныхъ забавностей, въ семъ просвѣщенномъ собраніи происходимыхъ, для слушателей одного недостаетъ.

Семинаристъ. Чего скажи, пожалуй!

П. Перваго заведенія сей семинаріи.

С. Я не только о семъ, но и о мѣстѣ, гдѣ она прежде была, объ ея основателѣ и о прежнемъ состояніи готовъ тебѣ съ радостію объяснить.

П. Я вижу, что ты, конечно, вмѣстѣ съ семинаріею родился.

С. Ты надо мною, лѣбезный другъ, шутишь; ибо не изъ исторіи ли или лѣтописей все прошедшее видѣть можно?

П. Изъ какихъ исторій и лѣтописей?

С. Изъ рукописей сего города.

П. Рукописи о достопамятностяхъ намъ баснословно повѣствуютъ.

С. Когда нѣтъ вѣщшихъ пособій, откуда бы можно было почерпнуть понятія, то не бесполезны и рукописи.

П. Чтожъ о семъ городѣ повѣствуется, откуда его имя? въ какое время началъ онъ существовать? и отъ кого?

С. Древнѣйшій отечества нашего историкъ Несторъ пишетъ, что городъ Черниговъ начало свое возымѣлъ въ 430-мъ годѣ отъ Христа, въ то самое время, въ которое и Кіевъ, отъ тѣхъ же славянскихъ народовъ, кои около Днѣпра мѣсто себѣ въ жилище избрали и кои разсѣявшись даже до рѣки Десны жили; что же касается до имени сего города, то оно произошло отъ нѣкоего княжескаго прозванія Черной, который его основалъ—откуда и Черниговъ.

П. Что жъ ты мнѣ еще о семинаріи скажешь?

С. То, что Черниговская семинарія находилась за городомъ при рѣкѣ Стрижѣ, въ приходѣ Вознесенія Господня.

П. Гдѣ она была прежде?

С. Въ Новгородѣ-Сѣверскомъ.

П. Почему Черниговская семинарія въ Новгородѣ-Сѣверскомъ пребывала?

С. Поелику, когда Малая Россія вырвалась изъ Польши съ 1748 года отъ Христа (ошибочно вм. 1648 г.), то епископія началась въ Новгородѣ-Сѣверскомъ и тамо не семинаріею уже, но коллегіею она называлась въ разсужденіи совокупленія учениковъ изъ многихъ мѣстъ въ одно отъ православныхъ епископомъ собранныхъ.

П. Какая причина сего перевода?

С. Поелику въ то время городъ Черниговъ совсѣмъ опустошенъ былъ въ разсужденіи сильныхъ отъ поляковъ нападений.

П. Сколько жъ годовъ отъ начала семинаріи до сего 1805-го ты считаешь?

С. Отъ 1699-го до 1805-го, 106 годовъ считается.

П. Такъ ли точно, что то есть семинарія отъ 1699-го года началась?

С. Такъ точно.

П. Наконецъ, скажи, пожалуй, кто ея учредилъ?

С. Іоаннъ Максимовичъ, бывшій въ 1699-мъ году епископомъ въ Черниговѣ.

П. Этототъ ли Іоаннъ былъ первымъ въ Черниговѣ епископомъ?

С. Нѣтъ, прежде сего были многіе, какъ-то: блаженной памяти святой Θεодосій Углицкій, котораго мощи даже до сего дня у насъ нетлѣнны почиваютъ, предмѣстникомъ коего былъ Лазарь Барановичъ, а сего Зосимъ, о прочихъ же умалчиваю, которыхъ премногое число остается отъ того времени, въ которое польскіе короли Черниговомъ обладали.

П. Отъ того ли Іоанна Максимовича какъ отъ особливѣйшаго и перваго попечителя своего семинарія воспріяла начало?

С. Начало отъ него, но приумноженіе учениковъ и нарожденіе наукъ и знаній отъ преемниковъ его.

П. Какіе тѣ были преемники, которые столь рачительно старались о сей семинаріи для того, чтобы приумножить въ ней число учениковъ и не недостаточествовали бы въ разныхъ занятіяхъ?

С. Премногіе и притомъ всѣ старательные попечители.

П. Для удобнаго понятія и лучшаго знанія, пожалуй, скажи мнѣ всѣхъ ихъ особо порядку.

С. Ихъ числомъ считается 12, и, во-первыхъ, преемникомъ Іоанна Максимовича былъ Антоній Стаховскій, который предмѣстникомъ былъ Ирадїона Жураховскаго, сему Иларїонъ Рогалевскій, послѣ котораго Никодимъ Сребницкій, потомъ Антоній Чернускій, по умертвіи сего сталъ Амвросій Дубиневичъ, за нимъ Ираклій Комаровскій, по сверженіи котораго преемникомъ былъ епископъ Кириллъ Ляшавецкій, потомъ Теофілъ Игнатовичъ, наконецъ Іерофей Малицкій и архіепископъ Викторъ Садковскій, кои всѣ трудолюбно старались и пеклись о семинаріи.

П. Довольно я слышалъ отъ тебя объ основателѣ и преемникахъ, которымъ семинарія много одолжена, но скажи, пожалуй, при какомъ епископѣ изъ Новгорода въ Черниговъ переведена была семинарія и въ которомъ мѣстѣ въ семь городѣ она первое начало возимѣла?

С. Сіе воспослѣдовало, какъ выше сказалъ, отъ Іоанна Максимовича, а во время Антонія Стаховскаго, который епископомъ былъ въ Черниговѣ 1722-го года, больше начала возрастать, но въ какомъ именно году переведена она, неизвѣстно. Въ разсужденіи же положенія, гдѣ она сперва стояла, то явствуетъ изъ лѣтописей, что въ монастырѣ Борисоглѣбскомъ, гдѣ пребывала даже до временъ епископа Теофіла, который

въ 1773 годѣ купилъ сей домъ у Петра Григоровича Форсановича, коему достался отъ Павла Полуботка, и оной на семинарію перестроилъ.¹

П. Когда столь неосновательна сія семинарія, то слѣдуетъ, что ея за мало почитать должно.

С. Никакъ; развѣ ты не слышалъ, что въ ней такіе преискусные мужья явились, которые къ отправленію публичныхъ званій споспѣшнѣйшими были?

П. Въ семъ я не спорю, но скажи, пожалуй, науки и просвѣщеніе такъ ли были преподаваемы съ начала въ семинаріи, какъ и нынѣ?

С. Гдѣ въ словесныхъ наукахъ преизрядные успѣхи открываются, тамъ хорошо и науки преподаются.

П. Но въ новыхъ школахъ не бываетъ ли того, что и новые недостатки познаются?

С. Это истинно, что не всѣмъ тѣмъ наукамъ обучались юноши, которыя мы недавно слышали, но однако жъ за сіе не должно порицать ни учащихъ, ни учащихся, ибо прежде кто риторикѣ хорошо звалъ, тотъ почитался премного знающимъ.

П. Въ то время вмѣстѣ ли съ риторикою преподаваема была философія и богословія?

С. Нѣтъ,—грамматика, пѣтिका и риторика только.

П. Въ какое жъ время начались преподаваться философія и богословія?

С. Спустя много времени, или точнѣе сказать въ 1748 годѣ.

П. Какая тому причина?

С. Недостатокъ въ деньгахъ, ибо жалованье тогда опредѣляемо было отъ пастырей и благотворителей для сей семинаріи, съ тѣмъ чтобы отъ онаго и пищу и одѣяніе себѣ имѣли какъ учащіе, такъ и учащіеся.

П. Я признаю сію причину главнымъ препятствіемъ свободныхъ наукъ; однакожъ скажи, пожалуй, еще мнѣ, который архіерей старался о заведеніи здѣсь философіи?

С. Епископъ Амвросій Дубиневичъ оную учредилъ въ 1748 году, мужъ преученный, а Кириллъ Ляшавецкій прибавилъ греческій языкъ, какъ очень для учащихся необходимый, но въ какомъ гдѣ, неизвѣстно; довольно, что его стараніе и покровительство о семинаріи весьма многою достойно похвалы.

П. Что еще далѣе?

С. Еще то достойно примѣчанія почитаю, что отъ него опредѣленъ былъ первымъ ректоромъ семинаріи Хлюсовскаго монастыря игумень Патрикій Котельницкій 1767 года, ибо прежде сего были только префекты, кои подъ предводительствомъ своего архіерея все то исполняли, что нужно было для семинаріи.

П. Пусть и такъ; но ты мнѣ еще не все рассказалъ.

С. Что жъ я опустилъ?

П. Богословію.

С. Не только богословію, но и нѣмецкой, французской, еврейской языки; тоже ариѣметику, географію и исторію.

П. Что новое ты мнѣ о сихъ предметахъ скажешь?

С. То, что первое преподаваніе богословіи во время Теофила Игнатовича воспослѣдовало, въ которое время первымъ учителемъ былъ мужъ достойной памяти протоіерей Іоаннъ Лѣвицкій; а въ 1787 году, по умертвіи того архіерея, поставленъ былъ на мѣсто его епископъ Герофей, который присоединилъ еще ариѣметику, географію, исторію, языкъ нѣмецкій и французскій.

П. Кто жъ еврейскій языкъ въ семинаріи ввелъ?

С. Преемникъ прежняго епископа архіепископъ Викторъ Садковскій въ 1797 году. Онъ также и основаніе церкви для семинаристовъ положилъ, которую до конца совершить довольно рачительно старается нынѣшній наукъ покровитель Михаилъ Десницкій.

П. Достойно и праведно и я сего архипастыря почитаю.

С. Вотъ тебѣ все повѣствованіе о сей семинаріи.

П. Чувствительно тебѣ благодарю за сіе, но я еще не слыхалъ объ объясненіи польскаго языка и о состязаніяхъ въ классахъ.

С. О всемъ подробно предложить я старался; слѣдовательно, сему твоему желанію удовлетворить не откажусь, что польскій языкъ между другими здѣсь имѣлъ мѣсто, ибо онымъ изъясняемы были правила свободныхъ наукъ, но сего обыкновенія причиною было древнее употребленіе, а не необходимость. Нынѣ же совсѣмъ инако изъясненіе оныхъ бываетъ, и тѣмъ лучше, что на нашемъ природномъ языкѣ оное производится. Состязанія же сему нашему преосвященнѣйшему Владыкѣ, рачительному попечителю, одолжены. Онъ также на два класса раздѣлил риторику для легчайшаго ея преподаванія и для лучшаго въ оныхъ успѣха; онъ не только о семинаріи имѣетъ попеченіе,

но еще премного старается объ ученикахъ, нуждающихся въ пособіи, и въ отеческой любви всѣхъ какъ учащихъ, такъ и учащихся содержать, которою какъ бы нѣкоторою наградою возбуждаетъ ихъ къ большимъ успѣхамъ въ знаніяхъ.

II. Остается убо какъ тебѣ, такъ и всѣмъ ученикамъ желать ему многихъ лѣтъ.

С. Боже, соблюди для насъ на многіе годы невредимо здравіе его и сихъ мужей верховнѣйшихъ, которые присутвіемъ своимъ красоту и славу нашей семинаріи приумножили!

ПИСЬМА

Н. В. ГОГОЛЯ КЪ Н. Я. ПРОКОПОВИЧУ

(1832—1850).

Второе изданіе, свѣренное по подлинникамъ, исправленное и пополненное, съ присоединеніемъ четырехъ писемъ Н. Я. Прокоповича къ Н. В. Гоголю (1847—1850) и двухъ фототипическихъ снимковъ.

Е. В. ЛЬТУХОВА.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., д. № 4-й.
1895.

Печатано съ разрѣшенія Конференціи Института Кн. Везбородко.

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

СТР.

1. Предисловіе.	Ш—VI
2. Письма:	
I. Гоголь—Прокоповичу. 8 іюля (1832), изъ Подольска	1
II. Гоголь—Прокоповичу. (24 іюля 1835), изъ Полтави	2
III. Гоголь—Прокоповичу. 27 септѣбря (1836), изъ Женевы	4
IV. Гоголь—Прокоповичу. 25 января 1837, изъ Парижа	7
V. Гоголь—Прокоповичу. 30 марта (1837), изъ Рима	14
VI. Гоголь—Прокоповичу. 3 іюня (1837), изъ Рима	15
VII. Гоголь—Прокоповичу. ^{21/2} іюля (1837), изъ Баденъ-Бадена	19
VIII. Гоголь—Прокоповичу. 19 септѣбря (1837), изъ Женевы	20
IX. Гоголь—Прокоповичу. (1837)	22
X. Гоголь—Прокоповичу. 15 апрѣля 1838, изъ Рима	23
XI. Гоголь—Прокоповичу. 2 іюля (1838), изъ Рима	26
XII. Гоголь—Прокоповичу. 25 ноября (1841, изъ Москвы)	27
XIII. Гоголь—Прокоповичу. (1842, изъ Москвы)	—
XIV. Гоголь—Прокоповичу. Февраль (1842), изъ Москвы	28
XV. Гоголь—Прокоповичу. 13 марта (1842, изъ Москвы)	29
XVI. Гоголь—Прокоповичу. 25 марта (1842, изъ Москвы)	—
XVII. Гоголь—Прокоповичу. 30 марта (1842, изъ Москвы)	30
XVIII. Гоголь—Прокоповичу. 9 апрѣля (1842, изъ Москвы)	31
XIX. Гоголь—Прокоповичу. 15 апрѣля (1842, изъ Москвы)	32
XX. Гоголь—Прокоповичу. 11 мая (1842, изъ Москвы)	33
XXI. Гоголь—Прокоповичу. 15 мая (1842, изъ Москвы)	34
XXII. Гоголь—Прокоповичу. ^{27/12} іюля (1842), изъ Гастейна	35
XXIII. Гоголь—Прокоповичу. ^{10 септ. 29 авг.} (1842), изъ Гастейна	37
XXIV. Гоголь—Прокоповичу. ^{22/10} октября (1842), изъ Рима	38
XXV. Гоголь—Прокоповичу. ^{29/14} ноября (1842, изъ Рима)	40
XXVI. Гоголь—Прокоповичу. ^{22/16} марта (1843), изъ Рима	42
XXVII. Гоголь—Прокоповичу. ^{17/5} апрѣля (1843), изъ Рима	43
XXVIII. Гоголь—Прокоповичу. 19 апрѣля (1843), изъ Рима	46
XXIX. Гоголь—Прокоповичу. 28 мая (1843), изъ Мюнхена	47
XXX. Гоголь—Прокоповичу. 24 септѣбря (1843), изъ Дюссельдорфа	49
XXXI. Гоголь—Прокоповичу. 28 апрѣля (1847), изъ Неаполя	52

	СТР.
XXXII. Прокоповичъ—Гоголю. 12 мая 1847, изъ Петербурга	—
XXXIII. Прокоповичъ—Гоголю. 27 июня 1847, (изъ Петербурга)	55
XXXIV. Гоголь—Прокоповичу. 20 июня 1848, изъ д. Васильевки	56
XXXV. Гоголь—Прокоповичу. 29 марта (1850), изъ Москвы	—
XXXVI. Прокоповичъ—Гоголю. 16 июля (1848, изъ Петербурга)	57
XXXVII. Прокоповичъ—Гоголю. 26 апрѣля 1850, изъ Петербурга	59

3. Фототипическіе снимки.

Предисловіе.

Письма Н. В. Гоголя къ Н. Я. Прокоповичу (род. 27 ноября 1810, ум. 1 іюня 1857), представляя одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для изученія жизни и литературной дѣятельности перваго, давно уже оцѣнены по достоинству. Николай Яковлевичъ Прокоповичъ, будучи товарищемъ Гоголя по Гимназіи Высшихъ Наукъ кн. Безбородко (онъ окончилъ въ ней курсъ въ 1829 году, а Гоголь въ 1828-мъ), пользовался исключительнымъ дружескимъ расположеніемъ великаго писателя до самой смерти послѣдняго и, со своей стороны, платилъ ему чувствомъ въ высшей степени безкорыстной и готовой на всякія услуги дружбы. Оба они и А. С. Данилевскій, окончившій курсъ Гимназіи Высшихъ Наукъ въ одинъ годъ съ Гоголемъ, составляли интимнѣйшій кружокъ, обусловленный, кромѣ личныхъ симпатій, общими свѣтлыми воспоминаніями о школьныхъ годахъ въ Нѣжинѣ. Многочисленныя выраженія такихъ отношеній Гоголя и Прокоповича можно найти въ помѣщаемыхъ ниже письмахъ того и другаго.

Подлинныя письма Гоголя къ Прокоповичу, пріобрѣтенныя послѣ смерти послѣдняго у его семьи графомъ Гр. Александръ Кушелевымъ-Безбородко и принесенныя имъ въ 1858 году въ даръ бывшему Лицею кн. Безбородко въ Нѣжинѣ, котораго графъ былъ почетнымъ попечителемъ¹⁾, сохраняются въ настоящее время, въ изящно переплетенной тетради, въ рукописномъ отдѣлѣ бібліотеки Историко-филологическаго Института кн. Безбородко въ Нѣжинѣ, въ количествѣ тридцати двухъ. Еще до своего появленія въ

¹⁾ Годичный торжественный актъ въ Лицеѣ князя Безбородко и Нѣжинской Гимназіи, бывшій 4 сентября 1859 года. Киевъ 1859, стр. 6—7; Гимназія высшихъ наукъ и Лицеѣ кн. Безбородко, 2 изд. Спб. 1881, стр. 176—177. См. также „Время“ 1861 №№ 4 и 11.

печати въ болѣе или менѣе цѣломъ видѣ письма эти послужили матеріаломъ для статьи Н. В. Гербеля о Прокоповичѣ, помѣщенной въ „Современникъ“ 1858 № 2, стр. 267—290 и перепечатанной имъ въ книжкѣ: „Стихотворенія Н. Я. Прокоповича. Спб. 1858“; ими же пользовался и П. В. Анненковъ для своей статьи „Воспоминанія о Гоголѣ“ въ „Библіотекѣ для Чтенія“ 1857 №№ 2 и 11 (перепечатано въ сборникѣ: „Воспоминанія и критическіе очерки“ I, Спб. 1877, ст. „Н. В. Гоголь въ Римѣ лѣтомъ 1841 года“, стр. 221—222, 223, 224—225, 228, 230, 231—232). Но уже въ томъ же 1858 году Гербель напечаталъ одно изъ этихъ писемъ (у насъ № IV) цѣликомъ въ „Библіографическихъ Запискахъ“ 1858 № 4, ст. 115—123, а въ 1859 году въ „Русскомъ Словѣ“ I, отд. 1, стр. 83—136, издалъ и всѣ 32 письма Гоголя къ Прокоповичу, присоединивъ къ нимъ еще одно, отъ 28 мая 1843 года изъ Мюнхена (у насъ № XXIX), котораго въ нѣжинскихъ подлинникахъ не имѣется. Въ изданіи Гербеля, какъ оказывается по сличеніи его съ подлинниками, вкралось немало неточностей, ошибокъ и пропусковъ—отчасти по причинамъ, не зависѣвшимъ отъ издателя. На болѣе важныя изъ этихъ уклоненій мы указали и пропуски дополнили въ ст. „Замѣтка о письмахъ Н. В. Гоголя къ Н. Я. Прокоповичу“, помѣщенной въ „Русской Старинѣ“ 1892 № 11. Въ настоящемъ изданіи всѣ 32 письма Гоголя, находящіяся въ Нѣжинѣ, представлены въ полномъ и точномъ видѣ, а то, котораго въ нѣжинскихъ подлинникахъ нѣтъ, перепечатано съ текста Гербеля. Этими 33-мя письмами не ограничивается все, написанное Гоголемъ къ Прокоповичу: такъ, въ помѣщенномъ ниже письмѣ изъ Женевы отъ 27 сентября 1836 года (у насъ № III) Гоголь говоритъ, что вложилъ свою „приписочку“ къ Прокоповичу въ письмо къ послѣднему А. С. Данилевскаго изъ Гамбурга; въ письмѣ къ Прокоповичу 1837 года (у насъ № IX) Гоголь говоритъ, что писалъ ему изъ Франкфурга, — но ни того, ни другаго письма Гоголя до насъ не дошло.

Что касается писемъ Прокоповича къ Гоголю, то, сколько намъ извѣстно, ихъ сохранилось всего четыре, и всѣ писаны изъ Петербурга: одно, отъ 27 іюня 1847 года, напечатано г. Шенрокомъ въ „Русской Старинѣ“ 1889 № 1, стр. 145—146, а остальные три (1848 и 1850 гг.) до сихъ поръ не напечатанныя, любезно предоставлены намъ въ копіяхъ В. И. Шенрокомъ, которому пользуемся

случаемъ принести здѣсь нашу благодарность. Мы помещаемъ всѣ эти четыре письма въ соответствующихъ мѣстахъ, между письмами Гоголя, руководясь соображеніями хронологическаго порядка. Конечно, и писемъ Прокоповича въ дѣйствительности было гораздо больше: въ письмѣ Гоголя изъ Рима отъ 30 марта 1837 (у насъ № V) говорится о письмѣ Прокоповича; въ письмахъ отъ 13, 25 и 30 марта 1842 года изъ Москвы (у насъ № XV, XVI и XVII) Гоголь говоритъ о недавнемъ письмѣ къ нему Прокоповича; въ письмѣ изъ Москвы отъ 15 мая 1842 года (№ XXI) онъ говоритъ о письмѣ Прокоповича отъ 9 мая этого года; въ письмѣ изъ Рима отъ 19 апрѣля 1843 года упоминается о письмѣ Прокоповича со вложеніемъ 300 р. сер.; въ письмѣ изъ Мюнхена отъ 25 мая 1843 года говорится также о недавнемъ письмѣ Прокоповича, — но эти письма, повидимому, не сохранились, какъ и письма многихъ другихъ лицъ къ Гоголю, вслѣдствіе продолжительной кочевой жизни послѣдняго за границей. По основнымъ чертамъ характера Прокоповича, деликатнаго, услужливаго и крайне мягкаго, и по дружескимъ отношеніямъ его къ Гоголю, который забрасывалъ своего пріятеля всевозможными порученіями и настоятельно требовалъ писемъ, мы совершенно вправѣ предполагать о большомъ количествѣ писемъ Прокоповича къ Гоголю, и надо сожалѣть, что они или до сихъ поръ не отысканы, или совершенно исчезли.

Всѣ 32 письма Гоголя, находящіяся въ библіотекѣ Историко-филологическаго Института кн. Безбородко, сплошь писаны его рукою; болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о внѣшней сторонѣ писемъ даны нами передъ текстомъ каждаго изъ нихъ. Стараясь передать текстъ этихъ писемъ въ точномъ видѣ, мы однакоже не воспроизводили явныхъ описокъ Гоголя, нехарактерныхъ его отступленій отъ принятаго теперь правописанія и часто совершенно произвольной постановки знаковъ препинанія и заглавныхъ буквъ. Въ круглыя скобки заключены нами буквы и слоги, не дописанные Гоголемъ по небрежности или отъ поспѣшности и легко подразумѣваемые, а въ угловатыя — то, что поставлено въ скобкахъ самимъ Гоголемъ

Что касается комментарія реальнаго характера къ печатаемымъ письмамъ Гоголя и Прокоповича, то мы полагали его, за немногими исключениями, излишнимъ, такъ какъ матеріалъ, заключающійся въ письмахъ Гоголя, въ цѣляхъ біографическихъ и историко-литературныхъ уже

пущенъ въ оборотъ и хорошо освѣщенъ въ нѣкоторыхъ трудахъ, посвященныхъ Гоголю¹⁾); письма же Прокоповича, по самому своему содержанию, въ такомъ комментарий не нуждаются.

Къ изданію приложено два снимка съ писемъ Гоголя, помѣщенныхъ у насъ подъ №№ I и IX; снимки исполнены въ фототипическомъ заведеніи С. В. Кульженко въ Кіевѣ.

Мы смѣемъ думать, что предлагаемое изданіе писемъ Гоголя и Прокоповича, вызванное 75-лѣтіемъ со дня основанія Гимназіи Высшихъ Наукъ кн. Безбородко (19 апрѣля 1820 года), способно напомнить о томъ литературномъ духѣ этого въ свое время замѣчательнаго учебнаго заведенія, которому, безъ сомнѣнія, много обязаны въ своемъ развитіи какъ знаменитый родоначальникъ реалистическаго направленія въ новѣйшей русской словесности, такъ и его скромный товарищъ, оставившій послѣ себя хотя немногіе, но несомнѣнные признаки поэтическаго дарованія и любви къ литературѣ.

Е. П.

Нѣжинъ, 1 іюня 1895.

¹⁾ Здѣсь въ особенности должно указать на обширныя примѣчанія покойнаго Н. С. Тихонравова къ 10-му изданію „Сочиненій Н. В. Гоголя“ (т. I—V, М. 1889—1890) и на трудъ В. И. Шенрока „Матеріалы для біографіи Гоголя“ т. I—III, М. 1892—1895 (объ отношеніяхъ Прокоповича къ Гоголю см. тутъ, между прочимъ, т. III, стр. 139—143).

I.

Писано на бѣлой почтовой бумагѣ средняго формата. Года на письмѣ не выставлено, но рукою Проконовича написано карандашомъ: „очень раннее, но не помню года“. Согласно съ Гербелемъ, мы принимаемъ 1832, по соображенію съ письмомъ къ М. П. Погодину отъ 8 іюля 1832 года изъ Подольска (Соч. и письма, V, 157), гдѣ Гоголь также жалуется на необходимость дожидаться лошадей на этой станціи.

Іюля 8. Уѣздн. городокъ Подольскъ, 30 верстъ отъ Москвы (1832).

Я думаю, ты уже слышалъ отъ Божка ¹⁾, что путь мой не слишкомъ былъ благополученъ. Въ Москвѣ я заболѣлъ и остался, и пробылъ полторы недѣли, въ чемъ, впрочемъ, и не раскаиваюсь. За все я былъ награжденъ. Теперь я выѣхалъ и дожидаюсь на первой станціи лошадей,—дожидаюсь часовъ шесть, но и здѣсь видна провиденція и за это я долженъ благодарить судьбу. Можетъ быть, сѣмена падутъ не на каменистую и бесплодную землю. Послушай [объ этомъ я хотѣлъ писать къ тебѣ изъ Москвы, но не успѣлъ]—я ѣду прямо въ Полтаву, слѣдовательно не увижу Нѣжина. Ты долженъ, я тебя заклинаю всѣмъ [впрочемъ, ты самъ же и слово даже далъ]—немедленно пріѣхать съ братомъ ко мнѣ въ деревню *Васильевку*, въ простонародьи зовомую Яновщина. Что тебѣ дѣлать въ Нѣжинѣ? Какія-нибудь любовныя застарѣлыя дѣлишки? Но стыдно мужу, закаленному уже опытомъ, прошедшему всѣ мытарства, ребячиться такимъ неприличнымъ образомъ. Пріѣзжай, если тебѣ я сколько-нибудь дорогъ, потому что отъ твоего пріѣзду здоровье мое непременно поправится. Жизнь мы проведемъ самымъ эстетическимъ образомъ: спать будемъ въ волю, ѣсть тоже будемъ очень много; а главное—что варварскій носъ твой, лишенный всякаго обонянія, прошибетъ запахъ настоящей деревни. Еще долженъ тебѣ сказать, что въ этомъ же мѣсяцѣ прибудетъ, если уже не прибылъ,

¹⁾ Андрей Андреевичъ Божко, школьный товарищъ Гоголя, окончившій курсъ Гимназіи Высшихъ Наукъ вв. Безбородко въ 1828 году.

Данилевскій ¹⁾ съ Кавказа. Нѣтъ, ты будешь совершенный лошадиный пометъ, если все это не подѣйствуетъ на твою валую душу. Тогда можно будетъ рѣшительно сказать, что весь мозгъ изъ головы твоей перешелъ въ ту неблагородную часть тѣла, которою мы имѣемъ обыкновенно (sic) садиться на стулѣ и и даже на суднѣ, а все содержимое въ этой непозволительной и мало употребляемой въ разговорѣ части поднялось въ голову. Вотъ тебѣ маршрутъ: изъ Нѣжина въ Прилуки, изъ Прилукъ въ Пирятинъ, изъ Пирятина въ Лубны, изъ Лубенъ въ Миргородъ, изъ Миргорода на село Устивицу въ мѣстечко Яреськи, а изъ Яресекъ всякой укажетъ тебѣ дорогу на Каменецкій мостъ въ деревню Васильевку или Яновщину. Прощай. Исполни то, что тебѣ слѣдуетъ исполнить.

Твой Гоголь.

II.

Писано на бѣлой почтовой бумагѣ средняго формата. Помѣты года нѣтъ, но въ виду того, что въ письмѣ говорится о предполагаемомъ путешествіи на Кавказъ или въ Крымъ и что письмо писано „изъ дому“, ово несомнѣнно должно быть отнесено къ 1835 году (см. *Шенрокъ*, Матеріалы II, 375); что же касается мѣсяца, то хотя рукой Гоголя и выставлено „май 24. Полтава“, но въ вѣрности этого должно усомниться, такъ какъ еще 15 іюня 1835 года Гоголь находился въ Петербургѣ и писалъ матери: „можетъ быть мнѣ скоро удастся прожить у васъ нѣсколько времени... Если буду къ вамъ, то не раньше августа“ (Соч. и письма V, 241); впрочемъ, вскорѣ онъ вздумалъ поѣхать, для поправленія здоровья, въ Крымъ и на Кавказъ, но за недостаткомъ денегъ попалъ въ Васильевку, откуда въ іюлѣ 1835 года писалъ Жуковскому (*Шенрокъ*, Матеріалы II, 375—376) и Максимовичу (Соч. и письма V, 241—242, отъ 20 іюля). Не имѣя основанія предполагать ошибки въ самомъ числѣ 24, но только въ мѣсяцѣ, и имѣя въ виду, что уже 30 августа 1835 года Гоголь былъ снова въ Петербургѣ и писалъ оттуда матери (Соч. и письма V, 242—243; ср. письмо къ ней же, отъ 2 сентября 1835 года изъ Петербурга, начинающееся такъ: „ишу въ Вамъ на другой день послѣ пріѣзду моего въ Петербургъ, который совершился благополучно“... Соч. и письма V, 243), мы думаемъ, что письмо писано было именно 24 іюля 1835 года, какъ принято это, по необъясненнымъ соображеніямъ, Гербелемъ въ его статьѣ о Н. Я. Прокоповичѣ въ „Современникѣ“ 1858, № 3, стр. 275, но потомъ, при перепечаткѣ этой статьи въ собраніи стихотвореній Прокоповича (Спб. 1858, стр. 22) почему-то замѣнено на невѣрную, но согласную съ подлинникомъ дату 24 мая. Сбивчивость этой послѣдней даты была замѣчена и г. Шенрокъ (*Матеріалы II*, 376, прим. 1). Помѣту „Полтава“ на письмѣ слѣдуетъ понимать условно, какъ помѣту ближайшаго губернскаго города, а письмо

¹⁾ Александръ Семеновичъ Данилевскій, школьный товарищъ Гоголя, окончившій курсъ вмѣстѣ съ Гоголемъ въ 1828 году. См. о немъ у *В. И. Шенрока* въ статьѣ „Н. В. Гоголь и А. С. Данилевскій“, *Вѣстникъ Европы* 1890 №№ 1 и 2, а также въ „Матеріалахъ для біографіи Гоголя“, т. I, стр. 349 и слл.

писано изъ деревни, какъ и упомянутое письмо къ Максимовичу отъ 20 июля 1835 года, которое помѣчено также Полтавой, и въ которомъ Гоголь говорить: „теперь я живу въ прадиловской деревнѣ“.

(Июль 24) Полтава (1835).

Пишу къ тебѣ изъ дому. Сажу дома на перепутьи около недѣли уже, не зная, куда лучше ѣхать—на Кавказъ или въ Крымъ, гдѣ нынѣ славятся минеральныя грязи и купальни въ морѣ. Изъ Москвы никакъ не могъ писать: былъ страшно захлопотанъ и при всемъ томъ многихъ не видѣлъ. Твоя піеса за день до моего пріѣзда только получена и еще до сихъ поръ не была въ рукахъ Совѣта. Я поручилъ Погоди(ну) сей же часъ увѣдомить тебя, и далъ ему твой адресъ. Получилъ ли ты отъ него отзывъ или нѣтъ? Ну, что слышно у васъ въ Петербургѣ, и что тамъ дѣлаете теперь? Мнѣ кажется, какъ будто я уже годъ его не видѣлъ. Да, пожалуйста,—я къ тебѣ съ прозьбою: здѣлай милость, ступай на мою квартиру и адресуйся къ Матренѣ, чтобы она тебѣ дозволила входъ къ книгамъ и возьми тамъ „Исторію Англіи“ Абата де Тоараса ¹⁾, на русскомъ, одинъ томъ, содержащій 1 и 2 часть, онъ въ кожанномъ переплетѣ, и пришли мнѣ, пожалуйста, какъ можно его поскорѣе. Крайняя въ немъ нужда. Если же, наслучай тамъ какъ-нибудь не отыщется, то возьми у Смирдина и пришли мнѣ немедленно. Еще: сходи къ Роспину и купи у него три термометра—2 для комнаты и одинъ долженствующій быть на дворѣ, обыкновенныхъ, простыхъ, которые я у него бралъ по три рубли каждый, и того составить 9 рублей. Переложить ихъ хлопчатую бумагою въ деревянномъ ящикѣ и пришли мнѣ вмѣстѣ съ книгою. Всѣ издержки съ благодарностью возвращу. Или—нѣтъ: два термометра ты можешь снять съ крючковъ у меня въ комнатѣ; только одинъ, стало быть, тебѣ нужно купить. Обнимаю и цѣлую тебя и прощаюсь до скорого времени. Напиши, пожалуйста, что дѣлаешь и что такое писатоночки и какъ пребыва(ютъ) Ге, Гусъ ²⁾, Гюго, Жаненъ ³⁾ и проч. и проч. и проч.

Твой Гоголь.

Адресъ мой: въ Полтаву, а оттуда въ д. Василевку.

¹⁾ „Исторія Англическая. Соч. Рамина де Тоараса. Перевелъ съ французскаго Степанъ Решетовъ. 6 частей. Спб. 1768—1783“.

²⁾ Мы затрудняемся прочесть иначе это неясно написанное слово, но въ виду свидѣтельства П. В. Анненкова (см. слѣд. примѣчаніе) полагаемъ, что такое чтеніе невѣрно.

³⁾ П. В. Анненковъ въ своей статьѣ „Н. В. Гоголь въ Римѣ лѣтомъ 1841 года“ передаетъ: „Около 1832 года, когда я впервые познакомился съ Гоголемъ,

III.

Писано на синеваой почтовой бумагѣ средняго формата, съ водянымъ знакомъ: J. Whatman 1833. Годъ не обозначенъ, но рукою Прокоповича отмѣчено карандашомъ: 1836. Ср. *Шекроузъ*, Материалы для біографіи Гоголя III, 133.

Женева, 27 сентября (1836).

Что вы дѣлаете, мои краснотючки? ¹⁾ Не грѣхъ ли вамъ не писать ко мнѣ, а я по тебѣ соскучилъ страшно. Пожалуста, пиши. Пишетъ ли къ тебѣ Данилевскій? Я три мѣсяца, какъ разстался съ нимъ и не получаю отъ него ни строчки и не знаю даже, гдѣ онъ теперь. Увѣдоми меня и пришли его адресъ, если имѣешь. Здоровы ли вы всѣ? какъ живете? Меня очень обрадуешь хотя письменнымъ разговоромъ, а я не знаю, что я напишу. Мнѣ кажется, здѣсь нѣтъ ничего такого, что бы удивило васъ. Можетъ быть, если бы это путешествіе мое предпринялъ я годами шестью ранѣе, можетъ быть я бы тогда болѣе нашель для меня новаго. Мои чувства были тогда живѣе и мое описаніе, можетъ быть, было бы тогда интереснѣе для васъ. Но теперь только ледяные богатыри Альпъ, да старыя готтичскія церкви меня поразили. Они только заставили меня подумать, что еще есть что-то новое для меня. Но, можетъ быть, я и къ нимъ привыкну.

Увы! мы приближаемся къ тѣмъ лѣтамъ, когда наши мысли и чувства поворачиваютъ къ старому, къ прежнему, а не къ будущему. Какъ бытъ! но прекрасно старое. Когда когда-

онъ далъ всѣмъ своимъ товарищамъ по Нѣжинскому Лицею и ихъ пріятелямъ прозвища, украсивъ ихъ именами знаменитыхъ французскихъ писателей, которыми тогда восхищались весь Петербургъ. Тутъ были Гюго, Александръ Дюма, Бальзакъ и даже одинъ скромный пріятель, теперь покойный, именовался Софія Ге. Не знаю, почему я получилъ титулъ Жюль Жанена, подъ которымъ и состоялъ до конца (Воспоминанія и критическіе очерки, отд. I. (пб. 1877, стр. 172—173).

¹⁾ Н. В. Гербель въ своей статьѣ „Н. Я. Прокоповичъ и его отношенія къ Гоголю“ пишетъ: „Въ молодости Прокоповичъ былъ хорошъ собой и отличался цвѣтущимъ здоровьемъ... Благодаря своимъ румянымъ щекамъ, онъ получилъ въ школѣ прозвище „Красненькій“, съ которымъ и оставался до конца... Подъ именемъ Красненькаго является онъ во всѣхъ первыхъ письмахъ Гоголя къ А. С. Данилевскому и другимъ его лицейскимъ товарищамъ“ (Стихотворенія Н. Я. Прокоповича, стр. 14; ср. Соч. и письма V, 152, 156, 162, 172). (ср. ниже письмо Гоголя изъ Рима отъ 15 апрѣля 1838 года: „Мнѣ очень жаль, что я нанесъ тебѣ столько хлопотъ и беспокойствъ, мой добрый, мой милый... а хотѣлъ было сказать по старому—красненькой, да вспоминаю, что мы оба уже устарѣли, и что, можетъ, твои педагогическія заботы извели твою краску, которую такъ пріятно было моему сердцу зрѣть на твоихъ щекахъ“.

нибудь мы соберемся вмѣстѣ—и вспомняемъ и Нѣжинъ, и Петербургъ, и молодость. Весела и грустна будетъ наша пирушка. Что, какъ идутъ учительскія дѣла твои? Нахваталъ ли ты новыхъ часовъ, или нѣтъ—и думаешь дать тягу изъ Петербурга? Теперь я, какъ подумалъ хорошенько, не знаю, хорошо ли будетъ для тебя его оставить. Въ Петербургѣ все можно сдѣлать, все подъ рукою: не нравится служба—перемѣни и бери другую. Притомъ, какъ бы то ни было,—ближе къ людямъ, ближе къ міру литературному и крещеному. Въ провинціи этого нельзя сдѣлать. Заочешь писатюночки—есть типографія и книгопродавцы, все передъ глазами. Я ужь не говорю о многихъ другихъ удобствахъ и о томъ, что жаль оставить Петербургъ. И для меня теперь Петербургъ остается чѣмъ-то такимъ пріятнымъ. Впрочемъ—какъ требуютъ твои выгоды. Во всякомъ случаѣ, извѣсти меня подробнѣйшимъ образомъ о всѣхъ своихъ планахъ, намѣреніяхъ и распоряженіяхъ. Письма адресуй ко мнѣ на *Лозану*; подписывай внизу: *poste restante*. Что тебѣ сказать о Швейцаріи? Все виды да виды, такі(е), что мнѣ уже отъ нихъ наконецъ становится тошно, и если бы мнѣ попалось теперь наше подлое и плоское русское мѣстоположеніе, съ бревенчатою избою и сѣренькимъ небомъ, то я бы въ состояніи имъ восхищаться, какъ новымъ. Я не пишу ничего тебѣ о всѣхъ городахъ и земляхъ, которые я проѣхалъ, во-первыхъ потому, что о половинѣ ихъ писалъ къ тебѣ Данилевскій, котораго перо и взглядъ, можетъ быть, живѣе моихъ, а во-вторыхъ потому, что право нечего объ нихъ писать. Изъ всѣхъ воспоминаній моихъ остались только воспоминанія о безконечныхъ обѣдахъ, которыми преслѣдуетъ меня обжорливая Европа, и то развѣ потому, что ихъ хранитъ желудокъ, а не голова. Охъ, мнѣ эти обѣды! Проклятое обыкновеніе! Я ѣмъ черезъ одно блюдо, по каплѣ, но чувствую въ своемъ желудкѣ страшную дрянь. Какъ будто бы кто загналъ туда цѣлый табунъ рогатой скотины. Жалѣю очень, что не взялъ водъ. На слѣдующую весну, или—бишь—лѣто перечищу его всего начисто. Европа поразитъ съ перваго разу, когда вѣдешь въ ворота, въ первый городъ. Живописные домики, котор(ые) то подъ ногами, то надъ головою, синія горы, развѣсис(тыя) липы, плющъ, устилающій вмѣстѣ съ виноградо(мъ) стѣны и ограды—все это хорошо, и нравится, и ново, потому что все пространство Руси нашей не имѣетъ этого, но послѣ, какъ увидишь далѣе, тоже да тоже,

привыкнешь и позабудешь, что это хорошо, Изъ городовъ нѣмецкихъ, послѣ Гамбурга, лучше другихъ—Франкфуртъ. Это городокъ-щеголь. Прелестнѣйшій садъ окружаетъ весь городъ и служить ему стѣною. Говорятъ, въ немъ жить весело, особливо зимою; но я имѣю антипатію къ жидовскимъ городамъ. Веселѣе всѣхъ другихъ, въ продолженіе лѣта, Баденъ-Баденъ. Это—дача всей Европы. Изъ Парижа, изъ Англии, изъ Испаніи, изъ Петербурга наѣзжаетъ сюда народъ на лѣто вовсе не для того, чтобы лѣчиться, но чтобы сколько-нибудь веселѣе профинтить время. Его мѣстоположеніе такъ картинно, что можно только кистью, а не перомъ нацарапать. Городъ между горами, раскинутъ на уступѣ одной изъ нихъ. Магазины, театръ, зала для баловъ—все въ саду, все вмѣстѣ. Я прожилъ почти мѣсяцъ въ Баденѣ довольно весело, потому что встрѣтилъ много знакомыхъ. Города швейцарскіе мало для меня были занимательны. Ни Базель, ни Бернъ, ни Лозана не поразили. Женева лучше и огромнѣе ихъ, и остановила меня тѣмъ, что есть что-то столично-европейское. Почти каждый домъ облѣпленъ афишами и объявленіями о книгахъ, печатанными въ Парижѣ, на желтой бумагѣ, буквами страшной величины: каждая буква больше Данченка ¹⁾. Ощутительна близость къ Франціи. Женева надъ самимъ Женевскимъ озеромъ, которое почти какъ море. Боконья кулисы занимаютъ съ одной стороны сине-фіолетовыя горы Савойскія, а изъ за нихъ Мовбланъ вытыкаетъ свѣзную свою вершину; съ другой стороны—синія цѣпи горъ, называемыхъ Юра, которыя принадлежатъ Франціи. Въ Женевѣ я прожилъ больше мѣсяца, но наконецъ не стало мочи отъ сдѣшняго глупаго климата. Вѣтры здѣсь грознѣе петербургскихъ. Совершенный Тобольскъ. Ъду теперь въ маленькой городокъ Веве, который находится на этомъ же озерѣ, недалеко отъ извѣстнаго тебѣ замка Шиліона. Тамъ климатъ совершенно другой, потому что съ сѣвера заслоняетъ гора. Сегодня поутру посѣтилъ я старика Волтера: былъ въ Фернеѣ. Старикъ хорошо жилъ. Къ нему идетъ длинная, прекрасная алея: въ три ряда каштаны. Домъ въ два этажа изъ сѣренькаго камня, еще довольно крѣпокъ. Я. ²⁾ въ его залъ, гдѣ онъ обѣдалъ и

¹⁾ Вѣроятно, Николай Федоровичъ Данченко, кандидатъ выпуска 1832 года Гимназіи Высшихъ Наукъ вв. Безбородко, ум. въ 1842 году.

²⁾ Одно слово въ подлинникѣ выжжено.

принималъ; все въ томъ же порядкѣ, тѣ же картины висятъ. Изъ залы дверь въ его спальню, которая была вмѣстѣ и кабинетомъ его. На стѣнѣ портреты всѣхъ его пріятелей: Дидеро, Фридриха, Екатерины. Постель пуховая, одѣяло старинное кисейное, едва держится, и мнѣ такъ и представлялось, что вотъ-вотъ отворятъ дверь, и войдетъ старикъ въ знакомомъ парикѣ, съ отстегнутымъ бантомъ, какъ старый Кромидя, и спросить: что вамъ угодно? Садъ очень хорошъ и великъ. Старикъ зналъ, какъ его сдѣлать. Нѣсколько аллея сплелись въ непроницаемый сводъ, искусно простриженный, другія выются не регулярно, и во всю длину одной стороны сада сдѣлана стѣна изъ подстриженныхъ деревьевъ въ видѣ аркадъ, и сквозь эти арки видна внизу другая аллея въ лѣсъ, и вдали видѣнъ Монбланъ. Я вздохнулъ и напарепалъ русскими буквами мое имя, самъ не отдавши себѣ отчета для чего.

Получилъ ли ты письмо Данилевскаго, писанное изъ Гамбурга, при которомъ была моя приписочка? Помнишь ли ты мою прозбу насчетъ портрета и насчетъ аккуратнаго сбереженія оставленныхъ мною тебѣ рукописныхъ книгъ и бумагъ? Пиши ко мнѣ, пожалуйста, пиши почаще. Ты знаешь, какъ много значить здѣсь получить русское письмо, да притомъ еще отъ тебя. Кланяйся всѣмъ нашимъ отъ меня: Жюлю ¹⁾, Пашенку ²⁾ и проч. и если у нихъ руки еще держатся, то пусть напишутъ сколько достанетъ терпѣнія. Не забудь адресовать письма въ *Лозану*. Прощайте мои красноточки. Обнимаю васъ.

Маріи Никифоровнѣ ³⁾ поклонъ.

IV.

Писано на бѣлой почтовой бумагѣ средняго формата, фабрики Mosaard.

Парижъ, 25 январь 1837.

Я давно не писалъ къ тебѣ. Я хотѣлъ получить прежде твое письмо, о которомъ я зналъ, что оно лежитъ въ Лозанѣ, и которое пришло ко мнѣ довольно поздно. Прежде всего нужно тебя поздравить съ новымъ годомъ. Желаю одного: чтобы онъ

¹⁾ П. В. Анненковъ: см. примѣчанія ко II-му письму.

²⁾ Иванъ Григорьевичъ Пашенко, школьный товарищъ Гоголя и Прокоповича, выпуска 1830 года (ср. *Шенрокъ*, Матеріалы III, 152).

³⁾ Жена Н. Я. Прокоповича, рож. Трохнева.

былъ плодороднѣе для тебя прочихъ, чтобы ты наконецъ принялся за дѣло. Тебѣ нужно испытать горькое и пріятное нашего ремесла. Жизнь твоя не полна: ты теперь долженъ иногда чувствовать пустоту ея. Пора, братъ, пора! Вотъ тебѣ и желаніе мое и упрекъ вмѣстѣ. Изъ письма Данилевскаго ты, я думаю, уже узналъ о моемъ пребываніи здѣсь. Я попалъ въ Парижъ почти нечаянно. Въ Италіи холера, въ Швейцаріи холодно. На меня напала хандра, да притомъ и докторъ требовалъ для моей болѣзни перемѣны мѣста. Я получилъ письмо отъ Данилевскаго, что онъ скучаетъ въ Парижѣ, и рѣшился ѣхать раздѣлять его скуку. Парижъ городъ хорошъ для того, кто именно ѣдетъ для Парижа, чтобы погрузиться во всю его жизнь. Но для такихъ людей, какъ мы съ тобою,—не думаю, развѣ нужно скинуть съ каждаго изъ насъ по 8 лѣтъ. Къ удобствамъ здѣшнимъ приглядись, тѣмъ болѣе, что ихъ болѣе нежели сколько нужно; люди легки, а природы, въ которой всегда находишь ресурсъ и утѣшеніе, когда все пріѣтся,—нѣтъ: итакъ, нѣтъ того, чтобы могло привязать къ нему мою жизнь. Жизнь политическая, жизнь вовсе противоположная смиренной художнической, не можетъ понравиться такимъ счастливымъ празднымъ, какъ мы съ тобою. Здѣсь все политика, въ каждомъ переулкѣ и переулочкѣ библіотека съ журналами. Остановишься на улицѣ чистить сапоги, тебѣ суютъ въ руки журналъ; въ нужникѣ даютъ журналъ. Обѣ дѣлахъ Испаніи больше всякой хлопочетъ, нежели о своихъ собственныхъ. Только въ одну жизнь театральную я иногда вступаю: итальянская опера здѣсь чудная! Гризи, Тамбурина, Рубини, Лаблашъ—это такая четверня, что даже странно, что они собрались вмѣстѣ. На свѣтѣ большею частію бываетъ такъ, что одна вещь находится въ одномъ углу, а другая, которой бы слѣдовало быть возлѣ нее, въ другомъ. Не приведи Богъ принести сюда Пашенка¹⁾. Бѣда была бы нашимъ ушамъ. Онъ бы напѣвалъ, я думаю, ежедневно и ежеминутно. Я былъ не такъ давно въ Théâtre Français, гдѣ торжествовали день рожденія Мольера. Давали его піэсы „Тартюфъ“ и „Мнимой Больной“. Обѣ были очень хорошо играны, по крайней мѣрѣ въ сравненіи съ тѣмъ, какъ играютъ они у насъ. Каждый годъ Théâtre Français торжествуетъ день рожденія Мольера. Въ этомъ было что-то трогательное. По окончаніи піэсы подняли занавѣсъ: явился

¹⁾ См. примѣчанія къ III-му письму.

бюсть Мольера. Всѣ актеры этого театра попарно подъ музыку подходили вѣнчать бюсть. Куча вѣнковъ вознеслась на головѣ его. Меня обняло какое-то странное чувство. Слышитъ ли онъ, и гдѣ онъ слышитъ это? Видѣлъ въ трехъ пѣсахъ *M-elle Mars*. Ей 60 лѣтъ. Въ одной пѣсѣ играла она 18-лѣтнюю дѣвицу. Немножко смѣшно было сначала, но потомъ въ другихъ дѣйствіяхъ, когда дѣвица становится замужней женщиной, ей прощаешь лишніе годы. Голосъ ея до сихъ поръ гармонической и, замуривши глаза, можно вообразить живо предъ собою 18-лѣтнюю. Все просто, живо; очищенная натура въ мѣстахъ патетическихъ; слова исходятъ прямо изъ глубокотронутой души; ничего дикаго, ни одной фальшивой или искусственной ноты. На русскомъ нашемъ театрѣ далеко недостаетъ до *Mars*. Актеровъ много, очень много хорошихъ. На каждомъ театрѣ есть два или три своихъ корифея. Видѣлъ наследника Тальмы—*Ligier*. Средняго росту, пожилыхъ лѣтъ человекъ, бѣгаетъ по сценѣ довольно свободно, какъ дома, не складываетъ рукъ крестомъ и не глядитъ изъ за плеча. Пѣсь, гдѣ герой является идеаломъ физической силы, онъ, какъ кажется, избѣгаетъ. Я его не видѣлъ, по крайней мѣрѣ никогда ни въ старыхъ трагедіяхъ, ни въ новыхъ драмахъ, гдѣ герои сильно страдаютъ и много бѣсуются. Игралъ онъ Людовика XI въ пѣсѣ Делавиня и, кажется, врядъ-ли Делавиню такъ написать, какъ *Ligier* игралъ. Онъ былъ даже смѣшенъ—до такой степени хорошъ. Король, распоряжающійся очень коварно и плутовски, и между тѣмъ дающій всему этому видъ необходимости, имъ же самимъ наложенной, былъ очень занимателенъ для зрителя. Въ пѣсахъ Мольера старики, дяди, опекуны и отцы играютъ очень хорошо, плуты-слуги тоже прекрасно. Если бы собрать съ каждаго изъ здѣшнихъ театровъ по три первыхъ персонажа, то можно бы такимъ образомъ обставить пѣсу, какъ только можетъ себѣ составить идею одинъ комикъ или трагикъ. Театры всѣ устроены прекрасно. Они не имѣютъ великолѣпныхъ наружныхъ фасадовъ, но внутри все какъ слѣдуетъ. Отъ перваго до послѣдняго слова слышно и видно всѣмъ. Балеты становятся съ такою роскошью, какъ въ сказкахъ; особливо костюмы необыкновенно хороши, съ страшною историческою точностію. Сколько прежде французы глядѣли мало на духъ вѣка, столько теперь приглядываются на мелочи; само собою, что при этомъ ускользаетъ много крупнаго. Золота, атласу и бархату на сценѣ много. Какъ

у насъ одѣваются на сценѣ первыя танцовщицы, такъ здѣсь всѣ до одной фигурантки. Далекое—Гедеонову до Петрова дня, хотя ему и значительно помогаетъ въ украшеніи декораций Теодоръ Андреевичъ. Тальони—воздухъ! Воздушнѣе еще ничего не бывало на сценѣ. Впрочемъ, здѣсь около десяти есть такихъ танцовщицъ, или солистокъ, передъ которыми Пейсаръ—Пашенко. Скажи Жюлю: какъ право не совѣстно ему жить съ мамзель Жоржъ. Вѣдь ей 67 лѣтъ. Да притомъ видно, что она только красотой своей брала. Игра ея очень монотонна и часто напыщенна. Впрочемъ, говорятъ, что ее нужно видѣть въ старыхъ трагедіяхъ, которыхъ однаковъ не играютъ вовсе на томъ театрѣ, гдѣ она теперь находится. Играетъ она въ театрѣ Porte St. Martin, гдѣ играютъ только однѣ новыя драммы и мелодраммы, и гдѣ зрители шумятъ больше, нежели на всѣхъ другихъ театрахъ. Всякой почти разъ въ партерѣ произойдетъ кабая-нибудь комедія или даже и водевиль, если у зрителей хорошъ голосъ. Тогда актеры дѣлаются зрителями: сначала слушаютъ, а потомъ уходятъ со сцены, занавѣсъ опускается, музыка начинаетъ играть и пѣсу начинаютъ снова. Народъ очень любитъ драммы и особливо партія республиканская. Это народъ сумрачной, аплодируетъ рѣдко. Прочіе ходятъ въ Водевиль, среднее сословіе—въ театръ Variété или въ театръ Палерояля [лучшіе водевильные театры]. *Знать*, какъ бываетъ всегда, корчить меломановъ и ходить въ Итальянскую или въ Большую оперу [на французскомъ діалектѣ], гдѣ конопатятъ до сихъ поръ еще „Гугенотовъ“ и „Роберта“, ударяя въ мѣдныя горшки и тазы сколько есть духу; или иногда въ Орéга Comique [французскую оперу]. Но Богъ съ ними, со всѣми этими операми, и комедіями! Поговоримъ теперь о тебѣ. Что ты подѣлываешь теперь? Тамъ же ли ты, гдѣ и прежде, на той ли самой квартирѣ? Такъ же ли похаживаешь по комнатѣ съ трубочкою, въ томъ ли самомъ халатѣ, вѣскольво поизношенномъ, какъ бываетъ у всѣхъ порядочныхъ людей? Ты ничего мнѣ не написалъ объ этомъ. Можетъ быть, ты квартиру свою перемѣнилъ, и письмо мое долго будетъ таскаться изъ дома въ домъ, а можетъ быть не попадетъ даже и въ руки къ тебѣ... Это, признаюсь, было бы мнѣ страшно неприятно. Я все имѣю надежду на скорой твой отвѣтъ, которой для меня теперь почти такое же заключаетъ въ себѣ наслажденіе, какъ чтеніе прекрасной поэмы. Душенька, пиши ко мнѣ! Ты долженъ это дѣлать чаще

моего, потому что твое письмо доставляет мнѣ теперь больше удовольствія, нежели мое тебѣ. Тоци ваши петербургскія литературныя новости. Да скажи, пожалуста, съ какой стати пишете вы всѣ про „Ревизора“? Въ твоёмъ письмѣ и въ письмѣ Пашенка, которое вчера получилъ Данилевскій, говорится, что „Ревизора“ играютъ каждую недѣлю, театръ полонъ и проч... и чтобы это было доведено до моего свѣдѣнія. Что это за комедія? Я право никакъ не понимаю этой загадки. Во-первыхъ, я на „Ревизора“ — плевать, а во-вторыхъ — къ чему это? Если бы это была правда, то хуже на Руси мнѣ никто бы не могъ нагадить. Но, слава Богу, это ложь: я вижу черезъ каждые три дни русскія газеты. Не хотите ли вы изъ этого сдѣлать что-то въ родѣ побрякушки и тѣшить меня ею, какъ ребенка? И ты! Стыдно тебѣ!—ты предполагалъ во мнѣ столько мелочнаго честолюбія! Если и было во мнѣ что-нибудь такое, что могло показаться легко меня знавшему тщеславіемъ, то его уже нѣтъ. Пространства, которыя раздѣляютъ меня съ тобою, поглотили все то, за что поэтъ слышать упреки во глубинѣ души своей. Мнѣ страшно вспомнить обо всѣхъ моихъ мараняхъ. Они въ родѣ грозныхъ обвинителей являются глазамъ моимъ. Забвенья, долгаго забвенья просить душа. И если бы появилась такая моль, которая бы съѣла внезапно всѣ экземпляры „Ревизора“, а съ ними „Арабески“, „Вечера“ и всю прочую чепуху, и обо мнѣ, въ теченіи долгаго времени, ни печатно, ни изустно не произносилъ никто ни слова—я бы благодарилъ судьбу. Одна только слава по смерти [для которой, увы! не сдѣлалъ я до сихъ поръ ничего] знакома душѣ неподдѣльнаго поэта. А современная слава не стоитъ копейки. Но ты долженъ узнать ее. Ты долженъ начать съ нее непремѣнно, вкусить и горькіе и сладкіе плоды, покамѣстъ безотчетныя лирическія чувства объемлютъ душу, и не потребовалъ тебя на судъ твой внутренній грозный судья. Моимъ голосомъ, который теперь долженъ имѣть надъ тобою двойную силу и власть, я заклинаю тебя страхнуть лѣнь. Не принимайся за большое дѣло, примись сначала за малое; пиши повѣсти, все, что угодно, но только пиши непремѣнно, рядись на всѣ журналы, помѣщай и бери деньги. У тебя есть языкъ, но еще не разболтался. Годъ или два употреби непремѣнно, чтобы росписаться, и тогда... нечего говорить: ты и самъ узнаешь и постигнешь тогда свое назна-

ченіе и рѣшишь—за что и какъ нужно взяться. Кстаті о литературныхъ новостяхъ. Они однакожь не тощи. Гдѣ выберется у насъ полугодіе, въ теченіе котораго явились бы разомъ двѣ такія вещи, каковы „Полководецъ“ и „Капитанская Дочь“¹⁾. Видана ли была гдѣнибудь такая прелесть! Я радъ, что „Капитанская Дочь“ произвела всеобщій эффектъ. Даже Иванъ Григорьевичъ²⁾ пишетъ, что чудная вещь. Когда эта музыкальная душа признала ея достоинство, то что же, я думаю, говорятъ прочіе. Что ты ничего не пишешь обстоятельнѣй о тѣхъ литературныхъ новостяхъ, которыя хотя и не такъ сильно выглядываютъ, но дороги намъ потому, что творцы ихъ или кумовья, или другіе близкіе намъ родственники, напримѣръ: Кукольникъ, Базили. Ты очень легко упомянулъ о „Художественной Газетѣ“. Можно бы даже привести отрывочекъ. Это было бы приятно. Также о „Босфорѣ“³⁾. Нѣтъ ли тамъ еще какого-нибудь реверанса? Не дурно также бы упомянуть нѣсколько и объ ихъ частной жизни, о новыхъ подвигахъ ихъ на пользу отечества, а также и на собственную пользу, которая, безъ сомнѣнія, ни въ какомъ случаѣ не забывается. Въ какомъ салонѣ видѣнъ теперь Базили, и какую имѣетъ моральную фізіономію? А другой Базили—съ кистью, вмѣсто пера, художникъ Мокрицкій⁴⁾? Это тоже лице не бездѣльное. Обо всемъ этомъ непременно нужно говорить; все это родственники, которые будутъ интересоваться насъ въ продолженіе всей нашей жизни. Второстепенныя лица въ этомъ романѣ также необходимы, и потому, отъ времени до времени, непременно нужно будетъ говорить о философѣ Данченкѣ и объ меньшихъ братцахъ. Само собою,

¹⁾ Эти оба произведенія Пушкина напечатаны были въ „Современникѣ“ 1836 года: первое въ 3-мъ №, второе въ 4-мъ.

²⁾ Пашенко: см. примѣчанія къ III-му письму.

³⁾ Несторъ Васильевичъ Кукольникъ, школьный товарищъ Гоголя, выпуска 1829 года. Константинъ Михайловичъ Базили, учившійся въ Гимназіи Высшихъ Наукъ вмѣстѣ съ Н. В. Кукольникомъ, но оставившій въ 1827 году Нѣжинъ и окончившій курсъ въ Одесскомъ Ришельевскомъ Лицѣ въ 1830 году. Первый издавалъ въ 1834 и 1837 гг. въ Петербургѣ „Художественную Газету“ (Гимназія высшихъ наукъ и Лицей князя Безбородко. 2 изд. Спб 1881, стр. XLVII—XLVIII), а второй напечаталъ въ „Сынѣ Отечества“ 1836, ч. CLXXV, статью „Босфоръ“, вошедшую въ отдѣльное изданіе того же автора: „Босфоръ и новыя очерки Константинополя. Конст. Базили. Двѣ части. Спб. 1836“.

⁴⁾ Аполлонъ Николаевичъ Мокрицкій, окончившій курсъ Гимназіи Высшихъ Наукъ кн. Безбородко въ 1830 году, впоследствии академикъ Императорской Академіи Художествъ.

что сюда должны войти и кумовья, какъ-то: Жюль, Комаровы и всѣ, которыхъ мы близко и коротко знаемъ. Всѣмъ имъ поклонъ мой. Жюля особенно попроси, чтобы написалъ во мнѣ. Ему есть о чемъ писать. Вѣрно, въ канцеляріи случился какой-нибудь анекдотъ. Если дѣйствующія лица выше надворныхъ совѣтниковъ, то, пожалуй, онъ можетъ поставить вымышленныя названія, или господинъ N.N. Скажи ему, что если онъ меня сколько-нибудь любитъ, пусть непременно напишетъ тоже повѣсть, напечатаетъ и пришлетъ мнѣ. Я читалъ одну изъ старыхъ его повѣстей, которая длинна и растянута, но въ ней много есть такого, что говорятъ, что вторая будетъ лучше, а третья еще лучше. Извѣсти меня, что это такое „Литературныя Прибавленія“, которыя издаетъ Краевскій и о которыхъ пишетъ Пащенко? и отчего мое бѣдное имя туда заѣхало? или ему суждено валяться, какъ векселю несостоявшагося банкрота, отъ котораго хотя не ждуть никакой пользы, но не раздражаютъ его потому только, что когда-то онъ стоилъ денегъ. Впрочемъ, мнѣ это непріятно; и только въ нашемъ литературномъ мірѣ могутъ случаться такія самоуправства. Я не желалъ бы, очень не желалъ, чтобы мое имя упоминалось въ печати. Прощай, душа моя! Не забывай же, пиши ко мнѣ. Ты еще можешь одинъ разъ писать ко мнѣ въ Парижъ потому, что я не раньше, какъ черезъ мѣсяць ѣду въ Италію. Мой усердный поклонъ Марьѣ Никифоровнѣ. Здоровъ ли сынъ твой Николай—мой имѣвшійся быть крестникъ, о чемъ я безпрестанно сожалею? И что такое онъ теперь болтаетъ? И есть ли какое приумноженіе въ семействѣ; а если есть, то что такое Богъ послалъ, сына или дочь? и какъ идутъ дѣла корпусныя твои? что дѣлаетъ Кушакевичъ, Стефинъ и прочіе? и гдѣ ты теперь разглагольствуешь? Все то, что кажется тебѣ не занимательно, все то занимательно для меня, особливо если оно касается тебя. Да что дѣлаетъ Лукашевичъ ¹⁾? Уѣхалъ ли онъ за границу, или нѣтъ? и если не уѣхалъ, то почему? и что дѣлаетъ онъ теперь? Пожалуста, передай ему мой поклонъ и скажи ему, что я надѣюсь съ нимъ увидѣться. Получили вы куплеты:

¹⁾ Платонъ Якимовичъ Лукашевичъ, воспитанникъ Гимназіи Высшихъ Наукъ, товарищъ Гоголя: см. „Гимназіи высшихъ наукъ и Лицей кн. Безбородко“, 2 изд., стр. LVJ; *Шекрокъ*, Матеріалы для біографіи Гоголя III, стр. 203.

Да здравствует нѣжинская бурса ¹⁾, которые Данилевскій послалъ въ письмѣ къ Пащенко. Увѣдоми, часто ли ты выдаешь-ся съ Плетневымъ и кто теперь у него бываетъ? о чемъ говорить? Кланяйся ему и скажи, что деньги получены мною съ невѣроятною исправностію.

Прописка сбоку на первой страницѣ:

Адресъ мой: Place de la bourse, 12. Пиши фамилію мою правильнѣе, иначе происходятъ на почтѣ недоразумѣнія. Пиши просто, какъ произносится: Gogol.

V.

Писано на почтовой синей бумагѣ большого формата. Годъ не обозначенъ, но рукою Прокоповича написано наверху: 1837. На оборотной сторонѣ второго листка адресъ: „A. St. Petersbourg, en Russie. Николаю Яковлевичу Прокоповичу. Въ Петербургѣ, въ Свѣиномъ переулкѣ, близъ Владимірской, въ домѣ Б. Врангеля“.

Марта 30. Римъ (1837).

Я не дождался письма твоего. Не знаю когда получу его изъ Парижа [если оно только было послано]. Мнѣ очень скучно безъ твоего письма. Ты давно не писалъ ко мнѣ. Да притомъ, кажется, ты всего только одинъ разъ и писалъ ко мнѣ. Отъ вашихъ хладныхъ береговъ такія грустныя несутся вѣсти.

¹⁾ Гербель (Русское Слово 1859. I, 97—98) приводитъ это стихотвореніе изъ упомимаемаго Гоголемъ письма А. С. Данилевскаго къ И. Г. Пащенко изъ Парижа, отъ 5 декабря 1836 года. Оно же, съ соотвѣствующими объяснительными примѣчаніями, напечатано въ книгѣ „Гимназія высшихъ наукъ и Лицей кн. Безбородко“, 2 изд., стр. LXXXI—LXXXII. Вотъ это стихотвореніе:

Да здравствуетъ нѣжинская бурса!
 Севрюгинъ, Вилевичъ и Урсо,
 Студенты пераго курса,
 И прочіе курсы всѣ также!
 Безъ нихъ обойтись какъ же?
 Не всѣ они теперь въ Петербургѣ:
 Въ каретѣ въ Стамбуль уѣхалъ одинъ, другой въ Оренбургѣ;
 А тѣ же, что прочіихъ здоровьемъ поуже,
 Все лѣто водами лечились, а зиму проводить въ Парижѣ;
 Женились одни—и въ сладкомъ дремлютъ покоѣ;
 Учители въ корпусѣ двое;
 Извѣстный лгунишка бумага въ Кстація пишетъ,—
 Чортъ его колашетъ!
 Артистовъ, повтовъ межъ нихъ есть довольно,
 Читаетъ—сердцу становится больно.
 А тѣ, что въ гусарахъ—не храбраго люди десятку—
 Коней объѣзжаютъ въ манежѣ, гнутъ короля и десятку..

Великаго не стало¹⁾). Вся жизнь моя теперь отравлена. Пиши ко мнѣ, Бога ради! Напоминай мнѣ чаще, что еще не все умерло для меня (на) Руси, которая уже начинаетъ казаться могилею, безжалостно похитившею все, что есть драгоцѣннаго для сердца. Ты знаешь и чувствуешь великость моей утраты. Что ты дѣлаешь теперь? Я ничего не знаю, а мнѣ хотѣлось бы все знать, даже—какъ ты скучаешь. Зайди къ Плетневу и узнай, послалъ ли онъ ко мнѣ деньги, о которыхъ я писалъ къ нему изъ Рима? Если посланы, то—когда и на имя какого банкира они адресованы? Я въ нихъ нуждаюсь. Что тебѣ сказать объ Италіи? Она прекрасна. Она менѣе поразить съ перваго раза, нежели послѣ. Только всматриваясь болѣе и болѣе, видишь и чувствуешь ея тайную прелесть. Въ небѣ и облакахъ видѣнъ какой-то серебряный блескъ. Солнечный свѣтъ далѣе объемлетъ горизонтъ. А ночи?... прекрасны. Звѣзды блещутъ сильнѣе, нежели у насъ, и по виду кажутся больше вашихъ, какъ планеты. А воздухъ!—онъ такъ чистъ, что дальніе предметы кажутся близкими. О туманѣ и не слышно. Я бы болѣе упивался ею, если бы былъ совершенно здоровъ; но чувствую хворость въ самой благородной части тѣла—въ желудкѣ. Онъ, бестія, почти не варитъ вовсе, и запоры такіе упорныя, что никакъ не знаю, что дѣлать. Все надѣла(ль) гадкій парижскій климатъ, который, не смотря что не имѣетъ зимы, но ничѣмъ не лучше петербургскаго. Ничего не хочу больше писать, потому что ожидаю ежеминутно твоего письма изъ Парижа, которое ты вѣрно писалъ, и на которое мнѣ хочется отвѣчать; но ты, пожалуста, напиши мнѣ отвѣтъ на это поскорѣе, хотя не много, хотя столько строкъ, сколько придется въ твою лѣнивую память. Цѣлую тебя безсчетно. Мой адресъ: Roma, via di Isidoro, casa Giovanni Massuci 17. [Vicino alla piazza barbierini]. Данилевскій обѣщался недѣлею послѣ меня быть въ Римѣ, но до сихъ поръ его не вижу.

Р. S. Впрочемъ, адресуй лучше въ Poste restante, потому что, можетъ быть, случится къ тому времени перемѣнить квартиру.

VI.

Писано на почтовой бѣлой бумагѣ большого формата. Годъ не обозначенъ, мѣсяцъ же совершенно ясно обозначенъ Гоголемъ „юня 3“, что невѣрно прочтано было Гербелемъ какъ „юля 3“. На внутренней сторонѣ втораго листка адресъ

¹⁾ А. С. Пушкинъ скончался 29 января 1837.

„St. Petersburg, en Russie. Николаю Яковлевичу Прокоповичу. Въ Петербургѣ, въ Свѣшной переулкѣ, близъ Владимірской, въ домѣ В. Врангеля“. Другой рукою карандашомъ написано: „9 линія домъ Желтоухова, между Большимъ и Среднимъ проспектомъ“. Почтовый штампъ: „получено 1837, іюн. 29, утро“.

Римъ, іюня 3. (1837).

Наконецъ, я дождался отъ тебя письма; хотя коротенькое, но спасибо и за это. Слава Богу, ты здоровъ, моя радость. Не скучай и не негодуй на пространство, которое пасъ раздѣляетъ. Конечно, лучше лежать вмѣстѣ на диванчикѣ твоей постоянной квартиры у Б. Врангеля,—ты въ халатѣ, съ трубочкой, я—въ старомъ сертукѣ, и толковать о всякомъ вздорѣ. Признаюсь, часто, когда вспомню ваньку, тащущаго меня на тряскихъ дрожкахъ въ Свѣшной переулкѣ, то очень бы хотѣлось мнѣ въ Петербургъ. Но чтожь дѣлать? Будемъ поворны нашей судьбѣ. Я тебя такъ живо вижу; ты, вѣрно, тоже воображаешь часто меня передъ собою. Притомъ мы любимъ другъ въ другѣ то, что не обнимается чувствами внѣшними. Итакъ, да будетъ между нами Римъ близокъ отъ Петербурга. Данилевской теперь тоже здѣсь. Онъ думаетъ на зиму возвратиться въ Петербургъ, и расскажетъ тебѣ все. Да, кстати, чтобы не позабыть: пожалуйста, выбрани хорошенько Пашенка за эту достойную его догадку, что мы поссорились, и потому ѣздимъ не вмѣстѣ. Что мы не ѣздимъ всегда вмѣстѣ, это зависитъ, кромѣ того, что иногда пріятно разлучиться для того, чтобы скоро увидѣться,—это зависитъ отъ разности въ образѣ возрѣнія, которою разнообразно исполнены наши людскіе умы. Полковникъ больше человѣкъ современный, воспитанный на современной литературѣ и жизни; я больше люблю старое. Его тянетъ въ Парижъ, меня гнететъ въ Римъ. Но, порыскавши, мы всегда сходимся, и приготавливаемъ такимъ образомъ другъ для друга запасъ для разговоровъ. Я бы хотѣлъ съ тобою теперь поговорить о Римѣ; но это такое бездонное море, что не знаешь, откуда, съ котораго конца начать и о чемъ говорить. Я живу скоро три мѣсяца, всякой день смотрю что-нибудь новое,—и все еще бездна остается смотрѣть. Тутъ только узнаешь, что такое искусство. [А природа? Она—италианская красавица, больше я ни съ чѣмъ не могу ея сравнить, италианская пейзажа, смуглая, сверкающая, съ черными, большими-большими глазами, въ платьѣ алаго, нестерпимаго для глазъ цвѣта, въ бѣломъ, какъ снѣгъ, покрывалѣ]. Тутъ только можно

узнать, что такое Рафаэль, котораго имя привыкли мы произносить, и которой для насъ, небывшихъ здѣсь, существо идеальное и мнѣ высокаго искусства. Но къ чему говорить и толковать объ этомъ?

„Другъ попечительный, больнаго
Въ дремотѣ сладкой не тревожь!“

сказалъ, кажется, гдѣ-то Баратынскій; впрочемъ, этотъ-же самой стихъ можно иногда обратить и ко мнѣ. Я теперь намѣренъ тебя прежде всего навьючить страшнымъ множествомъ порученій, которыя всѣ ты долженъ выполнить. Первое и самое главное, узнай отъ Плетнева или попроси, чтобы Плетневъ узналъ, получилъ ли Жуковскій мое письмо, и какою имѣло успѣхъ письмо мое къ Государю. Отъ него зависить моя судьба. Потомъ мелкое дѣло. Весь ли вексель Смирдина послалъ ко мнѣ Плетневъ или нѣтъ? Мнѣ кажется, что онъ былъ на тысячу двѣсти. Впрочемъ, можетъ быть, что я и ошибаюсь; если же есть остатокъ, то скажи ему, что я просилъ его назначить эти деньги для сестеръ, поручивши ихъ въ Институтѣ какою-нибудь дамѣ. Я думаю, что у нихъ не заплачено ни за музыку, ни чего. 3-е, у него же, Плетнева, узнай, получилъ ли онъ отъ Жуковскаго что-нибудь, что мнѣ слѣдовало отъ Государыни за поднесеніе экземпляра моей комедіи. Жуковскій мнѣ сказалъ передъ выѣздомъ, чтобы я не имѣлъ объ этомъ никакого сомнѣнія, что онъ я по отъѣздѣ моемъ будетъ стараться. Это все, что нужно узнать отъ Плетнева. Итакъ, три вещи. Теперь: нужно тебѣ всѣ рукописныя мои книги, которыя находятся въ моей библиотекѣ въ связкахъ, сложить въ ящикъ, запаковать и отправить ко мнѣ. Мнѣ очень нужны они, и безъ нихъ я какъ безъ рукъ. Тамъ у меня выписки и матеріалы всего. Теперь же принимаюсь не на шутку за важное дѣло. Сдѣлать это вотъ какимъ образомъ: узнать, какой изъ иностранныхъ кораблей идетъ прямо въ Ливурно, адресоваться въ капитану его, и заплатить за доставку деньги, которыхъ придется немного, потому что перевозка очень не дорога. Но во всякомъ случаѣ, что бы ни потребовали, нужно заплатить, потому-что мнѣ нужны эти книги и тетради. На вьюкѣ, выставивши мое имя, адресовать на имя нашего консула въ Ливорно, съ прозвобю тутъ же на вьюкѣ, чтобы оно дождалось у него моего пріѣзда въ Ливорно. 2-е, пришли вышедшую первую книжку „Современника“ на этотъ

годъ. Его можешь взять у Плетнева; присоедини къ этому „Ундину“¹⁾ и еще, если вышло что-нибудь замѣчательнаго. Это можешь взять у Смирдина, на мое имя. Пусть поставитъ его (sic) на мой щетъ. Послать же это ты можешь вотъ какимъ образомъ: завернуть книги въ пакетъ, одинъ или два-три, какъ хочешь, и надписать: въ Вѣну, въ руское посольство, Г. Горчакову, а оттуда въ Римъ, на имя Кривцова, нашего chargé d'affaires въ Римѣ²⁾, и больше ничего; но подъ этимъ верхнимъ конвертомъ долженъ быть другой конвертъ на мое имя, и больше ничего. Эти пакеты ты долженъ отдать въ канцелярію Иностранной Коллегіи, прося ихъ отправить къ Кривцову прямо, что книги-де слѣдуютъ ему, не платя за это ничего. И будетъ слѣвано. Итакъ, вотъ тебѣ порученія. Смотри же, пожалуста, не забудь. Ты имѣешь обыкновеніе въ письмѣ твоемъ не отвѣчать ни слова на мои запросы, такъ, какъ бы ихъ совершенно не было. Но теперь, пожалуста, какъ будешь писать ко мнѣ, держи передъ своими глазами мое письмо, и отвѣчай на каждый пунктъ. Прежде всего узнай отъ Плетнева на щотъ письма къ Государю, а потомъ все прочее. Право, даже досадно, какъ ты мало объявляешь о себѣ. Хоть бы строчку о томъ, что пишешь, что читаешь; даже ничего о томъ, въ какіе корпуса ходишь. Ей, пора тебѣ. Берись за перо; не то будетъ поздно. Пиши повѣсточки или стишочки, если стишочки, то пришли ихъ въ твоемъ письмѣ кусочками. На меня пришла теперь особенная жажда читать твои стихи. Послѣ италіанскихъ звуковъ, послѣ Тасса и Данта, душа жаждетъ послушать русскаго. Да еще одно: чтобы не позабыть тебѣ. Пожалуста, побывай въ Институтѣ. Навѣдайся къ моимъ сестрамъ, къ которымъ влагаю при этомъ письмо, и узнай, не нуждаются ли онѣ въ чемъ, и отъ нихъ возьми письмо ко мнѣ. Если онѣ въ чемъ имѣютъ нужду истинную, и у нихъ не хватитъ денегъ, то купи на свои; я тебѣ все возвращу при первомъ удобномъ случаѣ. Если ты можешь побывать у нихъ въ каждыя двѣ недѣли по разу, то этимъ обяжешь меня. Онѣ, бѣдненькія, я думаю, скучаютъ. Если бы ты постарался достать себѣ мѣсто въ этомъ Институтѣ, то бы это было очень хорошо. Еще: узнай,

¹⁾ „Ундина“ В. А. Жуковскаго была издана Смирдинимъ, Спб. 1837.

²⁾ О Павлѣ Ивановичѣ Кривцовѣ см. у Шенрока, Матеріалы для біографіи Гоголя, т. III, стр. 309—311

гдѣ теперь Демидовъ, Павелъ Николаевичъ ¹⁾). Его домъ въ Большой Миліонной. Еще: хотя ты въ первый разъ и не отвѣчалъ, и во второй тоже, но я еще спрошу, гдѣ Лукашевичъ, Платонъ Якимовичъ ²⁾), уѣхалъ ли онъ, или нѣтъ, за границу? Теперь, кажется, совершенно всѣ запросы. На тѣ, которые нужнѣе, отвѣчай скорѣе; на другіе же распишись только, что приняты,— чтобы я не думалъ, что они канули мимо ушей. Прощай, мой жизненочекъ. Цѣлую тебя миліонъ миліоновъ разъ. Ты старый, вѣрный спутникъ отъ незапамятной юности. Будь здоровъ и весель мыслю, что хотя немногочуденъ кругъ нашъ, состоящій можетъ быть изъ трехъ только лицъ ³⁾), но тѣсна связь его, и будетъ продолжаться даже тогда, когда даже ни одного изъ насъ не будетъ на свѣтѣ. Прощай до слѣдующаго письма.

Приписка сбоку.

Другое письмо, которое при семъ прилагается, постарайся отдать лично М. Мелентевой, классной дамѣ въ Институтѣ. Она очень добрая и ми(лая).

VI.

Писано на бѣлой почтовой бумагѣ большого формата, съ водянымъ знакомъ: Whatman 1832. Годъ не выставленъ Гоголемъ, но рукою Прокоповича карандашомъ помѣчено: 1837. На оборотной сторонѣ второго листка адресъ: „St. Peterbourg, en Russie. Николаю Яковлевичу Прокоповичу. Въ Петербургъ, въ Свѣшномъ переулкѣ, что близъ Владимірской, въ домѣ В. Врангела“. Другой рукою приписано внизу: „въ 9 лншн, домъ Желтоухова“. Почтовые штемпели: „Baden 20/7“ и „получено 1837 іюл. 20, утро“.

Баденъ-Баденъ, Іюль 21/е (1837)

Къ тебѣ съ просьбой! съ убѣдительною просьбой! Возьми изъ Банка полторы тысячи и пришли ихъ мнѣ. Черезъ полгода надѣюсь тебѣ непременно возвратить ихъ. Я посылаю въ началѣ слѣдующаго года печатать мою крупную вещь, которая, думаю, вознаградитъ мои труды и заботы о ней. Пришли, пожалуйста, скорѣе; я совсѣмъ прожился. Я думалъ, что я успѣю гораздо раньше окончить мое сочиненіе, ни тутъ-то было. Я сижу теперь на водахъ, лѣчусь. Взявши деньги, ты отправься тотчасъ въ Штиглицу, въ контору его, что на Англійской набережной,

¹⁾ См. *Шенрокъ*, Матеріалы для біографіи Гоголя т. III, стр. 192.

²⁾ См. выше, письмо IV-е.

³⁾ Т. е. Гоголь, Прокоповичъ, Данилевскій.

и скажи ему, чтобы векселя были доставлены во Франкфуртъ на имя Русскаго Посольства, съ извѣщеніемъ, чтобы тотчасъ же были доставлены мнѣ. Объ этомъ ты, между прочимъ, мнѣ самъ дай знать, чрезъ *poste restante*, во Франкфуртъ. Получилъ ли ты письмо мое изъ Рима? Въ немъ были, между прочимъ, два письма въ Институтъ. Если ты ихъ не отдавалъ туда, то и не отдавай. Пусть останутся у тебя. Прощай. Спѣшу кончить. Какое гадкое, какое ужасное время! Дождь, слякоть. Сердце мое тоскуетъ по Римѣ и по моей Италиі! И недождусь, покамѣстъ пройдетъ мѣсяць, который мнѣ нужно убить на здѣшнихъ водахъ.

Твой Гоголь.

VIII.

Писано на бѣлой почтовой бумагѣ среднего формата съ водянымъ знакомъ (корова на щитѣ, и съ обѣихъ сторонъ—львы) фабрики: *Concorde et félicité*. F. W. E. Годъ не обозначенъ, но рукою Прокоповича помѣчено карандашомъ: 1837.

Женева. Сентября 19 (1837).

Я не получалъ отъ тебя никакого отвѣта на письмо, писанное изъ Бадена. И опять повторяю тебѣ прежнюю просьбу. Если у тебя не случится теперь 1500 рублей, а изъ Банка нельзя будетъ взять скоро, то продай мою бібліотеку. Кажется, Одоевскій хотѣлъ у меня купить. Предложи ему. Она мнѣ стояла до 3000, но если можно за нее выручить половину, то слава Богу. Мнѣ бы не хотѣлось ее сбывать, хотя я и не буду имѣть случая ею пользоваться, но я знаю, что многія книги полезны тебѣ, и мнѣ пріятно воображать, что ты роешься, вмѣсто меня, въ нихъ. Но я въ большой крайности. Я получилъ 1000 рублей отъ Плетнева назадъ тому двѣ недѣли; уплатилъ нѣкоторые долги и сдѣлалъ себѣ платье все изнова, потому что старое разлѣзлось въ вуски—послѣдній продуктъ моей отчизны. Холера, опустошающая теперь Римъ, разстроила теперь всѣ мои планы и предположенія. Я уже такъ было устроился и распорядилъ дѣла свои, что могъ жить въ Римѣ, какъ у себѣ дома. Куда дешевле того, какъ жилъ въ Петербургѣ. Теперь я таскаюсь безпріютно. Въ Швейцаріи все вдвое дороже противъ римскаго. Къ тому же расположеніе моей болѣзни таково, что я не могу теперь забраться въ совершенную

глушь и противъ воли долженъ искать развлеченія: я боюсь ипохондріи, которая гонится за мной по пятамъ. Смерть Пушкина, кажется, какъ будто отняла отъ всего, на что погляжу, половину того, что могло бы меня развлекать. Желудокъ мой гадокъ до невозможной степени и отказывается рѣшительно варить, хотя я ѣмъ теперь очень умѣренно. Геморoidalные мои запоры по выѣздѣ изъ Рима начались опять, и, повѣришь ли, если не схожу на дворъ, то въ продолженіи всего дня чувствую, что на мозгъ мой какъ будто бы надвинулся какой-то колпакъ, который препятствуетъ мнѣ думать и туманитъ мои мысли. Воды мнѣ ничего не помогли, и я теперь вижу, что онѣ ужасная дрянь; только чувствую себя хуже: легкость въ карманахъ и тяжесть въ желудкѣ. Мысль о тебѣ да о двухъ-трехъ только дорогихъ для сердца душахъ, пребывающихъ въ Петербургѣ, иногда согрѣваетъ меня, но уже не столько какъ прежде, отъ того, что я слишкомъ часто и неумѣренно предаюсь ей. Я отъ тебя давно не получалъ письмо. Что ты подѣлывашь, жизнь и душа моя? здоровъ? весель? работаешь? пишешь? читаешь? Напиши, пожалуйста. Ты такъ мало говоришь о себѣ. И нѣтъ ли у васъ какой-нибудь сколько-нибудь радостной новости?

Узнай отъ Плетнева, правда ли этому, что говорятъ, что будто на слѣдующій годъ ѣдетъ Наслѣдникъ, а съ нимъ безъ сомнѣнія и Жуковский, а можетъ быть и Плетневъ, въ Италію. Какъ бы я желалъ, чтобы этому была правда. Я соскучилъ страшно безъ Рима. Тамъ только я былъ совершенно спокоенъ, здоровъ и могъ предаться моимъ занятіямъ. Мутно и туманно все кажется послѣ Италіи. Прежнія синія горы теперь кажутся сѣрыми, все пахнетъ сѣверомъ послѣ нее. И какъ вспомню, что я долженъ буду прожить мѣсяцъ, а можетъ быть и болѣе вдали отъ нее [холера по всѣмъ вѣроятіямъ не оставитъ Рима раньше мѣсяца], то мнѣ кажется, я заживо вижу передъ собою вѣчность. Прощай, моя жизнь! не забудь моей прозбы.

Когда добудешь деньги, то не медля, ту же минуту носи ихъ въ Штиглицу. Чтобы онъ взялъ изъ нихъ 600 франковъ и отослалъ въ *Растатъ*, что въ Баденскомъ Великомъ Герцогствѣ, къ тамошнему банкиру, который называется: François Simon Meyer, извѣстивши его, что это слѣдующія ему отъ меня занятія у него деньги, а на остальные же деньги, 1000 франковъ или около, чтобы Штиглицъ прислалъ мнѣ вексель въ Женеву.

Адресуй или въ Poste restante или въ мою квартиру: Rue Croix d'or. № 25. Au deuxième porte gauche, chez M-me Buestoz.

IX.

Писано на клочкѣ тонкой почтовой бумаги очень мелкими почеркомъ. Наверху написано рукой Гоголя: „Прокоповичу“ и на оборотной сторонѣ: „Ник. Прокоповичу, отъ Гоголя“. Вложено было въ письмо П. А. Плетневу, что видно изъ слѣдующаго письма (№ X) Гоголя. На письмѣ никакой даты нѣтъ, но рукою Прокоповича отмѣчено карандашомъ: 1837.

Ну, братъ, я рѣшительно ничего не могу понять изъ твоего молчанія. Живъ ли ты, здоровъ ли? Хотя бы слово на мое письмо, хотя бы строчку въ отвѣтъ! Не совѣстно ли тебѣ и не стыдно ли! Ты знаешь самъ очень хорошо, что я тебѣ и что ты мнѣ, и послѣ всего этого молчишь. Я писалъ къ тебѣ изъ Рима, изъ Франкфурта, изъ Бадена—хоть бы одно слово! Ради Бога, выведи меня скорѣе изъ неизвѣстности о себѣ. Пиши и адресуй въ Римъ: Strada Felice, № 126, ultimo piano. Я тебя просилъ выслать мнѣ мои рукописи—всѣ совер(шенно), безъ исключенія. Пожалуйста, не забудь этого исполнить. Они мнѣ совершенно всѣ нужны, въ томъ числѣ, вмѣстѣ съ ними, есть и печатные эстракты изъ дѣлъ, и довлдныя записки, и малорос. пѣсни; все это перешли. Если достанешь еще какія-нибудь дѣла—попроси отъ меня Пащенко, Ивана Гр. Онъ можетъ похитить изъ своей юстици. Можетъ быть Аненковъ еще что-нибудь досталъ? Все это запакуй вмѣстѣ и перешли мнѣ. А переслать вотъ какимъ образомъ: отнеси все это въ М-г Pongis, а гдѣ онъ живетъ, объ этомъ можно узнать у Штиглица. Къ Pongis уже объ этомъ писано. Онъ отправитъ ящикъ въ Ливорно къ тамошнему консулу. Спроси его—нужно ли ему въ Петербургѣ заплатить за пересылку, или на мѣстѣ? Если въ Петербургѣ, то, пожалуйста, заплати ему за меня: это стоитъ бездѣлица. Я тебѣ все это возвращу при первомъ случаѣ. Я радъ, что у тебя не отнялъ денегъ, которыя можетъ быть тебѣ нужны самому и которыя я просилъ у тебя въ займы. Я получилъ отъ Государя, спасибо Ему, почти¹⁾ неожиданно и теперь не нуждаюсь. Если

¹⁾ Въ подлинникѣ трудно прочесть „пять“, какъ это сдѣлалъ Гербель (Русское Слово 1859, I, 107), а между тѣмъ это невѣрное чтеніе послужило биографамъ Гоголя основаніемъ для заключенія о „пяти тысячахъ“, полученныхъ Гоголемъ

что-нибудь вышло по части Русской Исто(ри), изданія Нестора, или Кіевской Лѣтописи, Ипатьевской, или Хлѣбниковскаго списка—пожалуста, пришли. Если вышель переводъ Славянской Исторіи Шафарика, или что-нибудь относ(ящаяся) Славянъ или Миѳол. Слав. Также какіе-нибудь акты въ древней Русск. Исторіи, или хорошее изданіе Русскихъ пѣсень или Малорос. пѣсень. Все это возьми у Смирдина. Пусть поставитъ на мой щетъ. Также, если есть что новое на щетъ раскольниковъ сектъ. Если вышло Снѣгирева описаніе праздниковъ и обрядовъ—пришли. Или другого какого-нибудь. Да ради Бога пиши. Я къ тебѣ ничего не пишу—ни (о) моей жизни, ни трудахъ, потому что не увѣренъ, будешь ли ты и на это отвѣчать. Какъ получу—напишу.

Х.

Писано на бѣлой почтовой бумагѣ большого формата. На оборотѣ письма адресъ: „А St.-Petersbourg, en Russie. Николаю Яковлевичу Прокоповичу. На Васильевскомъ Островѣ, въ 9 линіи, между Среднимъ и Большимъ проспектомъ, въ домъ Желтухиной“. Другой рукой приписано: „На Мойкѣ, подлѣ Губер“. Почтовый штемпель: „Roma 1 Mag. 1838“.

Римъ. Апрѣля 15. 1838.

Вообрази, что я теперь только получилъ письмо твое съ векселями, говорю—съ векселями, потому что въ это же самое время получилъ и отъ Симона Мейера твой вексель, ибо ему деньги уже давно мною уплачены. Причины всей этой путаницѣ тѣ, что Римское правительство вздумало сдѣлать разные преобразованія почтъ, которая, въ продолженіе холеры и прочихъ несчастныхъ обстоятель(ствъ), пришла въ весьма жалкое положеніе съ тѣхъ поръ, какъ сдѣланы эти преобразован(ія). Пропало уже два письма, которыя я писалъ къ нѣкоторымъ моимъ знакомымъ, а ко мнѣ, я думаю, множество, потому что я болѣе полугода рѣшительно не получ(алъ) писемъ. Твои же письма, вмѣстѣ съ векселями, были присланы къ здѣшнему банкиру Валентини, который теперь только меня извѣстилъ объ этомъ, хотя, я думаю, они у него лежали очень долго. Мнѣ очень жаль, что я нанесъ тебѣ столько хлопотъ и безпокойствъ, мой

отъ императора Николая I: см. *Шенрокъ*, Матеріалы III, 199; ср. тамъ же, стр. 227—229. Безусловно вѣрно и чтеніе „опять“: *Шенрокъ*, Матеріалы III, 149, прим. 2.

добрый, мой милой... я хотѣлъ было сказать по старому—*красненькой*, да вспомнилъ, что мы оба уже устарѣли, и что, можетъ, твои педагогическія заботы извели твою краску, которую такъ пріятно было моему сердцу зрѣть на твоихъ щекахъ. Но все же въ именахъ, данныхъ во времена нашей юности, есть сладость, отъ которой не хочется отказаться. Итакъ, мнѣ очень было жаль нанести тебѣ заботы. Извѣщеніе твое, что ты долженъ былъ прибѣгнуть къ займу для того, чтобы доставить мнѣ эту сумму, меня смутило. Мнѣ представилось, что ты терпишь или нуждаешься въ чемъ-нибудь за меня, и мнѣ досадно, что письмо твое такъ долго не попало въ мои руки, и что я не могъ тебѣ выслать раньше этой суммы. По крайней мѣрѣ, теперь ее пересылаю тебѣ черезъ Штиглица 1660 франковъ, которые ты, явившись къ нему, имѣешь получить. Получилъ ли ты мою маленькую записочку, которую я вложилъ въ письмо къ Плетневу и въ которой я просилъ тебя выслать мнѣ всѣ мои рукописи и къ тому числу присовокупить нѣсколько новыхъ замѣчательныхъ книгъ, „Современникъ“ и прочее, что ты найдешь достойнымъ, которыя взять отъ имени моего у Смирдина съ тѣмъ, чтобы онъ поставилъ мнѣ ихъ на щетъ, особенно книгъ относит. Ист. Славянской и Русской, русскихъ обрядо(въ), праздниковъ и раскольниковыхъ сектъ, и попросить у Пащенка, Ивана Григорьевича, очень пріятнаго, полезнаго и хорошаго человѣка, чтобы онъ совершилъ небольшого роду похищеніе какихъ-нибудь казусныхъ дѣлъ. Поклонись ему отъ меня пониже и назови его помѣщикомъ, красавцемъ и всѣмъ, что есть для него пріятнаго. Все это, какъ я тебѣ говорилъ, ты препроводи къ М-г Pongis. Гдѣ живетъ этотъ Pongis ты узнаешь у Штиглица. Скажи ему только, чтобы онъ доставилъ въ Римъ, или на мое имя, или, еще лучше, на имя вьягини Зинаиды Волконской. Еще, прилагаемое письмо отнеси, пожалуйста, сестрамъ въ Институтъ, и возьми отъ нихъ отвѣтъ, который перешли ко мнѣ. Нѣкоторыя слова въ письмѣ твоемъ меня смутили. Ты пишешь, что ты такъ занятъ своей должностью и такое нашелъ въ ней забвеніе всего, что даже мысль ни о чемъ другомъ не тревожить. Нѣтъ, изъ жалости не бросай такъ равнодушно этихъ лѣтъ. Они не возвратятся и никогда не возвратятся съ ними та дѣятельность воображенія, которую поднимаютъ свѣжія силы молодости. Жизнь моя была бы самая поѣтическая въ мірѣ, если бы не вмѣшалась въ нее горсть самой негодной прозы:

эта проза—мое гадкое здоровье. Жду съ нетерпѣніемъ лѣта. Зима была здѣсь чудная. Я ни одинъ разъ не топилъ въ комнатѣ, да и печи нѣтъ. Солнце, и дни безъ облака; но весна принесла и холодъ и дожди; а Римъ безъ солнца—ослѣпшая красавица. Былъ я на дняхъ на академическомъ собраніи по случаю построения города Рима Ромуломъ... Въ этомъ есть что-то чудное. Когда я услышалъ произнесенный 2581-й годъ, душа во мнѣ невольно вспелохнулась. Недавно получилъ письмо отъ Данилевскаго изъ Парижа. Онъ все также говоритъ Парижемъ и мыслить о Гризи, но, кажется, ему бѣдному тамъ немного прискучилось. Я уже давно не видался съ нимъ и хотѣлъ бы поглядѣть. Обними всѣхъ нашихъ, Пащенко особенно, хотя онъ на меня и сердится, вается. Кстати о Пащенкѣ. Только, пожалуйста, не говори этого никому. Онъ въ большой чести въ Италіи. Не говоря уже о томъ, что онъ лежитъ здѣсь на всякой улицѣ и что играетъ роль во многихъ повѣстяхъ, даже въ самомъ Аріостѣ. Но есть напечатана цѣлая поэма подъ названіемъ: Г... о. Но ни слова объ этомъ, сдѣлай милость. Поклонись отъ меня Бѣлоусову ¹⁾, ежели увидишь его, и скажи ему, что мнѣ очень жаль, что не удалось съ нимъ увидаться въ Петербургѣ.

Приниска сбоку:

Что дѣлаетъ Жюль? и бываетъ ли кто у тебя? и какой день—среда или четвергъ, во время котораго исчезаетъ у тебя прозаическая мысль о завтра и ты предаешься весь себѣ... ²⁾ своихъ товарищей? Поклонъ Марьѣ Никифоровнѣ и поцѣлуй сына Яна въ самый разумный лобъ за то, что произноситъ мое имя.

¹⁾ Николай Григорьевичъ Бѣлоусовъ, одинъ изъ лучшихъ профессоровъ Гимназіи Высшихъ Наукъ кн. Безбородко, во время пребыванія тамъ Гоголя. Въ дѣствіе известной исторіи о вольвоудствѣ, былъ уволенъ отъ службы въ Гимназіи 26 октября 1830 года, потомъ въ 1835 году снова былъ принятъ на службу—секретаремъ Кіевскаго Попечительнаго комитета о тюрьмахъ, а во второй половинѣ 30-хъ годовъ перешелъ изъ Кіева въ Петербургъ, получивъ мѣсто въ Капитулѣ російскихъ орденовъ: см. „Гимназія высшихъ наукъ и Лицей кн. Безбородко“, 2 изд., стр. 240—245. Въ юношескихъ письмахъ Гоголя находятъ довольно часто восторженные отзывы о Бѣлоусовѣ: Соч. и письма V, 37, 42, 46; II. *Владиміровъ*. Изъ ученическихъ лѣтъ Гоголя. Кіевъ 1890, стр. 25. Ср. II. *Куминъ* Записки о жизни Н. В. Гоголя т. I, стр. 100.

²⁾ Одно слово вклинено.

XI.

Писано на синеватой почтовой бумагѣ большого формата. Годъ не обозначенъ Гоголемъ, но рукою Прокоповича помѣчено карандашомъ: 1838. На оборотѣ письма адресъ: „St.-Petersbourg, en Russie. Николаю Яковлевичу Прокоповичу. Въ Петербургѣ, на Васильевскомъ Островѣ, въ 9 линіи, между Большимъ и Среднимъ проспектомъ, въ домѣ Желтуховой“. Почтовый штампель: „Получено 1838 юл... вечеръ“.

Римъ. Іюль 2 (1838).

Не совѣстно ли тебѣ, мой милый, не писать ко мнѣ, позабыть меня! Не совѣстно ли тебѣ лѣниться! А я о тебѣ думаю часто, всегда. И ни роскошь этихъ странъ, гдѣ я живу теперь, ни югъ, ни чудныя небеса, ничто не въ силахъ помѣшать мнѣ думать о тебѣ, съ кѣмъ начался союзъ нашъ подъ аллеями липъ Нѣжинскаго сада, во второмъ музеѣ, на маленькой сценѣ нашего домашняго театра, и крѣпился, станутый стужею петербургскаго климата, чрезъ всѣ дни нашего пребыванія вмѣстѣ. Не совѣстно ли тебѣ! Ты мнѣ не написалъ даже отвѣта на письмо мое, пущенное къ тебѣ вмѣстѣ съ деньгами, которыя я возвратилъ тебѣ посредствомъ здѣшняго банкира Валентини къ вашему Штиглицу. Ты меня не извѣстилъ, получилъ ли ты деньги въ исправнос(ти). Теперь ты радъ: Данилевскій съ тобою. Ты вкусилъ минуточку свиданія послѣ такой длинной разлуки. Какъ бы я желалъ теперь быть съ вами. Но я уже почти отказался отъ этой сладкой мысли. Пожалуста, не забывайте меня. Отправилъ ли ты книги и рукописи чрезъ Pongis, какъ я къ тебѣ писалъ? Я ничего не получалъ и не знаю, гдѣ и какъ мнѣ о нихъ освѣдомиться, не имѣя совершенно никакого объ этомъ отъ тебя извѣстія. Извѣсти меня о своей жизни обстоятельно. Безъ сомнѣнія, ты уже учишь грамотѣ сына Яна, котораго ты несправедливо назвалъ Николаемъ и глядя на котораго всегда у меня рождалась досада и сожалѣніе, что не я крестилъ его. И какого рода есть у тебя новыя прибавленія? Прибавилъ(бы) сколько-нибудь словъ о гостяхъ своихъ, о нашихъ старыхъ, которымъ всѣмъ по поклону,—Жюлю, Пащенку и прочимъ. Пиши, пожалуста, пиши. Я не могу къ тебѣ писать много потому, что спѣшу. Данилевскій вѣрно ожидаетъ моего письма, которое ему нужно и которое ты ему вручишь. Черезъ три или четыре дня ѣду въ Неаполь, гдѣ пробуду полтора

Мѣсяца и потому до половины августа пиши ко мнѣ въ Неаполь. По истеченіи же этого срока—въ Римъ, въ *poste restante*.
Доставь поклонъ мой Марьѣ Никифоровнѣ.

ХII.

Писано на бѣлой писчей бумагѣ. Мѣста и года Гоголемъ не выставлено, и въ опредѣленіи ихъ слѣдуемъ Гербелю.

Ноября 26 (1841, изъ Москвы).

Пишу къ тебѣ послѣ долгой болѣзни, которая было меня одолѣла и которой начало уже получилъ я въ Петербургѣ. Теперь, слава Богу, мнѣ гораздо лучше, хотя я исхудалъ сильно. Здоровъ ли ты? Напиши мнѣ слова два о себѣ. Я сильно безпокоился о тебѣ. Тутъ пронесли было слухи, что въ Петербургѣ было что-то въ родѣ небольшого наводненія, и вода показалась на Васильевскомъ Островѣ. Я боялся за твой домишко и за житье твое въ нижнемъ этажѣ. Увѣдомь меня, пожалуста, не повредило ли у тебя чего? Дѣло мое, по причинѣ болѣзни, почти не началось. Теперь толь(ко) началась переписываться рукопись. Пришли, если готовы, мои манишки, да, вмѣстѣ съ тѣмъ, и мои резинныя колоши, которыя я приказалъ Платошѣ взять въ дилижансѣ, но онъ и не дума(лъ) туда положить ихъ. Въ дилижансѣ все перерыли и не нашли ихъ. А такихъ галошъ я теперъ нигдѣ не могу достать.

Будь здоровъ! мужайся духомъ (будущность твоя будетъ хороша) и напиши мнѣ поскорѣе два слова. Прощай!

Твой Гоголь.

Адресуй по прежнему въ Москву, на имя Погодина, въ Университетъ.

ХIII.

Писано на бѣлой писчей бумагѣ. Въ опредѣленіи мѣста и года слѣдуемъ Гербелю.

(1842, изъ Москвы).

Я не писалъ къ тебѣ, милой Николай, потому что не былъ въ силахъ, такъ усталъ отъ писемъ и всякихъ тревогъ душевныхъ и тѣлесныхъ и отъ болѣзни моей, которой при-

падки были теперь сильнѣе, нежели когда-нибудь, (такъ) что руки не поднимаются. Цѣлую тебя горячо и сильно нѣсколько разъ. Ты слышалъ, я думаю, уже обо всемъ. Навѣдайся къ Плетневу и узнай отъ него, что и какъ рукопись моя, и чтобы они мнѣ присылали ее какъ можно скорѣе, если дѣло сдѣлано: и типографія и бумага ожидаютъ. Увѣдоми меня хотя строчкой. Никто ко мнѣ не пишетъ, или Бѣлинскій(ій) невѣрный человекъ и не передалъ имъ вовремя писемъ и тетради. Я писалъ къ нему и Одоевск(ому).

XIV.

Писано на бѣлой писчей бумагѣ. Гоголемъ обозначено наверху лишь мѣсто и мѣсяцъ; годъ выставленъ карандашомъ рукою Прокоповича: 1842. Что же касается числа, то оно обозначено Гоголемъ такъ неясно. на самомъ краю страницы, что его нельзя прочесть съ увѣренностію; во всякомъ случаѣ чтеніе Гербла („14“) невѣрно, потому что тогда это письмо становится въ противорѣчіе съ письмомъ Гоголя къ Плетневу отъ 17 февраля 1842 года изъ Москвы (Соч. и письма V, 461); послѣднее было отвѣтомъ на письмо къ Гоголю Плетнева, о которомъ Гоголь говоритъ въ настоящемъ письмѣ къ Прокоповичу, что получилъ его „назадъ тому полторы недѣли“. Т. о., это письмо къ Прокоповичу писано во второй половинѣ февраля 1842 года: см. Сочиненія Н. В. Гоголя, изд. X, подъ ред. Н. С. Тихомирова, т. III, стр. 473, прим. 2.

Москва. Февраль (1842).

Я получилъ твое увѣдомленіе, но такое же самое, назадь тому полторы недѣли, я получилъ уже отъ Плетнева, и, съ тѣмъ вмѣстѣ, было сказано, чтобы я готовился въ печати, что на дняхъ мнѣ придетъ рукопись; а между тѣмъ уже двѣ недѣли прошло. Не затѣялась ли опять какая-нибудь умная исторія? Пожалуста, зайди къ Плетневу и развѣдай. И попроси его, чтобы онъ былъ такъ добръ и заѣхалъ бы самъ къ Уварову и князю Дундукову-Корсакову. Послѣдній былъ когда-то благосклоненъ ко мнѣ. Пусть онъ объяснитъ имъ, что все мое имущество, всѣ средства моего существованія) заключаются въ этомъ, что я прошу ихъ во имя справедливости и человечества, потому что я и безъ того уже много терпѣлъ и терплю, меня слишкомъ истомили, измучили этой исторіей, и что я теряю много уже чрезъ однѣ проволочки, давно лишенный всякихъ необходимыхъ (sic). Словомъ, пусть онъ объяснитъ имъ это. (Не;жели) они будутъ такъ безчувственны? Здоровье мое идетъ пополамъ: иногда лучше, иногда хуже. Но я усталъ

грѣшко всѣми силами и, что всего хуже, не могу совсѣмъ работать. Чувствую(ю), что мнѣ нужно быть подальше отъ всего житейскаго дразгу: онъ меня томить. Прощай. Цѣлую тебя.

XV.

Писано на бѣлой писчей бумагѣ. Гоголемъ выставлены лишь мѣсяцъ и число а годъ и мѣсто—рукою Прокоповича, карандашомъ.

13 марта (1842, изъ Москвы).

Вотъ уже недѣля прошла со времени получения твоего письма и почти двѣ недѣли съ тѣхъ поръ, какъ оно тобою написано, а между тѣмъ я до сихъ поръ не получаю моей рукописи. Я не предчувствовалъ нимало скорого разрѣшенія и, читая твое письмо, я и не думалъ предаваться такой надеждѣ. Мнѣ было только нѣсколько жалко, что ты уже праздновалъ и простодушно предался мысли, что все уже кончено, тогда какъ я чувствовалъ, что еще не все кончено. А время между прочимъ все уходитъ и становится невозможнымъ ея печатанье. Итакъ, ты видишь, что и въ Петербургѣ можетъ завариться путаница изъ простаго дѣла. Но что бы ни было—ничѣмъ я немогу смутиться и ничто не въ силѣ поколебать меня, и также далеко я отъ отчаянія, какъ далеко отъ радости. Узнай о причинѣ всего и увѣдоми меня. Въ „Москвитанинѣ“ не повѣсть моя, а небольшой отрывокъ. Я велѣлъ набрать десятковъ экземпляровъ,—и ты получишь свой отъ Плетнева. Это единственная вещь, которая у меня была годна для журнала. Погдину я долженъ былъ дать что-нибудь, потому что онъ для меня много дѣлалъ. Плетневу я тоже долженъ, хотя до сихъ поръ еще не выполнилъ. Прощай. Обнимаю тебя. Перецѣлуй за меня жену и всѣхъ дѣтей своихъ. И будь здоровъ!

Твой Гоголь.

XVI.

Писано на бѣлой писчей бумагѣ; мѣсяцъ и число выставлены Гоголемъ, а годъ и мѣсто—рукою Прокоповича, карандашомъ.

Марта 25 (1842, изъ Москвы).

Не могу рѣшительно постичь, что сдѣлалось и что могло сдѣлать(ся) съ моей рукописью. Если бы вновь какое препят-

ствіе, объ этомъ дали бы мнѣ знать письмомъ. Ты бы первый, вѣроятно, увѣдомилъ меня; но вотъ уже почти мѣсяць отъ числа, въ которое было пушено твое послѣднее письмо. Уже четвертая недѣля поста къ концу: уже нѣтъ никакой возможности приступать къ печатанью. Боже, какая странн(ая), непостижимая судьба! И я сижу безъ всего, безъ всякихъ средствъ, и нѣтъ впереди тоже никакихъ средствъ, даже надежды. Что же съ нею сдѣлалось? Развѣ пропала на почтѣ? Ради Бога, не мучь меня хотя ты, и дай мнѣ какой-нибудь отвѣтъ. Все оно будетъ лучше, чѣмъ совершенная неизвѣстность.

Твой Гоголь.

XVII.

Писано на бѣлой чистой бумагѣ; Гоголекъ выставленъ только мѣсяць и число, а остальное—рукою Прокоповича, карандашомъ.

Марта 30 (1842, изъ Москвы).

Послѣ полученія письма твоего, я недѣлю еще прождалъ думая, не получу ли какъ-нибудь увѣдомленія объ этомъ неизяснимомъ для меня происшествіи, и наконецъ пишу къ тебѣ. Вотъ уже 30 марта, а рукописи все нѣтъ какъ (нѣтъ). Всякой день я посылаю развѣдывать на почту, и все безплодно. Что со мною дѣлаютъ, такъ пусть имъ Богъ за это проститъ. Тебѣ легко произноси(ть) подобное утѣшеніе: рукописи-де моей все равно хоть къ іюню выйти, она равно разойдется. Она, конечно, разойдется больше, чѣмъ всякая иная книга. Но я беру расхоть ея не въ сравненіи съ другими книгами, а въ сравненіи или въ отношеніи къ ней же самой. Выйди она зимой, мнѣ бы оставалось четыре или пять мѣсяцовъ продажи,—время, въ которое, по моему расчету, успѣло бы выпродаться все первое изданіе, и могло бы къ маю мѣсяцу накопиться денегъ, сколько мнѣ нужно на дорогу. А теперь развѣ только къ зимѣ можетъ что-нибудь набраться, да и это все должно пойти въ уплату прошедшаго времени. Потому что все же таки воздухомъ нельзя жить, и я долженъ теперь издерживать грядущіе прибитки. Притомъ, неужели ты до сихъ (поръ) не можешь понять всю разницу зимняго времени отъ лѣтняго. Какъ можно сказать: пора на такое-то сочиненіе не существуетъ? Пора существуетъ на все. Что такое-

то сочиненіе разошлось много лѣтомъ, это не говорить въ пользу твоего мнѣнія; это значитъ только, что зимою разошло бѣ его вдвое болѣе. Подумай только, что размѣнъ мыслей, новостей и впечатлѣній у насъ производится только зимою. Зимой все соединяется въ общества въ города; все расходится быстро, все узнается всѣми до послѣдней мелкой сплетни. Лѣтомъ все гаснетъ и дремлетъ; сообщенія людей исчезаютъ: одинъ на Кавказѣ, другой за границей, третій зарылся въ деревенско(е) захолустье. Слухи движутся лѣниво, новости и вѣсти едва доносятся; шумъ и крики, способствующіе огласкѣ, умолкаютъ (во)все. Сообщенія нѣтъ, все разъединено. Какъ же ты хочешь, чтобы могли быть эти два противоположныя времени равно благоприятны расходу книги какой бы то ни было. Разница видна, и тебѣ пора это знать, потому что тебѣ предстоитъ дѣятельность по этой части, а какимъ образомъ и какъ,—мы объ этомъ поговоримъ серьезно. Но, клянусь, это непостижимо, что дѣлается съ моею рукописью. Это во всѣхъ отношеніяхъ—чудеса, и всякой другой могъ бы давно сойти съ ума. Я самъ дивлюсь, какъ у меня не переверотилось все въ головѣ. Если бѣ я зналъ по крайней мѣрѣ, гдѣ она, въ какихъ рукахъ, все бѣ это было бы хотя сколько-нибудь утѣшительнѣй. И ты самъ сказалъ такъ не ясно: Плетневъ велѣлъ сказать, что она отправлена въ среду на первой недѣлѣ поста, но какимъ образомъ, имъ ли самимъ или отъ Ценсурнаго Комитета, и какъ отправлена, по почтѣ или съ оказіей—ничего этого не сказалъ. Если выйдетъ какой-нибудь случай, что я не успѣю извернуться въ обстоятельствахъ своихъ, то приготовь мнѣ около пяти тысячъ денегъ. Мы сдѣлаемся въ Петербургѣ. Ты ихъ въ октябрѣ всѣ получишь. Тамъ я тебѣ расскажу обстоятельно, какую обдѣлалъ я для тебя жизненную вѣрную дорогу. Не покупай дома и береги деньги: ты будешь получать двадцатый, если не тридцатый процентъ вѣрно.

ХVIII.

Писано на бѣлой писчей бумагѣ; Гоголемъ выставлено лишь число и мѣсяць, а годъ и мѣсто—рукою Прокоповича, карандашомъ.

9 Апрѣля (1842, изъ Москвы).

Рукопись получена 5 апрѣля. Задержка произошла не на почтѣ, а отъ Ценсурнаго комитета. Увѣдомивши Плетнева, что

отправлена 7 марта, Цenz. Ком. солгалъ, потому что 9-го только подписана она цензоромъ. Выбросили у меня цѣлый эпизодъ Копейкина для меня очень нужный, болѣе даже, нежели думаютъ они. Я рѣшился не отдавать его никакъ. Передѣлалъ его теперь уже такъ, что никакая цензура не можетъ придраться. Генераловъ и все выбросилъ и посылаю его къ Плетневу для передачи цензору.

Пожалуста, навѣдайся къ нему и узнай. Больше всего для меня опасна проволочка. Рукопись начата печататься, и потому задержка мнѣ весьма повредить. Мнѣ странно, что ты не получилъ экземпляра „Рима“, тогда какъ Плетневъ прежде всего долженъ былъ доставить тебѣ, потому что ты виновникъ былъ того, что и другимъ досталось по экземпляру. Изъ-за тебя я велѣлъ отпечатать пятнадцать брошюръ отдѣльно. Да что же ты меня не увѣдомишь и не расскажешь о слухахъ и толкахъ? Ты хоть и уединенно живешь, но все же до тебя доходитъ кое-что. Теперь рукопись моя, вѣроятно, таскалась по рукамъ многихъ: стало быть, о ней говорятъ. Я же страхъ люблю слышать всѣ толки, особенно жесткіе толки и взгляды съ неблагоприятныхъ сторонъ. Они мнѣ теперь вѣ нужны до послѣдняго. Прощай, душа моя! Цѣлую тебя; жду съ нетерпѣньемъ времени свиданья и встрѣчи, чтобъ о многомъ поговорить съ тобой.

Твой Гоголь.

ХІХ.

Писано на бѣлой писчей бумагѣ. Гоголемъ выставлено только чело и ис-сладъ, а остальное—рукою Прокоповича, карадашомъ.

Апрѣля 15 (1842, изъ Москвы).

Чтоже ты замолчалъ? Теперь переписка завязалась между нами, и потому не должна уже прерываться никогда. Она обратилась въ дѣльную, а это ручательство за ея долговременность и аккуратность. Прежде всего: къ Плетневу о „Копейкинѣ“. Я боюсь, что бы не затянулось, а безъ „Копѣйкина“ я не могу и подумать выпустить рукописи. Скажи, что я молю отставать во что бы то ни было. Просто страмъ (sic) цензурѣ, потому что теперь въ томъ видѣ, какъ я передѣлалъ и послалъ къ Плетневу, никакая цензура не можетъ сдѣлать привязки. Если

имя Копѣйк(ин)а ихъ остановить то я готовъ назвать его Пят-
винимъ и чѣмъ ни попало. Впрочемъ, имя Копѣйкина вездѣ
въ другихъ мѣстахъ оставила цензура. Теперь второе: руко-
пись моя, безъ сомнѣнiя, уже побывала во многихъ рукахъ
въ Петербургѣ: стало быть, о ней носятя толки. Пожалуста,
развѣдай, какъ и что говорятъ о ней, и, если можно, пере-
скажи мнѣ съ сохраненiемъ самой физиогномiи замѣчанiй. Это
мнѣ очень нужно и полезно. Наконецъ, третье: навести тебя
на движенiе и на дѣятельную работу могу только одинъ я, а
какимъ образомъ,—объ этомъ поговоримъ при встрѣчѣ, и ты
почувствуешь истинну словъ моихъ. Печатанье мое шло бы
успѣшно, но праздники помѣшали въ продолженiи почти пол-
торы недѣли. Нельзя никакими силами заставить здѣсь набор-
щиковъ работать. Прощай. Цѣлую тебя. Пиши и не лѣнись.
Ты видишь, что теперь письма пишутся почти сами собою.

XX.

Писано на бѣлой писчей бумагѣ. Годъ не выставленъ Гоголемъ, но рукою
Прокоповича помѣчено карандашомъ: 1842.

Москва. Мая 11 (1842).

Ты удивляешься, я думаю, что до сихъ поръ не выходятъ
„Мертвыя Души“. Всѣ дѣло задержалъ Никитенко. Какой не-
лѣ(пый) человекъ! Болѣе полутора мѣсяца онъ держитъ у себя
листы „Копѣйкина“ и хоть бы увѣдомилъ меня однимъ сло-
вомъ, а между тѣмъ всѣ листы набраны уже недѣлю тому на-
задъ, и типографiя стоитъ, а время это мнѣ слишкомъ дорого.
Но Богъ съ ними со всѣми! Вся эта исторiя есть пробный
камень, на которомъ я долженъ испытать, въ какомъ отношенiи
ко мнѣ находятся многiе люди. Я пожду еще два дни и, если
не получу отъ Никитенка, обращусь вновь въ здѣшнюю цен-
зуру, тѣмъ болѣе что она чувствуетъ теперь раскаянiе, такимъ
образомъ поступивши со мною. Не пишу къ тебѣ ни о чемъ,
потому чрезъ недѣли двѣ буду, можетъ быть, самъ у тебя, и
мы поговоримъ обо всемъ и о дѣлѣ, отъ котораго, какъ самъ
увидишь, много будетъ зависѣть твое положенiе и твоя дѣятель-
ность. Я получилъ письмо отъ Бѣлин(скаго). Поблагодари его.
Я не пишу къ нему, потому что минуты не имѣю времени, и

письма гоголя.

3

потому что, какъ самъ онъ знаетъ, обо всемъ этомъ нужно потрактовать и поговорить лично, что мы и сдѣлаемъ въ нынѣшній проѣздъ мой чрезъ Петербургъ. Прощай. Будь здоровъ, гвердь и крѣпокъ духомъ, и надѣйся на будущее, которое будетъ у тебя хорошо, если только ты вѣришь мнѣ, дружбѣ и мудрости, которая не даромъ дается человѣку.

Твой Гоголь.

XXI.

Писано на бѣлой писчей бумагѣ. Гоголемъ выставлено только число и мѣсяцъ, а рукою Прокоповича, карадашомъ, мѣсто и годъ.

15 Мая (1842, изъ Москвы)

Благодарю тебя именно за то, что ты въ день 9 мая¹⁾ написалъ письмо ко мнѣ. Это было движеніе сердечное; оно сквозитъ и слышно въ твоихъ строкахъ. Я хорошо провелъ день сей, и не можетъ быть иначе: съ каждымъ годомъ торжественнѣй онъ для меня становится. Нѣтъ нужды, что не сидятъ за пиромъ пировавшіе прежде: они присутствуютъ со мной неотразимо, и много присутствуетъ съ ними другихъ, дотолѣ небывавшихъ на пирѣ. Ничтожна грусть твоя, которая на мгновенье осѣнила тебя въ сей день; она была поддѣльная, ложная грусть: ибо ничего, кромѣ просвѣтлѣнья мыслей и предчувствій чудеснаго грядущаго, не долженъ заключать сей день для всѣхъ, близкихъ моему сердцу. Обманула тебя, какъ ребенка, мысль, что веселье твое уже смѣнилось весельемъ новаго поколѣнья. Веселье твое еще и не начиналось. Запечатлѣй же въ сердцѣ сіи слова: ты узнаешь и молодость, и крѣпкое, разумное мужество, и мудрую старость. Узнаешь ихъ прекрасно, постепенно, торжественно-спокойно, какъ, непостижимой Божьей властью, я чувствую отнынѣ всѣхъ ихъ разомъ въ моемъ сердцѣ. Девятого же мая я получилъ письмо отъ Данилевскаго. Оно меня утѣшило. Я за него спокоенъ. Три-четыре слова, посланныя мною еще изъ Рима, низвели свѣжесть въ его душу. Я и не сомнѣвался въ томъ, чтобы не настало, наконецъ, для него время силы и дѣятельности. Онъ свѣтло и твердо стоитъ теперь

¹⁾ День именинъ Гоголя.

на жизненной дорогѣ. Очередь твоя. Имѣй въ меня каплю вѣры,—и живящая сила отдѣлится въ твою душу. Я увижу тебя скоро, можетъ быть черезъ двѣ недѣли. Книга тоже выдетъ къ тому времени; все почти готово. Прощай. До свиданья.

Твой Г.

О книгѣ можно объявить. Постарайся объ этомъ. Попроси Бѣлинскаго, чтобы сказалъ что-нибудь о ней въ немногихъ словахъ, какъ можетъ сказать не читавшій ея. Отправься также къ Сенковскому и попроси отъ меня помѣстить въ литератур(ныхъ) новостяхъ извѣстie, что скоро выдетъ такая-то книга, такого-то, и больше ничего. Въ этомъ, кажется, никто изъ нихъ не имѣетъ права отказать. Я думаю, я всѣ экземпляры, назначенные въ Петербургъ, отправлю къ тебѣ,—и потому ты объяви это заранѣе книгопродавцамъ, чтобы они говорили заранѣ, сколько каждому нужно экземпляровъ. На комиссію я никогда не отдавалъ своихъ книгъ, и потому ты можешь (объявить), что деньги они должны будутъ тебѣ внести въ минуту полученія книгъ, безъ чего они не будутъ имъ выданы. Прощай!

XXII.

Писано на бѣлой почтовой бумагѣ небольшого формата. Годъ Гоголемъ не помѣченъ, но рукою Прокоповича отиѣчено карандашомъ: 1842.

Гастейнъ. Іюль 27/18 (1842).

Я къ тебѣ еще не посылаю остальныхъ двухъ лоскутковъ, потому что многое нужно переправить, особливо въ „*Театральномъ разгъздѣ послѣ представленія новой пьесы*“. Она написана сгоряча, скоро послѣ представленія „Ревизора“, и потому немножко нескромна въ отношеніи къ автору. Ее нужно сдѣлать нѣсколько идеальнѣй, т. е. чтобы ее примѣнить можно было ко всякой пьесѣ, задирающей общественныя злоупотребленія, а потому я прошу тебя не намекать и не выдавать ее, какъ написанную по случаю „Ревизора“.

При корректурѣ втораго тома, прошу тебя дѣйствовать какъ можно самоуправнѣй и полновластнѣй: въ „*Тарасъ Бульба*“

много есть погрѣшностей писца. Онъ часто любитъ букву и; гдѣ она не у мѣста, тамъ ее выбрось; въ двухъ-трехъ мѣстахъ я замѣтилъ плохую грамматику и почти отсутствіе смысла. Пожалуста, поправь вездѣ съ такою же свободою, какъ ты переправляешь тетради своихъ учениковъ. Если гдѣ частое повтореніе одного и того же оборота періодовъ, дай имъ другой, и никакъ не сомнѣвайся и не задумывайся, будетъ ли хорошо,—все будетъ хорошо¹⁾. Да вотъ что самое главное: въ нынѣшнемъ спискѣ слово: слышу, произнесенное Тарасомъ предъ казнью Остапа, замѣнено словомъ: чую. Нужно оставить по прежнему, т. е. *Батько, идѣ ты? Слышишь ли ты это? Слышу.* Я упустилъ изъ виду, что къ этому слову уже привыкли читатели и потому будутъ недовольны переменною, хотя бы она была и лучше. Да, пожалуста, попроси Бѣлинсваго отпечатать для меня особенно листки критики „Мертвыхъ Душъ“, если она будетъ въ „Отечест. Запис.“ на бумагѣ, если можно, потонѣе, чтобы можно было прислать мнѣ ее прямо въ письмѣ, и присылай мнѣ по листамъ, по мѣрѣ того какъ будетъ выходить. Еще: я совсѣмъ позабылъ, что „Ревизоръ“ безъ конца. Писецъ не разобралъ примѣчаній объ нѣмой сценѣ и оставилъ чистое мѣсто. Вотъ конецъ²⁾.

Всѣ эти слова, само собою разумѣется, надобно напечатать курсивомъ.

Еще въ статьѣ „Характеры и костюмы“, которая предшествуетъ комедіи, нужно прибавить на концѣ слѣдующее³⁾.

Прощай. Цѣлую тебя и обнимаю нѣсколько разъ. Пиши, хотя по нѣскольку строкъ, но пиши. Адресуй первое письмо въ Венецію, *Poste restante*, слѣдующія—въ Римъ. Въ Венеціи я пробуду до 1-хъ числъ сентября.

Твой Гоголь.

¹⁾ См. сочиненія Н. В. Гоголя, изд. 10, подъ ред. Н. С. Тихонравова, т. I, стр. IX—X, 658—659.

²⁾ Далѣе въ письмѣ слѣдуетъ заключительная сцена изъ „Ревизора“, которую мы не приводимъ, такъ какъ она всецѣло принята въ соображеніе Н. С. Тихонравовымъ при редакціи этой комедіи Гоголя въ X изданіи его „Сочиненій“.

³⁾ Далѣе слѣдуетъ заключительная часть „Замѣчаній для господъ актеровъ“, которую мы не приводимъ по тому же основанію, что и заключительную часть „Ревизора“.

XXIII.

Писано на клочкѣ почтовой синей бумаги. Годъ не выставленъ Гоголемъ, но рукою Прокоповича отмѣчено карандашомъ: 1842. На оборотѣ адресъ: „A St-Petersbourg (en Russie). Его Высокоблагородію Николаю Яковлевичу Прокоповичу. Въ С.-Петербургѣ, на Васильевскомъ Островѣ, между Большимъ и Среднимъ проспектомъ, въ 9 линіи, въ собственномъ домѣ“. Почтовый штампель: „Bad Gastein. 11 Sep. 1842“.

Гастейнъ, $\frac{10 \text{ сентября}}{29 \text{ августа}}$ (1842).

Не получая отъ тебя никакого до сихъ поръ письма, я полагаю, что дѣла наши идутъ безостановочно и въ надлежащемъ порядкѣ. Я немного замедлилъ отсылкою остальныхъ статей. Но нельзя было никакъ: столько нужно было сдѣлать разныхъ поправокъ. Посылаемую нынѣ (піэсу) „Игроки“ въ силу собралъ. Черновые листы такъ были уже давно и не разборчиво написаны, что дали мнѣ работу страшную разбирать. Но болѣе всего хлопотъ было мнѣ съ остальной пьесой: „Театральный Разъѣздъ“. Въ ней столько нужно было передѣлывать, что, влянусь, легче бы мнѣ написать двѣ новыхъ. Но она заключительная статья всего „Собранія сочиненій“, и потому очень важна и требовала тщательной отдѣлки. Я очень радъ, что не трогалъ ее въ Петербургѣ, и не спѣшилъ съ нею. Она была бы очень далека отъ значенія нынѣшняго, а это было бы совсѣмъ не хорошо. Переписка ее еще не кончена. Не сердись; ты не понимаешь, какъ трудно переписывать и стараться быть четкимъ въ такомъ мелкомъ шрифтѣ. Порядокъ статей послѣдняго тома ты, я думаю ¹⁾... „Ревизоръ“, потомъ „Женидьба“ и подъ нею написать въ скобкахъ: (писана въ 1833 году) ²⁾... на одномъ бѣломъ листѣ: „Драматическія отрывки и отдѣльныя сцены, съ 1832 по 1837 годъ“, а на другомъ, вслѣдъ за нимъ: „Игроки“, съ эпиграфомъ, потомъ всякая піеса съ своимъ главнымъ листомъ: „Утро дѣловаго человѣка“, „Тяжба“, „Лакейская“, „Сцены изъ свѣтской жизни“, „Театральный разъѣздъ послѣ представленія новой комедіи“. Получилъ ли хвостъ „Ревизора“, посланный мною три недѣли тому назадъ? Увѣдоми обо всемъ. Все лучше знать, чѣмъ не знать. И будь еще такъ добръ: вѣрно, ходятъ какіе-нибудь толки о „Мертв. Душахъ“. Ради дружбы нашей, доведи ихъ до моего свѣдѣнія, каковы бы

¹⁾ и ²⁾ Вырвано по одному слову.

они ни были и отъ кого бы ни были. Мнѣ всё они равно нужны. Ты не можешь тебѣ представить, какъ они мнѣ нужны. Не дурно также означить, изъ чьихъ устъ вышли они. Самому тебѣ, понятно, не удастся много услышать, но ты можешь поручить кое-кому изъ тѣхъ, которые болѣе обращаются съ людьми и бывають въ какомъ бы ни было свѣтѣ. Прощай! Обнимаю тебя и цѣлую сильно. Адресуй прямо въ Римъ (Poste restante). Черезъ двѣ недѣли я уже буду въ Римѣ. Будь здоровъ и да присутствуетъ въ твоёмъ духѣ вѣчная свѣтлость, а, въ случаѣ недостатка ея, обратись мыслію ко мнѣ, и ты просвѣтлѣешь непремѣнно, ибо души сообщаются, и вѣра, живущая въ одной, переходитъ невидимо въ другую. Прощай.

Твой Гоголь.

Окончаніе „Игроковъ“ ¹⁾.

XXIV.

Писано на почтовой синей бумагѣ большого формата Годъ выставленъ карандашомъ рукою Прокоповича: 1842. На оборотѣ адресъ: „St-Petersbourg, Russie. Николаю Яковлевичу Прокоповичу. С.-Петербургъ, на Васильевскомъ Островѣ, въ 9 линіи, между Большимъ и Среднимъ проспектомъ, въ домѣ Прокоповичевой“. Почтовые штемпели: „Direzione di Roma 28 ott 42“, „Stato Pontificio“ и „Получено 1842, пол. 5, полдень“. Пропуски нѣкоторыхъ слоговъ или словъ въ началѣ и концѣ этого письма (замѣненные у насъ точками или, по догадкѣ, восстановленные въ скобкахъ) объясняются тѣмъ, что въ подлинникѣ оторванъ съ лѣваго боку верхній и нижній углы, и есть прорывающія мѣста въ серединѣ. Вообще это письмо сохранилось плохо.

Римъ. Октября 22/10 (1842).

(Болѣ)знь моя была причиной, что до сихъ поръ не выслалъ тебѣ (заключительной) піэсы, которую теперь посылаю. Едва справляюсь... могъ кое-какъ переписать ее. Хотя она все еще вовсе не въ томъ (видѣ, въ) какомъ бы желалъ, и хотя многое слѣдовало бы выправить и ...ть. Но такъ и быть. Авось либо простятъ и припишутъ времени... и молодости автора, какъ оно дѣйствительно и есть, ибо писано давно. (Если) мое замедленіе и молчаніе повергло тебя въ изумленіе и ...е то,

¹⁾ Въ теперешнемъ своемъ видѣ подлинникъ этого письма тѣмъ и оканчивается; вторая половина его отрѣзана, но, по указанію Гербала („Русское Слово“ 1859, I, 121), далѣе слѣдовалъ текстъ окончанія „Игроковъ“ и затѣмъ такая приниска Гоголя: „NB. Само собою разумѣется, что переписать все это нужно писцу, по примѣру прочихъ, разгонисто и четко, чтобы цензоръ могъ прочесть удобнѣе“.

съ другой стороны, твое молчаніе мнѣ кажется также (не-
пост)ижимо. Ну чтобы увѣдомить меня хотя одною строчкой,
какъ идетъ дѣло и печатанье! Я послалъ тебѣ три письма и ни
на одно (ни) строчки отвѣта. Въ одномъ письмѣ я тебѣ послалъ
конецъ („Ревизора“, въ другомъ письмѣ „Игрововъ“; написалъ
тебѣ порядокъ, въ какомъ должно быть и слѣдовать одно за дру-
гимъ. Писалъ, чтобы въ „Тарасѣ Бульбѣ“ удержатъ по преж-
нему: слышу, вмѣсто—чую. Подъ комедіей „Женидьба“ выста-
вить годъ, въ который писана (1833). За нею особенный листъ
съ титуломъ: Отдѣльныя сцены и драматическіе отрывки (съ
1832 по 1837 годъ). Потомъ такой порядокъ: „Игроки“, „Утро
дѣловаго человѣка“, „Тяжба“, „Лакейская“, „Сцена изъ свѣт-
ской жизни“, „Театральный разъѣздъ“. Всякая съ особымъ пе-
редовымъ листомъ. Сдѣлай милость, увѣдоми меня обо всемъ.
Теперь, кажется, никакой нѣтъ ужь помѣхи, а потому благо-
словляю оканчивать печатанье, да и пускать книгу въ продажу.
Если печатанье взяло много издерже(къ), и книга вышла толще,
нежели предполагалось, то можно пустить по 30 рублей. Пер-
вые экземпляры сей же часъ послать въ Москву: одинъ Шевы-
реву, другой Сергѣю Тимофѣевичу Аксакову, третій Хомякову,
четвертый Погодину. Всѣ можно адресовать на имя Шевырева,
съ просьбой, чтобы онъ поскорѣ вручилъ имъ. Въ Петерб(ур)гѣ
первые экземпляры: гр. Вельегорскому (живетъ возлѣ Михай-
лов. Театра), Александрѣ Осиповнѣ Смирновой (на Мойкѣ, въ
собственномъ домѣ, за Синимъ мостомъ, за домомъ Ам. Компа-
ніи), Плетневу само по себѣ разумѣется, Вяземскому. Нужно
распорядиться такъ, чтобы „Ревизоръ“ и „Женидьба“ отданы
были вскорѣ послѣ отпечатанья въ театральную цензуру, что-
бы не были тамъ задержаны долго, ибо нужно, что бы все это
поспѣ(ло) къ бенефису Щепкина и Сосницкаго. Не дурно (бу-
детъ) тебѣ съѣздить потомъ (къ Сос)ницкому (и сказа)ть ему,
что мое желанье таково, чтобы ихъ бенефисы прилились (въ
одинъ) день. Чтобы „Женидьба“ была представлена въ одинъ
день и въ (Москвѣ) и въ Петербургѣ. Что такимъ образомъ,
какъ (ему) извѣстно, я хотѣлъ (и пре)жде. И потому, чтобы онъ
съ своей стороны постарался тоже (объ уст)раненіи всякаго рода
препятствій. Если театральная цензура... привязчива и будетъ
вычеркивать кое-какія выраженія, то обратись (къ Вель)егор-
скому и скажи ему, что я очень просилъ его сказать цензору...
слова два, особливо если ценсоръ—Гедеоновъ, котораго Велье-

горскій знаетъ... объ этомъ очень просилъ. На щеть этого не дурно бы также (посовѣ)товаться съ Краевскимъ, который, кажется, знаетъ всѣ цензурныя... Я напишу отъ себя письмецо къ Никитенкѣ, которому поклонись отъ меня (ус)ердно. И, пожалуйста, сію же минуту по полученіи этого письма увѣдоми... Адресуй мнѣ Via Felice, N 126,3 piano. Будь здоровъ. Цѣлую тебя сто разъ... по прежнему, люби такъ, какъ я тебя люблю. Въ слѣдующемъ письмѣ поговоримъ... обо всемъ, и о тебѣ и о мнѣ. Спѣшу отправить на почту. Перецѣлуй за меня всѣхъ... Пожалуйста, не замедли извѣщеніемъ обо всемъ. Кланяйся всѣмъ помнящимъ меня... Бѣлинскому, Комарову.

Твой Г.

XXV.

Писано на почтовой синей бумагѣ средняго формата. Гоголемъ выставленъ только мѣсяцъ и число, а годъ и мѣсто помѣчены карандашомъ рукою Прокоповича. На оборотѣ второго листа адресъ: „S. Petersbourg, Russie. Николаю Яковлевичу Прокоповичу. Въ С.П.Бургѣ, на Васильевск. Островѣ, въ 9 линіи, между Большимъ и Средн. проспек. въ собствен. домѣ“. Почтовые штемпеля: „Direzione di Roma 28 nov. 1842,“ „V. Stato Pontificio“ и „Получено 1842, дек. 6, полдень“.

(Римъ.) Ноябрь 28/14 (1842)

Вчера получилъ твое письмо. Благодарю тебя за него и за всѣ старанья и хлопоты. Ты, я думаю, уже давно получилъ „Развѣздъ“. Онъ болѣ мѣсяца, какъ посланъ къ тебѣ. На щеть намѣренія твоего назвать „Свѣтскую сцену“ просто „Отрывкомъ“, я совершенно согласенъ, тѣмъ болѣе, что прежнее названіе было выставлено такъ только, въ ожиданіи другого. На щеть разныхъ корсарствъ въ мои владѣнія, о которыхъ, признаюсь, мнѣ неприятеѣ всего было слышать, я пишу письмо къ Плетневу, чтобъ онъ переговорилъ лично съ Геденовымъ обо всемъ этомъ. А между тѣмъ объяви всѣмъ и распространи слухъ, что я слишкомъ задѣтъ наглостью передѣльвателей и намѣренъ искать законнымъ порядкомъ на него (sic) управы, что, дескать, сочиняю закатистую просьбу къ вакому-то важному лицу. Это нѣсколько устрашитъ заблаговременно охотниковъ. Всѣ драматическія сцены, составляющія четвертую часть, принадлежатъ всѣ Щепкину. Это нужно разгласить и распростра-

нить тоже, чтобы меня не беспокоили и не тревожили другіе актеры какими-нибудь письмами и просьбами. На всякую просьбу Щепкина снисходи и постарайся, чтобы сдѣлано было все, что онъ просить. Половина драматическихъ отрывковъ должна остаться ему для будущаго бенефиса въ будущемъ году, потому что для театра, вѣроятно, я ничего не произведу никогда. Не дурно распространить и сдѣлать предметомъ разговора, что ни въ одномъ образованномъ государствѣ не можетъ никакой антрепренеръ перетаскать на сцену сочиненія, не испрося согласія автора, и что если авторъ найдетъ три строки, взятыя цѣликомъ изъ его произведенія и не приведенныя въ смыслѣ цитаты, то имѣетъ право производить судебнымъ порядкомъ искъ о похищеніи и воровствѣ, и воръ ничѣмъ не разнится въ наказаніи отъ уличнаго вора. Этому постановленію нужно дать гласность, и чтобы о немъ всѣ говорили. Въ моемъ дѣлѣ больше значить общій голосъ и крикъ, чѣмъ частныя хлопоты. Ты это самъ поймешь.

Въ „Женидьбѣ“, я вспомнилъ, вкралась важная ошибка, сдѣланная отчасти писцомъ: Кочкаревъ говоритъ, что ему плевали нѣсколько разъ, тогда какъ онъ это говоритъ о другомъ. Эта бездѣлица можетъ дать ему совершенно другой характеръ. Монологъ этотъ долженъ начинаться вотъ какъ:

„Да что жъ за бѣда? Вѣдь инымъ плевали нѣсколько разъ, ей Богу! Я знаю тоже одного: прекраснѣйшій собой мужчина, румянецъ во всю щеку; до тѣхъ поръ егосилъ и надоѣдалъ своему начальнику о прибавкѣ жалованья, что тотъ наконецъ не вынесъ: плюнулъ въ самое лицо, ей Богу! „Вотъ тебѣ, говорить, твоя прибавка; отвязись, сатана!“ и проч. и проч.

Если уже набрана и напечатана эта страница, вели перепечатать. На заглавномъ листкѣ къ „Женидьбѣ“ вставленъ не весь титулъ. Должно вотъ какъ:

Женидьба.

Совершенно невѣроятное событіе,
въ двухъ дѣйствіяхъ.

И потому прибавь это. Также въ „Игрокахъ“ пропущено одно выраженіе, довольно значительное, именно, когда Утѣшительный мечетъ банкъ и говоритъ: „На, вѣмецъ, возьми, съѣшь свою семерку!“ Послѣ этихъ словъ слѣдуетъ прибавить: „Рутѣ! рѣшительно рутѣ! просто карта-фоска!“ Эту фразу включи непре-

мѣнно. Она настоящая армейская и въ своемъ родѣ не безъ достоинства. Благодарю тебя за передачу кое-какихъ мнѣній и сужденій о М. Д. Продолжай и впредь. Это будетъ мнѣ всегда лакомымъ подаркомъ. Цѣлую тебя отъ всей души и жду непременно письма.

Твой Г.

XXVI.

Писано на бѣлой почтовой бумагѣ среднего формата. Годъ Гоголець не выставленъ, но рукою Прокоповича обозначено карандашомъ (уже теперь на половину стершимся): 1843. На оборотѣ второго листа адресъ: „St. Peterbourg. Russie. Его Высокоблагородію Николаю Яковлевичу Прокоповичу. Въ С.П.-бургѣ, на Васильевскочь Остр. между Больш. и Среднимъ проспектомъ въ 9 линіи, въ домѣ г-жи Прокоповичевой“. Почтовые штемпели: „Direzione di Roma 30...43“, „V Stato Pontificio“ и „Получено...апр. 8, полдень“.

Марта ²⁰/₁₆ Римъ (1843).

Письмо твое и билетъ на 550 получилъ. Благодарю тебя много за все и въ теперешнюю минуту болѣе всего за письмо, какъ оно ни коротко и ни поспѣшно. Я уже нѣсколько мѣсяцевъ безъ писемъ. Точно, какъ будто вдругъ всѣ сговорились не писать ко мнѣ. Ради Бога, не пропускай писать. Мнѣ не нужно длинныхъ писемъ. Пиши въ попыткахъ, наскоро и никакъ не ожидай расположенія или свободной минуты. Двухъ строкъ самыхъ пустыхъ мнѣ иногда бываетъ достаточно. Теперь, въ минуты моихъ трудовъ, скитанія по свѣту и всякихъ суровыхъ внутреннихъ воспитаній, мнѣ нужнѣй, чѣмъ когда либо, слова близкихъ душъ моей; о чемъ бы они ни были и какія бы ни были, они равно мнѣ живительны. Поблагодари отъ души всѣхъ принимавшихъ участіе относительно дѣлъ моихъ, начиная съ добраго ценсора моего Никитенка. Краевского и Бѣлинскаго поблагодари тоже много, и не забудь увѣдомить меня о толкахъ, какіе ходятъ во всякаго рода публикахъ касательно моихъ сочиненій. Прощай! Цѣлую и обнимаю тебя. Отвѣтъ на это письмо можешь адресовать мнѣ уже въ Гастейнъ, въ Тиролю, гдѣ я буду (около) 1-хъ чиселъ маія, ибо въ апрѣлѣ, послѣднихъ чиселъ, подымусь изъ Рима. Обними за меня жену и дѣтей.

Твой Г.

На экземпляры не скупись и роздавай, если окажется нужно; по востребованію Плетнева или Шевырева отпуская, сколько ни скажутъ.

XXVII.

Писано на бѣлой почтовой бумагѣ средняго формата. Годъ не обозначенъ. На оборотѣ второго листка адресъ: St. Petersburg. Russie. Его Высочайшій Николай Яковлевичу Прокоповичу. Въ С.-Петербургѣ, на Васильевск. Островѣ, въ 9 линіи, между Большимъ и Среднимъ проспектомъ, въ собствен. доми". Почтовые штемпели: „Dir.ione di Roma 18 apr. 43", „Stato Pontificio" „Получено 1843 апр. 25, полдень."

Римъ 27/4 апрѣля (1843).

Въ прибавленіе къ письму, пущенному недѣлю назадъ, пишу другое, болѣе дѣловое, потому что тогда я не могъ писать о дѣлахъ, будучи внутренно разстроены болѣе моимъ болѣзненнымъ припадкомъ. Высылкою другихъ 500 франковъ повремени; впрочемъ, ты, я думаю, и безъ того это сдѣлаешь, вникнувши, что по такимъ мелочамъ мнѣ не можетъ быть полезна присылка, кромѣ того, что хлопотлива съ обоихъ сторонъ. Шевыревъ, эта рѣдкая душа, онъ прислалъ мнѣ четыре тысячи изъ своихъ. Въ Москву дошли слухи, что я сижу уже болѣе шести мѣсяцевъ безъ копѣйки денегъ. Я, признаюсь, ихъ обманулъ: предъ выѣздомъ я сказалъ, что мнѣ деньги не нужны, что у тебя есть деньги, и я возьму въ щетъ печатающихъ(ся) экземпляровъ. Мнѣ хотѣлось, чтобы скорѣй какъ можно выплатилась хотя половина моихъ долговъ изъ продажи М. Д., и чтобы не брать оттуда для себя ни копѣйки до того времени, тѣмъ болѣе, что я видѣлъ собственными глазами, какъ нуждались во многомъ великодушно ссудившіе меня. Не могу до сихъ (поръ) вспомнить безъ глубокаго душевнаго умиленія о той помощи и о тѣхъ вѣжныхъ участіяхъ, которые шли ко мнѣ всегда изъ Москвы. Петербургу просто некогда подумать обо мнѣ. Кому, на примѣръ, придетъ въ голову сдѣлать вопросъ: этотъ человѣкъ ниоткуда не получаетъ ни копѣйки дохода, ничего не печатаетъ въ теченіи шести лѣтъ,—чѣмъ онъ живетъ въ это время, при разстроенномъ здоровьѣ, при частыхъ и необходимыхъ для него перѣздахъ изъ климата въ климатъ, изъ земли въ землю? Два раза я могъ бы просто умереть отъ нужды и голода, и обо мнѣ со-

ставилась бы, можетъ быть, довольно трогательная исторія, какъ о многихъ талантахъ, оконченѣвшихъ во время окружавшихъ призраковъ славы и прочаго; но великодушные друзья мои умѣли проникнуть то, что можетъ только проникнуть одно нѣжное участіе, умѣли предложить мнѣ такимъ образомъ, чтобы я даже и подумать не могъ, что это съ ихъ стороны какое-нибудь одолженіе, и сдѣлали это большею частію тѣ, которые меньше всего имѣли средствъ помочь. Итакъ, если я тебѣ дорогъ и душѣ твоей радостно, что живу еще на свѣтѣ, то этимъ ты обязанъ имъ. Но это нѣсколько отдалило насъ отъ дѣлъ. Итакъ, приступимъ къ нимъ. Ты, я думаю, очень удивляешься моей безпечности, что я до сихъ поръ тебѣ не даю никакой инструкціи относительно распредѣленія денегъ и прочаго. Но я былъ слишкомъ занятъ прежде всего скорѣйшимъ окончаніемъ и появленіемъ книгъ въ свѣтъ и, признаюсь, вообще мнѣ тяжело хлопотать о моихъ дѣлахъ: это меня утомляетъ страхъ. Впрочемъ, ты, какъ видно, тоже захлопотанъ. Ты не написалъ мнѣ даже въ письмѣ своемъ, выслалъ ли ты Шевыреву тысячу экземпляровъ, какъ я писалъ тебѣ. Эти экземпляры непременно тамъ нужны подъ бокомъ, для уплаты остальныхъ долговъ моихъ и удовлетворенія самыхъ необходимыхъ потребностей матери и сестеръ моихъ, которыя находятся теперь не въ очень завидномъ состояніи, такъ какъ уже мнѣ много приходилось терпѣть по причинѣ невысылокъ своевременныхъ денегъ. [Это вещь слишкомъ для меня теперь серьезная и важная. Отъ этого у меня много пропадаетъ времени. Когда мнѣ нужно вдругъ сорваться съ мѣста и ѣхать въ другую землю, тогда это нужно сдѣлать вдругъ. Съ этимъ слишкомъ связана творческая моя способность, обновленіе, освѣженіе и та неизъяснимая мнѣ самому потребность, неудовлетвореніе которой оканчивалось тяжкимъ состояніемъ и, наконецъ, просто моральною и физическою болѣзнью]. Итакъ, я рѣшился разъ на всегда оставить постоянные сроки, два раза въ годъ, въ которымъ непременно были бы деньги и дожидали бы меня въ городѣ и мѣсяцѣ, которыя я назначу. До сихъ поръ Шевыревъ, какъ я вижу, точнѣй и аккуратнѣй всѣхъ. Для него нѣтъ задержекъ: не наберутся деньги, онъ займетъ, а къ сроку поставитъ. Я рѣшилъ расположить дѣло вотъ какъ: половина дѣлъ моихъ—въ Петербургѣ, а половина—въ Москвѣ. Сроки—одинъ къ первому маю

европейскаго стиля, другой къ 1-му октябрю европейскаго стиля. Нѣсколькими днями раньше—лучше. Всякая половина состоятъ изъ трехъ тысячъ рублей. Деньги будутъ высылаемы тобою и Шевыревымъ. За два мѣсяца до срока или за мѣсяць вы должны увѣдомить другъ друга о томъ, накопилось ли достаточное количество денегъ. Если Шевыревъ тебѣ напишетъ, что деньги есть и можетъ выслать онъ, тогда ты долженъ придержать ихъ для другихъ распредѣлений. А эти распредѣленія покажѣсть вотъ какія: Жуковскому послать въ Дюсельдорфъ, въ число моего долга, 4-ре тысячи рублей. У Данилевскаго спросить, заплатила (ли) ему маменька тѣ деньги, которыя онъ ей предложилъ? Если нѣтъ, то выслать ему немедленно. Эти деньги, я знаю, у него были послѣднія. Одна только великодушная душа его могла сдѣлать таковой поступокъ и такъ жестоко лишитъ себя. Если Шевыревъ напишетъ тебѣ, что онъ занялъ или выслалъ свои, то, натурально, тогда накопленные деньги должны поступать въ уплату Шевыреву. Вотъ покажѣсть тебѣ распоряженіе. Напиши, пожалуйста, Шевыреву отчетъ по книгѣ и всемъ, относящемся къ этой части, чтобы они тебя не винили въ томъ, что я шесть мѣсяцовъ сидѣлъ безъ денегъ, въ чемъ ты невиноватъ нисколько; но, такъ какъ самъ ты ¹⁾ знаешь, на свѣтѣ не безъ добрыхъ людей и охотниковъ сочинять всякіе слухи, а Москва отъ Петербурга далеко, то я почти увѣренъ, что есть уже какіе-нибудь рассказы. А потому, лучше всего, если ты въ немногихъ, отчетливыхъ словахъ представишь ему всю ясность дѣла. Затѣмъ, обнимая тебя всей силою любви и дружбы и всю твою семью отъ малыхъ до большихъ, поздравляю васъ всѣхъ съ праздникомъ и напоминаю тебѣ вновь о прежней просьбѣ моей—писать, хотя бы вовсе не было о чемъ писать. Двухъ самыхъ ничтожныхъ строчекъ уже будетъ съ меня довольно. Еще разъ повторяю: для меня слишкомъ теперь значительны письма близкихъ душъ моей. Нельзя ли такъ завеста, чтобы (писать) 1-го числа всякаго мѣсяца? Это число трудно забыть, потому (что вы) всѣ, сколько мнѣ помнится, въ этотъ день получаете казенное жалованье. Прощай. Отвѣтъ адресуй въ *Гастейнг*, что въ Тиролю. Поклонись и обними всѣхъ любящихъ меня.

¹⁾ Въ подлинникѣ ошибочно „не“ вм. „ты“.

XXVIII.

Писано на бѣлой почтовой бумагѣ средняго формата. Годъ не обозначенъ. На оборотѣ втораго листка адресъ: „S.-Petersbourg. Russie. Его Высочайшій Николай Яковлевичу Прокоповичу. Въ С.-П.-Бургѣ, на Васильевск. Островѣ въ 9 линіи, между Больш. и Среднимъ проспектомъ, въ доми Прокоповичевой“. Почтовые штемпели: „Direzione di Roma 20 apr. 43“, „V Stato Pontificio“ и „Получено 1843 апр. 29, полдень“.

Римъ. 19 апрѣль (1843).

Едва отправилъ я вчера къ тебѣ письмо, какъ получилъ твое, со вложеніемъ 300 р. серебр. Благодарю тебя не столько за пересылку, сколько за готовность. Я уже увѣдомилъ тебя въ предыдущемъ письмѣ, что получилъ изъ Москвы деньги на франки безъ малаго 4 тысячи, а на рубли 3500. И потому, ты сдѣлай запросъ Шевыреву, надобно ли тебѣ выслать имъ эту сумму изъ твоихъ экзempl., или они надѣются уплатить ее изъ находящихся у нихъ экзemplаровъ, объяснивши имъ, что у тебя предстоятъ уплаты Жуковскому и Данилевскому. Прежде всего, натурально, тыполни себя, иначе будетъ безпорядокъ. Распоряженія твои всѣ хороши. Относительно цѣны за книгу, какъ Плетневъ, такъ и ты, совершенно правы: болѣе 25 р. никакъ нельзя пустить, хотя Москва и подумаетъ, что дешево. Но лучше пусть покупатель похвалитъ за дешевизну, чѣмъ побранитъ за дороговизну. Пожалуста, пришли мнѣ экзemplаръ черезъ Моллера¹⁾, вмѣстѣ съ листками критики, бывшей въ Отечест. З., какъ на М. Д., такъ и на „Сочиненія“, и прикажи писцу непременно списать для меня критики Сенковскаго и Полеваго на то и на другое. Это мнѣ необходимо нужно. Присовокупи также къ этому „Статистику Россіи“ Булгарина, въ 4 частяхъ, а если вышла и Географія его, то и Географію его. Все это Моллеръ не откажется взять, я знаю. Онъ мнѣ привезетъ это въ Дюсельдорфъ въ концѣ іюня или началѣ іюля. Да найди въ Топографическое наше Дено и купи для меня карту Россіи. У меня слишкомъ громоздка и неудобна къ тасканію, да и стара. Купи ихъ подклеенными и готовыми: Европейскую Россію особенно, а Азіятскую тоже особенно, разумѣется—новѣйшія, какія и есть, съ подробностями; но величиною чтобы была не больше того, сколько нужно для покрытія двухъ ломберныхъ столовъ, сдвиг-

¹⁾ Федоръ Антоновичъ Моллеръ, художникъ, жившій въ Римѣ одновременно съ Гоголемъ.

нутыхъ вмѣстѣ, даже меньше, словомъ, чтобы была емка. Азіятскую сколько можно поменьше. Прощай. Обнимаю тебя.

P. S. Не дурно бы послать одинъ экземпляръ моихъ сочиненій въ Харьковъ Преосвященному Инокентію, приложивши отъ себя записочку, что, по порученію моему, ты посылаешь ему экземпляръ.

XXIX.

Этого письма нѣтъ въ нѣжныхъ подлинникахъ, и мы помѣщаемъ его здѣсь въ томъ видѣ, какъ оно напечатано Гербедемъ въ „Русскомъ Словѣ“ 1859, I, 129—132.

Минскъ. Мая 28 (1843).

Твое письмо меня еще болѣе удивило, чѣмъ, вѣроятно, удивило мое тебя. Откуда и кто распускаетъ всякіе слухи обо мнѣ? Говорилъ ли я когда-нибудь тебѣ, что буду самъ лѣтомъ въ Петербургѣ? или что буду печатать 2 томъ въ этомъ году? и что значать твои слова: *не хочу тебя обижать подозрѣніемъ въ лѣности до такой степени, что будто ты не приготовилъ 2-го тома М. Д. къ печати?* Точно М. Д. блинъ, который можно вдругъ испечь. Загляни въ жизнеописаніе сколько-нибудь знаменитаго автора или даже хотя замѣчательнаго. Что ему стоила большая обдуманная вещь, которой онъ отдалъ всего себя, и сколько времени заняла?—Всю жизнь, ни больше, ни меньше. Гдѣ жъ ты видѣлъ, что бы произведшій эпопею произвелъ сверхъ того пять-шесть другихъ. Стыдно тебѣ быть такимъ ребенкомъ и не знать этого. Отъ меня менѣе всего можно требовать скорости тому, кто сколько-нибудь меня знаетъ. Во-первыхъ, уже потому, что я терпѣливѣе, склоненъ къ строгому обдумыванію и притомъ еще во многомъ терплю всякія помѣшатель(ства) отъ всякихъ болѣзненныхъ припадковъ. М. Д. не только не приготовленъ 2-ой томъ къ печати, но даже и не написанъ, и раньше двухъ лѣтъ [если только мои силы будутъ постоянно свѣжи въ это время] не можетъ выйти въ свѣтъ. А что публика желаетъ и требуетъ 2-го тома, это не резонъ: публика можетъ быть умна и справедлива, когда имѣетъ уже въ рукахъ, что надобно разсудить и (надъ чѣмъ) поумничать; а въ желаніяхъ публика всегда дура, потому что руко-

водствуется только мгновенною минутною потребностью. Да и почему знает она, что такое будет во 2 томѣ? можетъ быть, то, о чемъ даже ей не слѣдуетъ и знать и читать въ теперешнюю минуту, и ни я, ни она, не готовы для 2 тома. Тебѣ тоже слѣдуетъ подумать и то, что мои сочиненія не должны играть роли журнальныхъ статей, и что ими не нужно торопиться всякую минуту, какъ только замѣчаешь, что у публики есть апетитъ. Они писаны долго, въ обдумываніи многихъ изъ нихъ прошли годы, а потому не угодно ли читателямъ моимъ тоже подумать о нихъ на досугѣ и всмотрѣться пристальнѣй. Умный ревонъ: потому что въ продолженіи одного года я выдалъ вдругъ слишкомъ много, такъ подавай еще столько же. Чѣмъ же я виноватъ, что у публики глупа голова, и что въ глазахъ ея я тоже самое, что Поль-де-Кокъ: Поль-де-Кокъ пишетъ по роману въ годъ, такъ почему жъ и мнѣ тоже не написать; вѣдь, это тоже моля романъ, а только для шутки названъ поэмою. Твои причины о пользѣ выхода 2 тома для прежнихъ, и для расхода успѣшнѣйшаго вообще моихъ сочиненій справедливы совершенно, и все это мнѣ весьма знакомо. Но нужно предположить иногда и то, что я могу кое-что знать еще съ моей стороны, и что человѣкъ, который отошелъ отъ дѣлъ и сталъ въ сторонѣ, тоже что на якорѣ, и далѣе можетъ оглянуть море, чѣмъ тѣ, которые носятъ среди его и заняты безпрестанной работой съ крутящимися вокругъ ихъ всякими волнами. По моимъ соображеніямъ сочиненія мои должны были туго идти, и объ этомъ я писалъ въ Москву еще за мѣсяцъ до выхода ихъ въ свѣтъ на ихъ предположеніе о большемъ ихъ успѣхѣ. Въ слѣдствіе этихъ же моихъ соображеній, я знаю тоже хорошо, что эти же сочиненія мои пойдутъ быстрѣе, и быстрота ихъ расхода будетъ увеличиваться по мѣрѣ, какъ будетъ исчерпываться изданіе, хотя это совершенно въ противность законамъ книжной торговли. Ты подумай, между прочимъ, и то, что еще не заговори(ли) журналы о нихъ серьезно. Еще не успѣла о нихъ явить(ся) ни одна дѣльная статья. А вотъ на досугѣ, когда имъ нечего будетъ дѣлать, они примутся за меня, и тогда только слухъ о нихъ обойдетъ всю Россію. Представь себѣ еще то, что половина Россіи увѣрена, что это больше ничего, какъ только собраніе всѣхъ сочиненій моихъ, уже напечатанныхъ, и и новаго между ними нѣтъ или очень мало. О моихъ соображеніяхъ я уже не говорю. Это потребовало бы мѣста и вре-

мени, да и страхъ скучно. А ты, между прочимъ, выручаемыми деньгами прежде всего удовлетвори себя такъ, чтобы я тебѣ ни копѣйки не былъ долженъ; а деньги свои приберегай. Въ предпріятіе ни въ какое не пускайся, но когда будетъ время—наблюдай лишь внимательно за ходомъ всего. Ты изумишься потомъ, сколько у насъ есть путей для изворотливаго ума обогатиться, принеся пользу и себѣ и другимъ. Но объ этомъ послѣ. А все-таки хорошо, что ты набрался опыту и въ книжномъ дѣлѣ. Увѣдоми меня, сколько ты выслалъ (экземпляровъ) Шевыреву, и сколько ихъ осталось у тебя, и всѣ ли они налицо и гдѣ хранятся? Шевыреву нужно будетъ выслать по всякому востребованію столько экземпляровъ, сколько потребуютъ мои дѣла въ Москвѣ: уплата долговъ и всякихъ... Прощай. Будь здоровъ. Не забывай писать ко мнѣ и адресуй въ Дюссельдорфъ, *poste restante*. Съ нетерпѣніемъ жду Моллера, съ тѣмъ чтобы получить отъ него экземпляръ, который ты обѣщала прислать мнѣ съ нимъ.

XXX.

Писано на синей почтовой бумагѣ большого формата. Годъ не помѣненъ. На оборотѣ второго листа адресъ: „St.-Petersbourg. Russie, Его Высочайшему Великому Князю Николаю Яковлевичу Прокоповичу. Въ С.-Петербургѣ, на Васильевск. Островѣ, въ 9 линіи, между Большимъ и Средн. проспектомъ, въ собств. домѣ“. Почтовые штемпели: „Dusseldorf 26. 9“ и „Получено 1843 сен. 24, полдень“.

Дюссельдорфъ. Сентября 24. (1843).

Книги я получилъ, посланныя съ Моллеромъ, за которыя благодарю тебя. Критики я прочелъ тоже всѣ съ большимъ аппетитомъ. Жаль только, что ты не исполнилъ вполнѣ моей просьбы и не прислалъ ихъ всѣхъ. Зачѣмъ ты не велѣлъ скорописцу списать критикъ Сенковского? Ихъ бы можно было уписистымъ почеркомъ вмѣстить на двухъ-трехъ листахъ почтовой бумаги и прислать прямо по почтѣ. Намъ слѣдуетъ все знать, что ни говорятъ о насъ, и не пренебрегать никакими мнѣніями, какія бы причины ихъ не внушили. Кто этого не дѣлаетъ, тотъ просто глупъ и никогда ни будетъ умнымъ человѣкомъ. Мы люди вообще подлецы и не любимъ или позабываемъ оглядываться на себя. Изданіе сочиненій моихъ вышло не въ томъ

вполнѣ видѣ, какъ я думалъ, и виною, разумѣется, этому я, не распорядившись аккуратноѣ. Книги, я воображалъ, выйдутъ благородной толщины, а, вмѣсто того, онѣ такія тоненькія. Типографщикъ далъ мерзкую бумагу; она такъ тонка, что сквозить, и цѣна 25 рублей даже кажется теперь большою, въ сравненіи съ маленькими томиками. Издано вообще довольно исправно и старательно. Вкрались ошибки, но, я думаю, онѣ произошли отъ неправильнаго оригинала и принадлежать писцу или даже мнѣ. Все, что отъ издателя—то хорошо, что отъ типографіи — то мерзко. Буквы тоже подлыя. Я виновать сильно во всемъ. Во-первыхъ, виновать тѣмъ — ввелъ тебя въ хлопоты, хотя тайный умыселъ мой былъ добрый. Мнѣ хотѣлось пробудить тебя изъ недвижности и придвинуть къ дѣятельности книжной; но вижу, что еще рано. Много еще всякихъ дразговъ, и до тѣхъ поръ, пока я не переѣду совершенно на Русь, нельзя начинать многого. Самъ я теперь бѣгу отъ всякаго дѣла. Не хотѣлъ бы и слышать ни о чемъ, а между тѣмъ вижу, что никакъ нельзя увильнуть самому отъ того, чтобы не впутаться въ свои дѣла. Увѣдоми меня поскорѣе, въ короткихъ словахъ: 1-е—сколько продано экземпляровъ? 2-е—сколько послано въ Москву? 3-е—сколько осталось на лицо? Ты еще меня не увѣдомилъ до сихъ поръ. Отъ Шевырева я уже имѣю подробный отчетъ. Отъ тебя еще ни слова. Я также на тебя еще долженъ сердиться за то, что ты не сказалъ мнѣ прежде ни слова о подлостяхъ типографіи и тайлъ ихъ отъ меня долго. И потому, ради Бога отвѣчай мнѣ поскорѣе. Раздѣлался ли ты совершенно съ типографіею, то есть я разумѣю не о платежѣ твоими деньгами, а моими? и потомъ на всѣ три упомянутые запроса: 1) сколько продано экземпляровъ? 2) сколько послано въ Москву? и 3) сколько на лицо? Все это мнѣ нужно знать сильно, дабы распорядиться и предотвратить заранѣе все, то есть предпринять другія мѣры, въ случаѣ недостатка денегъ. Боюсь я сильно, что(бы) мнѣ не досталось бѣдствовать гдѣ-нибудь на дорогѣ, тогда какъ я расположилъ сроки и сообразуюсь во всемъ съ ними. Получаю я деньги, какъ я уже тебѣ писалъ, два раза въ годъ. Три тысячи мнѣ должны выслаться къ 1-му октября, а 3 тысячи къ 1 маю, и потому вы, за мѣсяць до срока, должны увѣдомить другъ друга, Шевыревъ тебя, а ты Шемы-

рева, въ какомъ положеніи ваши дѣла и деньги. Шевыревъ написалъ мнѣ, что онъ уже увѣдомилъ тебя, но отъ тебя еще отвѣта не имѣеть. А между тѣмъ еще въ Москвѣ не уплачена часть долговъ моихъ, которая меня очень беспокоитъ. Отшли теперь же Шевыреву тысячу экземпляровъ въ Москву сверхъ высланныхъ прежде. Онъ съ ними сдѣлается, извернется и не потеряетъ копѣйки. Я не знаю въ точности никого ему равнаго. Съ „Мертвыми Душами“ и съ посланными ему экземплярами отъ тебя онъ распорядился прекрасно и во всемъ до послѣдняго нуля прислалъ отчетъ. Теперь, сообразя всѣ мои грядущіе доходы, я вижу, что большое сдѣлалъ неблагоразуміе, затѣявъ изданіе въ Петербургѣ. Восемь тысячъ я потерялъ изъ собственного кармана. Самъ отнял у себя. Напечатаніе тома „Мертвыхъ душъ“ мнѣ стало 2 тысячи. Четыре подобныхъ тома составили бы 8 тысячъ, а въ Петербургѣ изданіе этихъ томовъ обошлось ровно вдвое больше. Обо всемъ этомъ я помышлялъ уже въ Петербургѣ и мнѣ хотѣлось перенести изданіе въ Москву, но манила скорость печати и желаніе видѣть прежде напечатанными въ собраніи тѣ пѣсы, которымъ должно было играть на театрѣ, причину чего отчасти ты поймешь и самъ; но все пошло на выворотъ. Какъ бы то ни было, но что случилось, то случилось, а что случилось, то вѣрно случилось для того, чтобы былъ человекъ умнѣе и узналъ бы кое-что, чего не зналъ. На меня не сердись за это бремя, можетъ быть тяжкое. Какъ бы ни тяжело оно было, и какъ бы ни потерпѣлъ ты чрезъ это, все будетъ вознаграждено. У меня все стоитъ въ щету, и какъ я ни бѣденъ теперь, какъ ни немощенъ¹⁾, но возмогу потомъ много такого, что кажется теперь совсѣмъ невозможно. Затѣмъ цѣлую тебя; исполни пунктуаль(но) всѣ мои просьбы до одной, какъ необходимый законъ, и прощай до слѣдующаго письма.

Твой Гоголь.

Адресуй въ Дюсельдорфъ (Dusseldorf en Prusse, poste restante). Скорѣе, сколько возможно.

¹⁾ Въ подлинникѣ ошибочно „немощенъ“.

XXXI.

Писано на бѣлой почтовой бумагѣ средняго формата. Годъ Гоголемъ не выставленъ, но рукою Прокоповича помѣчено чернилами: „получилъ 11 мая 1847 с. ст.“.

Неаполь. Апрѣля 23 (1847).

Давно уже я не писалъ къ тебѣ. Ты также давно не писалъ ко мнѣ. Если ты думаешь [особенно послѣ прочтенія моей книги] ¹⁾, что я перемѣнился или сталъ не тотъ, что былъ прежде, то скажу тебѣ, что я все тотъ же и почти тоже самое люблю, что любилъ въ юности моей, хотя и не отрывалъ никому многихъ сокровенныхъ чувствъ; разница вся въ томъ, что теперь многое во мнѣ стало проще [по книгѣ не суди], и что я больше чѣмъ когда-либо люблю старинныя мои связи к прежнихъ друзей моихъ, особенно тѣхъ, съ которыми отъ незабвеннаго Нѣжина началась моя дружба. А потому, напиши мнѣ хоть нѣсколько словечекъ о себѣ: что ты теперь дѣлаешь? что приходитъ тебѣ на мысль? какъ тебѣ живется и какъ все, что составляетъ домашній кругъ твой и все, что вокругъ тебя? Этимъ ты меня очень порадуешь, если тебѣ пріятно меня порадовать. Письма адресуй на имя Жуковскаго во Франкфуртъ. Отъ Данилевскаго я получилъ письмо, который тоже о тебѣ спрашиваетъ. Онъ тоже о тебѣ не знаетъ ничего. Увѣдоми меня также о всѣхъ изустныхъ толкахъ, какіе тебѣ случается слышать о моей книгѣ. Я бы очень желалъ знать, что говорятъ о ней разные чиновники средней руки, всѣхъ сортовъ учителя, равно какъ люди намъ обоемъ съ тобой знакомые. Прощай! Болѣе не распространяюсь, потому что пишу на угадъ, не зная, попрешнему ли ты живешь въ 9 линіи, и придетъ ли къ тебѣ въ руки письмо мое. Не поскупись и пиши побольше. Обнимаю тебя.

Твой Г.

XXXII.

Письмо это служитъ отвѣтомъ на предшествующее письмо Гоголя изъ Неаполя отъ 28 апрѣля 1847 года.

Петербургъ, 12 мая 1847.

Я получилъ твое письмо изъ Неаполя, любезнѣйшій Николай Васильевичъ, и, не отлагая въ долгій ящикъ, принимаюсь за отвѣтъ.

¹⁾ „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“, которая вышла въ свѣтъ въ началѣ 1847 года.

Напрасно ты приписываешь молчаніе мое предполагаемой будто бы мною переи́мѣнѣ въ тебѣ. Совсѣмъ нѣтъ. Я не писалъ тебѣ просто потому, что не получалъ отъ тебя отвѣтовъ, и не зналъ, куда адресовать къ тебѣ. Что касается до переи́мѣнъ, то какія бы онѣ ни были, онѣ не властны переи́мѣнить моихъ чувствъ къ тебѣ. Есть лица, которыя такъ много значатъ въ жизни нашей, что даже самыя, повидимому, коренныя измѣненія въ нихъ не могутъ имѣть на насъ никакого вліянія. Что намъ за дѣло до того, что они измѣнились? Пусть объ этомъ судятъ тѣ, до кого это касается, мы остаемся къ нимъ всегда одни и тѣ же. Ты одинъ изъ тѣхъ немногихъ людей, къ которымъ жизнь и обстоятельства поставили меня именно въ такое отношеніе, и переи́мѣны въ тебѣ, хотя бы онѣ и были, не могутъ переи́мѣнить моихъ чувствъ къ тебѣ.

Ты просишь меня сообщить тебѣ изустныя толки о твоей послѣдней книгѣ между чиновниками средней руки и всѣми сортами учителей. Признаюсь, теперь всего менѣе ожидалъ я подобной просьбы отъ тебя: что имѣло смыслъ и значеніе въ отношеніи прежнихъ твоихъ сочиненій, то въ настоящемъ случаѣ похоже, по моему мнѣнію, на какое-то бесполезное любопытство. Вѣдь, подобнаго рода книга можетъ быть написана или вслѣдствіе убѣжденія или вслѣдствіе неубѣжденія. Въ первомъ случаѣ, что тебѣ за дѣло до толковъ чиновниковъ всѣхъ рукъ и учителей всѣхъ сортовъ? Дѣло твое сдѣлано, слово твое сказано; слово сказано не для одного доставленія пріятнаго занятія уму и вкусу,—слово сказано для распространенія пользы душъ и для поученія людямъ, для прочнаго дѣла жизни, чтобъ снять съ души хоть часть суровой отвѣтственности за беспомощность прежде написанаго...

На что же тебѣ знать невинную болтовню чиновниковъ за преферансомъ или мимоходомъ сказанное слово бѣднымъ труженикомъ науки? Что въ нихъ тебѣ? Имъ не ускорить созрѣванія плодовъ посѣяннаго тобою слова, да и не замедлить его! Не эти толки важны для творенія, имѣющаго значеніе, какое ты самъ указалъ ему,—для творенія, вылившагося изъ глубоко убѣжденной души въ минуты ея просвѣтленія. Для него важны не толки, а безпристрастный судъ и правдивый приговоръ будущей исторіи литературы русской. Во второмъ случаѣ, т. е. если книга твоя написана вслѣдствіе неубѣжденія, опять-таки не могу понять, къ чему тебѣ знать различныя толки:

книга, говорятъ, раскупается, а такое извѣстіе удовлетворительнѣе всѣхъ толковъ.

Но все это я сказалъ такъ, между прочимъ, а желаніе твое исполню, и что знаю, то сообщу безъ утайки; повторяю только, что это ни къ чему не поведетъ и не послужитъ, развѣ только для удовлетворенія любопытства. Ни одна изъ книгъ, выходявшихъ на русскомъ языкѣ, не производила такихъ разнообразныхъ и противоположныхъ другъ другу толковъ въ той части публики, мнѣніемъ которой ты интересуешься, какъ твоя Переписка. Но все это разнообразіе можно раздѣлить на три категоріи, имѣющія въ свою очередь различныя подраздѣленія. Одни считаютъ тебя ни больше, ни меньше, какъ святымъ человѣкомъ, для котораго такъ и распахнулись двери рая въ будущей жизни, повупаютъ твою книгу и, слѣдуя твоему совѣту, дарятъ ее нуждающимся въ благодати или въ хлѣбѣ насущномъ. Другіе приписываютъ изданіе твоихъ писемъ расчету. Въ этомъ классѣ встрѣчается болѣе всего подраздѣленій, и догадки о цѣляхъ, руководившихъ тобою, идутъ отъ простой денежной выгоды до такихъ соображеній и плановъ, какіе тебѣ, конечно, и въ голову не могли притти. Третьи относятъ все къ разстройству твоего здоровья и оплакиваютъ въ тебѣ потерю геніальнаго писателя. Я слышалъ даже, что кто-то изъ этихъ переплелъ твою книгу вмѣстѣ съ Чаромутіемъ нашего чудака Лукашевича ¹⁾, вышедшимъ нарочно одновременно съ твоею перепискою. Вотъ все что могу сообщить тебѣ о различныхъ мнѣніяхъ и толкахъ, которые доводилось мнѣ слышать.

Ты пишешь, что Данилевскій спрашиваетъ тебя обо мнѣ, не имѣя отъ меня никакого извѣстія. И тутъ—та же причина моего молчанія: я не знаю, гдѣ онъ? Онъ не отвѣчалъ на послѣднее письмо мое, куда же я буду писать? И дурно, что ты не написалъ мнѣ его адреса. А между тѣмъ я все тамъ же, на томъ же мѣстѣ, въ томъ же уголѣ, который нѣкогда радушно принималъ тебя и готовъ всегда принять, если ты только не побрезгуешь въ немъ пріютиться.

Благодарю тебя за вопросъ твой о моемъ житьѣ-бытьѣ и о моихъ домашнихъ. Живемъ понемногу, по крайней мѣрѣ здо-

¹⁾ Чаромутіе, или священный языкъ маговъ, волхвовъ и жрецовъ, открытый Платономъ Лукашевичемъ, съ прибавленіемъ обращенныхъ имъ же въ прямую истоту чаромутія и черной истоты языковъ русскаго и другихъ славянскихъ и части латинскаго. Петръгородъ 1846.

рово. Число дѣтей не превышаетъ, слава Богу, полдюжины; нужды кое-что и превышаютъ, ну да что объ этомъ!

Весь твой Прокоповичъ.

XXXIII.

(Петербургъ) 27-го іюня 1847.

Я нѣсколько виноватъ передъ тобою, что не извѣстилъ тебя въ прошломъ письмѣ объ отъѣздѣ Бѣлинскаго за границу; тогда письмо твое къ нему не прогулялось бы понапрасну сюда. Но все равно, оно отправилось по первой же почтѣ къ нему въ Силезію, въ Зальцбрунъ, откуда ты, вѣроятно, и получишь отъ него отвѣтъ.

Эта поѣздка была необходима для Бѣлинскаго; только отъ нея одной зависить спасеніе жизни его, бывшей, въ продолженіе послѣдней зимы, не одинъ разъ на волосѣ и сохранившейся въ противность всѣхъ правилъ и приговоровъ медицины.

Пользуясь твоимъ позволеніемъ, я прочиталъ письмо твое къ нему. Мнѣ кажется, ты очень ошибаешься, воображая, что статью свою Б. написалъ, принявъ на свой счетъ нѣкоторыя выходки твои вообще противъ журналистовъ. Зная Бѣлинскаго давно, я не могу не быть увѣреннымъ, что ни одна строчка его не назначалась мщенію за личное оскорбленіе. Почему не судить проще, и не принимать всего сказаннаго имъ встрѣчѣ совершенно противоположныхъ другъ другу убѣжденій, искреннихъ въ немъ и, конечно, не притворныхъ въ твоей книгѣ? Бѣлинскій не говорилъ хладнокровно о прежнихъ твоихъ сочиненіяхъ: могъ ли онъ говорить хладнокровно и о послѣднихъ? Впрочемъ, онъ самъ, вѣроятно, въ отвѣтѣ своемъ выскажетъ тебѣ всѣ свои побужденія.

Порученіе твое о появившемся здѣсь по словамъ твоимъ, твоимъ однофамильцѣ я выполнилъ; но никакихъ слѣдовъ его здѣсь не отыскалось, никто ни о чемъ подобномъ въ Петербургѣ не слыхалъ, и не знаю, откуда къ тебѣ дошли эти вѣсти. Впрочемъ, на всякій случай я просилъ управляющаго конторою агентства Языкова предупредить всѣхъ книгопродавцевъ, съ которыми со всѣми она имѣетъ сношенія.

Весь твой Прокоповичъ.

XXXIV.

Писано на бѣлой почтовой бумагѣ средняго формата.

Д. Василевка 1848. Іюль 20.

Увѣдоми меня хотя двумя словечками о себѣ, живъ ли ты, здоровъ, и какъ идетъ твое бытѣе. Я думалъ было пріѣхать напрямикъ въ Петербургъ, и потому не писалъ къ тебѣ, но дѣло поворотилось не такъ: мнѣ придется еще съ мѣсяць прожить въ деревнѣ, потомъ въ Москву. Въ концѣ августа только надѣюсь заглянуть въ Петербургъ. Я, слава Богу, кое-какъ еще держусь на свѣтѣ, не смотря на болѣзни и холеры вокругъ, хотя и не такъ свѣжъ и бодръ, какъ во время путешествія по Востоку и даже во время дороги въ Россію. О прочемъ всемъ переговоримъ лично. Въ письмѣ не знаешь, съ котораго конца начать. Передай мой задушевный поклонъ супругѣ и поглядь по головкѣ дѣтовъ. Жду отълика нетерпѣливо.

Твой Н. Гоголь.

Между прочимъ, просьба:

Подпишись за меня на журналъ Башуцкаго „Иллюстрацію“ за текущій 1848 годъ съ пересылкою въ Полтаву на имя Марьи Ивановны Гоголь. Первые нумера, вышедшіе доселѣ отъ 1-го января до сего мѣсяца, чтобы высланы были всѣ разомъ, а прочіе исправно всякую недѣлю.

Мой адресъ: въ Полтаву.

XXXV.

Писано на бѣлой почтовой бумагѣ средняго формата. Наверху рукой Прокоповича отиѣчено карандашомъ: „последнее“. Годъ не выставленъ; И. В. Анненковъ относилъ это письмо къ 1848 году („Воспоминанія и критическіе очерки“ III, стр. 110—111), но это невѣрно, такъ какъ въ немъ Гоголь говоритъ Прокоповичу: „мы съ тобою, слава Богу, перешли сорокъ лѣтъ“; 29 марта 1848 года Гоголю (род. 19 марта 1809 года) еще не было сорока лѣтъ, тѣмъ менѣе Прокоповичу (род. 27 ноября 1810 года); вѣроятно, по этимъ соображеніямъ Гербель („Русское Слово“ 1859, I, 136) отнесъ письмо къ 1851 году; намъ кажется вѣроятнѣе отнести его къ 1850 году, въ виду письма Прокоповича къ Гоголю отъ 26 апрѣля 1850 года (см. ниже, письмо XXXVII), которое, повидимому, служитъ на данное письмо Гоголя отвѣтомъ; правда, 29 марта 1850 года Прокоповичу не хватало еще вѣсколькихъ мѣсяцевъ до 40 лѣтъ, но эта небольшая неточность легко могла быть допущена Гоголемъ.

Мартъ 29. Москва (1850)

На твое письмо не отвѣчалъ, въ ожиданіи лучшаго расположенія духа. Съ новаго года напали на меня всякаго рода

недуги. Все болѣю и болѣю: климать допекаетъ. Куды убѣжать отъ него, еще не знаю; пока не рѣшился ни на что. Радъ, что ты здоровъ и твое семейство также. По настоящему слѣдуетъ повабывать свою хандру, когда видишь, что друзья и близкіе еще, слава Богу, здравствуютъ. Впрочемъ, и то сказать: надобно знать честь. Мы съ тобой, слава Богу, перешли сорокъ лѣтъ, и во все это время ничего не знали кромѣ хорошаго, тогда какъ иныхъ вся жизнь одно страданіе. Да будетъ же прежде всего на устахъ нашихъ благодарность. Болѣзни приостановили мои заняті(я) „Мертвыми душам(и)“, которы(а) пошли было хорошо. Можетъ быть—болѣзнь, а можетъ быть и то, что, какъ поглядишь, какіе глупые настаютъ читатели, какіе безтолковые цѣнители, какое отсутствіе вкуса.... просто не поднимаются руки. Странное дѣло, хоть и знаешь, что трудъ твой не для какого-нибудь переходнаго (sic) современной минуты, а все-таки современной неустройство отнимаетъ нужное для него спокойствіе. Увѣдоми меня о себѣ. Все же и въ твоей жизни, какъ дни ея повидимому ни похо(дятъ) одинъ на другой, случится что-нибудь не ежедневное: или прочтется что-нибудь, или услышится, или сама собой, какъ подарокъ съ неба, почувствуется такая минута, что хотѣлъ бы благодарить за нее долго и быть вѣчно свѣжимъ и новымъ въ своей благодарности. Адресуй по прежнему: въ домъ Талызина, на Нивитскомъ бульварѣ. Супругу и дѣтовъ обними.

Твой весь Н. Гоголь.

XXXVI.

Письмо это служитъ отвѣтомъ на предшествующее письмо Гоголя изъ д. Васильевки, отъ 20 іюля 1848 года.

(Петербургъ) 16 іюля (1848).

Благодарю тебя, любезнѣйшій Николай Васильевичъ, за твою память обо мнѣ и за письмо твое; ни въ какое другое время не можетъ быть такъ интересно получить извѣстія отъ друзей нашихъ, какъ настоящее, когда нельзя быть увѣреннымъ въ жизни и того, съ кѣмъ видѣлся вчера. Да, насъ посѣтилъ страшный бичъ: по свидѣтельству медиковъ, эпидемія 31 года

противъ нынѣшней—игрушкой какъ по количеству случаевъ, такъ и по злокачественности. Петербургъ, судя по официалънымъ извѣстіямъ, потерялъ отъ нея до 11 тысячъ жителей, а она все еще продолжается, хотя и въ несравненно меньшей степени. Что касается до насъ, то мы всѣ, со всѣми чадами и домочадцами пребываемъ по сію минуту благополучны и не тронуты никакими дикими болѣстями. Изъ общихъ знакомыхъ нашихъ тоже, кажется, никто не отправился въ отцамъ; только одинъ Бѣлинскій, что вѣроятно ты уже знаешь, умеръ, но еще прежде холеры, отъ продолжительной чахотки. Базили здѣсь, и я иногда съ нимъ вижу. Онъ сѣтуетъ на тебя за забвеніе, и я тоже на тебя въ претензіи за то, что ты ни словечка не упоминаешь мнѣ о Данилевскомъ, съ которымъ ты вѣрно видѣлся, и который, Господь его знаетъ за что, наказываетъ меня нѣсколько-лѣтнимъ молчаніемъ, такъ что я только отъ Базили узналъ о его существованіи и женитьбѣ. Поклонись же ему отъ меня да и супругѣ его, если увидишь ихъ.

Я долженъ у тебя просить извиненія: ты поручаешь мнѣ подписаться на „Иллюстрацію“, и я съ удовольствіемъ исполнилъ бы твое порученіе, но нахожусь въ такихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, что право не могу: денегъ у меня и всегда бываетъ немного, а теперь лѣто, и холера лпшила насъ всѣхъ частныхъ занятій, довела до того, что я долженъ рассчитывать каждую копейку, если не хочу заставлять постыться семейство мое; въ такихъ грустныхъ обстоятельствахъ, признаюсь тебѣ, я еще никогда не находился. Прими же мои увѣренія, что только одни они не позволяютъ мнѣ оказать тебѣ эту ничтожную услугу.

Будь здоровъ и счастливъ, и да хранитъ тебя небо отъ всякихъ невзгодъ. Увѣдоми меня до личнаго нашего свиданія хотя строчкой о тебѣ и Данилевскомъ. Письмо твое дошло до меня очень поздно, причиною—то, что ты не написалъ на немъ: *отъ 9-ю линію*, и оно валялось у почтальона, пока другое письмо на имя мое не показало дороги ему.

Жена и дѣти всѣ тебѣ вланыются и съ нетерпѣніемъ ждуть тебя. Пріѣзжай, авось судьба и пощадитъ насъ, какъ щадила до сихъ поръ.

Весь твой Прокоповичъ.

XXXVII.

Письмо это составляет, повидимому, отвѣтъ на предшествующее письмо
Тогола отъ 29 марта изъ Москвы.

26 апрѣля 1850, Петербургъ.

Благодарю тебя, любезнѣйшій Николай Васильевичъ, за твою память обо мнѣ и за письмо. Полученіе отъ тебя писемъ, какъ бы кратки они ни были, доставляетъ мнѣ самыя свѣтлыя минуты въ моей монотонной скучной жизни, и повѣрь мнѣ, что это не фраза слилась съ пера у меня.

Я отложилъ отвѣтъ на письмо твое до свободнаго времени, т. е. до наступленія страстной недѣли, но какъ тутъ захворалъ гигантскимъ флюсомъ и вотъ уже наступила другая недѣля, а я все еще не могу освободиться отъ него и не рѣшаюсь высунуть носъ изъ дому, ни съ кѣмъ не вижу, ничего не слышу и не знаю, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ; читать даже нечего.

Ты жалуешься тоже на болѣзнь отъ климата; да кто же тебѣ, свободному какъ птица небесная, не велитъ ѣхать на югъ, въ Малороссію?

Чего тебѣ лучше? Неужели тебѣ еще и до сихъ поръ необходимо постоянное пребываніе хоть въ какой-нибудь да столицѣ? А работать ты можешь и тамъ, да еще какъ? Тамъ бы тебя не сердило и направленіе современныхъ читателей. Извини за неумѣстную, можетъ быть, мою выходку: что дѣлать? Желаніе мѣрять всѣхъ и все на свой аршинъ не съ меня началось, да не мною и кончится; а я, кажется, другого блага для себя бы и не пожелалъ, какъ только хоть бы разокъ еще вздохнуть воздухомъ какого-нибудь самаго глухого захолустья Малороссіи. Кажется, послѣ того я бы съ большимъ терпѣніемъ могъ протащить до конца все, навьюченное на меня житейскими обстоятельствами.

Вотъ и все тутъ, что я могу сказать тебѣ въ настоящую минуту и въ письмѣ и при свиданіи; больше ничего изъ себя не могу выжать. Семейство мое здорово, кланяется тебѣ и

благодарить за твою память. Напиши же мнѣ, какъ ты намѣ-
реваешься распорядиться собою въ нынѣшнее лѣто; все до
тебя касающееся меня крайне интересуется.

Прощай. Да хранить тебя судьба.

Весь твой Проконвичъ.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

ASTOR
TILDEN FOUNDATION

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY
ASTON, CHICAGO
TILDEN FOUNDATION

И. Турцевичъ.

ЗАМѢТКА

О

КАРТИННОЙ ГАЛЛЕРЕЕЪ

ИНСТИТУТА КНЯЗЯ БЕЗБОРОДКО

ВЪ НѢЖИНѢ.

НѢЖИНЪ.

Типо-Литографія Е. Ф. Венгера, д. Глезера.

1895.

ЗАМѢТКА

О КАРТИННОЙ ГАЛЛЕРЕѢ ИНСТИТУТА КНЯЗЯ БЕЗБОРОДКО ВЪ НѢЖИНѢ').

Картинная галерея, составляющая собственность Института, въ настоящемъ ея видѣ не представляетъ собственно того, что обыкновенно принято разумѣть подъ названіемъ картинной галереи. Она не имѣетъ для себя особаго помѣщенія, и картины хранятся въ разныхъ мѣстахъ: значительная часть ихъ развѣшана по стѣнамъ одной изъ аудиторий, нѣкоторыя картины находятся въ церкви Института, въ залѣ торжественныхъ собраній и въ другихъ мѣстахъ. Такимъ образомъ о распредѣленіи картинъ въ извѣстномъ порядкѣ по школамъ пока не можетъ быть и рѣчи. Само собою разумѣется, можно только пожалѣть о томъ, что Институтъ не имѣлъ до сихъ поръ возможности обратить должнаго вниманія на хранящееся въ стѣнахъ его богатство, т. е. не могъ дать опредѣленнаго помѣщенія для картинъ, вполне отвѣчающаго своему назначенію по величинѣ, освѣщенію, температурѣ воздуха и другимъ условіямъ. Мало чего сдѣла-

Настоящая замѣтка составлена была въ то время, когда Правленіемъ Института уже приняты были мѣры къ усиленному—по средствамъ Института—реставрированію картинъ и къ собиранію и постановкѣ ихъ въ отдѣльное помѣщеніе. (Зам. Редакціи Сборника).

но и для приведенія картинъ въ должный видъ:—только въ послѣднее время нѣкоторыя изъ нихъ, болѣе сохранившіяся, промыты, осторожно слегка реставрированы и покрыты лакомъ.

Такое, повидимому, небрежное отношеніе къ большинству художественныхъ произведеній, имѣющихъ право на полное вниманіе къ себѣ, объясняется тѣмъ, что искусное реставрированіе картинъ, значительно пострадавшихъ отъ времени и отъ другихъ причинъ, требовало настолько значительныхъ затратъ, что Институтъ *volens-volens* долженъ былъ откладывать на будущее благіе помыслы о галлерей, не имѣя въ своемъ распоряженіи какихъ-либо специально ассигнуемыхъ на этотъ предметъ суммъ.

Большинство картинъ писаны на холстѣ. Около 30-ти номеровъ небольшого размѣра исполнены на деревѣ и двѣ—на мѣди.—Всѣ почти картины вставлены въ рамы, болѣе или менѣе сохранившіяся. На обратной сторонѣ каждаго холста или доски помѣчено, кому принадлежитъ исполненіе картины, а также имѣются черные номера, вѣроятно тѣ, подъ которыми значились эти картины въ каталогѣ еще полной, не разрозненной картинной галлерей графа А. Г. Куселева-Безбородко, значительная часть коей, какъ извѣстно, находится въ Императорской Академіи Художествъ. Красные номера, стоящіе рядомъ съ черными, соотвѣтствуютъ записи картинъ въ имѣющемся при Институтѣ каталогѣ, который былъ напечатанъ, какъ дарственный актъ графа въ одномъ только экземплярѣ. Въ нашей замѣткѣ каталогъ этотъ воспроизведенъ совершенно точно съ оригинала. Намъ кажется, что въ настоящее время каталогъ этотъ необходимо дополнить указаніями на то, какія картины, какъ и кѣмъ реставрированы въ послѣдніе годы, а также внести въ него и имѣющіяся на обратной сторонѣ нѣкоторыхъ (№ 11, 18 и 71) надписи о реставрированіи ихъ въ С.-Петербургѣ въ 1842 году.

Слѣдуетъ самый каталогъ.

**НѢЖИНСКАЯ
КАРТИННАЯ ГАЛЛЕРЕЯ,**

ПОДАРЕННАЯ

Лицею *) Князя Безбородко,

ОСНОВАТЕЛЕМЪ И ПОЧЕТНЫМЪ ПОПЕЧИТЕЛЕМЪ ОНАГО

ГРАФОМЪ А. Г. КУШЕЛЕВЫМЪ-БЕЗБОРОДКО,

ВЪ 25 ЛѢТНІЙ ЮБИЛЕЙ

ОТКРЫТІЯ СЕГО УЧЕБНАГО ЗАВЕДЕНІЯ, СОВЕРШЕННАГО ИМЪ
4 СЕНТЯБРЯ 1820 ГОДА.

C A T A L O G U E

de la Galerie de tableaux de Néjine, donnée au Lycée du
Prince Besborodko par son fondateur et Curateur hono-
raire,

LE COMTE ALEXANDRE KOUCHELEFF-BESBORODKO,

pour le 4 Septembre 1845,

jour anniversaire des vingt-cinq ans de la fondation de cet
établissement.

*) Нынѣ—Институту.

N ^o D'ORDRE.	SUJETS DES TABLEAUX.	ECOLE, MANIÈRE OU AUTEURS.	VERSCHOKS	
			HATTEUR.	LARGEUR.
TABLEAUX				
DE DIFFÉRENTES ÉCOLES,				
TOUS PEINTS SUR BOIS,				
AVANT LE XVI SIÈCLE.				
1.	Le Christ mort et la Vierge.	Ecole Grecque-Bisantine transportée en Italie.	12 ¹ / ₂	9
2.	La Vierge, Jésus, un évêque et un martyr.	Ecole de Giunto de Pise, maître de Cimabué, qui eut pour élève Giotto.	16 ¹ / ₂	9
3.	Un Saint faisant l'aumône.	Bartolos. Ecole de Sienne vers 1300.	6 ³ / ₄	6 ³ / ₄
4.	Jésus enfant dans une étable.	Ancienne école de Florence vers 1300.	5 ³ / ₄	5 ³ / ₄
5.	Le fleuve Arno.	Ancienne école de Florence.	12	9
6.	Saint Sébastien.	Ecole de Franco de Bologne.	13 ¹ / ₄	6 ¹ / ₂
7.	L'adoration des Mages.	Lepo-Memmi, école de Sienne vers 1400.	13	10 ¹ / ₄
8.	Saint Jean prêchant dans le désert.	Ecole de Ghirlandajo, maître de Michel-Ange.	17 ³ / ₄	14
9.	La Vierge, Jésus et Saint Jean.	Première manière de Jean de Bellini, ancienne école de Venise.	11 ¹ / ₄	8 ¹ / ₂
10.	La Vierge et l'enfant Jésus.	Manière de Pierre Perugino école ombrienne.		

№ ПОРЯДКА.	ПРЕДМЕТЫ КАРТИНЪ.	Школы, манеры и мастера.	ВЕРШКИ.	
			ВЫШИНА.	ШИРИНА.
КАРТИНЫ РАЗЛИЧНЫХЪ ШКОЛЪ, ВСѢ ПИСАННЫЯ НА ДЕРЕВЪ. ДО XVI ВѢКА.				
1.	Спаситель и Богоматерь.	Школы Византийской до 12 столѣтїя.	12 ¹ / ₂	9
2.	Богородица, Спаситель, Епископъ и мученикъ.	Школы Джунта-Пизано.	16 ¹ / ₂	9
3.	Святой, творящїй милостыню.	Бартоломея, школы Сиенской 1300 г.	6 ³ / ₄	6 ³ / ₄
4.	Младенецъ-Исусъ въ ясляхъ.	Старой Флорентинской школы до 1300.	5 ³ / ₄	5 ³ / ₄
5.	Рѣка Арно.	Старой школы Флорентинской.	12	9
6.	Св. Севастїанъ.	Школы Франко-Болонскаго.	13 ¹ / ₄	6 ¹ / ₂
7.	Поклоненїе Волховъ.	Лепо-Меми, школы Сиенской 1400.	13	10 ¹ / ₄
8.	Св. Іоаннъ, проповѣдующїй въ пустынѣ.	Школы Гирландая.	17 ³ / ₄	14
9.	Богоматерь, Спаситель и Св. Іоаннъ.	Первая манера Іоанна Беллини, школы Венеціанской.	11 ¹ / ₄	8 ¹ / ₂
10.	Пресвятая Дѣва съ младенцемъ Исусомъ.	Школы Петра Перуджино.		

ÉCOLES ITALIENNES.

DEPUIS LE XVI SIÈCLE.

11.	Un Saint Antoine. sur toile.	Ecole de Michel An- ge Buonarotti.	5 ¹ / ₂	4 ¹ / ₂
12.	Une Sainte famille. — toile.	Copie d'André del Sarto.	24 ¹ / ₂	18 ¹ / ₂
13.	La Vierge, Jésus et St. Jean. — toile.	Manière de Carlo Dolce.	25	20
14.	Portrait d'un Cardin- al. — toile.	Ecole de Bronzino.	14 ¹ / ₂	11 ³ / ₄
15.	La Vierge, Jésus et St. Jean. — toile.	Gentileschi.	14	11
16.	Miracle de St. Paul. — toile.	Pierre de Cortone.	22	16 ¹ / ₂
17.	Paysage oblong avec figures. — toile.	Ecole d'Antonio Maz- zieri.	5 ¹ / ₂	12
18.	La Vierge et l'enfant Jésus. — toile.	Franceschini.	5 ¹ / ₄	3 ³ / ₄
19.	Saint Pierre et St. Paul. — toile.	Ecole de Vasari.	14 ¹ / ₂	11
20.	La Vierge, Jésus et St. Jean. — toile.	Une Copie d'après Raphaël.	10 ¹ / ₂	8
21.	L'Annonciation. sur bois.	César d'Arpino.	17 ¹ / ₂	13
22.	La Nativité. — toile.	Carlo Maratta.	22 ¹ / ₄	16 ¹ / ₂
23.	Madelaine. — toile.	Raphaël Mengs.	14	11
24.	Diane à la chasse. — toile.	Ecole de Battoni.	32	26
25.	Hercule et des nym- phes. — toile.			

ИТАЛЬЯНСКОЙ ШКОЛЫ.

СЪ XVI ВѢКА.

11.	Святой Антоній (на холстѣ).	Школы Микель-Анджело Буонаротти.	5 ¹ / ₂	4 ¹ / ₂
12.	Святос Семейство. —	Копія съ Андреа дель-Сарто.	24 ¹ / ₂	18 ¹ / ₂
13.	Богоматерь, Спаситель и Св. Іоаннѣ. —	Манера Карла Долче.	25	20
14.	Портретъ Кардинала. —	Школы Брондзино.	14 ¹ / ₂	11 ³ / ₄
15.	Богородица, Спаситель и Св. Іоаннѣ. —	Джентилески.	14	11
16.	Чудо Святаго Павла. —	Петра Кортонскаго.	22	16 ¹ / ₂
17.	Пейзажъ съ фигурами. —	Школы Антонія Маджери.	5 ¹ / ₂	12
18.	Богородица со Спасителемъ. —	Франческини.	5 ¹ / ₄	3 ³ / ₄
19.	Св. Петръ и Св. Павелъ. —	Школы Вазари.	14 ¹ / ₂	11
20.	Богородица, Спаситель и Св. Іоаннѣ. —	Копія съ Рафаэля.	10 ¹ / ₂	8
21.	Благовѣщеніе (на деревѣ).	Цезаря Аршино.	17 ¹ / ₂	13
22.	Рождество Спасителя (на холстѣ).	Карла Маратта.	22 ¹ / ₄	16 ¹ / ₂
23.	Св. Магдалина. —	Рафаэля Менгса.	14	11
24.	Діана на охотѣ. —	Школы Баттони.	32	26
25.	Геркулесъ и Нимфы. —			

26.	Madone. sur toile.	Copie de Sasso Ferrato.	20	14 ³ / ₄
27.	Architecture. — toile.	Pannini.	16 ¹ / ₂	13 ¹ / ₂
28.	Marine. — toile.	Ecole de Tempesta.	11	13 ¹ / ₂
29.	Bataille. — toile.	Ecole de Michel-Ange des batailles.	8	11 ¹ / ₂
30.	Un Berger et son troupeau. — toile.	Rosa di Tivoli.	22	15 ³ / ₄
31.	Animaux. — toile.	Rosa di Tivoli.	8 ³ / ₄	13 ¹ / ₄
32.	Saint Jérôme. — toile. <i>L'original, pris pour un million au musée de Paris, est revenu à Parme. Il s'en trouve une ancienne copie par Carracci dans la galerie du C-te Koucheleff Besborodko à St. Pétersbourg.</i>	<i>Copie du Corrège qui se trouvait dans l'ancienne galerie Besborodko.</i>	45 ³ / ₄	35 ¹ / ₂
33.	Christ mort. sur toile.	Attribué à Corregio.	10 ¹ / ₂	14
34.	Galathée. — toile.	Parmigiano	25 ³ / ₄	19 ³ / ₄
35.	Hérodiade. — toile.	Ecole de Guercino.	29 ¹ / ₂	23 ³ / ₄
36.	La Flagellation. — toile.	Attribué à Annibal Carracci.	21 ¹ / ₂	29 ¹ / ₂
37.	Madelaine. — cuivre.	Ecole de Louis Carracci.	5	3 ³ / ₄
38.	Narcisse à la fontaine. — toile.	Auguste Carracci.	18 ¹ / ₂	31 ¹ / ₂
39.	Hérodiade. — toile.	Ecole de Guido Réni.	19	26 ¹ / ₂
40.	Une Sybille. — toile.	Ancienne copie de Guido Réni.	16 ¹ / ₂	13 ¹ / ₂
41.	Eliézar et Rachel. — toile.	Manière d'Albano.	16 ¹ / ₂	19 ¹ / ₂

26.	Богородица (на хол- стѣ).	Копія съ Сассо-Фер- рато.	20	14 ³ / ₄
27.	Архитектура. —	Паннини.	16 ¹ / ₂	13 ¹ / ₂
28.	Морской видъ. —	Школы Темпеста.	11	13 ¹ / ₂
29.	Сраженіе. —	Школы Микель-Ан- джело Черкюцци.	8	11 ¹ / ₂
30.	Пастухъ со стадомъ. —	Роза-ди-Тиволи.	22	15 ³ / ₄
31.	Животныя. —	Его же.	8 ³ / ₄	13 ¹ / ₄
32.	Св. Иеронимъ. — <i>Оригиналь сей кар- тины, купленный за милліонъ франковъ, находился прежде въ Парижскомъ Музеу- мъ, а потомъ возвра- щенъ въ Парму. Въ прежней галлерей Графа Кушелева- Безбородко находит- ся старинная копія съ этой картины.</i>	Копія съ Корреджіо, <i>находящаяся въ прежней галлерей Графа Безбородко.</i>	45 ³ / ₄	35 ¹ / ₂
33.	Спаситель умершій —	Корреджіо.	10 ¹ / ₂	14
34.	Галатей. —	Пармиджіано.	25 ³ / ₄	19 ³ / ₄
35.	Иродіада. —	Школы Гверчино.	29 ¹ / ₂	23 ³ / ₄
36.	Истязаніе Спасителя. —	Аннибала Карач- чи.	21 ¹ / ₂	29 ¹ / ₂
37.	Св. Магдалина. —	Школы Л. Карач- чи.	5	3 ³ / ₄
38.	Нарциссъ у источни- ка. —	Августа Караччи.	18 ¹ / ₂	31 ¹ / ₂
39.	Иродіада. —	Школы Гвидо-Рени.	19	26 ¹ / ₂
40.	Сивилла. —	Старинная копія съ Гвидо-Рени.	16 ¹ / ₂	13 ¹ / ₂
41.	Эліазаръ и Рахиль. —	Манера Албано.	16 ¹ / ₂	19 ¹ / ₂

42.	Un ange. sur toile.	Luino de Milan.	13 ¹ / ₄	11
43.	Saint Joseph et Jésus. — toile.	Molinari.	20	15 ¹ / ₂
44.	Jésus portant sa croix. — toile.	Lanfranco.	22 ¹ / ₂	27 ¹ / ₂
45.	Thomas l'incrédule. — toile.	Copie d'après Titien.	11	13 ¹ / ₂
46.	Madelaine. — toile.	Ecole d'après Titien.	24	18 ¹ / ₄
47.	L'abondance. — toile.	Manière de Titien.	33 ¹ / ₂	27 ¹ / ₂
48.	La Vierge et un prêtre. — toile.	Ecole de Paul Véronèse.	16 ¹ / ₂	14
49.	Christ en croix. — toile.	Ecole de Tintoretto.	33 ¹ / ₂	23 ¹ / ₄
50.	Hercule et Omphale. — toile.	Tiepolo.	11	16
51.	Perspective. — toile.	Manière de Canaletti.	11	13 ¹ / ₄
52.	Moïse sauvé des eaux. — toile.	Padovanino.	22	29 ¹ / ₂
53.	Adoration des bergers. — toile.	Carpioni.	12 ³ / ₄	7 ³ / ₄
54.	L'élévation en croix. — toile.	Rode.	6 ¹ / ₂	4 ³ / ₄
55.	Des fleurs, des fruits et un chien. — toile.	Scacciati.	24	23
56.	Des fleurs, un lapin et des fruits. — toile.	De même.	25 ¹ / ₂	21 ¹ / ₄
97.	Une Sainte famille. — toile.	Ecole de Lucca Jordano.	14	11 ¹ / ₂
58.	Eliézar et Rachel. — toile.	Francesco de Mura.	10 ¹ / ₂	12 ¹ / ₂

42.	Ангель. (на холстѣ).	Луино Миланскаго.	13 ¹ / ₄	11
43.	Св. Іосифъ со Спасителемъ. —	Молинари.	20	15 ¹ / ₂
44.	Несеніе креста Спасителемъ. —	Ланфранко.	22 ¹ / ₂	27 ¹ / ₂
45.	Невѣріе Оомы. —	Копія Тиціана.	11	13 ¹ / ₄
46.	Св. Магдалина. —	Школы Тиціана.	24	18 ¹ / ₄
47.	Изобиліе. —	Подражаніе Тиціану.	33 ¹ / ₂	27 ¹ / ₂
48.	Богородица и священникъ. —	Школы Павла Веронеза. —	16 ¹ / ₂	14
49.	Спаситель на крестѣ. —	Школы Тинторетто.	33 ¹ / ₂	23 ¹ / ₄
50.	Геркулесъ и Омфала. —	Тіеполо.	11	16
51.	Перспектива. —	Подражаніе Каналетти.	11	13 ¹ / ₄
52.	Мойсей спасенный изъ воды. —	Падованино.	22	29 ¹ / ₂
53.	Поклоненіе Пастырей. —	Карціони.	12 ³ / ₄	7 ³ / ₄
54.	Распінаніе Спасителя. —	Роде.	6 ¹ / ₂	4 ³ / ₄
55.	Цвѣты, плоды и собака. —	Скаччіатти.	24	23
56.	Цвѣты, кроликъ и плоды. —	Скаччіатти.	25 ¹ / ₂	21 ¹ / ₄
57.	Святое Семейство. —	Школы Луки Джордано. —	14	11 ¹ / ₂
58.	Еліазаръ и Рахиль. —	Франческо-Мура. —	10 ¹ / ₂	12 ¹ / ₂

59.	La Vierge et Jésus sur toile.	Ecole de Solimène.	19 ¹ / ₂	14 ¹ / ₂
60.	Femme mangeant des macaronis. — toile.	Ecole de Polidore de Carravaggio.	20	16 ¹ / ₂
61.	Orage avec des ber- gers. — toile.	Salvator Rosa.	9	13 ¹ / ₂
62.	La Vierge et Jésus. — toile.	Lucca Cambiaggio.	15	12
63.	{ La charité. — toile. }	Valerio Castello. Sty- le de Paul. Véro- nèse.	22	27 ¹ / ₂
64.	{ Cyrcé et Ulysse. — toile. }			
65.	Toilette de Médée. — toile.	Sarzane. Style du Ti- tien.	33	27
66.	Agar dans le désert. — toile.	Fiazella.	22	26 ¹ / ₂
67.	{ L'adoration des Mages. — toile. }	Raphaël Botalla.	22	35
68.	{ L'adoration des bergers. — toile. }			
69.	Tête d'un vieillard. — toile.	Piola.	8	6
70.	Bacchus. — toile.	Dominique-Piola.	11	8
71.	La Vierge et un an- ge. — toile.	Bernard Strozzi.	6	5 ¹ / ₄
72.	{ Paysages. — toile. }	Alexandre Magnasco.	15	26
73.	{ Paysages. — toile. }			
74.	Un Troupeau. — toile.	Zucharelli.	5	6 ³ / ₄
75.	Ruines d'un temple. — toile.	Nicolas Peretti.	15 ¹ / ₂	12

59.	Богородица со Спасителемъ (на холстѣ).	Школы Солимена.	19 ^{1/2}	14 ^{1/2}
60.	Желщина еушающая макарони. —	Школы Полидора да Караважіо.	20	16 ^{1/2}
61.	Буря и овцы. —	Сальватора Розы.	9	13 ^{1/2}
62.	Богородица и Спаситель —	Лука Канджажіо (или Камбіази).	15	12
63.	Любовь. }	Валерія Кастелла.	22	27 ^{1/2}
64.	Цирцея и Улиссъ. —			
65.	Туалетъ Меден. —	Сарзана, (въ стилѣ Тиціана.	33	27
66.	Агарь въ пустынѣ. —	Фіацелла.	22	26 ^{1/2}
67.	Поклоненіе Волховъ. —	Рафаэля Боталла.	22	35
68.	Поклоненіе Пастырей. —			
69.	Голова старика. —	Піола.	8	6
70.	Бахусъ. —	Домника Піола.	11	8
71.	Богородица съ Ангеломъ. —	Бернарда Строцци.	6	5 ^{1/4}
72.	Пейзажи. —	Александра Маньяско.	15	26
73.				
74.	Стадо. —	Цукарелли.	5	6 ^{3/4}
75.	Развалины храма. —	Николая Перетти.	15 ^{1/2}	12

76.	Pont, rocher, etc. sur toile.	Ecole de Sestri.	12 ¹ / ₄	20
77.	Maison et chasseur. — toile.		22	15
78.	Extase de St. Fran- çois. — toile.	Ribéra.	21 ³ / ₄	27 ¹ / ₂
79.	Saint Jérôme— toile.	Ecole de Ribéra.	12 ¹ / ₂	10
80.	Une vieille soupant. — toile.	Ecole de Murillo.	16	13
81.	L'adoration des Ma- ges. — toile.	Alonzo Cano.	9 ³ / ₄	14
82.	Scène de repas. — toile.	Ecole espagnole.	18 ¹ / ₄	15

ÉCOLE FRANÇAISE.

83.	Jésus donant les clefs à St. Pierre. sur toile.	Nicolas Poussin.	22 ¹ / ₂	33 ³ / ₄
84.	Louis XIV âgé de 18 mois 1658.— toile.	Inconu.	20 ¹ / ₄	16
85.	Portrait. — toile.	Ecole de Rigaud.	12 ³ / ₄	8
86.	Portrait de femme. — toile.	Ecole de Mignard.	21	16
87.	Tête de Madelaine. — toile.	Voet.	9 ¹ / ₂	6 ¹ / ₂
88.	Vue d'Italie. — toile.	Copie de Vernet.	18	25 ¹ / ₂
89.	Deux vaches.— bois.	Gros-Claude.	4	4 ³ / ₄
90.	La Vierge et Jésus. — toile.	Ooypel.	8 ³ / ₄	7

76.	Мость, скала и проч. (на холстѣ).	Школы Сестри.	12 ¹ / ₄	20
77.	Домъ и охотникъ. —		22	15
78.	Св. Францискъ. —	Риберы.	21 ³ / ₄	27 ¹ / ₂
79.	Св. Иеронимъ. —	Школы Риберы.	12 ¹ / ₂	10
80.	Старуха ужинаю- щая. —	Школы Мурилло.	16	13
81.	Поклоненіе волхвовъ. —	Алонза Кано.	9 ³ / ₄	14
82.	Обѣдъ. —	Испанской Школы.	18 ¹ / ₄	15
ФРАНЦУЗСКАЯ ШКОЛА.				
83.	Спаситель, отдающій ключи Св. Петру (на холстѣ).	Николая Пуссена.	22 ¹ / ₂	33 ³ / ₄
84.	Портретъ Людовика XIV писанный въ 18 мѣсячномъ его возрастѣ въ 1658 году.	Неизвѣстнаго.	20 ¹ / ₄	16
85.	Портретъ. —	Школы Риго.	12 ³ / ₄	8
86.	Портретъ женщины. —	Школы Миньярда.	21	16
87.	Голова Св. Магда- лины. —	Буэ.	9 ¹ / ₂	6 ¹ / ₂
88.	Видъ въ Италіи. —	Коиія съ Вернета.	18	25 ¹ / ₂
89.	Двѣ коровы. —	Гро-Клода.	4	4 ³ / ₄
90.	Богородица со Спа- сителемъ. —	Койпеля.	8 ³ / ₄	7

91.	Portrait de femme. sur bois.	Vatteau.	$5\frac{3}{4}$	$4\frac{1}{2}$
92.	Marine. — bois.	A. Michaud.	5	7
93.	Femme tenant un nid d'oiseaux. — toile.	Un peintre de Stras- bourg.	$13\frac{1}{4}$	$10\frac{1}{2}$
94.	Vénus de Médicis. — carton.	Inconnu.	$18\frac{3}{4}$	$14\frac{1}{2}$
95.	Paysage. — toile.	Boucher.	$9\frac{1}{2}$	$11\frac{1}{2}$
96.	Le Christ au sacré coeur. — toile.	moderne.	12	$8\frac{1}{2}$
97.	Un lac. — toile.	Ecole de Hornung de Genève.	$5\frac{1}{2}$	$7\frac{3}{4}$
98.	L'annonciation. — toile.	moderne.	$9\frac{1}{4}$	$6\frac{1}{4}$
99.	Salle de château. — toile.	moderne.	9	7
100.	Vaches. — bois.	Hubert.	5	$6\frac{3}{4}$
101.	Ruine. — toile.	moderne.	$8\frac{3}{4}$	$6\frac{1}{2}$
102.	Enfants au bord de l'eau. — émail.	De Genève.		

ÉCOLE ALLEMANDE.

103.	Jésus et les douze apôtres. sur bois.	Ecole de Grotius.	$13\frac{1}{2}$	19
104.	Adoration des Mages. — toile.	Martin Schöne.	$17\frac{1}{4}$	$17\frac{1}{4}$
105.	Homme sur un cheval blanc. — bois.	Ecole de Holbein.	5	$3\frac{1}{2}$

91.	Портретъ женщины (на деревѣ).	Ватто.	5 ³ / ₄	4 ¹ / ₂
92.	Морской видъ (на холстѣ).	А. Мишо.	5	7
93.	Женщина съ птичь- имъ гнѣздомъ. —	Неизвѣстнаго Страс- бургскаго живо- писца.	13 ¹ / ₄	10 ¹ / ₂
94.	Венера Медицейская (на бумагѣ).	Неизвѣстнаго.	18 ³ / ₄	14 ¹ / ₂
95.	Пейзажъ.(на холстѣ).	Буше.	9 ¹ / ₂	11 ¹ / ₂
96.	Спаситель. —	Новѣйшей кисти.	12	8 ¹ / ₂
97.	Озеро. —	Школы Горнунга изъ Женевы.	5 ¹ / ₂	7 ³ / ₄
98.	Благовѣщеніе. —	Новѣйшей кисти.	9 ¹ / ₄	6 ¹ / ₄
99.	Заль Замка. —	Неизвѣстнаго.	9	7
100.	Коровы. (на деревѣ).	Губерта.	5	6 ³ / ₄
101.	Развалины. (на хол- стѣ).	Новѣйшей кисти.	8 ³ / ₄	6 ¹ / ₂
102.	Дитя у воды. (на эмали).	Изъ Женевы.		

НѢМЕЦКАЯ ШКОЛА.

103.	Спаситель съ 12 Апо- столами. (на хол- стѣ).	Школы Гроціуса.	13 ¹ / ₂	19
104.	Поклоненіе Царей. —	Мартина Шёна.	17 ¹ / ₄	17 ¹ / ₄
105.	Мушца на бѣлой лошади. (на дере- вѣ).	Школы Гольбейна.	5	3 ¹ / ₂

106.	Incendie.	sur toile.	Beimel.	8	10 ¹ / ₂
107.	Têtes de vieillards dans différentes attitudes.— bois.		Wilhelms Riepp. 1758.	6	4 ¹ / ₂
108.					
109.					
110.					
111.	Chasse.	— toile.	Querfurth.	12 ³ / ₄	17 ¹ / ₂
112.	Chevaux.	— toile.	Loevenstern.	6 ¹ / ₄	9 ¹ / ₄
113.	Marines.	— toile.	Lockein.	4 ³ / ₄	6 ³ / ₄
114.					
115.	Marine.	— bois.	M.	4	5 ¹ / ₂
116.	Lions.	— toile.	Krissier.	4	5 ¹ / ₂
117.	Marine.	— bois.	Thiele.	4 ¹ / ₄	5 ³ / ₄
118.	Fleurs.	— toile.	Mengel.	7 ¹ / ₄	5 ¹ / ₄
119.	Fleuve.	— bois.	Brandt moderne.	7	5
120.	Un fort près de l'eau.	— bois.	Schultz.	4 ¹ / ₂	6
121.	Campagne.	— bois.	moderne.	7	9 ¹ / ₄
122.	Deux vaches.	— bois.	moderne.	4	4 ¹ / ₄

106.	Пожаръ. (на холстѣ).	Беймеля.	8	10 ¹ / ₂
107.	} Головы стариковъ въ различныхъ положеніяхъ (на деревѣ).	} Вильгельма Риппа. 1758.	6	4 ¹ / ₂
108.				
109.				
110.				
111.	Охога. (на холстѣ).	Кверфурта.	12 ³ / ₄	17 ¹ / ₂
112.	Лошади. —	Левенстерна.	6 ¹ / ₄	9 ¹ / ₄
113.	} Морскіе виды. — }	Локкейна.	4 ³ / ₄	6 ³ / ₄
114.				
115.	Морской видъ. (на деревѣ).	Ш.	4	5 ¹ / ₂
116.	Львы. (на холстѣ).	Криссера.	4	5 ¹ / ₂
117.	Морской видъ. (на деревѣ).	Тяля.	4 ¹ / ₄	5 ³ / ₄
118.	Цвѣты. (на холстѣ).	Менгеля.	7 ¹ / ₄	5 ¹ / ₄
119.	Рѣка. (на деревѣ).	Брандта.	7	5
120.	Крѣпость на водѣ. —	Шульца.	4 ¹ / ₂	6
121.	Поле. —	Новѣйшая.	7	9 ¹ / ₄
122.	Двѣ коровы. —	Новѣйшая.	4	4 ¹ / ₄

ÉCOLE FLAMANDE.

TABLEAUX HISTORIQUES ET TÊTES.

123.	La création, sur toile.	Breughel l'ancien.	12	18
124.	Madelaine et le Christ. — toile.	Breughel de velours.	14	22 ¹ / ₂
125.	Saint François de Pa- ule. — cuivre.	Franck.	5	3 ³ / ₄
126.	La mère de Rubens, âgée de 105 ans. — bois.	P. P. Rubens.	9 ³ / ₄	7 ¹ / ₂
127.	Mariage de la Vierge. — bois.	Ecole de Rubens.	14 ¹ / ₂	11
128.	Roi d'Angleterre à cheval. — toile.	Van Dieck.	9 ¹ / ₂	7 ¹ / ₄
129.	Saint Paul. — toile.	Ecole de van Dieck.	7 ¹ / ₂	5 ¹ / ₄
130.	Saint Jean.	} sur bois. Ecole de Rembrandt.	6 ¹ / ₂	5
131.	Saint Paul.			
132.	Saint Mathias.			
133.	Bohémiens. } — toile.	Pierre de Laar.	6 ¹ / ₂	8 ¹ / ₄
134.	Cyclopes.			
135.	Tête avec effet de feu. — bois.	Copie de Schalken.	4 ³ / ₄	3 ¹ / ₂
136.	Vieille femme.— bois.	IHSF.	5 ¹ / ₂	4
137.	Femme en pelisse. — bois.	Patel.	5	4
138.	Portrait de fumeur moderne. — toile.	Schneider.	15 ¹ / ₂	12 ¹ / ₄

ФЛАМАНДСКАЯ ШКОЛА.

ИСТОРИЧЕСКІЯ КАРТИНЫ И ГОЛОВЫ.

123.	Сотвореніе міра. (на холстѣ).	Брегеля (отца).	12	18
124.	Магдалина со Христомъ. —	Брегеля.	14	22 ¹ / ₂
125.	Св. Францискъ де Поль. (на мѣди).	Франка.	5	3 ³ / ₄
126.	Мать Рубенса 105 лѣтъ. (на деревѣ).	П. П. Рубенса.	9 ³ / ₄	7 ¹ / ₂
127.	Бракосочетаніе Богородицы. —	Школы Рубенса.	14 ¹ / ₂	11
128.	Английскій Король на лошади. (на холстѣ).	Ванъ-Дикка.	9 ¹ / ₂	7 ¹ / ₄
129.	Св. Павелъ. —	Школы Ванъ-Дикка.	7 ¹ / ₂	5 ¹ / ₄
130.	Св. Іоаннъ.	Школы Рембрандта.	6 ¹ / ₂	5
131.	Св. Павелъ.			
132.	Св. Матвѣй.			
133.	Цыгане.	(на холстѣ). Петра Лаара.	6 ¹ / ₂	8 ¹ / ₄
134.	Цыгане.			
135.	Голова освѣщенная огнемъ. (на деревѣ).	Копія съ Шаллена.	4 ³ / ₄	3 ¹ / ₂
136.	Старая женщина. —	INSE.	5 ¹ / ₂	4
137.	Женщина въ шубѣ. —	Пателя.	5	4
138.	Портретъ курильщика. (на холстѣ).	Шнейдера.	15 ¹ / ₂	12 ¹ / ₄

TABLEAUX DE GENRE.

139.	Atelier de peintre. sur toile.	Horemans.	14 ¹ / ₂	18
140.	Partie de cartes. — toile.	David Teniers.	7	5 ¹ / ₂
141.	Intérieur de ferme. — toile.	Ecole de Teniers.	7 ¹ / ₂	9
142.	Deux chevaux. — toile.	Vouvermans.	4 ¹ / ₂	6 ³ / ₄
143.	Partie de cartes. — toile.	Ecole de Brauver.	8 ³ / ₄	7
144.	Berger et son trou- peau. — toile.	Carl Dujardin.	11	8
145.	Départ d'un seigneur. — toile.	Devlib 1731.	8	11
146.	Aveugle. — toile.	Molinaer.	7 ¹ / ₄	5 ³ / ₄
147.	Berger et son trou- peau. — bois.	Nicolas Ryckx.	5 ¹ / ₄	6 ¹ / ₂
148.	Lazare et le mauvais riche. — toile.	van Kessel.	14	21 ¹ / ₂
149.	Cheval et figures. — toile.	Coyp.	11	14
150.	Mademoiselle de la Vallière et Louis XIV. — toile.	Terburg.	17	22 ¹ / ₄
151.	Mascarade. — toile.	Jean Miel.	17	22
152.	Animaux. — toile.	van Blömart.	9	11 ¹ / ₂
PAYSAGES etc.				
153.	Vaches et moutons. sur toile.	Ecole de Berghem.	7	9 ¹ / ₂
154.	Chevaux et figures. — toile.	Pierre de Laar.	7	6 ¹ / ₂

НАРОДНЫЯ СЦЕНЫ.

139.	Мастерская Живописца. (на холстѣ).	Горманса.	14 ^{1/2}	18
140.	Карточная игра. —	Давида Теньера.	7	5 ^{1/2}
141.	Внутренность фермы —	Школы Теньера.	7 ^{1/2}	9
142.	Двѣ лошади. —	Вувермана.	4 ^{1/2}	6 ^{3/4}
143.	Карточная игра. —	Школы Брауера.	8 ^{3/4}	7
144.	Пастухъ и стадо. —	Карла Дюжардена.	11	8
145.	Отъѣздъ хозяина. —	Девлибъ. 1731.	8	11
146.	Слѣпой. —	Молинера.	7 ^{1/4}	5 ^{3/4}
147.	Пастухъ и стадо. (на деревѣ).	Николая Ривса.	5 ^{1/2}	6 ^{1/2}
148.	Лазарь и богачъ. (на холстѣ).	Ванъ Кесселя.	14	21 ^{1/2}
149.	Лошадь и мущина. —	Квица.	11	14
150.	Г-жа Дела-Валльеръ и Людовикъ XIV	Тербурга.	17	22 ^{1/4}
151.	Маскарадъ. —	Жанъ-Міеля.	17	22
152.	Животныя —	Ванъ-Бломарта.	9	11 ^{1/2}

П Е Й З А Ж И.

153.	Коровы и бараны. (на холстѣ).	Школы Бергема.	7	9 ^{1/2}
154.	Лошади и фигуры. —	Петра Лаара.	7	6 ^{1/2}

155.	Tête de mort. sur bois.	Ecole de Kalf.	6 ¹ / ₂	10
156.	Oiseaux et gibier. — toile.	Ecole de Vénix.	16	21
157.	Marine. — toile.	Claude Lorrain.	16 ¹ / ₂	21
158.	Montagnes, rivière, etc. — toile.	Paul Brill.	19	24 ¹ / ₂
159.	Marine. — toile.	Both d'Italie.	14	22 ¹ / ₂
160.	Route au pied d'une montagne. — toile.	Schoenefeldt.	11	14
161.	Ruine avec neige. — toile.	François Mans.	11	15 ¹ / ₂
162.	Paysage au clair de lune. — toile.	Van der Neers.	8	10
163.	Un chariot qui verse. — toile.	Esquisse de Breughel.	8 ¹ / ₄	11 ¹ / ₄
164.	Rivage de la mer. — toile.	Manière de Ruisdaël.	10 ¹ / ₂	14 ¹ / ₄
165.	Marine. — toile.	Cornelius Vaen.	8	11
166.	Paysan sur un âne. — bois.	Vouvermans.	5 ¹ / ₂	7 ¹ / ₄
167.	Marine. — bois.	Brandt le vieux.	4	5 ¹ / ₂
168.	Campagne. — toile.	Block.	16 ¹ / ₄	21 ¹ / ₂
				
<h2>ÉCOLE RUSSE.</h2>				
169.	Repas de deux jeunes garçons. sur toile.	Plahoff.	11 ¹ / ₂	10 ¹ / ₄

155.	Мертвая голова. (на деревѣ).	Школы Кальфа.	6 ¹ / ₂	10
156.	Птицы и дичь. (на холстѣ).	Школы Веникса.	16	21
157.	Морской видъ. —	Клода-Лоррена,	16 ¹ / ₂	21
158.	Горы, рѣка и проч. —	Павла Брилля.	19	24 ¹ / ₂
159.	Морской видъ. —	Бота д'Итали.	14	22 ¹ / ₂
160.	Дорога при подошвѣ горы. —	Шёнфельдта.	11	14
161.	Развалина, покрытая снѣгомъ. —	Франциска Манса.	11	15 ¹ / ₂
162.	Пейзажъ, освѣщенный луною. —	Ванъ-деръ Невра.	8	10
163.	Упавшая телѣга. —	Эскизъ Брейгеля.	8 ¹ / ₄	11 ¹ / ₄
164.	Берегъ моря. —	Подражаніе Рюисдалю.	10 ¹ / ₂	14 ¹ / ₄
165.	Морской пейзажъ. —	Корнелиуса Вена.	8	11
166.	Крестьянинъ на ослѣ. (на деревѣ).	Вувермана.	5 ¹ / ₂	7 ¹ / ₄
167.	Морской видъ. —	Брандта старшаго.	4	5 ¹ / ₂
168.	Поле. (на холстѣ).	Блокка.	16 ¹ / ₄	21 ¹ / ₂
				
РУССКАЯ ШКОЛА.				
169.	Два крестьянскіе мальчика, которые ѣдятъ. (на холстѣ).	Плахова.	11 ¹ / ₂	10 ¹ / ₄

170.	La moissonneuse et son fils. sur toile.	Andréiew d'Arsamas.	19 ¹ / ₂	15
171.	Marine. — toile.	Baikoff. 1844.	10	11
172.	Une vue des environs de Tiflis. — toile.	Iwanoff. 1837.	7 ³ / ₄	9
173.	Pierre le Grand rasant des bateliers. — toile.	<i>Copie d'une tapisserie des Gobelins, qui se trouve dans le château Impérial de Péterhoff.</i>	19 ¹ / ₂	23
174.	Vue du temple de Catherine II dans le jardin du C-te Koucheleff - Besborodko près de S-t. Pétersbourg. — aquarelle.	J. Collman.	5 ¹ / ₄	6 ¹ / ₄
175.	Un relai russe. — aquarelle.	J. Collman.	3 ¹ / ₂	4 ¹ / ₂

170.	Жница съ сыномъ. (на холстѣ).	Андрѣева, Арзамас- ской школы.	19 ¹ / ₂	15
171.	Морской видъ. —	Байкова.	10	11
172.	Видъ изъ окрестно- стей Тифлиса. —	Иванова.	7 ³ / ₄	9
173.	Петръ 1-й въ бурю на морѣ. —	<i>Копья съ тканной кар- тины, находящейся въ Императорскомъ Дворцѣ въ Петер- гофѣ.</i>	19 ¹ / ₂	23
174.	Видъ храма Екате- рины II <i>въ саду Графа Кушелева- Безбородко въ С.- Петербурѣ.</i>	Кольмана.	5 ¹ / ₄	6 ¹ / ₄
175.	Русская станція.	Кольмана.	3 ¹ / ₂	4 ¹ / ₂

По указаніямъ каталога, большинство художественныхъ произведеній принадлежитъ кисти извѣстныхъ мастеровъ и ихъ болѣе или менѣе талантливымъ послѣдователямъ. Если бы подробная исторія приобрѣтенія картинъ была достовѣрно извѣстна (какъ то можно сказать о картинахъ Спб. Эрмитажа), то тѣмъ самымъ очень просто въ положительномъ, или отрицательномъ смыслѣ рѣшался бы и вопросъ о принадлежности ихъ кисти тѣхъ художниковъ, которые поименованы въ каталогѣ. Но когда и отъ кого приобрѣтены графомъ А. Г. Кушелевымъ-Безбородко доставшіяся Институту картины, и въ чьихъ рукахъ онѣ находились значительно раньше,—мы не знаемъ, а потому, при рѣшеніи этого важнаго вопроса независимо отъ указаній каталога, слѣдуетъ весьма внимательно присматриваться прежде всего ко внѣшнему виду картины, принимать въ соображеніе и ткань холста, и его цвѣтъ, и грунтовку, и толщину ея, и самыя краски (масл. или другія) и болѣе всего, разумѣется, самую манеру исполненія картины, какъ признакъ весьма характерный для того или другого автора, общій колоритъ картины, его относительную свѣжесть или тусклость и наконецъ сюжетъ, содержаніе картины, часто дающее прямыя указанія.—Имѣя постоянно въ виду всѣ эти важныя условія, мы, внимательно разсмотрѣвъ почти всю галерею нанли возможность отнести съ довѣріемъ почти ко всему тому, что даетъ каталогъ. Болѣе свѣдущему, больше насъ видѣвшему и опытному изслѣдователю, можетъ быть, удастся опредѣлить и имена авторовъ тѣхъ картинъ, которыя пока отнесены только къ той или другой школѣ; ему же придется болѣе критически отнестись къ указаніямъ каталога, правильнѣе распредѣлить художниковъ по школамъ и направленіямъ.

Разсматриваемая картинная галерея можетъ да и должна представлять интересъ для всякаго вообще интеллигентнаго посѣтителя, хотя многія картины остановятъ на себѣ вниманіе только специалистовъ художниковъ и важны, какъ образцы для ознакомленія съ характерными особенностями приемовъ живописи той или другой школы; такія картины, цѣлесообразно расположенныя, могутъ вмѣстѣ съ тѣмъ наглядно указывать на постепенный ходъ развитія искусства вообще и техники его въ частности.

Не находя для настоящей замѣтки нужнымъ и, по дан-

ному времени, возможным останавливаться на описаніи всѣхъ картинъ, мы скажемъ нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Первыя три картины правильнѣе нужно бы назвать образами; это — „Спаситель и Богоматерь“ (№ 1), „Богородица, Спаситель, Епископъ и мученикъ“ школы Джунты Пизано XIII вѣка (№ 2) и „Святой, творящій милостыню“ Бартоломея, школы Сиенской (№ 3). Въ нихъ, какъ относящихся къ сравнительно ранней порѣ искусства, разумѣется, нечего искать особой правильности въ рисунѣ, сильной лѣпки или блестящаго колорита, за то въ композиціи, въ движеніяхъ фигуръ проявляется глубокое искреннее религіозное настроеніе. Въ этихъ образахъ, а также и въ „Св. Севастьянъ“ школы Франко Болоньезе (№ 6), какъ самые приемы исполненія, такъ и трактовка сюжетовъ носятъ на себѣ слѣды еще сильнаго византійскаго вліянія, византійскихъ традицій искусства. Характерною особенностію этихъ образовъ, а также и картины „Поклоненіе волхвовъ“ Лео-Мемми Сиенской школы (№ 7) является присутствіе золота въ обработкѣ одеждъ и фона, при чемъ золотые нимбы орнаментированы. Относительно № 7 слѣдуетъ замѣтить, что 1400-й годъ выставленъ въ каталогѣ ошибочно, такъ какъ извѣстно, что Л. Мемми работалъ одновременно съ извѣстнымъ выдающимся мастеромъ Сиенской школы — Симоне де Мартино, ошибочно прозваннымъ Симоне Мемми (1276? по 1344), своимъ родственникомъ. Онъ же, Лео Мемми, уже въ 1317 году пишетъ большую фресковую икону «Богоматерь со святыми и ангелами» въ ратушѣ города Сан'Джиминьяно. (См. Ф. Кутлеръ. — Ручов. къ исторіи искусства ч. II, стр. 188 и 189).

— Изъ картинъ Итальянской школы вообще прежде всего обращаетъ на себя вниманіе картина „Св. Антоніа“, школы М. Анджею Буонаротти (№ 11). Колѣнопреклоненный Святой съ воздѣтыми руками благоговѣнно пораженъ дивнымъ видѣніемъ Св. Даровъ, нисходящихъ съ неба, а парящіе вверху ангелы своими взглядами какъ-бы указываютъ на небесную пищу Св. мужу (картинка искусно реставрирована въ 1842 г. въ Сиб.). — № 12 представляетъ, по всѣмъ признакамъ, хорошую старинную копию съ картины Андрея дель Сарто — „Святое семейство“. Іоаннъ Креститель вручаетъ Христу державу, на второмъ планѣ картины видна

фигура Св. Иосифа. Живопись слѣдовало бы кое-гдѣ реставрировать.

„*Портретъ кардинала*“ школы *Анджело Брондзино* (№ 14), значительнаго портретиста XVI в., даетъ намъ интересный образчикъ портретной живописи. Лицо кардинала, выдержанное въ пріятномъ и довольно сильномъ тонѣ, полно жизни и экспрессіи.

Въ № 15-мъ мы видимъ опять такі излюбленные многими художниками сюжеты, — *Св. Семейство*, — исполненный *Джентилески* (собств. Гораціо Ломи — 1563—1646). При довольно строгомъ рисункѣ тѣло написано мягко въ тепломъ тонѣ. У лѣваго нижняго угла видна только голова Крестителя; въ рукѣ Христа Спасителя крестикъ и ленточка со словами: *Ecce Agnus Dei etc.* Какъ видно, нѣкоторыя мѣста картины когда-то реставрированы.

Весьма мило трактованъ сюжетъ картины „*Богородица со Спасителемъ*“ *Франческини* (№ 18). Богоматерь углубилась въ чтеніе Св. Писанія; правая рука спящаго Иисуса, держащая яблоко, покоится въ Ея рукѣ, а въ лѣвой небольшой крестикъ. Реставрированная въ 1842 г. въ Сиб., картина эта все таки требуетъ умѣлаго обновленія.

№ 22-ой — „*Рождество Спасителя*“ *Карла Маратта* — представляетъ собственно поклоненіе пастырей. Сюжетъ разработанъ весьма подробно и заключаетъ много фигуръ. Въ числѣ даровъ пастухами принесены барашки, куры, мальчикъ держитъ голубей, дѣвушка корзину съ какими-то красными плодами. Всѣ окружаютъ и дивятся рожденному Младенцу, лежащему въ ясляхъ. За Богоматерью видна фигура Св. Иосифа, а въ высотѣ четыре ангела держатъ хартію со словословіемъ: *Gloria in excelsis Deo...* и дымящееся кадило.

Интересна по манерѣ письма и мягкому теплomu колориту картина *Антоня Рибалла Мемса* (1728—1774) — „*Св. Магдалина*“, углубившаяся въ чтеніе Св. Писанія (№ 23).

Пріятно поражаетъ зрителя прекрасная копія съ картины *Джовани Баптиста Сальви*, прозваннаго *Сассо-Феррато* (1605—1685) — „*Богородица*“ (№ 26). Молитвенное настроеніе чрезвычайно удачно выражено въ смугломъ лицѣ и усиливается общимъ движеніемъ фигуры со сложенными руками.

№ 28-ой — „*Морской видъ*“ школы Нидерландца *Петра де Молина*, по прозванію *Темнеста* (1636—1704), предста-

лаеть берегъ моря въ бурную ночь. Нѣсколько человѣческихъ фигуръ, освѣщенныхъ факеломъ, хлопочуть у причалившей, или отходящей лодки, а вдали на разныхъ разстояніяхъ виднѣются силуэты судовъ. Картина сильно загрязнена, но если ее слегка промыть, то краски оказываются достаточно свѣжими, и сочетаніе ихъ довольно эффектное.

Образецъ широваго и смѣлаго письма даетъ художникъ Филиппъ Роосъ XVII в., прозванный *Роза ди-Тизоли*, въ картинѣ „*Животныя*“ (№ 31). Двѣ овцы на первомъ планѣ, а подальше лежащая корова расположились въ какомъ-то гротѣ, служащемъ хорошимъ фономъ, сильно выдвигающимъ сочно положенныя свѣтвые пятна.

Небольшая, но весьма цѣнная картина, это № 33, „*Спаситель умершій*“, *Корреджіо*. Тѣло Спасителя лежитъ діагонально картинѣ. Камня подъ Тѣломъ явственно не видать, но плащаница исподъ правой руки Спасителя, на первомъ планѣ, видна. Свѣтъ освѣщаетъ только грудь и ноги до колѣнъ. Голова, опрокинутая назадъ, и ноги ниже колѣнъ находятся въ тѣни. Правая рука, хотя и освѣщена, но очень мало, почти находится въ полутонѣ. Картина, видно, когда-то реставрирована и въ общемъ сохранилась довольно хорошо¹⁾.

Самымъ талантливымъ изъ послѣдователей Корреджіо считается Франческо Маццуола, прозванный иль-Пармиджіанино (1503—1540). Картины его, историческія по сюжету или же религіознаго содержанія, а также фрески не отличаются особенными достоинствами. «Истинно-значительнымъ художникомъ Пармиджіанино является только тамъ, гдѣ благотворно сдерживаетъ его непосредственный образецъ природы, то есть въ портретахъ» (Куглеръ ч. II стр. 376). Сказанное можно отнести и къ имѣющей въ галлерей картинѣ *Пармиджіанино* „*Галатея*“ (№ 34). Лицо, да и другія части тѣла нарисованы и написаны хорошо: очевидно, художникъ воспользовался тѣмъ, что давала натура. Остальное исполнено не съ одинаковою силой, хотя вообще все нарисовано добро-

¹⁾ Замѣтка о № 33 вставлена, для полноты очерка, Р. К. Цыбульскимъ; самому автору статьи, когда онъ писалъ ее, не пришлось видѣть картины, такъ какъ она въ то время находилась у реставратора.

совѣстно. Общій колоритъ или былъ и прежде нѣсколько тяжеловатымъ, или на немъ сказалось вліяніе времени. Картина заключаетъ много фигуръ, составляющихъ свиту Галатеи, везомой дельфинами, которыми управляетъ амуръ. Вдали, на гористомъ берегу, сидитъ играющая на пастушьей свирѣли мощная фигура, очевидно, Полифема, старающаго отъ любви къ красавицѣ, которая глуха къ его мольбамъ, какъ волны моря и надменна, какъ павлинь.

Очень хорошая вещь, какъ по композиціи, такъ и по выполненію, стоитъ подъ № 35-ымъ. Къ сожалѣнію, имя художника неизвѣстно, но видно, что авторомъ „*Иродіады*“ былъ одинъ изъ весьма талантливыхъ учениковъ школы *Гверчиньо* (1590—1666), собственно Джованни Франческо Барбьери. Здѣсь на лицо всѣ характерныя особенности этого мастера. Сильныя глубокія тѣни чрезвычайно эффектно выдѣляютъ прекрасно нарисованныя и колоритно написанныя формы тѣла. Въ картинѣ, представляющей первый моментъ по отсѣченіи главы Крестителя, кромѣ обезглавленнаго тѣла пророка имѣются еще три фигуры: палачъ, держащій голову I. Крестителя, Саломія, съ блюдомъ въ рукѣ, и тюремный сторожъ.

Далѣе, изъ семьи *Караччи* въ Болоньи мы имѣемъ картину самаго сильнаго, — *Аннибала*, — „*Истязаніе Спасителя*“ (№ 36). Высоко помѣщенная въ церкви, картина эта не могла быть хорошо разсмотрѣна, хотя можно было замѣтить, что значительно пострадала отъ времени. Небольшая картинка школы *Людовика Караччи*, основателя Болонской школы (1555—1619), — „*Св. Магдалина*“ (№ 37), — хорошо сохранившаяся (писана на мѣди), интересна по движенію фигуры и экспрессіи лица. Наконецъ, № 38 представляетъ работу третьяго *Караччи*, *Аюстиньо*, племянника *Людovieка* (1558—1601). Въ его картинѣ „*Нарциссъ у источника*“ взять извѣстный заключительный моментъ страдающаго прекраснаго юноши, поэтически преподаанный *Овидіемъ*. *Нарциссъ*, наклонившійся надъ источникомъ, безнадежно ждетъ любви и участія отъ своего отразившагося въ *Теспійскихъ* водахъ образа, и *Эхо*, показавшаяся изъ за дерева, быть можетъ, повторяетъ его послѣднее «прощай». Картина, съѣжая по колориту, хорошо сохранилась, слегка реставрирована и покрыта лакомъ.

Нельзя не упомянуть и о хорошей старинной копіи съ картины „*Сивилла*“ *Гвидо Рени* (1575—1642) (№ 40). Ко-

пія, исполненная очень хорошо, знакомитъ насъ съ манерой этого выдающагося «щеголеватого изящнаго» мастера. Весьма пріятно поражаютъ глазъ пѣжные переходы тоновъ въ исполненіи лица и руки.

Интересна по своеобразной техникѣ и сильному теплому колориту картина „Ангелъ“ (съ нотами) *Луино Миланскаго* (№ 42). Изъ художниковъ Миланской школы извѣстны два Луини: Бернардино и его сынъ Авреліо. Основательнѣе будетъ приписать данную картину Луино—отцу, такъ какъ работы сына отличаются холоднымъ колоритомъ.

Изъ видныхъ учениковъ Караччи въ галлерей имѣется *Ланфранко Джованни* (1581—1647), картина котораго—„Несеніе креста Спасителемъ“ (№ 44)—производитъ сильное впечатлѣніе. Голова Христа съ прекраснымъ выраженіемъ глазъ, часть плеча и груди, а также и рука, по рисунку и краскамъ очень хороши. Рядомъ со Спасителемъ, Св. Вероника держитъ обѣими руками платъ, на которомъ, по преданію Западной Церкви, отпечатлѣлся ликъ Божественнаго Страдальца.

Далѣе галерея владѣетъ превосходною картиною „Св. Магдалина“, принадлежащую кисти неизвѣстнаго художника школы *Тиціана Вичелліо* (1477—1576) (№ 46). Реставрированная, картина эта невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе. Исполнившій ее былъ, вѣроятно, однимъ изъ весьма талантливыхъ подражателей Тиціана, такъ какъ и по колориту, и по приѣмамъ техники она какъ бы вышла изъ подъ кисти самого Тиціана.

Подъ № 50-тымъ значится картина *Тьеполо*—„*Геркулесъ и Омфали*“. Въ ней, кромѣ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, много женскихъ фигуръ, занятыхъ пряжей, какъ и самъ укрощенный полубогъ, разставшійся со своею палицею, попавшей въ руки Омфалы.—Все въ картинѣ исполнено мастерски; общій колоритъ ея, какъ видно, нѣсколько потуснѣлъ и принялъ грязноватый теплый оттѣнокъ. Вещь эта принадлежитъ, вѣроятно, кисти Тьеполо—отца, Джованни Балтиста, (1692—1769), хотя и сынъ его, Доменико, шелъ тою же дорогой.

Далѣе слѣдуетъ картина „*Моисей, спасенный изъ воды*“ художника также Венеціанской школы *Алессандро Варотари или Падованино* (1590—1650) (№ 52). Вся картина, сильная

по колориту и лѣнкѣ, выдержана въ теплое тонѣ; особенно же интересна по колориту и нѣжнымъ переходамъ красокъ фигура служанки, держащей Моисея.

№№ 55-ый и 56-ой представляютъ интересные образчики того рода живописи, надъ которымъ съ такою любовью и неподражаемымъ искусствомъ работали Нидерландскіе мастера. Слэччѣатти даетъ двѣ картины: «*Цветы, плоды и собака*» и «*Цветы, кроликъ и плоды*». Картины эти, по своей законченности и краскамъ а также какъ единственные въ своемъ родѣ, являются въ галлерей весьма умѣстными и цѣнными.

Картина *Франческо Мура*, «*Елеазаръ и Рахиль*» (№ 58), эффектная вещица по сильному освѣщенію, которое увеличиваютъ еще—быть можетъ, отъ времени—потемнѣвшія тѣни. Особенно хороша граціозная фигура Рахили. Старый холстъ наклеенъ на новый не совсѣмъ удачно. Время паложило на краски свою руку, но все же, какъ намъ кажется, какъ эта, такъ и другія картины могутъ принять совсѣмъ иной видъ въ опытныхъ рукахъ реставратора.

Лука Камбѣазо или *Л. Камджажіо*, Генуэзской школы,—одинъ изъ весьма талантливыхъ мастеровъ, всегда искавшій правды и не поддававшійся современному увлеченію пустой манерой,—даетъ образчикъ своего искусства въ картинѣ (хотя не выдающейся) «*Богородица и Спаситель*» (№ 62). Выдѣляется она среди другихъ своимъ блѣднымъ теплымъ тономъ тѣла. Было бы вполне своевременно теперь же реставрировать нѣкоторыя мѣста, напр., ликъ Спасителя, на которомъ имѣется уже нѣсколько пятенъ отъ оставшей краски.

Подъ № 71-ымъ значится небольшая картинка *Бернардо Строцци*, прованнаго иль-Прете Дженовезе, «*Богородица съ Ангеломъ*». Богоматерь съ отрокомъ Иисусомъ принимаютъ вѣстъ, поддерживаемый волѣнопреклоненною фигурой (можетъ быть, І. Крестителемъ). Стоящій вблизи ангелъ готовится ее поднять, какъ то можно предположить по движенію протягиваемыхъ впередъ рукъ. Характерныя особенности мастерства Строцци, заключающіяся въ чувствѣ сильнаго колорита и мягкости въ обработкѣ формъ, присущи и разсматриваемой вещи. Картина реставрирована въ Спб. въ 1842 г.

Изъ *пейзажей Александра Маньяско* въ первомъ (№ 72) имѣется нѣсколько мужскихъ и женскихъ фигуръ, какъ на первомъ планѣ, такъ и въ глубинѣ картины; мѣстность къ

горизонту принимает холмистый характер. Второй пейзаж (№ 73) также оживленъ фигурами, удающими рыбу, и женщинами, пришедшими за водой. Небольшая рѣчка окаймлена крутыми берегами; вдали къ горизонту видны синѣющія горы.—Въ обѣихъ картинахъ тонъ неба, очень пріятный и правдивый, отличается свѣжестью и не принялъ того зеленоватого оттѣнка, который такъ часто приходится наблюдать въ старинныхъ пейзажахъ. Низко надъ горизонтомъ спокойно плаваютъ теплыя, розоватыя, привѣтливыя облака; только зелень приняла грязноватый темный видъ. Второй пейзажъ вообще сохранился очень хорошо и реставрированъ.

Небольшая картинка *Цукарелли*, «*Стадо*» (№ 74), представляет собою пастушескую идиллію. На первомъ планѣ подъ пригоркомъ расположилось отдыхающее въ знойную пору стадо овецъ и козъ; тутъ же сидятъ и пастушокъ. За нимъ возвышаются развалины старой башни съ примыкающей къ ней аркой, на которой отъ времени успѣла появиться растительность. Далеко у горизонта поднимается синѣющая гора, по небу кое гдѣ плаваютъ легкія облака. Все въ этомъ пейзажѣ скомпоновано очень просто и мило. Краски не утратили своей свѣжести и немного требуется для того, чтобы картина приняла почти свой первоначальный видъ.

—Изъ представителей *Испанской школы* въ галлерей имѣется только оригиналъ работы Рибера и Алонзо Кано. Ф. Куглеръ (ч. II. ст. 493) о первомъ отзывается такъ: «Вліяніе Караваджіо сильно обнаруживается у неаполитанскихъ художниковъ. Здѣсь, во-первыхъ, является Испанецъ Джузеппе (Хозефъ) Рибера, прозванный ло-Спаныолетто (1593—1656). Чрезвычайно рѣшительный характеръ, увѣренность въ рисунокъ и дивная твердость кисти, вообще сила его техники, особенно же брежжущій и какъ-то жуткій даже отблескъ свѣтотѣни, придаютъ важнѣйшимъ его произведеніямъ поразительный эффектъ». Въ сказанномъ можно убѣдиться при внимательномъ разсматриваніи картины «*Св. Францискъ*» Рибера (№ 78). Въ верхнемъ лѣвомъ углу изображенъ ангелъ, играющій на скрипкѣ, въ противоположномъ отъ него направленіи св. Францискъ, восторженно внимающій неземнымъ звукамъ.

Другая картина, «*Св. Иеронимъ*», отнесена къ *школе Рибера* (№ 79) и, дѣйствительно, всѣ сказанныя выше харак-

терныя особенности мастерства Риберы замѣтны и здѣсь; стоитъ только внимательно присмотрѣться, какъ написаны правое плечо, рука, ключицы, голова, морщинистая кожа, вообще всѣ обнаженные части тѣла, за исключеніемъ ручной кисти, гдѣ замѣтна нѣкоторая сухость и неполная свобода техники.

Въ картинѣ *А. Кано* (1601—1667), Севильской школы, — «*Поклоненіе волхвовъ*» (№ 81), — мы не замѣчаемъ тѣхъ достоинствъ въ рисункѣ и колоритѣ, которыя присущи работамъ этого художника; можно думать, что она относится къ сравнительно ранней порѣ его дѣятельности. Если имѣть въ виду хронологическую послѣдовательность, то картина эта должна идти раньше номера 80-го. Подобныя несообразности замѣчаются во многихъ мѣстахъ каталога, но исправленіе каталога не входитъ въ нашу задачу, почему, ограничиваясь этимъ замѣчаніемъ, мы и не будемъ указывать, гдѣ бы то слѣдовало, на допущенныя въ каталогѣ неточности.

Изъ художниковъ Французской школы прежде всего выступаетъ *Николай Пуссенъ* (1594—1665), хотя картина его, «*Спаситель отдающій ключи Св. Петру*» (№ 83), и не блещетъ тѣми достоинствами, которыя присущи его произведениямъ. Извѣстно, что Пуссенъ, жившій въ Римѣ, всецѣло отдавался воспроизведенію сюжетовъ почти исключительно изъ классической древности. Въ чисто историческихъ сюжетахъ, какъ «*Воздержаніе Сципіона*», или въ мифологическихъ, какъ «*Полифемъ*» и «*Геркулесъ*», а также и въ пейзажахъ виднѣн особый, свойственный Пуссену стиль, индивидуальность коего обуславливается величавостью композиціи, благородствомъ рисунка и жизненнымъ, правдивымъ колоритомъ. По имѣющейсѣ въ галлерей картинѣ нельзя себѣ составить вполне вѣрнаго понятія объ этомъ своеобразномъ талантѣ. Можно думать, что наша картина относится къ ранней порѣ его дѣятельности, когда художникъ еще не опредѣляется вполне. — Вся картина представляетъ большое темное пятно, изъ котораго едва замѣтно выступаютъ фигуры апостоловъ; къ тому же она виситъ довольно высоко въ церкви, въ тѣни, и рассмотреть ее трудно. У горизонта едва виднѣтся желтоватая полоска неба. Весь холстъ въ трещинахъ.

№ 85-ый представляетъ «*Портретъ*» школы *Ласента Рио* (1659—1743), работы котораго, исполненныя жизнен-

ной правды, принадлежали къ лучшимъ образцамъ портретной живописи своего времени. Разсматриваемый портретъ, исполненный въ духѣ Риго, обладаетъ несомнѣнными достоинствами.

«*Портретъ женщины*» школы *Пьерра Миньяра* (1610—1695) (№ 85), также особенно славившагося въ портретной живописи, исполненъ посредственно, но интересенъ въ галлерей, какъ образецъ, отражающій въ себѣ современное направление въ этой области искусства.

Такое же значеніе для галлерей имѣеть и небольшая картинка *Нозля Куапел'я* (1628—1697) «*Богородица со Спасителемъ*» (№ 90)

Относительно *Антуана Ватто* (1684—1721), автора имѣющагося въ галлерей «*портрета женщины*» (№ 91), мы позволимъ себѣ привести слѣдующія строки изъ руководства въ исторіи искусства Ф. Куглера II ч. стр. 511. «Настоящіе французскіе жанристы слѣдуютъ затѣмъ только уже въ началѣ 18 столѣтія. Мастера эти обращаются предпочтительно къ той напускнуой поэзіи и идилличности житейскихъ отношеній, каковыми щеголяли тогда и на театральной сценѣ, и въ обществѣ, гдѣ кавалеры съ косами въ кошелькахъ и дамы въ растопорченныхъ фижмахъ воображали себя возвратившимися къ сладостямъ какого-то никогда не виданнаго пастушескаго быта. Сцены этого рода умѣютъ они изображать не съ глубокимъ, конечно, чувствомъ и не съ энергическою правдой живой дѣйствительности, но все таки съ извѣстной милосердностью и граціей, и въ нихъ, сами того не подозрѣвая, даютъ очень хорошія живописныя пародіи на свой пресловутый вѣкъ. Главой этого направленія былъ Антуанъ Ватто, мастеръ съ удивительнымъ живописнымъ дарованіемъ, который въ своихъ многочисленныхъ, щегольски выполненныхъ и вмѣстѣ остроумно оживленныхъ картинахъ, наглядно передаетъ нравы своего времени съ необыкновенной тонкостью и съ полнѣйшимъ художественнымъ убѣжденіемъ.» Имѣющійся въ галлерей портретъ даетъ нѣкоторое понятіе, если не о содержаніи творчества, то хоть о манерѣ живописи этого мастера. Картина вообще сохранилась хорошо, только во многихъ мѣстахъ краска отстала отъ дерева и вотъ-вотъ осыплется; почему весьма желательно было бы своевременное реставрированіе ея.

«*Морской видъ*» А. Мишо (№ 92) представляет весьма тщательно исполненную картину оживленія въ приморскомъ городѣ, виднѣющемся справа, съ возвышающеюся церковною башней. Около 30-ти человекъ суетятся на берегу и въ лодкахъ, то перенося и увлаживая товары, то увозя ихъ, быть можетъ, въ стоящимъ поотдалъ большимъ кораблямъ.. Слегка промытая, картинка открываетъ искусно выписанное колоритное небо съ ласкающими глазъ, спокойно плывущими легкими облаками.

Слѣдующая картина, «*Женщина съ птичьимъ гнѣздомъ*» (№ 93), не имѣетъ художественныхъ достоинствъ, равно какъ 94-й №, «*Венера Медицейская,*» представляетъ просто слабоватый этюдъ со статуи (масл. краск. на бумагѣ).

Малозначущими являются и работы под №№ 96 и 98-мъ, «*Спаситель*» и «*Благовѣщеніе*» Изъ французскихъ художниковъ XVIII вѣка, вообще малосодержательныхъ и съ приторно-слащавою манерою живописи, имѣется въ галлерей еще «*Цезарь*» Франсуа Буше (1704—1770) (№ 95), прославшаго тогда «живописцемъ грацій»; но вмѣсто грацій мы видимъ здѣсь слабоватый съ холоднымъ колоритомъ пейзажикъ.

Въ Нѣмецкой школѣ прежде всего останавливаетъ на себѣ вниманіе оригинальная композиція «*Спаситель съ одиннадцатью апостолами*» школы Гроцгуса (№ 103). Картина изображаетъ, вѣроятно, первый моментъ страшнаго суда. Христосъ представленъ сидящимъ во славу своей, подъ Нимъ крестъ и другія орудія крестныхъ страданій. По обѣ стороны отъ креста возсѣдаютъ по шести апостоловъ, а четыре трубачихъ ангела возвѣщаютъ міру о послѣднемъ днѣ его. Въ расположеніи элементовъ композиціи усматривается строгая симметрія.

Вторая картина нѣмецкой школы,—это «*Поклоненіе царей*» Мартина Шѣна или Шонгауэра († послѣ 1490 г.) (№ 104). Шонгауэръ является даровитымъ выдающимся представителемъ верхнегерманскаго типа живописи, въ ту пору ея развитія, когда на ней стадо сказываться вліяніе фламандскаго искусства. Въ этомъ смыслѣ данная картина представляетъ немалый интересъ, если только она дѣйствительно принадлежитъ его кисти. Считаю нужнымъ сдѣлать такую оговорку потому, что многія произведенія, приписывавшіяся ему, на самомъ дѣлѣ при болѣе строгихъ критическихъ розыска-

нихъ, оказались выполненными его школою (учениками и послѣдователями).

Обращаемъ вниманіе на Шонгауэра еще и по той причинѣ, что подъ его вліяніемъ воспитались и другіе художники, между прочимъ, Гольбейны, и изъ нихъ Гансъ Гольбейнъ старшій, по направленію своему, былъ близокъ къ Шонгауэру, хотя собственно по техникѣ стоялъ выше его. Въ нашей галлерей имѣтся картина «*Мущина на большой лошади*» школы Гольбейна (№ 105). Къ сожалѣнію, неупоминается, — каково именно изъ Гольбейновъ. Картина, хорошо сохранившаяся (на деревѣ), выписана очень старательно и детально.

Далѣе, «*Пожаръ Беймеля*» (№ 106). По объѣмъ сторонамъ небольшой рѣчки расположены дома. Справа, вдали, — поле, за которымъ начинается лѣсъ. Сюжетъ воспроизведенъ довольно реально, хотя въ бѣгущей толпѣ не замѣтно слишкомъ стремительнаго движенія, характернаго для даннаго момента. Картина навлеена на новый холстъ и хорошо сохранилась.

«*Морской видъ*» Локкейна (№ 114) представляетъ собственно видъ портоваго города. На первомъ планѣ картины большой корабль, уходящій отъ берега, съ лѣвой стороны вдали виденъ городъ, надъ которымъ возвышаются мачты и паруса ближайшихъ судовъ. Небо и вода пріятны по тонамъ и написаны умѣло и весьма тщательно. Въ № 113, тоже «*Морской видъ*», тѣ же качества, хотя въ описанномъ раньше №-ѣ замѣчается бѣлая чистота тона.

«*Цветы*» Менгеля (№ 118) сильно напоминаютъ собою мастерство голландскихъ художниковъ въ этомъ отдѣлѣ живописи.

Брандтъ, въ небольшой картинкѣ «*Рыба*» (№ 119), съ одинаковою добросовѣстностью и чрезвычайно тонко выписываетъ все, начиная отъ рѣки, на которой расположенъ городокъ, или селеніе, и кончая маленькими фигурками. Такое же отношеніе къ дѣлу замѣчается и въ работѣ Шульца «*Крѣпость на морѣ*» (№ 120)

—Изъ художниковъ Фламандской школы прежде всего представляютъ большой интересъ Брейгели. Старшій изъ нихъ, Петръ, названный Брейгелемъ мужиковъ, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Петромъ младшимъ, прозваннымъ Брейгелемъ ада, считаются, какъ извѣстно, родоначальниками Нидерландскаго

жанра, а два другихъ брата,—Авраамъ, и особенно Іоаннъ (1569—1625), прозванный Брейгелемъ бархата и цвѣтовъ — родоначальниками нидерландскаго пейзажа. Къ сожалѣнію, каталогъ не даетъ точныхъ указаній, но по всей вѣроятности, картина «*Упавшая телѣга*» принадлежитъ кисти *Петра Брейгеля—отца* (№ 163). Колоритъ ея въ общемъ сѣроватый, что усиливается въ значительной мѣрѣ загрязненностью картины.— «*Сотвореніе міра*» по каталогу является также работою *Брейгеля—отца* (№ 123). Въ картинѣ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе фигура Творца среди созданныхъ имъ тварей. Глазъ зрителя не можетъ остановиться сразу на чемъ нибудь одномъ изъ этой массы всевозможныхъ птицъ, летающихъ, бѣгающихъ и плавающихъ, а также и разнообразныхъ рыбъ и фантастическихъ морскихъ чудовищъ. Нечего и говорить, что подобныя картины, именно какъ галлерейныя вещи, представляютъ большой интересъ. Наконецъ, «*Магдалина со Христомъ*» основательно можетъ быть приписываема *Брейгелю—сыну Іоанну*. (№ 124). Содержаніе картины слѣдующее. На первомъ планѣ, вправо отъ середины, стоитъ Воскресшій Христосъ въ красномъ одѣяніи съ заступомъ въ лѣвой рукѣ. Колѣнопреклоненная Богоматерь обращается къ Нему, какъ къ садовнику, съ мольбою во взорѣ. Словомъ, главная часть содержанія картины вполне выражается словами священной пѣсни: Магдалина Марія притече ко гробу и Христа видѣвши яко вертоградара, вопрошаше». У ногъ Христа вазонъ съ цвѣтами. Съ лѣвой стороны до самой рамы также находятся разные цвѣты и овощи. На второмъ планѣ помѣщены большія деревья, когорыми начинается садъ, расположенный по склону горы. Все это приводится на тепломъ фонѣ неба, озарившагося первыми лучами восходящаго солнца, Вдали, на разныхъ разстояніяхъ, видны фигуры апостоловъ и плачущихъ мироносицъ съ сосудами, изъ нихъ одна у двери гроба. Внизу, съ правой стороны, въ отдаленіи виднѣется Іерусалимъ. Исполненз картина очень хорошо; лицо и руки Богоматери и Христа, а также ноги и грудь съ прободеннымъ ребромъ поражаютъ свѣжестью красокъ и приятными ихъ сочетаніями. Нѣкоторыя мѣста реставрированы, то есть неискусно замазаны, но въ общемъ картина сохранилась хорошо и производитъ отвѣчающее сюжету впечатлѣніе.

Изъ произведеній *Павла-Петра Рубенса* (1577—1640),

въ галлерей имѣется *портретъ его матери* 105-и лѣтъ, какъ значится въ каталогѣ (№ 126). Писанъ на деревѣ и значительно тронуть временемъ; замѣчается чернота въ тонахъ, особенно въ морщинахъ лица. Насколько основательно приписывается этотъ портретъ Рубенсу, и дѣйствительно ли его мать въ такихъ преклонныхъ лѣтахъ могла давать сеансы своему сыну,—это вопросъ, для рѣшенія котораго у насъ не имѣется данныхъ. Можно лишь замѣтить, что весьма характерная манера письма Рубенса не чувствуется въ данной работѣ. Затѣмъ имѣется картина *школы Рубенса «Бракосочетаніе Богородицы»*, вѣрнѣе «Обрученіе Б.» (№ 127), несомнѣнно исполненная въ стилѣ Рубенса. Содержаніе слѣдующее. Дѣва Марія—въ современномъ автору одѣяніи невѣсты (въ бельгійскомъ, что ли), съ вѣнкомъ на головѣ. Священникъ надѣваетъ кольцо на палецъ Ея руки, поддерживаемой рукою Св. Іосифа. Позади стоятъ три женщины, а вверху три ангела бросаютъ цвѣты. Фономъ служатъ затѣйливая декорация: тутъ и колонны, и пилястры, и арки, и фронтончики и другіе архитектурные детали. Все въ общемъ сильно напоминаетъ подобныя же вещи Рубенса, хранящіяся въ С.П.Б. Эрмитажѣ.

Талантливейшимъ изъ учениковъ Рубенса былъ *Антонъ ванъ Дейкъ* 1599—1641), особенно неподобный въ портретной живописи. Галлерей хранитъ одну картину его кисти, это «*Английскій король на лошади*» (конечно, Карлъ I). (№ 128). Онъ изображенъ въ красной одеждѣ сидящимъ на бѣлой лошади. Картина реставрирована въ 1842 г. въ С.-П.Б.-гѣ, но холстъ неумѣло приерѣпленъ зъ подрамку, и гвозди, пройдя фонъ, показались на поверхности картины по обѣ стороны отъ головы короля, а потому существенно важно обратить на это вниманіе и опять таки кое гдѣ реставрировать. Имѣется еще въ галлерей интересная голова, какъ значится въ каталогѣ «*Св. Павелъ*» *школы Ванъ Дейка*. (№ 129). Старый холстъ навлеонъ уже на новый.

Картины № 133—«*Цыгане*»—и № 134-ой—«*Циклопы*»—принадлежать кисти *Петра ванъ Лаара*, прозваннаго Балебочіо (1613—1674). Слѣдуетъ замѣтить, что, принадлежа къ цѣлому ряду нидерландскихъ жанристовъ, съ любовью разработывавшихъ свои родные сюжеты, П. в. Лааръ, учившійся въ Италіи, изображалъ сцены изъ народной жизни Италіи,

обработка коихъ носитъ на себѣ слѣды вліянія натуралистическаго направленія итальянской живописи. Вообще же итальянскій жанръ идетъ параллельно съ низшимъ жанромъ нидерландскимъ съ тою разницею, что здѣсь отсутствуетъ комическій элементъ, свойственный весьма многимъ нидерландскимъ художникамъ. Являясь образцами такого теченія въ жанровой живописи нидерландцевъ, имѣющіяся въ галлерей картинъ П. в-Лаара достойны того, что-бы на нихъ было обращено должное вниманіе; онѣ требуютъ реставрированія, такъ какъ, помимо своего въ общемъ темнаго колорита, несомнѣнно пострадали и отъ времени. Третья картина «*Домади и фигуры*», *притисываемая Лиару* (№ 154), вѣроятно, *принадлежитъ Вуверману*. Это предположеніе подтверждается, какъ содержаніемъ картины, такъ и надписью «Вуверманъ» на обратной сторонѣ, на подрамкѣ.

«*Портретъ курильщика*» *Шнейдера* (№ 138), вѣрнѣе — Снейдерса Франца (Snyders, 1579—1657), по характеру письма и даже колориту напоминаетъ Рубенса ¹⁾, съ которымъ онъ былъ въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ. Портретъ изображаетъ довольно крупную, дышащую здоровьемъ мясистую голову въ шляпѣ, отороченной мѣхомъ.

№ 140, это небольшая картинка «*Карточная игра*» и представляетъ одинъ изъ любимыхъ сюжетовъ *Даuida Теньера* (1610—1690), несомнѣнно *младшаго*, характернѣйшаго и талантливѣйшаго изъ цѣлой плеяды представителей «низшаго» нидерландскаго жанра. Наклеена на новый холстъ, но все же требуетъ самаго внимательнаго осмотра и реставрированія. — «*Внутренность фермы*» *школы Теньера* (№ 141), вещь слабоватая.

№ 142, «*Двѣ лошади*», представляетъ не болѣе какъ этуодъ извѣстнаго *Филиппа* (если не брата его Петра) *Вувермана* (1620—1668).

Не лишень экспрессіи жанрикъ «*Карточная игра*» *школы Адриана Броуэра* (№ 147). О самомъ Броуэрѣ (1608—164) Ф. Куглеръ (ч. II стр. 508) говоритъ такъ: онъ сродственъ

¹⁾ Снейдерсъ поддѣлывался подъ колоритъ Рубенса прекрасно. Иногда Рубенсъ и Иордансъ писали въ его картинахъ человѣческія фигуры.

Теньеру, только еще размашистѣй и, правда, не такъ отчетливъ и приглядень въ исполненіи, не такъ ясенъ въ колоритѣ, но за то подвижнѣе и разнообразнѣй, веселѣе и затѣйливѣй.

Хорошая, скромная по содержанію, небольшая картина *Шарля Дюжардена* (1635—1678)—«*Пастухъ и стадо*» (№ 144). Возлѣ дома стоитъ, опершись на полку, пастушокъ въ красномъ пиджакѣ, у ногъ его лежитъ собака; невдалекѣ нѣсколько овецъ,—вотъ и все, если прибавить еще женскую фигуру, выглядывающую изъ дверей домика. Картинка сильно пострадала отъ разныхъ причинъ; хотя она и наклеена на новый холстъ, по этому еще не достаточно для того, чтобы не оставаться въ долгу передъ симпатичнымъ авторомъ ея.

Изъ произведеній послѣдователей Адриана ван'Остада имѣется въ галлерей картина *Молинера* (sic; должно быть, Моленаара) «*Слѣпой*» (№ 146). Женщина—быть можетъ, мать—со слѣпымъ мальчикомъ въ шляпѣ, протягивая руку за подаяніемъ, смотритъ прямо въ глаза зрителю. Написанная очень старательно, картинка сохранилась довольно хорошо.

Николай Риксъ въ своей идиллическаго характера картинѣ «*Пастухъ и стадо*» (№ 147) изображаетъ сценку изъ безмятежной пастушеской жизни Пастушка, съ довольно роскошными формами тѣла, играетъ на свирѣли (?), удобно расположившись возлѣ своего стада. Сзади, изъ-за пригорка осторожно пробирается къ ней юноша въ зеленой курткѣ. Привѣтливый пейзажикъ къ горизонту принимаетъ холмистый характеръ. Картинка, выполненная очень тщательно и не сухо, сохранилась, хотя краски, повидному, нѣсколько потускнѣли.

Не малый интересъ представляетъ, какъ то трактовѣ сюжета, такъ и по выполненію человѣческихъ фигуръ и массы всевозможныхъ предметовъ, картина *Янъ ван'Кесселя* «*Лазаръ и богачъ*» (№ 148.) Объ этомъ художникѣ у Ф. Куглера (ч. II стр. 519) читаемъ: «Совсѣмъ особымъ направленіемъ идетъ Янъ ван'Кессель, который, подражая Брейгелю, писалъ цвѣты, насѣкомыхъ, рыбъ, потомъ разные бездушные предметы, особенно вооруженія, наконецъ забавныя обезьяныя штуки, на манеръ Теньера».—Въ нашей картинѣ не такъ важно само по себѣ содержаніе, какъ та обстановка, въ какой изображены дѣйствующія лица. Чего-чего только не го-

товать хлопочущія женщины въ столу богача, возсѣдающаго съ избранными гостями; тутъ и чистятъ разныя овощи, и толкутъ, и варятъ, и жарятъ дичь и другую живность. На полу и въ другихъ мѣстахъ вы видите лукъ, огурцы, салатъ и другія овощи и плоды, разной породы рыбъ, птицъ, зайцевъ и т. д. Масса всевозможной кухонной посуды, по видимому, должна дополнять картину довольства и богатства пирующаго хозяина. Музыканты услаждаютъ слухъ игрою, и наконецъ, для большей утѣхи хозяина и гостей тутъ же на лицо и обезьяна. Собаки лизутъ ноги валяющагося на полу у стола Лазаря. Всѣ одѣты, разумѣется, въ современные галландскіе костюмы. Вся эта масса разнообразныхъ предметовъ добросовѣстно нарисована и выписана съ терпѣніемъ и любовью.

Далѣе слѣдуетъ картина Кейпа «Лошадь и мужчина» (№ 149), представляющая чрезвычайно сильное свѣтовое пятно пріятнаго теплаго тона. О немъ Ф. Куглеръ (ч. II стр. 517) говоритъ такъ: «Прекраснѣйшая и благороднѣйшая выработка вдиллической манеры представляется въ картинахъ Альберта Кейпа (род. въ 1606 г.), съ кѣмъ въ теплотѣ свѣта и бойкой игрѣ кисти не сравнится никому». Какъ видно, картина когда-то реставрировалась, но реставрированіе ограничилось, какъ кажется, только замазываніемъ впадинокъ, образовавшихся отъ отвалившейся краски.

Слѣдующая (№ 150) картина — «Г-жа дела-Валлеръ и Людовикъ XIV-ый» — приписывается Тербуру. Прекрасную характеристику его жанра и техники даетъ Любке,¹⁾ а также и Ф. Куглеръ. Послѣдній на стр. 509—II-ой части говоритъ: Высшій жанръ постоянно носить на себѣ характеръ голландской школы; тонкая выработка свѣтотѣни обыкновенно придаетъ картинамъ этимъ ту именно прелесть, которая какъ нельзя больше идетъ къ выраженію задушевнаго настроенія. Сюжеты берутся отчасти изъ быта высшихъ классовъ общества, отчасти просто изъ обихода домашняго хозяйства, но и въ послѣднемъ даже случаѣ они всегда чужды тѣхъ взрывовъ необузданнаго чувства жизни, которые охотно передаетъ

¹⁾ Grundriss der Kunstgeschichte v. Dr. Wilhelm Lübke II, B. s. 358.

низшій жанръ. Къ превосходнѣйшимъ мастерамъ по этой части принадлежитъ Герардъ Тербургъ (1608—1681), столько же замѣчательный поэзіей замысла, которая придаетъ его картинамъ изъ быта высшихъ сословій часто необыкновенно привлекательный, новеллистическій характеръ, сколько и нѣжнымъ, талантливымъ исполненіемъ, которое однако никогда не выдвигается у него съ самостоятельнымъ значеніемъ впередъ, какъ у разныхъ другихъ художниковъ того же направленія». Если принять во вниманіе этотъ отзывъ, то разсматриваемая картина по сюжету можетъ быть приписываема Тербургу, да и самое выполненіе аксессуаровъ, дорогихъ блестящихъ шелковыхъ и атласныхъ матерій, сильно напоминаетъ другія его картины. Однако слѣдуетъ замѣтить, что въ такихъ вещахъ, какъ «Аккордъ», или «Полученная вѣсть» (въ Эрмитажѣ), замѣчается больше законченности, больше изящества и благородства въ композиціи и строгости въ рисунокѣ. Можно, пожалуй, допустить, что исполненіе картины относится не къ самой блестящей порѣ его таланта или, наконецъ, принадлежитъ кому нибудь изъ его послѣдователей. Вообще, намъ кажется, смѣлое рѣшеніе вопроса въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ о принадлежности данной картины кисти Тербурга, за неимѣніемъ еще нѣкоторыхъ данныхъ, можетъ погрѣшить противъ истины въ ту или другую сторону. Во всякомъ случаѣ, картина представляетъ не малый интересъ, какъ вещь галлерейная, знакомящая съ характерными особенностями извѣстнаго голландскаго жанра. Николай Беркгема (1624—1683) принадлежитъ къ нидерландскимъ художникамъ, соединявшимъ жанръ съ пейзажемъ, подобно Кейпу и Дюжардену, о которыхъ уже говорилось выше. Въ галлерей имѣется очень мило исполненная картина школы Беркгема «Коровы и бараны» (№ 153). Теплый лѣтній денекъ даетъ себя чувствовать въ пейзажѣ съ далекими синѣющими горами и привѣтливими спокойными облаками, какъ бы остановившимися въ своемъ движеніи. Впрочемъ, чистота тона замѣтно ослаблена и временемъ, и разными другими неблагоприятными условіями, въ которыхъ долгое время находились всѣ вообще картины.

Иоаннъ Вениксъ (1644—1719) особенно замѣчателенъ въ изображеніи пернатой дичи. Искусно написанная картина его школы—«Итицы и дичь» (№ 156)—представляетъ образъ

чить, прекрасно напоминающій мастерство самого Веникса; вся она въ третилахъ и въ реставрированіи можетъ представить много хлопотъ.

Подъ № 157 значится «*Морской видъ*» *Клода Лоррена* (1600—1682). На первомъ планѣ картины справа изображено дерево, слѣва, на берегу, башня, соединенная аркой съ другимъ какимъ-то строеніемъ; внизу, почти у самой рамы, нѣсколько человѣкъ нагружаютъ лодку, а невдалекѣ отъ нея стоитъ многовесельное судно.—Если старательно промыть и слегка реставрировать, то можетъ получиться колоритная и очень свѣжая картина. Эта, съ одной стороны, подозрительная свѣжесть красокъ въ картинѣ, писанной, по крайней мѣрѣ, за 250 лѣтъ до нашего времени, если приписывать ее К. Лоррену, а съ другой—масса искусныхъ подражаній, которыя даже при жизни художника продавались за его работы, заставляютъ крайне осмотрительно относиться къ тому, что даетъ намъ каталогъ. Дѣйствительно ли данная картина принадлежать его кисти,—это, по нашему мнѣнію, вопросъ открытый.

К. Лорренъ является самымъ талантливымъ представителемъ итальянскаго направленія въ пейзажѣ; того же направленія держался и менѣе даровитый, но вообще весьма значительный нидерландскій пейзажистъ *Павелъ Бриль* (1554—1626), который своею дѣятельностью въ значительной степени «способствовалъ развитію болѣе свѣжаго и вмѣстѣ съ тѣмъ соблюдающаго свѣтовые и воздушные эффекты итальянскаго направленія» (Куглеръ ч. II стр. 514). Само собою разумѣется, слишкомъ разочаровался бы тотъ кто вздумалъ бы въ его пейзажѣ «*Горы, рѣка и проч.*» (№ 158) искать тѣ эффекты, къ которымъ приучили насъ современные пейзажисты, но слѣдуетъ помнить, что Бриль былъ однимъ изъ тѣхъ, которымъ приходилось самостоятельно искать и прокладывать себѣ дорогу,—разрѣшать задачи, намѣченныя только другими. Наконецъ, данный пейзажъ, безъ сомнѣнія, не является же лучшимъ изъ его произведеній, каковыя имѣются въ галлерей Питти во Флоренціи, въ Луврѣ и въ Дрезденѣ (Любке 362 стр. ч. II).

Къ послѣдователямъ К. Лоррена принадлежитъ и *Іоаннъ Бота д'Итали* (1610—1651), картина котораго «*Морской видъ*» (№ 159) изображаетъ собственно гавань съ ея обыч-

ною суетою, судами и т. п. Пятна во многих мѣстахъ картины въ значительной степени портятъ впечатлѣніе, производимое ею.

№ 162, «*Пейзажъ освѣщенный луной*», представляетъ прекрасную работу голландскаго пейзажиста *Артуса ван-дер-Неэра* (1619—1683), чрезвычайно удачно и поэтически передававаго и таинственный сумракъ лѣсовъ, и серебристый лунный свѣтъ и зловѣщее зарево ночного пожара. По композиціи, картинка—очень простая. Передній планъ ея занимаютъ фигуры мушкетера и женщины съ грудными дѣтьми. Изъ-за какой то башни выплываетъ луна, освѣщающая пейзажъ своимъ мягкимъ свѣтомъ. Въ колоритѣ неба не замѣчается того рѣзкаго зеленоватаго оттѣнка, который такъ часто встрѣчается въ изображеніи лунныхъ ночей.

— Въ картинахъ *Русской школы* ничего особенно характернаго и выдающагося не видимъ. Больше другихъ обращаютъ на себя вниманіе «*Жница съ сыномъ*» *Андреева* (№ 170) и «*Русская станція*» *Кольмана*, (№ 175)—акварель, исполненная довольно сочно, но отъ времени бумага приняла слишкомъ теплый тонъ, а краски поблѣднѣли.

Одесса, 1895 г.

И. Турцевичъ.

М. БЕРЕЖКОВЪ.

ГОРОДЪ НЪЖИНЪ ВЪ НАЧАЛЪ XIX ВѢКА,

ПО ОПИСАНІЮ

МОСКОВСКИХЪ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВЪ.

(Замѣтки къ исторіи города).

НЪЖИНЪ.

Типо-Литогр. Е. Ф. Венгера, д. Глезера.

1895.

Городъ Нѣжинъ въ началѣ XIX вѣка, по описанію московскихъ путешественниковъ.

I.

Въ 1808 году, во время нашей войны съ Турціей и движенія сербовъ къ государственной независимости, изъ Москвы въ Сербію былъ командированъ молодой чиновникъ Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Дмитрій Николаевичъ Бантышъ-Каменскій, съ порученіемъ доставить отъ русскаго св. синода освященное миро для сербскихъ церквей, по просьбѣ тамошняго митрополита. Бантышъ-Каменскій благополучно сдѣлалъ свою поѣздку до самаго Бѣлграда, и, исполня порученіе, лѣтомъ того же года воротился въ Москву, послѣ чего занялся обработкой своихъ путевыхъ писемъ и замѣтокъ, которыя черезъ два года были печатно изданы подъ заглавіемъ: Путешествіе въ Молдавію, Валахію и Сербію Д. Б. К. Москва, 1810.¹⁾

Книга изложена въ формѣ дорожныхъ писемъ къ одному московскому другу, литератору, уроженцу города Нѣжина; и по формѣ, и по слогу она очень напоминаетъ знаменитыя «Письма русскаго путешественника»: замѣтно, что молодой Бантышъ-Каменскій подражалъ этимъ письмамъ. По всей вѣроятности книга нашла себѣ многихъ читателей; она

¹⁾ Въ «Опытѣ русской библіографіи» Сопикова (часть IV, Спб. 1816) имя и фамилія автора обозначены уже не начальными буквами, а сполна.

Д. Н. Бантышъ-Каменскій, будущій историкъ Малой Россіи, авторъ извѣстныхъ біографическихъ словарей знаменитыхъ людей русскихъ и иныхъ сочиненій, родился 1788 г. скончался 1850.

имѣла живой интересъ современности: «нѣтъ еще ни на иностранномъ, ни на отечественномъ языкѣ путешествія въ Сербію, хотя страна сія и сдѣлалась нынѣ любопытною по дѣламъ политическимъ» — замѣчаетъ самъ авторъ въ предисловіи. Да и въ настоящее время книга Д. Н. Бантышъ-Каменскаго сохраняетъ долю своего научнаго интереса и читается съ удовольствіемъ: дорожныя впечатлѣнія, встрѣчи и привлеченія; историческія воспоминанія о русскихъ городахъ и мѣстностяхъ, черезъ кои онъ проѣзжалъ, равно описаніе современнаго ихъ состоянія; свѣдѣнія о Молдавіи, Валахіи и Сербіи, о народномъ сербскомъ вождѣ Георгіѣ Черномъ, обращавшемъ на себя вниманіе всей Европы своимъ суровымъ героизмомъ въ борьбѣ съ турками, — всё это хорошо, занимательно изложено въ книгѣ, въ 27-ми письмахъ.

Предпоследнее письмо «Путешествія» относится собственно въ городу Нѣжину. Авторъ заѣхалъ сюда на обратномъ пути чрезъ Кіевъ, провелъ въ городѣ, кажется, не однѣ сутки, въ семьѣ родныхъ своего московскаго друга, остался очень доволенъ ихъ гостепрѣимствомъ и вообще всѣмъ пребываніемъ въ Нѣжинѣ, который очень понравился ему. Съ перваго разу городъ былъ симпатиченъ ему по семейнымъ воспоминаніямъ: здѣсь родился его отецъ, славный начальникъ Главнаго Архива М. И. Д. въ Москвѣ, Николай Николаевичъ Бантышъ-Каменскій (1737—1814); въ Нѣжинѣ также родился Андрей Степановичъ Зертисъ-Каменскій, впоследствии Амвросій архіепископъ московскій (1708—1771), дядя по матери Николаю Николаевичу; по всей вѣроятности также нѣжинскій уроженецъ былъ и Владиміръ Каменскій, архимандритъ Нѣжинскаго Благовѣщенскаго монастыря (сконч. въ Нѣжинѣ 1746 года), дядя по матери архіепископу Амвросію.¹⁾

1) Смotr. «Жизнь преосв. Амвросія, архіеп. московскаго и калужскаго, убіеннаго въ 1771 году. Москва; 1813. Эта книжка написана также Д. Н. Бантышъ-Каменскимъ, на основаніи главнымъ образомъ разсказа его отца, Николая Николаевича. Біографію этого послѣдняго написалъ тотъ же достойный сынъ его, Дмитрій Николаевичъ: Словарь достопамятныхъ людей Русской земли, часть I, Спб. 1847.—Въ «Жизни преосв. Амвросія», на стр. 5—6, даются конечно

Такъ какъ книга Д. Н. Бантышъ-Каменскаго теперь довольно рѣдка—(экземпляръ ея есть въ моей библіотекѣ; пріобрѣтенъ изъ греческаго Александровскаго училища въ Нѣжинѣ), а между тѣмъ письмо о Нѣжинѣ имѣетъ интересъ для мѣстной исторіи, то я приведу его здѣсь въ подлинникѣ съ нѣкоторыми сокращеніями и подстрочными отъ себя примѣчаніями. Правописаніе принадлежитъ автору книги.

«Нѣжинъ, 6 іюля»¹⁾

«Я въ Нѣжинѣ, любезной другъ, на милой родинѣ твоей, въ кругу семейства твоего, въ 700 верстахъ отъ Москвы. Ты вѣрно завидуешь теперь мнѣ, желалъ бы быть на моемъ мѣстѣ? Ахъ! зачѣмъ желанія наши часто бываютъ далеки отъ своего исполненія...

«Въ Нѣжинъ пріѣхалъ я 5 іюля, въ 6-мъ часу утра, и остановился у твоего зятя, Я. И. Сп., коего дружбы и ласковаго пріема никогда не забуду».

«Нѣжинъ мнѣ весьма понравился, не смотря на низкое и болотистое его мѣстоположеніе. Каменныхъ домовъ въ семь городѣ очень много, и онъ по справедливости можетъ почитаться лучшимъ уѣзднымъ городомъ всей Малороссіи. Кромѣ 15-ти приходскихъ церквей, въ семь городѣ находятся два монастыря,—одинъ мужской второкласной Благовѣщенскій, а другой женской третьекласной Введенскій. Нѣжинъ заслуживаетъ также вниманіе и со стороны общепользныхъ заведеній. Тебѣ извѣстно, думаю, любезной другъ, что

болѣе точныя свѣдѣнія объ архимандритѣ Владимірѣ Каменскомъ, нежели въ книгѣ И. Черпова, Краткая исторія построенія Нѣжинскаго Благовѣщенскаго монастыря, на стр. 71, или у преосв. Филарета въ «Истор. статистич. описаніи Чернигов. епархіи», въ книгѣ III, на стр. 199: два послѣдніе автора не вѣрно считаютъ архимандрита Владиміра Каменскаго братомъ архіепископу Амвросію: онъ былъ дядей Амвросію, по свидѣтельству Н. Н. и Д. Н. Бантышъ-Каменскихъ.

¹⁾ Т. е. 1808 года. Въ подлинникѣ по ошибкѣ напечатано: 6 іюня.

здѣсь заводится училище, иждивеніемъ Графа И. А. Безбородки, которое, какъ сказывали мнѣ, будетъ равняться учрежденному г. Демидовымъ въ Ярославлѣ¹⁾. Сверхъ сего, сооружается тутъ огромный домъ для богодѣльни, гдѣ нѣсколько сотъ изувѣченныхъ и удрученныхъ подъ бременемъ старости и болѣзней будутъ ежедневно благословлять правительство, пекущееся о нихъ».

«Купцы Нѣжинскіе, изъ коихъ большая часть Греки и Армяне, производятъ не маловажные торги съ Турціей; многіе изъ нихъ, особливо изъ Грековъ, весьма зажиточные. Первый домъ въ Нѣжинѣ греческаго купца Бони. Здѣсь живутъ также два брата Зосимы, богатые греки, съ братомъ которыхъ Зоемъ Павловичемъ я знакомъ въ Москвѣ съ малолѣтства. Кому неизвѣстны знатныя пожертвованія, дѣлаемыя Зосимами для возстановленія въ отечествѣ ихъ прежнихъ временъ Софокловыхъ и Демосееновыхъ?»

Здѣсь авторъ письма дѣлаетъ выноску для подробнаго примѣчанія о братьяхъ Зосимахъ; я помѣщаю ее въ самый текстъ ради того, чтобы мнѣ самому сдѣлать нѣкоторыя примѣчанія подѣ строкой.

«Зосимы родомъ изъ города Іоаннинъ²⁾, что въ Эпирской провинціи. Они происходятъ изъ благородной греческой фамилии, доказательствомъ чему служить данный имъ отъ республики семи соединенныхъ острововъ на дворянство дипломъ. Съ давнихъ временъ переселились они въ Россію. Два брата, Анастасій и Николай, имѣютъ мѣстопробываніе въ Нѣжинѣ³⁾, а Зой въ Москвѣ. Не смотря на

¹⁾ Дѣло идетъ о Гимназіи высшихъ наукъ, всеподданнѣйшая записка о которой графа Ильи Андреевича Безбородко получила Высочайшее одобреніе въ 1805 году, послѣ чего немедленно было приступлено къ постройкѣ зданія гимназіи. Открытіе самаго учебнаго заведенія послѣдовало въ 1820 году: смотр. историческую записку Н. А. Лавровскаго «Гимназія высшихъ наукъ князя Безбородко въ Нѣжинѣ». (Извѣстія Истор.-Фил. Института кн. Безбородко, томъ III).

²⁾ Короче «Янины» или «Янина».

³⁾ Оба брата Зосимы или Зосимады, по мѣстному нѣжинскому говору «Жужма», иначе «Жужмины», въ Нѣжинѣ

дальнее разстояніе, раздѣляющее ихъ, они соединены одинаковою любовью къ своему отечеству, одинакими чувствами состраданія къ своимъ единосемцамъ. Лѣтъ тому пятнадцать, какъ они основали на своемъ иждивеніи училище въ городѣ Іоаннинахъ, заключающее въ себѣ до 300 учениковъ, гдѣ Богословія, Философія и Математика служатъ первыми предметами образованія юношества. Для сего самаго училища внесли они навсегда въ Императорскій Воспитательный домъ знатную сумму денегъ, опредѣливъ получаемые съ оной проценты какъ на жалованье всѣмъ учителямъ, на содержаніе не малаго числа бѣдныхъ учениковъ, на покупку для нихъ классическихъ книгъ, на умноженіе бібліотеки и прочіе расходы, такъ равно и на поддержаніе тамошняго гошпиталя. Сверхъ сего, ежегодно посылаютъ они въ Іоаннины довольно значущую сумму для раздачи бѣднымъ, на выкупъ содержимыхъ въ темницахъ и прочія богоугодныя дѣла. Благотворенія ихъ простираются частію и на нѣкоторыхъ бѣдныхъ соотечественниковъ нашихъ. Недавно положили они на вѣчное обращеніе въ Императорской Московской Воспитательной домъ изрядную сумму въ пользу находящихся въ Нѣжинѣ церквей и гошпиталя. Не малую также дѣлаютъ имъ честь издаваемые ими на собственномъ иждивеніи многія греческія книги, какъ-то: богословскія, философскія, математическія и историческія, печатаемыя въ Москвѣ, С.-Петербургѣ, Вѣнѣ, Лейпцигѣ, Венеціи и Парижѣ, и рассылаемыя ими въ свое отечество, для раздачи безденежно. Желательно, чтобы и другіе, имѣющіе достаточное состояніе Греки, подражали похвальному примѣру сихъ патріотовъ въ любви ихъ къ отечеству и просвѣщенію онаго. ¹⁾ Въ прошломъ году Общество

и скончались: Анастасій Павловичъ 14 января 1819 года, Николай Павловичъ 26 февраля 1842 года. Въ городѣ они оставили вѣчный о себѣ памятникъ, — построили на свои средства Константино-Еленинскую церковь на греческомъ кладбищѣ при алтарѣ которой и погребены. Могилы ихъ отмѣчены памятниками съ приличными надписями по гречески и по русски.

¹⁾ Интересныя свѣдѣнія о благотворительности Зосимодовъ, главнымъ образомъ въ пользу заграничныхъ грековъ, а

Испытателей природы, находящеяся при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, приняло въ члены свои Зоя Павловича. Сей послѣдній, съ давнихъ временъ, собралъ знатный кабинетъ медалей, въ числѣ коихъ есть такія, которыхъ рѣдко можно найти и въ публичныхъ заведеніяхъ ¹⁾. Достойна также любопытства находящаяся у него жемчужина, рѣдкая по своей округлости, величинѣ и бѣлизнѣ ²⁾.

также распоряженіе на счетъ имущества послѣдняго изъ братьевъ, Николая Павловича, который завѣщаль наибольшую часть денежнаго капитала въ пользу Янинскаго училища и вообще для заграничныхъ своихъ соотчичей, находятся въ его духовномъ завѣщаніи, составленномъ въ 1841 году, послѣ печатно изданномъ въ Москвѣ по гречески и по русски: *Διαθήκη τοῦ ἀοιδίμου Νικολάου Π. Ζωσιμᾶ, εὐγενοῦς Γραϊκού, καὶ ἱκπότου τοῦ τάγματος τοῦ Σωτῆρος. Ἐν Μόσχαι, ἐκ τῆς τοπογραφίας Α. Σερέν, 1844.*

¹⁾ По указаніямъ В. С. Иконникова въ «Опытѣ русской исторіогр.» т. I, кн. 2, стран. 1402 и CCCXXIII, минцъ-кабинетъ З. П. Зосимы былъ своевременно описанъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» за 1820 годъ, ч. II, № 3, въ письмахъ П. Свинына, и въ «Московск. Телеграфѣ» за 1827 годъ, XV, с. 25.

Зой Павловичъ Зосима жилъ въ Москвѣ въ домѣ греческаго Никольскаго монастыря, гдѣ помѣщался и музей его. Онъ умеръ тамъ 19 августа 1827 г., похороненъ въ Донскомъ монастырѣ.

²⁾ Эта жемчужина описана въ особой книжкѣ: «Essai sur la pellegrina, ou la perle incomparable des freres Zosima, par G. Fischer de Waldheim, Vice-President de l'Academie Imperiale Medico-Chirurgicale. Moscou, 1818. Впрочемъ только послѣдній листокъ брошюры трактуетъ собственно о жемчужинѣ Зосимовъ; вся же брошюра (48 страницъ) содержитъ вообще изслѣдованіе о природѣ жемчуга и о разныхъ знаменитѣйшихъ экземплярахъ его. Гдѣ-то теперь эта драгоценная жемчужина, предметъ ученыхъ описаній и романическихъ разсказовъ? (Сравн. разсказъ гр. Сальяса въ «Русскомъ Обзорнѣ» за 1894 годъ).

«Городъ сей любезенъ мнѣ и потому, что въ немъ родился батюшка мой; а тебѣ, любезной другъ, вѣрно будетъ пріятно письмо сіе, исполненное справедливыхъ похвалъ о милой родинѣ твоей. Не думай однакожь, чтобы какое-либо пристрастіе водило перомъ моимъ. Нѣтъ,—пребываніе мое въ Нѣжинѣ оставило во мнѣ пріятнѣйшія впечатлѣнія» и т. д. Письмо обанчивается похвалами семейнымъ добродѣтелямъ родныхъ московскаго пріятеля и ихъ семейному счастью. Къ сожалѣнію, я пока не могу опредѣлить, кто именно былъ этотъ московскій другъ Бантышъ-Каменскаго, и кто его нѣжинскіе родные.

II.

Въ томъ же 1810 году, когда была издана книга Бантышъ-Каменскаго, отправился въ южное путешествіе другой коренной москвичъ, тогда владимірскій губернаторъ, извѣстный писатель, князь Иванъ Михайловичъ Долгорукій, съ цѣлью развлечься, отдохнуть, повидѣть русскій югъ и молодую, но уже славную Одессу, да заѣхать въ Кіевъ на гробъ своей знаменитой бабушки, княгини Наталіи Борисовны Долгорукой, въ монашесствѣ Нектаріи. Поѣздка понравилась князю Долгорукому: черезъ семь лѣтъ, уже будучи свободнымъ отъ губернаторской службы, онъ предпринялъ вторичную поѣздку изъ Москвы до Кіева на свиданіе съ родною сестрой и зятемъ. Обѣ поѣздки описаны авторомъ, правда, слегка, но мило, просто и очень весело ¹⁾. Въ обѣ поѣздки онъ посѣ-

¹⁾ Славны бубны за горами, или путешествіе мое кое-куда 1810 года. (Чтеніе въ И. Общ. Истор. и Древн. Росс. 1869, кн. II и III). Дневникъ моего путешествія въ Кіевъ (въ 1817 году). Чтенія въ И. О. И. и Д. 1870, кн. II.

Въ первый разъ, въ 1810 году, князь Долгорукій переночевалъ въ Нѣжинѣ съ 19 на 20 августа; въ 1817 году онъ былъ здѣсь дважды,—въ іюль и въ сентябрѣ, и провелъ въ городѣ каждый разъ по нѣскольку сутокъ.

Время жизни князя И. М. Долгорукаго отъ 1764—1823.

тиль городъ Нѣжинъ, въ обоихъ описаніяхъ удѣлили нѣсколько страницъ этому городу. Описание вышло болѣе подробное и разностороннее, чѣмъ у Бантышъ-Каменскаго, что и понятно: князь Долгорукій три раза останавливался въ Нѣжинѣ, вынесъ больше впечатлѣній и свѣдѣній о немъ; притомъ же князь былъ словоохотливъ, любилъ писать, вспоминать. На первый разъ городъ Нѣжинъ мало понравился, а иными сторонами даже вовсе не понравился московскому барину: «грязень-де и неопрятень, нѣтъ мостовыхъ, ни регулярныхъ улицъ и площадей, много пустырей, рѣчка северная, или лучше сказать—протечная лужа, дурная вода для питья, торговые ряды северные»,—такъ отзывается князь Долгорукій о Нѣжинѣ въ описаніи первой поѣздки; но въ слѣдующіе пріѣзды, побольше присмотрясь къ городу, онъ вынесъ болѣе примирительное къ нему настроеніе, а нѣжинскими знакомыми и всѣмъ обществомъ городскимъ остался вполне доволенъ. Приведу главные черты изъ его записокъ, а за подробностями отсылаю любопытствующихъ читателей къ подлиннику: имъ навѣрное понравятся живыя, остроумныя записки князя Ивана Михайловича.

Подобно Д. Н. Бантышъ-Каменскому, князь Долгорукій обратилъ во первыхъ вниманіе на нѣжинскихъ грековъ. Неразъ онъ полшутя выражается про Нѣжинъ, что онъ-де наводитъ на мысль объ Аѳинахъ, о коихъ вспомнить всякому воображенію пріятно (Путеш. 1817 г. стр. 55 и 176). Ему очень понравились греческіе храмы своей архитектурой, чистотой и опрятностью внутри; онъ очень хвалитъ щедрость грековъ на содержаніе храмовъ и причта; онъ въ восторгѣ отъ греческаго богослуженія, стройнаго и чиннаго: «все пристойно, все священо,—и признаюсь, что если бы я разумѣлъ Греческій языкъ, то бы преимущественно сталъ ходить во всякому богослуженію въ Греческую церковь». (Стран. 171—172 того же «Путешествія»). «Мнѣ не понравилось только то,—замѣчаетъ князь въ описаніи путешествія 1810 года—что подъ ней сдѣланы подвалы, изъ которыхъ думать надобно отпускаются на продажу бочки съ виномъ: стыдно, по мнѣнію моему, унижать достоинство домовъ божіихъ такими экономическими, да еще болѣею частію и къ пользѣ разврата служащими заведеніями». (Стр. 310). Князь отмѣчаетъ нѣжинскій греческій Магистратъ, на ряду съ общимъ

городскимъ Магистратомъ, и разныя преимущества, коими пользуются греки, изъ коихъ самое важное то, что дома ихъ свободны отъ постоя. (Путеш. 1810 г. стр. 308). Описываетъ греческую кофейню,—нѣчто въ родѣ клуба нѣжинскихъ грековъ: «подъ названіемъ кофейни здѣсь есть сборище мушкетъ; я толкнулся туда: комната маленькая, въ которой нѣсколько Грековъ и Русскихъ играли при мнѣ въ карты и курили трубки, на подобіе Московскаго Англійскаго клуба; дыму здѣсь еще больше, чѣмъ тамъ, потому что тѣснѣе. И какъ я удивился, увидя, что за однимъ столомъ играли два Грека въ марьяжъ, а за другимъ Грекъ и нашъ братъ Россіянинъ въ трисетъ вдвоемъ! Помню, что я и самъ любилъ въ него играть вчетверомъ; но съ роду не видывалъ, чтобъ тѣшились въ трисетъ глазъ на глазъ: чего не встрѣтишь, объѣхавши до тысячи верстъ? Я посидѣлъ между ими, нанюхался кофею, провонялъ табакомъ, и ушелъ скоро на чистый воздухъ»¹⁾). Князь Долгорукій хвалитъ домъ богатаго грека Клицы, у котораго онъ квартировалъ въ первый свой пріѣздъ въ Нѣжинъ: при выгодномъ расположеніи комнатъ, домъ очень хорошо прибранъ; садъ его не великъ, но для прогулки довольно просторенъ; вообще квартира показалась князю прекрасною; онъ очень признателенъ хозяину и за угощеніе: «кто охотникъ до ликеровъ пусть ѣдетъ сюда: они превосходны; не напрасно хвалится всякими водками Нѣжинъ; правда, что нигдѣ такихъ отличныхъ не дѣлаютъ!»—Но отдавъ должную похвалу нѣжинскимъ наливкамъ, бывшій владимірскій губерна-

¹⁾ Путеш. 1817 г. стр. 57. Съ этимъ описаніемъ нѣжинскаго греческаго клуба у князя Долгорукаго довольно сходно описаніе того же клуба въ статьѣ подъ заглавіемъ «Нѣжинскіе Греки», которая напечатана въ Украинскомъ Альманахѣ, Харьковѣ, 1831. Статья есть собственно письмо къ И. Г. Кулжинскому отъ какаго-то нѣжинскаго корреспондента, обозначившаго себя инициалами А. Ч. Кто этотъ корреспондентъ Ив. Гр. Кулжинскаго, въ тотъ годъ служившаго въ Харьковѣ, а послѣ ставшаго также нѣжинскимъ обывателемъ, мнѣ не удалось узнать; но все письмо очень интересно по изображенію быта нѣжинскихъ грековъ вообще: это—одна изъ лучшихъ статей про нѣжинскихъ грековъ.

торъ справедливо отзывается про мѣстныхъ вишни, что онѣ «отмѣнно кислы», и вообще не равняются съ владимѣрскими вишнями. (Путеш. 1810 г. стр. 312; въ друг. путеш. стр. 58). Впрочемъ это—мимоходомъ. Важнѣе по существу дѣла могло бы быть другое замѣчаніе князя Долгорукаго о грекахъ въ Нѣжинѣ: «по превосходству числа жителей въ немъ изъ Грековъ, можно назвать его греческимъ городомъ». (Путеш. 1810 г. на стр. 308). Но это преувеличенное сужденіе, повторяемое Впрочемъ не однимъ княземъ Долгорукимъ ¹⁾, должно быть навсегда отвергнуто, какъ невѣрное. Сдѣлаемъ нѣкоторыя справки по этому предмету.

Въ «Топографическомъ описаніи Черниговскаго Намѣстничества» Аванасія Шафонскаго находятся слѣдующія статистическія данныя о населеніи города Нѣжина по ревизіи 1782 года.

I. Купцовъ трехъ гильдій малороссіянъ обоого пола	163.
« « « Великороссіянъ	90.
II. Мѣщанъ малороссіянъ	4817.
« « « Великороссіянъ	88.
III. Козаковъ	3610.
IV. Крестьянъ казенныхъ малороссіянъ	126.
Крестьянъ владѣльческихъ: малороссіянъ	894.
« « « великороссіянъ	177.
V. Священно—и церковно-служителей	188.
VI. Грековъ	765.
VII. Волохъ, Болгаръ и Персіянъ	89.
VIII. Новокрещенныхъ Турокъ	34.
IX. Иноземцевъ Римско-католическаго исповѣданія	27.
X. Монашествующихъ	34.
Итого всѣхъ жителей обоого пола въ городѣ	11,104.
Вотъ данныя изъ вѣрнаго источника ²⁾ . Выходитъ, что въ	

¹⁾ Такъ въ одномъ старомъ учебникѣ географіи читаемъ: «Нѣжинъ, при рѣкѣ Острѣ, населенный Греками городъ, который производитъ торгъ съ иностранными землями, особливо съ Турціею» и пр. (Краткое Землеописаніе Россійской Имперіи, для употребленія въ уѣздныхъ училищахъ изданное отъ Департ. Нар. Просвѣщенія. Спб. 1827, стр. 153).

²⁾ Черниг. Намѣстнич. топографич. описаніе, сочин. въ

концѣ прошлаго вѣка нѣжинскіе греки составляли въ общей массѣ мѣстнаго населенія только неполную четырнадцатую его часть; преобладающее населеніе—коренное малорусское. Правда, они сильно увеличились въ XIX вѣкѣ, однако не до такой степени, чтобы преобладать подѣ русскимъ населеніемъ, а потомъ вскорѣ стали быстро уменьшаться: въ 1858 году, изъ всего числа принадлежавшихъ къ греческому обществу 957 душъ мужскаго и 804 женскаго пола, оставалось въ Нѣжинѣ только 200 душъ грековъ обоюго пола ¹⁾.

Здѣсь же встаетъ отмѣтить, что у Шафонскаго нѣтъ никакихъ данныхъ ни объ армянахъ, о которыхъ говоритъ Бантышъ-Каменскій, ставя ихъ на ряду съ греками, какъ важныхъ иностранныхъ купцовъ Нѣжина, ни объ евреяхъ, нынѣ столь многочисленныхъ въ городѣ. Но послѣднихъ встрѣтилъ уже князь Долгорукій: при самомъ вѣздѣ въ Нѣжинъ онъ увидалъ на улицѣ сцену еврейской свадьбы, заинтересовался ею и очень забавно описалъ ее въ своемъ первомъ путешествіи (стран. 307—308).

Надлежащее вниманіе князь Долгорукій обратилъ на Благовѣщенскій мужской монастырь и на его достойнаго настоятеля, архимандрита Виктора Черныева. «Попеченіемъ его прекрасно отдѣланъ храмъ соборной (монастырскій): вотъ что называется Домъ Божій! Обширенъ, высокъ, богатъ! Стѣнное письмо исправлено по его мыслямъ, и представляетъ всю исторію сотворенія міра; всѣ соборы и таинства Греческой церкви въ лицахъ». Оригинальнымъ показалось князю и то, что на одномъ столпѣ изображены портреты Владиміра, Петра I и Александра I, а противъ послѣдняго, на другомъ столпѣ, изображенъ царь Соломонъ, отмечающій скипетръ и

Черниговѣ въ 1786 году, издан. Кіев. Археограф. Комм. въ 1851 году, на стран. 475—476. Вся статья о Нѣжинѣ очень важна статистическими свѣдѣніями: эта статья—лучшее описаніе города Нѣжина въ прошломъ вѣкѣ. Сравн. тогдашнее же описаніе города у ученаго путешественника Гильденштедта. (Кіевская старина, 1893, мартъ).

¹⁾ Заимствую эти данныя изъ статьи И. А. Сребницкаго въ книгѣ «Гимназія высшихъ наукъ и Лицей кн. Безбородко», изд. 2, стран. 17.

гласящій воздѣвъ руки на небо: «всяческая суета»! Князь Долгорукій находить очень счастливой такую идею, т. е. изобразить Александра Благословеннаго со скипетромъ и другими регаліями насупротивъ Соломона, отвергающаго царское величіе. Вообще весь монастырь показался благоустроеннымъ князю Долгорукому; онъ не разъ былъ осмотрѣнъ имъ, подъ руководствомъ архимандрита Виктора; въ день Воздвиженія въ 1817 году князь присутствовалъ при богослуженіи архимандрита, слышалъ его проповѣдь очень простую и назидательную; онъ очень хвалитъ скромность, благочестіе и дѣятельныя заботы о монастырѣ Виктора, этого дѣйствительно замѣчательнаго человѣка; по отзыву преосвященнаго Филарета, святитель Стефанъ Яворскій да архимандритъ Викторъ неразлучны въ памяти населенія: первый создалъ, второй возсоздалъ нѣжинскую обитель, употребляя въ пользу ея свое огромное состояніе, доставшееся ему отъ родителей ¹⁾. Князь Долгорукій отмѣтилъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что Викторъ всѣми въ городѣ любимъ и уважаемъ, но тутъ же прибавилъ, что проповѣдями его никто не доволенъ, потому что онъ часто глаза колетъ всякому, безъ разбора чиновъ и званій (Путеш. 1810, стр. 310; друг. путешеств. стр. 56—57; 174—176). Не было ли это послѣднее обстоятельство одною изъ причинъ удаленія архимандрита Виктора изъ Нѣжина? Не нажилъ ли онъ этимъ враговъ?—Другихъ подробностей о нѣжинскомъ мужскомъ монастырѣ князь Долгорукій не передаетъ, оговариваясь, что подробности можно узнать въ особой печатной книгѣ, содержащей описаніе монастыря, эзем-

¹⁾ Свѣдѣнія объ архим. Викторѣ Черняевѣ, родомъ изъ болгаръ, смотр. въ описаніи Нѣжинскаго Благовѣщенскаго монастыря преосв. Филарета Черниговскаго (Истор. стат. опис. Черниг. епархіи, книга III), и въ «Чернигов. Епарх. Изв.» 1867 г. №№ 6 и 7, по указанію того же автора. Онъ замѣчаетъ: «со зременемъ всё забывается, забыты были и труды архим. Виктора; онъ былъ лишень настоятельской должности, назначался то въ Новгородсѣверскій, то въ Суздальскій монастырь... Въ видѣ наконецъ милости ему въ 1827 году было позволено выѣхать за границу».. Почему такая немилость, неизвѣстно.

пляръ которой былъ подаренъ князю архимандритомъ; вѣроятно тутъ разумѣется книжка И. Чернова ¹⁾).

Отмѣчу еще одну частность въ описаніи Нѣжина княземъ Долгорукимъ. Не разъ бесѣдуя о разныхъ предметахъ съ архимандритомъ Викторомъ, они коснулись однажды этимологіи слова «Нѣжинъ». На взглядъ архимандрита названіе Нѣжина произошло оттого, что на мѣстѣ этого города происходило сраженіе великаго князя Изяслава Ярославича съ непокорнымъ переяславскимъ княземъ, что послѣ сраженія великій князь, замѣтя по близости «несжатую» полосу хлѣба, велѣлъ на этомъ самомъ мѣстѣ построить городъ, который послѣ и былъ прозванъ народомъ Нѣжинъ. (Путеш. 1817 г. стр. 176). Для образца отмѣчаю и эту этимологию названія нашего города, одну изъ многихъ (а всё таки еще не разъясненную, какъ слѣдуетъ); читатель видитъ, какъ наивна данная этимологія, на основаніи древней лѣтописи, неправильно понятой; но князь Долгорукій въ качествѣ аккуратнаго путешественника записалъ, что слышалъ отъ уважаемаго архимандрита ²⁾).

Изъ другихъ нѣжинскихъ знакомыхъ князь Долгорукій съ пріятностью вспоминаеть, кромѣ арх. Виктора, ещё купца

¹⁾ Краткая исторія построения Нѣжинскаго Благовѣщенскаго монастыря, называемаго Богородичнымъ Назаретомъ, напечатанная отъ именитыхъ и благородныхъ грековъ братьевъ г.г. Зосимовъ, въ даръ христіюлюбивымъ читателямъ. Москва, 1815.—Авторъ ея Иванъ Черновъ, во время пребыванія въ Москвѣ французовъ, проживалъ въ Нѣжинѣ, (на родинѣ?), и пользуясь позволеніемъ архимандрита Виктора собралъ для печати документы о Благовѣщенскомъ монастырѣ. Книжка интересна именно этими документами.

²⁾ Лично съ своей стороны, и согласно съ нѣсколькими учеными, я полагаю, что названіе нашего города происходитъ не отъ «Нежатиной нивы», а отъ древняго имени «Унеиѣжь»: подъ этимъ именемъ городъ упоминается въ лѣтописи подъ 1147 годомъ, слѣдов. въ одинъ годъ съ Москвой. Онъ упоминается тогда на ряду съ двумя сосѣдними городами, Бахмачемъ и Бѣлою вежей на р. Острѣ. (Лѣтопись по Ипатск. списку, стр. 252).

Клицу, потомъ генерала Поля, командира кievскаго драгунскаго полка, въ Нѣжинѣ стоявшаго; дѣйств. статскаго совѣтника Рубана, да полковника Красноутскаго. Послѣдній заинтересовалъ московскаго гостя разсказами о своей военной службѣ и поѣздкѣ въ Константинополь, по порученію главнокомандующаго князя Прозоровскаго, въ послѣднюю турецкую войну. Онъ подарилъ князю Долгорукому экземпляръ своихъ записокъ, объ этой дѣйствительно интересной поѣздкѣ ¹⁾.

Весьма интересны, наконецъ, замѣчанія кн. Долгорукаго объ учебныхъ заведеніяхъ города Нѣжина: просвѣщенный писатель своего времени, членъ разныхъ ученыхъ обществъ и благотворитель владимірской губернской гимназіи (она открыта въ 1804 году при губернаторствѣ кн. Долгорукаго), онъ справедливо обратилъ свое вниманіе на учебныя заведенія Нѣжина. Въ первомъ путешествіи онъ отмѣтилъ строящееся зданіе будущей Гимназіи высшихъ наукъ, — «совершенно диковинное зданіе: Нѣжинъ и теперь (въ 1810 году) имъ щеголять можетъ, а со временемъ прославится въ ученомъ свѣтѣ. Графъ Безбородко пожертвовалъ миллиономъ рублей на то только, чтобъ здѣсь основать огромную Гимназію для Грековъ ²⁾ и Малороссіянъ. Основательные здѣшніе жители до сихъ поръ утверждаютъ, что братъ его, Свѣтлѣйшій Князь, очень привязанъ былъ къ Нѣжину, хотѣлъ тутъ построить для себя домъ, и въ немъ перестать жить такъ, какъ Разумовскій скончался въ Батуричѣ. Но всѣ предположенія человѣческія суетны: князь умеръ на Невѣ, а въ Нѣжинѣ, вмѣсто дома для него, подымаетъ братъ его волосальное зданіе для распространенія наукъ и художествъ. Мысль прекрасная, достойная знатнаго расточителя!» (Стр. 310—311). Въ описаніи втораго путешествія 1817 года князь

¹⁾ Дневныя записки поѣздки въ Константинополь Александра Григорьевича Красноутскаго въ 1808 году, имъ самимъ писанныя. Москва, 1815. (Съ портретомъ автора). Не былъ ли авторъ нѣжинскаго происхожденія? Въ числѣ греческихъ фамилій въ Нѣжинѣ была и фамилія Красноутскихъ: см. списокъ греческихъ фамилій въ брошюрѣ Н. К. Сторожевскаго, Нѣжинскіе греки. Кіевъ, 1863.

²⁾ Соображеніе князя, или нѣжинская молва?

Долгорукій говорить: «ни въ одномъ городѣ ¹⁾ нѣтъ такого числа учебныхъ заведеній, какъ въ Нѣжинѣ. Заложенный при мнѣ корпусъ для училища высшихъ наукъ, иждивеніемъ графа Безбородки, совершенно оконченъ, и скоро откроется въ немъ новый вертоградъ словесности. Замокъ обширной, въ 4 этажа, весь каменный, съ большою колоннадой, фасадъ щегольской, при немъ огромной садъ и большая усадьба земли. Повѣтовая Гимназія сама по себѣ имѣетъ каменный домъ въ 2 этажа, приближающийся въ отдѣлѣ ²⁾. Особо учреждено греческое училище, которое не давно открыто ³⁾, а въ добавокъ къ симъ тремъ заведеніямъ иноземецъ французъ содержать пансіонъ, въ которомъ до 14 благородныхъ дѣвушекъ хорошихъ домовъ обучаются разнымъ наукамъ и художествамъ за умѣренную плату ⁴⁾. При такихъ способахъ должно надѣяться, что малороссійскіе дворяне не станутъ жаловаться на недостатокъ просвѣщенія. Дай Богъ! Только

1) Т. е. въ Малороссіи? Или изъ видѣнныхъ на пути?

2) Названіе «повѣтовая гимназія» есть, по всей вѣроятности, неточность у нашего писателя: никакой гимназіи не было въ Нѣжинѣ въ 1817 году, а было малое народное училище, открытое въ 1789 году, 24 ноября. По положенію 1828 года оно преобразовалось въ уѣздное училище, а въ 1877 году—въ городское двухклассное училище. Теперь этому учебному заведенію уже слишкомъ вѣкъ: оно—старѣйшее изъ всѣхъ учебныхъ заведеній города.

3) Указъ объ учрежденіи этого училища подписанъ 3 ноября 1811 года. Тогда же «въ ознаменованіе Высочайшаго благоволенія къ ревностному подвигу нѣжинскаго греческаго общества, составившаго добровольными приношеніями знатный капиталъ на устройство и содержаніе училища», повелѣно наименовать сіе училище «Александровскимъ».

4) Какой именно французъ содержалъ въ эти годы пансіонъ въ Нѣжинѣ, я немогъ пока узнать. Извѣстно мнѣ только про послѣдующее время, что французскіе лекторы Лицея Ив. Яковл. Ландражинъ и Яв. Як. Лельевръ занимались и частнымъ преподаваніемъ, держали пансіоны учащихъ, или помогали другимъ лицамъ содержать ихъ.

чтобы оно было связано съ хорошею нравственностью!»
(стран. 57).

Пріятно перечитывать эти строки образованнаго путешественника о городѣ Нѣжинѣ, въ которомъ число школъ разнаго рода и доселѣ возрастаетъ, что также пріятно отмѣтить современному жителю города.

М. Бережковъ.

Нѣжинъ,
19 января 1895.

ЕЩЕ НѢСКОЛЬКО ОБРАЗЦОВЪ
НАРОДНЫХЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ ПѢСЕНЪ,
ЗАПИСАННЫХЪ ВО ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ.

ЗАПИСАЛЪ И ИЗДАЛЪ
М. БЕРЕЖКОВЪ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Типо-Литогр. Е. Ф. Венгера, д. Глезера.
1895.

Нѣсколько годовъ къ ряду проживая лѣтніе мѣсяцы въ домѣ матери, въ селѣ Бережкѣ юрьевского уѣзда владимірской губерніи, я однажды узналъ по слуху, что въ селѣ есть лицо, которое знаетъ пѣсни про короля шведскаго, да про царя Ивана Васильевича и его царицу Марью Темрюковну, и даже про князя Владиміра, про Василису Микулишну и Ставра Годиновича. Съ перваго раза этотъ слухъ показался мнѣ не вѣроятнымъ: ужели—думаю—былины во владимірской губерніи? Но слухъ оказался вѣренъ,—и къ моему удовольствію я самъ услыхалъ и записалъ нѣсколько былинъ и историческихъ пѣсень. Сказательница ихъ есть Катерина Алексѣевна Бережкова, почтенная дѣвица духовнаго званія, довольно пожилая, давно состоящая просвирнею при мѣстной церкви. Пѣсни она помнитъ со словъ своей матери, бывшей діаконицы того же села, которая грамоты не знала, и сказывала пѣсни также со словеснаго преданія. (Сама Катерина Алексѣевна читаетъ). Она была такъ добра, что не отказалась проговорить свои пѣсни историческія сначала для моей сестры, а потомъ еще разъ для меня лично. Она связала четыре пѣсни.

Тутъ же въ селѣ нашлась другая сказательница, вдова причетника, Катерина Ивановна Альбицкая: и она благожелонно сказала мнѣ три историческихъ пѣспи (№№ 5, 6 и 7 издаваемого сборничка). Последняя пѣсня подъ № 8 записана въ родной семьѣ.

По приѣздѣ изъ села въ городъ, я занялся при досугѣ сравненіемъ записанныхъ пѣсенокъ съ печатными образцами въ сборникахъ Калайдовича, Кирѣевскаго, Рыбникова и Гильфердинга, причемъ оказалось, что онѣ довольно близки къ напечатаннымъ пѣснямъ, но въ то же время имѣютъ нѣкоторыя своеобразныя черты,—свои запѣвки да припѣвки, иногда очень складныя, красивыя, въ виду чего, а также и того обстоятельства, что вообще во владимірской губерніи было

записано очень мало исторических народных пѣсенъ ¹⁾, я тогда же рѣшилъ было напечатать ихъ для любителей и знатоковъ народнаго русскаго эпоса, но по обстоятельствамъ не успѣлъ выполнить свое намѣреніе, отложилъ дѣло до другого времени. Въ нынѣшнемъ году изданный въ Москвѣ сборникъ «Русскихъ былинъ старой и новой записи» подъ редакціей академика Н. С. Тихонравова и профессора В. О. Миллера, да предпринятое нынѣ же Академіей Наукъ второе изданіе онежскихъ былинъ записи Гильфердинга, подъ редакціей высокочтимаго члена Академіи, К. Н. Бестужева-Рюмина, (вышелъ первый томъ изданія), окончательно побудили меня взяться за печатаніе моего сборничка владимірскихъ пѣсенъ: пускай, думаю, и онѣ идутъ въ свѣтъ! И онѣ будутъ всё таки не лишни на ряду съ богатыми сборниками русскихъ былинъ и историческихъ пѣсенъ, столь тщательно составленными и изданными отъ благородныхъ цѣнителей прекраснаго эпоса русскаго. Итакъ я перечелъ свои старыя записи пѣсенъ 1883—85 годовъ, переписалъ ихъ слово въ слово, въ видѣ стиховъ, да прибавилъ подъ строками немного сближений и историческихъ примѣчаній. Я прошу извиненія у моихъ г.г. читателей за отрывочность этихъ примѣчаній; впрочемъ главное дѣло не въ нихъ: мое намѣреніе собственно въ томъ, чтобы напечатать въ точности записанныя мною пѣсни.

О названномъ селѣ Бережѣ (мнѣ пріятно вспоминать родину моихъ предковъ и родителей) замѣчу здѣсь, что оно — изъ большихъ и старинныхъ селъ юрьевскаго, а прежде суздальскаго уѣзда. По писцовымъ книгамъ времени Іоанна Грознаго, село Бережокъ значится въ числѣ дворцовыхъ суздальскихъ селъ, и было пожаловано царемъ Феодоромъ Іоанновичемъ его невѣстѣ, царицѣ—инокинѣ Александрѣ (въ міру Евдокія Богдановна изъ рода Сабуровыхъ, первая супруга царевича Іоанна Іоанновича), а ею отказано въ пользу Покровскаго суздальскаго монастыря, гдѣ она была по-

¹⁾ Въ сборникѣ Кирѣевскаго я нашелъ до пяти указаній на записи пѣсенъ во владимірской губерніи, изъ коихъ самыя раннія по содержанію пѣсни относятся ко времени Грознаго: вып. 6, стр. 55; 161; вып. 8, стр. 223; вып. 9, стр. XI, дополненій; вып. 10, стр. 482.

стрижена; царь Михаилъ Теодоровичъ подтвердилъ Покровскому монастырю это владѣніе, что продолжалось до второй половины прошлаго вѣка, когда село стало экономическимъ, государственнымъ. (Смотр. объ этомъ селѣ «Акты Историч.» т. I, №№ 218 и 226; т. III, № 59).

Въ Бережецкомъ приходѣ до сихъ поръ живетъ преданіе, что когда-то въ село пріѣзжала царица. Можетъ быть это была первая хозяйка его, царица—иновиня Александра? Или какая нибудь другая изъ царицъ, проживавшихъ въ Суздаль, въ Покровскомъ монастырѣ? Впрочемъ преданіе только и помнитъ, что пріѣзжала-де царица, и что весь народъ-де встрѣчалъ ее и далеко провожалъ безъ шапокъ. За то новыя жительницы села вспомянули намъ про другихъ царицъ и царей, да про старыхъ богатырей, въ нѣсколькихъ пѣсняхъ историческихъ, которыя теперь и предлагаются вниманію благосклонныхъ читателей.

М. Бережковъ.

31 декабря 1894.

Нѣжинъ.

(Уже по написаніи этихъ строкъ, просматривая журналъ Мин. Народ. Просв. за 1894 годъ, книжку октябрьскую, мы увидали изъ рецензіи г. Перетца, что въ томъ же году былъ изданъ и ещё сборникъ народныхъ пѣсень, въ томъ числѣ отчасти былинь: Пѣсни русскаго народа. Собраны въ губерніяхъ Архангельской и Олонецкой въ 1886 году. Записали слова Ѳ. М. Истомина, напѣвы Г. О. Дютшъ. Изданы Русскимъ Географич. Обществомъ на средства Высочайше дарованныя. Спб. 1894.—Вотъ какой счастливый для изданія историческихъ пѣсень минувшій годъ!).

1. Василиса Микулишна и Ставръ Одиновичъ.

У князя Владиміра было пированье великое,
Честно, хвально и радостно.

Въ полсыта наѣдалися,
Въ полпьяна напивалися,
Стали всѣ бояре похвалятися:
Кой похвалится добры кони,
Кой похвалится добры молодцы,
Кой похвалится золотой казной;
Одинъ дескать младъ Ставрѣ,
Младъ Ставрѣ Одиновичъ,
Только по краишку похаживаетъ,
Въ звончатя гуселечки поигрываетъ
На игрушки іерусалимскія,
Пѣсенки поетъ отъ Царягорода.

- » По божьей по милости,
- » По жепней по участи,
- » Али мнѣ нечѣмъ похвалитися?
- » Есть у меня молодая-то жена,
- » Млада Василиса Микулишна;
- » Молодцы во дворцѣ не старѣются,
- » Добрые воня не ѣздытса,
- » Злата казна не точитса».
- » Почемъ молодцы не старѣются?
- » Потомъ молодцы не старѣются:
- » Плате на нихъ перемѣнное,
- » Сапожки на нихъ зелспѣ сафьянъ,
- » Съ носива у нихъ хотъ яйцо повати,

- » А подъ пятви у пихъ воробей проскочи ¹⁾).
- » Почемъ добры кони не ѣздяся?
- » Потомъ добры кони не ѣздяся:
Стараго продамъ, молодого куплю.
- » Почемъ злата казна не точится? ²⁾
- » Потомъ казна не точится:
- » Скуднымъ, бѣднымъ я въ долгъ отдаю,
- » Тѣмъ же я ростомъ годъ проживу».

Стала дескать Ставрова похвалочка получше всѣхъ;
Показалось боярамъ за досаду всѣмъ,
За досаду показалось за великую.

Доносили царю Владиміру:

- » Гой еси, Владиміръ князь!
- » Есть у тебя въ пиру незванъ гость,
- » Незванъ гость, младъ Ставѣрь Одиновичъ;
- » Нѣтъ его хуже во твоихъ людяхъ,
- » Во твоихъ людихахъ дѣланыхъ» ³⁾

Показалось царю за досадушву,
За досаду показалось за великую;
Велѣль Ставра съ очей сослать,
Велѣль Ставра въ погребы глубокіе сажать,
Въ погребы глубоки сорока сажень;

¹⁾ Щегольскіе сапоги Чурилы Пленковича изображаются такимъ же образомъ:

- » Надѣваетъ сапожки зеленъ сафьянъ,
- » Пятки гладки, носки плоски,
- » Кругъ пяты хотъ ицомъ прокати,
- » Подъ пятау воробей проскочи».

(Пѣсни, собран. П. Кирѣвскимъ, вып. 4, стр. 87).

²⁾ «Почемъ, потомъ» вмѣсто обычныхъ «почему, потому».

³⁾ Иначе сказать—княжескіе бояре обзываютъ Ставра холопомъ, работникомъ. Съ выраженіемъ «людишки дѣланые» можно, кажется, сравнить равносильное ему «люди работные». (Древн. Росс. стихотворенія, собр. Киршею Даниловымъ, стр. 4, по 3-му изданію, въ былинѣ о Соловьѣ Будиміровичѣ).

Задвигать задвижками желѣзными,
 Засыпать песочками желтыми;
 Не велѣлъ Ставру давать ни пить, ни ѣсть,
 Велѣлъ Ставра смертью голодной уморить.

Что возговорить молодой Ставѣрь:

- » Есть у меня скорой гонецъ;
- » Скоро бы метался на сиваго коня,
- » На сиваго латынскаго жеребца;
- » Выѣзжалъ бы далече во чисто поле
- » Къ городу Чернигову,
- » Къ младѣ Василисѣ Микеулишнѣ;
- » На дворъ бы въѣзжалъ, не докладываяши,
- » Коня бы пуссаль, не привязываяши;
- » Въ горницу бы бѣжалъ, крестилъ бы лице,
- » Крестилъ бы лице своеобразное,
- » Кресты бы клалъ по писаному,
- » Рѣчь говорилъ по велѣнному:
- » Гой еси, Василиса ты Микеулишна!
- » Пьешь ты да ѣшь, сама тѣпишься,
- » Ничего ты не знаешь, не вѣдаешь:
- » Богъ на Ставра прогнѣвался,
- » Владиміръ князь раскручинился,
- » Велѣлъ Ставра съ очей сослать,
- » Велѣлъ Ставра въ погребы глубокіе сажать
- » Въ погребы глубоки сорока сажень и т. д. ¹⁾).

Тутъ-де у Василисы Микеулишны

Скоры ноги подогнулись,

Бѣлы руки опустилися,

Рѣчь въ головѣ помѣшалася.

Вышла она на правѣ крыльцо.

Вскрикнула, взгаргнула громкимъ голосомъ:

- » Есть ли у меня три ста молодцовъ?
- » Сѣдлали бы они три ста коней,
- » Были бы сѣделечки не сѣдланья,
- » Были бы уздечки не узданья ²⁾,

¹⁾ Опускаемъ повтореніе прежнихъ стиховъ.

²⁾ Т. е. новья, не бывшія въ употребленіи.

- » Краснаго бы полку шемахинскаго,
- » Цвѣтику булата черемискаго:
- » Шолѣ не рвется,
- » Булатъ не трется,
- » Красное золото не ржавѣеть».

Вышла она на лѣво крыльцо,
 Вскрикнетъ, взгаркнетъ громкимъ голосомъ:
 » Нянюшки, мамушки, сѣбныя красныя дѣвушки!
 » Вы берите-ко мои золотые ключи,
 » Отпирайте-ко мой кованъ ларецъ,
 » Вынимайте-ко три ножечка булатные,
 » Вы снимайте-ко съ меня кудри женскія,
 » Надѣвайте на меня молодецкія ¹⁾:
 » Буду ль я Василій посолъ,
 » Младъ Василій Ивановичъ.

Выѣзжала далече во чисто поле
 Къ городу Кіеву, ко князю Владиміру.
 На встрѣчу ей Прокофій гонецъ:
 Соѣзжались, во сахарны уста цѣловались.
 — » Гой еси, Прокофій гонецъ, куда ты скоро
 гонишь?

- » Гоню я къ городу къ Чернигову,
- » Къ младѣ Василисѣ Микулишнѣ,
- » Ставровы животы поросписывати,
- » А Ставрову жену во поруки взять».

Что возговорить Василій посолъ:
 » Съѣдемся, воротимся среди пути—дороженьки,
 » Нѣтъ де Василисы Микулишны:
 » Какъ послышала невзгодушку великую,
 » Уѣхала она въ землю вятскую
 » Ко грозному королю корлятскому».
 2).

¹⁾ Т. е. кудри же.

²⁾ Оба посла поѣхали въ Кіевъ, гдѣ князь начинаетъ испытывать силу и искусство пріѣзжаго изъ Чернигова посла: такъ разказывается обыкновенно въ былинахъ про Ставра Годиновича и Василису Микулишну. (Точками обозначаемъ недостающіе стихи).

Что возговорить Владиміръ князь:

- » Гой еси, Василій посоль!
- » Есть ли у тебя таки стрѣльцы
- » Со моими стрѣльцами пострѣлятся,
- » Перешибити булатный ножъ
- » Ровно на три четверти?»

— » Гой еси, Владиміръ князь!

- » Дѣло-то наше заѣзжее,
- » Хлѣбы-то наши завозные:
- » Развѣ мнѣ, самому послу,
- » Со твоими стрѣльцами пострѣлятся,
- » Перешибити булатный ножъ
- » Ровно на три четверти?»

Первый разъ стрѣльнула—на двое,
 Другой разъ стрѣльнула—на трое,
 Третій разъ стрѣльнула—то на четверо.

Что возговорить Владиміръ князь:

- » Гой еси Василій посоль!
- » Есть ли у тебя таки борцы
- » Съ моими борцами поборотися?

— » Гой еси, Владиміръ князь!

- » Дѣло-то наше заѣзжее,
- » Хлѣбы-то наши завозные:
- » Развѣ мнѣ, самому послу,
- » Съ твоими борцами поборотися?

Первый разъ дернетъ, то руку прочь,
 Другой разъ дернетъ, то ногу прочь,
 Третій разъ дернетъ, голова долой.

Что возговорить Василій посоль:

- » Гой еси, Владиміръ князь!
- » Тѣшилъ я тебя,
- » Такъ потѣшь-ко ты меня:
- » Выпусти Ставра Одиновича!

.¹⁾.

¹⁾ Князь согласился, освободилъ Ставра изъ заключенія; тотъ увидѣлся съ женой, но не узналъ ее.

Что возговорить Василій посоль:

- » Гой еси, младъ Ставѣрь Одиновичъ!
- » Пойдемъ мы съ тобой въ зеленый садъ гулять.
- » Гой еси, младъ Ставѣрь,
- » Младъ Ставѣрь Одиновичъ!
- » Вспомнишь ли, вспамятѣешь ли,
- » Какъ бывало мы съ тобой гуливали,
- » Въ свачки съ тобой игрывали,—
- » Ты въ золотую, я въ серебряную,
- » На игрушки іерусалимскія
- » Пѣсенки пѣли отъ Царяграда?
-¹⁾

Что возговорить Марья-то Темрюковна:

- » Гой еси, Владиміръ князь!
- » Это, вѣдь не Василій посоль,
- » Это—моя сестрица²⁾:
- » Ручки бѣленьки, пальчики тоненьки».

Что возговорить Владиміръ князь:

- » Бабій-то разумъ не какъ мужиковъ,
- » Волосъ-то дологъ, да умъ коротокъ».³⁾

¹⁾ Ставръ всё таки не узнаётъ свою жену; только супруга князя Владиміра догадалась раньше всѣхъ, что пріѣзжій черниговскій посоль есть женщина. Кстати отмѣтимъ, что наша былина называетъ супругу князя Владиміра, какъ и супругу Грознаго, Марьей Темрюковной: смотр. слѣдующую былинку.

²⁾ Т. е. «лице одного со мной пола».

³⁾ Т. е. князь разсердился на замѣчаніе своей княгини, не сразу убѣдился въ истинѣ ея замѣчанія. На этомъ пѣсня обрывается; какъ мы видѣли, нѣкоторыя звенья былины и конецъ ея изгладились изъ памяти рассказицы; можетъ быть она и нарочито умолчала о нѣкоторыхъ деликатныхъ подробностяхъ, повѣствуемыхъ въ этой «женской» былинѣ. Въ заключеніе рассказица замѣтила про Василису Микулишну: «и сильна была и хитра». Это—вѣрное замѣчаніе про женщину богатыря; такъ именно былины изображаютъ ее всегда

2. Мaстрюкъ Темрюковичъ.

Какъ у насъ было во святой Руси,
 Во святой Руси въ каменной Москвѣ,
 Была радость великая:
 Ужъ какъ царь-то женился,
 Сударь царь Иванъ Васильевичъ;
 Онъ взялъ государыню за себя
 Молодую черкашенину,
 Марью Темрюковну;
 Онъ и много приданого за ней взялъ:
 Тридцать три города,
 Девяносто бояръ съ нею взялъ.
 Онъ и сдѣлалъ почетный пиръ,
 Созвалъ князей, бояръ
 И всякихъ могучихъ госнодь.
 Ужъ какъ былъ въ пиру шурина большой,
 Молодой-то черкашенинъ
 Мaстрюкъ Темрюковичъ,
 Государевъ шурина большой.
 Онъ такую рѣчь говорить:

- Я три земли обошелъ,
- Я трехъ борцовъ поборолъ,
- По себѣ борца не нашелъ:
- Ужъ и дайте-бо мнѣ борца
- У себя въ каменной Москвѣ
- Царь Ивана Васильевича!»

Что возговорить боярина большой,
 Князь Никита Романовичъ:

- Ужъ и вотъ я къ царю побѣгу,
- Вотъ я царю доложу,
- Царь Ивану Васильевичу.

- Ужъ ты гой еси, царь государь,
- Царь Иванъ Васильевичъ!
- Во твоёмъ почетномъ пиру

- › Ужь какъ гости всё пьютъ, ѣдятъ,
- › Ужь и всё проклажуются,
- › Всё тобой поношаются, ¹⁾
- › Царь Иванъ Васильевичемъ.
- › Какъ одинъ гость ни ѣсть, ни пьеть,
- › Молодой-то черкашенинъ
- › Машрюкъ Темрюжовичъ,
- › Твой, сударь, шуринъ большой.
- › Онъ такую рѣчь говоритъ:
- › Я три земли обошелъ,
- › Три борца поборолъ.
- › По себѣ борца не нашель:
- › Ужь и дайте-ко мнѣ борца
- › У себя въ каменной Москвѣ!»

Что возговорить царь государь,
Царь Иванъ Васильевичъ:

- › Ужь ты гой еси, бояринъ большой,
- › Князь Никита Романовичъ!
- › Ты поди по всей Москвѣ,
- › И по всёмъ-то по улицамъ,
- › И по всёмъ переулочкамъ,
- › Да кричи во всю голову,
- › Что ни есть въ головѣ голосу,
- › Чтобы чуть ²⁾ было во всеѣ Москву.

Ходилъ онъ по всей Москвѣ,
И по всёмъ-то по улицамъ,
И по всёмъ переулочкамъ,
И кричалъ во всю голову,
Что ни есть въ головѣ голосу,
Чтобы чуть во всеѣ Москву.

Изъ Никитскія улицы
Выходили два братеничка,
Они оба Андреевичи.
Ужь какъ первый-то Митинька,

¹⁾ Т. е. «величаются, похваляются» своимъ щедрымъ
хозяиномъ—царемъ.

²⁾ Слышно.

Митинька Андреевичъ,
 На лице онъ ни младъ, ни старъ,
 Ростомъ онъ ни малъ, ни великъ;
 Онъ на ножку припадываетъ, ¹⁾
 Онъ усы поразглаживаетъ,
 Усы за уши закладываетъ.
 Онъ такую-то рѣчь говорить:
 › Какъ не быть бы мнѣ въ пиру у цари
 › Во опалѣ великоей › .

Что возговорить бояринъ большой,
 Князь Микита Романовичъ:

› Ужъ и вотъ я къ царю побѣгу,
 › Ужъ и вотъ я царю доложу,
 › Царь Ивану Васильевичу:
 › Ужъ ты гой еси, царь государь,
 › Царь Иванъ Васильевичъ!
 › Я ходилъ по всей Москвѣ,
 › И по всѣмъ-то по улицамъ,
 › И по всѣмъ переулочкамъ,
 › И кричалъ я во всю голову,
 › Что ни есть въ головѣ голосу,
 › Чтобы чуть во всеѣ Москву.
 › Изъ Никитскія улицы
 › Выходили два братеничка,
 › Они оба Андреевичи.
 › Ужъ какъ первый братъ Митинька,
 › Онъ Никита Андреевичъ,
 › На лице-то онъ ни младъ, ни старъ,
 › Онъ и ростомъ ни малъ, ни великъ,
 › Онъ на ножку припадываетъ,
 › Онъ усы порозглаживаетъ,
 › Усы за уши закладываетъ.
 › Онъ такую-то рѣчь говорить:
 › Что не быть бы мнѣ въ пиру у цари
 › Во опалѣ великимъ › . ²⁾

¹⁾ Прихрамываетъ.

²⁾ Т. е. найденный боецъ готовъ на единоборство съ царскимъ шуриномъ, да только боится идти въ царскій дворъ,

Что возговорить царь государь,
Царь Иванъ Васильевичъ:

- » Да лише бы его силушка взяла,
- » Да еще бы ему Богъ пособилъ,
- » Да еще бы ему Спасъ поручилъ!

Какъ проходитъ Митинька

Мимо государева дворца;

Что увидѣлъ, усмотрѣлъ

Молодой-то черкашенинъ

Мастрюкъ Темрюковичъ,

Государевъ шуринь большой:

- » Что не этотъ-ли борець?
- » Я его до рукъ не допущу!
- » Я поставлю его на голову,
- » Спущу цвѣтно платье съ ногъ на голову!

Онъ зѣло разгорается,

Изъ стола подымается,

Изъ-за скатерти бранья,

Изъ-за ѣствы сахарныя;

Онъ и три стола подломилъ,

Онъ и три скамьи повалилъ,

Девяносто бояръ задавилъ.

Ужъ и тутъ дескать Митинька

Онъ не больно испужается,

По маленьку исправляется:

Онъ на ножку припадываетъ,

Онъ усы поразглаживаетъ,

Усы за уши закладываетъ.

Сходилися они середь двора царскаго,

При всѣхъ князьяхъ, боярѣхъ,

При самомъ государѣ царѣ.

Ужъ и взялъ дескать Митинька,

Взялъ за могучи плеча

какъ бы тамъ не навлечь на себя царскаго гнѣва. Но царь очень обрадовался бойцу, велѣлъ ободрить его милостивымъ словомъ.

Мастрюка Темрюковича,
 Да поставилъ его на голову,
 Спустилъ цвѣтно платье съ ногъ да на голову.

Что увидѣла, узрела
 Молодая черкашенина
 Марія Темрюковна:
 › Ужъ вотъ я къ царю побѣгу,
 › Вотъ я царю доложу,
 › Царь Ивану Васильевичу:
 › Ужъ ты гой еси, царь государь,
 › Царь Иванъ Васильевичъ!
 › Мужика надо повѣсити
 › Что на рылехъ высовіихъ, ¹⁾
 › Перекладахъ дубовыхъ».

Что возговорить царь государь,
 Царь Иванъ Васильевичъ:
 › Мужика-то я пожалую,—
 › Я полаты бѣлокаменными;
 › Мужика буду знать, почитать,
 › Мужика буду жаловать,
 › Ужъ я ради почетныхъ пировъ,
 › Еще для ради почетныхъ гостей,
 › Еще для ради заносчивыхъ»..

¹⁾ Иначе— «рели, релюшки», т. е. качель; висѣлица.

› Молодца-тъ на релюшкахъ качается;
 › Королевна подъ релями скончалася».

(Пѣсни собр. Кирѣвскимъ, 5, стр. 166. Сравн. вып. 6, стр. 61).

3. Сборы въ походъ.

Далече, далече во чистомъ полѣ,
 Что еще того подалѣ во раздольицѣ,
 Что не бѣлые-то снѣги забѣлѣлися,
 Не алые въ саду маки заалѣлися:
 Забѣлѣлися шатры въ полѣ полотняные,
 Заалѣлися знамена въ полѣ государевы.
 Ужъ какъ всѣ они, шатры, при долу стоятъ,
 Какъ одинъ у нихъ шатеръ при горѣ стоитъ.
 Ужъ какъ помы у шатра алаго бархату,
 А подбой у шатра кручатой камви ¹⁾,
 Ужъ какъ маковка у шатра позлаченная.
 Какъ подъ тѣмъ ли подъ шатромъ сидитъ
 Православный царь всея Россіи,
 Петръ сударь Алексѣевичъ.
 Что не золотая трубынька вострубила,
 Не серебряны сиповочки возыграли, ²⁾
 То возговорить нашъ батюшка, православный царь:
 » Ужъ вы гои еси, генералы и фельдмаршалы!
 » Вы отдайте-ко приказъ во всѣ полки,
 » Вы во всѣ полки отдайте, во всю армію,
 » Чтобы ружьи были чисты, ножи востры,
 » Палаши были бѣ со штыками изготовлены!

¹⁾ Иначе «хручатой камви», т. е. плотной, какъ бы хрустящей, изъ крученаго шелка матеріи. Обычное въ былинахъ выраженіе, напримѣръ: Пѣсни, собр. Кирѣевскимъ, 3, стр. 78; 7, стр. 27.

²⁾ Сравните подобный стихъ:

- » Не золота трубочка вострубила,
- » Не серебряна саповочка возыграла».

«Сиповочка, саповочка, сопѣль, сопѣлочка» — музыкальный духовой инструментъ; названія часто встрѣчаются въ былинахъ. (Пѣсни, собр. Кирѣевскимъ, вып. 3, стр. 52; 8, стр. 34; 9, стр. 169 и мног. друг.).

- » Какъ завтра къ намъ, братцы, король въ гости
будеть:
- » Ужъ какъ чѣмъ намъ короля будетъ подчивати?
- » Ужъ какъ есть у насъ для него сухари на-
крошенные:
- » Они въ Тулѣ крошены, въ Москвѣ высу-
шены» ¹⁾.

4. Шведскій король.

Пишетъ, пишеть король шведскій
Къ государынѣ въ Москву:

- » Ты, россійская царица,
- » Помирися ты со мной,
- » Со шведскимъ королемъ.
- » А не думаешь мириться,
- » Не прогнѣвайся на меня,
- » На шведскаго короля:
- » Ужъ я самъ ли, король шведскій,
- » Свою силушку скоплю,
- » Въ каменну Москву взойду;
- » Распишу ль я всѣ квартиры,
- » Гдѣ солдатушкамъ стоять:
- » Генераламъ да майорамъ
- » По господскимъ домамъ,
- » Рядовымъ-то ли солдатамъ
- » По вупеческимъ домамъ;
- » Ужъ я самъ-то король стану
- » Въ государевомъ дворцѣ,
- » Въ грановитыхъ палатахъ
- » Бѣлокаменныхъ.

¹⁾ При концѣ разсказаща еще прибавила двустышіе,
какъ бы въ видѣ обрывка:

- » Не каменя долой съ града поватилися,
- » Поватилися съ плечъ солдатскія головушки».

Какъ тутъ матушка царица
 Испугалась короля:
 Ея царски скоры ноги
 Подогнулись,
 Ея царски бѣлы руки
 Опустилися.

Что возговорить нашъ батюшка
 Румянцевъ генераль:
 » Не бойсь, не бойсь, наша матушка,
 » Ты шведскаго короля!
 » Ужъ я самъ-то графъ Румянцевъ
 » Малу силушку скоплю,—
 » Малу силушку скоплю,
 » Супротивъ шведа пойду;
 » Ужъ я малой своей силой
 » Его силу погублю;
 » Самого короля шведовъ
 » Во полонъ себѣ возьму».

5. Похороны царя.

» Ужъ и что-же вы, солдатухи, приуныли?
 — » Ужъ и какъ же намъ, солдатухамъ, не
 уныти?
 » Что у насъ въ Москвѣ царя бѣлаго не стало!
 » Опустили бѣлокаменны палаты,
 » Изъ палатъ идутъ всё архереи,
 » За архереями ¹⁾ несутъ золоту гробницу,
 » За гробницей идетъ батюшка, младъ царевичъ;
 » Онъ идетъ, слезно плачетъ,
 » Князья и бояре его унимають:

¹⁾ Читать: «з'архереями».

- » Ты не плачь, не плачь, батюшка царевичъ:
- » Мы тебя ни въ чемъ не оставимъ!»
- » Не надѣюсь я на васъ, князя, бояре!
- » Я надѣюсь на московскую цѣхоту:
- » Она меня, чаю, не оставитъ».

6. Прусскій король.

- Ужь какъ шель—прошелъ
 Прусскій король съ своей арміей;
 Становился же прусскій король
 На крутой горѣ, на всей красотѣ;
 Онъ смотрѣлъ, глядѣлъ на укрѣпушку,
 На Берлинъ городъ:
- » Ты укрѣпа моя, укрѣпушка,
 - » Берлинъ городъ!
 - » Я не чайлъ тебя, укрѣпушка,
 - » Разорѣной быть;
 - » Разориль-то тебя, укрѣпушка,
 - » Самъ бѣлый царь,
 - » Со тѣмъ ли генераломъ Краснощекимъ.
 - » Ужь какъ ходитъ же Краснощекій графъ
 - » Купцомъ по торгу,
 - » Закупаеть Краснощекій графъ
 - » Свинцу пороху,
 - » Пробиваетъ же Краснощекій графъ
 - » Стѣну каменну.
 - » Заполонилъ онъ мою матушку
 - » Съ молодой женой;
 - » Полонивши онъ королеву,
 - » Сталъ выспрашивать:
 - » Ты скажи, скажи королева,
 - » Куда прусъ бѣжалъ?
- » Ужь ты самъ-то ли, Краснощекій графъ,
 » Недогадливъ былъ:
 » Во пиру онъ сидѣлъ подь столикомъ

- » Сѣрымъ котикомъ;
- » По палатамъ онъ порхалъ—леталъ
- » Сизымъ голубемъ;
- » Изъ палатъ вылетаетъ онъ
- » Чернымъ ворономъ,
- » На сине море опускается
- » Бѣлымъ лебедемъ».

7. Плѣнница Румянцева.

Мы вечеръ въ торгу торговали,
 Свинцу, пороху закупали,
 Мѣдны пушечки заряжали,
 Каменну стѣну пробивали.
 Стѣну каменну не пробили,
 Короля прусскаго не видали.
 Красну дѣвицу въ полонъ взяли,—
 Въ полонъ взяли, полонили,
 На добра коня посадили,
 Во чисто поле вывозили,
 Предъ Румянцевымъ становили;
 Графъ Румянцевъ любовался,
 Красотѣ ея дивовался:
 Хороша дѣвушка, румяна,
 По нѣмецкому изубрана.
 На ней шубка голубая,
 Епанеечка золотая,
 Въ косѣ лента шелковая.
 Стоючи дѣвка слезно плачетъ,
 Графъ Румянцевый унимаетъ,
 Шелковымъ платкомъ слезы утираетъ:

- » Ты не плачь, не плачь красна дѣвка!
 » Я возьму тебя въ Россію за мужъ
 » За любимаго своего сына,
 » За Ивановича Ивана,

- » За російскаго генерала:
- » Ты изволь со мною говорити,
- » Про мою силушку спросити,
- » Про свою силу розказати».

— » Отойдите вы прочь, генералы!

- » Не хочу съ вами говорити,
- » Не токма про силу сказати;
- » Я не йду, не йду въ Россію за мужъ,
- » За любимаго твоего сына,
- » За Ивановича Ивана,
- » За російскаго генерала.

Графъ Румянцевый разсердился,
 Онъ безъ милости опалѣлся;
 Востру сабельку вынимаетъ,
 Красну дѣвушку онъ стращаетъ.
 Востра сабелька просвѣтилась,¹⁾
 Красна дѣвица ужастилась,
 Да Румянцеву поклонилась:

- » Вы подайте мнѣ листъ бумаги,
- » Да чернильницу золотую;
- » Ужъ я буду письмо писати,
- » Королю прусскому отсылати.
- » Что иду, иду въ Россію за мужъ
- » За Ивана Ивановича,
- » За російскаго генерала».

8. Г о р е.

Изъ—подъ камешка, камня бѣлаго,
 Изъ—подъ кустика подь ракитова,
 Выходило тутъ Горе великое,—

¹⁾ Блеснула.

Лыкомъ Горюшко подпоясано,
 Да мочальями перевязано.
 Привязалось Горе къ добру молодцу:
 Ужь онъ отъ Гора во чисто поле,
 А оно за нимъ да съ серпомъ идетъ;
 Ужь онъ отъ Гора въ зелены луга,
 А Горе за нимъ со косой идетъ, —
 Со косой идетъ, подкосить хочетъ;
 Ужь онъ отъ Гора во темны лѣса,
 А Горе за нимъ съ топоромъ идетъ,
 Съ топоромъ идетъ, зарубить хочетъ;
 Ужь онъ отъ Гора въ монастырь пошелъ,
 А Горе за нимъ несетъ ножницы,
 Несетъ ножницы, постригать хочетъ.
 Ужь онъ отъ Гора во постелю слегъ,
 А Горе за нимъ въ головахъ стоитъ.
 Ужь онъ отъ Гора во сыру землю,
 А Горе за нимъ идетъ съ заступомъ,
 Идетъ съ заступомъ, зарывать хочетъ.
 Да зарывши Горе насмѣялося:
 • А хи—хи—смѣхи, добрый молодець,
 • Не доживши вѣкъ, переставился»!.

Примѣчанія.

Къ первой былинѣ. О Ставрѣ Гоудиновичѣ и женѣ его Василисѣ Микулишнѣ былина стала рано записываться. Она есть въ сборникѣ такъ называемаго Кирпи Данилова, въ «Древнихъ російскихъ стихотвореніяхъ» (по 3-му изданію 1878 г. на стр. 85—92). Въ другой рукописи также XVIII вѣка, гдѣ содержится прозаическій пересказ былины о Михаилѣ Даниловичѣ, упоминается «яма глубокая сорока сажень, гдѣ сидѣлъ Ставерха сынъ Гоудиновичъ». (Академика А. Н. Веселовскаго, Южнорусскія былины, въ Приложеніи къ XXXIX тому Записокъ И. Ак. Наукъ, № 5, стран. 26). Къ первой четверти XVIII-го вѣка относится рукописный сборникъ Ѡ. И. Буслаева разнообразнаго литературнаго содержанія, въ коемъ между прочимъ есть три былины, и одна изъ нихъ про Ставра Гаденовича: описатель сборника, покойный Н. С. Тихонравовъ, дѣлаетъ такое о ней замѣчаніе: «былина о Ставрѣ списана, по видимому, съ готоваго оригинала, а не записана со словъ, и въ ней лучше, чѣмъ въ остальныхъ двухъ, сохранился эпическій стиль». Если это замѣчаніе вѣрно, то первая запись былины должна быть отодвинута еще болѣе къ раннему времени, т. е. къ самому началу XVIII-го, либо даже къ XVII-му вѣку. (Русскія былины старой и новой записи, подъ редакц. Н. С. Тихонравова и В. Ѡ. Миллера, Москв. 1894; стран. 73—74; самая былина о Ставрѣ на стран. 54—58. Сравн. тамъ же пять нумеровъ былины о Ставрѣ новой записи въ Сибири и въ Россіи, на стран. 193—214).

Записанный нами образецъ былины про Ставра Одиновича и Василису Микулишну является послѣднимъ, по времени записи, хотя не столь полнымъ и вообще не лучшимъ образцомъ; есть много гораздо полнѣе и лучше изложенныхъ былинь въ печатныхъ сборникахъ: въ Древн. рос. стихотвореніяхъ, какъ было выше указано; у Кирѣевскаго, вып. 4, стр. 59, гдѣ перепечатана былина изъ перваго сборника;

у Рыбникова, I, №№ 41—42; II, №№ 19, 20, 21 (очень хорошие образцы); у Гильфердинга №№ 7, 21, 109, 140, 151, 169 (по изданію 1871 года).

Былина рассказываетя на разные лады, но съ одной общей мыслью—объ умѣ, мужествѣ и вѣрности Василисы Микулишны, которая есть собственно героиня былины. По замѣчанію Гильфердинга въ Онежскомъ краѣ ее знают многія женщины: «былины про Ставра, Ивана Годиновича и Чурилу Пленовича интересуют ихъ, вается, тѣмъ, что въ этихъ былинахъ главные дѣйствующія лица—женщины же; но въ Кенозерскомъ краю специальный бабій богатырь, Ставеръ, вовсе неизвѣстенъ женщинамъ», добавляет тотъ же ученый. Онъ такъ характеризуетъ вкратцѣ Ставра и Василису: «глупый мужъ умнѣйшей и преданной женщины». (Онежскія былины, стр. XVIII—XIX; XXII). Мы въ заключеніе приведемъ о Василисѣ Микулишнѣ и сестрѣ ея Настасѣ, жепѣ Добрыни Никитича, слѣдующее характерное четверостишіе изъ одной онежской же былины:

- » И всякій-то на свѣтѣ женится,
- » Не всякому женитьба удавается;
- » Только удалась женитьба
- » Ставру Годиновичу, да Добрынюшкѣ Микитичу».

(Тамъ же № 168, стр. 851).

Ко второй былинѣ. Въ разныхъ мѣстахъ Россіи много было записано пѣсенъ о второй женитьбѣ Грознаго и единоборствѣ его шурина съ московскимъ богатырсмъ: это одна изъ самыхъ распространенныхъ пѣсенъ о времени царя Ивана Васильевича. (Древн. Росс. стихотворенія, № V; у Кирѣевскаго, вып. 6, стр. 106—186, гдѣ свыше 20 образцовъ пѣсни; сравн. тамъ же въ приложеніи къ 7 вып. стран. 51; у Рыбникова I, № 68; II, №№ 35—37; III, № 44; IV, №№ 15—16; у Гильфердинга №№ 24; 166; 193; 261; 310; 317). Былина съ разнообразными подробностями, доходящими до того, что царскій шуринъ «Мастрюкъ», князь червесскій, обращается въ какого-то «Кострюка», притомъ дѣвицу, крымскую поляницу. (Гильфердингъ, № 24). Былина рисуетъ царскаго шурина человѣкомъ гордымъ и заносчивымъ; за это-де онъ и потерпѣлъ на поединкѣ жестокое пораженіе, къ стыду своему, къ огорченію сестры, царицы московской, но за то къ немалому удовольствію самого царя: Ивану Васильевичу

очень понравилось, что московскій его борець побилъ «зано-
счиваго гостя».

Приведемъ въ поясненіе былинныя не много историче-
скихъ справокъ. Второй бракъ царя Ивана Васильевича съ
дочерью знатнаго кабардинскаго князя Темгрюка Айдарови-
ча, во св. крещеніи нареченною Маріей, совершился 21 ав-
густа 1561 года. Красавица черкешенка была по ха-
рактеру не такова, что первая супруга царя, кроткая Ана-
стасія Романовна: современники пишутъ—будемъ говорить
словами Карамзина—что сія княжна черкесская, дивная нра-
вомъ, жестокая душой, еще болѣе утверждала Іоанна въ
злыхъ склонностяхъ, на злыя дѣла подущая его, какъ ска-
зано въ одной рукописи. Царь прожилъ съ нею въ супруже-
ствѣ 8 лѣтъ († 1 сентября 1569), и имѣлъ отъ нея сына,
царевича Василя; неизвѣстно, насколько искренно Іоаннъ вы-
сказывалъ подозрѣніе, что Марія, подобно Анастасіи, умер-
ла отъ отравленія тайными злодѣями.

Съ царицей въ Москвѣ проживали два брата ея Тем-
грюковичи, Булгерукъ да Салтанукъ, во св. крещеніи Миха-
иль; третій братъ ея Мамстрюкъ Темгрюковичъ, пріѣзжалъ
однажды посломъ отъ своего отца, съ просьбой о помощи
противъ непослушныхъ сосѣдей черкесскихъ: онъ представ-
лялся царю въ Александровской слободѣ, въ іюнѣ 1565 года,
получилъ желаемую помощь воинскими людьми царскими, съ
воими и воротился на Кавказъ. Въ 1570 году, или нѣсколько
пораньше, этотъ Мамстрюкъ, да еще братъ его Беберюкъ,
воюя съ крымскими татарами, испытали неудачу—попали въ
крымскій плѣнъ; царь Иванъ Васильевичъ по родству хотѣлъ-
было выкупить своихъ плѣнныхъ шурьевъ, но дѣло выкупа
не состоялось: крымцы требовали слишкомъ большого выку-
па, на который не согласился царь. Почти одновременно не-
счастливая судьба постигла третьяго шурина царскаго, Салта-
нука-Михаила. Долго служа царю, участвуя въ воинскихъ
походахъ и въ казняхъ опальныхъ людей, въ опричнину, онъ
самъ навлекъ на себя подозрѣніе въ измѣнѣ, хотѣлъ будто
бы отѣхать въ Польшу; до времени царь простилъ шурина,
но обходился съ нимъ всегда пренебрежительно и сурово,
судя по разсказамъ иностранцевъ Таубе и Крузе, Гваньини,
Одерборна, Кельха. Наконецъ въ 1571 году царь велѣлъ
казнить своего шурина, неизвѣстно въ точности за какую

вину. (Подробнѣйшія свѣдѣнія объ этихъ лицахъ смотр. у Карамзина, и въ книгѣ г. Бѣлокорова, Сношенія Россіи съ Кавказомъ, вып. I, Москва, 1889, на стран, LV—LXXVIII: тамъ находятся цѣнныя свѣдѣнія о семействѣ кабардинскаго князя Темгрюка Айдаровича, царскаго тестя).

Быль ли дѣйствительно поединокъ князя Мастрюка или другого царскаго шурина съ московскимъ борцомъ, и быль ли этотъ поединокъ на свадьбѣ царской, или при иномъ случаѣ,—объ этомъ трудно, конечно, сказать съ увѣренностью. Во всякомъ случаѣ нельзя отрицать возможности такого поединка: случай совершенно въ духѣ того вѣка,—и былина сложилась не даромъ. Намъ казалось было вѣроятнымъ предположить, что боролся не Мамстрюкъ, только однажды случайно пріѣзжавшій въ Москву, сколько это извѣстно по указаніямъ историческимъ, а другой его братъ, именно Салтанукъ—Михаиль, постоянно въ Россіи жившій. Но, конечно, возможно и то, что это былъ именно Мамстрюкъ, который, разъ осрамившись на поединкѣ, никогда больше въ Россію не пріѣзжалъ уже, сталъ «крымской поляницей», потомъ крымскимъ плѣнникомъ. Точно рѣшить вопросъ не можемъ, кто изъ двухъ боролся.

Къ третьей пѣсни. Ближайше сходна съ нею пѣсня въ сборникѣ Кирѣевскаго, подъ заглавіемъ «сборы русскіе», въ 8 выпускѣ, на стран. 117—118.

Къ четвертой пѣсни. Сравнить въ томъ же сборникѣ Кирѣевскаго, вып. 9, стран. 80—89, гдѣ помѣщено десять образцовъ этой пѣсни, и у Гильфердинга № 204 и 237.

Эта пѣсня, по всей вѣроятности, была сложена въ началѣ царствованія государыни Елизаветы Петровны; была она, конечно, пѣта и при государынѣ Екатеринѣ Великой, когда была также война со Швеціей, какъ и въ первые годы императрицы Елизаветы; можетъ быть и раньше была запѣта въ подобномъ же видѣ.

Еще въ былинѣ подъ заглавіемъ «земскій соборъ» царь Алексѣй Михайловичъ говорить собору:

- » Пособите государю дума думати,
- » Надо думать крѣпка дума, не продумати;
- » *Миль-ка пишетъ нонь*
- » *Король земли шведскія:*

- » Онъ ужъ просить у насъ города Смоленска,
 - » А даетъ ли намъ химскую землю».
- (Рыбниковъ, II, 236).

Еще раньше и съ другой стороны—про боярина М. В. Скопина—Шуйскаго—въ былинѣ рассказывается:

- » И беретъ онъ бумагу бѣлую,
 - » *Писалъ ярлыки скорописчаты*
 - » *Во свицкую землю, саксонскую,*
 - » Ко любимому брату названому,
 - » Ко свицкому королю Карлосу» и пр.
- (Жирѣвскій, 7, стр. 12)

Про Петра Великаго поется:

- » Охъ вы гой еси, князя со боярами!
 - » Пьете вы ѣдите все готовое,
 - » Цвѣтно платьице носите припасёное
 - » Ничего-то вы не знаете, не вѣдаете:
 - » *Еще пишетъ король шведскій ко мнѣ грамотку,*
 - » *Онъ будетъ король шведскій ко мнѣ кушати»,*
- и т. д.

(Тамже, 8, стр. 118).

Такимъ образомъ мотивъ о перепискѣ шведскаго короля и вообще иностранныхъ государей съ русскимъ государемъ или государыней—довольно общій и распространенный въ народныхъ историческихъ пѣсняхъ.

Общимъ же мотивомъ въ народныхъ русскихъ пѣсняхъ представляется «гордость» короля шведскаго; притомъ типическая черта этой гордости выставлена на видъ не въ народной только пѣснѣ, но и въ разныхъ литературныхъ произведеніяхъ. Вспомнимъ ярла Биргера, который «шатаясь безуміемъ своимъ и загордѣвся» прислалъ сказать новгородскому князю Александру Невскому, что онъ уже стоитъ на русской землѣ и плѣняетъ ее. (Софійск. Временникъ, I, стр. 251). Вспомнимъ короля Магнуса, также непріятеля Новгорода: по словамъ его собственнаго «рукописапія», Магнусъ сошелъ-де съ ума, таеъ какъ Богъ наказалъ его «за высокоуміе». (Тамъ же, стр. 337). Сказаніе про короля Густава

Адольфа выражается про него: «вознесся гордостью, якоже древній Голиадъ, дерзну приобрѣсти себѣ большую славу, сложился во едину волю съ польскимъ и литовскимъ королемъ, хотя пріяти славный градъ Псковъ». (Полн. Собр. рус. лѣтоп. т. V, стр. 54). Суровое упрямство короля Карла XII, этого «послѣдняго варяга», вошло въ пословицу: русскіе люди Петровскаго времени звали его «жестоковѣйнымъ» королемъ. (Шафировъ). Эти былинныя и литературныя черты совпадаютъ съ историческими, по правдѣ надобно сказать.

Въ XVIII вѣкѣ отношенія Россіи къ Швеціи были большею частію натянутыми. Послѣдняя не могла мириться съ Россіей искренно, послѣ своихъ земельныхъ уступокъ по Ништадтскому миру, и не разъ пробовала возвратить себѣ потерянные земли; Россія не допустила исполниться шведскимъ замысламъ, держала высочій тонъ относительно Швеціи, всегда торжествовала надъ ней. Вотъ что вспоминала, напримѣръ, государыня Екатерина, слышавши о враждебныхъ движеніяхъ въ Швеціи: «императрица Анна Іоанновна, имѣя въ 1738 или 39 году пребываніе свое лѣтнее въ Петергофѣ, получила извѣстіе, что шведы намѣреваются сдѣлать высадку войскъ на здѣшнемъ берегу, приказала сдѣлать объявленіе шведамъ въ такой силѣ, что буде осмѣлятся учинить подобнаго чего, то чтобы завѣрное полагали, что она въ самомъ Штокгольмѣ камень на камень не оставитъ. По твердости сего объявленія, или по инымъ причинамъ, остановилась тогда назойливость шведская». (Соловьевъ, Истор. паденія Польши, 185). Извѣстно, какой отпоръ дала сама Екатерина II королю шведскому Густаву III, когда тотъ вздумалъ было воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Россіи во вторую турецкую войну, и съ своей стороны объявилъ войну русской государынѣ; извѣстно и то, какъ императрица осмѣяла своего кузена въ особой пьесѣ, называемой «Горе—богатырь Косомѣтовичъ».

Екатерина была въ перепискѣ съ Густавомъ, и вотъ что между прочимъ однажды писала ему съ ироніей: «вы хотите идти прямо на Петербургъ, вѣроятно съ тѣмъ, чтобы тамъ поужинать». (Гротъ, Екатерина II и Густавъ III, стран. 54; снес. стр. 76). Какъ это похоже на былинный стихъ:

- » Еще пишетъ король шведскій ко мнѣ грамотку:
- » Онъ будетъ король шведскій ко мнѣ кушати!»

(Кирѣевскій, вып. 8, стр. 118).

Не знала ли Екатерина про эту народную пѣсню? Впрочемъ подобныя выраженія могли быть у русскихъ и шведовъ ходячими, при близости столицъ обоихъ государствъ, и въ смыслѣ именно этой близости. Вотъ еще примѣръ сходныхъ съ тѣми выраженій: «Густавъ король Швеціи готовился неожиданно, безъ объявленія войны, посѣтить столицу Екатерины, явиться къ ней въ гости съ 50-ю тысячами товарищей, вооруженныхъ штыками» и проч. (Записки А. М. Тургенева, въ Русской Старинѣ 1886 г. ноябр. книжка, стран. 268).

Ещё для справки одинъ историческій анекдотецъ. Графъ Ѳ. В. Ростопчинъ въ политической запискѣ Государю Павлу Петровичу отъ октября 1800 года писалъ между прочимъ: «блаженной памяти императрица, мать ваша, при всей твердости своего духа, близка была оставить постыдно мѣсто своего пребыванія отъ набѣга короля шведскаго», а Государь съ своей стороны прибавилъ противъ этого мѣста записки: «и лошади готовы были». (Русскій Архивъ, 1878, кн. I, стр. 106). И всё таки остается вѣрнымъ то, что Екатерина Великая нисколько не боялась короля шведскаго: на то она была Великая! И письма ея къ Гримму, и дневникъ Храповицкаго, и иные источники, лучшіе чѣмъ записка графа Ростопчина, свидѣтельствуютъ объ ея непоколебимомъ мужествѣ какъ всегда, такъ и въ данное время въ особенности. А что Государыня перемѣняла мѣстожительство, выѣзжая изъ Царскаго села въ Петергофъ или въ Кронштадтъ, по свидѣтельству Храповицкаго за 1790 годъ, что она чувствовала естественное безпокойство духа, имѣя на рукахъ сразу двѣ войны,—это иное дѣло, въ которомъ однако нѣтъ ничего «постыднаго». Она была сильно раздражена на шведскаго короля, говорила о немъ съ презрительною насмѣшкой, но ничуть не боялась его.

Къ пятой пѣсни. Сравните пѣсня изъ времени стрѣльцовыхъ мятежей конца XVII-го вѣка у Кирѣевскаго, вып. 6, стр. 207—210, и вып. 7, стр. 46, № 3: послѣдняя пѣсня наиболѣе сходна съ записанною нами. Не въ средѣ ли стрѣльцовъ сложилась эта и подобныя ей пѣсни? Извѣстно, что стрѣльцы требовали себѣ, какъ почета, званія «надворной пѣхоты».

Къ шестой пѣсни. Для сравненія смотрите у Кирѣвскаго, вып. 9, стр. 154—172. Обратимъ вниманіе, какъ хорошо древними былинными чертами выражена изворотливость прусскаго короля въ затруднительныхъ для него военныхъ обстоятельствахъ. Пѣсня по содержанію относится къ Семилѣтней войнѣ.

Къ седьмой пѣсни. Она поется въ селѣ, какъ хороводная. Не знаемъ, какой дѣйствительный случай положенъ въ основу этой пѣсни.

Къ восьмой пѣсни. Сравните у Гильфердинга въ Онежскихъ былинахъ №№ 90 и 177.

По поводу этой прекрасной пѣсни вспоминаются слова Ѳ. М. Достоевскаго: «есть въ народѣ горе молчаливое и многотерпѣливое; оно уходитъ въ себя и молчитъ; но есть горе и надорванное; оно пробьется разъ слезами, и съ той минуты уходитъ въ причитыванія»... (Братья Карамазовы, I, стр. 80).

Да и всѣ-то русскія пѣсни, историческія и бытовыя—по поламъ съ горемъ, можно сказать. Но это не мѣшаетъ имъ быть очаровательными для русскаго слуха, для русскаго сердца; въ этомъ-то даже заключается ихъ особая красота и прелесть. Притомъ же онѣ только на половину съ горемъ; а сколько въ нихъ веселья, юмора, свѣжести чувства? Онѣ очень важны въ историческомъ смыслѣ, показывая замѣчательную чуткость народа къ историческимъ событіямъ. Нашъ русскій народъ цѣлую исторію пропѣлъ въ пѣснѣ! Впрочемъ это—большой, важный предметъ, и не въ краткомъ примѣчаніи о немъ говорить.

Ив. Турцевичъ.

КУЛЬТЪ
В Е С Т Ы

ВЪ ДРЕВНЕМЪ РИМЪ.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ.)

НѢЖИНЪ.
Типо-Литографія Е. Ф. Венгера, д. Глезера.
1895.

Предисловіе.

Первая половина этой работы вышла въ „Сборникѣ статей по классической филологіи“ и отдѣльнымъ выпускомъ въ Кіевѣ въ 1887 году. Первоначально я предполагалъ ограничиться статьей умѣреннаго размѣра, а потомъ работа какъ-то разрослась и вторая половина ея печатается только теперь. Вслѣдствіе этого въ работѣ нѣтъ такого строго систематическаго построенья, какое она имѣла, еслибъ была написана сразу. Кромѣ того, первая половина печаталась съ большою поспѣшностью, чѣмъ объясняются нѣкоторые пропуски и неаккуратность въ типографскомъ отношеніи. Теперь эту первую половину ея слѣдовало бы перепечатать вновь. Но, не имѣя по разнымъ причинамъ возможности сдѣлать это, я рѣшилъ напечатать вторую половину и въ концѣ ея сдѣлать нѣкоторыя добавленія и поправки.

Авторъ.

СУДЪ НАДЪ ВЕСТАЛКАМИ

и наказанія, коимъ онѣ подвергались.

Incestum pontifices supremo supplicio
sanciunt. Цицеронъ.

Весталка подвергалась довольно строгимъ наказаніямъ за несоблюденіе предписаній устава ихъ относительно служенія и обязательнаго для нихъ образа жизни и нравственности. За малѣйшія вольности въ образѣ жизни и поведеніи, напр. за излишество въ нарядахъ и т. п. весталка получала внушенія отъ великаго pontифика. Если же по влвѣ ея погасалъ священный огонь, то она, кромѣ внушенія, подвергалась еще тѣлесному наказанію, именно сѣченію розгамп (*vigis*, *ράβδοις*, *flagro*), которое выполнялъ тоже великій pontификъ. Это-же наказаніе полагалось и за нѣкоторые другіе проступки, какъ свидѣлствуютъ Діонисій Галикарнасскій и Плутархъ ¹⁾

Въ этихъ случаяхъ мы не находимъ упоминаній о формальномъ слѣдствіи и судѣ надъ весталками, такъ что приходится предположить, что эти наказанія были болѣе дисциплинарными мѣрами со стороны великаго pontифика, который самъ ихъ назначалъ и выполнялъ.

Несомнѣнно, тѣлесныя наказанія для жепцинь и въ особенности для высоко чтимыхъ жриць Весты, за одно при-

¹⁾ Діонисій II, 67: τὰς ἄλλο τι τῶν ἐλαττόνων ἀμαρτανούσας *ράβδοις* μαστιγοῦντες (pontифики). Плутархъ, Numa 10: Κόλασις τῶν ἄλλων ἀμαρτημάτων πληγαῖς ταῖς παρθένους τοῦ μεγίστου pontίφικος κολάζοντος.

косновеніе къ которымъ посторонняго лица строго наказывали, должны были казаться нѣкоторою жестокостью, суровыми (хотя бы выполнялись только для формы), особенно въ то время, когда *tergum civis Romani* было защищено законами. Что тѣлесныя наказанія удерживались по отношенію къ весталкамъ, это объясняется семейною дисциплиною Римлянъ, какъ остатокъ старины, которая въ сакральной сферѣ держится вообще долѣе, чѣмъ во всякой другой. Весталка выходила изъ-подъ *patria potestas* отца (и вообще домовладыки) и для нея какъ бы отцомъ становился великій понтификъ, который и принималъ по отношенію къ ней тѣ наказанія, которыя несомнѣнно практиковались домовладыкой при старинномъ строгомъ домостройствѣ Римлянъ, а въ нѣкоторой степени и всегда.

Проступки или преступленія весталокъ, о которыхъ въ общихъ словахъ говорятъ Діонисій и Плутархъ, по всей вѣроятности касались исключительно служебныхъ обязанностей весталокъ и ихъ образа жизни, т. е. носили собственно сакральный характеръ и наказанія за нихъ назывались великимъ понтификомъ, иногда, быть можетъ, послѣ совѣщанія съ коллегіею понтификовъ. Замѣчательно, — быть можетъ это случайно — что не сохранилось никакихъ болѣе упоминаній о какихъ-нибудь не-сакральныхъ преступленіяхъ весталокъ.¹⁾

Сакральный характеръ имѣло и то преступленіе весталокъ, о которомъ сохранилось довольно много извѣстій у древнихъ авторовъ, именно нарушеніе обѣта цѣломудрія. Если весталка уличаема была въ преступной связи съ мужчиною, то виновную постигала непременно высшая кара (*supremum supplicium*.) Несомнѣнно это было самое тяжкое преступленіе какое только могла совершить весталка.

Сказанное преступленіе весталки обозначалось словомъ

¹⁾ Моммзенъ, *Staatsrecht*, II, 1 стр. 55 и сл.: *Andererseits ist nicht zu bezweifeln, dass das Pontificalcollegium keineswegs auf diesen Fall (stuprum) beschränkt, sondern für alle capitale und nicht capitale Vergehen der Vestalinnen gleichmässig competent war.* Прим. 1: *Es ist gewiss nur Zufall, dass unsere Ueberlieferung keine anderen Capitalanklagen der Vestalinnen nennt als wegen Incest.*

incestus. Оно относилось къ категоріи *stuprum* и было *stuprum incestum*. Слово иицестъ обозначало у Римлянъ 1) то преступленіе, которое оно и теперь обозначаетъ въ новыхъ языкахъ (кровосмѣшеніе) и 2) оно означало специально нарушение объѣта цѣломудрія весталкою—*incestus virginum Vestalium ἀνοσία φθορά*. Этими же словами обозначали также преступленія соблазнителя или сообщника весталки.

Иицестъ въ религіозномъ отношеніи обыкновенно опредѣляютъ такъ: это есть де оскверненіе распутствомъ святыни, и именно 1) когда весталка, обязанная строжайше блюсти свою нравственную чистоту, теряетъ цѣломудріе, и 2) если какое-либо другое лицо оскверняетъ развратомъ священное мѣсто или священнодѣйствіе. См. Рейнъ, *Criminalrecht der Römer*, 876. Въ послѣднее время Генрихъ Йорданъ (Жорданъ) выступилъ противъ этого опредѣленія (*Der Tempel der Vesta und d. Haus d. Vest.*); онъ его суживаетъ; по его мнѣнію, иицестъ въ религіозномъ (сакральномъ) отношеніи касается исключительно весталокъ. Онъ говоритъ именно: „Такъ называемый „иицестъ“ въ религіозномъ отношеніи заключается исключительно въ оскверненіи *castitas* весталокъ и имѣетъ двоякое значеніе, болѣе узкое и болѣе обширное, или если угодно, болѣе чувственное и болѣе духовное. Оскорбленіемъ законовъ пристойности въ присутствіи весталокъ въ мѣстѣ, которое вслѣдствіе присутствія ихъ закрыто для мужчинъ, также можетъ быть совершенъ иицестъ.“ Свое толкованіе Йорданъ основываетъ на слѣдующихъ соображеніяхъ: 1) весталки де давали объѣтъ хранить также и духовную чистоту; 2) ни одно свидѣтельство древнихъ не называетъ оскверненіе какого-либо другого культа или храма (кромѣ культа и храма Весты) иицестомъ, 3) знаменитый процессъ Клодія *de incestu* толкуется де неправильно; преступленіе, которое замышлялъ или совершилъ Клодій на праздникѣ *Vonae Deae*, названо *stuprum incestum* только потому де, что на этомъ праздникѣ присутствовали весталки, которыя собственно (а не мотроны) и справляли этотъ праздникъ при ассистенціи дамъ. (Доказательства этого послѣдняго утвержденія приведено у насъ выше, на стр. 87).

Нарушеніе весталкою объѣта цѣломудрія считалось всегда преступленіемъ въ высшей степени тяжкимъ и зловѣщимъ (*prodigium*). Это было величайшее, страшное оскверненіе вели-

чайшаго и святѣйшаго культа чистой богини. Соотвѣтственно этому виновную постигала непременно высшая кара, именно смерть и притомъ обыкновенно самая ужасная и позорная—*αἰσχίωτος καὶ ἄλγεινότερος θάνατος* (Діонисій Гал.). Она вѣдь осквернила этимъ святость чистѣйшаго культа, культа величайшей важности для благоденствія и существованія государства. Діонисій Гал. VIII. 89 говоритъ: *καρθέων μίαινας φολαττοῦσῶν τὸ ἱερόν πῦρ...τήν καρθέλιαν ἀφηρεθεῖσα μαινεῖ τὰ ἱερά*. Симмахъ (Epist. IX, 128) о преступленіи весталки Примигены и ея соучастника говоритъ: *Restat, ut in eos, qui caerimonias publicas abominando scelere polluerunt, legum severitas exerseat* (Срв. гл. 129: *quae publicarum caerimoniarum maculavit arcana*.) Тацитъ (Hist. I, 2) объ инцестѣ весталокъ говоритъ: *pollutae caerimoniae*. Тотъ-же Симмахъ (Epist. IX, 128) говоритъ, что это преступленіе весталокъ всегда наказывалось самымъ жестокимъ образомъ; *facinus sanctis usque ad hunc diem saeculis severissime vindicatum*. Въ другомъ мѣстѣ онъ называетъ его *nefandum crimen*¹⁾.

Какая же именно была эта казнь?

¹⁾ Овидій (Fast. III, 45) говоритъ, что, когда весталка Рея-Сильвія рожала, *Vestae simulacra feruntur virgineas oculis opposuisse manus, ara deae certe tremuit pariente ministra et subiit cineres territa flamma suos*. Въ 216 году двѣ весталки и ихъ соблазнитель были казнены; но это казалось недостаточнымъ для умилостивленія боговъ и отвращенія бѣдствій. Ливій XXII, 57, рассказавъ о казни, прибавляетъ: *hoc nefas, cum inter tot, ut fit, clades in prodigium versum esset decemviri libros adire iussi sunt et Q. Fabius Pictor Delphos ad oraculum missus est sciscitatum, quibus precibus supplicisque deos possent placare...interim ex fatalibus libris sacrificia aliquot extraordinaria facta: inter quae in foro bovario sub terra vivi demissi sunt in locum saxo consaeptum, iam ante hostiis humanis, minime Romano sacro inbutum*. Срв. Плутархъ Quaest. Rom. 83. Цицеронъ Catil. III, 4 eundem (Lentulum) dixisse *fatalem hunc (63-й) esse annum ad interitum huius urbis atque imperii, qui esset annus decimus post virginum abolutionem, post Capitolii autem incensionem vicesimus*. Надо замѣтить впрочемъ, что и инцестъ въ обыкновенномъ значеніи

Мы имѣемъ наиболѣе свѣдѣній, и при томъ достовѣрныхъ, изъ вполне историческаго времени, объ общезвѣстномъ зарываніи весталокъ живыми. Есть, однако, свидѣтельство древнихъ также и о примѣненіи другихъ видовъ смертной казни въ этихъ случаяхъ. Въ древнѣйшее время весталокъ за иицестъ наказывали будто бы не зарываніемъ живыми; Рея Сильвія будто бы должна была быть сѣчена розгами и затѣмъ обезглавлена и что вообще первоначально положена была закономъ за иицестъ именно такого рода казнь, т. е. обыкновенная смертная казнь по свѣтскому закону, которая въ болѣе позднее время называлась старинною, „*supplicium morte maiorum, mortis priscae*.“ Но это сообщеніе мало вѣроятно. Самъ Діонисій Галик., приводящій его, считалъ его, по видимому, мало вѣроятнымъ, по крайней мѣрѣ вслѣдъ за нимъ онъ считалъ нужнымъ прибавить, что въ его время весталокъ за иицестъ зарывали живыми. (Срв. *Rheinisches Museum N. F. 43 B. 4. N. Die Romulussage*). По закону Нумы весталка, виновная въ нарушеніи обѣта цѣломудрія, должна была будто бы побита камнями. Это впрочемъ сообщаетъ византиецъ 11 вѣка, Георгій Кедринъ. Сенека риторъ (*Controv. I. 3*) говоритъ о низверженіи преступной весталки съ Тарпейской скалы. Но другіе авторы ничего такого не сообщаютъ о казни весталокъ. Тацитъ рассказываетъ только, что одинъ мужчина (испанецъ) подвергнуть былъ такому наказанію (при Тиберіѣ) за кровосмѣшеніе (иицестъ).

Императоръ Домиціанъ предоставилъ нѣсколькимъ осужденнымъ весталкамъ выборъ рода смерти *liberum mortis arbitrium*. Въ разказахъ о нѣкоторыхъ процессахъ весталокъ совсѣмъ не сообщается, какой видъ смертной казни былъ примѣненъ или имѣлся въ виду.

Но, какъ уже сказано, обыкновенно весталокъ за иицестъ зарывали живыми. Эготъ страшный видъ смерти для преступныхъ весталокъ установилъ, по преданію, Царь Тар-

слова (не религіозный) считался весьма тяжкимъ и даже зловѣщимъ преступленіемъ. Тацитъ (*Ann XII, 5*) говоритъ: *pecdum celebrare sollemnia nuptiarum audebant, nullo exemplo deductae in domum patruī fratris filiae; quin et incestum ac, si sperneretur, ne in malum publicum erumperet, metuebatur.*

вини I-й и при немъ-же впервые онъ былъ примѣненъ¹⁾. Еще при республикѣ существовалъ текстъ спеціальнаго закона опредѣлявшаго наказанія для преступныхъ весталокъ за инцестъ и ихъ соучастниковъ. Именно у Феста р. 241 М. читаемъ: *Probrum virginis Vestalis ut capite puniretur, vir, qui eam incestavisset, verberibus necaretur, lex fixa in atrio Libertatis cum multis aliis legibus incendio consumpta est, ut ait M. Cato in ea oratione, quae de auguribus inscribitur* (Срв. *Santonis... reliquiae. Ed. Jordan, p. 67 и сл.*). Какого именно времени этотъ законъ, мы не знаемъ; въ немъ во всякомъ случаѣ не говорится ничего о зарываніи весталокъ. Цицеронъ въ своемъ законѣ тоже говоритъ просто о *supremum supplicium*. Но есть довольно много свидѣтельствъ отъ времени республики и имперіи именно о зарываніи весталокъ.

Естественно является вопросъ, отчего для преступной весталки положенъ былъ такой своеобразный, варварскій видъ смертной казни, т. е. зарываніе живою, а для ея сооблазнителя или вообще соучастника преступленія иной.

Мы имѣемъ основанія доискиваться этого *raison d'être*, оно несомнѣнно было. Конечно *cum de agis et focus agatur, nihili est vita hominum*. Но это не объясняетъ самаго рода казни. Установленіе такой именно казни несомнѣнно принадлежитъ древнѣйшему времени, ибо, во первыхъ назначеніе спеціальнаго рода казни или вообще наказанія соотвѣтственно роду преступленій, напр. отсѣченія рукъ за кражу, сожженія за поджогъ, характеристично для низкой степени развитія уголовного права и правовыхъ понятій у народовъ.²⁾ Правда это-же самое встрѣчаемъ напр. у Римлянъ также и въ болѣе позднія эпохи. Но во вторыхъ въ сакральной сфе-

¹⁾ Діон. Галик. III, 67: *δοκεῖ δὲ καὶ τιμωρίας, αἷς κολλάζονται πρὸς τῶν ἱεροφάντων αἱ μὴ φυλάττουσαι τὴν παρθενίαν (ἰεραὶ παρθέναι) ἐκεῖνος ἐξυρεῖν πρῶτος εἶτε κατὰ λογισμὸν εἶτε ὡς οἴονται τινες, ὀνειρώπῃ πειθόμενος, ὡς μετὰ τὴν ἐκεῖνου τελευτὴν ἐν τοῖς Συβουλείοις εὐρεθῆναι χρησιμοῖς οἱ τῶν ἱερῶν ἑξηγηταὶ λέγουσα. ἐφωράθη γὰρ τις ἐπὶ τῆς ἐκεῖνου βασιλείας ἰέρεια Πιναρία Ποπλίου θυγάτηρ οὐχ ἀγνή προσιούσα τοῖς ἱεροῖς.*

²⁾ Цумпфъ *Criminalrecht I, 397*: *Anfänglich, scheint es, war für jedes Vergehen ein besondere Strafe bestimmt, welche*

и преступленія весталокъ и на казнь до конца язычества, державшего древняго времени.

Жизнь весталокъ, осужденныхъ за преступленіе, несомнѣнно очень древняя, но было имѣть извѣстный спеціальный законъ, то спрашивается, какой же законъ имѣло всегда или по крайней

мѣрѣ римлянъ или вообще людей женоубійцъ. Персидскій историкъ Геродотъ (Геродотъ) и у римлянъ за рываніе въ землю (какъ на казнь въ германскомъ правѣ. Въ Италіи живыми убійцъ. Но нигдѣ не было особенностей, которыми отличались; поэтому эти аналогіи не основаны на фактахъ. Римляне иногда зарывали живыхъ людей (Ливій XXII. 57 и Плутархъ (Климентъ Александрійскаго (Римляне, будто древніе Римляне запрещали противъ естественнаго разврата живыхъ людей сообщенія для насъ важныя, практикованія живыхъ людей, практикованія зарыванія иностранцевъ было запрещено, по увѣренію Ливія *minime* Климентъ (если оно вѣрно) для насъ очень важно, какъ свидѣтельство за преступленіе и при томъ относится къ одной категоріи съ иудейскими, что женщину за сказанное преступленіе заключали въ подземной камерѣ и ставили

ihren Schuld, welche der Verleumdung Verbindung stand: man erkennt aus der Strafe welche die Vater Mommzenъ говорить: jede Todtstrafe. Рейнъ полагалъ, что за религиозныя наказанія назначались по древнему закону.

тамъ для нея пищу и пр., и потому и его сообщеніе не помогаетъ уясненію вопроса о томъ, почему весталокъ зарывали такъ, чтобы не причинять имъ непосредственно смерти.

Уже древніе старались рѣшить этотъ вопросъ и приводили разныя объясненія этого страннаго сакральнаго установленія; по развѣ одно изъ нихъ дѣйствительно вполне заслуживаетъ вниманія.

Діонисій говоритъ, что Тарквиній установилъ такую смертную казнь по какому то особому соображенію, или, какъ нѣкоторые де думаютъ, подъ вліяніемъ сновидѣнія.

Овидій полагалъ что виновную весталку зарываютъ въ землю потому, что она осквернила землю т. е. Весту, что Веста я Земля одно и тоже божество.

Fasti VI. 459:

Sic incesta perit, quia quam violarat in illam

Conditur: et Tellus Vestaque numen idem est.

Но такого мотива не могло быть въ древнѣйшее время, такъ какъ мнѣніе, что Веста есть Земля, болѣе позднее, именно принадлежитъ стоикамъ. Мы находимъ его у Варрона; несомнѣнно изъ этого источника заимствовалъ его и Овидій.

Плутархъ (*Numa, 10*) сказавъ, что въ подземную камеру осужденной весталкѣ ставили кровать, пищу и воду, поясняетъ: „это дѣлаютъ какъ бы боясь умерить голодомъ ту, которая посвящена была величайшему и святѣйшему культу“. Тотъ-же писатель въ *Quaestiones Romanae* гл. 96. уже прямо ставитъ тотъ же вопросъ о казни весталокъ и къ указанному объясненію ея кое-что прибавляетъ другое. Именно онъ говоритъ: „Почему (Римляне) тѣхъ изъ святыхъ дѣвъ, которыя нарушили обѣтъ цѣломудрія, не наказывзютъ инымъ способомъ, а зарываютъ ихъ живыми? Потомули, что они сожигаютъ покойниковъ, предать же пламени тѣло той, которая не хранила благочестиво священный огонь было бы противозаконно? или они считали не дозволительнымъ умертвить лицо, посвященное величайшимъ священнослуженіямъ и наложить руки на священную дѣву? Поэтому стараясь устроить такъ, чтобы она умерла сама по себѣ, они заключали ее подъ землю въ устроенное для этого помѣщеніе, въ которомъ находились горящій свѣтильникъ, а также немного хлѣба, мо-

слили въ особое, для этого назначенное мѣсто, или бросали въ рѣку. Установленіе обычая зарывать живыми весталокъ возникло, надо полагать, въ древнѣйшее время наивности и нравственной грубости и представляетъ въ сакральной области оригинальную юридическую уловку. Весталку нельзя было прямо умертвить, какъ посвященную божеству и неприкосновенную (*асолос*); и вотъ прибѣгали къ наивной уловкѣ: замуравывали ее въ подземной камерѣ, такъ что формально и непосредственно не посягали на ее жизнь, а даже какъ бы обезпечивали ее продолженіе.

Что Римляне были большіе формалисты и нерѣдко прибѣгали къ разнаго рода фикціямъ, дабы исполнять законъ, совершая въ сущности беззаконіе, это довольно извѣстно. Вотъ однако нѣсколько примѣровъ такого ихъ образа дѣйствія. Рабу обѣщана свобода за доносъ, и, когда онъ сдѣлалъ доносъ—на своего господина, то ему дѣйствительно дана была свобода, но затѣмъ за доносъ противъ своего господина онъ былъ умерщвленъ ¹⁾ Пльнный царь македонскій Персей, по нѣкоторымъ извѣстіямъ былъ уморенъ въ Римѣ безсонницею.²⁾ Несовершеннолѣтнихъ нельзя было казнить и вотъ иногда, чтобы обойти законъ или *mos maiorum*, ихъ одѣвали въ тоги взрослыхъ и казнили. Одинъ возмутительный случай въ этомъ же родѣ рассказываетъ Тацитъ (*Ann. V, 9*), именно казнь, умерщвленіе дочери (дѣвицы) Сеяна: *tradunt temporis eius auctores, quia triumvirali supplicio addici virginem inauditum habebatur, a carnifice laqueum iuxta compressam; exim obliis faneibus id aetatis corpora (дочери и сына) in Gemonia abiecta*. Не лишнимъ считаю прибавить, что это мѣсто Тацита не

¹⁾ Ливій *epit.* 77.

²⁾ *Sallustii fr. l. IV fr. 20 (Kritz):* *Persen deinde, Philippi filium, post multa et varia certamina apud Samothraces deos acceptum in fidem callidi et repertoires perfidiae, quia pacto vitam dederant, insomniis occidere.* *Ср. Velleius I. 11 и 1. и Plut. Paul. c. 37* По Плутарху Персея замучили такимъ образомъ воины, приставленные къ нему, По мнѣнію Моммзена рассказъ этотъ вообще принадлежитъ къ разряду вымысловъ. Для насъ онъ во всякомъ случаѣ представляетъ интересъ такъ-же какъ еще напр. извѣстная легенда объ *expositio* Ромула и Рема.

объясняетъ того, почему не казнили прямо дѣвъ Весты, такъ какъ 1) не было въ обычаѣ умерщвлять дѣвицъ только *triumvitali supplicio*, въ (государственной) тюрьмѣ и вообще *publice*¹⁾ (ниже мы приводимъ нѣсколько случаевъ казни дѣвушекъ ихъ отцами т. е. *privatim* въ силу *patria potestas*), и 2) весталки, подлежащія казни, были уже *stupratae*. Весьма интересенъ также рассказъ у Филона Иудея объ умерщвлении внука императора Тиберія при Калигулѣ²⁾. Историкъ Зосимъ рассказываетъ (V, 18), что извѣстному временщику Евтропію, когда его насильно выводили изъ церкви, въ которой онъ искалъ убѣжища, дано было въ Константинополѣ клятвенное обѣщаніе не казнить его, однако *σφριζόμενοι τὸν ὄρθον* его казнили въ Халкедонѣ.

Обычай умерщвлять человѣка не прямо, а такъ, чтобы казалось, что умерщвляющіе его остаются формально неповинными въ его смерти, *pius scelus*, встрѣчаемъ не только у Римлянъ но и у другихъ древнихъ народовъ и въ средніе вѣка для этого прибѣгали къ зарыванію въ землю или задѣлыванію въ подземной камерѣ или стѣнѣ, уморенію голодомъ, бросанію въ воду, сожженію и лишенію сна.

Всѣмъ извѣстенъ библейскій рассказъ объ Іосифѣ: братья Іосифа думали, что меньше будетъ грѣха, если они прольютъ крови брата, а бросятъ его въ ровъ и онъ тамъ умретъ съ голоду. Переходя къ греческой древности, мы и здѣсь находимъ одинъ рассказъ столь же интересный и важный для нашего вопроса, именно рассказъ о смерти Антигоны. Креонтъ не считалъ удобнымъ прямо казнить свою родственницу, онъ говоритъ (пер. Мережковского):

Я увезу ее тропой пустынной
И въ каменной пещерѣ, подь землей,
Похороню живую, давъ ей пищи
Не болѣе, чѣмъ нужно для того,

1) См. нашу статью въ Ж. М. Н. Пр. 1887, Мартъ.

2) Leg. ad. Galium § 5: Λέγεται δὲ (Тиберію, внуку Тиберіа) ὅτι καλεσθεὶς αὐτοχειρίᾳ κτείνεν αὐτὸν ἑφεστῶτων ἑκατοντάρχου καὶ χιλιάρχου ὡς εἶρητο μὴ συνεφάσασθαι τοῦ ἄγρου, ὡς οὐκ ἐξὸν αὐτοκρατόρων ἀπογόνων πρὸς ἑτέρων ἀναιρεῖσθαι. νόμος γάρ ἐν ἀνομίαις καὶ ὁσιότητος ἐν ἀνοσιουργίαις ἐμμένητο κατεργασόμενος τὴν φύσιν τῆς ἀληθείας.

Чтобъ города не осквернить убійствомъ.
Изъ всѣхъ боговъ, она лишь бога чтить
Подземнаго: такъ пусть къ нему взываетъ,
Чтобъ спасъ ее отъ смерти.¹⁾

Цогомъ Креонтъ говоритъ опять:

Ведите же на казнь ее скорѣй,
И заперевъ, какъ я велѣлъ, въ гробницу
Подземную, вы тамъ ее одну
Оставьте: пусть живетъ иль умираетъ,
Но свѣта ей отнынѣ никогда
Ужъ не видать. А я руки убійствомъ
Не осквернилъ, я предъ богами чистъ.²⁾

Далѣе у греческихъ писателей (напр. у Фукидида) находимъ рассказы о такихъ случаяхъ, когда на человѣка, преслѣдуемаго и спасающагося въ храмѣ, *ἄσολον*, не смѣютъ посягать, но считаютъ дѣломъ небогопротивнымъ запереть его въ храмъ и умерить голодомъ.

Въ средніе вѣка практиковалось нѣсколько видовъ смертной казни *sine sanguinis effusione*, таковы напр. *immuratio* въ католическихъ монастыряхъ и сожженіе. О послѣднемъ, употреблявшемся въ средніе вѣка, именно о сожженіи человѣка

¹⁾ Soph. Ant. v. 773 sqq.

ἄγων, ἔρημος ἐνθ' ἂν ἦ βροτῶν στίβος,
κρυφῶ πετρώδει ζῶσαν ἐν κατώρυγι,
φορβῆς τοσοῦτον, ὅσον ἄγος μόνον, προίεις,
ὅπως μίασμα πᾶσ' ὑπεκφύγη πόλις.
κάκει τὸν Ἄϊδην, δὲ μόνον σέβει θεῶν,
αἰτουμένη που τεύχεται τὸ μὴ θανεῖν.

Схολіастъ основательно замѣчаетъ къ этому мѣсту: Ἔθος παλαιόν, ὥστε τὸν βουλόμενον καθειργνύσθαι τινὰ ἀφοσιῶσθαι βραχὺ τιθέντα τροφῆς, καὶ ὑπενόουσι κάθαρσιν τὸ τοιοῦτο, ἵνα μὴ δοκῶσι λιμῶ ἀναιρεῖν. τοῦτο γὰρ ἀσεβές.

²⁾ Soph. Ant. v. 885 sqq.

οὐκ ἄξιθ' ὡς τάχιστα; καὶ κατηρεφεῖ
τόμβῳ περιπτώξαντες, ὡς εἶρηκ' ἐγώ,
ἄφετε μόνην, ἔρημον, εἴτε χρῆθ' ἰθανεῖν,
εἴτ' ἐν τοιαύτῃ ζῶσα τυμβεύειν στήγῃ.
ἡμεῖς γὰρ ἄγνοί τοῦπὶ τήνδε τὴν κόρην.

посредствомъ поджога дома, въ которомъ онъ заключенъ, Фримонъ (Historical Essays, 4-th series, стр. 193) говоритъ: „Все это свидѣтельствуесть о томъ времени, когда дома были большею частью изъ дерева.... Но этотъ способъ сожженія людей, по видимому, имѣеть еще и болѣе глубокое основаніе. Несомнѣнно этотъ обычай по крайней мѣрѣ получилъ начало подъ вліяніемъ суевѣрія. Этотъ способъ умерщвленія аналогиченъ нѣкоторымъ другимъ, при которыхъ умерщвляющій не причиняеть самъ непосредственно смерти, но ставить свою жертву въ такое положеніе, въ которомъ должна послѣдовать смерть. Онъ напоминаетъ замуровываніе человѣка, при чемъ ему оставляли кусокъ хлѣба и немного воды. Никто не убивалъ еретиковъ въ Орлеанѣ собственными руками.... Если они умерли въ пламени горящаго дома, то это была смерть по Божьему посѣщенію, а не отъ руки человѣка“.

Въ нѣкоторыхъ изъ указанныхъ нами случаевъ ближайшимъ мотивомъ не палатать руки на человѣка является боязнь запятнать себя кровью родного человѣка; но все же объясненіе избранія извѣстнаго рода смерти то же самое, что и въ другихъ случаяхъ, именно желаніе остаться невиннымъ или по крайней мѣрѣ менѣе виновнымъ.

Фразеръ (Journal of Philology) обычай зарывать весталокъ живыми выводитъ именно изъ понятій родового быта. Мотивъ его былъ де первоначально боязнь пролить кровь родича; когда кровное родство въ силѣ и сознается, то пролить кровь родича есть де ничѣмъ неискупимое преступленіе: посему будто бы придуманы были способы казнить безъ пролитія крови. Дѣвы Солнца въ Перу за нарушеніе цѣломудрія тоже зарывались живыми, какъ въ Римѣ весталки. Это, по мнѣнію Фразера, можетъ быть, доказываетъ, что и тѣ и другія были первоначально жрицами родовъ а не государства (tribal priestess). Намъ кажется, что нѣтъ надобности въ такомъ объясненіи.

Конечно, такъ какъ родовая форма быта древнѣе государственной, то сказанный обычай могъ первоначально возникнуть при ней и примѣнялся первоначально по отношенію только къ родичамъ. Но въ вопросѣ о весталкахъ дѣло стоитъ иначе: съ одной стороны вѣцестъ весталки считался преступленіемъ въ высшей степени тяжкимъ, зловѣщимъ и опаснымъ для государства и виновная должна была умереть, но,

съ другой стороны, казнить прямо весталку, наложить руку на жрицу, всецѣло посвятившую себя служенію Вестѣ и не-неприкосновенную, также представлялось дѣломъ ужаснымъ, зловѣщимъ и опаснымъ.

Мы видѣли, что Римляне даже не казнили прямо весталку, а только зарывъ ее въ землю, все таки послѣ этого боялись гнѣва боговъ, приносили на мѣстѣ ея смерти жертвы и иногда послѣ казни весталокъ въ отвращеніе дурныхъ послѣдствій зарывали въ землю живыми нѣсколько иностранцевъ.

Подобнымъ образомъ, умертвивъ народнаго трибуна за то, что онъ будто стремился къ тиранніи, они—едвали только одни *populares*—все таки считали это посягательство на *sacrosancta potestas*, неприкосновенную личность трибуна дѣломъ нечестивымъ. Плутархъ (*Tib. Gr.*, 21) рассказываетъ, что народъ Назику, который первый поднялъ руку на Тиберій Гракха, при встрѣчахъ съ нимъ называлъ *ἐναγῆ καὶ τύραννον καὶ μεμιαχότα φόνος σώματος ἀσύλου καὶ ἱεροῦ τὸ ἀγιώτατον καὶ φρικωδέστατον ἐν τῇ πόλει τῶν ἱερῶν*, что Назика удалился въ Азію и тамъ вскорѣ и умеръ—*άλύων καὶ πλανώμενος ἀδόξως οὐ μετὰ πολὸν χρόνον κατέστρεψε περὶ Πέργαμον*.

Весталки были тоже или еще въ большей степени, чѣмъ трибуны плебса, *ἄσυλοι καὶ ἱεραὶ*, неприкосновенны и священны. Трибувъ Тиберій Гракхъ, о которомъ мы только что упомянули, стараясь убѣдить народъ лишиться власти трибуна Октавія, въ своей рѣчи къ народу сопоставлялъ вестальство съ трибунскою властью. Онъ говорилъ именно (*Plut. Tib. Gr.* 15): „Что въ Римѣ свято и почтенно въ такой степени, какъ дѣвы хранящія вѣчный огонь? Однако, если которая изъ нихъ согрѣшитъ, то зарывается живою; она вѣдь не сохранила неприкосновенности, которою пользуется благодаря богамъ, допуская нечестіе по отношенію къ богамъ. Поэтому и трибувъ, поступая несправедливо по отношенію къ народу, не имѣетъ право пользоваться неприкосновенностью, которою обязанъ народу“. ¹⁾

¹⁾ *Τί δὲ οὕτως ἅγιον ἐν Ῥώμῃ καὶ σεμνόν, ὡς αἱ περιέκρουσαι παρθένοι καὶ φυλάττουσαι τὸ ἀφθιτον πῦρ; ἀλλ' εἴ τις ἀν' ἀμάρτη αὐτῶν, ζῶσα κατορύσσεται. τὸ γὰρ ἄσυλον οὐ φυλάττουσιν ἀσεβοῦσαι εἰς τοὺς θεοὺς, ὃ διὰ τοὺς θεοὺς ἔχουσιν. Οὐκ οὐκ οὐδὲ δήμαρχος ἀδικῶν δῆμον ἔχειν τὴν διὰ τὸν δῆμον ἀσύλλαν δίκαιός ἐστιν.*

Выше приведеннаго, кажется, вполне достаточно для уясненія смысла страннаго вида казни, выполнявшагося надъ весталками.

Зарываніе весталки было всегда наказаніемъ ужаснымъ, но особенно варварскимъ и несправедливымъ должно было оно казаться, когда постепенно исчезла древняя суровость нравовъ и соотвѣтственно этому уголовныя наказанія вообще были смягчены. Въ самомъ дѣлѣ, должно было казаться варварскимъ, что, въ то время какъ остальные граждане за всѣ другія преступленія наказывались обыкновенною смертною казнью или изгнаніемъ—подъ конецъ республики смертная казнь почти совсѣмъ не примѣнялась¹⁾—по отношенію къ весталкамъ, которыя при томъ-же обыкновенно были изъ знатнѣйшихъ фамилій, примѣнялся странный и жестокій родъ смерти древнѣйшаго времени. Остальные жрецы и жрицы подлежали дѣйствию обыкновеннаго, общаго уголовного права; объ особыхъ уголовныхъ наказаніяхъ для нихъ за сакральныя преступленія мы ничего не знаемъ. Одинъ изъ жрецовъ, именно *rex sacrorum* (*sacrificulus*), не могъ даже ни въ какомъ случаѣ быть казненъ, по всей вѣроятности, какъ носитель имени и нѣкоторыхъ функцій (въ сакральной области) царя.

Надо при этомъ принять еще въ разсужденіе и то, что уголовный законъ Римлянъ, что совершенно понятно, допускалъ смягченіе наказаній по отношенію къ женщинамъ.²⁾

¹⁾ Отецъ въ силу *patria potestas iudicio domestico* могъ умертвить свою дочь (случай умерщвленія отцами дочерей за *stuprum* напр. у Val. Max. VI, 1, 36. Plut. parall. 27). Но съ теченіемъ времени институтъ домашняго суда все болѣе и болѣе выходилъ изъ употребленія. Мужъ имѣлъ власть отца при извѣстной формѣ брака, но именно эта форма брака зависѣла отъ согласія невѣсты.

²⁾ Рейнъ, *Criminalrecht*, 208: Es steht nirgends, dass eine Frau zurechnungsunfähig wäre, wohl aber ist wegen der Schwäche des Geschlechts bei einigen Verbrechen bestimmt, dass Frauen gelinder bestraft werden sollten, als die Männer. Dieses war der Fall bei *sacrilegium*, bei *incestus*. Eine analoge Milderung war es auch dass die Töchter der Majestätsverbrecher einen Theil des väterlichen Vermögens behalten sollten.

Въ виду всего этого въ случаяхъ преступленій, совершенныхъ весталками, гуманнымъ судьямъ конца республики и императорамъ приходилось или сознательно закрывать глаза на преступленіе или налагать за него наказанія, которыя полагались по обыкновенному уголовному закону за аналогичныя преступленія. Несомнѣнно, что и то и другое имѣло мѣсто какъ въ послѣднее время республики, такъ и при имперіи. Въ 115 году до Р. Хр. судъ понтификовъ показался народу снисходительнымъ и неправильнымъ и дѣло о весталкахъ *de incestu* по закону Педуция передано было особо наряженному присутствію изъ обыкновенныхъ судей (присяжныхъ.) На этомъ судѣ и тѣ весталки, которыя понтификами были оправданы, были тоже осуждены. Какое наказаніе было въ этомъ случаѣ примѣнено, мы, къ сожалѣнію, не знаемъ; но невѣроятно, чтобы это была старинная страшная казнь: вѣдь, по всей вѣроятности, въ такомъ случаѣ мы нашли бы хоть краткое упоминаніе у авторовъ о такой именно казни нѣсколькихъ весталокъ въ одно время. Цицеронъ говоритъ о знаменитомъ *absolutio virginum* 73-го года, которому нѣкоторые его современники придавали роковое значеніе для римскаго государства. И въ другихъ процессахъ весталокъ послѣдняго вѣка республики, какъ можно съ большою увѣренностью предполагать, старинная страшная кара не грозила подсудимымъ.

Овидій говоритъ о культѣ Весты и весталкахъ при Августѣ (*Fast. VI, 455* и сл.)

Nunc bene lucetis sacrae sub Caesare flammae:
ignis in Iliacis nunc erit estque focus
nullaque dicetur vittas temerasse sacerdos
hoc duce nec viva defodietur humo.

Дѣйствительно за все долгое время правленія Августа не было, сколько намъ извѣстно, ни одного процесса по обвиненію весталки въ ивцестѣ. Но едвали поведение дѣвъ Весты за это время, далеко не блиставшее высокою нравственностью, было совсѣмъ безупречно; скорѣе надо предполагать, что Августъ, который по словамъ Тацита, *quaedam ex horrida illa antiquitate ad praesentem usum flexit*, былъ менѣе строгимъ понтификомъ для весталокъ, чѣмъ домовладыкою для своей дочери и внучки, не желая быть поставленнымъ въ необходимость знаменовать свое правленіе казнью

весталки: онъ вѣдь, хотя и смягчалъ кой въ чемъ судъ древніе обычаи, но прежде всего объявлялъ себя ихъ новителемъ и блюстителемъ. Императоры Веспасіанъ и не казнили весталокъ (за инцестъ); вѣроятно, при нихъ никогда не доходило и до процесса (Светоній, Domit. 8). Принимая санъ великаго понтифика, сказалъ, что принялъ его для того, чтобы сохранить свои руки чистыми, и того никого не казнилъ.¹⁾

Домиціанъ то примѣнялъ старинный видъ казни, то значалъ другія наказанія (Светоній, Domit. 8).²⁾

Несомнѣнно, страшная старинная казнь законодательнымъ порядкомъ никогда отмѣнена не была, а только и не примѣнялась и замѣняема была другою казнью или еще наказаніемъ.

Что касается казни соблазнителя весталки или соучастника ея преступленія, то она не представляетъ ничего особенно выходящаго изъ ряда вонъ, необычайнаго: новенно онъ подвергался сѣченію розгами публично (на форумѣ) и испускалъ духъ подъ ударами или еще обезглавлялся (Ливій ер. XIV. XXII, 57).

При императорахъ иногда—можетъ быть, только начиная съ 3-го вѣка—казнь надъ этими лицами выполнялась темницѣ послѣ предварительнаго сѣченія на форумѣ.³⁾ При императорахъ же смертная казнь для нихъ иногда замѣнялась ссылкой.

Переходимъ къ разсмотрѣнію вопроса о слѣдствіи преступленіямъ весталокъ и судѣ надъ весталками.

При томъ важномъ значеніи, какое Римляне прида-

¹⁾ Свет. Tit. 9: Pontificatum maximum ideo se prof accipere, ut puras servaret manus, fidem praestitit, nec a posthac cuiusquam necis nec conscius, quamvis interdum incendi causa non deesset.

²⁾ Incesta Vestalium virginum a patre quoque suo et neglecta varie et severe exercuit, priora capitali, postea more veteri.

³⁾ Діонъ Кассій Epit. L. XXIX, 9: καὶ ἐφ' οἷς (Элагабалу) ἐν τῇ ἀγορᾷ αἰκισθέντα εἶτα ἐς τὸ δεξιωτήριον βληθῆναι πάνταυδα θανατωθῆναι ἔδει, ἐπὶ τοῦτοις ἐκαλλωπίσει

преступленіямъ весталокъ, весьма важно обстоятельно знать, кто и какъ судилъ весталокъ, какъ производилось разслѣдованіе дѣла и пр. Вопросъ этотъ представляется менѣе сложнымъ и спорнымъ для времени царей и имперіи, когда глава государства былъ въ тоже время также носителемъ высшей власти въ религіозныхъ дѣлахъ.

Что касается періода царей, то хотя мы и не имѣемъ обстоятельныхъ и достовѣрныхъ свѣдѣній о судѣ надъ весталками за это время, однако не можетъ быть сомнѣнія, что судилъ ихъ царь и что ему принадлежала вообще высшая власть въ сакральныхъ дѣлахъ.

Болѣе важенъ вопросъ о спеціально сакральной юрисдикціи, о духовномъ судѣ республиканскаго періода, когда уже не было такого соединенія высшаго религіознаго и свѣтскаго авторитета въ одномъ лицѣ, т. е. о судѣ понтификовъ или главы ихъ великаго понтифика и степени независимости этого суда отъ государственной власти. Духовный судъ этого времени да и вообще духовный судъ у Римлянъ—это судъ исключительно понтификовъ. *Incestum pontifices supremo supplicio sanciunto*—гласить законъ у Цицерона.

Мы имѣемъ основаніе говорить здѣсь о судѣ понтификовъ обстоятельно, такъ какъ его компетенція и ограничивалась случаями преступленій весталокъ и ихъ соучастниковъ.

Понтифики не рѣдко давали заключенія по религіознымъ и сакрально-правовымъ вопросамъ какъ отдѣльнымъ лицамъ, такъ равно государственнымъ властямъ и сенату, въ важныхъ случаяхъ въ видѣ декретовъ коллегіи понтификовъ; но это не былъ судъ, *iudicium* въ извѣстномъ узкомъ смыслѣ; въ этихъ случаяхъ они являлись только въ качествѣ истолкователей права (*iuris interpretes*) и въ древнѣйшее время ихъ значеніе въ этой роли было весьма важно для всей правовой жизни народа. Судебная же власть великаго понтифика и коллегіи понтификовъ касалась исключительно тѣхъ случаевъ, когда они произносили приговоръ о виновности весталокъ въ нарушеніи обѣта цѣломудрія и ихъ соучастниковъ, т. е. въ дѣлахъ о религіозномъ ивцествѣ. Кромѣ этого великому понтифику принадлежала дисциплинарная власть по отношенію къ тѣмъ-же весталкамъ и еще нѣкоторымъ жрецамъ. Законъ Цицерона *Incestum pontifices supremo supplicio*

качествѣ *pater familias*, а этотъ послѣдній долженъ былъ тоже въ силу обычая при семейномъ судѣ приглашать *consilium* родственниковъ и друзей. Но надо полагать, великій понтификъ былъ въ большей степени зависимъ отъ своего совѣта.

Только отчасти съ той-то точки зрѣнія можно объяснить другую особенность духовнаго суда, именно то, что на него не полагалось провокаціи къ народу. На рѣшенія домашняго суда провокація тоже не полагалась, но ему подлежали только лица, состоявшія подъ властью домовладыки, а суду великаго понтифика также и соучастники весталокъ въ ихъ преступленіяхъ. И Моммзенъ, конечно, не можетъ не признать дѣйствительное отступленіе отъ общаго порядка судопроизводства въ томъ, что судъ понтификовъ, рѣшая дѣло о виновности весталки, привлекаетъ къ отвѣтственности также и ея соучастника или соблазнителя, можетъ приговорить его къ смерти, при чемъ подсудимый лишенъ права провокаціи. „Чтобы удовлетворительно объяснить дѣйствительно очень странную процедуру—говоритъ Моммзенъ,—намъ необходимо знать, какъ по старинному праву судили соблазнителя честной дѣвушки и не могъ ли тотъ-же домашній судъ, который судилъ соблазненную дѣвушку, въ какой-либо формѣ привлечь къ отвѣту также и соблазнителя. Если нѣтъ, то остается одно—разсматривать обольщеніе весталки какъ *ra-sium*, а казнь обоимъ виновныхъ великимъ понтификомъ какъ остатокъ той эпохи, когда царь имѣлъ право наказывать смертью за сакральный деликтъ“.

Цумптъ (*Criminalrecht*, 114) говоритъ: „Отцовской власти не достаточно для того, чтобы объяснить назначеніе наказанія, не весталкамъ только, но также и ихъ соблазнителямъ. Вѣдь отецъ, только уличивъ на мѣстѣ преступленія, имѣлъ право наказать соблазнителя своей дочери; а понтики разыскивали всѣ слѣды религіознаго преступленія совершенно какъ другіе суды: выслушивали свидѣтелей, пытали рабовъ, отыскивали улики“.

Здѣсь. Цумптъ, кажется, напрасно говоритъ о домашнемъ судѣ: на мѣстѣ преступленія отецъ могъ наказать соблазнителя своей дочери и безъ всякаго суда, компетенція котораго не ограничивалась только такими случаями.

Наконецъ слѣдуетъ указать еще,—какъ то и дѣлаетъ Цумптъ, но не Моммзенъ—на своеобразность наказанія, ко-

торое назначалось весталкѣ судомъ понтификовъ, и только этимъ судомъ. Цумптъ сильно настаиваетъ на этомъ отличительномъ признакѣ духовнаго суда (heilige Strafe)

Что же касается смертной казни, къ которой этотъ же судъ приговаривалъ сообщниковъ весталокъ, то въ этомъ опять онъ напоминаетъ судъ домашній: извѣстны случаи умерщвленія сына отцомъ iure изъ того времени, когда государственные суды обыкновенно уже не приговаривали къ смертной казни.

Каковы бы ни были происхожденіе и первоначальный характеръ суда понтификовъ, все же это былъ въ сущности судъ духовный и съ теченіемъ времени, по мѣрѣ эмансипаціи женщины и упадка института домашняго суда, онъ болѣе и болѣе выдѣлялся какъ таковой въ своей своеобразности.¹⁾ Великаго понтифика, въ случаѣ его отсутствія, при республикѣ замѣнялъ одинъ изъ понтификовъ, — вѣроятно, старѣйшій; отсутствовавшаго императора-понтифика — промагистръ коллегіи.

Великій понтификъ былъ собственно de iure единственнымъ носителемъ власти (impegium) въ коллегіи, а послѣдняя была его совѣтомъ. Но на самомъ дѣлѣ въ силу обычая онъ подчинялся рѣшенію коллегіи и судебныя рѣшенія по дѣламъ весталокъ были также decreta collegii. Авторитетъ коллегіи понтификовъ, постоянныхъ и пожизненныхъ ея членовъ, конечно, былъ гораздо выше, чѣмъ магистратскаго совѣта, который избирался самимъ магистратомъ.

Что касается вопроса о степени зависимости понтификальнаго суда отъ государственной власти и окончательности его приговоровъ, то мы видѣли уже, что подсудимымъ на его рѣшенія не полагалось провокаціи къ народу и онъ считался окончательными, если только въ дѣло не вмѣшивалось

¹⁾ Моммзенъ говоритъ: Ein Ausnahme - oder specifisch geistliches Gericht ist also dieses Pontificalgericht gegen die Vestalinnen der Anlage nach keineswegs; wohl aber ist es gewissermassen auf natürlichem Wege dazu geworden, indem es fortbestand, als längst die Frauenemanzipation namentlich da, wo die Frau nicht in der Gewalt stand, überall der ehemaligen häuslichen Zucht und dem Hausgericht selbst ein Ende gemacht hatte.

народное собраніе, т. е. если оно—всегда, конечно, только по инициативѣ магистрата, не признавало своимъ рѣшеніемъ приговоръ неправильнымъ или возбуждавшимъ большія сомнѣнія. Впрочемъ великій понтификъ и еще менѣе вся коллегія понтификовъ за свои рѣшенія не были отвѣтственны ни передъ народомъ ни передъ сенатомъ; конечно, за рѣшенія вызванныя подкупомъ и т. п. они отвѣчали, какъ всякій магистратъ и судья.

Конечно, народъ по весьма понятнымъ причинамъ относился съ большимъ уваженіемъ къ дѣйствіямъ главнаго жреца и первенствующей жреческой коллегіи понтификовъ и не легко и рѣдко протестовалъ противъ ихъ рѣшеній, особенно въ тѣ времена, когда была еще сильна релігіозность и строгіе нравы не были рѣдкостью. Естественно, что въ это время народъ, видѣвшій въ incestъ весталки величайшее преступленіе, опасность для государства, мало былъ расположенъ вступить за осужденную понтификами жрицу; а скорѣе наоборотъ, своимъ давленіемъ и какими нибудь манифестаціями заставлялъ духовный судъ произносить страшный приговоръ, и при недостаточности уликъ. Во всякомъ случаѣ мы не знаемъ ничего о смягченіи народнымъ собраніемъ въ этихъ случаяхъ смертнаго приговора, произнесеннаго понтификами противъ весталки и ея соучастниковъ въ преступленіи. Вообще мы не знаемъ случая, чтобы само народное собраніе произносило какой бы то ни было приговоръ по дѣлу весталки.

Мы знаемъ положительно только одинъ случай вмѣшательства народнаго собранія въ сакральную юрисдикцію понтификовъ по преступленіямъ весталокъ. Въ 113 году (до Р. X.) судъ понтификовъ изъ трехъ обвинявшихся весталокъ призналъ виновною только одну, а двухъ оправдалъ. Народный трибунаъ Секстъ Цедуцей сталъ на сходкахъ обвинять великаго понтифика и всю коллегію въ снисходительности и провалъ законъ (*rogatio Peditana de incestu*), по которому назначенъ былъ особый судъ (не духовный) подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго своею строгостью Люція Кассія для разсмотрѣнія вновь дѣла весталокъ, и всѣ три подсудимыя были приговорены къ смерти¹⁾. Несомнѣнно, этотъ знаменитый процессъ весьма важенъ для исторіи суда надъ весталками.

¹⁾ Асконій Milon стр. 46 Орелли: L. Cassius fuit... sum-

Какого рода казнь назначена была свѣтскимъ судомъ въ этомъ случаѣ, не сообщается. Вѣроятно, это была не старинная, сакральная, а болѣе обыкновенная. Мы знаемъ, что понтифики же сами и выполняли сакральную казнь, къ которой приговаривали. Могли-ли они это дѣлать, когда казнь была назначена не ими? Затѣмъ, кажется, будь тогда выполнена надъ тремя весталками сакральная казнь, мы имѣли бы, вѣроятно, объ этомъ какія-нибудь сообщенія, а, такъ какъ таковыхъ у древнихъ совсѣмъ не находимъ, то надо полагать, что въ 113 году надъ весталками была выполнена обыкновенная смертная казнь.

О процессахъ весталокъ за послѣднее время республики (послѣ 113 года) сохранились лишь самыя краткія упоминанія. Ни въ одномъ случаѣ нѣтъ указанія на родъ казни. Впрочемъ во всѣхъ ихъ и не было, кажется, ни одного осужденія весталки; по видимому, въ это время обвиняемымъ весталкамъ не грозила извѣстная страшная казнь.

О процессѣ знаменитаго Марка Красса Плутархъ сообщаетъ, что онъ былъ оправданъ *судьями* (*καὶ δίκην ἔφυγεν ἡ Λικινία Πλωτίου τινὸς διώκοντος... καὶ τρόπον τινὰ τῇ φιλοπλουτίᾳ τὴν αἰτίαν τῆν φθορᾶς ἀπολούσάμενος... ὑπὸ τῶν δικαστῶν ἀφείθη*). Если Плутархъ выражается точно, то выходитъ, что судили не понтифики.

Итакъ несомнѣнно, что свѣтскій судъ въ концѣ II в. до Р. X. могъ судить весталокъ. Но вопросъ въ томъ, въ первые-ли это имѣло мѣсто въ 113 году и было-ли урегулировано закономъ.

По Моммзену, выдающему въ сакральномъ судѣ какъ бы домашній судъ великаго понтифика, народъ могъ всегда, не

mae vir severitatis.... Ob quam severitatem, quo tempore Sex. Peducaeus tribunus plebis criminatus est, L. Metellum, Pontificem Maximum, totumque collegium pontificum male iudicasse de incesto virginum Vestalium, quod unam modo Aemiliam damnaverat, alsolverat autem duas, Marciam et Liciniam, populus hunc Cassium creavit, qui de iisdem virginibus quaereret isque et utrasque cas et praeterea complures alias (? кромѣ этихъ весталокъ осуждены были еще только ихъ соучастники) nimia etiam, ut existimatio est, severitate usus damnavit.

будучи доволенъ послѣднимъ, нарядить иной судъ. А. В. Цумптъ на основаніи выше приведенныхъ немногихъ фактовъ традиціи выставилъ гипотезу, что законъ Педуцея не былъ только отдѣльною мѣрою, касавшейся одного случая, а что, напротивъ, этимъ закономъ вводился для преступленій инцеста вообще обыкновенный уголовный судъ того времени; старинный же духовный судъ понтификовъ, отъ котораго зависѣло назначеніе варварской казни, какъ совсѣмъ уже не соответствовавшій духу времени, хотя и не былъ уничтоженъ формально, но фактически устранился.

Эта гипотеза Цумпта едва-ли можетъ быть принята. Можетъ быть, въ послѣдній вѣкъ республики обыкновенный судъ и функционировалъ не разъ вмѣсто сакрального и наказанія были назначаемы имъ обыкновенныя. Но было-ли что касательно этой замѣны установлено закономъ Педуцея? Во-первыхъ, объ этомъ законѣ ничего такого не сообщается, какъ на то указываетъ и Цумптъ. Затѣмъ, вмѣшательство народнаго собранія въ сакральную юрисдикцію въ 113 году вызвано было *послабленіями* послѣдней, и народъ былъ скорѣе склоненъ къ большей строгости, чѣмъ къ отмѣнѣ старинной казни, а по Цумпту тотъ-же Педуцей провелъ законъ смягчавшій старинную суровость. Цумптъ полагаетъ, что наказаніе, назначавшееся новымъ судомъ, могла быть даже ссылка или изгнаніе. Для весталки едва ли; Симмахъ по крайней мѣрѣ говорить о весталкѣ (альбанской), что она должна быть казнена въ томъ мѣстѣ, гдѣ совершила преступленіе. Цицеронъ говорить неопредѣленно о *iudicium carpitis virginum* и о *supremum supplicium* за инцестъ, но писатели конца республики и начала имперіи (Діонисій, Ливій, Овидій) говорятъ только о зарываніи какъ наказаніи назначаеомъ по закону за инцестъ.

Съ устанопленіемъ имперіи весталокъ могъ судить только императоръ, бывшій непремѣнно великимъ понтификомъ и имѣвшій высшую судебную власть вообще. Императоры назначали весталкамъ, какъ уже сказано, то старинную сакральную казнь, то обыкновенную, то предоставляли *mortis arbitrium*. Случаевъ помилванія мы не знаемъ.

Цумптъ изъ того, что Домиціанъ предоставлялъ осужденнымъ весталкамъ *arbitrium mortis*, заключаетъ, что онъ въ этомъ случаѣ судилъ свѣтскимъ судомъ. Намъ кажется

болѣ вѣроятнымъ, что судъ императора надъ весталками былъ всегда сакральнымъ судомъ великаго понтифика при содѣйствіи коллегіи, хотя наказаніе и назначалось не всегда сакральное: при положеніи императора вообще и его большимъ вліяніи и на коллегію понтификовъ ему не было поводовъ устранять при разборѣ дѣлъ эту коллегію и замѣнять ее другимъ *consilium*.

Коллегія понтификовъ не только судила весталокъ, но также и приводила свои приговоры въ исполненіе, при чемъ главная роль принадлежала, естественно, главѣ коллегіи. Императоръ при казни надъ весталкою совсѣмъ не присутствовалъ (Светоній *Domit.* 8. Плиній *Epist.* IV, 11).

Во время Симмаха (IV в.) коллегія предлагаетъ выполнить казнь надъ альбанской весталкой Примигеніей префекту Рима, и, когда онъ отклоняетъ это предложеніе, она обращается къ правителю ближайшей (италійской) провинціи.

Изъ предыдущаго видно, насколько въ судѣ надъ весталками впродолженіе многихъ вѣковъ сохранялись однѣ и тѣ же главныя черты, каковы были взгляды на преступленіе весталокъ, характеръ суда и наказанія.

Разсмотримъ теперь обстоятельнѣе, насколько это возможно при неполнотѣ дошедшихъ до насъ свѣдѣній, слѣдствіе и процессъ по обвиненію весталокъ и ихъ сообщниковъ въ инцестѣ.

Слѣдствіе по обвиненію весталокъ производилъ и судилъ ихъ, какъ сказано, обыкновенно великій понтификъ совмѣстно съ коллегіею понтификовъ. Не требовалось, чтобы съ обвиненіемъ противъ весталки выступалъ непременно частный обвинитель; самъ понтификъ, когда признавалъ нужнымъ, вчинялъ процессъ.

Разныя наблюденія самихъ понтификовъ, а также сообщенія и доносы другихъ лицъ могли послужить поводомъ къ разслѣдованію поведенія весталокъ. Нѣсколько разъ упоминается, что доносъ на весталку понтификамъ дѣлаетъ рабъ. Также разныя чрезвычайныя случаи могли служить такимъ поводомъ, изъ нихъ въ особенности погашеніе священнаго огня, считавшееся страшнымъ и зловѣщимъ во всякомъ случаѣ и являвшееся между прочимъ иногда; по вѣрованію Римлянъ,

прямо слѣдствіемъ оскверненія священнослуженія весталкою.¹⁾ Особенно легко могли возбудить подозрѣніе всякіе доносы на весталокъ и малѣйшіе вольности въ поведеніи ихъ, особенно строго и тщательно производилось разслѣдованіе дѣла по доносамъ и пр. въ тревожныя времена общенародныхъ бѣдствій, опасностей и тревогъ. (См. ниже приводимые рассказы Діонисія и Ливія).

Заподозрѣнную въ страшномъ преступленіи весталку великій понтификъ прежде всего и немедленно устранялъ отъ служенія при жертвенникѣ Весты и другихъ сакральныхъ функцій (Ливій VIII, 15) и, несомнѣнно, ее до окончанія слѣдствія и суда держали подъ надзоромъ: иначе вѣдь иная, предвизя осужденіе на страшную казнь, могла бы сама предупредить ее самоубійствомъ. До насъ, правда, дошли извѣстія о вѣсколькихъ случаяхъ самоубійства, совершеннаго весталками въ виду обвиненія или казни; но можетъ быть, онѣ успѣли выполнить свое намѣреніе, прежде чѣмъ явилось подозрѣніе въ ихъ виновности²⁾. Сенека риторъ говоритъ даже о заключеніи обвиняемыхъ весталокъ въ тюрьму (carcer).

Положительно засвидѣтельствовано, что весталкѣ, устраненной отъ служенія вслѣдствіе подозрѣнія въ преступленіи, запрещалось отпускать на волю своихъ рабовъ,—это, конеч-

¹⁾ Діонисій, II, 67 говоритъ: Много есть признаковъ, по которымъ заключаютъ о не чистомъ служеніи весталки, но въ особенности такимъ признакомъ считается погашеніе священнаго огня, котораго Римляне болѣе всего боятся, отъ какой бы причины оно ни произошло.

²⁾ Мы видѣли, что иногда (императорами) предоставлялось весталкѣ *liberum mortis arbitrium*. Изъ этого выходятъ, что обыкновенно такая милость осужденной весталкѣ не оказывалась и слѣдовательно, ей не давали возможности самой покончить съ собою. Казалось бы, что самоубійствомъ весталки достигалось то же, что и задѣлываніемъ живой въ подземельи. Срв. выше привед. мѣсто Филона изъ *Leg. ad G.* Можетъ быть, впрочемъ, и въ подземельи весталку, не лишая совсѣмъ нищи, не лишали также и возможности покончить съ собою.

но, потому, что могла представиться надобность при допросѣ подвергнуть ихъ пыткѣ. Впрочемъ такая предосторожность необходима была только въ республиканскую эпоху.

Формальное разслѣдованіе дѣла и формальный судъ считались всегда необходимыми для обвиненія весталки. Судъ понтификовъ долженъ былъ всегда происходить въ официальномъ жилищѣ или присутственномъ мѣстѣ главы понтификовъ, — *regia*. Еще Плиній (Младшій) съ негодованіемъ говоритъ о томъ, что Домиціанъ собралъ понтификовъ (для суда надъ весталкою) не въ *regia*, а въ своей альбанской виллѣ; онъ прямо называетъ преступленіемъ большимъ чѣмъ самое преступленіе весталки, то, что Домиціанъ осудилъ весталку заочно, не выслушавъ ея оправданій (*absentem inauditamque*).

Судебное разбирательство по дѣламъ весталокъ не было, надо полагать, вполне публичнымъ, открытымъ для всѣхъ. Цицеронъ (*De har. resp.*) говоритъ (о засѣданіи понтификовъ): *causa cognita duobus locis ante, maxima frequentia amplissimum ac sapientissimorum civium astante*. Но въ данномъ случаѣ понтифики разбирали дѣло о домѣ Цицерона и засѣданіе происходило не въ *regia*. Однако и въ *regia* во время суда надъ весталкою, если были адвокаты, то, вѣроятно, могли присутствовать также и нѣкоторые другія лица.

Мы видѣли, что великій понтификъ при произнесеніи приговора надъ весталкою собственно не былъ связанъ большимъ числомъ голосовъ коллегіи понтификовъ; но обычай требовалъ, чтобы онъ—да это было и въ его интересѣ—пользовался содѣйствіемъ и мнѣніемъ этого, не имъ избраннаго, совѣта. Для истолкованія правового вопроса достаточно было заключенія и одного понтифика; но, когда дѣло шло о *caput civis*, то обыкновенно должна была присутствовать большая часть понтификовъ или даже всѣ. Естественно, что для суда надъ весталкою коллегія собиралась по возможности въ полномъ составѣ. Цицеронъ *De har. resp.* 7. говоритъ: *Nego unquam post sacra instituta, quorum eadem est antiquitas quae ipsius urbis, ulla de re, ne de capite quidem virginum Vestalium tam frequens collegium iudicasse. Quamquam ad facinoris disquisitionem interest adesse quam plurimos (ita est enim interpretatio illa pontificum, ut eidem potestatem habeant iudicium), religionis explanatio vel ab uno pontifice perito recte*

feri potest, quod idem in iudicio capitis durum atque iniquum est, tamen sic reperietis frequentiores pontifices de mea domo quam unquam de caerimoniis virginum iudicasse.

Обвиняемая весталка могла приглашать для своей защиты адвокатовъ; у древнихъ авторовъ сохранились упоминанія о нѣкоторыхъ такихъ защитникахъ весталокъ и ихъ рѣчахъ въ этихъ процессахъ¹⁾. Но, хотя весталки, какъ известно, являлись передъ судомъ ходатайствовать о подсудимыхъ и, несомнѣнно, не рѣдко ихъ заступничество въ такихъ случаяхъ и вообще имѣло большое значеніе, для самой обвиненной весталки, если улики были прогивъ нея, не было почти никакого снисхожденія; о полномъ помилованіи осужденной весталки не упоминается нигдѣ. Соучастникъ преступленія весталки былъ наказанъ однажды—при Домиціанѣ—только изгнаніемъ (ссылкою), а весталка должна была умереть. Провокація къ народному собранію (при республикѣ) не полагалась для весталокъ, какъ и для женщинъ вообще. Развѣ сама богиня Веста чудесно избавляла отъ грозившей опасности свою служительницу, но и то, разумѣется, невинную, какъ напр. упомянутыхъ выше Эмилию и Тулцію.

Впрочемъ и для соблазвителей весталокъ и вообще со-

¹⁾ Въ 113 году до Р. Х. весталку Лицинію защищаль—неудачно—знаменитый ораторъ Крассъ, будучи 27 лѣтъ отъ роду. Цицеронъ Brutus XLIII: Defendit postea Liciniam virginem, cum annos XXVII natus esset. Тотъ-же авторъ (Brutus LXVII) сообщаетъ о Маркѣ Цизонѣ: Deinde ex virginum iudicio magna laudem est adeptus. Несомнѣнно процессы весталокъ давали превосходный случай оратору показать свой талантъ. У Сенеки ритора въ трехъ его контрoверсіяхъ рѣчь идетъ о весталкахъ, впрочемъ только въ одной изъ нихъ—объ индесгѣ и казни. Надо полагать, что вообще въ школахъ риторовъ темы, касавшіяся весталокъ, принадлежали къ излюбленнымъ и часто трактовались. Еще у Эннодія, христіанскаго епископа V—VI вѣка, находимъ такія темы, именно рѣчь противъ того, кто въ награду за услугу потребовалъ весталку въ замужество (Dictio 16), и рѣчь объ освобожденіи жрецовъ и весталокъ изъ города, взятаго непріателемъ (Dict. 20.)

общниковъ ихъ преступленій законъ былъ довольно строгъ: и они лишались права провокаціи къ народному собранію; затѣмъ, они подвергались (публично) тѣлесному наказанію и предавались смерти даже въ то время, когда римскіе граждане вообще въ силу извѣстныхъ законовъ были почти всеѣмъ свободны отъ такихъ наказаній.¹⁾

Приведемъ нѣкоторыя болѣе обстоятельныя сообщенія древнихъ авторовъ о слѣдствіи и судѣ надъ весталками и о казни ихъ и ихъ сообщниковъ.²⁾

Въ 271 году отъ основанія города въ Римѣ было много божественныхъ знаменій: необычайные звуки и видѣнія указывали на гнѣвъ боговъ. Все указывало на то, — какъ заявляли гадалы и истолкователи жертвъ, сравнивши прецеденты, — что нѣкоторыя изъ боговъ не получаютъ надлежащихъ почестей, такъ какъ жертвы имъ приносятся не чисто и не свято. И вотъ начался тщательный розыскъ со стороны всѣхъ и спустя нѣсколько времени было донесено понтификамъ, что одна изъ дѣвъ, стерегущихъ священный огонь, по имени Олимпія, нарушила обѣтъ цѣломудрія и оскверняетъ такимъ образомъ святиню. Понтифики, убѣдившись изъ показаній данныхъ подъ пыткой и иныхъ въ томъ, что доносъ о преступленіи основателенъ, сняли съ головы весталки священныя повязки и, проведя ее съ извѣстною церемоніею черезъ форумъ, зарылъ живою у городской стѣны, а двухъ мужчинъ, уличенныхъ въ растлѣніи, казнили публично посредствомъ бичеванія. И вотъ послѣ этого тотчасъ жертвы и гаданья уже были благоприятны, что считалось прекращеніемъ гнѣва боговъ. Такъ рассказываетъ Діонисій Галикарнасскій (VIII, 89)³⁾.

У того-же историка подъ другимъ годомъ (282 а. н. с.) находимъ слѣдующій рассказъ (IX, 40): „Въ самомъ началѣ года Римъ объять былъ религіознымъ страхомъ вслѣдствіе случившихся многихъ чудесъ и знаменій. Всѣ гадалы и

1) См. Ланге, Kl. Schiften, I. B., De legibus Porciae comm. II.

2) Извѣстія о казни весталокъ при царяхъ мало достоверны. Первыя болѣе достоверныя свѣдѣнія находимъ у Діонисія и Ливія (II, 42. VIII, 15. Erit. 29) — отъ республиканской эпохи.

3) Срав. Ливій II, 42.

истолкователи жертвъ объявили, что это знаменія гнѣва боговъ, такъ какъ де нѣкоторыя жертвы совершаются безъ должнаго благоговѣнія и чистоты (со стороны жрецовъ). Затѣмъ вскорѣ на женщинъ напала болѣзнь, такъ называемая моровая, и смертность была такая, какой никогда не бывало прежде, въ особенности среди беременныхъ женщинъ: рожали преждевременно или мертвыхъ дѣтей и умирали одновременно съ младенцами. Ни молебствія у храмовъ и у жертвенниковъ боговъ, ни очистительныя жертвы, приносимыя за весь городъ и за отдѣльныя семейства, не приносили избавленія отъ этого бѣдствія. Когда народъ страдалъ отъ такого бѣдствія, одинъ рабъ сдѣлалъ доносъ, что одна изъ жриць— дѣвъ, стерегущихъ вѣчный огонь, Орбинія, потеряла дѣвическую непорочность и совершаетъ священное служеніе, не будучи чиста. Понтифики устранили ее отъ священнослуженія и назначили судъ, а когда она была уличена, сѣкли ее розгами и, проведя въ процессіи по городу, зарыли живую. А изъ мужчинъ совершившихъ нечестивое растлѣніе, одинъ самъ наложилъ на себя руки, а другого понтифики арестовали и на форумѣ посредствомъ бичеванія казнили, какъ раба. И вотъ болѣзнь постигавшая женщинъ и большая смертность среди нихъ послѣ этого вдругъ прекратились*.

Также въ годину общенародной опасности и бѣдствія, при особомъ возбужденіи мрачнаго суевѣрія погибли двѣ весталки въ 216 году до Р. Х., когда римскія арміи терпѣли страшныя пораженія. Ливій (XXII, 57) рассказываетъ объ этомъ событіи такъ: „Кромѣ столь великихъ пораженій Римлянъ повергали въ страхъ еще зловѣщія знаменія, какъ другія, такъ въ особенности то, что въ этомъ году двѣ весталки, Опимія и Флоронія, были уличены въ инцестъ. Одна изъ нихъ была зарыта у Холмовыхъ воротъ (porta Collina), какъ требуетъ того обычай, а другая покончила съ собою самоубійствомъ. Люцій Канталій, секретарь понтифика, согрѣшившій съ Флоронією, былъ сѣченъ розгами на форумѣ великимъ понтификомъ до тѣхъ поръ, пока подъ ударами не испустилъ духъ“.

Однимъ изъ выдающихся и замѣчательныхъ былъ процессъ весталокъ въ 113 году до Р. Х., вызвавшій большое возбужденіе въ народѣ и поведшій къ отступленію отъ обыкновеннаго порядка суда надъ весталками. Коллегія понтифи-

ковъ изъ трехъ обвинявшихся весталокъ признала виновною только одну, но народъ въ комиціяхъ по предложенію народнаго трибуна Педуцемъ назначилъ особаго судью для пересмотра этого дѣла въ лицѣ известнаго тогда своими строгими приговорами Луція Кассія-Донгина. Этотъ послѣдній осудилъ всѣхъ трехъ весталокъ, и какъ онѣ, такъ и нѣсколько мужчинъ, уличенныхъ соучастниковъ весталокъ въ преступленія, были всѣ казнены ¹⁾. Оратора Марка Антонія, бывшаго въ числѣ подсудимыхъ, спасла стойкость его вѣрнаго раба, который вынесъ страшныя пытки и не показалъ ничего противъ своего господина.

Поведеніе весталокъ, подвергшихся двойному суду и казни, какъ видно изъ приводимаго въ примѣчаніи свидѣтельства, было впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ дѣйствительно крайне безобразное ²⁾.

¹⁾ На этотъ знаменитый процессъ указываютъ и нѣкоторыя монеты монетныхъ триумвировъ изъ рода Кассіевъ съ изображеніями Весты и др. На одной изъ нихъ находимъ надпись: Q. Cassius Vesta. Имя богини, слѣдовательно, стало cognomen нѣкоторыхъ Кассіевъ.

²⁾ Фрагм. Діона-Кассія: ὅτι αἱ ἱέρειαι τὸ πλεῖστον αὐταὶ τοῦ τε ὀλέθρου καὶ τῆς ἀισχύνης ὄφλον, συχνοῖς δὲ δὴ καὶ ἄλλοις μεγάλων κακῶν αἰτίαι ἐγένοντο, ἧ τε πόλις ἅπασα ἀπ' αὐτῶν ἐταράχθη. ἐκλογιζόμενοι γὰρ ὅτι τὰ ὑπὸ τοῦ νόμου ἄχραντα καὶ τὰ ὑπὸ τῆς θρησκείας ἄγια ἐκ τε τοῦ φόβου τῆς τιμωρίας κοσμία ἐλυμάνθη, οὐδὲν ὅτι οὐχ ὑπετόπουν τῶν αἰσχίστων καὶ ἀνοσιωτάτων δύνασθαι γενέσθαι. καὶ διὰ τοῦτο καὶ τὰς κολάσεις οὐ μόνον τῶν ἐλεγχθέντων ἀλλὰ καὶ τῶν ἄλλων πάντων τῶν αἰτιαθέντων μίσει τοῦ συμβεβοκότου ἐποίησαντο. ὄθεν οὐκ γυναικείας αἰτίας (ἀλγεῖν), ἀλλ' ἐκ δαιμονίας τινός ὀργῆς σύμπαντα τὰ κατ' αὐτὰς συμβῆναι ἔδοξεν.

ὅτι τρεῖς ἄμα ἠνδρώθησαν, καὶ αὐτῶν Μαρκία μὲν αὐτὴ τε καὶ αὐτὴν καὶ πρὸς ἕνα τινὰ ἱππέα ἠσχύνθη. κἂν διελαθεν, εἰ μήπερ ἡ ζήτησις ἐπὶ τῶν ἄλλων ἐπὶ πλείον ἀρθείσα καὶ ἐκείνην προσκατέλαβεν. Αἰμιλία δὲ καὶ Λικινία πλῆθος ἑραστῶν ἔσχογ καὶ δι' ἀλλήλων ὑβρίζοντο. τὸ μὲν γὰρ πρῶτον ὀλίγοις τισὶν ἰδίᾳ καὶ δι' ἀπορρήτων ὡς καὶ μόνῃ ἐκάστῃ συνεγίνοντο. ἔπειτα αὐταὶ τε πάντα τὸν καὶ ὑποπτέουσαι καὶ μηνῦσαι τέ τι δυνάμενον ἐς σιωπὴν

Объ этомъ дѣлѣ весталокъ мы имѣемъ довольно много свѣдѣній ¹⁾, между прочимъ довольно обстоятельные рассказы о томъ *obscurum prodigium*, которое будто повело къ обнаруженію преступленій весталокъ. Это *prodigium* было именно слѣдующее. Дочь (дѣвушка) одного римскаго всадника, ѣхавшая верхомъ, была убита ударомъ молніи, а равно и лошадь подъ нею; тѣло ея и лошадь были найдены послѣ удара молніи въ такомъ странномъ видѣ, что гаруспики могли истолковать этотъ случай слѣдующимъ образомъ: священные де дѣвы (весталки) покрыли себя большимъ позоромъ и это обнаружится; при этомъ пострадаетъ и достоинство всадниковъ. Рассказъ объ этомъ *prodigium* и дѣлѣ весталокъ Плутарха и Орозія въ цѣломъ мы считаемъ болѣе улобнымъ привести въ подлинникѣ.

Плутархъ (Quaest. Rom. 83., изд. Бернард.) сообщаетъ: Δέγεται... Ἐλβίαν τινά παρθένον ὄχουμένην ἐφ' ἵππου βληθῆναι κεραυνῷ καὶ γυμνὸν μὲν εὐρεθῆναι χεῖμενον τὸν ἵππον, γυμνὴν δ' αὐτὴν ὡς ἐπίτηδες ἀνηγμένου τοῦ χιτῶνος ἀπὸ τῶν ἀπορρήτων, ὑποδημάτων δὲ καὶ δακτυλίων καὶ κερυφάλου διαρριμμένων χωρὶς ἄλλων ἀλλαχόθι, τοῦ δὲ στόματος ἔξω προβεβληκότος τὴν γλῶσσαν. ἀποφηναμεναν δὲ τῶν μάντεων δεῖνὴν μὲν αἰσχύνῃ ταῖς

ἀναγκαίαν μισθῷ τῆς ὁμιλίας προκατελάμβανον, καὶ οἱ προδιειλεγμένοι σφίσι ταῦθ' ὀρώντες ἔφερον, ἵνα μὴ κατάφωροι τῇ ἀγανακτησει γενωνται. ὥστε καὶ κατ' ἓνα καὶ κατὰ πολλοὺς, τοῦτο μὲν ἴδια, τοῦτο δὲ καὶ κοινῇ, τοῖς τε ἄλλοις ὁμιλεῖν, καὶ τῷ μὲν τῆς Διμιλίας ἀδελφῷ τὴν Δικινίαν, τῷ δὲ ταύτης Διμιλίαν συνεῖναι. καὶ ταῦτα μὲν οὖν γιγνόμενα ἐπὶ πλείστον ἔλαθεν, καὶ πολλῶν μὲν ἀνδρῶν, πολλῶν δὲ καὶ γυναικῶν, καὶ ἐλευθέρων καὶ δούλων, συγγιγνωσκόντων ὁμῶς (ὡς) ἐπὶ μακρότατον ἔλαθε, πρὶν δὴ Μάνιος τις, ὁσπερ̄ που καὶ τοῦ παντός κακοῦ πρῶτος καὶ ὑπηρετῆς καὶ συνεργός ἐγεγόνει, κατεμήνουσεν αὐτό, ὅτι μήτε' ἐλευθερίας μήτε' ἄλλου μηδενοῦς ὧν ἠλπισεν εὐτυχεν: καὶ ἦν οὐ προαγωγεῖσθαι μόνον ἀλλὰ καὶ διαβαλεῖν συγχροῦσαι τε τινὰς οὐκ ἐπιεικέως.

¹⁾ Цицеронъ, De nat. deor. II, 30; Brutus, 43. Аско-ниѣ къ Мил. стр. 46 Орелія. Ливіѣ ерѣт. 63. Макробіѣ I, 10, 5 (изъ Фенестеллы). Плутархъ, Quaest. Rom. 83. Діонъ-Кассіѣ, Fragm. стр. 130 и с.л. Динд. Обсеквестъ 37 (97). Орозіѣ V, 15.

ἰσραῖς παρθένους εἶναι καὶ γενήσεσθαι περιβόητον, ἄψεσθαι δὲ τινα καὶ ἰππέων ὕβριν, ἐμήνησε βαρβάρου (*sic*) τινὸς ἰππικοῦ θεράπων τρεῖς παρθένους τῶν ἐστιάδων, Αἰμιλίαν καὶ Δικινίαν καὶ Μαρκίαν, ὑπὸ τὰυτὸ διεφθαρμένας καὶ συνούσας πολὺν χρόνον ἀνδράσιν, ὧν εἷς ἦν Βουτέτιος βάρβαρος τοῦ μνηστοῦ δεσπότης. ἐκεῖναι μὲν οὖν ἐκολάσθησαν ἐξελεγχθεῖσαι, τῆς δὲ πράξεως δεινῆς φανείσης, ἔδοξεν ἀνερέσθαι τὰ Σιβύλλεια τοῦ: ἰσραεῖς. εὐραθῆναι δὲ φασὶ χρησμούς ταῦτά τε προδηλοῦντας ὡς ἐπὶ κακῶ γενησόμενα, καὶ προστάττοντας ἄλλοκότοις τισὶ δαίμοσι καὶ ξένοις ἀποτροπῆς ἕνεκα τοῦ ἐπιόντος προσέσθαι δύο μὲν Ἑλληνας, δύο δὲ Γαλάτας ζῶντας αὐτόθι κατοργέντας. У Орозія (Hist. V, 15) читаемъ: Iisdem diebus obscenum prodigium ac triste visum est. L. Helvius eques Romanus cum uxore et filia de Roma in Apuliam rediens tempestate correptus, cum filiam consternatam videret, ut citius propioribus tectis succederet, relictis vehiculis arreptisque equis filiam virginem equo insidentem in medium agmen accepit. Puella continuo ictu fulminis exanimata est. Sed omnibus sine scissura aliqua vestimentis adeptis ac pectoris pedumque vinculis dissolutis, monilibus etiam annulisque discussis, ipso quoque corpore illaeso, nisi quod obscenum in modum nuda et lingua paululum exserta iacuit, equus quoque ipse, quo utebatur, straturis, frenis et cingulis dissolutis passim ac dispersis exanimis procul iacuit. Parvo post hoc intercessu temporis L. Veturius eques Romanus Aemiliam virginem Vestae furtivo stupro polluit. Duas praeterea virgines Vestales eadem Aemilia ad participationem incesti sollicitatas contubernalibus sui corruptoris exposuit ac tradidit. Indicio per servum facto supplicium de omnibus sumptum est.

Знаменитъ былъ, несомнѣнно, процессъ весталокъ 73 гола (о немъ мы уже упоминали), окончившійся оправданіемъ ихъ (*absolutio virginum*); но, странно, мы не имѣемъ о немъ болѣе никакихъ свѣдѣній.¹⁾

¹⁾ О процессѣ Красса и весталки Лицивіи упомянуто выше. Обвиняемы были въ инцестъ также Фабія, свояченица Цицерона, и извѣстный Катилина. Орозій Hist. VI, 3: Eodem anno apud Romam Catilina incesti accusatus quod cum Fabia virgine Vestali commisisse arguebatur, Catuli gratia fultus evasit. Срв. Салл. Catil. 15 и Асконія стр. 93. Ор.

Изъ императоровъ съ особенною строгостью относились къ преступленіямъ весталокъ Домиціанъ и Каракала.

Домиціанъ въ 82 году производилъ слѣдствіе по обвиненію трехъ весталокъ съ такою суровостью, что одинъ старый понтифікъ во время допроса свидѣтелей умеръ отъ удара.

Каракала казнилъ (зарываніемъ) трехъ весталокъ, а одна, тоже приговоренная къ смерти, успѣла покончить жизнь самоубійствомъ ¹⁾ (ἐαυτὴν ἀνῳδεν ἀπὸ τῆς οἰκίας ἔρριψεν).

Наконецъ уже отъ послѣдняго времени существованія культа Весты (конца? IV вѣка) тоже дошли до насъ весьма важныя, именно оффиціальныя, свѣдѣнія о дѣлѣ одной весталки, Примигеніи (правда, не римской столичной весталки, а альбанской, но такъ какъ, по всей вѣроятности, культъ Весты имѣлъ одинаковый характеръ въ Римѣ и въ Альбѣ, то эти сообщенія для насъ вдвойнѣ интересны). Это два письма понтифика Симмаха, понтифика, игравшаго въ то время, къ которому относятся письма, несомнѣнно, руководящую роль въ коллегіи.

Приводимъ эти письма въ подлинникѣ:

Epist. IX, 128: *More institutoque maiorum incestum Primi-
geniae dudum apud Albam Vestalis antistititis collegii nostri
disquisitio deprehendit; quod et ipsius, quae contaminavit pudici-
tiam sacram, et Maximi, cum quo nefandum facinus admisit,
confessionibus claruisse gesta testantur; restat, ut in eos, qui
caerimonias publicas abominando scelere polluerunt, legum se-
veritas exseratur, quae tibi actio de proximi temporis exemplo
servata est; et ideo dignaberis rei publicae utilitatem conside-
rans facinus cunctis ad hunc diem saeculis severissime vindica-
tum conperenter ulcisci. vale.*

Epist IX, 129: *Secundum proximae²⁾ aetatis exempla cla-
rissimo et excellentissimo viro fratri nostro praefecto urbi Primi-
geniae virginis quae sacra Albana curabat, a collegio nostro*

¹⁾ Діонъ-Кассій LXXVII, 16.

²⁾ Для вѣрнаго пониманія этого слова въ этомъ мѣстѣ срв. того-же автора *Laudatio ad Valent. I: vis petam proxima-
mae aetatis exempla? ecce Baios sibi Augustus a continuo mari
vindicat. . . Tiberius.*

vindicta delata est, sed quia litteris eius causae probabiles afferuntur—quod neque muros urbis aeternae tanti criminis ream fas sit intrare neque ipse ad longinqua possit occurrere, cum facinus, ubi admissum est, debeat expiari—, necesse esse perspeximus potestatem finitimam convenire et cui provinciarum iura mandata sunt, ut in Primigeniam, quae pudici numinis maculavit arcana, coruptoremque Maximum, qui quidem flagitium non denegavit, severitas semper his adhibita criminibus exseratur. dignaberis igitur consideratis confessionibus, quae nefandi criminis tragoediam prodiderunt, iniuriam castissimi saeculi reorum supplicii vindicare.

Къ вопросу о процессѣ и казни Примигеніи мы возвратимся еще подъ чонецъ нашей работы.

У древнихъ авторовъ находимъ нѣсколько довольно обстоятельныхъ сообщеній о печальной и мрачной церемоніи проводовъ осужденной весталки на мѣсто казни и объ радости самой казни. Вотъ описаніе этой церемоніи и мѣста казни у Плутарха въ біографіи Нумы (гл. 10): „Весталка, нарушившая обѣтъ цѣломудрія, зарывается живою у т. наз. Холмовыхъ воротъ. По линіи этихъ воротъ находится внутри города длинное земляное возвышеніе; называется оно по-латыни Насыпью (Валомъ, Agger). Здѣсь ¹⁾ устраивается небольшая подземная камера съ отверстіемъ вверху ²⁾. Въ ней ставится застланная кровать, горящій свѣтильникъ и немного пищи, необходимой для поддержанія жизни, какъ то хлѣба, воды въ сосудѣ, молока и (оливковаго) масла. Это дѣлаютъ, какъ бы страшась умертвить голодомъ лицо, освященное величайшимъ священнослуженіемъ. Весталку, осужденную на смерть, сажаютъ въ носилки и, закрывъ ихъ извнѣ и обвязавъ ремнями, такъ чтобы не слышно было и голоса ея,

¹⁾ Срв. Ливія VIII, 15 Minucia Vestalis... viva sub tergam ad portam Collinam iuxta viam stratam defossa scelerato campo credo ab incesto id ei loco nomen factum.

²⁾ Схолиастъ Ювенала къ IV, 9 говоритъ: Haec virginibus Vestae poena fuerat decreta, ut si vitatae fuissent, vivae in parietibus struebantur aut sub terra obruebantur.—Parietes напоминаютъ средніе вѣка (immuratio), какъ и языкъ схолиаста.

несутъ черезъ форумъ. Всѣ на пути слѣдованія ея сторонятся въ молчаніи и сопровождаютъ траурный кортѣжъ, не издавая при этомъ ни одного звука и въ крайнемъ уныніи. Нѣтъ другого зрѣлища болѣе потрясающаго; Римъ не видитъ другого болѣе мрачнаго дня, чѣмъ этотъ. Когда же носилки донесутъ до выше описаннаго мѣста, слуги развязываютъ на носилкахъ повязки и главный изъ жрецовъ (несомнѣнно великій понтификъ), воздѣвъ руки къ небу, произноситъ нѣкую таинственную молитву по поводу столь печальной необходимости, затѣмъ выводитъ весталку изъ носилокъ закрытую и ставитъ на лѣстницу, ведущую въ подземную камеру. Затѣмъ онъ и остальные жрецы отворачиваются; когда же весталка сойдетъ внизъ, лѣстницу вынимаютъ, отверстіе камеры закрывается и сверху насыпаютъ много земли, такъ чтобы мѣсто достигло уровня Насыпи. Такъ Римляне наказываютъ весталокъ, лишившихся священной дѣвственности¹⁾.

Мы видѣли уже, что на мѣстѣ казни весталокъ жрецы совершали какія-то (умилостивительныя) жертвоприношенія (Плутархъ). Но несомнѣнно, надъ прахомъ грѣшницъ не было никакихъ памятниковъ. Вѣроятно, не должно было оставаться никакой видимой памяти о нихъ. Въ одной изъ найденныхъ въ послѣднее время надписей имя весталки (IV вѣка послѣ Р. Х.) старательно уничтожено. Нѣкоторые предполагаютъ, что это сдѣлано было вслѣдствіе осужденія весталки за нарушение обѣта, какъ актъ *memoriae damnatio*. Впрочемъ въ IV вѣкѣ послѣ Р. Х. могла быть и другая причина уничтожать такимъ образомъ имя весталки въ надписи,—это переходъ ея въ христіанство. Ланчани въ данномъ случаѣ предполагаютъ именно эту послѣднюю причину. У Римлянъ тѣла казненныхъ преступниковъ выдавались, хоть не всегда, роднымъ или знакомымъ ихъ для надлежащаго погребенія. Прахъ казненной весталки, долженъ былъ оставаться навсегда (?) въ ея подземной камерѣ.

У Плинія Младшаго есть интересный рассказъ о судѣ

¹⁾ У Ланчани (*Ancient Rome in the light of recent discoveries*, стр. 144.) мѣсто это переведено не точно, кое-что даже совсѣмъ неправильно.

надъ весталкою Корнеліей и о смерти ея при Домиціанѣ (Epist IV, II). Объ этомъ-же фактѣ находимъ болѣе краткое сообщеніе у Светонія (Domit. 8). Корнелія подверглась обвиненію въ инцестѣ, будучи еще, вѣроятно, только простою весталкою, но была оправдана. Много лѣтъ спустя противъ нея, уже старшей весталки (virgo Vestalis maxima, maxima virgo), опять предъявлено было обвиненіе въ томъ-же, и въ этотъ разъ она была осуждена (на смерть). При выполненіи извѣстныхъ обрядностей казни она держала себя съ большимъ достоинствомъ, какъ и подобало римлянкѣ и старшей весталкѣ, обнаружила необыкновенную стойкость и присутствіе духа. Когда она была осуждена на страшную смерть, немедленно посланы были понтифики (императоромъ изъ Альбанской его виллы), чтобы привести приговоръ въ исполненіе. Корнелія, простирая руки то къ Вестѣ, то къ остальнымъ богамъ, много взывала къ нимъ, но чаще всего восклицала: „Меня Цезарь считаетъ оскверненной; а вѣдь онъ одерживалъ побѣды и триумфовалъ, когда я за него приносила жертвы.“ Незавѣстно, говорила-ли она это, лѣстя императору, или издѣваясь надъ нимъ, въ сознани-ли своей невинности или изъ презрѣнія къ императору; но она повторяла это все время, пока ее вели на мѣсто казни, и выставляла себя невинной.¹⁾ И даже уже тогда, когда спускалась въ подземную камеру и конецъ ея платья запутался, она спокойно обернулась назадъ и привела его въ порядокъ, и при этомъ съ негодованіемъ отвергла руку палача, которую тотъ было подаль ей; она быстро отшатнулась отъ него, отстранила отъ себя это нечистое соприкосновеніе отъ своего какъ бы дѣйствительно совершенно непорочнаго и чистаго тѣла, охраняя свою чистоту и въ послѣднія минуты, и вообще, проявляя всячески свою стыдливость, она очень заботилось о томъ, чтобы умереть вполнѣ прилично²⁾. Изъ предполагаемыхъ соучастниковъ

¹⁾ Другая весталка, Клодія Лета, осужденная на смерть Каракаллою, передъ тѣмъ какъ спуститься въ подземную камеру, объявляетъ громко: Οἶδεν αὐτὸς Ἀυτοῦνός (Каракалла ὅτι παρθένος εἶμι, οἶδεν ὅτι χαδαρεύω (Діонъ-Кассій LXXVII, 16).

²⁾ Плиній Epist. IV, 11: (Домиціанъ) cum Corneliam Vestalium maximam, defodere vivam concupisset, ut qui illustrari

преступленія Корнеліи всадникъ Целеръ, когда его сѣкли на комиціѣхъ, все кричалъ: „Что я сдѣлалъ? Я совсѣмъ не виновенъ“. Ему дозволено было отправиться въ изгнаніе, а остальные были засѣчены до смерти.

О мѣстѣ, гдѣ зарывали осужденныхъ весталокъ (*sacerdos sceleratus*) сохранились довольно обстоятельныя указанія у древнихъ авторовъ (Ливіа и Плутарха). Оно находилось въ городѣ на Квиринальскомъ холмѣ, близъ городской стѣны, у *porta Collina*. Остатки Сервіева вала сохранились отчасти до нашего времени и мѣсто *porta Collina* теперь опредѣлено довольно точно противъ теперешней *porta Pia*. Такимъ образомъ мѣсто казни весталокъ, полагаетъ проф. Ланчани, слѣдуетъ искать недалеко отъ Диоклетіановыхъ термъ, по улицѣ *Venti Settembre* у угла новаго зданія министерства финансовъ (*Palazzo delle Finanze*)¹⁾. Это впрочемъ такъ выходитъ на

saeculum suum eiusmodi exemplis arbitraretur, pontificis maximi iure, seu potius immanitate tyranni, licentia domini, reliquos pontifices non in regiam, sed in Albanam villam convocavit nec maiore scelere quam quod ulcisci videbatur absentem inauditamque damnavit incesti, cum ipse fratris filiam incesto non polluisset solum, verum etiam occidisset; nam vidua abortu periit. missi statim pontifices, qui defodiendam necandamque curarent. illa nunc ad Vestam, nunc ad ceteros deos manus tendens multa, sed hoc frequentissime clamitabat „me Caesar incestam putat, qua sacra faciente vicit, triumphavit? blandiens haec an inridens, ex fiducia sui an ex contemptu principis dixerit dubium est: dixit donec ad supplicium, nescio an innocens, certe tamquam innocens, ducta est. quin etiam cum in illud subterraneum cubiculum demitteretur haesissetque descendenti stola, vertit se ac recollegit, cumque ei manum carnifex daret, aversata est et resiluit foedumque contactum quasi plane a casto puroque corpore novissima sanctitate reiecit omnibusque numeris pudoris πολλήν πρόνοιαν ἔσχεν εὐχήμεων περὶ τὴν. praeterea Celer, eques Romanus, cui Cornelia obiciebatur, cum in comitio virgis caederetur, in hac voce perstiterat: „quid feci? nihil feci“.

¹⁾ Ланчани, *Rome in the light of the recent discoveries*, стр. 144.

основаніи указанія Ливія; а по Плутарху весталокъ зли въ самомъ Agger.

„Очень интересно—говорить Маэсъ—было бы от могилы весталокъ, внутри которыхъ несомнѣнно должны кромѣ скелетовъ несчастныхъ преступницъ также варь, именно кровать, лампу, и двери, которыми закрыто отверстіе подземелья. Это открытіе, если бы оно наполнило бы душу священнымъ ужасомъ“. Маэсъ и таеъ вѣроятнымъ, чтобы (какъ нѣкоторые предполагали) стіане первыхъ вѣковъ розыскивали могилы весталокъ фанировали ихъ.

Трудно представить себѣ душевное состояніе вѣ во время суда надъ нею, во время мрачныхъ провод и страшныхъ мученія несчастной жертвы римской ре ности въ мрачномъ подземельи! А ей ставили еще и питье, какъ будто нарочно для того, чтобы продлить нія... Въ виду такой смерти предоставленіе выбора смерти, конечно, должно было казаться большою милосердіемъ. Несомнѣнно также, что весталка, предвидѣвшая несомнѣнно осужденіе или уже осужденная на такую смерть, если бы имѣла сколько-нибудь силы и представлялась возмож ной, старалась предупредить казнь самоубійствомъ. Такъ осужденнымъ ставились въ подземной камерѣ кровать, щая лампа и пр. и онѣ были, конечно, одѣты, то и здѣсь полагать возможно было такъ или иначе скоро покон чить съ собою.

Трудно вѣрить, что эти зарыванія весталокъ дѣй тельно приводились въ исполненіе, что они не выполнялись только по формѣ, для виду, хоть въ болѣе позднее время. Но мы имѣемъ не мало свидѣтельствъ, въ томъ числѣ: дѣльства современниковъ и, вѣроятно, очевидцевъ, о дѣй тельномъ выполненіи этой казни ¹⁾. Преступленія вест

¹⁾ Гейдельбергскій профессор Инэ въ засѣданіи на каго Археологическаго Института въ Римѣ 1 Февраля года высказалъ мнѣніе, что всѣ извѣстія объ осужденіи весталокъ выдуманы для того, чтобы объяснить бѣдствія и гавшія Римъ. Berliner Philol. Wochenschrift, 1884, № 11 dem sind nach seiner (Инэ) Meinung alle Nachrichten üb

которымъ Римляне приписывали такое важное значеніе, и случаи примѣненія страшной казни, надо полагать уже въ древнѣйшее время заносились въ официальную лѣтопись: тотъ-же великій понтификъ, который игралъ главную роль при судѣ надъ весталками и ихъ казни, и увѣковѣчивалъ эти свои дѣянія въ великой лѣтописи (*Annales maximi*), откуда заимствовали эти свѣдѣнія о нихъ позднѣйшіе апналсты историки.

У Римлянъ правда, не было никогда недостатка въ ужасныхъ и мрачныхъ зрѣлищахъ смерти и мученій; достаточно вспомнить о гладіаторскихъ бояхъ. Однако и проводы и казни весталки, несомнѣнно, должны были поражать воображеніе и запечатлѣваться въ памяти народа¹⁾. Даже во время наибольшаго процвѣтанія гладіатуры болѣе просвѣщен-

Verurtheilung der Vestalinnen erfunden, um schwere Unglücksfälle, welche Rom betrafen, zu erklären. Высказывалъ-ли гдѣ въ другомъ мѣстѣ Инэ это странное мнѣніе и обосновалъ-ли его и какъ, мы не знаемъ.

¹⁾ Мы видѣли, что римскіе риторы въ своихъ школахъ не рѣдко избирали разныя темы, касавшіяся весталокъ. Бэкде-Фукьеръ предполагаетъ, что у древнихъ Римлянъ была также дѣтская игра въ весталки. Онъ говоритъ объ игрѣ въ весталки, сохранившейся донныѣ во Франціи (Игры древнихъ. Переводъ А. А. Иванова. Стр. 57): „По словамъ доктора Дени изъ Роскова—эта игра сохранилась въ Бретани до послѣднихъ дней. Въ ней разыгрывается настоящая драма. Дѣвушки бодрствуютъ вокругъ священнаго очага,—одна изъ нихъ даетъ погаснуть огню. Тогда начинается церемонія искупленія: толпа съ жалобными криками ведетъ преступницу въ мрачную тюрьму. Разумѣется, не отъ Римлянъ переняли Бретонцы эту игру, также какъ и культъ огня. Она идетъ прямо отъ общаго очага индо-европейскихъ племенъ, на которомъ Арійцы съ незапамятной древности отправляли культъ Агни. Но совпаденіе одного и того-же культа у Бретонцевъ и у Римлянъ и тождественность отправленія его, а равно и то обстоятельство, что дѣвушки Бретани и по настоящее время не забыли игру въ весталки, даетъ намъ право думать, что она, вѣроятно, была извѣстна и въ Римѣ“.

ные и гуманные изъ Римлянъ, несомнѣнно, возмущались казнями весталокъ; мы видѣли, что нѣкоторые изъ императоровъ всячески избѣгали ихъ, даже рискуя навлечь при этомъ обвиненіе въ неисполненіи обязанностей великаго понтифика. Вѣдь съ точки зрѣнія Римлянъ эти казни были всегда дѣлами благочестія и религіозности, соблюденіемъ священныхъ религіозныхъ завѣтовъ предковъ. Лукрецій, рассказавъ о принесеніи въ жертву Греками Ифигеніи, восклицаетъ (*De rer. nat.* I, 101):

Tantum relligio potuit suadere malorum!

Замѣчательно, что онъ тутъ въ примѣръ благочестивыхъ злодѣяній не привелъ также отечественнаго и столь хорошо ему извѣстнаго зарыванія весталки, хотя онъ и могъ, несомнѣнно, говоря объ этомъ зрѣлищѣ, дать нѣсколько прекрасныхъ стиховъ. Домиціанъ, несомнѣнно, отличался вообще жестокостью, кровожадностью; но, осуждая весталокъ на смерть, онъ все же собственно только выполнялъ законъ и свою обязанность; находились и панегиристы (правда, дешевые), превозносившіе это его очищеніе культа Весты (Стацій). Полагаемъ, что и нѣкоторые другіе современники одобряли эту строгость Домиціана.

И въ это время, да и гораздо позже, старая религіозность въ Римѣ далеко не умерла. Неронъ велитъ весталкамъ присутствовать на состязаніяхъ атлетовъ; это конечно, было оскорбленіе ихъ стыдливости; но тотъ-же Неронъ, вошедши однажды въ храмъ Весты, вдругъ пораженъ былъ необыкновеннымъ страхомъ и задрожалъ всѣмъ тѣломъ (Тацитъ). Въ надписяхъ въ честь старшихъ весталокъ III вѣка п. Р. Хр. нѣсколько разъ говорится о чудесахъ Весты, именно что богиня сама выражала свое благоволеніе своимъ служителямъ. Срв. также выше приведенныя нами письма Симмаха. Насколько же сильнѣе должно было быть благоговѣніе къ этой народной святынѣ и страхъ допустить ея оскверненіе во времена старинной набожности! Люди того времени во очію видѣли, казалось имъ, какъ кара преступныхъ весталокъ умиловляла разгнѣванное божество (Срв. приведенные рассказы изъ Діонисія и Ливія).

Мы не будемъ здѣсь перечислять всѣ остальные процессы весталокъ и случаи ихъ казни, о которыхъ сохрани-

лись упоминанія у древнихъ ¹⁾). Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что до насъ не дошли извѣстія о всѣхъ такихъ случаяхъ ²⁾).

Здѣсь естественно коснуться вопроса о нравственности весталокъ—разумѣется, не съ точки зрѣнія христіанскаго идеала, а на сколько она соотвѣтствовала римскому идеалу вестальства.

Конечно, на этотъ вопросъ нельзя дать общаго отвѣта. Институтъ вестальства существовалъ по меньшей мѣрѣ 900 лѣтъ и свѣдѣній о немъ за многіе вѣка мы почти совсѣмъ не имѣемъ, отъ другихъ вѣковъ вообще мало и отчасти изъ враждебнаго лагеря. Христіанскій писатель (вѣроятно, II в. послѣ Р. Х.) Минуцій-Феликсъ отзывается весьма дурно о нравственности весталокъ и вообще римскихъ жрецовъ ³⁾). Послушать его, такъ большинство весталокъ было наказаны за incestъ или по крайней мѣрѣ совершили это преступленіе. Но это, очевидно, тенденціозное преувеличеніе прозелита (Минуцій сначала былъ язычникомъ). Св. Амвросій и Пруденцій, какъ мы видѣли, основательно нападаютъ богѣе на правила самаго устава, регулировавшаго образъ жизни и служеніе весталокъ, по которому имъ дозволялось кое-что такое, что могло легко возмущать ихъ душевный покой и доводить до паденія менѣе стойкія молодыя натуры.

¹⁾ Извѣстно, что Ромуль и Ремъ по римскому преданію были сыновьями весталки, правда, отъ бога. Если и это была culpa, то, конечно, *felix culpa*: слѣдствіемъ ея было основаніе Рима, *gerum pulcherrima Roma*.

²⁾ См. Brohm, *De iure virginum Vestalium* и Rein, *Criminalrecht*. Preuner, *Hestia—Vesta*.

³⁾ Oct. гл. 25: *Nisi forte apud istos (Римлянъ) maior castitas virginum aut religio castior sacerdotium, cum paene in pluribus virginibus, set quae inconsultius se viris miscuissent, Vesta sane nesciente, sit incestum vindicatum, in residuis impunitatem fecerit non castitas tutior, sed impudentia felicio. ubi autem magis (жрецами) quam inter aras et delubra conducuntur stupra, tractantur lenocinia, adulteria meditantur? frequentius denique in aedituorum cellulis quam in ipsis lupanariibus flagrans libido defungitur.*

Несомнѣнно, иногда дѣвы Весты вели себя очень дурно; но это случалось почти исключительно въ послѣдній вѣкъ республики и въ императорскую эпоху, и сравнительно большая распущенность весталокъ въ эти вѣка имѣетъ достаточное объясненіе и отчасти извиненіе во всеобщемъ упадкѣ нравственности и религіи. Однако и въ эти вѣка, какъ и всегда, весталки были и считались въ Римѣ высшими представительницами женской чистоты и скромности, гордостью римскихъ дѣвъ и матронъ ¹⁾. Если древніе говорятъ объ ихъ преступленіяхъ и казни, то вѣдь есть также не мало замѣчательныхъ свидѣтельствъ объ ихъ добродѣтеляхъ. Несомнѣнно, не всѣ преступленія ихъ были въ свое время извѣстны и извѣстны намъ теперь, но несомнѣнно также, что могли остаться неизвѣстными современникамъ вполне всѣ подвиги ихъ служенія и скромныя добродѣтели, т. е., домашняго свойства; скандальная хроника этихъ дѣвственницъ могла лучше сохраниться въ памяти потомства, выступая болѣе наружу, чѣмъ ихъ служеніе и добродѣтели. Всегда весталки пользовались большимъ почетомъ и уваженіемъ, но нерѣдко также за преступленія онѣ несли страшную кару; не смотря на преступленія отдѣльныхъ весталокъ вестальство всегда въ мнѣніи Римлянъ стояло высоко.

„Итакъ—говоритъ Прейнеръ, заключая перечисленіе случаевъ осужденія весталокъ—все новые случаи нарушенія объята, но также и все снова страшная кара. И несомнѣнно, что эти случаи повторялись часто, безъ сомнѣнія чаще, чѣмъ могла ихъ постигнуть карающее правосудіе; и что случался недостатокъ въ лицахъ, заявлявшихъ готовность обречь себя

¹⁾ Объ ихъ цѣломудріи доходили слухи даже къ варварамъ, далеко отъ Рима. По крайней мѣрѣ сохранился у Валерія—Максима (VI, 1, 3) слѣдующій, во всякомъ случаѣ интересный и характерный, рассказъ (привожу его здѣсь въ дополненіе къ сказанному въ главѣ: „Образъ жизни весталокъ. Castitas“) о тевтонскихъ женщинахъ: *Teutonum coniuges Marium victorem orarunt, ut ab eo virginibus Vestalibus dono mitterentur, adfirmantes aequae se atque illas virilis concubitus expertes futuras, eaque re non impetrata laqueis sibi nocte proxima spiritum eripuerunt.*

на вѣчное дѣвство, все это не удивительно въ городѣ, который сталъ очагомъ особенно половой распущенности и распутства. Объ униженіи самого культа и его служительницъ изъ эгого никоимъ образомъ нельзя дѣлать заключеній, и даже объ ослабленіи религіозности. Религіозность древности не предполагаетъ непременно нравственной чистоты и полной готовности жертвовать изъ благочестія личнымъ самолюбіемъ“.

Но, повторяемъ, изъ всѣхъ римскихъ (и греческихъ) жрецовъ и жрицъ весталки являли наиболѣе примѣровъ нравственной чистоты. Культъ Весты изъ всѣхъ культовъ классическаго язычества былъ самый возвышенный и чистый.

Что „священныя дѣвы“ (sacrae virgines) новой, иной, высшей религіи,—христіанства¹⁾, которыхъ притомъ было несравненно болѣе, чѣмъ весталокъ, являли собою болѣе высокіе и совершенныя образцы дѣломудрія, нравственной чистоты и вообще нравственности,—какъ на это указываютъ христіанскіе писатели первыхъ вѣковъ, сопоставляя съ ними весталокъ—и что среди нихъ случаи паденія были гораздо рѣже, это не подлежитъ сомнѣнію и весьма естественно и понятно.

Иванъ Турцевичъ.

¹⁾ О нихъ см. сочиненіе Вильперта: Die Gottgeweihten Jungfrauen in den ersten Jahrhunderten der Kirche. 1892.

РУССКІЯ НАРѢЧІЯ

ДОМОЙ, ДОЛОЙ.

Е. Карскій.

НѢЖИНЪ.
Типо-литографія Венгера, д. Глезера.
1895.

РУССКІЯ НАРѢЧІЯ ДОМОЙ, ДОЛОЙ.

Употребленіе нарѣчій *домой*, *долой* слишкомъ обычно въ русскомъ языкѣ—какъ литературномъ, такъ и народныхъ великорусскихъ говорахъ. Возьмемъ для примѣра:

А я ржи напашу, да во скирды сложу,
Во скирды сложу, *домой* выволочу,
Домой выволочу, да дома вымолочу....

Былина о Микулѣ Селян. Рыбн.

Домой пошла, сама заплакала....
Ты когда, Добрынюшко, *домой* будешь....

Былина про Добрыню. Гильф.

Разокъ—другой, да и съ ногъ *долой*. Даль, Словарь.
Обычай мой такой:

Подписано, такъ съ плечъ *долой*.

Грибоѣдовъ, „Горе отъ ума“, явл. IV.

Съ глазъ *долой*, и т. п.

Этихъ нарѣчій не знаютъ малорусскіе и бѣлорусскіе говоры; въ нихъ исключительно употребляются *домовъ*, *доловъ*:

Куска хлѣба не найдемо, якъ *домѠвъ* прійдемо....

Голов. ¹⁾ I. 128.

А сонечко по надъ вечеръ, *домѠвъ* се зѠбрала...

Гв. III. 1 отд. 38.

Пусть мя, Янчйкъ, *домѠвъ*, бо я буду бита...

Гв. II. 229.

Домів, *долів*... Ogonovski: Studien auf d. Gebiete
d. Ruthenischen Sprache. Lemberg. 1880 S. 113, 188.

¹⁾ Я. О. Головацкій: Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси. Ч. I—III. Москва. 1878.

Доловъ, доловъ, качурику, доловъ за водою...
Голов. I. 238.

Запряжице, запряжице

Дзвѣнадцать волоў,

Завязице, завязице

Гѣту бабку дамоў. Зап. ¹⁾ V. 286. Леппельск. у.

Идземъ домовъ веселками... Зап. V. 98.

Кацилася шапка съ столу долоў,

Бѣця, сваты, къ чорту домоў... Зап. V. 617.

А якъ горе паймѣце,

Тадъ дамовъ пайдзѣце. Гильтебр. ²⁾ 257.

Пусци мяне съ неба даловь... Ib. 277.

Однако и въ великорусской области, кромѣ домоѵ, долоѵ, иногда находимъ и другія образованія:

„Домовъ сѣв. домѵ арх.“ Даль—Словарь.

„Доловъ курск.“ Ib.

„Понесла домовъ Аеан. Ск. I. 22“ Миклош. IV³⁾.

У Головацкаго встрѣчается примѣръ на домоѵ и изъ малорусскаго:

Рубай, рубай, не поставкуй,

Якъ нарубашъ, домоѵ вандруй! Голов. II. 553.

Если отъ явленій современныхъ обратимся къ стариннымъ, то найдемъ, что домоѵ, долоѵ—формы сравнительно новыя, тогда какъ домовъ, доловъ восходятъ къ старинѣ. Приведемъ примѣры (главнымъ образомъ по И. Срезневскому: „Материалы для словаря древне-русскаго языка“, т. I. Спб. 1893):

Ити гостю домовъ бес пакости... Новг. гр. 1199 г.;

Приде же Иосифъ домовъ... Бытіе по. сп. XIV в.;

Апрослѣ... Шпѵсти на домовъ вса... Новг. I л. 6524 г.;

Гѵдоша домовъ... Житіе Андр. Юродив. по сп.

XV—XVI в.;

¹⁾ Записки Имп. Русс. географическаго общества по отдѣленію этнографіи, т. V. Спб. 1873 (Бѣлорусскія пѣсни).

²⁾ Гильтебрандтъ: Сборникъ памятниковъ народнаго творчества въ сѣверозападн. краѣ. Вып. I. Вильна 1866.

³⁾ Во 2-мъ изданіи сказокъ Аеанасьева этого примѣра мы не нашли; дѣлаемъ ссылку по синтаксису Миклошича.

Аже немъчиць коупить въ Ризѣ... товаръ, понесеть его домовъ... Смолен.-Полоцк. гр. 1230 г.;

Взвратишася домовъ... Лавр. сп. л. 6693 г.;

Домовъ поехалъ... Акты, изд. Вил. арх. ком. XVII. 240;

Остася соляца мало, аки мѣсяца доловъ рогама... Ип. л. 6621 г.;

Снидохомъ съ горы Фаворскыя доловъ на поле... Хожд. Игум. Дан. по изд. Порова;

Доловъ Прох. XIII в.;

Не лѣзевѣ доловъ... Псков. I л. 6773 г.;

Сослати доловъ... Дог. гр. Дм. Ив. 1372 г.;

А что еси привель... къ целованью, а то ти целованье доловъ... Дог. гр. Дм. Ив. 1375 г.;

А с мене цѣлованіе доловъ... Новг. I л. 6920 г.;

А с насъ правда доловъ... Дог. гр. Новг. съ Сви-дригайл. 1431 г.;

Съ тыхъ порука доловъ... Дог. гр. Новг. съ в. к. Ив. Вас. 1456 г.;

Спусти доловъ хламидѣ... Описаніе сл. рук. Моск. синод. библ. Горскаго и Невостр. 2. 3. 552 (Свят. Микл.).

Даловъ... Лѣт. Переяславля Сузд., изд. Оболенскаго, 56.

Вслѣдствіе исключительнаго господства въ древнерусскомъ языкѣ формъ домовъ, доловъ, а также существованія ихъ до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ русскихъ нарѣчіяхъ, само собой напрашивается предположеніе, что домоу, долоу получились изъ домовъ, доловъ. Къ этому, повидимому, побуждаютъ и параллели другихъ славянскихъ языковъ (приводимъ ихъ по Миклошичу: „Vergleichende Syntax der slavischen Sprachen. Zweiter Abdruck. Wien. 1883):

Словин. Pojte brž domov... Микл. IV. 580.

„Domom aus domov. Kroat.“ Ib.

Чешск. Tu pannu domóv vzieti... Ib.

Beť se domóv... Ib. 581.

Ne chval, knoťře, holův, až pojedeš domův... Ib. 581.

Ib. 581.

Vrátil sa domov... Словацк. Ib. 581.

Dolóv z svého tróna... Ib. 581.

Sstup dolóv., Ib. 581.

Верхнелуж. Duž ja ranko domoj džjech... Ib. 581.

L'uby so domoj hotuje .. Ib.

Husy domoj l'eća... Ib.

Нижнелуж. В'ejžalo domoj p'akicy... Ib.

Далѣе, въ памятникахъ древнерусскаго языка и отчасти другихъ славянскихъ языковъ рядомъ съ формами на о в ъ иногда попадаются въ этой роли и дательные надежи на ови:

Поиду(ть) же Русь домови... Дог. Олега 907 г.;

Шдѣши домови... Маркъ, 7, Зогр. Ев.;

Прииде домови... Микл. IV. 580.

Отсюда выводится заключеніе, что домовъ, доловъ, а при посредствѣ ихъ и домой, долой развились изъ домови, долови, представляя такимъ образомъ слѣды дательнаго на ови. Такое мнѣніе съ давнихъ поръ мы находимъ въ трудахъ разнаго рода по русскому языку. Такъ П. Лавровскій, въ книгѣ: „О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей. Спб. 1852,“ говоритъ, что изъ дательнаго домови явилось домовъ и потомъ домой, употребляемое въ видѣ и смыслѣ нарѣчія (стр. 60, ср. еще стр. 95, гдѣ между прочимъ указано ежегодовъ, и стр. 111). Ѡ. Буслаевъ въ „Исторической грамматикѣ русскаго языка“ держится такого же взгляда: „нарѣчія домой и долой образовались изъ дательнаго падежа ед. ч. домови и долови черезъ древнія формы домовъ и доловъ“ (5 изд. I. 64 ср. ib. 163). За Буслаевымъ такая этимологія словъ домой, долой стала повторяться во всѣхъ учебникахъ русскаго языка. Такое же мнѣніе относительно указанныхъ нарѣчій находимъ и у нѣкоторыхъ другихъ ученыхъ. Огоновскій (Studien), говоря объ образованіи нарѣчій, замѣчаетъ, что форму дательнаго имѣютъ „долів (d. i. долѡви), домів“ (113; ср. еще 188). Изъ домови, долови выводитъ домовъ, доловъ и Жятецкій (Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII в. Киевъ. 1889, стр. 129). Подобнаго же взгляда держится и И. Ягичъ. Въ „Критическихъ замѣткахъ по исторіи русскаго языка. Спб. 1889 г.“ онъ говоритъ между прочимъ (стр. 59): „необходимо допустить, что окончаніе ть относится къ полному ти неопредѣленнаго наклоненія точно такъ, какъ напр. „домовъ“ къ „домови“ или какъ частица „будь“ въ „ни будь“ къ полному „буди.“

Несмотря на всю кажущуюся естественность подобныхъ

вацкихъ *dolŏv—dolŭ, domŏv—domŭ* при спорядическихъ старочешскихъ *domovŭ* и новѣйшихъ въ родѣ *Petrovi* и т. п. (Миклошичъ—Сравн. морфол. 498). Въ лужицкихъ языкахъ при выводѣ *domoj—doloj* изъ *domoji—doloji* (домови—долови) тоже представляется затрудненіе: отчего въ верхнелужицк. не *ej* (рорей, муѣей, супей)? Очевидно, что образованіе на *oj* давнѣйшее. Въ нижнелужицк. при повсемѣстномъ *doloj—domoj* дательный обыкновенно оканчивается на *oj*: *gręchoju* и т. д.

Такимъ образомъ всѣ разсматриваемыя формы: дом о й—долой, домовъ—доловъ, домови—долови—не находятся ни въ какой генетической связи между собою; сближаются онѣ въ синтактическомъ отношеніи, такъ какъ и тѣ, и другія, и третьи употребляются при глаголахъ движенія, для означенія цѣли, на вопросъ куда; причемъ при дательномъ на *ови* иногда бываетъ еще предлогъ: Данилу же возвратившуся къ домови *Ипат. сп. л. 160*; то же видимъ и при формѣ на *овъ*:

Повернися, миленька, до домѡвъ!

Плаче отецъ, матѣнка за тобовъ... Головац. I. 200.

Вообще же предлога при формахъ на *овъ* не бываетъ. Замѣчательно, что въ большинствѣ славянскихъ языковъ дательный при глаголахъ движенія и формы на *овъ* встрѣчаются почти исключительно отъ *домъ* и *долъ* (Миклош. IV, 581). Эта исключительность набрасываетъ нѣкоторое подозрѣніе и на то, дѣйствительно ли дательный падежь ставился при указанномъ управленіи. Кромѣ формъ на *ови* (что очень рѣдко), мы обыкновенно (и при томъ часто) встрѣчаемъ формы на *у*: Господь придетъ дому; долу поникъше; долу блюди очима своима; врзиса ни зу и т. д. (Микл. IV. 580). Или (у Головацкаго II. 553)

Склоня҃ся сонце долу:

Пуццай насъ, гавдо, до дому.

Но всѣ такія формы на *у* могутъ считаться и мѣстными падежами; тогда и формы на *ови* придется считать передѣланными изъ *овъ*, именно, благодаря аналогіи сходныхъ съ ними формъ дательнаго и нѣкоторому, такъ сказать, осмысленію этого окончанія; такимъ образомъ формы на *ови* въ указанной роли будутъ вторичными. Форму же *домовъ—доловъ*, въ виду ея отраженія въ нѣсколькихъ славянскихъ

языкахъ, придется отнести къ періоду общеславянскому и поставить рядомъ съ окончаніемъ на *y*, т. е. впадѣтъ въ ней остатки мѣстнаго падежа основъ на *y* (ср. Соболевскій: Русс. Филол. Вѣстникъ, т. X. 148). Такую форму и кладетъ Миклошичъ (Сравнит. морфологія, 7) въ основу цсл. *сыноу*, которое, по его мнѣнію, „возникло изъ *Synovi*, *сынокъ*, *сыннокъ*“. Съ этимологіей Миклошича, конечно, нельзя согласиться, такъ какъ *ь* въ основномъ славянскомъ не могъ отпасть, да и въ санскритскомъ съ отпаденіемъ *i* въ какой-либо формѣ *synāvi* получилось бы *synāu* = *synō*, а между тѣмъ славянскому *сыноу* въ родственныхъ языкахъ соотвѣтствуютъ въ древнеинд. *sūnāi*, готск. *sunāu*, греч. нарѣчіе *ἄνεο* (Brugmann: Grundriss der vergl. Grammatik der indogermanischen Sprachen. Strassb. 1892. II 615) и т. д., что предполагаетъ основную форму **sūneц*, представляющую изъ себя въ этомъ падежѣ основу безъ всякой флексіи. Но съ другой стороны въ ведахъ встрѣчается форма *sūnāvi* и въ греч. совершенно аналогичная ей форма *πύχει* изъ *πύχεϜι*, а этимъ формамъ вполне соотвѣтствуетъ общеславянская *сынoвь*, предполагающая основную **sūneци*. Такимъ образомъ домовъ—доловъ слѣдуетъ признать двойниковой формой мѣстнаго рядомъ съ *дому*—*долу*, при томъ очень древней. Приведемъ ще нѣсколько примѣровъ, гдѣ формы на *y* и *o* въ имѣютъ, повидимому, значеніе мѣстнаго: *кзноу* и *кзнѣ*—во второмъ мѣстный несомнѣнно; *ко млину граница*: *г о р ѣ* смотричемъ до мосту, а *д о л о в ѣ* смотричемъ.... Жалов. гр. Под. кв. 1375 г.;

А насъ сяде купа *д о л у*... Головац. III. 1. 511.

Ей *доловъ мѣ*, *доловъ далеко*,

Тамъ же ми *рѣля та й* не *ѣрана*... Ib. II. 9

Ой *доловъ*, *доловъ* *пѣдъ* *бодачейкомъ*,

Лежить *милейка доловъ бѣлымъ личейкомъ*....

Ib. II. 129.

Со-временемъ, въ виду господства въ мѣстномъ формѣ на *y*—*ь*, значеніе формъ на *o* въ могло быть забыто, и онѣ могли ставиться тамъ, гдѣ первоначально было мѣсто дательному, если только отмѣченныя равьше слова на *y*, дѣйствительно, употреблялись, какъ дательные падежи, а не мѣстные. Въ синтактическомъ отношеніи смѣшеніе разныхъ падежей, означающихъ пространственныя функціи, тоже вполне возможно: ср. конструкторіи при гомеровскомъ $\varphi(\nu)$ (Delbrück: Ver-

gleichende Syntax der Indogermanischen Sprachen. Strassburg. 1893. I. 274—276). Возможенъ въ подобномъ же смыслѣ и мѣстный; приведемъ примѣръ ихъ латинскаго: *adveniens domi, proscumbit humi* (Delbrück: *Vergl. Syntax...* I. 228; ср. еще 292—293).

У насъ остались еще необъясненными *домой—долой*. Ихъ окончаніе *ой* не находить для себя аналогіи въ склоненіи основъ на *у* или *о*. Окончаніе *ой* въ русскомъ языкѣ мы находимъ только въ склоненіи основъ на *а*: *горой, дорогой*, гдѣ оно не что иное, какъ окончаніе творительнаго падежа, *ою—оюж*; значить, и для *домой—долой* придется предположить **домою—*долою* (ср. Соболевскій—Лекціи² 90). Однако такое предположеніе возможно допустить только подъ условіемъ, если удастся доказать, а) что однѣ основы въ извѣстныхъ случаяхъ могутъ принимать окончанія другихъ, конечно, въ новѣйшее время, такъ какъ указанныя русскія формы не отличаются древностью, и б) что синтактически возможны формы творительнаго на мѣстѣ дательнаго или мѣстнаго.—Что касается перваго вопроса, то тутъ прежде всего слѣдуетъ имѣть въ виду, что нарѣчія—будь они и отыменные—отличаются большимъ произволомъ въ образованіи. Достаточно привести для примѣра такія изъ нихъ, какъ *откждоу, отисждоу, отитждоу*, съ окончаніями по образцу основъ на *у*, и русскія *откуда отсюда, оттуда*, съ окончаніемъ основъ на *о*, а также народныя *куды, сюды, туды*, съ окончаніемъ творит. п. мн. ч. числа тоже основъ на *о*¹⁾, бѣлорусскія и малорусскія *кудою, сюдою, тудою*—а также (хотя и рѣже) *кудой, сюдой, тудой*, съ окончаніемъ основъ на *а*. Такъ точно и отъ слова *домъ* могло быть образованы нарѣчія *дома, *домою—домой*, хотя онъ и принадлежитъ къ основамъ на *у*; то же слѣдуетъ сказать и относительно *долъ—долой*. Нѣкоторую аналогію въ данномъ случаѣ представляетъ приводимое Миклопичемъ (IV,

¹⁾ Мы уже умалчиваемъ объ *откждѣ, отисждѣ, отитждѣ*, которыя можно разсматривать, какъ мѣстныя *кждѣ, сждѣ, тждѣ* съ прибавленнымъ къ нимъ предлогомъ *отъ*, конечно послѣ того, какъ была забыта память о томъ, что это формы мѣстнаго падежа.

580) хорватское *domot* изъ *domov*, т.—е. по сербо-хорватской морфологіи изъ основного **домоѡж*, какъ какое-нибудь вером изъ стараго *кѣрокъ*, *цсл. кѣроѡж*. Нѣсколько подобное явленіе видимъ и въ нѣкоторыхъ отрасляхъ малорусской рѣчи (у Бойковъ и нѣкот. др.), гдѣ *рѣбоу*, *рѣбов*, *рѣбо ѹ* (Ogonowski—Studien... 123); но эти формы не имѣютъ отношенія къ *домовъ—доловъ* (ср. Потебни—Замѣтки о малорусск. нарѣчїи, 55; Ogonowski—Studien, 124); кромѣ того, не заимствованы ли онѣ у словаковъ, у которыхъ *gubou*, *dušou*? Житецкїй (Очеркъ литературной исторїи малорусскаго нарѣчїя въ XVII в. Кїевъ. 1889, 129) не прочь поставить такія формы въ связь съ старинными *домовъ—доловъ*: „мы склонны думать, что онѣ образовались по аналогіи отъ именъ существительныхъ мужскаго рода: *домовъ—доловъ* (*домови*, *долови*), при чемъ произошло смѣшеніе падежей дательнаго съ творительнымъ“. Не говоря уже о другихъ соображенїяхъ, высказанныхъ нами раньше, отмѣтимъ, что два слова, притомъ стоящїя въ другомъ падежѣ, врядъ ли оказали бы вліяніе на все склоненіе основъ на *а*. Къ тому же это явленіе мѣстное даже въ малорусскомъ, не говоря уже о бѣлорусскомъ нарѣчїи, которому творит. падежъ женскаго рода на *о ѹ—е ѹ* совершенно чуждъ.

Въ синтактическомъ отношенїи употребленіе творительнаго для означенія предѣла движенія тоже возможно: „*итти до мой*“ означало бы—*итти дорогою*, ведущей къ дому. Интересно приведенное у Миклошича (IV, 685) изъ Головацкаго (I, 23; II, 600) малорусское:

Ой выйду я на могилу,
Подивлюся у долину:
Долѡвъ, долѡвъ долинами
Їдутъ Турки съ Татарами...

Въ другомъ мѣстѣ у того же Головацкаго (III, 1. 7) отмѣченное выше *долѡвъ* замѣнено посредствомъ *доломъ*:

Доломъ, доломъ, долинами,
Идутъ Турки съ Татарами...

Тамъ же у Миклошича (IV, 684) приведены еще интересные примѣры: *гороѡж идѣта єіс тѣн ѡрєчїн ѡплѣдетє*; *отидоше до момъ domum abierunt*. Прол.—Вук., гдѣ *домомъ* вм. *домоць*, т.—е. **домоѡж*, какъ объ эгомъ была рѣчь выше. Интересно, что разсматриваемыя нарѣчїя соприкасаются съ

оборотами, гдѣ употребленъ мѣстный: окнѣ, иждоу възмо-
жемъ кнѣти qua ingredi poterimus (Миклош. IV. 684). Сло-
ва домой—дой, какъ нарѣчїя, по своему смыслу могли
и не вызывать представленїя творительнаго падежа, какъ это
случилось съ мѣстоименными нарѣчїями туда, куда, сю-
ды, смѣшивающимися съ туда, куда, сюда и требую-
щими послѣ себя отвѣта не только въ творительномъ, но и
винительномъ падежахъ (ср. Потебня: Изъ записокъ по
русской грамматикѣ. Харьковъ. 1888. Стр. 451).

Евфимій Карскій.

Варшава.
1894 г. іюнь.

Семень Сергѣевичъ Бобровъ.

(Историко-литературный очеркъ).

Семенъ Сергѣевичъ Бобровъ.

(Историко-литературный очеркъ.)

*«...въ Божьемъ мѣрѣ всему
есть свой часъ и свое мѣсто».*

Л. Майковъ.

Предлагаемая вниманию читателя статья есть не иное что, какъ параграфъ изъ будущей исторіи русской литературы въ царствованіе Александра I-го. Несмотря на появившіяся въ 1885—87 г.г. примѣчанія В. И. Саптова къ «Сочиненіямъ К. Н. Батюшкова», а равно и на изданіе въ 1891 году книги покойнаго профессора Порфирьева (Исторія русской словесности, ч. II, отдѣлъ 3), можно сказать, что разработка литературы за указанное царствованіе едва начата. Пока приходится производить подготовительныя работы, изучая сочиненія и собирая біографическія свѣдѣнія о писателяхъ, причисляемыхъ къ эпохѣ Александра Благословеннаго. Характеръ такой подготовительной работы носить и настоящая статья о Семенѣ Сергѣевичѣ Бобровѣ, вызвавшемъ въ свое время столь противорѣчивые отзывы. Сдѣлать очеркъ его жизни, рассмотреть въ связи съ нимъ наиболѣе извѣстныя его произведенія, разобраться въ противоположныхъ отзывахъ о его литературной дѣятельности, указать его настоящее мѣ-

сто, какъ писателя извѣстной эпохи,—вотъ скромная цѣль, преслѣдуемая авторомъ этой статьи¹⁾).

1) Краткія біографическія свѣдѣнія о Бобровѣ и его сочиненіяхъ можно найти въ слѣдующихъ книгахъ: 1) Греча «Опытъ краткой исторіи русской литературы». Спб. 1822 г., стр. 210; 2) Плюшара «Энциклопедическій словарь», Спб. 1836 г., ч. VI. стр. 137—138; 3) Евгенія «Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, соотечественниковъ и чужестранцевъ, писавшихъ въ Россіи», М. 1845 г., стр. 42—43, т. I; 4) Березина «Русскій энциклопедическій словарь», Спб. 1874 г., стр. 50, т. IV; 5) Геннади «Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, и списокъ русскихъ книгъ съ 1725 по 1825 г., Берлинъ, 1876 г., т. I, стр. 96; 6) Сочиненія К.Н. Батюшкова, Спб. 1885 г., т. II, 536—38 стр.

На основаніи указанныхъ источниковъ Боброву слѣдуетъ приписать слѣдующія сочиненія:

1) Ода адмиралу В. Я. Чичагову на отправленіе шведскаго флота, мая 2, 1790 г. Спб. 1790 г.

2) Побѣдная пѣснь славно-россійскихъ героевъ. Спб. 1794 г.

3) Таврида, или мой лѣтній день въ Таврическомъ Херсонесѣ; поэма въ стихахъ. Николаевъ, 1798 г.; вторично: Херсонида, картина лучшаго лѣтняго дня въ Херсонисѣ Таврическомъ. Спб. 1804 г.

4) Разсвѣтъ полночи, или созерцаніе славы, торжества и мудрости порфириноспыхъ, браноносныхъ и мирныхъ героевъ Россіи, съ послѣдованіемъ дидагическихъ, эротическихъ и другихъ разнаго рода опытовъ. 4 ч., Спб. 1804 г.

5) Древняя ночь вселенной, или странствующій слѣпецъ. Поэма въ стихахъ, 3 ч. Спб. 1807—1809 г.

6) Россы въ бурѣ, или Грозная ночь на Японскихъ водахъ Спб. 1807 г.

7) Пареніе вѣнценоснаго генія Россіи съ полуночныхъ предѣловъ Россіи къ западнымъ, 15 марта 1808 г. Спб. 1808 г.

8) Древній Россійскій Плаватель, или опытъ краткаго дѣписанія о прежнихъ морскихъ походахъ Россіянъ. Спб. 1812 г.

9) Переводъ 2-й и 3-й части Всеобщей исторіи мореходства (всего 7 ч. вышли 1801—1826 г.г.).

I.

О мѣстѣ и времени рожденія Семена Сергѣевича Боброва не имѣется точныхъ свѣдѣній. Съ большимъ вѣроятіемъ можно допустить, что онъ родился въ 60-хъ годахъ XVIII столѣтія. Ничего не извѣстно ни о средѣ, въ которой протекло его дѣтство, ни о томъ, гдѣ онъ получилъ начальное обученіе. Извѣстно только, что среднее образованіе онъ получилъ въ духовной семинаріи, а высшее въ Московскомъ университетѣ. Послѣдній, безъ сомнѣнія, имѣлъ рѣшающее значеніе въ жизни Боброва: здѣсь онъ выработалъ извѣстныя воззрѣнія литературныя и нравственныя, здѣсь положилъ начало основательному изученію древнихъ и новыхъ языковъ и ихъ литературъ, здѣсь же опредѣлилось и направленіе его послѣдующей дѣятельности.

Онъ проходилъ курсъ высшаго образованія въ то время, когда кураторомъ Московскаго университета былъ Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ (род. 1773 † 1807), обладавшій небольшимъ поэтическимъ талантомъ и глубоко любившій науку и просвѣщеніе. Къ тому времени, когда Бобровъ сдѣлался студентомъ университета, Херасковъ вступилъ уже въ число масоновъ, пригласилъ на кафедру извѣстнаго масона Шварца, сблизился съ виднымъ литературнымъ и общественнымъ дѣятелемъ Новиковымъ и принималъ участіе въ «Дружескомъ ученомъ обществѣ».

Попавъ въ такую среду, даровитый и впечатлительный студентъ Бобровъ не могъ остаться въ сторонѣ отъ того литературнаго и умственнаго движенія, которое исходило изъ Московскаго университета и «Дружескаго ученаго общества», равно какъ не могъ не подпасть вліянію и руководству Хераскова, этого «старосты російской литературы», въ совѣтамъ котораго прибѣгали всѣ современные ученые и литера-

Боброва, что онъ торы. И мы имѣемъ свидѣтельство самаго даровитымъ питом- пользовался, подобно многимъ другимъ руководителемъ и руководителемъ цамъ университета, покровительствомъ и руководствомъ Хераскова. Въ третьей части «Разсвѣта полночи» при сти- хотвореніи «Размышленіе о созданіи мира», почерпнутое изъ первой главы бытія,» находится такое примѣчаніе автора: «Сіе размышленіе издано было въ 784 году; теперь исправлено сно- ва. Это первое въ жизни произведеніе моей музы, и первая дорога къ Парнаксу, особенно показанная ей нынѣшнимъ ге- роємъ Россійской поэзіи М... М... Х...» (т. е. Мих. Мат- Херасковымъ).

Такимъ образомъ, первымъ руководителемъ Семена Сер- гѣевича на литературномъ поприщѣ явился Херасковъ, кото- рый, какъ извѣстно, придерживался ложно-классической тео- ріи и оставилъ во всѣхъ родахъ поэзіи множество произве- деній. Называя его своимъ руководителемъ, Бобровъ, несо- мнѣнно, хотѣлъ этимъ сказать, что при написаніи «Размышленія о созданіи мира» онъ слѣдовалъ мелкимъ лирическимъ или дидактическимъ стихотвореніямъ Хераскова съ характеромъ религиозно-нравственно-философскимъ.

Нельзя не замѣтить, что въ этомъ первомъ самостоятель- номъ произведеніи нашего поэта уже сказались нѣкоторыя характерныя черты его послѣдующей поэтической дѣятельно- сти—любовь къ религиозно-философскимъ и нравоучительнымъ темамъ и нѣкоторая напыщенность рѣчи. Начинается «Раз- мышленіе о созданіи міра» такимъ лирическимъ вступленіемъ:

«Отверзи тайну дверь, предвѣчность довременна!

Отверзи!—се душа восторгомъ упоенна

Воздвигнувшись съ того тѣлеснаго одра,

Гдѣ снится токмо ей волшебныхъ мечть игра,

Огнистыя свои крылѣ распространяетъ

И, какъ эфирный вихрь, внезапно возникаетъ

Въ страны предвѣчности невѣдомы умамъ,

Гдѣ свѣтъ—трилунный свѣтъ сіяль собою самъ,

Въ безмолвіи святомъ величество скрывая,

И блескъ божественный по безднѣ разливая.

Подобно молніи крылатой проникая

Подъ длинный рядъ вѣковъ, который въ мракѣ весь,

Отъ страшной протяженъ предвѣчности до днесь

Паду я въ Океанъ,—въ бездонномъ морѣ влаюсь,—

Ъ, —

»

я ис
«рас
(ца)
це с
стих

ги ед
инъ,
знае

»

но п
Мос

обрѣ
Шва
Нов
Ве

ыхъ

, Се

хъ и

овие

имъ

измѣ

Г, та

рмап

влія

писа:

деств

побу:

5 ли

мѣ т

мыс.

прос

кони

бров.

цвом

і прс

ческаго направленія, котораго приверженцемъ онъ оставался въ теченіе всей своей жизни. Вотъ, напримѣръ, какимъ туманнымъ предисловіемъ снабдилъ онъ третью часть «Разсвѣта полночи»: «Багрянороднымъ, Броненоснымъ и Миротворнымъ геніямъ страна Полночи обязана торжественнымъ свѣтомъ своимъ.—Лучи сея сѣверной денницы озаряютъ не воздухъ, но души. Они отражаются въ ихъ изліяніяхъ,—въ ихъ чувствованіяхъ,—въ ихъ чертахъ.—Соотчичь! ты здѣсь слышишь гласъ Меониды, озаренной симъ разсвѣтомъ, и конечно находишь въ слабомъ отсвѣчиваніи зари нѣкоторыя оттѣняющія пятна; но гдѣ пѣвица изнемогаетъ,—ты награди силы ея снисхожденіемъ,—усмѣшкою благосклонности».

Мелкія произведенія Боброва, наполняющія три части «Разсвѣта полночи», интересны еще и въ томъ отношеніи, что въ нихъ ярче всего сказался тотъ небольшой *лирическій* талантъ, какимъ несомнѣнно обладалъ онъ. Въ данномъ случаѣ нельзя не признать справедливымъ замѣчанія современнаго критика, что «Бобровъ въ I-й книжкѣ (разумѣется «Разсвѣта полночи») большею частію есть лирикъ.» Можемъ прибавить, что лирикомъ по преимуществу остается онъ и во всѣхъ своихъ не только мелкихъ, но и крупныхъ произведеніяхъ, при чемъ слѣдуетъ замѣтить, что не всегда лиризмъ его произведеній искрененъ. Въ большей части торжественныхъ или похвальныхъ стихотвореній лиризмъ его надуманъ и, согласно господствовавшей теоріи, облеченъ въ тяжслую, quasi-классическую одежду. Несмотря на это современные критики высоко ставили лиризмъ Боброва. «Я смѣло и не боясь никакой строгой цензуры (говоритъ одинъ изъ нихъ), могу сказать, что Г. Бобровъ въ лирическомъ стихотворствѣ послѣ двухъ Россійскихъ великихъ геніевъ, Ломоносова и Пѣвца Фелицы, изъ всѣхъ доселѣ извѣстныхъ Русскихъ пѣтцовъ занимаетъ первое мѣсто.» (Другъ юношества, 1810 г., июнь). Впрочемъ, другой критикъ указываетъ на то, что Бобровъ, какъ второстепенный талантъ, не вполне самостоятеленъ: «Смѣло можно сказать, что г. Бобровъ во многихъ произведеніяхъ своихъ имъ (т. е. Пиндару, Горацію, Ломоносову и Державину) повинуется; а во многихъ одной природѣ или своему Генію. Онъ идетъ по слѣдамъ, ежели есть они; прокладываетъ самъ себѣ стезю, если еще оной не было, и послѣднее чаще въ немъ замѣчается, нежели первое» (Сѣверный

Названныя выше три части его мелкихъ лирическихъ произведеній представляютъ много данныхъ, подтверждающихъ справедливость высказаннаго современною критикою мнѣнія.

Весьма часто Бобровъ самъ указываетъ источникъ своихъ стихотвореній, если же не указываетъ, то легко при чтеніи замѣтить, какъ онъ распространяетъ мысли, взятая у другихъ поэтовъ. Такъ, въ стихотвореніи «Торжественный день столѣтія отъ основанія града св. Петра. мая 16 дня. 1803 г.» (ч. I, 111—116 стр.)—поэтъ заставляетъ Неву произносить съ удивленіемъ слѣдующую рѣчь, которая напоминаетъ рѣчь той же рѣки въ одѣ Ломоносова, «На день восшествія на престоль императрицы Елизаветы Петровны (1747 г.):

«Какъ?—стѣны предо мною нынѣ?

Ужель въ стѣнахъ бѣгутъ струи?

Мнѣ кажется, въ иной долинѣ

Пустыни я вела край...

Доселѣ сосна, ель тѣнисты

Глядѣлися въ моихъ водахъ,

Досель тѣснились въ жидкій прахъ

Граниты стропотны, лѣсисты,

Гдѣ волчій взоръ въ дубравѣ рдѣлъ,

Какъ огонь въ зелену ночь горѣлъ...

Доселѣ, дебри гдѣ дремали,

Тамъ убранъ садъ, цвѣтеть Лицей;

Гдѣ мертвенны утесы спали,

Тамъ, изъ могилы вставъ своей,

Скудели въ зданіяхъ багрѣютъ;

Гдѣ иль тонулъ подъ сѣрымъ мхомъ,

Тамъ прынулъ водометъ серебромъ,

Тамъ куполы въ огнѣ краснѣютъ,

Тамъ стогны въ мрачну даль идутъ,

Или стражницы твердь сбѣгутъ...»

Нельзя не замѣтить изъ предыдущаго отрывка, что стихи Боброва, уступая въ легкости, звучности и плавности ломоносовскимъ, отражаютъ дѣйствительность больше, чѣмъ послѣдніе. Въ этомъ случаѣ нашъ поэтъ, вѣроятно, шелъ по стопамъ «пѣвца Фелицы.»

«Что касается предметовъ пѣснопѣнія, то и въ этомъ отношеніи Бобровъ сходился съ названными двумя лучшими

поэтами XVIII-го вѣка. Подобно Ломоносову и Державину, онъ благовѣль передъ именами Петра Великаго, Елизаветы Петровны и Екатерины Второй. Такъ, въ заключительныхъ стихахъ названной выше пьесы на день столѣтія Петербурга онъ высказываетъ такой глубокой взглядъ на дѣятельность Преобразователя:

«Но, о премудрый основатель!

Однихъ ли сихъ творецъ ты стѣпъ, (т. е. Петербурга)?

Однихъ ли сихъ чудесъ ты здатель?

Народъ тобою сотворенъ;

Народъ-трофей въ трофеяхъ главный!

А ты—Россіи всей творецъ...»

Подобно Ломоносову, нашъ поэтъ любитъ науку, посвященіе и сильно воодушевляется ими (См. стихотв. «Покровителю и любителю Россійской словесности Г. М...ву, I ч., 104 стр.). Впрочемъ, такое совпаденіе въ предметахъ поэтического вдохновенія едва ли слѣдуетъ исключительно объяснять тѣмъ, что Бобровъ подражалъ Ломоносову и Державину.. Многие надо отнести на долю господствовавшихъ въ тогдашнемъ обществѣ идей и возрѣній, среди которыхъ росли какъ первоклассные, такъ и второстепенные писатели.

Изъ всѣхъ небольшихъ стихотвореній «Разсвѣта полночи» наиболѣе удачными надо признать религіозныя пьесы, между которыми первое мѣсто занимаютъ переложенія псалмовъ. По собственному заявленію, онъ перелагалъ псалмы «съ разныхъ иноязычныхъ лучшихъ переводовъ». Что бы видѣть, какъ онъ самостоятеленъ при переложеніи псалмовъ, приводимъ здѣсь параллельно переложеніе перваго псалма его и Ломоносова:

Б О Б Р О В Ъ:

Блаженъ, кто къ сонмамъ нечестивыхъ

Не идетъ въ гибельный совѣтъ,

Гнушается путей строптивыхъ

И злохулительныхъ бесѣдъ.

Его лишь волю услаждаетъ

Единъ божественный законъ;

Онъ мысли всѣ въ законъ вперяетъ,

Отмеща днемъ и ночью сонъ.

Онъ яко древо посажденно

При токахъ среброструйныхъ водъ,
Блюдетъ зракъ свѣжій неизмѣнно,
Даетъ во время тучный плодъ.
Но грѣшнымъ сонмы печестивы
Ничто—какъ токмо легкій прахъ,
Что возметая вихрь бурливый
Въ верхъ мчать, вертеть, крутить въ зыбяхъ.
И такъ въ день судный посрамится
Смятенный нечестивыхъ духъ,
И беззаконникъ—невключится
Въ свѣтлый праведниковъ кругъ.
Господь нашъ токмо презираетъ
На правыя стези благихъ,
И въ страшномъ гнѣвѣ погубляетъ
Стопы строптивы токмо злыхъ.

(ч. 3, стр. 58).

Л О М О Н О С О В Ъ:

Блаженъ, кто къ злымъ въ совѣтъ не ходитъ,
Не хочетъ грѣшнымъ въ слѣдъ ступать
И съ тѣмъ, кто въ пагубу приводитъ,
Въ согласныхъ мысляхъ засѣдать.
Но волю токмо подвергаетъ
Закону Божію во всемъ,
И сердцемъ оный наблюдаетъ
Во всемъ теченіи своемъ.
Какъ древо онъ распространится,
Что близъ текущихъ водъ растеть,
Плодомъ своимъ обогатится,
И листъ его не упадетъ.
Онъ узритъ слѣдствія поспѣшны
Въ незлобивыхъ своихъ дѣлахъ;
Но пагубой смятутся грѣшны,
Какъ вихремъ восхищенный прахъ.
И такъ злодѣи не возстанутъ
Предъ Вышняго Творца на судъ;
И праведные воспомянутъ
Въ своемъ соборѣ ихъ отнюдь.
Господь на праведныхъ взираетъ,
И ихъ въ пути своемъ хранить;

Отъ грѣшнихъ взоръ свой отвращаетъ,
И злобный путь ихъ погубить.
(Соч. Ломоносова, 1891, I т., 295—96)

А вотъ славянскій текстъ псалма, которымъ пользовались оба писателя: «Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ, и на пути грѣшныхъ не ста, и на сѣдалищи губителей не сѣде.

Но въ законѣ Господни воля его, и въ законѣ его почитя день и ночь.

И будетъ яко древо, насажденное при исходящихъ водъ, еже плодъ свой дастъ во время свое, и листъ его не упадетъ, и вся, елика аще творить, успѣетъ.

Не тако нечестивіи, не тако, но яко прахъ, егоже возметае вътеръ отъ лица земли.

Сего ради не воскреснутъ нечестивіи на судъ, ниже грѣшници въ совѣтъ праведныхъ.

Яко вѣсть Господь путь праведныхъ, и путь нечестивыхъ погибнетъ.»

Сравненіе съ текстомъ показываетъ, что переложеніе Боброва уступаетъ переложенію Ломоносова не только въ близости къ подлиннику, но и въ соблюденіи точнаго смысла его, не говоря ужъ о разности въ языкѣ переложеній.

Переходя къ эротическимъ стихотвореніямъ, необходимо замѣтить, что тяжелый, полный славянизмовъ языкъ Боброва совершенно не созданъ былъ для выраженія обыкновенныхъ человѣческихъ чувствъ. Какъ, напримѣръ, странно звучитъ въ стихотвореніи «Отеческій поцѣлуй Сашѣ въ отсутствіи» (ч. 3., 146 стр.) слѣдующая строфа:

«Межъ тѣмъ и въ свѣтѣ сей зари
Теперь ты имъ (т. е. дѣду, бабѣ и теткѣ) благодари
Хотя улыбкою, хоть лобзаньемъ,
Или пріятнымъ лепетаньемъ!—
Твоя усмѣшка, нѣжный взоръ,
Твое простое нѣмтованье,
Твое невинно цѣлованье
Замѣнять красный разговоръ.
А какъ ты выростешь и будешь
Въ раскрытомъ цвѣтѣ полныхъ чувствъ:
Тогда ты вѣрно не забудешь
Воздать имъ всѣмъ,—но безъ искуствъ,

Чѣмъ ты обязана имъ стала
Въ часы златые юныхъ лѣтъ,
Какъ бабка внучку обнимала,
Ласкали тетки, нянчили дѣдъ.»

Нѣсколько удачнѣе, въ смыслѣ легкой поэзіи, пьеса «Къ женившемуся въ зимѣ лѣтъ своихъ Сѣдопѣгу на веснолѣтней дѣвицѣ вскорѣ послѣ Пасхи» (ч. 3, 156 стр.). Это стихотвореніе написано болѣе легкимъ стихомъ, игриво и не безъ ироніи: изобразивъ наступленіе весны, авторъ продолжаетъ:

«О любовь!—ты разтопляешь
Въ старикѣ замерлой духъ,
И какъ капли съединяешь,
Старика съ дѣвицей вдругъ;
Онъ какъ Зефиръ вылетаетъ,
И по Флорѣ въздыхаетъ.

Разправляются морщины;
Зрится живость во очахъ;
Блещутъ серебряны сѣдины,
И усмѣшки на щекахъ.

Удалися, старость хладна!
Ты въ сіи часы досадна.

Поднялись навислы брови,
Поднялись уже дугой,
Означая въ черной крови
Рѣзвѣ радость и покой.

Старо сердце холодѣетъ;
Но краса невѣсты грѣетъ.

Сивы волосы надъ окомъ,
Какъ усы, ужъ не висятъ;
Лишь сѣдины нѣкимъ блокомъ
Изъ ноздрей во тьмѣ глядятъ.

Тщетна тутъ щипцамъ работа:
Выростутъ,—опять забота...»

Заканчивая разсмотрѣніе пьесъ, вошедшихъ въ три части «Разсвѣта полночи,» мы должны замѣтить, что въ нихъ сказались еще двѣ особенности Боброва, какъ писателя. Объ одной изъ этихъ особенностей уже современная критика, весьма благосклонная къ поэту, говорила въ такихъ выраженіяхъ: «въ сей одѣ (т. е. въ одѣ» «Вечернее созерцаніе гробницы Екатерины II») встрѣчаются прекрасныя повосоставленныя

слова; иногда творческой талант поэта живописца чувствуется недостатокъ въ языкѣ, какъ онъ ни обилень; и потому самъ изобрѣтаетъ слова. Напримѣръ, поэтъ называетъ моря *корonosными* (по караблямъ), море называетъ *вробомъ водосланымъ* отъ соленой воды; *кровомячное лице*, *свѣтолучный* и пр. Такъ составлялъ слова Пиндаръ, Омръ! Правда, иногда поэтъ вольность сію простираетъ до излишества, и вмѣсто высокихъ словъ дѣлаетъ *шлантическія*, какъ напримѣръ: когда говорить: «въ одеждѣ скорби *слезошвенной*», или музы «въ плачѣ *растопленны*». (Другъ юношества, 1810 г., іюнь, стр. 39). Страсть составлять длинные эпитеты-характерная черта нашего поэта, и мы думаемъ, что выраженіе «*корonosный моря*» стольже «*шлантическое*», какъ и выраженіе «*слезошвенная одежда*».

Другая особенность—темнота многихъ выраженій, напримѣръ:

Тамъ рядъ вѣвовъ лежитъ особый,

На низъ планетъ вліянья нтъ.

Наконецъ, нельзя не замѣтить, перечитывая подъ рядъ мелкихъ стихотверенія, что поэтъ часто повторяетъ въ разныхъ пьесахъ одни и тѣ же стихи.

Несмотря, однако, на всѣ указанная отрицательныя качества поэзіи Боброва, онъ обратилъ на себя вниманіе своими стихотвереніями, потому что въ нихъ замѣтно присутствіе несомнѣннаго, хотя и небольшого таланта; видно живое и сильное воображеніе, сказывается подчасъ искреннее чувство, наконецъ чувствуется оригинальность въ особомъ изображеніи предметовъ, воспѣтыхъ такими поэтами, каковы были Ломоносовъ и Державинъ. Мало того, тѣ неудобовразумительныя, неблагозвучныя и многосложныя слова, которыя теперь неволью вызываютъ улыбку, въ свое время, когда шли оживленные толки «о вычищеніи и обогащеніи» русскаго литературнаго языка,—эти самыя слова должны были привлекать вниманіе людей образованныхъ на стихотверенія Боброва и выгодно выдѣлять его изъ толпы многочисленныхъ современныхъ шитовъ, о которыхъ Костровъ сказалъ:

«Иной летитъ на верхъ и бредитъ по—славянски,

Другой ползетъ внизу и шутитъ по—крестьянски,

И думаютъ они сравнятся съ тобой (т. е. Державинымъ),

Забывъ, что ихъ стихи лишь только звонъ пустой.

Выступивъ на литературное поприще въ такое время, когда литература не считалась дѣломъ серьезнымъ, а лишь приятнымъ занятіемъ въ часы досуга, Бобровъ не могъ поставить цѣлью своей жизни—писательство. Какъ и многіе другіе поэты того вѣка болѣе его даровитые (Ломоносовъ, Державинъ, Фонвизинъ и др.), онъ, по выходѣ изъ университета, поступилъ на службу. Служебная карьера его не была разнообразна и особенно блестяща. Съ 1785. года онъ началъ службу при Сенатѣ у Герольдмейстерскихъ дѣлъ; а съ 1792 или 1793 года перешелъ на службу въ Морское вѣдомство и не оставлялъ его до самой смерти. Въ царствованіе императора Павла Петровича, по распоряженію высшаго начальства, онъ былъ командированъ въ Черноморскіе порты. Проживая долго здѣсь, онъ посѣтилъ Крымъ и, очарованный величественными красотами тамошней природы, передалъ вынесенныя впечатлѣнія въ большой описательной поэмѣ, носящей два заглавія: въ первомъ изданіи (Николаевъ, 1798 г.)—«Таврида или мой лѣтній день въ Таврическомъ Херсонесѣ», а во второмъ (Спб. 1804 г.; ч. 4-ая «Разсвѣта полночи») — «Херсонида или картина лучшаго лѣтняго дня въ Херсонесѣ Таврическомъ».

Эта поэма прервала то продолжительное молчаніе музы Боброва, о которомъ говоритъ критикъ «Друга юношества».

Во второмъ изданіи она посвящена императору Александру Павловичу, къ которому поэтъ дѣлаетъ такое обращеніе:

Монархъ!

Живѣйшимъ солнцемъ озаренна
Страна Престола Твоего,—
Благоцвѣтуща—оживленна
Вліяньемъ неба своего,
Прекрасна въ ужасахъ Таврида,
Гдѣ чада славились Атрида,
Гдѣ предокъ твой увидѣлъ свѣтъ,—
Должна ли въ сей дышать картинѣ,
Какъ въ лонѣ естества цвѣтеть?
Монархъ!—и слабый образъ нынѣ
И дивный подлинникъ его
Ждутъ тогмо взора твоего...» (1 стр.).

Вслѣдъ за этимъ обращеніемъ идутъ «Предварительныя мысли», которыя начинчются такимъ заявленіемъ: «Вотъ нѣкоторое изображеніе Херсонеса—въ лучшей лѣтній день!—и туда лучъ *разсвѣта полночи* недавно проникнулъ. и воззвалъ его изъ мрачности...» Далѣе поэтъ говоритъ нѣсколько словъ по поводу бѣлыхъ стиховъ, которыми написана его поэма. Допустивъ таковую особенность въ поэмѣ, онъ слѣдовалъ Шекспиру, Мильтону, Юнгу и др. поэтамъ, писавшимъ безъ рима, безъ этого «готическаго убора стиховъ». Совершенно справедливо его замѣчаніе о римахъ: «Но есть ли кто изъ стихотворцовъ, хотя нѣсколько любомудрствующихъ, чувствуетъ ту великую тяжесть, что ради рима, особливо при растяжности словъ, всегда должно понизить, или ослабить лучшую мысль и сильнѣйшую картину, и вмѣсто отживленія, такъ сказать, умертвить оную: тотъ вѣрно со мною согласится, что рима, часто служа будто нѣкоторымъ отводомъ прекраснѣйшихъ чувствованій и изящнѣйшихъ мыслей, почти всегда убиваетъ душу сочиненія».

Кромѣ допущенія бѣлыхъ стиховъ, еще одно отступленіе сдѣлалъ Бобровъ въ стихѣ поэмы. Вмѣсто обычнаго дактило-хорическаго размѣра онъ избралъ четырехстопный ямбъ, имѣя «то намѣреніе, дабы испытать родъ моего пѣснотворенія на четырехъ стопахъ и купно облегчить себя отъ наемныхъ узъ, и тѣмъ лучше привести въ ощутительность мѣру сего, такъ сказать, едва не прозаическаго стопостремленія».

Не менѣе оригинальнымъ старался быть онъ и въ языкѣ своей поэмы. Онъ составилъ вновь «многія рченія» на томъ основаніи, что «если многимъ, особливо неизвѣстнымъ вещамъ, не дать новаго и особаго имени, то нельзя и различить ихъ съ другими въ свѣтѣ... Притомъ же обыкновенныя, слабыя и ветхія имена, кажется, не придали бы слову той силы и крѣпости, каковую свѣжія, смѣлыя и какъ-бы съ патріотическимъ стараніемъ изобрѣтенныя имена». Особенно неизвинительно брать чужія слова (рельефъ, барельефъ, мораль, натура и др.) и странный переводъ чужихъ реченій русскому языку при его достаткѣ и силѣ. Указывая на англичанъ, которые стараются переродить въ собственное каждое чужое слово, авторъ упрекаетъ русскихъ за то, что мы «не уважаемъ себя и не жалѣемъ еще быть учениками, или сами не хотимъ сбросить повязки съ глазъ своихъ, чтобъ учиться мастерами. Кстати при семъ можно упомянуть, что

мы, преоблегши... самое богатство древней нашей словесности..., не перестаемъ по сію пору пресмыкаться въ притворѣ искусства, и никогда не растворяя собственныхъ красокъ, пишемъ чужою кистію, и даже съ надмѣнною нѣкоею радостію и жадностію хватаемъ чужія слова...»

Измѣнивъ при второмъ изданіи заглавіе поэмы, онъ такъ объясняетъ свой поступокъ: «Что касается до нынѣшней переимѣны названія книги: то я для того сдѣлалъ оную, что прежде данное имя ей, *Таврида*, нѣкоторымъ образомъ смѣшивало понятіе какъ о пѣснотвореніи, такъ и о самомъ полуостровѣ; ибо имена Таврида и Таврія, употребляемая иногда, какъ одно и то же, означаютъ полуостровъ; слѣдовательно здѣсь слово: *Таврида* не можетъ уже не произвести нѣкоторой сбивчивости въ понятіяхъ, сей-то ради причины я превратилъ Тавриду въ Херсониду, тѣмъ болѣе, что и *Иліада* не значить страну *Иліонскую*, но пѣснь объ оной».

Наконецъ въ особомъ отдѣлѣ, подъ заглавіемъ «Къ единственному другу природы», указывается предметъ поэмы «Херсонидъ», котораго никто еще не воспѣвалъ, и указывается подробное содержаніе ея.

Бся поэма состоитъ изъ восьми пѣсней и заключенія. Для ознакомленія съ нею, предлагаемъ краткое содержаніе ея по пѣснямъ. Первая пѣсня начинается описаніемъ утра. При восходѣ солнца поэтъ замѣчаетъ идущихъ въ Мекку и Медину путниковъ; среди нихъ находится Омаръ съ питомцемъ, разсуждающій о смерти. Далѣе идетъ описаніе Соляннхъ озеръ съ ихъ растительностію, картина горъ съ птицами ихъ населяющими. Въ заключеніе авторъ поднимается на Чатырдагъ, съ котораго и будетъ разсматривать окрестности.

Взойдя на Чатырдагъ, поэтъ обращается къ Творцу съ прославленіемъ Его славы и Величества, которыя проявляютъ себя въ огромныхъ скалахъ. Въ дальнѣйшемъ содержаніи этой пѣсни дается описаніе звѣрей, птицъ, растеній, перемѣнъ воздуха въ горахъ, рѣкъ, источниковъ, водопада Аквар-су.

Описаніемъ Судацкой долины или аѳинейскихъ садовъ начинается третья пѣсня.

Перечисливъ различные виды деревьевъ, цвѣтовъ и виноградъ, онъ обращается къ русскимъ красавицамъ и высказываетъ желаніе, чтобы ихъ красы оживили эти восхитительныя мѣста. Коснувшись сельской мирной жизни, онъ хва-

лить трудолюбіе и одного изъ русскихъ трудолюбцевъ за хозяйственную дѣятельность въ этомъ дикомъ краю.

Въ четвертой пѣснѣ изображается полуденный зной. Авторъ ищетъ прохлады въ пещерахъ Ингермана, гдѣ находятъ множество человѣческихъ костей. Видъ послѣднихъ навелъ автора на грустныя размышленія, и сладостная унылость разлилась въ его меланхолическойдушѣ. Его размышленія прерываетъ звонъ гитары. Онъ встрѣчается съ двумя Кадизателями (родъ стойковъ среди магометанъ), которые поселились въ горахъ и сдѣлались пастухами. На ихъ пѣсни приходитъ Омаръ съ питомцемъ. Этотъ-то шерифъ и рассказываетъ поэту сперва свое прошлое, а затѣмъ и прошлое Херсониды. Разсказъ о прошломъ послѣдней начинается съ самыхъ отдаленныхъ временъ, когда Чатырдагъ былъ только островомъ; дѣйствіе вулканическихъ силъ преобразило мѣстность.

Въ пятой пѣснѣ шерифъ рассказываетъ о заселеніи полуострова Скивами, Греками и Генуэзцами, о томъ, какъ нѣкогда здѣсь боготворили Діану, въ храмѣ которой была жрицей Ифигенія, убѣжавшая съ Орестомъ и Пиладомъ. Затѣмъ на островѣ появляются монголы причинившіе жителямъ много горя; монголовъ смѣнили русскіе. Авторъ желаетъ Россіи счастья и надѣется, что она распространитъ среди настоящихъ и будущихъ обитателей полуострова просвѣщеніе.

Въ слѣдующей пѣснѣ изображается гроза, разразившаяся надъ Таврическими горами. Печальны слѣдствія ея: хлѣба на пашняхъ повалены, земледѣльцы плачутъ. Волненіе моря и ревъ его волнъ. Но вотъ гроза стихаетъ: появляется радуга, и природа обновилась. Татарская княжна Цульма идетъ купаться и тоскуетъ въ ожиданіи любезнаго Селима, молодого татарскаго мурзы. Въ заключеніи пѣсни описывается наступленіе вечера.

При наступленіи вечера, авторъ спускается въ татарскую деревню, гдѣ бесѣдуютъ поселяне. Среди нихъ онъ узнаетъ шерифа Омара, который рассказываетъ о видѣнномъ въ Мекеѣ и совѣтуетъ своему питомцу Селиму поспѣшить сочетаться съ Цульмою. Веселье и радость свадьбы омрачаются смертью Омара. (7. п.).

При наступленіи сумерекъ, авторъ вызываетъ тѣни хановъ. Затѣмъ изображаетъ сильный вѣтеръ съ моря, ловлю рыбы осенью и весною и пѣніе соловья. Когда все спитъ

(говорить онъ), не спать только двѣ печали—печаль сострадающихъ сердецъ и печаль завистливыхъ сердецъ. Авторъ просить Небо, чтобъ уснули эти печали, чтобъ не спала одна премудрость. Подъ конецъ восьмой пѣсни поэтъ предается размышленію о ничтожествѣ жизни человѣческой передъ Богомъ.

Заключается вся поэма «Имномъ Царю царствующихъ». Поэтъ, обозрѣвъ судьбу Крыма—Херсонеса, просить Бога, чтобы не было ужъ больше войнъ на этомъ полуостровѣ:

«Благоволи, да Ангель мира
Надъ каждымъ здѣсь холмомъ парить,
И свѣтомъ озаря ээира,
На здѣшнихъ долахъ водворить
Съ блаженствомъ тишину любезну!...
Да ключъ богатой лихвы—трудъ,
На плугъ облекшись изкривленный,
Влечетъ бразды нивъ углубленный...
Но паче здѣсь, Царь силъ небесныхъ,
Владычество возобнови
Сіона дщерей благовѣстныхъ,
Надежды, Вѣры и Любви,
Да *Истима*, какъ солнце вѣчно,
Среди блаженной сей страны
Стоить незыблемо, безопасно
На сгибѣ суетной луны!...
Да Херсонисъ въ святомъ восторгѣ
Въ вѣкъ славословить и поетъ
Твое въ немъ имя, какъ въ чертогѣ,—
Доколѣ Россамъ лавръ цвѣтеть».

Нѣкоторые изъ современныхъ критиковъ-панегиристовъ высококо ставили это первое большое произведеніе Боброва. Такъ, одинъ изъ нихъ говорилъ о поэмѣ: «Это есть единственное на Россійскомъ языкѣ твореніе, которому подобныя въ семь родѣ на иностранныхъ языкахъ есть; но усумнюсь, чтобы были такія, которыхъ бы оно было ниже. Здѣсь Г. Бобровъ въ продолженіе прекраснаго лѣтняго дня, начиная съ самаго ранняго утра до поздней ночи, обозрѣваетъ Таврической Херсонисъ, и его произведенія, природу, красоты и исторію описываетъ стихотворнымъ перомъ, ему только свойственнымъ. Какая вездѣ поэзія! какая живопись! какое глу-

божое вниманіе во всѣмъ малѣйшимъ отгѣнкамъ природы! Все сіе украшаютъ нравственныя кстаті разсужденія и высокія въ творцу чувствованія. Поэма сія писана бѣлыми стихами; но, читая ее, увѣришься, что рѣзма не составляетъ истинной красоты и существа поэзіи. («Другъ юношества, 1810 г., іюнь»). Но тотъ же критикъ не скрываетъ, что поэма, несмотря на указанныя имъ достоинства, долго не обращала на себя вниманія читающей публики. Вотъ его слова: «Великолѣпная и богатая Таврида, въ которой онъ имѣлъ случай жить нѣсколько лѣтъ, воскресила его (т. е. Боброва, долго молчавшаго послѣ первыхъ лирическихъ произведеній) музу, чтобы волшебною ея силою воспользоваться къ отпечатанію прелестей своихъ въ ея пѣснопѣніи. Не смотря однакожь на все величество Гимна сего, воспѣтаго природѣ въ странѣ, мало еще понимающей языкъ боговъ, долго онъ не обращалъ на себя вниманія въ столицахъ...» (ibid, іюль, 32 стр.).

Не удивительно, если современная читающая публика холодно отнеслась къ этому единственному въ своемъ родѣ произведенію. Начать съ того, что въ цѣломъ оно—растянуто. При всемъ глубокомъ вниманіи автора къ малѣйшимъ отгѣнкамъ крымской природы, его описанія подчасъ мелочны, состоятъ изъ простой номенклатуры растений и животныхъ полуострова, сухи и лишены поэзіи, напоминая собою скорѣе страницу учебника по естествовѣдѣнію. Вотъ одинъ образецъ такихъ, къ сожалѣнію, часто попадающихся въ поэмѣ описаній:

... «Ты видишь здѣсь подъ небомъ рощи;
 Тамъ на *Яильскихъ* высотахъ
 Дубравы при струяхъ Салгира
 Широки листья потрясають;
 Здѣсь бѣло-тѣлая грабина,
 Пахуча липа, гибка верба
 Струятъ лечебное куренье;
 А тамъ широко-ствольны *буки*
 И *вязы* съ важностью стоящи
 Спускаются къ подошвѣ ниже...
 Въ тѣни ихъ былія цѣлебны,
*Проломникъ*¹, *черный сладо-корень*²
Серебряникъ, наперсникъ камней,
 Горящій *звѣздо-цвѣтъ*³, *подальски*⁴

Лелѣются въ роскошныхъ ложахъ;
 Здѣсь съ бѣлымъ *буквица*⁵ листомъ,
 Избравъ проталину въ снѣгахъ,
 И ранѣ всѣхъ растений зрѣя,
 Всегда предшествуетъ веснѣ;
 А тамъ густыи *много-головник*⁶,
 Выставлявая изъ ущелій
 Свои головки красно-цвѣтны,
 Вѣнчаютъ камеппо чело.—
 Тамъ *денежник*⁷, уединясь,
 Растетъ съ *соколыми* перелетомъ...
 Здѣсь подъ пустыми тѣньми дровъ
 Въ утесы *барсук*⁸ полосаты
 Тяжелый шагъ свой папргаетъ.
 Ему служила темна ночь
 Для похищенія добычъ;
 Но яркій свѣтъ его вгоняетъ
 Въ разсѣлины глубоки горь.
 Тамъ дики кони вѣтро-ноги
 Или сайгаки криво-роги⁹,
 Столь нѣжны къ вольности своей,
 Рыстають то по крутизнамъ,
 То мчатся по пустымъ степямъ...
 Смотри! какъ тамо величавый¹⁰
 Орелъ залетный бѣлоглавыи,
 Крутыхъ вершинъ Альпійскихъ сынъ,
 Подъемлясь съ тяжелой вѣтви дуба,
 Взоръ быстрый къ солнцу простираетъ!
 Зри!—тамъ другой сребристо-перый¹¹,
 Египетскій пришлецъ и гость,
 Главу подьземлетъ желто-кожну
 И бурими звучать крылами!... (п. II, 43 стр.).

1) *Androface villosa*; 2) *Palypodium vulgare*; 3) *Aster Alpinus*; 4) *Violette*; 5) *Prime-vere*; 6) *Asplenium trichomanoides*; 7) *Thlapsi saxatile*; 8) *Blereau*: сихъ звѣрей число тамъ не велико; 9) *Antilope*, или *Hircus recurvis cornibus*; 10) *Vantour des Alpes*; 11) *Le perinopter*. (примѣч. и курсивъ Боброва).

Утомительности поэмы много способствуют также не рѣдкія разсужденія съ оттѣнками сентиментальнымъ и мистическимъ. Какъ напоминаетъ Жуковскаго, напримѣръ, слѣдующее размышленіе въ четвертой пѣснѣ:

«Увы! ни дружеска слеза,
Ниже дѣвическіе вздохи
Его не проводили въ гробъ;
Ни позлащенная рѣзба,
Ни надпись здѣсь не вопіетъ
О имени,—о дняхъ его.—
Онъ спитъ невѣдомъ;—что въ томъ нужды?
Его блаженство некрадомо—
Но кто бы тутъ ни опочилъ;
Ужъ ранняя птица никогда
Не будетъ пробуждать его
Отъ каменистаго одра;
Ни утро глазъ не освѣжить;
Ни вечеряющее солнце
Не вызоветъ его изъ мрака
Подъ тиху тѣнь смоковицъ тучныхъ
Сидѣтъ на свѣжемъ маеранѣ...»

Дальше авторъ упоминаетъ даже излюбленное романтиками слово «меланхолическій» и, такимъ образомъ, на нѣсколько лѣтъ предупреждаетъ «Сельское владѣнше» Жуковскаго.

А вотъ для образца масоно-мистическое разсужденіе изъ 7-ой пѣсни, гдѣ жизнь человѣческая сравнивается съ теченіемъ дна:

«Что наша жизнь?—мелькнувшій день;
О сколь тиха заря дней юныхъ;
Въ семь утреннемъ сумракѣ зримъ
Предметы токмо въ половину.—
Но внутренняя *раздражимость*¹
Уже пріемлетъ царство въ сердцѣ.
Она каналъ есть легкой жизни;
Она теченьемъ правитъ соковъ;
Она, какъ Божіе дыханье,

¹) Irritabilitas, Reiz, дражимость, или раздражимость (прям. Боброва).

Съвозъ цѣлый путь сей жизни вѣтъ;
А какъ? все то тогда сокрыто.—
Что чувствуемъ, того не знаемъ,
Послѣ,—какъ утреннія птицы,
Не зная радости причины,
Играемъ, какъ молодые агнцы,
На шелкову идущи пажить,
Не зная, встрѣтится ли волкъ?
Слезимся, какъ роса воздушна,
Что лишь напышится:—изчезнетъ.
Ни шумна страсть, ни тихій разумъ
Листковъ своихъ не развиваютъ,
И кроютъ ихъ еще въ пухетѣ.—
Увы!—гдѣ дни сіи блажены?
Какъ сонъ минулы; а невинность...
Повязка съ скромныхъ глазъ спадеть,
И въ чувствіяхъ разсвѣтъ бѣлѣтъ...»

Приведенные изъ поэмы отрывки ясно показывают и языкъ произведенія Боброва, хотя и оригинальный сильно привлекать къ себѣ читающую публику.

Вообще необходимо замѣтить, что въ этомъ большомъ произведеніи нашего писателя поэзіи мало. Корысть, которую при случайномъ обзорѣ сей страны взоры мои нѣкогда приобрѣли, память соблюденіе дополнило, а особенный нѣкій духъ назидательный и учреждающій — говоритъ самъ авторъ о своемъ и тѣмъ самымъ даетъ намъ понять, что «Херсонидское веденіе надуманое; что она — плодъ добросовѣстнаго знакомящаго съ природою Таврическаго полонно не плодъ свободнаго вдохновенія. Зато въ доводственныхъ прозаическихъ разсужденіяхъ, предваряющихъ замѣтны и умъ и знанія автора. Нельзя по согласію, когда онъ говоритъ о стѣснительности речей, ходимости писать болѣе чистымъ русскимъ языкомъ. Болѣе удивительнаго для того времени представляется необходимости быть самостоятельными въ искусствѣ. Вслучаѣ Боброва нужно причислить къ однимъ изъ поборниковъ русской самобытности; но въ то же время словъ его нельзя не видѣть, какъ далеки были речевыя желательной самостоятельности въ искусствѣ. Тотъ же

какъ сынъ своего времени, ратуетъ за самостоятельность *исключительно* въ языкѣ, не замѣчая, что поэзія не заключается въ однихъ только словахъ, въ одной только формѣ. Вотъ почему, ратуя за самостоятельность въ искусствѣ, онъ самъ въ «Херсонидѣ» подражаетъ «мудрому пѣвцу ночей священныхъ Юнгу».

Кромѣ Юнга, авторъ поэмы основательно знакомъ съ такими западными писателями, какъ Шекспиръ, Мильтонъ и мн. др., начитанъ въ нравственно-философскихъ книгахъ; но всего этого, къ сожалѣнію, мало, чтобъ написать истинно-поэтическое произведеніе да еще эпическое, когда въ наличности было скромное лирическое дарованіе. Въ виду сказаннаго, лучшими мѣстами въ поэмѣ надо считать такія, напримѣръ, какъ «Имнѣ Царю царствующихъ», гдѣ поэтъ былъ въ своей сферѣ.

Наконецъ, въ историческомъ отношеніи «Таврида» можетъ имѣть значеніе, какъ самая ранняя въ нашей литературѣ попытка изобразить природу Крыма въ стихахъ; а языкъ ея можетъ заинтересовать ботаниковъ и зоологовъ и указать имъ путь, которымъ можно освободиться отъ иностранныхъ названій въ этихъ отрасляхъ естествознанія.

III.

По истеченіи срока командировки въ Черноморскіе порты, Семень Сергѣевичъ возвратился въ Петербургъ и продолжалъ службу въ Морскомъ вѣдомствѣ, при чемъ состоялъ переводчикомъ при адмиралтейскомъ департаментѣ, а съ 1804 года—и при комиссіи о составленіи законовъ.

Въ свободное отъ служебныхъ занятій время онъ продолжалъ заниматься литературою и написалъ нѣсколько оригинальныхъ и переводныхъ сочиненій. Такъ, въ званіи переводчика по Морскому вѣдомству, онъ предпринялъ окончить начатый Черкасовымъ переводъ съ французскаго «Всеобщей исторіи мореходства.» Въ этомъ сочиненіи излагается исторія возникновенія и постепеннаго развитія мореплаванія у древнихъ и новыхъ народовъ. Бобровъ успѣлъ перевести вторую и третью части этого сочиненія, которое въ полномъ видѣ (всего семь частей) издано между 1801—1826 г.г.

Кромѣ того, заботясь о распространеніи знаній, приятныхъ и полезныхъ для всякаго русскаго и особенно для

домъ самаго легкаго и отдаленнаго индѣ покушенія на оба сіи образца».

Въ этомъ же предисловіи онъ объясняетъ, что «не суетность, или высокоуміе какое, но единое исканіе общей пользы, единое сердечное внушеніе, единая любовь къ истинѣ— были побудительною виною сего силамъ моимъ соразмѣрнаго творенія. Главнѣйшій и вожделеннѣйшій предметъ онаго есть цѣль души человѣческой, истина ея безсмертія, о которой столь много, вѣжеться, говорятъ и столь мало размышляютъ, но которая столь необходима и спасительна для всякаго мыслящаго существа.»

Подобно «Херсонидѣ,» и эта поэма написана бѣлыми стихами, что побуждаетъ автора сказать нѣсколько словъ и по этому поводу: «Стопосложеніе и родъ онаго каковыя здѣсь видишь, употреблены для двухъ причинъ, 1-е, я всегда увѣренъ былъ, что въ слогаденіи мысль иногда получаетъ лучший цвѣтъ, выражается иногда счастливѣе, короче, и тѣмъ сильнѣе и убѣдительнѣе. 2-е, въ семь сочиненій не столь много живописи, сколько бы въ прочемъ могло дать счастливѣйшее воображеніе другого генія. Въ немъ при среднемъ слогѣ болѣе размышлений, болѣе бесѣдъ, болѣе исторической части, которая по холодному теченію своему малую бы нашла красу въ рѣмѣ. Я всегда тѣхъ мыслей, что лучше стройность звуковъ въ самомъ слогаденіи безъ рѣмы, нежели рѣма, преслѣдуемая томными стопами безъ стройности и согласія».

Поэма задумана по широкому плану, что видно изъ содержанія ея, которое заключается вотъ въ чемъ.

У величайшаго, славнѣйшаго и богатѣйшаго восточнаго монарха *Мизраха* родился сынъ *Нешамъ*. Отъ рожденія предсказана была младенцу особая судьба. У сына нашелся другъ-покровитель и сопутникъ—*Зихель*. Мизрахъ сочеталъ сына съ прекраснѣйшей подругой *Колуфой*, но повелѣлъ ему не исполнять всѣхъ желаній послѣдней, не повидать назначенной ему сѣни и никогда не желать власти, равной власти его, Мизраха. Блаженно протекала жизнь царевича Нешама въ волшебной сѣни, изъ которой онъ могъ видѣть всякаго врага, оставаясь самъ невидимымъ. Но врагъ Нешама внушилъ Колуфѣ мысль-среди прекрасной долины создать другую сѣнь, совершенно подобную первой, и пригласить туда

мужа. Нешамъ не воспротивился подругѣ, нарушилъ нѣ отца, ушелъ въ другую сѣнь и увлекся чувствени слажденіями. Тутъ врагъ могъ бы погубить его, но г тель его Зихель спасъ ему жизнь, хотя царевичъ уже возвратится въ прежнюю сѣнь, потому что ее враги. Кромѣ того, царевичъ ослѣпъ, отецъ удалилъ себя, и онъ несчастный очутился въ ужасной стѣ громъ, молнія и буря подняли ожесточенный бой и вали ужасную ночь. Однако Мизрахъ, скорбя о сѣ слалъ къ нему Зихела съ приказаніемъ сопровождать ча въ его странствованіи и отыскивать врача, котг исцѣлилъ очи слѣпца. Зихель невидимо для царевича жааетъ съ нимъ чрезъ море, которое образовалось вс землетрясенія и покрыло всѣ страны; они пристають ному острову. Ничего не видя, слыша завыванія б зная, куда ступить, Нешамъ приходитъ въ отчаяніе, гоу дуется и желаетъ себѣ смерти. Къ нему подходит Зихел шааетъ надеждою на то, что онъ можетъ прозрѣть. О носить таинственную *Лампаду*, и слѣпецъ начинаетъ знавать нѣкоторые предметы. Мало того, Зихель ещ удивляетъ царевича, рассказавъ его жизнь и проступ заключеніе своей рѣчи онъ объясняетъ, что царевичи обойти многія страны и отыскивать врача, который б лилъ очи.—Они пускаются въ путь. На Ефратскомѣ имъ попадается тѣнь погибшей въ объятіяхъ похитите гуфы, оплакивающая гибель царствъ. Затѣмъ странни ходятъ мимо Ниневіи и приходятъ въ Вавилонъ, на котораго лежатъ больные и спрашиваютъ ихъ о лѣкаі Зихель и Нешамъ направляются къ главному халд мудрецу Набониду. Послѣдній проситъ царевича ра случившееся съ нимъ. Нешамъ рассказываетъ, но с зказъ прерывается приходомъ Вавилонскаго монарха 1-й книги).

По просьбѣ монарха и волхвовъ, царевичъ прод свой рассказъ. Когда онъ кончилъ повѣствованіе, г требуетъ, чтобы волхвы помогли несчастному царевичи мудрецы не могли облегчить страданій Нешама, и продолжаютъ свое скитаніе. Выходя изъ Вавилона, о чены были толпою юношей на празднествѣ любострасти литы, но поспѣшили уйти изъ храма, не желая созерц

путства. Затѣмъ они посѣтили халдеевъ, гимнософистовъ, браминновъ, маговъ, но ни у кого изъ нихъ не нашли исцѣленія. Тогда они устремились въ Аравію. При переѣздѣ черезъ Аравійскій заливъ, поднялась сильная буря, налетѣлъ Сифонъ, и моряви хотѣли бросить въ море слѣпца, какъ жертву разгнѣванному божеству, но его спасъ Зихель. Очувившись въ Африкѣ, они проходятъ жилища ихтофаговъ, еіоповъ, переходятъ въ ливійскія степи и достигаютъ Аммонова храма. Нешамъ настаиваетъ на томъ, чтобы здѣсь просить исцѣленія; но Зихель противится тому и отерываетъ уловки и хитрость жрецовъ. Въ Оивахъ также не нашли врача. Нешамъ начинаетъ изнемогать, ропщетъ на своего благодѣтеля Зихела. Наконецъ они достигли Мемфиса и здѣсь были разлучены. На Мемфисъ напалъ Ниневійскій царь Соргонъ; путники наши попали въ плѣнъ, и ихъ разлучили. При разставаньи Зихель далъ Нешаму лампаду. Но при Сервансомъ озерѣ у него укралъ ее одинъ грекъ. Нешамъ въ отчаяніи. Тогда врагъ его принимаетъ видъ Зихела и приказываетъ царевичу подождать его на одномъ и томъ же мѣстѣ (кн. 2-я).

Пока Нешамъ ждалъ своего мнимаго друга, Рамай (такъ звали врага) возбуждаетъ царство лютѣйшихъ страстей и является къ Нешаму съ мечомъ, факеломъ и чашей воды забвенія. Употребивъ съ большою хитростью голосъ, походку и другія свойства Зихела, Рамай совершенно овладѣлъ царевичемъ, который повинуется ложному руководителю, какъ истинному. Рамай привелъ слѣпца къ горѣ Энгаду и снова оставилъ его на нѣкоторое время. Идя по скатамъ очаровательной горы, Нешамъ встрѣчается съ прекрасною дѣвицею *Тавою*, дочерью Рамая. Нешамъ очарованъ ею и проситъ у отца руки дочери. Рамай соглашается на бракъ, но требуетъ, чтобы Нешамъ вступилъ въ борьбу съ заклятымъ врагомъ царевича и его, Рамая,—Зихеломъ. При этомъ онъ объясняетъ изумленному царевичу, что прежній его руководитель, называвшій себя Зихеломъ, есть не кто иной, какъ Рамай. Пока они говорятъ, исчезаетъ Тава. Рамай увѣряетъ, что ее похитилъ Зихель. Нешамъ устремляется отыскивать похитителя своей невѣсты. Онъ ѣздитъ по разнымъ греческимъ островамъ, причемъ эпикуреизмъ и скептицизмъ довершаютъ развращеніе Нешама. Наконецъ онъ находитъ Зихела въ окрестностяхъ Этны и поражаетъ его мечомъ. Непобѣдимый Зихель огорченъ неблаго-

дарностью Нешама, проносить отрезвляющую рѣчь и изъяснять. Сочетавшись съ Тавою, Нешамъ впадаетъ въ сомнѣнiе отъ рѣчей Зихела, уклоняется отъ объятiй Тавы, но влечетъ его къ себѣ и съ силою толкаетъ въ страшную пропасть. Нешамъ взираетъ на востокъ, вспоминаетъ Зихела и пробуется троекратнымъ трубнымъ звукомъ отъ волшебнаго Оупъ шлетъ провлятя обманщику Рамаю (кн. 3-я).

Послѣ разлуки съ Нешамомъ въ Мемфисѣ, Зихелъ не терялъ его изъ виду, но слѣдовалъ за нимъ и ждалъ призыва. На пути своихъ странствованiй онъ встрѣтилъ дочь *Кемлу*, дочь Унниа. Вмѣстѣ съ нею онъ находитъ Нешамъ у горящей пропасти въ полномъ отчаянiи. Кемла утѣшаетъ его игрою на лютнѣ, а Зихелъ приближается къ нему. Узнавъ Зихела, Нешамъ приходитъ въ смущенiе, стыдъ и горестъ и хочетъ броситься въ горящую пропасть. Но Зихелъ отводитъ его отъ нея и старается снова образовать его душу, развращенную во время увлеченiя Рамаемъ. Долго спорятъ они, пока наконецъ Зихелъ не убѣдилъ Нешама въ бессмысленности смерти души. Царевичъ требуетъ истиннаго свѣта, но Зихелъ не можетъ дать ему этого свѣта, напоминаетъ объ общепринятомъ врачѣ и предлагаетъ посѣтить мудрецовъ Греции. Они проходятъ Тарентъ, Афинны, Олимпiю, гдѣ познакомились съ философомъ Платономъ, предсказавшимъ скорое нахожденiе врача; у него же нашли они и лампаду, нѣкогда освѣщавшую путь Нешама. Затѣмъ они направляются снова на востокъ, посѣщаютъ на пути звѣздочетцевъ, наблюдающихъ за движенiемъ новой кометы. Въ Сирiи на вопросъ путниковъ о кометѣ маги указали на комету, подъ которой рожденъ общепринятый врачъ. Они спѣшатъ къ полямъ Ханаанскимъ. Когда они достигли ихъ, ночь исчезла, сiяло солнце, великiй восторгъ шествовалъ въ Иерихонѣ. Зихелъ поставилъ Нешама у стѣнъ этого города. Царевичъ повергается предъ врачомъ и проситъ исцѣленiе. Прозрѣвшiй слѣпецъ восторженно выражаетъ свою радость и признательность. Появляется отецъ Нешама, прощаетъ сына и принимаетъ его въ свои объятiя (кн. 4).

Самъ авторъ сознавалъ трудность пониманiя той алегории, которую допустилъ въ своемъ произведенiи, и потому въ концѣ поэмы приложилъ «Объяснительное содержанiе эпической инсказательной эпопеи».

Вотъ что здѣсь говорится о главномъ лицѣ эпопеи:

бы могъ представить въ эпопеѣ разные умы или души, подобно электрической силѣ переливающимся, такъ сказать, изъ перваго до послѣдняго существа сквозь все пламя человѣчества и дѣйствовавшія въ изобрѣтателяхъ, законодателяхъ, герояхъ, философахъ,—особливо извѣстнѣйшихъ; или простѣе сказать, составить исторію разума человѣческаго, который въ разныхъ вѣкахъ и въ разныхъ лицахъ напрягалъ силы свои въ постепенному возвращенію потеряннаго свѣта, раскрываясь то по случаю, то по нуждѣ отъ маловажныхъ предметовъ до великихъ,—отъ одичавшаго чада *Адамова* до *Ньютонова*, отъ *Сифа* до мудраго *Сократа*, *Геллерта*,—отъ *Пимерода* до *Наполеона* и пр.; но много бы тогда вступило главныхъ лицъ, а потому несообразно было бы плану моему.

«Я лучше хотѣлъ изъ всѣхъ сихъ нравственныхъ звѣньевъ или частей составить одно *цѣлое* и олицетворить не вещь—существенное нѣкое, но уже одѣтое существо въ мрачное вретипе *чувственности*, короче сказать,—представить *себя самого* подъ именемъ *слѣнца*. И такъ здѣсь ходить, такъ сказать, *олицетворенный*, или *самобытіе*, духъ древняго міра, который какъ бы выникъ изъ—подъ развалинъ вселенной, погибшей среди безмѣрной пучины, или лучше, вышелъ изъ-подъ брежня погрязшаго тѣла своего.—Сей духъ... ходить съ проводникомъ и съ лампадой чрезъ всѣ вѣки великой ноци по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ всѣ сіи умственные звѣнья,—всѣ сіи умы наипаче показывали сперва ощутительные слѣды потеряннаго свѣта, но на послѣдокъ уже весьма слабые и темные. Я поставилъ его наконецъ лишиться проводника и заблуждаться ужаснымъ образомъ на пути до тѣхъ поръ, какъ сей послѣдній опять является, выводитъ изъ заблужденія и странствуетъ съ нимъ до самаго утра, и доводитъ до того священнѣйшаго мѣста, гдѣ слѣпецъ при полномъ сіяніи солнца получаетъ прозрѣніе отъ благодатной руки».

Согласно плану, все въ поэмѣ обдуманно и придумано такъ, чтобы ясенъ былъ внутренній смыслъ ея. Такъ, имена встречающихся въ ней лицъ полны особеннаго внутренняго значенія: Мизрахъ-востокъ, и хотя онъ названъ царемъ востока (говоритъ Бобровъ), но, читая священныя книги, найдемъ между прочими данными Божеству именами также и сіе: «*востокъ имя ему*»; Нешамъ—душа, «въ лицѣ ея представляется вообще духовное существо, или точный челоуѣкъ»;

Колгуфа—плоть, вещество, чувственный міръ или все чело-
вѣчество; Зихель (или Сихель)—*разумъ*, чистый, вѣрный и
еще не испорченный, хотя иногда безсильный; Рамай—*зуби-
тель*, оболъститель, духъ пагубы; Тава—*воздѣльнiе*, нечи-
стая любовь, похоть, чувственное услажденiе; Кемла—*сожа-
льнiе*, состраданiе; лампада—*надежда*, а врачъ-всѣцѣлитель-
ная небесная *благодать*; ночь и слѣпота—*всеобщее зло, не-
вѣднiе*...

Несмотря, однако, на всѣ старанiя автора, аллегориче-
скаго смысла его поэмы не всѣми понимался такъ, какъ то
ему было желательно. Такъ, ближайшій по времени и по воз-
зрѣнiямъ критикъ нѣсколько иначе, чѣмъ указано выше, объ-
яснялъ смыслъ «Древней ночи». По его мнѣнiю, въ поэмѣ
«г. стихотворецъ воспѣваетъ заблужденiе и ослѣпленiе че-
ловѣка, подвергнувшаго себя посредствомъ чувственности ис-
кушенiю невидимаго врага и чрезъ то впадшаго въ непослу-
шанiе отцу своему Богу, который, покрывши мглою зрѣнiе
его мысленное, изгналъ изъ блаженнаго жилища въ пустыню.
Но изъ милосердiя и сожалѣнiя не совсѣмъ оставилъ, а далъ
ему въ проводники свѣтъ чистаго разума, съ которымъ бы
онъ, странствуя по разнымъ степенямъ и странамъ познанiя
человѣческихъ, искалъ и достигалъ слѣпотѣ своей цѣленiя.
Въ соупутствiи проводника сего слѣпецъ странствуетъ, испы-
тываетъ въ разныхъ царствахъ философію и мудрость, кото-
рыхъ суету и ложность соупутникъ ему объясняетъ. Нѣкото-
рый случай и обстоятельства разлучаютъ его съ путеводе-
телемъ, и онъ, лишившись вождя, подпадаетъ правленiю стра-
стей, которыя вовлекаютъ его снова въ разные соблазны, за-
блужденiя и вредныя умствованiя. По нѣкоторому времени
соединяется опять съ первымъ своимъ путеводителемъ, кото-
рый, нашедъ его зараженнымъ различною дрянью вредной
философіи и вольнодумствомъ, старается направить его на
путь истины. Наконецъ доходятъ они къ сыну Давидову, все-
общему цѣлителю душъ человѣческихъ. Тутъ слѣпецъ прекло-
няетъ колѣна свои и повергается предъ высочайшимъ вож-
демъ вождей. Вонлощенная Любовь милосердствуетъ къ слѣ-
потствующей душѣ; глаголетъ и вдругъ разсѣвается тьма
мысленныхъ ея очей». (Другъ юношества, 1810 г., июль стр.
10 и слѣд.).

Прошло пятьдесятъ слишкомъ лѣтъ послѣ появленiя по-

эмы, и критикъ «Воскреснаго досуга» заявляеть, что «теперь трудно понять мысль и цѣль автора», при написаніи «Древней ночи».

Дѣйствительно, мысль и цѣль автора этой поэмы могли понимать хорошо только люди одного съ нимъ мистическаго направленія, которое выродилось изъ масонства XVIII столѣтія. Это мистическое направленіе начало распространяться съ особенною силою въ царствованіе Александра I послѣ 1812 года; но поэма Боброва, изданная въ 1807 г., свидѣтельствуеть, что это движеніе подготовлялось исподоволь, и что въ русскомъ обществѣ всегда была удобная для его распространенія почва.

Въ «Древней ночи» Бобровъ, самъ масонъ и мистикъ, въ аллегорическомъ видѣ представилъ сущность ученія русскихъ мистиковъ александровскаго времени. Ученіе это, по словамъ современнаго намъ знатока исторіи русской церкви, заключается вотъ въ чемъ: «Церковь эта (т. е. церковь мистиковъ) не знаетъ никакихъ иныхъ догматовъ, кромѣ догмата о возрожденіи и соединеніи человѣка съ Богомъ, не знаетъ никакихъ иныхъ раздѣленій, кромѣ раздѣленія ветхаго человѣка отъ новаго. Религія этой единой церкви истинно вселенская, она существовала у всѣхъ народовъ, во всѣ времена и всегда имѣла своимъ основаніемъ одинъ и тотъ же *свѣтъ божественный*, многократно и многообразно открывавшійся свѣтоспособнымъ людямъ въ книгѣ природы, въ писанномъ законѣ, прообразованіяхъ, іероглифахъ, мѣтахъ, таинствахъ мудрыхъ или мистеріяхъ, а въ новую эпоху Евангелія явившійся только яснѣе и полнѣе чрезъ воплощенное Слово» (Знаменскій, Руководство къ русской церковной исторіи, Казань, 1888 г., стр. 481).

Для осуществленія своей мысли—«воспѣть путешествіе и странствіе каждаго человѣка, водимаго по разнымъ степенямъ страстей и знаній»,—Бобровъ представилъ исторію всего рода человѣческаго, украсивши ее «прекрасными мыслями и разсужденіями» и живописными картинами природы. Чтобъ имѣть понятіе объ этой «живописи превосходной» и «разсужденіяхъ», которыхъ много въ «Древней ночи», приведемъ образцы. Вотъ описаніе природы Египта (2 кн., 5 пѣснь) у береговъ Нила:

«Смотри на гордый берегъ сей

Въ образованьи чловѣка
 То лзя-ль не заключить, что мръ —
 Жилище тоемо воспитанья.
 Гостинница или темница,
 Гдѣ словесны(я?) твари,
 То встаючи изъ пелень,
 То низвергаемыя въ гробы,
 Должны приобрѣсти единый
 Начатокъ тоемо бытія
 И изучить уроки первы
 Великой должности своей,
 А послѣ перейти въ другія
 Щастливѣйши страны незримы,
 Гдѣ, яко отрасли небесны
 Успѣшнѣй будутъ прозябать
 И разцвѣтатъ на цѣлу вѣчность».

Подобнаго рода разсужденія такъ многочисленны въ поэмѣ, что ее по характеру содержанія можно назвать вполне религіозно-философскимъ произведеніемъ, направленнымъ противъ ученія французскихъ философовъ и энциклопедистовъ. Характеръ учености придаютъ поэмѣ многочисленные примѣчанія къ каждой пѣснѣ, свидѣтельствующія о большихъ познаніяхъ и начитанности автора. Нѣкоторыя картины даютъ понятіе о сильномъ полетѣ воображенія и фантазіи; а такія слова, какъ: желѣзо-тѣлый, млатобойный, повсемственный, дальнзоръ — показываютъ, что въ этой поэмѣ Бобровъ стремился къ большей самостоятельности въ языкѣ, чѣмъ то видѣли мы въ «Херсонидѣ». Въ этомъ случаѣ не могло не оказать на него вліянія сближеніе съ извѣстнымъ ревнителемъ и защитникомъ чистоты русскаго литературнаго языка Шишовымъ.

Для напечатанія «Древней ночи» автору, небогату матеріальными средствами, пришлось прибѣгнуть къ вспоможенію своихъ благотворителей. Рѣзко обвинять Боброва за такой поступокъ нельзя въ виду того, что при маломъ кругѣ читателей помощь благотворителей и меценатовъ была зауряднымъ явленіемъ не только въ XVIII-мъ, но и въ началѣ XIX-го столѣтія.

Служебныя и литературныя занятія мало оставляли Боброву досуга для отдыха, петербургскій нездоровый климатъ

И ОНЪ
на 22
25 м

ЖИЗН:
КОНЦ

ОВОЛЫ
НОЕ В
ЗРЪНІ:
Я ОЧ
ЪДСТВІ
НЫМИ
ИВАЕМ
ЕЪ ТО
ПОЯВИ:
Я ПРИ
ЩЕЛО
ТЬ МА
ВЪ М
СТОИТ
СТИЦЕ:
І ТОГ

ТИ БО
ЮТЬ С

ТАЛАНТ
ЦЕНІА С
КАРЯ
, № 4
. САНТ
СЖЕ, Ч
МЛЕЙ С.
. И НА
ИМЪ І
НГЛІЙС
И ЮН

262 стр.). То немногое, что совершилъ Бобровъ при своемъ скромномъ литературномъ дарованіи, должно имѣть мѣсто въ исторіи литературы, потому что въ ней, какъ въ маломъ Божьемъ мірѣ, всему есть свой часъ и свое мѣсто.

Сергѣй Браиловскій.

1894 г., Май.

Новгородъ-Сѣверскъ.

МИѠОЛОГІЯ
СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЪ.

(ВЕЛЕСЪ, ТРАЯНЪ-СТРИВОГЪ, ХОРСЪ-ДАЖЬБОГЪ).

СОЧИНЕНІЕ
И. В. СРЕБРЯНСКАГО.

своего времени и нашего „смердовъ жалуетъ и ихъ коней и ихъ гуменъ“. Что до сомнительности того, какъ сознается самъ уважаемый ученый, чтобы смердъ, хотя-бы какъ собирательное лицо, былъ названъ внукомъ солнца, то мы видимъ, что въ величальныхъ пѣсняхъ и единичныя лица, какъ хозяинъ и его семья, не только представляются князьями, правителями, судьями, полководцами, но и возводятся въ божество, что, конечно, теперь пѣвцами не сознается, (стр. 61).

Въ этомъ взглядѣ г. Потебни, по нашему мнѣнію, вполне опредѣлилось прежнее направленіе пофразнаго изученія Слова съ отрицаніемъ цѣлаго. Въ появившейся одновременно съ этимъ взглядомъ гипотезѣ Вс. Миллера (Вс. Миллеръ. Взглядъ на Слово о полку Игоревѣ, М. 1877 г.; статья г. Потебни въ „Филологическихъ Запискахъ за 1877,8 г. г.) это направленіе получило свое окончательное доразвитіе и сказало свое послѣднее слово. Выходя, въ существѣ, изъ взгляда, однороднаго съ взглядомъ г. Потебни, отрицая художественное цѣлое нашего памятника, Вс. Миллеръ старается усмотрѣть въ немъ безсмысленный сколокъ съ византійско-болгарскаго образца и тѣмъ, наконецъ, окончательно выяснитъ въ этомъ направленіи настоящее и прошедшее Слова. Онъ соглашается съ довольно твердо установившимся мнѣніемъ, что Слово есть произведеніе книжное, что авторъ его былъ человѣкъ грамотный и просвѣщенный, но затѣмъ предполагаетъ „какъ произведеніе книжное, Слово должно было носить признаки литературы ему современной“ (стр. 11) и разбираетъ одну изъ старинныхъ повѣстей, именно повѣсть о Дигенисѣ (стр. 14—68), но не въ убѣжденіи, что именно ее, а не другое произведеніе авторъ Слова взялъ себѣ образцомъ (стр. 51). Повѣсть эта положительно трактуется какъ переводъ болгарскій, въ силу болгарскаго правописанія въ дошедшемъ до насъ спискѣ. Сравненіе этой повѣсти съ вновь открытой византійской поэмой о Дигенисѣ приводитъ г. Миллера къ новому предположенію, что это-или болгарская передѣлка или же, что по его мнѣнію вѣроятнѣе, что существовала на греческомъ языкѣ кромѣ этой поэмы еще прозаическая ея передѣлка, которая стояла ближе къ дошедшему до насъ болгарскому изводу. Авторъ этого взгляда не допускаетъ и мысли, чтобы авторъ Слова зналъ греческій языкъ. Для даль-

нѣйшихъ цѣлей гипотезы необходимо, чтобы въ кругъ начитанности автора Слова входило произведеніе непременно въ славянской одеждѣ, причемъ посредство Болгаріи между Русью и Византіей считается неоспоримымъ. Авторъ Слова, найдя подобное болгарское произведеніе, воспользовался имъ такъ, что въ Словѣ сквозятъ неискусныя спайки и такія выраженія, которыя самъ авторъ понималъ не больше нашего. Боянъ не историческое лицо, а маска (стр. 127). Болгарскій книжникъ нашелъ въ византійскомъ оригиналѣ воззваніе къ какому нибудь пѣвцу древности, Гомеру, и подставилъ личность родныхъ народныхъ преданій, вспоминая легенды о вѣщемъ Боянѣ (стр. 135). Такимъ Бояномъ могъ быть одинъ изъ сыновей болгарскаго царя Симеона, извѣстный своимъ кудесничествомъ и, по народнымъ преданіемъ, обращавшійся въ волка (стр. 132—133). Авторъ Слова не могъ не увлечься патетическимъ воззваніемъ къ Бояну и перенесъ его въ свое произведеніе (стр. 134). Жизнь Дажь-божа внука и силы Дажь-божа внука, продолжаетъ г. Миллеръ, не что иное, какъ метонимія, вмѣсто жизнь князей и сила князей. Если имя божества употребляется какъ epitheton ornans, то едвали поэтъ, употребляющій этотъ эпитетъ, вѣрить въ его реальность; не могъ же онъ, человѣкъ начитанный и близкій ко двору, серьезно думать, что предками нашихъ князей были не Рюрикъ, Олегъ, Святославъ и Владиміръ, а солнечный богъ Дажь-богъ. Съ другой стороны, если нѣтъ основанія сомнѣваться, что послѣдній былъ славянскимъ божествомъ, то нѣтъ прямыхъ указаній, что онъ былъ популярнымъ русскимъ именемъ солнечнаго бога. Это имя, помимо Слова и Несторовой лѣтописи, упоминается въ одномъ мѣстѣ лѣтописи Ипатьевской, именно въ вставкѣ изъ болгарскаго перевода (X в.) хроники Малалы, поставившаго Дажь-бога на мѣсто ἥλιος. Нельзя ли объяснить подобнымъ же образомъ и появленіе Дажь-бога въ Словѣ? „Внукъ Дажь-бога“ могло быть болгарской передачей византійскаго эпитета, приданнаго въ какомъ-нибудь произведеніи какому-нибудь мненическому или историческому лицу. Дажь-богъ былъ подставленъ на мѣсто ἥλιος или Φοῖβος; въ свою очередь авторъ, найдя этотъ эпитетъ въ болгарскомъ произведеніи, воспользовался имъ, не давая себѣ отчета, и украсилъ имъ своихъ князей. Въ виду болгарской формы Хръсъ въ Словѣ, а не русской

не
что в
осто
очни
104—
емъ
мятн
адъ і
ста
авій
худс
го в

омъ
ыми
мъ і
, ка
жест
гавля
юшен
рату
мы і
тече
говс
аютс
ь Ки
во с
й зн
проі
пре
имен
хи Я
въ с
у в
и ку
похи
особ
всно
слу
лежи

типу украшающихъ словесъ и построено на основѣ Боянова нѣсновѣрчества (стр. 301). Таже форма изложенія— свѣтлѣ старой и новой эпохи, то же расположеніе фактовъ; авторъ слѣдовалъ художественному замыслу Бояна, а не хронологическому распорядку фактовъ. Авторъ Слова не остался вѣренъ (стр. 304, 305. т. I) своей задачѣ излагать только быль, а поддался вдохновляющему его Боянову размыслу. Но какъ ни много подражалъ авторъ стилю Бояна,—онъ строго воплощаетъ въ своей повѣсти историческій фактъ, съ этой стороны является выразителемъ иного направленія въ литературѣ того времени. Слово даже указываетъ на ту грань, когда потребовалось уже строго—историческое изложеніе событій: „Почнемъ же, говорить авторъ, повѣсть отъ стараго Владиміра до нынѣшняго Игоря“. И такъ, событіе, совершившее переворотъ въ воззрѣніяхъ на задачи литературнаго повѣствованія, падаетъ на время Владиміра Мономаха и есть, вѣроятно, сформировавшійся къ XI—XII в.в. Кіевскій лѣтописный сводъ. Въ XII в. (т. I. стр. 255) въ Кіевской дружинной Руси существовала уже развитая, прочно установившаяся литературно-повѣствовательная школа, которая живымъ образомъ знала греческій языкъ, съ яснымъ и непосредственнымъ разумѣніемъ относилась къ эллинской словесности и обладала своеобразнымъ стилемъ, который такъ характерно сказывается какъ въ лѣтописи, такъ и въ переводѣ Флавія. Существованіе ея для многаго дѣлаетъ излишнимъ болгарское посредничество между Русью и Византіей. Слово о полку Игоревѣ, какъ произведеніе той же эпохи дружинной среды, должно носить на себѣ печать стила той же литературно-повѣствовательной школы. По языку слово весьма близко къ переводу повѣсти Флавія и Кіевской лѣтописи, съ послѣдней, кромѣ того, стоитъ въ глубочайшемъ родствѣ и по основнымъ взглядамъ на придѣпровскую Русь. Слово также проповѣдуетъ единство земли Русской, протестуетъ противъ междоусобій, хотя мотивируетъ ихъ не дѣвольскимъ наущеніемъ, какъ лѣтопись, а притязательностью и властолюбіемъ самихъ князей: „и стали, говорить Слово, князья говорить: се мое, а то мое же. . .“—мотивомъ для исторіи драгоцѣннымъ. Нельзя однако книжность автора Слова, продолжая г. Барсовъ, (т. I стр. 157), понимать въ смыслѣ образованности нашего времени. Авторъ Слова былъ чело-

вѣкъ просвѣщенный, т. е. начитанный въ произведеніяхъ эллинской словесности, но эта начитанность не отрывала его отъ вѣрованій и сочувствій внутренней жизни Кіевской Руси, напротивъ, она, какъ стихія, входила въ творческій процессъ, ключъ и родникъ котораго таился въ обще-народномъ дво-евѣрномъ міросозерцаіи. Съ другой стороны языкъ Кіевской дружинной Руси, изъ среды которой вышло Слово, хотя и возвышался надъ діалектическими особенностями и былъ языкомъ литературнымъ, все-же былъ живымъ языкомъ дружино-боярской среды, развившимся изъ историческихъ, политическихъ и торговыхъ сношеній Новгорода и Кіева. Нѣтъ сомнѣнія, что и живая народная рѣчь XII вѣка ближе подходила къ языку лѣтописи и Слова. Обыкновенная рѣчь естественно должна была подниматься на извѣстную поэтическую высоту, какъ скоро приходилось говорить о предметахъ серьезныхъ и возвышенныхъ. Такова рѣчь Слова. Вотъ почему Слово, не смотря на явные признаки литературныхъ на него воздѣйствій, является съ преобладаніемъ въ немъ народно-поэтическихъ мотивовъ. (Т. I, 168). Слово не было единственнымъ явленіемъ въ литературѣ того времени. Начиная съ XII в., въ Кіевской лѣтописи (Т. I стр. 331) повѣствованія о князьяхъ и ихъ дружинникахъ отмѣчаются такими мелкими подробностями и чертами Кіевской Руси, что онѣ ясно отличаютъ свой первоисточникъ дружинныхъ словесъ. Такимъ образомъ, въ XII в. несомнѣнно были произведенія типа Слова о полку Игоревѣ. Слово есть произведеніе удивительно цѣльное и гармонически-стройное, не разъ утверждаетъ г. Барсовъ. Оно весьма глубоко по своему смыслу и въ высшей степени художественно по своей образности. Это тоже, что живописная картина гениальнаго художника: чѣмъ больше ее изучаешь, тѣмъ больше ею плѣнаешься. Взгляды автора слишкомъ трезвы (Т. I, 350) и, такъ сказать, гражданственны для того, чтобы предполагать въ немъ полную живую вѣру въ упоминаемыхъ имъ боговъ. Онъ самъ даетъ понять, что въ его время поэзія міра должна была уступить мѣсто поэзіи гражданственности. Авторъ Слова былъ христіанинъ; но въ то же время, нельзя не замѣтить, поэзія вымысла не совсемъ потеряла для него свое значеніе. Онъ невольно увлекается старыми словесами и историческій фактъ озаряетъ эпическимъ міросозерцаіемъ. Авторъ Слова не излагалъ цѣ-

лой системы мифовъ, но лишь касался ихъ настолько, насколько они служили ему для освѣщенія и эпического объясненія факта.

Дажь-богъ. Въ опроверженіе мнѣнія г. Миллера, именно въ доказательство популярности этого имени на Руси, г. Барсовъ приводит (Т. I стр. 367) нѣсколько географическихъ названій съ именемъ этого божества (Богдаево, Божедаево, Даць-боги, ...) и существованіе его теперь въ живой рѣчи, хотя, по его словамъ, оно утратило свое первоначальное значеніе (Дажь-богъ все минеть). Затѣмъ выясняетъ, что Дажь-божій внукъ не риторическая метонимія князя, какъ утверждаетъ Вс. Миллеръ, а полный смысла и значенія образъ, и Дажь-богъ, какъ солнечное божество, если не праотець князей, то покровитель ихъ богатства и доблестныхъ успѣховъ воинской славы. Скорѣе всего этотъ образъ, говоритъ г. Барсовъ, заставляетъ предполагать, что въ Киевской Руси дѣйствительно было какое-нибудь поэтическое преданіе о подобномъ отношеніи княжескаго рода къ богамъ; по крайней мѣрѣ, историческое отношеніе Киевской дружины было таково, что оно само собою предполагаетъ подобное преданіе. Хорсъ. Не научно заключать отъ болгарскаго написанія въ Словѣ къ заимствованію изъ Болгаріи, полемизируетъ г. Барсовъ съ гипотезой; болгарское написаніе, какъ извѣстно всякому русскому палеографу, въ XVI и даже въ XVII в.в. (Т. I, 345) было въ модѣ у русскихъ писцовъ и какъ употребляли безъ толку юсы, такъ и полугласныя ѣ и ѣ ставили всего чаще по болгарски. Имя этого божества и донинѣ живеть въ безчисленныхъ названіяхъ селеній, озеръ и урочищъ, связанныхъ съ колонизаціей русской земли (Хоросино, Хорошково, Хбротки, ...) (Т. I стр. 368). Гораздо труднѣе, продолжаетъ г. Барсовъ, различить, какъ именно качественалось это божество въ сознаніи земства и Киевской дружинной Руси. Не подлежитъ сомнѣнію, что имя Хорса означаетъ солнце, но въ соединеніи съ качествомъ движенія. Въ книгѣ Іова указывается на его хожденіе по небесному кругу, и въ Словѣ Всеславъ перерискиваетъ ему путь. Въ представленіи дружинника онъ богатырь, рищущій по небесному кругу и дозирующій дѣла человѣческія, слѣдовательно связанъ болѣе съ судьбой человѣка. Въ народномъ же представленіи преобладаетъ его кос-

могониическій характеръ: онъ болѣе существо животворящее природу. **Стрибогъ.** Стрибогъ божество чистостихійное, утверждаетъ г. Барсовъ (Т. I, 365): стри-общаго корня съ *σπίβοιος*—вихорь. Вѣтры его внуки. Имя его и теперь бытуеть среди Руси (Стрѣево, Стрибоже озеро...). Въ народномъ представленіи вѣтеръ олицетворяется въ образъ богатыря Ивана-вѣтрова сына, который былъ рожденъ царскою дочерью во тьмѣ. Авторъ Слова, какъ дружинникъ, рисуетъ намъ героическій обликъ вѣтра: называетъ его внукомъ Стрибога, вѣющимъ стрѣлами. Эта воинская черта можетъ служить для насъ намекомъ, заключаетъ г. Барсовъ, на воинскій ликъ миѣческаго Стрибога. **Троянъ.** Широкое употребленіе имени Трояна на русской землѣ и въ русскихъ историческихъ актахъ должно сдержать, говорить г. Барсовъ (Т. I, 377), порывы увлеченія болгарскими и сербскими именами Трояна. Всего болѣе близкимъ къ истинѣ онъ считаетъ миѣніе тѣхъ ученыхъ, которые въ Троянѣ Слова видятъ древнее божество Славянъ; искусственнымъ это миѣніе лишь кажется, потому что еще не достаточно выяснено то качество, которое дается образомъ этого божества. Въ опредѣленіи характера и бытоваго значенія этого бога онъ склоняется къ миѣнію Ив. Е. Забѣлина: миѣе о Троянѣ рожденъ народнымъ представленіемъ цѣлостности и полноты рода въ трехъ сыновьяхъ (Забѣлинъ. Исторія русской жизни. Т. I стр. 521—522). Троянъ, слѣдовательно, верховный представитель трехбратнаго рода, отъ котораго собственно и расплодилось русское славянство. При опредѣленіи, далѣе, представленія Трояна въ образованной дружинной средѣ г. Барсовъ останавливается на представленіи Трояна въ Молдавіи, Малой Валахіи и Трансильваніи. Для потомковъ Валаховъ Троянъ виденъ донинѣ и въ млечномъ пути на небѣ, и въ широкомъ безводномъ полѣ, и въ высокихъ холмахъ, курганахъ и могилахъ. Величіе этого божества сказывается въ грандіозныхъ и поразительныхъ явленіяхъ природы, служащихъ, по болѣе части, преградой для силъ человеческихъ. Если Кіевская Русь, заключаетъ г. Барсовъ, тяготѣла къ придунайской землѣ, какъ къ своей родинѣ, то для насъ совершенно будетъ понятно, какъ эти преданія о Троянѣ, до нашихъ дней уцѣлѣвшія въ Молдавіи, были близки представителямъ Кіевской Руси. Отсюда тропа Трояна есть путь къ Дону чрезъ безводное по-

Что значать „старья словеса“? Если бы не были понятны эти старья словеса современникамъ, авторъ не сталъ бы ихъ вводить въ разсказъ, не сталъ бы ими выражать современное пониманіе вещей. Слѣдовательно, эти „старья слова“ жили въ современномъ автору обществѣ, еще не умерли въ своемъ содержаніи, но получили лишь новое „нынѣшнее“ имя. Далѣе, этими старыми словами авторъ начинаетъ „трудность повѣсти“, то, что, по мнѣнію автора и современниковъ его, было бѣдственнымъ, труднымъ, невыносимымъ, т. е., бѣдою сего времени. „Начать старыми словесы“ бѣдою сего времени значить описать эту бѣду въ ея зародышѣ, причинахъ старыми словами. Извѣщальныя причины, лежащія въ основѣ „нынѣшнихъ“ горестныхъ явленій, будутъ названы „словесами старыми“. Но какъ смотрѣть на эти, приводимыя авторомъ, причины горестныхъ фактовъ? Несомнѣнно, въ нихъ выразилось современное автору пониманіе вещей, современное автору „нынѣшнее міровоззрѣніе“. И если его „начать“ думаетъ авторъ „словесами старыми“, если его думаетъ именовать словами старыми, то подъ этими старыми словами, надо думать, разумѣлось такое цѣлостное старое міровоззрѣніе, которое было родственно „нынѣшнему“ по духу, по содержанію, но отличалось по формѣ, устарѣлой формой. Такими старыми словами, такими обломками старины являются въ Словѣ: Троянь-Стрибогъ, Хорсь-Дажьбогъ и Велесь, Слѣдовательно, это было міровоззрѣніе языческое, это были „словеса языческія“. Міровоззрѣніе это названо авторомъ старымъ; авторъ, видимо, считался съ прогрессомъ въ настоящемъ, съ такимъ или инымъ переходомъ отъ язычества къ христіанству. Но близко-ли было это старое міровоззрѣніе къ нынѣшнему, такъ что „старья слова“ свободно находила себѣ жизненную пищу, силу въ настоящемъ міровоззрѣніи, или, можетъ быть, они еще настолько не умерли, настолько много еще носили въ себѣ намеконъ, что въ соприкосновеніи съ „нынѣшнимъ“ міровоззрѣніемъ воскресали въ своей жизненной правдѣ? такъ или иначе, но эти „старья слова“ должны отобразиться, какъ въ зеркалѣ, въ нынѣшнемъ міровоззрѣніи, и притомъ такъ, чтобъ, отразившись, послужить жизненнымъ корнемъ той „сѣдой старинѣ“, оживить её, дать по крайней мѣрѣ контуръ, очертаніе ея могучему облику; такъ или иначе, говоримъ мы, но

альнымъ воплощеніемъ которой былъ старшій Мономахъ; здѣсь смертный приговоръ Игорю, какъ бы начертанный рукою Вышняго. Владиміръ и Игорь — вотъ краевыя звенья, по идеѣ связывающія всю цѣпь фактовъ 1-й части Слова (до плача). Въ этихъ словахъ авторъ вовсе не намѣчаетъ границы былевыхъ фактовъ, излагаемыхъ въ 1-й части Слова, какъ увѣряетъ г. Барсовъ, не вещественная, но идеальная рама событій дана здѣсь; здѣсь конкретно обозначена идея, проникающая факты 1-й части Слова. Задача автора — показать гибель предпріятія Игорева слѣдствіемъ княжескихъ усобицъ и нарушенія идеи единства земли русской, а вмѣстѣ — доказать неизбѣжную необходимость такого слѣдствія изъ такихъ условий. Этого авторъ достигаетъ, изображая бѣдствіе Игоря, какъ проявленіе традиціоннаго суда Божія надъ крамольными дѣйствіями князей, описывая горестный фактъ этотъ традиціонными чертами. Въ несчастьи Игоря проявляется традиціонная борьба силъ темной и свѣтлой. Природа раздѣляется на двѣ враждебныя стороны: все темное и зловѣщее находится на сторонѣ половцевъ, свѣтлое на сторонѣ русскихъ и Игоря; господство одного изъ этихъ началъ есть господство стороны имъ покровительствуемой. Преднаменованіе за предназначеніемъ является Игорю отъ силы благодатной, одно зловѣщье другого: „Игорь видѣ отъ солнца вся своя воя прикрыты“, „солнце ему тьмою путь заступаше“, „кравыя зори свѣтъ повѣдаютъ“ и т. п., все напрасно. Зараза крамолы слишкомъ глубоко засѣла въ сердцѣ князя: „И рече Игорь къ дружинѣ своей, въ отвѣтъ на одно изъ этихъ предназначеній, братіе и дружино! луце жъ бы потату быти, неже полонену быти; а всядемъ, братіе, на свои борзые комони, да позримъ синего Дону! Спала князю умъ похоть и жалость ему знаменіе заступи, искусити Дону великаго“, замѣчаетъ авторъ Слова. Тогда послѣдовалъ страшный судъ Божій. Тьма возобладала надъ свѣтомъ и предстала во всемъ своемъ страшномъ величій... Художественный центръ Слова — личность князя. По существу своему онъ престоль добра и благихъ начинаній. Крамолы, какъ-бы говоритъ авторъ, какое-то уродливое заблужденіе, вотъ уже нѣсколько вѣковъ господствующее, затемнившее этотъ чистый, священныи ликъ; но не навсегда. И неужели естественно могло случиться, чтобы обида „дѣвою“ могла вселиться въ

свой престолъ—В. К. Кіевскаго: на его отеческія заботы о князьяхъ отвѣчаетъ вѣщимъ сномъ изъ элементовъ тѣхъ же знаменій. Святославъ выдѣленъ изъ среды князей. Среди нихъ онъ является главою, высоко сидящимъ на златокованномъ престолѣ на горахъ Кіевскихъ; маститый старецъ, онъ какъ отецъ старается собрать подъ крылья птенцовъ своихъ, князей удѣльныхъ. Святославъ—сѣдалище силы свѣтлой, и изъ устъ его истекають благолатныя спасительныя рѣчи, „золотыя слова“; „потускнѣніе“, такъ сказать, олицетворенной въ немъ идеи единства явное указаніе на несчастіе, бесплодность его благихъ стремленій—явное свидѣтельство горестности самого положенія. Омрачилось чело Святослава при вѣсти о бѣдѣ Игоря: „О моя сыновья, Игорю и Всеволоде! рано еста начала половецкую землю мечи пѣлвити, а себѣ славы искати. Нѣ нечестно одолѣсте: нечестно бо кровь поганую проліясте. Ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузѣ скована, а въ буети закалена. Се ли сотвористе моею сребреною сѣдине!“ стонетъ онъ. Объятый горестью и проникая въ причины этихъ горестныхъ событій, Святославъ обращается къ чадамъ своимъ съ подобающими обстоятельствамъ словами и, потому, единственно спасительными. Перечисляетъ силы земли русской, покоющіяся въ мощи каждаго отдѣльнаго удѣльнаго князя, окрыляется надеждой и призываетъ ихъ „вступиться за обиду сего времени“, за землю русскую, за раны Игоревы. Но въ словѣ нѣтъ отвѣта на его слова, молчатъ эти великаны крамольники,—заворожила ихъ сила темная, и слышится вамъ, какъ перекликаются будто они между собою, не внимая гласу Святослава: „Се мое, а то мое же...“ Не отзовутся они тебѣ, Святославъ, какъ бы говоритъ авторъ: Игорь—крамольникъ—зеркало тебѣ тѣхъ темныхъ сторонъ, которыя питаютъ въ себѣ каждый изъ нихъ, и вовсе не согласны ихъ стремленія съ твоими идеальными возвышенными стремленіями къ единенію. Смотри, вотъ, и другіе примѣры такихъ же недавнихъ крамоль и такой же гибели въ княжествѣ Полоцкомъ. Вотъ и Изяслава Васильковича крамольная „слава на судъ привела“. Тогда обращаетъ авторъ свое мощное, глубоко-негодующее, пророческое слово ко всѣмъ крамольнымъ князьямъ. Опомнитесь, вы, недостойные продолжатели крамоль страшнаго Всеслава, оглянитесь въ прошедшее: васъ исконно преслѣдуетъ проклятіе, традиціонный „судъ

Божій"... Взгляните на свой первообразъ, Всеслава". Неужели же не получила въ немъ свое олицетвореніе эта сила темная? О! по преданію каждая черта въ немъ есть явная черта борьбы темной силы и свѣтлой. Въ него вселилась сама нечистая сила и соперничаетъ съ великимъ Хорсомъ... Но не избѣгъ и вѣщій Всеславъ карающаго суда Божія. Нѣтъ, традиціонно-гибельны крамольные принципы, какъ и традиціонно само это несчастіе междуособій княжескихъ! Горе, братцы, русской землѣ, вспомнивъ страхи первой години и судьбу „старыхъ“ крамольныхъ князей: прошлое для насъ — наше неизбѣжное будущее....

Въ Словѣ, такимъ образомъ, судьбы русскаго народа необходимо носить на себѣ отпечатокъ судебъ Божіихъ. Каждый феноменъ въ существованіи народа русскаго трактуется, какъ конкретное обнаруженіе этихъ высшихъ неисповѣдимыхъ судебъ и притомъ непременно, какъ результатъ взаимодействія, борьбы темнаго начала съ свѣтлымъ, на которыя какъ-бы разлагается въ своемъ проявленіи воля Божія. Надо-ли указать отдаленную давность и, потому, неизмѣнность условій созиданія извѣстнаго ряда фактовъ — авторъ беретъ для этихъ основныхъ традиціонныхъ началъ лишь „старыя“ наименованія и тѣмъ отодвигаетъ событіе въ процессъ его совершенія; надо-ли просто описать „нынѣшній“ фактъ, авторъ имѣетъ дѣло съ стихіями, которыя, по его мнѣнію, суть средство обнаруженія этихъ силъ и... заговариваетъ ихъ. Все доброе, все полезное для князя совершается при помощи силы свѣтлой и притомъ, если существуетъ подходящая для того среда, — принципы свѣта, добра и согласія, все же плохое, злое, не въ пользу князя является отъ силы темной и ея преобладанія въ борьбѣ съ силой свѣтлой. Междуособія и нестроенія авторъ считаетъ слѣдствіемъ возобладанія именно этого темнаго начала въ родѣ княжескомъ въ его исконной борьбѣ съ началомъ свѣтлымъ. Назиданіе ясное — пора князьямъ вспомнить о своемъ свѣтломъ назначеніи, о своей высокой миссіи быть разсадникомъ добра на землѣ и, прежде всего, пора объединиться и положить конецъ раздорамъ и междуособіямъ. Подъ дѣйствіемъ мощнаго художественнаго слова автора „единеніе“ представлялось читателямъ неизбѣжной, неотразимой правдой, единственно спасительной при настоящемъ нестроеніи и бѣдахъ. Такова единая идея, проникающая Слово,

части Слова, заключающая мирныя вождельнія „земля“, страдающей отъ „ннѣшнихъ“ крамоль и жаждущей единой главы и единенія между князьями—возводитъ къ прошлому, далекому прошлому эти вождельнія и, соединяя обѣ части Слова, заключая Слово, говорить, что пора-бы князьямъ дать землѣ голову, пора-бы внять призывному гласу народа, на сторонѣ котораго, какъ говорить преданіе и исторія, самъ Богъ, сама правда.

Принимая все сказанное во вниманіе, не трудно, говоримъ, усмотрѣть это колоссальное зданіе, художественно возведенное приѣмомъ свиванія, зданіе исконно-гибельныхъ крамоль княжескихъ. Зданіе это, какъ мы видѣли, имѣетъ основаніе въ „ннѣшнихъ“ фактахъ, но свиваніемъ возводится далеко въ глубь вѣковъ прошедшаго, вершиной своей касаясь традиціоннаго міра, сказанія объ исконной борьбѣ темнаго и свѣтлаго начала. Предъ нами конкретно проявившееся колоссальное традиціонное мировоззрѣніе, зданіе, выведенное рукою великаго мастера, великаго художника. Пласты-ярусы этого колосса считаетъ авторъ черезъ поколѣнія; такъ, по Бояну, отъ Романа крамольника, вспоминая прежнія усобицы, пѣвцы восходили къ Ярославу, отъ седьмого поколѣнія къ пятому, какъ къ старому. Отъ Игоря авторъ восходилъ къ Олегу крамольнику и идеальному Владимиру Мономаху, отъ девятаго поколѣнія къ седьмому, какъ уже старому, и. т. д. Это строго опредѣленный поэгическій приѣмъ. Но пѣвцы, какъ мы замѣтили выше, отличались въ цѣли его употребленія. Для Бояна это было „мысленное древо“, по которому онъ могъ свободно растекаться и въ ширь и въ высь, „помя первыхъ временъ усобицы“. Крамольники были давали широкій просторъ его могучей фантазіи. Боянъ по отношенію къ этому „мысленному“ древу былъ соловьемъ въ полномъ смыслѣ этого слова, соловьемъ съ его стихійной пѣснью, какъ потребностью своего времени. Не то авторъ. Онъ смотрѣлъ на это древо, какъ на скорбную лѣтопись крамоль княжескихъ съ ихъ кровавой крамольной славой и бѣдами. Авторъ смотритъ на это древо окомъ художника—мыслителя, а не стихійнаго пѣснотворца. Онъ всячески, повторяемъ, пользовался этимъ древомъ въ свою пользу, въ пользу своей душевной идеи, идеи единенія, то одѣвая настоящее въ то старое-бывалое и тѣмъ показывая его родство съ прошлымъ въ его бѣдахъ и

погибельности, то прямо сопоставляя эти вышшіе факты, одѣтые уже въ старину, съ этой сѣдой стариной лицомъ къ лицу, какъ съ страшнымъ неумолимымъ приговоромъ. Таково сопоставленіе Игоря съ Олегомъ Гориславичемъ, сдѣланное тогда, когда надо было описать роковой исходъ похода Игоря. Сравненіемъ этимъ авторъ какъ-бы говоритъ: „конецъ ясенъ; стоять только оглянуться въ прошедшее, въ неумолимую исторію: она давно уже сказала свой приговоръ такимъ фактамъ. Гибельны, исконно гибельны, князья, ваши крамольные принципы: „Встала обида въ силахъ Дажьбожа внука. Вступилъ въ землю Трояню, всплескала лебедиными крылы“. Роковой приговоръ носить на себѣ подобныя крамольныя дѣянія. Не успѣлъ вступить въ эту проклятую землю, какъ былъ растерзанъ Трояномъ. Вотъ авторъ далѣе нарисовалъ образъ „нынѣшнихъ“ великановъ—крамольниковъ съ ихъ принципомъ: „Се мое, а то мое же“. Но..., какъ бы продолжаетъ авторъ, въ своихъ эгоистическихъ стремленіяхъ вы идете „на судъ“, ваша крамольная слава васъ на судъ приведетъ, какъ того несчастнаго Изяслава Васильковича, который „единный“ изрони душу чрезъ жемчужно ожерелье“. Посмотрите на приговоръ, сѣдую правду преданія. Предъ вами великанъ—крамольникъ Всеславъ. Что можетъ быть идеальнѣе для васъ этой крамольной личности? Это былъ самъ сатана въ его борьбѣ съ свѣтлымъ Хорсомъ-Дажбой, болѣе счастливаго проведенія крамольныхъ принциповъ трудно подыскать, а спросите у Боана, поэтического лѣтописца старины, какова его была жизнь? „Аще и вѣще душа..., въ часто бѣды страдале. Ни хитру ни горазду суда Божія не минути“. И тотчасъ же, истомленный этимъ сравненіемъ, уничтоженный неотразимостью правды, зримой его духовными очами, авторъ стонетъ, наконецъ, во—истину подъ этимъ непосильнымъ бременемъ нравственнаго страданія: „О! стонати Рустѣй зѣмли, помянувъ пръвую годовину, и пръвыхъ князей!“ Настоящее поколѣніе неудержимо мчится къ краю пропасти, куда исконно ведутъ крамолы, и гибнетъ, неизбежно гибнетъ,—ничѣмъ его не остановить! Гдѣ ты, старый Владиміръ—миритель, гдѣ ты, спасительная идея единенія? „Того стараго Владиміра нельзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Кыевскимъ, сего бо нынѣ стапа стязи Рюриковы, а друзи Давыдовы; въ рози нося имъ хоботы пашуть“.

темнаго, наконецъ соприкосновеніе „нынѣшняго“ горестнаго факта съ бывалымъ не разъ въ исторіи междуособій заставляетъ автора начать здѣсь трудность повѣсти „старымъ словомъ“, пригвоздить имъ „нынѣшнее“ къ старому. Да! Путь Игоря къ Дону—исконно гибельная дорога: ею не разъ рисковалъ Олегъ Гориславичъ и другіе крамольники,—это проклятая дорога, дорога самого „темнаго Трояна“. Самый путь въ землю Половецкую описывается авторомъ мрачными чертами, изъ элементовъ темнаго начала. „Тогда вступи Игорь князь въ златъ стремя, и поѣха по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заступааше; ночь стонуци ему грозою птичь убуди; свистъ звѣривъ въ стазби; дивъ кличетъ верху древа: велить послушати землѣ незнаемѣ—Влзѣи Поморію, и по Сулію, и Сурожу (Азовскому морю) и Корсуню, и тебѣ, тьмутараканьскій блъванъ!!! (т. е. землѣ темнаго начала, землѣ, какъ увидимъ ниже, Трояна). Рисканіе въ тропу Трояна было чрезъ поля на горы, и вотъ-мы имѣемъ припѣвку: „О Руская земле! уже за шеломянемъ еси!“ т. е. о русское воинство, ты перешло уже холмы и находишься уже въ землѣ скорби, въ землѣ Трояна... Авторъ скорбитъ, зная, что въ этой землѣ Русскихъ ожидаетъ страшная участь. Повтореніе далѣе этого припѣвка имѣетъ тотъ же и еще сугубый смыслъ. Произошла удача. Но это простой случай, говоритъ авторъ, такъ какъ были всѣ признаки, всѣ условія къ осуществленію бѣды,—не собрались, не успѣли собраться еще эти „дѣти бѣсови“ Половцы. По природѣ-то не было порождено обидѣ русское воинство, но... надъ такими крамольными предпріятіями искони тяготѣетъ проклятіе и русичи, безспорно, сюда пришли на „судъ“, слава ихъ привела на судъ. А вотъ и снова зловѣщія знаменія: „Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдають; чръныя тучя съ моря вдутъ, хотять прикрыти 4 солнца; а въ нихъ трепъщутъ синія мльвіи; быти грому великому, итти дождю стрѣлами съ Дону великого“, пророчитъ авторъ. „Эхъ, русская земля! Видно и вправду ты уже за холмомъ, въ землѣ скорби, землѣ мрачнаго Трояна“. Наконецъ явился самъ сатана. „Се вѣтри, Стри-божи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрые плъкы Игоревы!“ И такъ еще старое слово. Словами „се вѣтри, Стри-божи внуци... авторъ выводитъ эту силу мрачную въ ея исконной борбѣ съ началомъ свѣтлымъ, находящимся на сто-

вѣдци челоуѣкомъ сократилась" и т. д. Вотъ снова тотъ же волшебный пріемъ, снова „старое слово“... и съ нимъ снова разверзается вся пропасть традиціоннаго страданія земли русской отъ крамоль княжескихъ. Трояномъ—„были сѣчи Трояни,—намѣчено господство въ эту эпоху силы темной, силы раздора, а словами „погибаетъ жизнь Дажь-божа внука“—традиціонное терзаніе земли русской, какъ результатъ исконной борьбы Трояна и Дажбы въ вѣдрахъ княжескаго дома..... Начерталь. Что начерталь? Не Игорева-ли бѣда свершалась сейчасъ предъ Вашими глазами? И не грозиле-ли вперяла она въ Васъ взоръ свой, вправленная въ эту страшную традиціонную раму прошлаго? Да... для Васъ, поглощенныхъ бѣдствіемъ Игоря, Олегъ Гориславичъ былъ тотъ-же Игорь, лишь съ роковымъ, традиціоннымъ приговоромъ на челѣ, которымъ традиціонно заклеивала крамольниковъ праведная десница Божія..... Предъ Вами развернулась современная бѣда и терзанія земли русской, но съ неотвязчивымъ и удручающимъ напоминаемъ традиціонной давности подобныхъ несчастій... Не переходите-ли Вы къ словамъ автора: „то было въ ты рати, и въ ты плъкы, а сицей рати не слышано....“, къ этимъ дальнѣйшимъ словамъ описанія современнаго бѣдствія, съ чувствомъ пѣльности, законченности образа этого бѣдствія и не завязываютъ-ли—„свиваютъ“ эти слова прошлое съ настоящимъ въ одинъ глухой, неразрывный органическій узелъ? Живетъ, на глазахъ Вашихъ живетъ это далекое прошлое въ настоящемъ.... Вы воочию видите, какъ у старой обиды огростаютъ крылья лебединныя... и она становится „обидой сего времени“, страшно всплескавшей крыльями у Дону... Незамѣтно, какъ необходимая часть творческаго цѣлаго, проникаютъ душу Вашу слова: „Встала обида въ силахъ Дажь-божа внука. Вступилъ дѣвою на землю Трояню, всплескала лебединныя крылы на синѣмъ морѣ у Дону плещучи, убуди жирныя времена“. Предъ нами высоко художественный образъ прошлаго въ настоящемъ! Читателямъ несомнѣнно истинными и вполнѣ справедливыми должны были показаться заключительныя слова автора, относящіяся ко всѣмъ крамольникамъ „нынѣшнимъ“: „Усобица княземъ на поганя погыбе, ревоста бо братъ брату: „се мое, а то мое же“; и начаша про малое „се великое“ мльвити, а сами на себѣ крамолу ковати: а поганіи со всѣхъ

характеристика. Полное наименование традиционного темного начала:

2. Троянь—Стри-богъ (Стрега).

Роль Велеса въ Слово весьма неопредѣлена. Нѣчто стихійное слышится здѣсь, какъ и въ Стри-богъ. Понятіе „вѣщій“, присоединенное къ Бояну, указываетъ на то, что Велесъ былъ обладателемъ этого дара, дара вѣдать жизнь въ ея таинственномъ бытіи, какъ Дажь-богъ обладатель дара давать, какъ Стри-богъ—стирать, уничтожать. Это начало волевое, производящее, которое лишь вдохновляетъ къ произрастанію, это первичная матерія, отливаемая, смотря по условіямъ, въ такую или иную форму. Такое представленіе о Велесѣ сближаетъ его съ „силой земной“, съ творчествомъ природы; это сама природа въ своей матеріи и съ возможностью вылиться въ такую или иную форму, природа дѣлаетъ, а обратное, но не обратное. Обращеніе автора къ Бояну, какъ къ внуку Велеса, роднитъ этихъ пѣвцовъ по творческому вдохновенію. Авторъ сознавалъ, что ему въ его пѣснотворчествѣ нужны тѣ же творческія средства, что и Бояну, самому внуку Велеса. Авторъ, такимъ образомъ, въ этомъ обращеніи—воззваніи къ Велесу говорить, что онъ, пѣвецъ въ своемъ вдохновеніи, глаголь самого Велеса, глаголь этихъ неисповѣдимыхъ судебъ, этого „суда Божія“. Онъ-де не отъ себя говоритъ, а изрекаетъ то, что видитъ своими духовными очами: весь этотъ таинственный процессъ бытія въ его таковомъ обнаруженіи. Тотъ Велесъ, какъ-бы говоритъ авторъ, который держитъ меня въ состояніи вдохновенія, творчества, тотъ, который все творитъ, все „волитъ“ и вдохновляетъ жизнь въ ея безконечно-разнообразномъ творчествѣ, „изволяетъ“ нынѣ совершить надъ нами свой праведный судъ. Силы его, извѣстныя всѣмъ изстари, въ проявленіи своемъ суть Троянь—Стрибогъ и Хорсь—Дажьбогъ, эти силы вотъ какъ устроили эти страшныя судьбы!

Велесъ

Троянь—Стрибогъ. Хорсь—Дажьбогъ.

Вдохновенный, одержимый самымъ всемогущимъ Велесомъ, авторъ прозираетъ нить устроенія судебъ, проявленія

этой высшей абсолютной воли. „Копія покоть на Дунаи. Ярославниъ гласъ слышать: зегзицею незнаемъ, рано кичеть“. Слеза сироты земли вопіеть отъ земли на небо; слезы земли свято-русской тронули предвѣчную волю. Слышу я, говорить авторъ, этотъ трогательный сиротскій плачь царственной матери, представительницы—сиротства всей земли русской, терзаемой крамолами княжескими. Ея слова святы и имѣютъ чарующую силу... Какъ шкваль налетѣли они на незримое несчастное устройство тѣми силами судьбы Игоря и.... сокрушили ихъ дѣйствіе. Игорь невредимъ въ битвѣ.... Игорь въ плѣну... Игорь спасается изъ плѣна. Смотрите, какъ-бы говорить авторъ, гдѣ правда! Слеза Ярославны, стenanья земли смягчили предвѣчную волю... Предо мною подымаются несравненно высшія судьбы земли Святोरусской: неисповѣдимая небесная воля возвращаетъ землѣ главу, а съ нею порядокъ и счастье.

Итакъ, художественная прелесть Слова далеко не исчерпывается, пока не вошли въ его пониманіе элементы миеологическіе. Они даютъ произведенію характеръ удивительной важности, возвышенности и необъятности. Каждый старый терминъ разомъ отверзаетъ предъ Вами всю бездонную пропасть прошедшаго и притомъ съ полной его характеристикой.... Мощно и въ одно мгновеніе вдвигаетъ онъ цѣлый рядъ событій настоящаго въ ужасную традиціонную раму прошедшаго, свиваетъ, именно свиваетъ двѣ эпохи несліянно и нераздѣльно... творчески художественно. У Бояна сами струны князьямъ славу рождали, а неизвѣстный авторъ Слова волшебнo и единымъ взмахомъ кисти воскрешаетъ прошлое въ настоящемъ... Потому не щедръ онъ на старые термины: онъ слишкомъ знаетъ имъ цѣну... Содержаніе, и притомъ глубокое по своему смыслу, нужно, чтобы загородить и уравнивать разверзаемую ими необъятную пасть прошедшаго, Славянскому миеу въ Словѣ воздвигнуть по истинѣ „нерукотворный“, вѣчный памятникъ: какъ въ зеркальной поверхности отражается въ немъ вся глубина миеологическаго міросозерцанія и гигантскіе миеическіе образы предстаютъ предъ нами со всею обворожительностью истинно художественныхъ образовъ.

Faint, illegible text covering the majority of the page, likely bleed-through from the reverse side.

Содержаніе первыхъ четырнадцати томовъ Извѣстій Института
Князя Безбородко.

I ТОМЪ. (Ц. 2 р. 50 к.).

1) Очеркъ государственной дѣятельности и частной жизни Перикла. *II. И. Люперсольскаго.*

2) Козловъ, Философскіе этюды. Критическій очеркъ. *Н. Я. Грота.*

3) Анализъ составныхъ частей славянскаго слова, съ морфологической точки зрѣнія. *А. С. Будиловича.*

4) О Землѣ Половецкой. *Н. Я. Аристова.*

5) Замѣтка о текстѣ русскихъ былинъ. *Н. А. Лавровскаго.*

6) Изслѣдованія въ области греческаго мѣстоименія. *А. В. Добіаша.*

II ТОМЪ. (Ц. 2 р. 50 к.).

1) Сновидѣнія, какъ предметъ научнаго анализа. *Н. Я. Грота.*

2) Нѣсколько поправокъ къ тексту Горация. *Г. Э. Земера.*

3) Первобытные Славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ, по даннымъ лексикальнымъ. I, 1. *А. С. Будиловича.*

III ТОМЪ. (Ц. 2 р. 50 к.).

1) Дипломатическія сношенія и борьба Императора Александра I съ Наполеономъ. *II. И. Люперсольскаго.*

2) Состояніе образованія въ Россіи въ царствованіе Александра I. *Н. Я. Аристова.*

3) Гимназія высшихъ наукъ Князя Безбородко въ Нѣжинѣ (1820—1832 г.). *Н. А. Лавровскаго.*

4) Рѣчь М. Туллія Цицерона о консульскихъ провинціяхъ. *Р. А. Фохта.*

5) Патмосскія схоліи къ Демосфену. *II. В. Никитина.*

6) Первобытные Славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ, по даннымъ лексикальнымъ. I, 2. *А. С. Будиловича.*

IV ТОМЪ. Вып. I. (Ц. 75 к.).

1) Заговоръ графовъ Петра Зринскаго и Франца Франкопана. Эпизодъ изъ Хорватской исторіи. *А. С. Будиловича.*

2) Историко-литературный разборъ поэмы Ивана Гундулича „Османъ“. *Р. Θ. Брандта.*

3) Еще нѣсколько замѣтокъ о трудныхъ мѣстахъ у Горация. *Г. Э. Зенера.*

IV ТОМЪ. Вып. II. (распроданъ).

Психологія чувствованій. I. Историческій отдѣлъ. *Н. Я. Грота.*

V ТОМЪ. (распроданъ).

1) Политическая и литературная дѣятельность Цицерона. *П. А. Адрианова.*

2) Психологія чувствованій. II. Теоретическій отдѣлъ. *Н. Я. Грота.*

3) Начертаніе славянской акцентологіи. *Р. Θ. Брандта.*

VI ТОМЪ. (Ц. 2 р. 50 к.)

1) Къ біографіи Н. В. Гоголя. *Н. А. Лаверовскаго.*

2) Гоголь, какъ національный русскій поэтъ-художникъ. *И. А. Сребницкаго.*

3) Первобытные Славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ. *Т. II. А. С. Будиловича.*

4) Еще по поводу вопроса о психологіи чувствованій. *Н. Я. Грота.*

5) Новыя догадки о порченыхъ чтеніяхъ у Горация. *Г. Э. Зенера.*

6) Критическія и экзегетическія замѣтки.—Лексикологическія замѣтки. О знакахъ ударенія въ папирусномъ спискѣ Алеманова Пареенія. *С. Н. Жданова.*

7) Синтаксисъ Аполлонія Дискола. *И. А. В. Добіаша.*

VII ТОМЪ. (Ц. 3 р.).

† Николай Яковлевичъ Аристовъ. (Некрологъ).

1) Къ вопросу о реформѣ логики. Опытъ новой теоріи умственныхъ процессовъ. I. Проф. *Н. Я. Грота.*

2) Критическія и экзегетическія замѣтки. III. Проф. *С. Н. Жданова.*

гамъ Проперція. Проф. *Г. Э. Земера*.

4) Высшія учебныя заведенія съ интернатами въ Германіи и Франціи. Почетнаго Попечителя Института, графа *А. А. Мусина-Пушкина*.

5) Дядька въ затруднительномъ положеніи. Комедія графа Джованни *Жирро*. Переводъ съ итальянскаго *Н. В. Гоголя*.

6) Памяти Гоголя. Матерьялы для бібліографіи литературы о немъ. *С. И. Пономарева*.

7) Разборъ сочиненія Шушерины о жизни и дѣятельности патріарха Никона. Студ. *М. А. Козминскаго*.

8) Францискъ Ладиславъ Челяевскій. Студ. *В. Н. Шамраева*.

9) Опѣнка литературной дѣятельности Андрея Сладковича. Студ. *Н. И. Иванова*.

10) О бытѣ, преданіяхъ и понятіяхъ Болгарь, по памятникамъ народной словесности. Студ. *А. Я. Никольскаго*.

VIII ТОМЪ (Ц. 2 р. 50 к.).

1) Нѣсколько замѣчаній объ употребленіи иностранныхъ словъ. *Р. Ф. Брандта*.

2) Объ исторіи, какъ народномъ самосознаніи. *М. Н. Бережкова*.

3) Патяи В. А. Жуковскаго. *М. Н. Бережкова*.

4) Критическія и экзегетическія замѣтки. IV. V. *С. Н. Жданова*.

5) Синтаксисъ Аполлонія Дискола. II. *А. В. Добіаша*.

6) Къ вопросу о реформѣ логики. II. *Н. Я. Грота*.

7) Сравнительная морфологія славянскихъ языковъ *Ф. Г. Миклошича*. Переводъ б. студента Института *Н. В. Шлякова*, подъ редакцію *Р. Брандта*. I. Старословенскій языкъ.

IX ТОМЪ. (Ц. 2 р. 50 к.).

1) Критическія и экзегетическія замѣтки. VI, VII. *С. Н. Жданова*.

2) Эпиграфическія и другія замѣтки. *Г. Э. Земера*.

3) *P. Terenti Afri Eunuchus*, съ введеніемъ, объясненіями и критическимъ прибавленіемъ. Предисловіе, введеніе и дѣйствія I—IV, 2. 6. *А. М. Фогеля*.

ясненіями *П. А. Адріанова*.

5) Сравнительная морфологія славянскихъ языковъ *Ф. Г. Миклошича*. Перев. б. студ. *Н. В. Шлякова*, п. ред. *Р. Θ. Брандта*. II. Языки ново-словенскій, болгарскій и сербскій.

X. ТОМЪ. (Ц. 2 р. 50 к.).

1) *Ждановъ С. Н.* Критическія и экзегетическія замѣтки. VШ.

2) *Фогель, А. М.*—*P. Terenti Afrī Eunuchus*. Окончаніе (отъ IV, 2, до конца).

3) *Миклошичъ Ф. В.*—Сравнительная морфологія славянскихъ языковъ. Перев. *Н. В. Шлякова*, п. ред. *Р. Θ. Брандта*. Ш—IV. Языки русскій, чешскій и польскій.

4) *Карскій Е. Θ.*—Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи.

XI ТОМЪ. (2 р. 50 к.).

1) *Ждановъ С. Н.*—Грамматическія наблюденія.

2) *Соколовъ М. И.*—Матеріалы и замѣтки по старинной славянской литературѣ.

3) *Миклошичъ Ф. В.* Сравнит. морфологія слав. языковъ. Перев. *Н. В. Шлякова*, п. ред. *Р. Θ. Брандта*. V: Языки верхнелужицкій и нижнелужицкій. Поправки и дополненія.

4) *Фогель А. М.*—*Titī Livī ab urbe condita lib. XXX* съ объясненіями.

5) *Фокковъ Н. Ф.*—Разборъ книги: Основанія метрики у древнихъ Грековъ и римлянъ. Я. Денисова. Москва 1888.

XII ТОМЪ (Ц. 2 р. 50 к.).

1) *Сребницкій И. А.*—Преподобный Сергій Радонежскій, заступникъ земли русской.

2) *Бережковъ М. И.*—Троицкая Сергіева Лавра въ смутное время Московскаго государства.

3) *Лилеевъ М. И.*—Церковно-государственное служеніе русской землѣ преп. Сергія и основанной имъ обители.

4) *Лилеевъ М. И.*—Новые матеріалы для исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубѣ XVII—XVIII в.

5) *Пытуховъ Е. В.*—Матеріалы и замѣтки по исторіи древней русской письменности. (I).

ХШ ТОМЪ. (Ц. 2 р.).

1) *Добіашъ А. В.*—Этюды по Платону. I. Разборъ взгляда Шаршмидта на Платона.

2) *Турцевичъ И. Г.*—О важности изученія Римской государственности и главнѣйшихъ характеристическихъ чертахъ ея.

3) *Лилеевъ М. И.*—Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубѣ XVII—XVIII (гл. I—III).

4) *Пѣтуховъ Е. В.*—Материалы и замѣтки по исторіи древней русской письменности (II—III).

XIV ТОМЪ. (Ц. 2 р. 50 к.).

1) Замѣтки по греческому синтаксису. I. Очеркъ симаціологии глагола. *А. В. Добіаша.*

2) *M. Tullii Ciceronis Cato maior de senectute*, съ объясненіями *А. М. Фогеля.*

3) Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубѣ XVII—XVIII в. (гл. IV—VII). *М. И. Лилеева.*

